Джейк Стреттон-Кент

Геософия:

магия подземного мира

Телема

УДК 133.5:54
ББК 86.42
К 48

Джейк Стреттон-Кент
Геософия: магия подземного мира/ Пер. с англ. Анны Блейз. — М.: ИП Красников Е. Н., 2019. — 720 с.

ISBN 978-5-6041540-4-5

В книге «Геософия: магия подземного мира» Джейк Стреттон-Кент прослеживает развитие магии от древнегреческих мистериальных культов до европейских гримуаров и выявляет хтонические корни гоэтического церемониала. Автор убедительно показывает, что значительная часть современной ритуальной магии восходит к древним обрядам некромантии, и демонстрирует непрерывность западной магической традиции, берущей начало в доолимпийских культах Диониса и Кибелы, проходящей через греческие магические папирусы и «Пикатрикс» и обретающей новую жизнь в гримуарах эпохи Возрождения и Нового времени. В итоге гримуарная традиция предстает перед нами не мешаниной суеверий неизвестного происхождения, а живой наследницей античных гоэтических практик. Наряду с такими знаменитыми текстами, как «Пикатрикс» или «Истинный гримуар», автор уделяет внимание многим редким и незаслуженно забытым источникам. Положив в основу композиции миф о плавании аргонавтов, он знакомит читателя с малоизвестными мифологическими фактами о богах и героях и открывает тайный магический смысл их деяний и приключений. Исторические и теоретические материалы книги уравновешены разделами практических рекомендаций, способных разнообразить и обогатить арсенал современного мага.

ISBN 978-5-6041540-4-5

© Ordo Templi Orientis
© Анна Блейз, перевод, 2018
© Творческая группа «Телема», 2019

Содержание

Введение: что такое гоэтия? 5
Хтония утраченная 11
Хтония возрожденная 15
Язык мифа 20
История гоэтии: хронология 30

Книга первая
Гоэтия и гримуары 34
Аргонавтика I: подготовка и отплытие 47
Гоэтическая галерея: Аргонавтика 60
Выводы для современной практики 79

Книга вторая
«Книга духов», поиски кладов и пещера 95
Гоэтическая галерея: сивиллы 114
Вызывание сивилл 144
География Аида 165
Выводы для современной практики 176

Книга третья
Гоэтия и определение мага 183
Гоэтическая галерея: некромантия 199
Интерлюдия 204
Гоэтическая галерея: возрожденная некромантия 219
Аргонавтика I: продолжение 258
Основатели мистерий 283
Гоэтическая галерея: астрология 313
Аргонавтика II: на пути в Колхиду 320
Дионис 344
Аргонавтика II. Продолжение 358
Гоэтическая галерея: орфика 365
Выводы для современной практики 369

Книга пятая
Варварское истолкование 385
Гоэтическая галерея: варвары 400
Аргонавтика III: Ясон и Медея 408
Гоэтическая галерея: симпатия 425
Матери таинств 437
Параллели из магических папирусов 446
Заклинание вулканических духов 456
Аргонавтика IV: обратный путь 475
Небирос / Гермес Хтоний 525
Магические папирусы 551
Тифон-Сет 566
Теургия 576
Гоэтическая галерея: метаморфика 589
Духи: «домашние» и «дикие» 599
Выводы для современной практики 614

Магия «Пикатрикса» 629

Приложение I. Астрологические заметки 701

Приложение II. Тифонические легенды о звездах 709

Избранная библиография 717

Введение: что такое гоэтия?

Во-первых, несколько слов о том, чем гоэтия *не* является. У многих людей, в той или иной мере знакомых с оккультной литературой, гоэтия ассоциируется, прежде всего, с первой книгой трактата «Лемегетон» — «Гоэтией царя Соломона». Заслуженно или нет, но эта книга в наши дни стала едва ли не самым знаменитым из всех гримуаров. Например, Алистер Кроули в «Книге Четыре» упоминает о гоэтии только в связи с этим гримуаром, не подразумевая никаких других источников. Однако первая книга «Лемегетона» была написана лишь в середине XVII века и в Англии, тогда как сам термин «гоэтия» возник значительно раньше и отнюдь не в Англии, а в Древней Греции.

В современном популярном оккультизме и даже в работах некоторых серьезных авторов этому пространственно-временному разрыву не придается должного значения. Применительно к духам, описанным в «Гоэтии царя Соломона», нередко употребляются такие выражения, как «гоэтические демоны» или даже просто «гоэтии». И эти термины были бы вполне приемлемы, но только в том случае, если бы их применяли и к демонам, описанным в других гримуарах. В узком же своем применении они неточны по целому ряду причин, и одна из них представляет особый интерес. В английском языке слово *magician* («маг») происходит от *magic* («магия»): обладатель определенной профессии получил свое название по роду занятий. В древнегреческом языке два термина, обозначающие магов, образованы по тому же принципу: φαρμακός («фармак» — чародей, сведущий в зельях) и ἐπῳδός («эпод» — чародей, владеющий искусством магических песнопений); и только слово

μάγος («маг»), заимствованное из персидского языка, этому правилу не подчиняется (не исключено, что связь его с искусством магии была для греков неочевидной). Что же касается термина γοητεία («гоэтия»), то он, наоборот, происходит от обозначения человека, владеющего определенным родом искусства, — редкий случай, когда профессия получает свое название по наименованию мастера. Человек, владеющий искусством гоэтии, назывался γόης («гоэт»). Таким образом, понятие гоэтии в первую очередь связано с личностью оператора и только во вторую — с самим искусством, которым он владеет. Кроме того, работа по вызыванию «злых духов» не определяет ни основной роли оператора-гоэта, ни изначальной цели его деятельности (несмотря на то, что подобные практики не чужды гоэтии в ее исходном понимании и составляют ее средоточие в понимании современном).

Термин γόης связан со словами, описывающими акт оплакивания умершего в погребальных обрядах: скорбные завывания плакальщиц понимались как магические голоса. Считалось, что подобные магические звуки способны провожать души усопших в загробный мир и, наоборот, воскрешать мертвых. И в этом — первопричина давних ассоциативных связей между гоэтией и некромантией, которая со временем была отнесена к разряду черной магии.

Многие авторы, от Корнелия Агриппы до Мазерса и Уэйта, применяют эпитет «гоэтический» к большинству гримуаров и в особенности к тем, которые классифицируются как «черномагические». Но эти давние и устойчивые ассоциации гоэтии с так называемой черной магией вообще ослабли под влиянием той громкой славы, которую приобрела за последнее столетие «Гоэтия царя Соломона».

Агриппа был далеко не первым, у кого слово «гоэтия» вызывало негативные ассоциации: эта традиция уходит корнями в эпоху античности. В свете этого может сложиться впечатление, что «гоэтия» — это просто-напросто очень древнее название черной магии. Однако не будем забывать, что в Древней Греции термин μαγεία («магия») был чужеродным заимствованием, тогда как слово γοητεία возникло на основе родного, древнегреческого языка. В истории западной магии гоэтия не только предшествует магии, но и носит особый характер, отличающийся от многих позднейших разновидностей

магического искусства. В своей изначальной форме гоэтия основывалась на совершенно ином мировоззрении и иных теоретических предпосылках, нежели поздняя западная магия иудео-христианского толка. Некоторое время гоэтия пыталась конкурировать с новой магической традицией, но потерпела поражение. В наши дни обстоятельства изменились, и устоявшиеся в западной традиции представления о гоэтии вызывают все больше и больше вопросов и подозрений. Но, как ни печально, на Западе магия — удел специалистов-одиночек и узких групп, а потому многие культурные предрассудки в этой области порой сохраняются в различных формах довольно долго.

До наступления эпохи постмодернизма различия между гоэтией и господствующей традицией западной магии трактовались, среди прочего, на основе определенных общекультурных предрассудков, связанных с вопросами о том, что такое западная цивилизация и что такое первобытная религия. Многие из этих предрассудков разделяли и оккультисты девятнадцатого столетия. И все это существенно мешало внести ясность в западную магическую традицию. Проще говоря, понятие «западничества» обросло множеством привычных представлений, подразумевающихся по умолчанию, но сейчас становится очевидно, что некоторые из них нуждаются в деконструкции или, по крайней мере, в четком выявлении и анализе. В Новое время сложилось два основных подхода к пониманию западной цивилизации: иудео-христианский — с одной стороны и классицистический или неоклассицистический — с другой. Каждый из них, в свою очередь, подразделяется на более частные подходы со своими особенностями и нюансами. При всей своей крайней упрощенности эта биполярная классификация все же полезна для понимания того, что же представляет собой западная магия. Разумеется, культуры Северной Европы тоже сыграли огромную роль в развитии западной цивилизации в целом и западной магической традиции в частности, но даже с учетом этого обстоятельства предложенная классификация остается достаточно полезной, если принимать ее всего лишь как условное обобщение. И в свете этого условного обобщения я могу заявить, что ориентируюсь в своей работе скорее на деконструированный классицизм, нежели на деконструированную иудео-христианскую традицию.

Из-за перенасыщенности гримуаров иудео-христианскими элементами от внимания исследователей долго ускользало то огромное влияние, которое оказал на западную магию греко-римский и эллинистический мир. Древнееврейская и христианская традиции составляли всего лишь малую часть этого мира. При деконструкции старых представлений об античности необходимо пересмотреть ее вклад во всю историю западной магии в целом, не ограничиваясь прошлым, но уделяя должное внимание и настоящему, и ближайшему будущему. Во избежание недоразумений сразу оговорю, что мой подход не является строго научным, хотя и опирается во многом на современные научные исследования. Наука об исторических интерпретациях называется историографией, и я использую этот термин применительно к своему исследованию именно для того, чтобы подчеркнуть, что ставлю своей задачей не строго научное рассмотрение литературных и прочих источников, а разработку интерпретации, служащей определенной цели. Помимо литературных и археологических свидетельств, я опираюсь на достоверные сведения географического и этнологического характера, а также на исторические данные о переселениях народов. При помощи этих материалов я намереваюсь деконструировать старые представления о превосходстве классической греческой культуры над культурными традициями пеласгов и других народов, внесших равноценный вклад в формирование древнегреческой цивилизации. Хочется надеяться, что решение этой задачи позволит прояснить и по-новому интерпретировать традицию западной магии как таковую и место, которое она занимает в общей культуре древности и современности.

Вышеописанный подход служит двум целям одновременно: он позволяет выявить аспекты магической традиции, наиболее характерные для гоэтической магии не только в историческом разрезе, но и в современной практике. Именно в этом, а не в прямолинейном анализе древнегреческой религии, заключается задача настоящего исследования. И ее решение требует особого метода интерпретации, существенно отличающегося от бесстрастной академической и археологической оценки данных. В традиционных методах философского рассуждения образы греческих мифов использовались как символы неких моральных или космологических истин, и подход,

которого я придерживаюсь здесь, отчасти следует этому прецеденту, но отчасти и отступает от него. Акценты в моем исследовании будут то и дело смещаться с мифологического подхода на исторический и обратно, следуя требованиям той практической задачи, которую я перед собой ставлю. А задача эта не сводится ни к отвлеченному академическому толкованию фактов, ни к воссозданию прошлого в духе исторических реконструкций, ни даже к возрождению древней религии в форме эллинистического неоязычества. Она куда более глобальна. Я стремлюсь внести свой вклад в развитие нарождающегося ныне общемирового синтеза магических систем, в котором западная магия все более активно впитывает в себя влияния традиций Нового Света и других регионов. Немаловажно то, что эти афро-испанские традиции, по существу своему спиритические, во многом близки западной магии в ее ранних формах. И для того чтобы вышеупомянутые процессы синтеза протекали максимально эффективно, необходимо исследовать и проанализировать эти ранние формы как таковые и вклад, который они внесли в формирование современной магии.

Последний великий синтез магических традиций пришелся на эллинистическую эпоху. Он осуществлялся под эгидой крупных школ неоплатонизма и герметизма и включил в себя элементы астрологии и греко-египетской протоалхимии. Важную роль в этом процессе сыграли и более древние традиции — халдейская наука о звездах и греческая гоэтия. Многие современные оккультисты воображают, будто корни их традиции следует искать в каббале, но в действительности каббала — это средневековая система, воспринятая западной магией только в эпоху Возрождения, а точнее, в 90-е годы XV века, когда появились труды Мирандолы и Агриппы. Более того, даже сама каббала и в особенности те ее элементы, которые вошли в систему современной магии, сложились в свое время под мощным влиянием эллинистического сплава традиций.

Сферы Перводвигателя, неподвижных звезд, семи планет и Земли представляли собой неотъемлемую часть неоплатонической модели мира. Таким образом, порядок планет, соответствующих сефирот Древа Жизни, берет начало в неоплатонической и птолемеевой астрологии. Соответствия этих категорий буквам, именам и числам, с которыми имеют дело современные маги-ритуалисты, работающие как по системе

Агриппы, так и по системе Золотой Зари, тоже восходят непосредственно к практикам неоплатонических магов-язычников. И это не просто поверхностное сходство: в конечном счете именно неоплатонизм — первоисточник учения о Логосе, составляющего основу христианской теологии, и учения о бескачественном божестве, на котором основывается теология каббалистов.

В наши дни впервые со времен эллинизма накопился потенциал для формирования нового глобального синтеза магических систем. И в свете современных социокультурных условий, сложившихся на Западе и в других частях света, этот потенциал, скорее всего, будет реализован. Возникают вопросы: какое место занимают в этом нарождающемся синтезе западные магические традиции и какие аспекты западной магии наиболее совместимы с традициями Нового Света и других регионов? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо принять во внимание, что древние греки достаточно тесно и долго взаимодействовали с африканскими и индийскими традициями, ввиду чего само понятие «западный» оказывается в высшей степени неоднозначным. В свете общей глобализации современной культуры и с учетом того влияния, которое оказывают на современную магию афро-испанские традиции Нового Света, для разработки эффективного синтеза систем необходимо переоценить место каббалы в западной церемониальной магии и перестать преувеличивать ее значение.

Я исхожу из предположения о том, что главным и важнейшим ингредиентом, который западная магия может внести в этот «плавильный котел» традиций, может стать гоэтическая магия (в надлежащем понимании этого термина) как система, в наибольшей степени совместимая с магическими практиками других культур. Но для того чтобы это произошло, гоэтическую магию необходимо радикально переосмыслить. В научной среде процессы переосмысления уже в основном завершились, но среди западных магов и взаимодействующих с ними представителей других традиций эта работа еще только начинается. Не пытаясь принизить значимость академических исследований, признаем откровенно, что в среде практикующих магов к упомянутому переосмыслению и его результату предъявляются несколько иные требования, нежели в научной среде. На удовлетворение этих требований, собственно, и

направлено мое исследование, и нет нужды пояснять, что данная задача самоценна и не нуждается в оправданиях.

Хтония утраченная

Многие авторы потратили немало сил в попытках провести четкую границу между магией и религией, но так и не преуспели. В действительности магические обряды зачастую включают в себя пережитки старых религиозных традиций, давно уступивших место новым. По мере того, как забывается изначальный контекст, эти пережитки либо обесцениваются и демонизируются, либо преображаются и переосмысляются. Древняя традиция лишается былого могущества и славы и становится жертвой негативных интерпретаций. И даже после деконструкции подобных недоброжелательных толкований мы уже не можем воспринимать эту традицию точно так же, как ее первоначальные носители в пору ее расцвета. Поэтому деконструкция устаревших исторических воззрений — это для нас всего лишь средство, а цель заключается в том, чтобы сформировать мифологический взгляд на историю.

В книге Франца Кюмона «Халдейская магия» повествуется о магической традиции древних персов, воспринятой древними греками в период греко-персидских войн. Кюмон утверждает, что первоисточником этой «новой» магии, вытеснившей из употребления примитивные и древние обряды гоэтии, была некая «Книга Остана». Но, как явствует из упоминаний у Геродота, обряды персидских магов, известные грекам, имели еще дозороастрийское происхождение и во многих отношениях были не менее примитивными и древними, чем гоэтия. Согласно более современным исследованиям, гоэтия в указанный период не только не вышла из употребления, но, напротив, закрепилась в исторически известной форме, и произошло это, главным образом, благодаря новому магическому течению — орфизму. Орфизм, как мы еще увидим далее, реформировал некоторые древние хтонические элементы греческой религии и воспринял некоторые восточные влияния. Последние, несмотря на встречающийся иногда у орфиков термин μάγος, не имели отношения к зороастризму: они исходили, главным

образом, с острова Крит, из Малой Азии и Халдеи. В то же самое время орфизм сохранил и многие исконно греческие представления о магии.

Иными словами, речь идет скорее о слиянии систем, чем о приходе некой новой системы на смену старой; и это слияние во многих отношениях вдохнуло в древние хтонические традиции новую жизнь, поскольку орфизм не только воспринимал восточные влияния, но и активно использовал элементы фракийских и пеласгийских верований. «Книга Остана» отнюдь не положила начало какому-то принципиально новому течению. С исторической точки зрения (и вопреки сложившемуся мифу) гоэтия не умерла, а, напротив, только зародилась с пришествием и развитием обрядности, восходящей к персидским магам. Древние греческие обряды претерпели серьезную трансформацию, поскольку на смену семейным и родовым религиозным культам пришли городские; и именно в этот период на сцену вышла гоэтия.

Принятые в прошлом представления об этом переходном периоде осложнялись одним любопытным феноменом, характерным для истории магии в целом, а именно — склонностью воспринимать всякую магию как чужеродное искусство. Гоэтия казалась грекам чужеродной по целому ряду причин. С мифологической точки зрения она ассоциировалась с Дионисом, за которым издавна закрепился статус чужеземного божества, пришельца из дальних стран. Эта его особенность подкреплялась связью с пережитками пеласгийских традиций и с культами таких иноземных божеств, как Кибела. Все эти традиции и божества носили хтонический характер. Чужеземное происхождение в религии очень часто приписывается демоническим персонажам, и то, что Дионис, несмотря на все эти ассоциации, сохранил и даже укрепил свой божественный статус, весьма примечательно и необычно.

Хтонический мир в греческой религии сосуществовал с миром небесным относительно на равных; демонизации он подвергся лишь в относительно поздних культах, когда возобладало более эксклюзивное поклонение уранических, небесным божествам. Однако по причине заметных мировоззренческих отличий, особых акцентов и ассоциаций с чужеземными и простонародными обычаями гоэтические обряды и традиции вызывали у образованных горожан неприязнь, которая

со временем только усугублялась. Позднейшая демонизация хтонических божеств ускорила этот процесс, но все же следует отдавать себе отчет, что на тот период гоэтия не запрещалась официально и не преследовалась законом. Она оставалась общепринятой частью культуры, хотя и не пользовалась популярностью среди интеллектуалов. Старая теория о том, что хтоническая и уранические парадигмы в древнегреческой религии были порождены двумя различными культурами, не выдерживает критики. В действительности многие хтонические божества и обряды греческой религии имеют то же самое индоевропейское происхождение, что и небесный бог Зевс; и, кроме того, схожие дуалистические системы существовали и у других народов — например, в Месопотамии и у хеттов. В древнегреческой религии небесный и подземный миры сосуществовали в полном равновесии на протяжении нескольких тысяч лет. Демонизация хтонического мира слабо связана с этнической составляющей верований: чужеземное происхождение, подлинное или мнимое, — это всего лишь общее свойство, приписываемое демоническим сущностям. Но, тем не менее, благоприятная почва для этой демонизации имелась уже в классическую и эллинистическую эпохи и даже гораздо раньше.

Признавать опасную природу многих хтонических персонажей можно и нужно, однако следует понимать, что этим же персонажам присущи и другие роли. Центральное место в греческой хтонической традиции занимают Аид, Персефона, Деметра и Геката наряду с Гермесом Хтонием. Геката зачастую ассоциируется с негативным стереотипом «ведьмы», но до возникновения этих ассоциаций ей приписывались самые благие и милостивые функции. Деметра наряду с Персефоной и Аидом (а также его двойником, Плутосом) стояла во главе Элевсинских мистерий. Культ Деметры зародился еще в доисторические времена. Она связывалась не только с плодородием земли и подземным миром, но и с созвездием Девы и, таким образом, сочетала в себе хтоническую природу с небесной. Аид как владыка подземного мира был, в лучшем случае, амбивалентен, но его *alter ego*, Плутос, почитался как бог богатства, обретаемого благодаря плодам земли. Попытки жестко разграничить двух этих персонажей неправомерны. За плодородие земли отвечали также Деметра и Персефона, однако не в меньшей степени эти богини связывались и со смертью. Наряду с

обрядом, в котором разыгрывался миф о том, как Деметра разыскивала похищенную Аидом Персефону, существовал еще один более таинственный ритуал — плодоносное бракосочетание Плутоса и Персефоны. С другой стороны, умерших называли детьми Деметры. К хтонической сфере относились и другие, более зловещие божества и духи, опасные и требующие умилостивительных жертв. Но и у них имелись некоторые благие функции, пусть и проистекающие из их зловещей природы: Эринии, к примеру, следили за соблюдением клятв и карали клятвопреступников. Деяния их, хоть и ужасные, поддерживали принятые в обществе нормы поведения. Вообще в греческой мифологии нет или почти нет персонажей, по природе своей неоспоримо злых.

Но, тем не менее, между культами божеств олимпийского, небесного круга и культами божеств хтонических имелись существенные различия. К небесным богам и богиням взывали при свете дня, в состоянии физической и ритуальной чистоты, и зачастую облачаясь в белые одежды; сопутствующие обряды были торжественными и радостными; для жертвоприношения воздвигали алтарь, а жертве поднимали голову, чтобы в миг заклания ее взор был обращен к небесам. Умерших же, напротив, чествовали причитаниями — теми самыми, от греческого названия которых произошел термин «гоэтия». Церемонии такого рода (как и эквивалентные им обряды в хеттской культуре) обычно проводились ночью. Плакальщицы распускали волосы, разрывали и пачкали грязью свои одежды. Жертвы умершим приносили не на алтаре, а над ямой, в которую и обращался перед смертью взор жертвенного животного. Многие черты этого культа мертвых присутствовали и в обрядах поклонения хтоническим божествам и героям. Впрочем, не все из перечисленных различий между обрядами небесного и подземного миров были строго обязательными: некоторые святилища и культы включали в себя элементы, связанные как с олимпийскими, так и с хтоническими сущностями.

История древнегреческой религии — предмет обширный и сложный; от ее зарождения до эпохи Гомера прошло гораздо больше времени, чем от Гомера до наших дней. Пересказ этой истории не входит в наши задачи, но важно не забывать о глубочайшей древности ее истоков и не сводить всю древнегреческую культуру к обычаям классического периода. Греческие

культы уходят корнями в эпоху неолита, о чем свидетельствуют их неоспоримые связи с дописьменной культовой иконографией Чатал-Хююка. Дальнейшее развитие древнегреческой религии протекало в контексте минойской и микенской цивилизаций бронзового века. За исчезновением аристократических культур и гибелью великих дворцов на Крите и в Микенах последовал четырехсотлетний период упадка, на протяжении которого в среде низших классов возродились более древние неолитические обычаи. С 1200 по 600 гг. н. э. эти традиции продолжали видоизменяться под плодотворным влиянием ближневосточных культур — влиянием, которое исходило с территорий современной Турции и Северной Сирии, набрало особую силу на Кипре и оттуда распространялось на другие греческие области. С эпохи 26-й династии (около 600 года до н. э.) греческие наемники стали поступать на службу к фараонам, благодаря чему усилилось также влияние египетской культуры. Хеттские истоки многих греческих ритуалов и мифов также заслуживают упоминания, но к вопросу о влиянии греческих традиций на западную магию отношения не имеют. В рамках данного исследования нас интересуют, главным образом, элементы религии и магии, восходящие к фригийской культуре и ее ближайшему европейскому эквиваленту — культуре фракийской, а также влияния халдейского зерванизма (который в древности нередко смешивали с зороастризмом) и его предшественников.

Хтония возрожденная

Гоэтическое течение в западной магии представляет, по существу, пережитки самых древних элементов, сохранявшихся в традициях-носителях иного характера — например, в магических течениях, переработанных и систематизированных неоплатониками. И все известные до сих пор (и, заметим в скобках, не слишком серьезные) попытки определения гоэтии предпринимались либо с точки зрения подобных традиций-носителей, либо с позиций, враждебных магии вообще, а не с точки зрения самой гоэтии. Это и не удивительно: рассуждать о гоэтии в собственных ее категориях перед лицом столь

мощного пласта предвзятых мнений, накопившихся за века, довольно сложно. Последние две тысячи лет западная цивилизация провела под грузом предрассудков, заложенных в религиях откровения. Что же касается цивилизации классической Греции и всех прочих культур древнего мира, то они формировались на основе традиций так называемой натуральной религии, уходившей корнями в глубь тысячелетий. Религии откровения ниспосылаются свыше (и зачастую кодифицируются в священных книгах), а натуральная религия строится снизу вверх — на основе наблюдений за зримым миром и взаимодействии с природными явлениями, в том числе и теми, которые толкуются как проявления сверхъестественных или нуминозных сил. В центре двух этих подходов к религии стоят два принципиально различных мира. И эти миры, эти средоточия двух радикально противоположных мировоззрений, можно условно определить как небесный и хтонический. Подчеркнем еще раз, что речь идет не о потенциальных пределах двух этих мировоззрений, а о том, что составляет их ядро и суть. Иными словами, в основе религий откровения лежит небесный или даже сверхнебесный мир, хотя они и не исключают из рассмотрения другие сферы, такие как земля, преисподняя и физическая вселенная в целом. Аналогичным образом средоточие натуральной религии составляют земной и подземный миры, но это не мешает ей иметь дело с богами грома, солнца, луны и так далее.

Источником откровения в религии первого типа также служат небесные сферы, и это обстоятельство играет важнейшую роль в основанном на ней мировоззрении. Напротив, в греческой религии на всех этапах ее развития основным источником оракулов оставались сферы хтонические. В более поздних магических традициях исключительное значение приобрели небесные, или трансцендентные, сферы (не в последнюю очередь — как источник власти и полномочий мага), тогда как на более ранних этапах центральное место в религии и магии отводилось земле как источнику жизни и подземному миру как обители умерших. Но что еще более важно, так это то, что магия позднейших времен (и в особенности та, которую классифицировали как гоэтическую) представляла собой переработку — или даже искажение — магии более раннего типа. Так или иначе, исторический переход от хтонической основы полномочий мага к небесной не сопровождался сколько-нибудь

ственными переменами в характере и содержании магической практики.

Наглядное свидетельство хтонических основ гоэтии — сама этимология этого термина. Обычно слово *goeteia* переводят как «завывание», не задаваясь вопросом, насколько правы были интерпретаторы, предложившие такой перевод в XIX веке. В действительности же более точным переводом было бы «причитание» или «плач». В древнегреческом языке есть довольно обширная группа родственных слов, в большинстве своем связанных с древним погребальным ритуалом. Гоэт использовал те же интонации и голосовые приемы, что и плакальщики в погребальном обряде, и, подобно последним, имел дело с подземным миром.

Протоформы и ранние формы гоэтии сосредоточены, главным образом, на магической работе с умершими. При этом, несмотря на некоторые параллели и позднейшую синкретизацию, они не имеют почти ничего общего с аристократической олимпийской религией, представленной в гомеровском эпосе. В своей основной функции гоэтия была благой разновидностью магии и служила на пользу обществу — обеспечивала надлежащее погребение, чтобы призрак умершего не тревожил живых. У гоэта имелись и дополнительные обязанности — в частности, упокоение душ, над которыми не удалось провести погребальные обряды. Неумиротворенные души были беспокойными и даже враждебными и опасными для живых. Собственно, страх перед ними был не последней из причин, по которым живые утруждали себя сложными погребальными церемониями.

Еще одно направление гоэтии, тесно связанное с загробным миром, представляла собой некромантия — искусство прорицания при помощи душ умерших, естественным образом проистекавшее из способности сопровождать душу в царство мертвых. Тот, кто мог проводить душу в загробный мир, мог и вернуть ее обратно, по крайней мере на некоторое время. В своем изначальном религиозном контексте некромантия не воспринималась как некий антисоциальный род занятий, и в Греции действовало несколько крупных некромантических оракулов.

Самая зловещая форма, которую принимала связь гоэта с миром мертвых, заключалась в способности вызывать

души усопших не для прорицания, а для каких-либо иных целей. Как и некромантическое прорицание, эта способность была естественным продолжением основной функции гоэта — функции психопомпа, провожатого душ. Но, помимо этого, она очень тесно связана со способностью работать с опасными духами самой разной природы. Искусство экзорцизма неразрывно переплетено с искусством эвокации. Именно по этой причине гоэтия впоследствии стала ассоциироваться с вызыванием демонов. Граница между подземными демонами и гневными призраками мертвых умерших всегда оставалась нечеткой. И, кроме того, для проведения любых обрядов, связанных с умершими, требовалось взаимодействие с божествами и хранителями подземного мира. В результате на протяжении почти всей своей истории гоэтия так или иначе связывалась с оживлением мертвецов.

Из-за смешения «Гоэтии царя Соломона» с гоэтией в ее истинном смысле возникло ошибочное представление, будто гоэтия сводится исключительно к искусству эвокации. Сложился стереотипный образ заклинателя, стоящего в магическом круге, вызывающего духов в треугольник, расположенный за пределами круга, и требующий от этих духов исполнить те или иные его пожелания. В итоге создается впечатление, что все гоэтические операции проходят в одном-единственном вышеописанном формате, но это — грубое заблуждение. Даже если мы вынесем религиозные и погребальные функции гоэтии за скобки, эта разновидность магии все равно останется исключительно многогранной по своим практическим задачам и методологии. Спору нет, гоэтическая магия практически во всех своих операциях основывается на работе с духами, но сами по себе эти операции чрезвычайно разнообразны.

В «Истинном гримуаре» прямо утверждается, что все магические операции совершаются при помощи духов, однако в число описанных в нем методов входят и заговоры, и заклинания, и работа с талисманами, и различные способы прорицания. Почти во всех этих операциях используются сигилы тех или иных духов. Так, например, широко известен традиционный метод причинения вреда врагу путем воздействия на его след. Но в варианте «Истинного гримуара» этот метод включает в себя не только протыкание следа гробовым гвоздем, но и начертание сигилов определенных духов. Подобный подход

и чем-то близок современной системе сигиллической магии, разработанной О. О. Спейром, хотя методы «Истинного гримуара» в большей степени ориентированы на конкретный практический результат. Кстати говоря, мою гипотезу о том, что Спейр был знаком с «Истинным гримуаром» и черпал в нем вдохновение, подтвердил Гэвин Сэмпл в своем введении к «Двум трактатам по картомантии» Спейра[1].

Вообще говоря, полномасштабная церемония эвокации используется в системе «Истинного гримуара» только с одной, хотя и важнейшей целью, а именно — для заключения договора с тем или иным духом или несколькими духами, дабы те в дальнейшем помогали магу в операциях любого другого рода. О «нескольких духах» я упомянул не случайно: в отличие от метода, изложенного в «Гоэтии царя Соломона», метод «Истинного гримуара» допускает вызывание нескольких различных духов в пределах одной церемонии. Любая эвокация — процесс длительный и трудоемкий, но возможность вызвать в ходе одного ритуала нескольких духов позволяет сэкономить время и силы. По современным популярным представлениям, заклинатель в ритуале эвокации призывает лишь одного-единственного духа, чтобы добиться от него какого-то одного конкретного результата, и в дальнейшем может больше никогда не иметь дела с этим духом. Но в системе «Истинного гримуара» предусматривается возможность вызвать нескольких духов за раз, чтобы наладить с ними рабочие отношения и чтобы эти духи в будущем помогали магу на постоянной основе. Повторять всю процедуру эвокации при повторных обращениях к этим духам, как правило, уже не требуется: необходимость в ней возникает лишь для того, чтобы познакомиться и установить отношения с другими духами.

Таким образом, гоэтическое колдовство ни в коей мере не исчерпывается изнурительными и однообразными эвокациями. Маг и духи, с которыми он заключил договор о сотрудничестве, проводят и другие операции, причем самые

---

1 По словам Сэмпла, «...к тому времени, как началась работа над "Книгой наслаждения", Спейр уже ознакомился с классическими трудами по церемониальной магии, такими как "Гоэтия", "Большой ключ Соломона", "Истинный гримуар" и "Энхиридион". Содержащиеся в них магические печати послужили главным источником вдохновения для таинственных "буквоформ" и символов "Книги наслаждения"». — *Здесь и далее примечания переводчика.*

разнообразные. Спектр их магических приемов и методов очень широк.

Вероятно, к этому моменту читатель уже начал понимать, в чем заключаются задачи настоящей книги, и отдавать себе отчет, с какими трудностями сопряжено их разрешение. Одна из этих задач состоит в том, чтобы выявить более древний хтонический пласт, скрытый за древнегреческой религией классической эпохи. Другая — в том, чтобы продемонстрировать непрерывность этой древней традиции и показать, какое влияние оказали архаические практики и их носители на позднейшие магические системы. Влияние это прослеживается не только в классическую и эллинистическую эпохи, но и на протяжении всего последующего периода, вплоть до средневековой и ренессансной гримуарной магии включительно. В ходе этого исследования нам придется переосмыслить и переоценить некоторых общеизвестных мифологических и исторических персонажей и поближе познакомиться с некоторыми другими, куда менее известными.

Язык мифа

Здесь читатель может задаться вопросом: зачем нам понадобилось переосмыслять греческую мифологию? Какое отношение она имеет к гоэтии, не считая того, что «гоэтия» — греческое слово? Во-первых, обращение к мифологии позволит нам восстановить первоначальный контекст термина «завывание», который обычно используют для перевода слова «гоэтия». Метод вызывания духов, описанный в известных гримуарах, более или менее совместим с иудео-христианской культурой, если и не с официальной религией. Никаких «завываний» от заклинателя не требуется — напротив, церемония выдержана в духе торжественного и богобоязненного благочестия. Но и в самих гримуарах, и в стоящих за ними народных верованиях сохраняются следы иных традиций, имеющих самое непосредственное отношение к понятию гоэтии и гораздо более тесно связанных с ее истоками. Для выявления этих традиций нам и приходится обратиться к мифологическому материалу.

Тем не менее, остается вопрос — почему мы решили искать следы интересующих нас традиций именно в мифологии? Ответ на этот вопрос отчасти связан с самой природой духов и магических операций, основанных на работе с духами. Является ли такой-то и такой-то дух эквивалентом такого-то мифологического персонажа или даже его ипостасью — само по себе не так уж важно. Важно то, что за каждым подобным персонажем стоял некий миф, что персонаж этот рассматривался в контексте своего мифа и этот миф был неотъемлемой и важнейшей частью магических операций, в которых участвовал данный персонаж. Даже позднейшие демонологи, которые педантично составляли обширные каталоги имен, даже не зная толком, как они правильно пишутся, отдавали себе отчет, что за именами должно стоять какое-то предание. Благодаря мифу каждый дух обретает свою личную историю, родословную и место во вселенной, а также включается в хронику прецедентов — летопись заданий, исполненных им ранее по требованию различных магов и их клиентов.

Кроме того, личные предпочтения и антипатии духа, а также составляющие его мифа обычно ложатся в основу системы его магических соответствий. Пока эти соответствия остаются всего лишь содержимым табличных ячеек, магии в них не так уж много. Но как только дух обретает личность, он становится активным соучастником и сотворцом ритуалов. Справочные таблицы не станут полноценной заменой мифологическому контексту, но при творческом подходе могут, по крайней мере, частично компенсировать его отсутствие. И сам этот факт свидетельствует о том, что когда-то в прошлом они создавались именно на основе такого контекста, впоследствии утраченного. О том, что подобный контекст когда-то существовал, говорит и живучесть тех традиционных ритуалов, которые мы перестали понимать, но по-прежнему используем (поскольку адекватной замены им не находится) и получаем искомые результаты. «Дух из машины» продолжает работать даже тогда, когда у мага нет никаких ориентиров, позволяющих воссоздать происхождение и первоначальный смысл ритуала. Но мифология дает такие ориентиры, а с ними разработка и проведение ритуалов обретают новый смысл и новую жизнь.

За последние несколько десятилетий в области академического изучения мифологии совершилась настоящая, хотя и

незаметная со стороны революция, плоды которой исключительно важны для понимания гоэтической магии. Мало кто из современных оккультистов обратил внимание, что эта революция разрушила устаревшие и упрощенные стереотипные представления о мифах: издатели популярной литературы по сей день отдают предпочтение тем выхолощенным и прилизанным версиям, которые породила интеллектуальная элита классического периода. Ганс Дитер Бец подчеркивает это обстоятельство в своем предисловии к «Греческим магическим папирусам». Магические папирусы изобилуют отсылками к более древнему слою греческой мифологии, в котором божества предстают не в своих облагороженных эллинистических ипостасях, но как капризные и даже опасные сущности, подобные демонам. Эти боги местных культов и народных верований более примитивны и первобытны, но, самое главное, более подлинны. Наличие такого материала, похоже, удивило редактора папирусов, хотя на самом деле ничего удивительного в этом нет. По его словам, магические папирусы служат ценнейшим источником для исследования древнегреческого фольклора, но верно и обратное: древние формы мифа служат основой гоэтической магии.

Самые ранние письменные источники по мифологии появились всего за несколько столетий до нашей эры, но мифы, отраженные в них, уходят корнями в глубь тысячелетий. Из двух древнейших источников Гомер — родоначальник всей западной литературы — вызывает больше вопросов, чем Гесиод. Отсутствие тех или иных мифологических мотивов у Гомера вовсе не означает по умолчанию, что эти мотивы возникли позже. Как отмечает Доротея Уэндер, Гомер исключает из истории богов все намеки на кровосмесительные связи, а также обходит молчанием кастрацию Урана и миф о Кроносе, пожирающем своих детей. Одним словом, он старается очистить богов от всех «первобытных» признаков, точно так же как в описании жизни смертных старается по возможности не упоминать о магических практиках, человеческих жертвоприношениях и гомосексуальности. Но несмотря на все эти усилия, не возникает сомнений, что подобные архаические практики бытовали в культуре и отражались в мифологии с древнейших времен. Из того, что они нередко упоминаются в более поздних источниках, вовсе не следует, что они вошли в обиход или

были придуманы уже после Гомера, хотя, разумеется, формы и проявления этих практик со временем могли измениться.

Понятно, что облагороженные, идеализированные формы олимпийских богов как нельзя лучше устраивали позднейших рационалистов с их антропоцентристскими предрассудками, но правда в том, что на заре времен люди созидали богов отнюдь не по своему собственному образу и подобию. Боги представлялись им в образах тех явлений, в которых они усматривали нечто божественное, — в образах молнии и вулкана, реки и моря, могучих животных и растений, поддерживающих жизнь или изменяющих состояние сознания. И так продолжалось до тех пор, пока очередной глава общины не вопрошал своих соплеменников, не кажется ли им, что боги подобны ему самому и его друзьям, например, судье и друзьям судьи, например, царю или жрецу и их друзьям, и всем их женам, мужьям и возлюбленным.

Гесиод, живший приблизительно в одно время с Гомером, напротив, сохраняет в своих текстах многие архаичные черты богов и богинь, отходя от этого принципа лишь однажды — в изображении Зевса. Вполне очевидно, что в исходном варианте мифа трикстер Прометей благополучно одурачил Зевса, тогда как у Гесиода Зевс предстает всеведущим и непогрешимым и просто позволяет Прометею какое-то время считать, будто обман удался. Схожим образом Гесиод преуменьшает значение мифа о низвержении Зевсом Кроноса: как прообраз бунта против отцовской власти это деяние казалось несовместимым с самим архетипом отцовства, воплощенным в Зевсе. Этих примеров вполне достаточно, чтобы мы научились не принимать варианты мифов, изложенные в литературных источниках, за подлинные свидетельства об архаических формах религии. Все это лишь пересказы, зачастую искаженные стремлением к рационализации или к пропаганде тех или иных позднейших воззрений. Поэтому в целях настоящего исследования литературные источники нельзя принимать за чистую монету: они понадобятся нам лишь постольку, поскольку в них сохранились следы более древних религиозных верований и практик.

Особенно показателен в данном отношении контраст между Гомером и Гесиодом. Гомер ориентировался на аристократическую аудиторию и жил в Малой Азии — колыбели

греческой философии и многих других элементов позднейшей классической культуры. Гесиод же родился и жил в сельской Беотии, на материке, и та литературная традиция, к которой он принадлежал, производила, среди прочего, пособия для прорицателей, сборники народных примет и (что по-своему любопытно) учебники по обработке металлов. Именно в этой «необразованной» среде и следует искать подлинные корни древнегреческой религии. В своем введении к «Греческим магическим папирусам», в примечании №46, Бец отсылает читателя к примечанию из академической статьи А. А. Барба, соответствующую цитату из которого мы приведем ниже. Несмотря на то, что оба исследователя отметили интересующий нас момент только в примечаниях, а не в основном тексте, он исключительно важен. Рассуждая о сравнительной роли греческих и восточных элементов в изображениях на гностических геммах, Барб упоминает, что факт древневосточных влияний на греческую религию и, как следствие, на магию был признан лишь относительно недавно. Несмотря на то, что в магических папирусах многочисленные восточные элементы непринужденно соседствуют с греческими, вплоть до недавнего времени это соседство рассматривали как результат позднего синкретизма, не имеющий отношения к подлинной греческой религии. Но Барб в своем лаконичном и довольно язвительном примечании высказывает прямо противоположную трактовку: «...когда побелка, нанесенная "классическими" поэтами и художниками, начинает осыпаться, на свет выходит не что иное, как древняя и исконная форма народной религии». И то обстоятельство, что тексты магических папирусов во многом основываются на этом «древнем и исконном» материале, еще раз говорит о том, что переосмысление мифов — важнейшая и необходимая задача современного мага.

Но что же такое миф? На этот вопрос можно дать много ответов. Согласно одному из наиболее интересных и влиятельных определений, предложенному еще в начале XX века, мифы — это сказания, служащие для объяснения сложившейся ритуальной практики. В академических исследованиях эта идея и ее последующие переработки играют важнейшую роль. Но и в нашей сфере она небесполезна, ввиду того, сколь значительное место в магии отводится другому схожему процессу, а именно — умозрительному использованию мифологических

символов в целях философского рассуждения. Возможно, эта концепция и не объясняет происхождения всех мифов без исключения, но, по крайней мере, на ее основе можно построить некоторые предположения о том, как понимали миф древнегреческие маги.

В вопросе, поставленном выше, скрывается еще один: если мифология — это разновидность символического языка, то как этот язык работает? Прежде чем попытаться ответить по существу, приведем несколько примеров, свидетельствующих о том, насколько гибок и подвижен язык мифа, и имеющих непосредственное отношение к темам, которые будут рассматриваться далее в этой книге. Так, в мифе о рождении Афины из головы Зевса, распределение ролей остается не вполне ясным: кто нанес удар, освободивший богиню из головы ее отца, — Прометей или Гефест? Оба они — повелители огня. И если это сделал Гефест, то каким образом? Ведь Гефеста, бога хромца, Гера породила без мужа в отместку Зевсу, произведшему Афину на свет без помощи жены. Схожая путаница ролей обнаруживается и в мифе о рождении Диониса из бедра Зевса. Если Зевс хромал, пока вынашивал Диониса в своем бедре, не может ли быть так, что Зевс в этой своей ипостаси и есть Гефест? Когда Дионис возвращает Гефеста на Олимп, напоив его допьяна и усадив на осла, кто такой этот Гефест — уж не Силен ли? Дионис, завоевавший весь известный грекам мир, включая Индию, изображается уже не вечным юношей, а бородатым мужем; и кто же из более зрелых богов предстает в этом обличье? Быть может, Аид? Или тот же Силен? Или сам Зевс, для которого Дионис был сперва его собственной младенческой ипостасью, затем стал сыном и теперь, наконец, оказался Отцом? В подобных эпизодах боги воспринимаются одновременно и как зрелые, и как юные, как умирающие и возрождающиеся вновь, как персонажи трагические и в то же время комические. Это не значит, что миф не обеспечивает четкой космологической системы; это значит лишь то, что он предлагает особый язык, на котором выражаются космологические представления и посредством которого они развиваются. Дело здесь не в том, что миф не определяется и не исчерпывается некими статичными формами, а в том, что миф наделяет жизнью те формы, которые без него оставались бы статичными.

Именно такую функцию и выполняет представленный здесь мифологический материал: никакие классификации и аналитические исследования не могут быть настолько же наглядными и многозначными, как миф в своей естественной форме. Как будет показано далее, истоки гоэтии связаны с мифами о божествах огня и легендами о магах, открывших способ выплавки железа из гематитовых руд. Кроме того, мы увидим, что гоэтия тесно ассоциировалась с наиболее эмоционально окрашенными, оргиастическими формами религии. В орфизме и пифагореизме подобные традиции предстают в облагороженном и рационализированном виде. Эту переработку древних традиций, связанных с Дионисом и Деметрой, олицетворяет Аполлон — солярный бог разума, покровительствующий более управляемым и сдержанным формам религиозного экстаза. Колдун превращается в философа.

К такому более возвышенному и очищенному статусу стремились системы магии и теургии, сложившиеся в период классики и эллинизма. Однако теургия и гоэтия постоянно заимствовали друг у друга различные элементы, и полного разграничения между ними так и не произошло. Чтобы придать респектабельность тем или иным обрядам или трактатам, авторство их приписывали Орфею и Зороастру. Но в действительности орфические ритуалы во многом основывались на тех самых хтонических культах, от которых орфики пытались отмежеваться в своем стремлении к аполлоническому благородству небесной религии, а обряды персидских магов (как правило, дозороастрийские по своему происхождению) были ничуть не менее варварскими, нежели та гоэтия, которую они якобы, по мнению Кюмона, вытеснили из обихода. Но для того чтобы описать и объяснить эти магические традиции и наделить их авторитетными основателями, по-прежнему использовались мифы, хотя и в переработанном виде. И для того чтобы выявить более древние практики, скрытые под слоем орфических реформ, необходимо исследовать эти мифы и отделить в них наносное от исконного.

В мои задачи не входит полная историческая реконструкция магических и религиозных практик, относящихся к какому-либо определенному и строго ограниченному периоду. Во-первых, мое исследование охватывает несколько исторических этапов, а во-вторых, я стремлюсь не столько воссоздать

прошлое, сколько выявить в нем то, что может оказаться полезным для настоящего. В любом случае, добиться исчерпывающей реконструкции подобными методами было бы невозможно; да и надеяться на то, что к ней когда-либо приведут исторические или археологические исследования, тоже не приходится. Орфизм полон глубочайших противоречий, а комплексное взаимодействие восточных и греческих элементов в магических и религиозных традициях порождает исключительно сложные проблемы, работа над которыми остается уделом узких специалистов, так и не преодолевших вдобавок разногласия по многим фундаментальным вопросам.

Но если рассматривать упомянутые традиции и скрытые за ними более древние практики не с академических позиций, а с точки зрения того, какую пользу они могут принести современному магу, задача существенно упрощается. История как научная дисциплина ставит своей целью понять, как жили, мыслили и действовали представители более древних культур, но стремление так или иначе применить достигнутое понимание к современной жизни в ее заявленные цели не входит. Что же касается моего исследования, то, выявляя древнейший пласт традиций, скрытый за орфическим учением, я воссоздаю не историческое, а мифическое прошлое. Я не пытаюсь привязать результаты взаимовлияния греческих и восточных идей к определенным датам и регионам. Я лишь стремлюсь показать, что взаимоотношения орфических реформ и гоэтии с дионисийскими течениями могут лечь в основу некоего мифа творения, способного преобразить и обновить современную магию. Символические события, о которых повествует этот миф, предшествуют возникновению гоэтии и истории ее взаимодействия с древними религиозными традициями, но в остальном их хронология не может быть привязана к событиям историческим в строгом смысле этого слова. При рассмотрении в жестких социоисторических категориях линейного времени и географического пространства предания о древних богах и магических книгах зачастую предстают четко отделенными друг от друга, но понимание людьми того времени мифического прошлого было гораздо менее дифференцированным. И это понимание мифа необходимо воссоздать, если мы хотим вернуть языческой гоэтии былую силу, жизнь и практическую применимость.

Здесь следует подчеркнуть, что метод работы с языком мифа, который я использую для прояснения истоков гоэтии, отличается не только от методов, принятых в истории, археологии и прочих научно-исследовательских дисциплинах, но и от подходов, свойственных теологии и философии. Опираясь на приемы философского или богословского рассуждения, я мог бы написать интеллектуальный трактат в духе тех, которые так часто встречаются в областях герметической и каббалистической магии. Это было бы проще, однако такому подходу недостает глубины и силы, и с его помощью я не смог бы в полной мере решить стоящую передо мной задачу. Я выбрал другой путь — своеобразный, но не беспрецедентный. Прецеденты у него есть, и искать их следует среди тех же источников, на которые опирались древние некроманты и посвятители мистериальных культов.

И у посвященного орфика, и у гоэта, и у некроманта основные интересы и задачи лежали, по существу, в одной и той же области. Всякий синтез религиозно-магических традиций, как древний, так и современный, опирается на эсхатологию. Или, совсем уж попросту говоря, — на представления о смерти, загробном суде и посмертном воздаянии. Этими представлениями (в каждом случае особыми) определяются воззрения и практики, отраженные и в греческих магических папирусах, и в гримуарах; и та же самая проблематика с неизбежностью занимает центральное место в постмодернистском синтезе магических традиций. Эсхатология предопределяет цели и структуру ритуала, механизмы его действия и все его отдельные составляющие. И она же на еще более глубоком уровне формирует наше восприятие мира духов и наши на него реакции.

Многие мифологические персонажи и сюжеты, с которыми вы встретитесь на страницах этой книги, малоизвестны, но в нашем исследовании все они играют очень важную роль. Проблема здесь не только в том, что греческие мифы были переработаны представителями античной интеллектуальной элиты, но и в том, что и в последующие эпохи, вплоть до недавнего времени, никто, кроме интеллектуальной элиты, не имел доступа к классическому образованию. В результате представление о древнегреческой мифологии целиком и полностью определялось предпочтениями этого узкого слоя специалистов, а те ее аспекты, которые не заслужили их внимания, на

протяжении многих веков оставались в тени. Вообще говоря, маги нередко обращаются к забытым или маргинализованным традициям, а в наши дни эта тенденция распространилась и на традиции античной эпохи, очищенные от тех акцентов, которые расставили в них многие поколения официальных интерпретаторов. Древние хтонические культы, во многом предопределившие характер позднейшей магии, были маргинализованы уже к концу греко-римской эпохи, и предрассудки, сложившиеся вокруг них в тот период, поддерживались в среде специалистов по античной культуре вплоть до самого недавнего времени. С моей точки зрения, одного этого уже достаточно, чтобы ответить на вопрос, почему в настоящем исследовании так много внимания уделяется мифологическому материалу: ведь для того чтобы выявить истоки гоэтии, нужно иметь представление не об официальной олимпийской религии, а о хтонических культах и связанных с ними традициях.

Прежде чем перейти непосредственно к исследовательской части, перечислим еще несколько простых положений. Содержание гоэтии определяется личностью оператора, а не благой или злой природой духов, с которыми тот работает. Солнце и луна играют в гоэтии не менее важную роль, чем в астрологии, но при этом не следует забывать, что сама астрология в своих истоках опирается на геоцентрическую систему. Гоэтия сосредоточена на работе с земной и подземной сферами. Маг, работающий в гоэтической традиции, черпает свои полномочия и силу не в небесных сферах (к которым по своему происхождению принадлежат так называемые падшие ангелы аристократической магии, сложившейся в контексте иудейской и христианской традиций), а в себе самом. Гоэтия опирается на свою особую картину мира (которая в своих позднейших облагороженных формах породила теологию и философию) и представляет собой отнюдь не узкоспециальную и частную магическую дисциплину, а первоисточник всей западной магической традиции.

История гоэтии: хронология

8350 г. до н. э.: основание Иерихона — одного из древнейших неолитических городов.

6250 г. до н. э.: основание неолитического поселения Чатал-Хююк в Анатолии. Изображения богини, восседающей между двух львов, — прообраз позднейших изображений Кибелы.

6000 г. до н. э.: захват острова Крит завоевателями, пришедшими с материка.

4000 г. до н. э.: начало бронзового века на Ближнем Востоке.

4000 г. до н. э.: образцы керамики, свидетельствующие о переселении ливийцев на Крит (по-видимому, вследствие расширения египетской гегемонии).

3500 г. до н. э.: эпоха энеолита во Фракии; золотые украшения для конской сбруи — древнейшие в Европе изделия из золота.

3000 г. до н. э.: возникновение письменности в Древнем Шумере и Египте. Зарождение письменной истории: жрецы начинают вести списки царей.

* * *

2900/2600 гг. до н. э.: начало бронзового века на Крите, ранний минойский (додворцовый) период.

2400 г. до н. э.: Троя достигает экономического расцвета и берет под контроль торговлю на Черном море.

2000 г. до н. э.: средний минойский (стародворцовый) период.

1600 г. до н. э.: зарождение микенской цивилизации; основание Занклы (будущей Мессины) на Сицилии.

1580 г. до н. э.: поздний минойский период.

1450 г. до н. э.: гибель и последующее частичное восстановление минойской цивилизации на Крите.

1453, 1222 или 884 гг. до н. э.: легендарные даты учреждения Олимпийских игр.

* * *

3000 г. до н. э.: исторический период, к которому, вероятно, относятся плавание аргонавтов через Черное море и Троянская война. Политические проблемы, с которыми, согласно Гомеру, столкнулись участники Троянской войны, вернувшиеся из похода. В хеттских источниках царь «Аххиявы» (ахейского государства) характеризуется как равный хеттскому царю.

1219 г. до н. э.: Египет отражает вторжение «народов моря», к числу которых, вероятно, принадлежали безземельные микенские воины (ахейцы), выступавшие в союзе с ливийцами.

1200 г. до н. э.: период повсеместных экономических неурядиц и вторжений «народов моря» на территории оседлых народов. Начало упадка микенской культуры, наиболее вероятными причинами которого сейчас считаются междоусобицы и народные восстания, а не дорийское вторжение. Разрушение и опустошение дворцов. Падение Хеттского царства. Египет лишается своих владений на территории Азии. На протяжении этого столетия дорийцы (одно из греческих племен) расселяются на Пелопоннесе, а фригийцы — в Малой Азии.

1174 г. до н. э.: Рамсес III отражает еще одно вторжение «народов моря».

1110 г. до н. э.: дорийцы расселяются на Крите, что влечет за собой окончательный упадок минойской культуры. Переселенцы из микенских городов отступают с Пелопоннеса в Аркадию и Аттику.

1050 г. до н. э.: Фригийское царство в Анатолии, пришедшее на смену Хеттскому, укрепляет свои позиции.

1000 — 800 гг. до н. э.: «темные века» в истории Древней Греции. Массовое переселение греческих племен в Малую Азию, где впоследствии зародилась греческая философия.

959 г. до н. э.: возведен храм царя Соломона.

945 г. до н. э.: царя Соломона посещает царица Савская. Соломон предается идолопоклонничеству. В Египте правит ливийская династия. Возрастает роль оракулов в египетских Фивах.

931 г. до н. э.: смерть царя Соломона.

900 — 800 гг. до н. э.: приблизительный период жизни Гомера.

Архаический и классический периоды

800 — 400 гг. до н. э.: массовое возникновение греческих колоний на побережьях Средиземного и Черного моря.

776 г. до н. э.: традиционная дата учреждения панэллинских Олимпийских игр. Расцвет городов-государств. Начало классического периода

732 г. до н. э.: греческие выходцы из Коринфа под предводительством Архия основывают город Сиракузы на Сицилии.

670 г. до н. э.: правление царя Гига в Лидии. Война Ассирии с Египтом.

630 г. до н. э.: переселенцы с острова Феры основывают город Кирену в Ливии.

590 г. до н. э.: вероятный период зороастрийских реформ в персидской религии: переход от политеизма, подобного ведическому индуизму, к культу единого бога, Ахурамазды.

597 — 585 гг. до н. э.: начало Вавилонского пленения евреев. Создание Пятикнижия Моисея.

583 г. до н. э.: завоевание Вавилонской империи персидским царем Киром. Окончание Вавилонского пленения евреев; восстановление храма в Иерусалиме.

580 г. до н. э.: греки основывают на Сицилии город Агригент (греческие колонисты действовали на Сицилии с 750 года до н. э. до V века до н. э.).

500 г. до н. э.: Рим начинает набирать политическое влияние в Италии.

400 г. до н. э.: тысячи греков служат наемниками в чужеземных войсках («лучшая в мире тяжелая пехота»).

428 — 348 гг. н. э.: Платон, чрезвычайно влиятельный философ, упоминает *гоэтов* в одном ряду с *фармацевтами* (знатоками магических зелий) и *софистами* (последний термин употреблен в уничижительном смысле и означает шарлатанов от философии).

342 г. до н. э.: афинский оратор Эсхин в одной из своих речей против Ктесифонта употребляет термины «гоэт» и «маг» в уничижительном смысле.

Эллинистический период

334 г. до н. э.: Александр Македонский переправляется через Геллеспонт и завоевывает Персидскую империю. На смену цивилизации полисов приходит космополитическая модель.

264 г. до н. э.: Рим берет под контроль весь Итальянский полуостров.

185 г. до н. э.: Рим достигает господства над Восточным Средиземноморьем.

44 г. до н. э.: все Средиземноморье переходит под власть Рима.

Книга первая

Но осчастливлен и тот, кому сельские боги знакомы, —
Пан, и отец Сильван, и нимфы, юные сестры.

— *Вергилий, «Георгики», II:493—494*[1].

Эти строки сэр Эдвард Келли цитирует в своем трактате «Влажный путь».

Гоэтия и гримуары

И составил я некий труд, в коем поведал тайну тайн, но оставил ее сокрытою и вложил в нее все тайны всех магических искусств всех мастеров, а именно - все тайны, или опыты, магических наук, так или иначе достойные свершения.

— *«Истинный гримуар»*

Старинных магических руководств существует немало, хотя, пожалуй, большинство из тех, которые широко известны, — это частичные компиляции или реконструкции, основанные на комментариях ученых к трудам более древним и редким. При этом, несмотря на всю доступность подобных книг,

1 Здесь и далее цитируется в пер. С. Ошерова.

составить четкое представление о том, как выглядели типичные магические церемонии в период с 1200 по 1750 гг. н. э., не так-то просто. Однако есть один исключительно полезный (и, как ни странно, не привлекающий к себе всеобщего внимания) текст, который может устранить многие неясности, а заодно и развеять некоторые современные предубеждения на этот счет. В автобиографической книге «Жизнь Бенвенуто Челлини», написанной, между прочим, чрезвычайно живо и увлекательно, содержатся подробнейшие свидетельства очевидца, присутствовавшего при средневеково-ренессансных магических церемониях. В нижеследующих цитатах собраны все конкретные сведения, которые Челлини предоставил своим читателям. Некоторые из этих отрывков цитируют Скиннер и Рэнкин в «Истинном Ключе Соломона», но я решил не ограничиваться фрагментами и привести всю значимую информацию, какую только можно почерпнуть из книги Челлини. Цитаты будут перемежаться и дополняться моими комментариями по поводу некоторых важных деталей. Я использовал два английских перевода этой автобиографии: более современный — Роберта Хобарта Каста и более старый — Джона Эддингтона Саймондса[1]. Оба перевода хороши, но я счел за благо обращаться к обоим. Версия Саймондса более изящна и читается легче, но зато Каст не страдает викторианской скованностью. Кроме того, судя по переводческим примечаниям, Каст разбирался в магической литературе несколько лучше, чем Саймондс, и не в пример лучше, чем комментаторы Саймондса.

В том, что Челлини действительно участвовал в описанных им ритуалах, никаких сомнений нет и быть не может. Это был человек свободомыслящий и неукротимый, необычайно деятельный и совершенно не склонный кривить душой.

> Привелось мне через некоторые разные странности завести дружбу с некоим сицилианским священником, каковой был возвышеннейшего ума и отлично знал латинскую и греческую словесность. Случилось однажды по поводу одного разговора, что зашла речь об искусстве некромантии, на что я сказал: «Превеликое желание было у меня во все время моей жизни увидеть или

[1] В настоящем переводе цитаты из «Жизни Бенвенуто Челлини» приводятся в пер. М. Лозинского.

> услышать что-нибудь об этом искусстве». На каковые слова священник добавил: «Твердый дух и спокойный должен быть у человека, который берется за такое предприятие». Я ответил, что твердости и спокойствия духа у меня хватит, лишь бы мне найти способ это сделать. Тогда священник ответил: «Если ты на это идешь, то уж остальным я тебя угощу вдоволь». И так мы условились приступить к этому предприятию.

Вышеописанная встреча состоялась в 1535 году, который вошел в историю магии как год смерти Корнелия Агриппы. Двумя годами ранее вышло в свет первое полное издание его «Оккультной философии», а за пять лет до смерти Агриппа опубликовал другой свой трактат — «О недостоверности и тщете всех наук и искусств». Кроме того, оставалось всего тридцать лет до первого издания более прикладной «Четвертой книги оккультной философии». По поводу «Четвертой книги» до сих пор спорят, действительно ли ее написал сам Агриппа; так или иначе, в самом тексте авторство Агриппы приписывается лишь отдельным частям, причем именно тем, относительно которых это наименее вероятно. Ко времени эксперимента, проведенного Челлини, некоторые из этих сочинений уже распространялись в рукописном виде и почти наверняка были известны героям его повествования. Как мы вскоре убедимся, те формы церемониальной магии, которые описываются в перечисленных трактатах, действительно применялись в тот период на практике. Особого внимания заслуживает тот факт, что сицилианский некромант, как и Агриппа, был хорошо знаком с античной литературой. Важность классического образования обычно недооценивается в гримуарах, не говоря уже о современных интерпретациях с их гипертрофированной зависимостью от каббалы. В Средние века и эпоху Возрождения магические практики, восходящие к языческой древности, вызывали большие подозрения («кто читает по-гречески, тот впадает в ересь»), а потому авторы гримуаров обычно замалчивали или отрицали влияние античности. Но, тем не менее, оно присутствовало и оставалось очень мощным. И в свете этой античной подоплеки место для некромантического эксперимента было выбрано весьма удачно:

> Раз как-то вечером сказанный священник снарядился и сказал мне, чтобы я приискал товарища, а то и двоих. Я позвал Винченцио Ромоли, большого моего друга, а сам он привел с собой одного пистойца, каковой точно так же занимался некромантией. Мы отправились в Кулизей[1], и там священник, нарядившись по способу некромантов, принялся чертить круги на земле, с самыми чудесными церемониями, какие только можно вообразить; и он велел нам принести с собой драгоценные курения и огонь, а также зловонные курения. Когда он был готов, он сделал в кругу ворота и, взяв нас за руку, одного за другим поставил нас в круг; затем распределил обязанности: пентакул[2] он дал в руки этому другому своему товарищу некроманту, остальным велел смотреть за огнем и курениями; затем приступил к заклинаниям.

С уверенностью определить, каким именно гримуаром руководствовался некромант, мы не можем. Одного лишь свидетельства о том, что магический круг вычерчивался по какой-то сложной методике, здесь недостаточно. Впрочем, не исключено, что использовался круг из «Гептамерона»: в Италии этот трактат стал доступен в 1496 году, а в рукописном виде, вероятно, еще раньше. По крайней мере, правила построения кругов, изложенные в «Гептамероне», действительно сложны и подробны, но все-таки надежных подтверждений тому, что использовалась именно эта методика, в тексте не находится.

Требование привести с собой «товарища» характерно для «Ключа Соломона», однако способ применения асафетиды в описываемом ритуале, как мы увидим, не имеет ничего общего с тем, который предписывается в «Ключе». Особый интерес у меня вызывает упоминание об огне. Судя по всему, подразумевается огонь довольно заметных или даже внушительных размеров, служивший в ходе ритуала единственным источником света. Эта деталь хорошо согласуется с такими текстами, как «Истинный гримуар» и «Великий гримуар».

1 Т. е. Колизей.

2 Т. е. пентакль.

Последние нередко сбрасывают со счетов как полушарлатанские и слишком поздние, но на самом деле в них сохранились следы аутентичных традиций, отсутствующие в «Ключе» и других не столь откровенно «демонических» гримуарах. С другой стороны, «Гептамерон» предписывает использовать одну-единственную кадильницу, которая тоже именуется огнем. Однако работа с целым комплексом различных курений снова приводит на память «Истинный гримуар» и заставляет забыть о «Гептамероне», в котором каждому дню недели ставится в соответствие одно-единственное благовоние. Судя по описаниям, а иногда и по иллюстрациям, встречающимся в разных гримуарах, этот огонь или одинокая кадильница представляли собой то, что мы с вами назвали бы жаровней. Стоит отметить, что эта деталь бережно сохраняется не только в «Истинном гримуаре», но и в других французских магических руководствах позднего периода.

> Длилась эта штука полтора с лишним часа; явилось несколько легионов, так что Кулизей был весь переполнен. Я, который следил за драгоценными курениями, когда священник увидел, что их такое множество, он обернулся ко мне и сказал: «Бенвенуто, попроси их о чем-нибудь». Я сказал, чтобы они сделали так, чтобы я был опять со своей Анджеликой, сицилианкой. В эту ночь нам никакого ответа не было, но я получил превеликое удовлетворение в том, чего ожидал от такого дела.

Под «этой штукой», очевидно, подразумевается сооружение круга и чтение заклинаний. Современные церемонии зачастую длятся не так долго и, скажем прямо, это не лучшим образом сказывается на их эффективности. Предварительные изгнания и инвокации, рекомендованные магами XIX века, занимают от силы половину указанного времени.

Обратите внимание также на то, что здесь ни единым словом не упоминается о треугольнике как области манифестации духов за пределами круга. На вопрос о том, так уж ли необходимо это дополнительное приспособление для эвокации, разные гримуары отвечают по-разному. В своей нынешней форме концепция магического треугольника восходит к

примечанию Вейера, разработанному в «Гоэтии царя Соломона»[1], и большинство современных магов принимают ее как данность. Но треугольник рассчитан, в лучшем случае, на манифестацию одной сущности человеческих пропорций, и какой от

[1] В трактате Иоганна Вейера (Вира) «Псевдомонархия демонов», в указаниях по вызыванию духа Билета, или Белета (№20 у Вейера, №13 в «Гоэтии»), содержится следующее предписание: «Затем пусть экзорцист или заклинатель наберется мужества, и дабы укрепить свою отвагу, пусть возьмет ореховый посох, каковой ему надлежит простереть на восток и на юг, и сотворит треугольник вне круга, неподалеку от оного; если же он [заклинатель] не прострет к нему [к духу] руку за пределы круга и прикажет ему войти [в круг], а тот отвлечется, [то пусть заклинатель использует] оковы, или цепи, духов; пусть заклинатель приступит к чтению, и мало-помалу он [дух] покорится, и войдет, и исполнит все, что повелит ему экзорцист, и будет он [заклинатель] в безопасности. Если же царь Билет заупрямится и откажется войти в круг по первому зову, а заклинатель выкажет страх или не будет иметь при себе оков духов, то он [т. е. дух] впредь уже никогда не будет страшиться и почитать его [т. е. заклинателя]. Если же для треугольника за пределами кругами не найдется места, пусть (заклинатель) поставит там чашу вина, и тогда он будет знать наверняка, когда он (т. е. Дух) со спутниками его покинут свое жилище, и тогда вышеназванный Билет станет ему помощником, другом и верным слугой, как только придет».

Таким образом, у Вейера вызывание духа в треугольник за пределы круга — не обязательное условие, лишь один из возможных вариантов работы с духом. Помимо Билета, вызывать в треугольник предписывается духов Фурфур (№29 у Вейера, №34 в «Гоэтии») и Шакса (№36 у Вейера, №44 в «Гоэтии»).

О духе Флауросе, или Хауресе (№61 у Вейера, №64 в «Гоэтии»), напротив, утверждается, что «находясь в треугольнике, он лжет обо всем, и в иных вещах обманывает, а в иных делах морочит», однако Реджинальд Скот, переводчик трактата Вейера на английский язык, не без оснований полагает, что первая часть этой фразы относится к предыдущему, а не к последующему утверждению, и текст в целом следует читать так: «...он правдиво и полно отвечает на вопросы о настоящем, прошлом и будущем, если находится в треугольнике; он лжет обо всем...» (и т. д.).

В «Гоэтии» относительно духа Белета сказано: «При первом появлении он весьма свиреп, но лишь до тех пор, пока Заклинатель не наберется мужества; а для этого он должен взять ореховый жезл и, направив его в южную и восточную четверти, начертать треугольник, △, за пределами круга, а затем приказать ему [т. е. духу] войти в него, пригрозив наложением уз и заклинанием, как о том будет сказано далее. Если же он не войдет в этот треугольник, △, то следует прочесть перед ним наложение уз и заклинание, и тогда он повинуется, и войдет в него [т. е. в треугольник], и исполнит все приказания Заклинателя».

Здесь дух уже вполне определенным образом вызывается в треугольник, расположенный за пределами круга. В предписаниях относительно духа Флауроса (Хауреса) учтены поправки Реджинальда Скота: «Но если не повелеть ему войти в треугольник, △, он будет лгать обо всех этих вещах и обманет и обморочит Заклинателя в этих вещах или в таком-то и таком-то деле».

На основе нескольких замечаний в трактате Вейера автор «Гоэтии» делает вывод об универсальной необходимости магического треугольника, «в котором Соломон повелевал являться злым духам»: «Его следует разместить на расстоянии 2 футов от магического круга, а сам он в поперечнике должен быть в 4 фута. Заметь себе, что он должен быть обращен в ту сторону света, к которой относится [вызываемый] дух. Основание этого треугольника должно располагаться ближе всего к кругу, а вершина — указывать в сторону света, соответствующую духу».

него может быть прок, когда на зов заклинателя являются легионы духов, совершенно непонятно.

> Некромант сказал, что нам необходимо сходить туда еще раз и что я буду удовлетворен во всем, чего прошу, но что он хочет, чтобы я привел с собой невинного мальчика. Я взял одного своего ученика, которому было лет двенадцать, и снова позвал с собой этого сказанного Винченцио Ромоли; а так как был у нас близкий приятель, некий Аньолино Гадди, то также и его мы повели на это дело.

Участие ребенка-ясновидящего — характерная особенность многих операций, описанных в греческих магических папирусах. На основе этого приема впоследствии развилась методика прорицания, известная как «искусство армаделя», — очень влиятельная и описанная во многих гримуарах. Подробный рассказ об этой разновидности магических операций можно найти в моем издании «Истинного гримуара». Здесь же достаточно сказать, что ритуал этот, несомненно, имеет древнее происхождение и свидетельствует о том, что у методов, описанных в гримуарах, имелись дохристианские прототипы.

> Когда мы пришли на назначенное место, некромант, сделав те же свои приготовления тем же и даже еще более удивительным образом, поставил нас в круг, каковой он снова сделал с самым изумительным искусством и с самыми изумительными церемониями; затем этому моему Винченцио он поручил заботу о курениях и об огне; взял ее на себя также и сказанный Аньолино Гадди; затем мне он дал в руки пентакул, каковой он мне сказал, чтобы я его поворачивал сообразно местам, куда он мне укажет, а под пентакулом у меня стоял этот мальчуган, мой ученик.

Здесь особый интерес представляет использование пентакля: во многих гримуарах подробно рассказывается, как изготовить это магическое орудие или как оно должно выглядеть, но четких указаний по его применению не дается.

«Истинный гримуар» рекомендует расположить четыре «пентакля Соломона» по четырем сторонам света. В «Ключе Соломона» приводятся изображения различных пентаклей, которые маг должен носить на шее под покровом и демонстрировать духам по мере необходимости. Судя по всему, описанная здесь процедура совмещает оба подхода и отражает в себе старинные легенды о печати или пентакле Соломона. Методика, приведенная в «Ключе Соломона», по всей вероятности, возникла гораздо позже, когда вместо единой и пригодной на все случаи жизни печати Соломона стали использовать множество сложных и узкоспециализированных пентаклей.

> Начал некромант творить эти ужаснейшие заклинания, призывая поименно великое множество этих самых демонов, начальников этих легионов, и приказывал им силой и властью Бога несотворенного, живого и вечного, на еврейском языке, а также немало на греческом и латинском; так что в короткий промежуток весь Кулизей наполнился в сто раз больше, нежели они то учинили в тот первый раз. Винченцио Ромоли разводил огонь вместе с этим сказанным Аньолино и великое множество драгоценных курений. Я, по совету некроманта, снова попросил, чтобы мне можно было быть с Анджеликой. Обернувшись ко мне, некромант сказал: «Слышишь, что они сказали? Что не пройдет и месяца, как ты будешь там, где она». И снова прибавил, что просит меня, чтобы я у него держался твердо, потому что легионов в тысячу раз больше, чем он вызывал, и что они самые что ни на есть опасные; и так как они установили то, о чем я просил, то необходимо их улестить и потихоньку их отпустить.

Фраза «силой и властью Бога» схожа с выражениями из гримуара под названием «Ars Notoria» («Искусство знаков»), но поскольку подобные же выражения встречаются и в «Ключе», можно предположить, что это более или менее стандартная формулировка. Из текста явствует, что духи ответили на вопрос некроманта должным образом, и тот, хоть был испуган, благополучно добился этого безо всяких угроз и проклятий.

> С другой стороны мальчик, который стоял под пентакулом, в превеликом испуге говорил, что в этом месте миллион свирепейших людей, каковые все нам грозят; потом он сказал, что появилось четыре непомерных великана, каковые вооружены и показывают вид, что хотят войти к нам. Тем временем некромант, который дрожал от страха, старался мягким и тихим образом, как только мог, отпустить их. Винченцио Ромоли, который дрожал, как хворостинка, хлопотал над курениями. Я, который боялся столько же, сколько и они, старался этого не показывать и всем придавал изумительнейшего духу; но я считал себя наверняка мертвым из-за страха, какой я видел в некроманте. Мальчик спрятал голову между колен, говоря: «Я хочу умереть так, потому что нам пришла смерть». Я снова сказал мальчику: «Эти твари все ниже нас, и то, что ты видишь, — только дым и тень, так что подыми глаза». Когда он поднял глаза, он опять сказал: «Весь Кулизей горит, и огонь идет на нас». И, закрыв лицо руками, снова сказал, что ему пришла смерть и что он не хочет больше смотреть.

Обратите внимание, что мальчик-ясновидец в этом ритуале стоит под пентаклем. Из этого следует, что пентакль носит защитный характер и что Челлини не переносил его в те или иные части круга, а только поворачивал в указанную некромантом сторону. Создается впечатление, что пентакль был достаточно большим — возможно, его даже приходилось держать обеими руками. Скорее всего, он представлял собой печать, начерченную на девственном пергаменте, как то предписывается во многих гримуарах. Не следует забывать, что в магии подобного рода девственный пергамент играет очень важную роль и что изготавливали его из шкуры жертвенного козленка или ягненка. Таким образом, пентакль, изображенный на девственном пергаменте, восходит к глубокой древности, о чем мы поговорим подробнее в книге II.

Скиннер и Рэнкин предполагают, что «четыре непомерных великана», которые наверняка стояли не в одном месте, а в разных точках, — это не кто иные, как Короли четырех сторон света, часто упоминающиеся в гоэтических текстах. В ходе церемонии Челлини заявляет, что духи ниже человека,

которому, согласно Святому Писанию, отведена в Господнем смысле особая роль. Но в контексте происходящего это заявление отдает бравадой и выражает не столько твердую убежденность в сказанном, сколько стремление вдохнуть отвагу в других участников ритуала.

> Некромант воззвал ко мне, прося меня, чтобы я держался твердо и чтобы я велел покурить цафетикой[1]; и вот, обернувшись к Винченцио Ромоли, я сказал, чтобы он живо покурил цафетикой. Пока я так говорил, взглянув на Аньолино Гадди, каковой до того перепугался, что свет очей вылез у него на лоб, и он был почти вовсе мертв, каковому я сказал: «Аньоло, в таких местах надо не бояться, а надо стараться и помогать себе, поэтому подбросьте живее этой цафетики». Сказанный Аньоло, чуть хотел тронуться, издал громогласную пальбу с таким изобилием кала, каковое возмогло много больше, нежели цафетика. Мальчик, при этой великой вони и при этом треске приподняв лицо, слыша, что я посмеиваюсь, успокоив немного страх, сказал, что они начали удаляться с великой поспешностью.

Применение асафетиды в качестве изгоняющего средства известно и по другим источникам, но его следует отличать от применения в процедурах, описанных в «Ключе Соломона» и в «Поэтии царя Соломона». В обоих этих текстах асафетида используется как последнее средство принуждения, чтобы заставить непокорного духа явиться перед заклинателем. Здесь же зловонные запахи находят гораздо более простое и естественное применение — как средства, заставляющие духов удалиться.

> Так мы пробыли до тех пор, пока не начали звонить к утрене. Мальчик опять нам сказал, что их осталось немного и поодаль. Когда некромант учинил весь остаток своих церемоний, разоблачился и забрал большую кипу книг, которые приносил с собой, мы все вместе с ним вышли из круга, теснясь друг к дружке, особенно мальчик, который поместился посередине и

[1] Т. е. асафетидой.

> держал некроманта за рясу, а меня за плащ; и все время, пока мы шли к себе по домам в Банки, он нам говорил, что двое из тех, которых он видел в Кулизее, идут перед нами вприпрыжку, то бегом по крышам, то по земле.

Под утреней здесь может пониматься как полночный, так и предрассветный час. Очень любопытно, что некромант принес с собой не один какой-то гримуар, а «большую кипу книг». Этим объясняются многие особенности описанного обряда — например, чтение заклинаний на разных языках. Некоторые современные маги, склонные к пуризму, рассматривают каждый отдельный гримуар как «вещь в себе». Такой страх перед «эклектикой» и отказ от любого практического или теоретического сочетания различных источников прямо противоположен методике, по которой работал реальный маг эпохи Возрождения, описанный в книге Челлини.

Очевидно, что этот некромант провел все необходимые обряды отпущения («разрешения удалиться»), но, тем не менее, некоторые духи не ушли и после того, как операторы покинули круг. Это обстоятельство опять-таки вступает в противоречие с обычным для гримуаров предписанием не выходить из круга, пока не будет полной уверенности в том, что духи удалились. Можно предположить, что духи, «бежавшие вприпрыжку» перед некромантом и его спутниками на обратном пути, относились уже к не столь опасной категории. В любом случае, в постритуальных видениях такого рода нет ничего необычного, так что вышеупомянутое предписание из гримуаров следует признать излишне механистическим.

> Некромант говорил, что, сколько раз он ни вступал в круги, еще ни разу с ним не бывало такого великого дела, и убеждал меня, чтобы я согласился заклясть вместе с ним книгу, из чего мы извлечем бесконечное богатство, потому что мы потребуем у демонов, чтобы они указали нам клады, каковыми полна земля, и таким образом мы станем пребогаты, а что эти любовные дела - суета и вздор, каковые ничего не стоят. Я ему сказал, что, если бы я знал латынь, я бы весьма охотно это сделал. Но он меня убеждал, говоря мне, что

латынь мне ни к чему не нужна и что, если бы он захотел, он нашел бы многих с хорошей латынью, но что он никогда не встречал никого с таким стойким духом, как у меня, и что я должен придержаться его совета. За такими разговорами мы пришли к своим домам, и каждому из нас всю эту ночь снились дьяволы.

Потом мы виделись изо дня в день, и некромант меня понуждал, что я должен взяться за это предприятие; поэтому я его спросил, сколько на это дело потребуется времени и куда нам придется отправиться. На это он мне ответил, что с этим предприятием мы покончим меньше чем в месяц и что самое подходящее место — это в горах около Норчи; правда, один его учитель заклинал здесь поблизости, в местечке, называемом Бадиа ди Фарфа, но что там у него были кое-какие затруднения, каковых не будет в горах около Норчи, и что эти норчинские крестьяне люди верные и имеют кое-какой опыт в этом деле, так что в случае надобности могут оказать удивительную помощь.

Как будет показано впоследствии, местность, о которой говорит некромант, была средоточием языческих пережитков и связанных с ними народных обычаев. Последние сами по себе представляют огромный интерес. И особенно важно то, что в этих обычаях находились точки соприкосновения с иудео-христианской магией гримуаров — достоянием образованных священников. Зачастую высказывается мнение, будто вся магия гримуаров христианизирована и представляет собой «подпольные» магические практики духовенства (переработки методов экзорцизма и так далее). Сторонники такой точки зрения противопоставляют эту церковную магию народной, проводя между ними те или иные произвольные разграничения. В результате цепочка аргументов замыкается в круг: любой магический текст, не удовлетворяющий этому определению, зачисляют в категорию «псевдогримуаров». На самом же деле фольклорные элементы присутствуют в той или иной степени почти во всех гримуарах, и не исключено, что наиболее репрезентативны именно те гримуары, в которых народная составляющая выражена ярче.

> Этот священник-некромант несомненнейше до того убедил меня, что я охотно расположился это сделать, но я говорил, что хочу раньше кончить эти медали, которые я делал для папы, и сказанному я сообщил и никому другому, прося его, чтобы он хранил мне их в тайне. Однако я постоянно его спрашивал, верит ли он, что в этот срок я должен встретиться с моей Анджеликой, сицилианкой, и, видя, что время очень близится, мне казалось очень удивительным делом, что про нее ничего не слышно. Некромант мне говорил, что я наверное окажусь там, где она, потому что они никогда не обманывают, когда обещают так, как сделали тогда; но чтобы я держал глаза открытыми и остерегался беды, которая со мной в этих обстоятельствах может случиться, и чтобы я принудил себя перенести нечто противное моей природе, потому что в ней он усматривает превеликую опасность; и что благо мне будет, если я уеду с ним заклинать книгу, потому что таким путем эта моя великая опасность минует и я буду причиной того, что мы с ним станем пресчастливы...

На этом приключения Челлини с некромантом завершаются. Его действительно чуть не постигла великая беда, как и предсказывал некромант: ювелиру пришлось бежать из города и в результате он неожиданно и в назначенный духами срок воссоединился со своей сицилианкой Анджеликой. Более никаких упоминаний о некроманте в книге не встречается, и можно только предположить, что тот отправился в Норчи один. Как ни досадно, Челлини так и не довелось освятить Книгу Духов и поделиться с нами впечатлениями еще об одной операции. Зато мы с вами рано или поздно отправимся на гору Сивиллы, чтобы освятить нашу собственную магическую книгу... но прежде нам предстоит другое важное путешествие.

Аргонавтика I:

подготовка и отплытие

> Фрикс умер и был погребен, но дух его не обрел покоя, ибо погребли его вдали от родины, от милых холмов Эллады. И стал он являться во снах к минийским героям и, стоя у ложа их, молить с печалью: «Приди, освободи мой дух, дабы я возвратился в край моих отцов и родичей, в минийскую землю, мне любезную». Спросили они: «Как же нам освободить твой дух?» «Плывите за море в Колхиду, — ответил он, — и привезите домой золотое руно; с ним вернется и дух мой, и я смогу, наконец, опочить с моими отцами и обрету покой».
>
> — *Чарльз Кингсли, «Герои».*

Работа над этой книгой началась в ходе исследования «Истинного гримуара», от комментариев к которому я постепенно перешел к истории гоэтической магии и к анализу ее древнейших истоков и мифов. Пытаясь разобраться в истории древнегреческих магических традиций, я неожиданно обнаружил, что чрезвычайно важное место в ней занимает миф о путешествии аргонавтов. Между тем работа продвигалась, и возникла необходимость структурировать и связать воедино все прочие темы, всплывавшие в связи с этим исследованием: различные вопросы географического и этнологического характера, а также проблемы эволюции ритуалов и прочих компонентов гоэтической магии. Здесь-то мне и пригодился сюжет о плавании аргонавтов, символически отражающий в себе и шаманское путешествие, и летопись расцвета, упадка и возрождения хтонической религии, и пути развития мистериальных культов, и историю чужеземных влияний на греческие традиции.

Когда настало время вписать мои исследования в более широкий исторический контекст, я понял, что для этого потребуется создать портретную галерею основных действующих лиц, как исторических, так и мифологических. Многие из

персонажей, которым предстояло войти в эту галерею, тоже оказались так или иначе связаными с «Плаванием Арго» — «Аргонавтикой». Кроме того, бросалось в глаза и вызывало интерес сходство этой галереи в целом с перечнем героев, открывающим «Аргонавтику». Затем обнаружилось, что прямое или косвенное отношение к «Плаванию Арго» имеют и многие другие темы моего исследования. География «Аргонавтики» подходила для моих целей как нельзя лучше: это шаманское путешествие начиналось в Фессалии, на родине античного колдовства, и вело в Колхиду, на родину самых знаменитых античных колдуний. Путь аргонавтов пролегал через многие местности, сыгравшие важную роль в истории магии, и через встречи со многими персонажами, важными в том же отношении, а обратная дорога — через Европу (будущую родину гримуаров) к западному побережью Италии и дальше, к северной оконечности Африки.

Осознав все это, я решил не искать добра от добра и взял «Аргонавтику» за основу структуры своего исследования. Казалось бы, какое отношение имеют эпические поэмы к вопросу об истоках гримуарной магии? Но этот вопрос снимется сам собой, если читатель последует за мной в путешествие по следам корабля Арго. К тому же, решившись построить свою книгу как комментарий к «Аргонавтике», я убил еще одного зайца. Большинство авторов, исследующих древнегреческие компоненты оккультизма, полностью сосредоточиваются на герметизме и других философских традициях. Но гоэтия древнее любых подобных традиций и более тесно связана с истоками мифологии, скрытыми в архаической обрядовости. Таким образом, «Аргонавтика» оказывается великолепным средством для раскрытия этой проблематики.

Из всех античных изложений мифа об аргонавтах полностью сохранилось только одно — «Аргонавтика» Аполлония Родосского. Эта эпическая поэма была написана гораздо позже гомеровских, но во многих отношениях ее автор сознательно подражает Гомеру. Аполлоний жил в Александрии, которая в его эпоху по праву считалась интеллектуальной столицей всего античного мира. При царе Птолемее II он стал главным хранителем знаменитой Александрийской библиотеки. Первая его попытка написать поэму об аргонавтах встретила такое неодобрение среди коллег по перу, что Аполлоний счел за благо

покинуть Александрию и отправиться на Родос. Здесь он переработал свою «Аргонавтику» и, завоевав громкую славу, вернулся в Александрию победителем. В отличие от других поэтов той эпохи Аполлоний не пытался отмежеваться от старой поэтической традиции, а, напротив, последовательно на нее опирался. Это обстоятельство, наряду с тем, что Аполлоний имел доступ к древним книгам и ранним версиям мифа, компенсирует относительную «новизну» его поэмы, созданной лишь в середине III века до н. э.

Немаловажно то, что Аполлоний, в отличие от Гомера, явственно симпатизировал древним мистериальным культам и питал неприязнь к официальной олимпийской религии. Многие интеллектуалы в Александрии и по всему эллинистическому миру разделяли эти предпочтения, что свидетельствует о возрождении хтонических религиозных традиций — не в последнюю очередь под влиянием орфизма. Некоторые даже включали «Аргонавтику» в число орфических книг.

Центральное место в сюжете поэмы занимает ярко выраженный шаманский мотив: одна из основных целей путешествия заключалась в том, чтобы вернуть домой душу человека, умершего на чужбине: «Ибо Фрикс повелел / Вызволить его душу с Эетова одра / И увести глубокорунный покров / Барана, которым он спасся от пучины / И безбожных мачехиных козней» (Пиндар, «Четвертая Пифийская песнь», 11а[1]). Этим отчасти объясняется и привлекательность избранной темы для автора с такими симпатиями, как у Аполлония, и наше повышенное внимание к этой поэме.

Читатели, знакомые с сюжетом «Аргонавтики», несомненно, отдают себе отчет, что многие эпизоды этого плавания с географической точки зрения невозможны. Во-первых, в те времена, когда начал формироваться этот эпос, познания в географии были еще относительно скудны, а позднейшие авторы повторяли ошибки предков из уважения к традиции. Во-вторых, миф о плавании аргонавтов вобрал в себя несколько разных сюжетов, посвященных другим легендарным путешествиям, цели назначения и маршруты которых существенно различались. Однако имелась и третья причина, а именно: земная география не имеет никакого отношения к тем аспектам

1 Пер. М. Гаспарова.

мифа, которые связаны с путешествием в магический мир. Гибкая география — вообще одна из характерных черт греческой мифологии. Например, мифическую гору Олимп относят по меньшей мере к четырем, а то и к шести различным географическим локациям. Поэтому неудивительно, что и маршрут, и даже сама цель путешествия аргонавтов окутаны покровом тайны.

Помимо основного сюжета миф о плавании Арго содержит множество эпизодов, связанных с древней магией, и множество отсылок к архаическим элементам греческой религии. Рассмотрим самые важные из них в том виде, как они представлены у Аполлония.

Поэма начинается с прибытия Ясона ко двору узурпатора Пелия, захватившего власть в фессалийском городе Иолке. Эта самая северная область Древней Греции граничила на севере с Македонией, на западе — с Иллирией и Эпиром, а на востоке омывалась морем. В классический период полагали, что гора Олимп находится именно в Фессалии. Местные жители издавна слыли искусными чародеями и знатоками «варварских» заклинаний. Таким образом, Фессалия — замечательная отправная точка для исследования греческой архаической магии. Более того, отплыв от берегов Фессалии, аргонавты держат путь на восток, к Черному морю. Географически и символически это означает, что, продвигаясь по их следам, мы оставляем классическую Грецию позади и вступаем в царство мифов и древних ритуалов, породивших гоэтию.

Царь Пелий в свое время сверг и изгнал отца Ясона, но по совету оракула Ясон отправился в Иолк, чтобы заявить о своих наследных правах. По дороге ему довелось перейти вброд разлившуюся реку, а заодно перенести на другой берег некую старуху, в обличье которой скрывалась богиня Гера. Переходя реку, Ясон потерял сандалию и прибыл в Иолк босым на одну ногу. Непарная сандалия — один из распространенных символов Гекаты, а перенесение женщины через реку — элемент некоторых балканских народных обрядов. Эти детали сами по себе довольно интересны, но слишком большого значения им придавать не стоит. Важнее другое: Ясон был облачен в леопардовую шкуру — традиционное одеяние Диониса. Так или иначе, все эти штрихи к портрету Ясона определенно указывают на некий ритуалистический контекст. Любопытно, что

река, разлившаяся на пути героя, носит название Анавр: одноименная река протекает во Фригии, на горе Ида, тесно связанной с культом Диониса. Прибыв в Иолк, Ясон предстал перед царем, которому в свое время было предсказано, что он погибнет от человека, обутого лишь на одну ногу. Пытаясь отвести от себя беду, Пелий сделал вид, что согласен уступить Ясону трон, но лишь при условии, что тот доставит ему золотое руно из далекой Колхиды.

Руно это представляло собой шкуру священного барана. Изначально, по всей вероятности, баран был черным, а затем его шкуру, возможно, окрасили пурпуром, как поступали на Крите, Самофракии и в других местах. В шкуры священных баранов, закланных в ходе торжественного жертвоприношения, жрецы облачались во время очистительных церемоний. Образ золотого руна возник, вероятно, под влиянием практики золотодобычи: на дно золотоносной реки укладывали бараньи шкуры, чтобы к ним приставали крупицы драгоценного металла. И фракийский Гебр, и Фазис в Колхиде были золотоносными реками. Общий родич Ясона и Пелия, Фрикс, некогда бежал в Колхиду на спине того самого барана, которому принадлежало золотое руно, а затем был коварно убит и погребен на чужбине. В результате на его родную землю пало проклятие, и именно для того чтобы снять это проклятие и вернуть домой неупокоенный дух Фрикса, аргонавты отправились в свой опасный поход.

Колхида

> Что такое древняя магия колхов, как не пристальное изучение Природы в самых возвышенных ее проявлениях? Что такое сказка о Медее, как не доказательство действенности сил, кои можно извлечь из семени и листа? В самых скромных и невзрачных травах они, быть может, находили то, что мудрецы Вавилона вотще искали среди самых величавых звезд.
>
> — *Бульвер-Литтон, «Занони».*

Аргонавты направлялись в Колхиду — страну, лежавшую к востоку от Черного моря, на территории современной Грузии. С севера к Колхиде примыкали горы Кавказа и земли скифов; с юга Месхетинский хребет отделял ее от Армении (где находилась гора Арарат, на которой, по преданию, нашел свое последнее пристанище Ноев ковчег). Здесь, в Колхиде, родилась Медея и здесь же, как гласят легенды, в изобилии произрастали могущественные колдовские травы и ядовитые растения. Древние греки долгое время считали, что колхи были выходцами из Египта — колонистами времен Сесостриса, легендарного фараона, которого отождествляли с Рамсесом Великим. Геродот писал, что колхи не забыли о своих египетских корнях и сохраняли не только внешнее сходство со своими бывшими соотечественниками, но и некоторые египетские обычаи, такие как обрезание. В подтверждение Геродот ссылается на характерную манеру тканья, принятую у колхов, и на особенности их языка, а также на свидетельства своих знакомых египтян[1]. Мифографы XVIII — XIX веков, начиная с Лемприера[2], принимали эту теорию как данность. Так или иначе, можно сказать одно: территория Колхиды занимала части современных Грузии и Армении, но ее народ издревле отстаивал свою самобытность и отмежевывался от соседних племен. Среди горных племен, населяющих эту местность, до наших дней сохраняются архаические традиции, перечисленные у Элиаде, который усматривает в них возможные следы влияния древних скифов. В числе этих традиций — мантические и визионерские практики, а также наличие психопомпов и некромантов-медиумов[3].

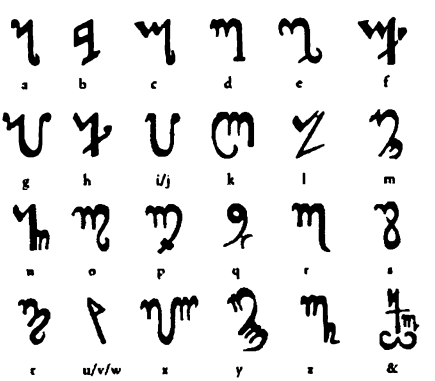
---

1 «Ведь колхи, по-видимому, египтяне <...> Колхи сохранили более ясные воспоминания о египтянах, чем египтяне о колхах. Впрочем, египтяне говорили мне, что, по их мнению, колхи ведут свое происхождение от воинов Сесострисова войска. Сам я пришел к такому же выводу, потому что они темнокожие, с курчавыми волосами. Впрочем, это еще ничего не доказывает. Ведь есть и другие народы такого же вида. Гораздо более зато основательны следующие доводы. Только три народа на земле искони подвергают себя обрезанию: колхи, египтяне и эфиопы. <...> Назову еще одну черту сходства колхов с египтянами. Только они одни да египтяне изготовляют полотно одинаковым способом. Так же и весь образ жизни и язык у них похожи» (Геродот, «История», II, 104—105, здесь и далее цитируется в пер. Г. Стратановского).

2 Джон Лемприер (ок. 1765 — 1824) — английский ученый-классик, лексикограф и богослов, составитель чрезвычайно влиятельного «Словаря античности, включающего все имена собственные, упомянутые у древних авторов» (1788).

3 «...вещуны, визионеры и некроманты-проводники душ играют определенную роль у горных грузинских племен; важнейшими среди этих чародеев и

Как родина знаменитых волшебниц Цирцеи (Кирки) и Ме- и Колхида может с полным правом — по крайней мере, на мифопоэтическом уровне — именоваться колыбелью магиче- кой традиции. Чтобы закрепить за ней это звание, совершим небольшой экскурс в позднейшую историю. Иоганн Тритемий, оказавший огромное влияние на двух других великих ма- тов — Джона Ди и Корнелия Агриппу, изобрел, среди прочего, один популярный магический алфавит. В своем трактате «По- лиграфия» (1518) он приписывает авторство этого алфавита не- кому фиванскому магу по имени Гонорий, что как будто по- зволяет провести связь с «Liber Juratus». В качестве источника Тритемий указывает Петра Абанского (1250 — 1316), и в случае, если эта отсылка верна, происхождение алфавита смещается в эпоху Средневековья. Агриппа тоже упоминает Петра Абан- ского в связи с этим алфавитом, но не исключено, что он по- просту повторяет отсылку за Тритемием. Алфавит, о котором идет речь, интересен, главным образом, в двух отношениях: во первых, как шифр, основанный не на древнееврейском, а на латинском алфавите, а во-вторых — ввиду того, что буквы его очень похожи на грузинское письмо, а Грузия — это и есть древняя Колхида, родина Медеи и Цирцеи.



Алфавит Гонория

экстатиков являются мессулетхе, которых набирают чаще всего среди женщин и молодых девушек. Их главная функция — сопровождать души умерших на тот свет, но они могут также воплощать их, и тогда умершие говорят их устами; проводник душ или некромантка, мессулетхе, выполняет свою миссию в трансе» (М. Элиаде, «Шаманизм. Архаические техники экстаза», глава 11, пер. К. Богуцкого, В. Трилис).

Вернемся, однако, к нашему повествованию. Не исключено, что изначальной целью аргонавтов была вовсе не Колхида и плыли они вовсе не за золотым руном. В более древних версиях речь идет о путешествии за янтарем, а янтарь в микенской культуре носил важные сакральные ассоциации. Многие точки на маршруте аргонавтов были связаны с торговлей этим священным минералом. Особенно интересен в данном отношении остров Самофракия, который называли также островом Электры. Электра была дочерью Атланта, и имя ее переводится как «янтарная». Таким образом, Самофракия — это, помимо всего прочего, Янтарный остров. Древние греки знали что у янтаря есть необычное свойство: если натереть его мехом, шелком и так далее, он начинает притягивать к себе перья. От греческого названия янтаря, ἤλεκτρον, происходят современные слова «электрон», «электричество» и так далее. Латинское слово *electricus* относится к эффекту электризации янтаря при трении. С магической точки зрения, это свойство позволяло поместить янтарь в одну категорию с магнитными материалами. Кроме того, греческое слово ἠλέκτωρ означает «сияющее солнце», что наделяет янтарь солярными коннотациями, значимыми в контексте нашей книги.

Арго

Строительство корабля, получившего имя «Арго», Аполлоний не описывает — предположительно, из уважения к своим предшественникам, которые уже это сделали. Но у нас с вами нет никаких причин следовать его примеру. Учитывая характер похода, предпринятого аргонавтами, значение корабля, на котором они отправились в путь, трудно переоценить. Корабль здесь выполняет те же функции, что и стрела гиперборейца Абариса[1], летающий бубен тибетских шаманов и так далее. Иными словами, это средство для перехода в иные миры.

Происхождение названия «Арго» объясняли поразному. Некоторые предполагали, что этот корабль был в

1 Абарис — в греческой мифологии гиперборейский прорицатель, жрец Аполлона. От этого бога он получил в дар волшебную стрелу, на которой летал по воздуху, и был за это прозван «Воздухошествующим».

ществительности построен и спущен на воду в Аргосе, а не в Пагасах, как утверждает традиция. Другие связывали его название с тем, что команда его состояла из греков, а тех иногда называли аргивянами[1]. Согласно еще одной гипотезе, корабль получил название по имени своего строителя, но упоминался ли этот строитель в изначальной версии мифа, мы не знаем; с таким же успехом его имя могло быть произведено от названия корабля и включено в повествование на более позднем этапе. Самое правдоподобное из всех объяснений предлагает Диодор Сицилийский, который производит название «Арго» от слова ἀργός, которое означает не только «белый» и «сверкающий», но и «быстрый». Хорошее имя для корабля! И более того, такая этимология вполне согласуется с шаманской способностью быстро переноситься на большие расстояния, которая нередко упоминается и в гримуарах.

(Слово ἀργός, предложенное Диодором как источник названия Арго, восходит к известному индоевропейскому корню. Древнейшие истоки английского слова *arrow*, «стрела», филологам неизвестны, но выводятся теоретически: предположительно оно связано со словом *ark*, «ковчег». Таким образом, с филологической точки зрения, не исключено, что *arrow* и *Argo* имеют общее происхождение. На первый взгляд может показаться, что от «Арго», от *ark*-«ковчега» далеко, как от Парнаса до Арарата, поскольку индоевропейский корень *ark* означает «тайный», «скрытый», как в английском слове *arcane*. Однако тот же самый корень обнаруживается в латинском слове *arcus*, означающем «дуга» или «свод». Англ. *archery*, «стрельба из лука», и *arch*, «арка» или «свод» как архитектурное сооружение, определенно восходят к общему корню. Однако тайна небесного корабля связана не со строительством арок, а с искусством добывания огня при помощи лука, который в древности использовался не только для стрельбы, но и как огненное сверло. Разумеется, все это лишь гипотезы, но древним грекам такая игра слов наверняка пришлась бы по вкусу.)

Согласно Аполлонию и другим авторам, корабль «Арго» построил по просьбе Ясона герой по имени Арг. Строительные работы велись в городе Пагасы в фессалийской области

[1] В произведениях Гомера слово «аргивяне» иногда употребляется как синоним греков вообще (по причине того, что во главе их стоял Агамемнон, вождь Аргоса).

Магнезия. Сосну для строительства доставляли с горы Пелион. О некоторых важных традициях, связанных с различными местностями, носившими название «Магнезия», и об этимологической связи этого названия с магнитной рудой мы поговорим позже, в книге 4. Нос (или носовое украшение) корабля был вырезан самой Афиной из додонского дуба. Знаменитая оракульная роща в Додоне была старше Дельф, что свидетельствует о значительной древности этой легенды. Афина наделила этот кусок дубового дерева речью, чтобы он помогал аргонавтам вещими советами.

Додонский оракул находился в эпирской области Феспротия, на горе Тмар (у Плиния — Томар). Все известные предания сходятся на том, что это был древнейший из всех греческих оракулов, основанный еще пеласгами. Пеласгов нередко рассматривают как доэллинское племя, но в действительности они, скорее всего, представляли собой не отдельную этническую группу, а более древний культурный слой эллинского населения. Священная дубовая роща в Додоне традиционно ассоциировалась с Зевсом, хотя в более ранний период она, вероятно, была посвящена богине земли. Пеласги считались одним из древнейших племен на свете. Они обитали в нескольких областях Греции, в том числе в Эпире, Фессалии и на Пелопоннесе, а также в Италии, на Крите и различных островах Эгейского моря.

Свое название додонский оракул получил от близлежащего города Додоны, который, как и местный храм Зевса, был, по преданию, построен либо Девкалионом, либо Пеласгом. Геродот, лично посещавший Додону, делает любопытное замечание по поводу древности этого оракула. Он пишет, что пеласги, в прошлом отправлявшие там свои обряды, не различали богов по именам и функциям[1]. До сих пор этому важному указанию не уделялось должного внимания. А между тем значение, в

1 «В прежние времена, как я узнал в Додоне, пеласги совершали жертвоприношения богам, вознося молитвы, но не призывали по именам отдельных богов. Ведь они не знали еще имен богов. Имя же "боги" [θεοι] пеласги дали им потому, что боги установили [θέντες] мировой порядок и распределили все блага по своей воле. Только спустя долгое время они узнали из Египта имена всех прочих богов (кроме имени Диониса, с которым познакомились гораздо позднее). Потом они вопросили об этих именах оракул в Додоне (ведь это прорицалище считается древнейшим в Элладе и в то же время было единственным). Так вот, когда пеласги вопросили оракул в Додоне, следует ли им принять имена богов от варваров, оракул дал утвердительный ответ. С этого-то

котором, согласно Геродоту, пеласги употребляли термин θεοί, наводит на предположение о культе, подобном культу кабиров, которых называли μεγάλα θεοί, «великие боги». Более того, непосредственно перед этим Геродот упоминает о фаллических культовых изображениях, которые греки переняли у пеласгов Самофракии[1]. Не исключено, что изначальное мужское божество Додоны было подобно фракийскому «Герою», который наделялся целым рядом функций и считался одновременно и сыном, и возлюбленным богини. Позднее греки распределили атрибуты этого «Героя» между несколькими различными божествами, получившими разные имена. Мифического предка пеласгов Пеласга считали сыном богини земли или же Зевса и Ниобы. Все эти детали поддерживают гипотезу о том, что между обычаями пеласгов и фракийцев и впрямь было много общего.

Сами греки полагали, что первоначально додонское прорицалище было связано с богиней земли и хтоническими силами. Божественные знамения толковали по шелесту ветра в листьях деревьев, чаще всего дубов, но иногда и буков. По-видимому, чтобы добиться более громких звуков, на ветви деревьев подвешивали медные сосуды, которые со звоном ударялись друг о друга на ветру, и по этому звону прорицатели толковали божественную волю. Считалось, что изначально гадали не по шелесту листьев, а по журчанию воды в священном источнике, но затем этот обычай изменился.

Согласно преданию, в древнейшие времена знамения в Додоне толковали мужчины, и лишь позднее эта функция перешла к женщинам. Древних жрецов-прорицателей называли селлами (или геллами), а жриц — пелиадами; согласно Софоклу («Трахинянки»), в священной роще постоянно жили две пелиады, а согласно Геродоту — три. Это название происходит от слова со значением «голубь», а Геродот приводит легенду,

---

времени пеласги стали при жертвоприношениях употреблять эти имена богов. А от пеласгов впоследствии их переняли эллины» (Геродот, «История», II, 52).

1 «Всякий, кто посвящен в тайное служение кабиров, совершаемое на Самофракии и заимствованное от пеласгов, тот поймет меня. Ведь Самофракию прежде населяли те пеласги, которые впоследствии поселились среди афинян, и от них-то самофракийцы переняли эти таинства. Итак, афиняне первыми из эллинов стали делать изображение Гермеса с прямо стоящим членом и научились этому от пеласгов. А у пеласгов было об этом некое священное сказание, которое открывается в Самофракийских мистериях» (Геродот, «История», II, 51).

связывающую происхождение додонского оракула с голубями. По этому преданию, из египетских Фив однажды вылетели две черные голубки. Одна прилетела в Ливию (где впоследствии был основан храм Зевса Амона), а другая — в Додону, и обе человеческим голосом объявили, что на месте, где они сели, надлежит построить оракул Зевса. Согласно одной интерпретации, эта легенда объясняется тем, что во многих областях Греции слово со значением «голубка» было синонимом эпирской старухи[1].

Согласно мифу, на горе Парнас неподалеку от Додоны, причалил после потопа корабль Девкалиона. Стоит отметить, что Девкалион был сыном Прометея — Владыки Огня и создателя людей. Позднее слава лучшего оракула Греции перешла к Дельфам, но в героическую эпоху именно Додона считалась самым главным из греческих прорицалищ.

Сбор героев

Списки героев, составивших команду Арго, существенно различаются у разных авторов. Во времена Гомера архаическая версия мифа об аргонавтах уже была широко известна, поэтому он упоминает только Ясона. Геракл, фиванский герой, был, по всей видимости, причислен к аргонавтам довольно поздно: в исходной своей форме «Аргонавтика» — фессалийский эпос. Перечень аргонавтов со временем расширялся: рассказчики стремились польстить своим слушателям, добавляя к перечню местных героев или подкрепляя притязания греческих

1 «А жрицы в Додоне сообщили вот что. Две черные голубки однажды улетели из египетских Фив, одна — в Ливию, а другая к ним в Додону. Сев на дуб, голубка человеческим голосом приказала воздвигнуть здесь прорицалище Зевса. Додонцы поняли это как волю божества и исполнили ее. Голубка же, прилетевшая в Ливию, как говорят, приказала основать там прорицалище Аммона. И это также — оракул Зевса. Это мне рассказывали додонские жрицы. Старшую из них звали Промения, среднюю Тимарета, а младшую Никандра. И другие люди из Додоны, из числа храмовых служителей, подтвердили мне их рассказ. <... > Голубками же, как я думаю, додонцы называли этих женщин потому, что те были из чужой страны и, казалось, щебетали по-птичьи. Когда затем голубка заговорила человеческим голосом, то это значит, что они теперь стали понимать женщину. Пока же она говорила на чужом языке, им казалось, что она щебечет по-птичьи. Действительно, как же может голубка говорить человеческим языком! Когда же они называют голубку черной, то этим указывают на то, что женщина была египтянкой» (Геродот, «История», II, 55, 57).

городов-государств на право торговли на Черном море. Но, так или иначе, бóльшая часть команды для нас останется безымянной. Для нашего исследования важны лишь следующие персонажи: Ясон, Пелей (отец Ахилла), Орфей, прорицатель Мопс, Арг, Эфалид, прорицатель Идмон (сын Аполлона и Кирены) и братья Диоскуры (Кастор и Полидевк).

Герои, собравшиеся в поход за золотым руном, в совокупности именуются не только аргонавтами, но и минийцами. Это название происходит от имени царя Миния, многие потомки которого взошли на борт Арго. Несмотря на все расхождения в известных перечнях, можно смело утверждать, что среди аргонавтов имелись носители совершенно особых даров. Большую часть команды составляли бойцы, но, помимо них, в походе приняли участие несколько прорицателей и — что вполне естественно — несколько опытных кормчих. Напрашиваются параллели с египетскими солнечными ладьями, которые часто упоминаются в заупокойных текстах: на борту каждой из них также имелись бойцы, защищавшие бога солнца в его подземном плавании, но вдобавок в команду входили божества магии и бог-кормчий. Солнечная ладья перевозила также души умерших, и не исключено, что именно она послужила прообразом ладьи Харона, перевозящего души в Аид. Все перечисленные мотивы находят отражение в символике путешествия в иные миры, которой, в свою очередь, насыщен миф о плавании Арго. Еще одну параллель с описаниями древнеегипетского подземного мира представляет последовательность островов и прочих местностей, в каждой из которых путешественников поджидают опасности особого рода.

Перед отплытием аргонавты приносят жертву Аполлону Эмбасию («Береголюбцу») — покровителю берегов, помогающему всходить на корабль. Эта функция бога прорицаний очень интересна и важна, особенно в контексте нашего исследования. Ему сооружают алтарь из камней, собранных на берегу, и разводят на нем костер из сухих веток оливы. Самый младший из героев подводит к алтарю двух быков, остальные несут сосуды с ячменем и водой для очищения. Сам Ясон возносит молитву Аполлону и осыпает жертвенник ячменем. Затем совершается заклание, и здесь, как и во всех подобных эпизодах, Аполлоний описывает процедуру жертвоприношения с исключительной точностью. Тем не менее, он всегда умалчивает

о том мгновении, когда на алтаре вспыхивает огонь; к смыслу этого умолчания мы вернемся позднее. После возложения мяса на алтарь Ясон совершает возлияние неразбавленным вином, а прорицатель Идмон вглядывается в жертвенный костер в поисках знамений.

По пламени, окружившему жертвы, и по темному дыму, клубами поднимающемуся от алтаря, Идмон толкует волю Аполлона: поход увенчается успехом, и герои вернутся домой с золотым руном. Однако судьба самого прорицателя печальна: он предвидит свою гибель в дальнем краю, о которой его и прежде предупреждали другие знамения. Завершив обряд, аргонавты пируют прямо на берегу; груды листвы, рассыпанной на песке, заменяют им пиршественные ложа. Подробности их застольной беседы, последующего отплытия и первых дней плавания в комментариях не нуждаются.

Гоэтическая галерея: Аргонавтика

О, как ты счастлив, смертный,
Если, в мире с богами,
Таинства их познаешь ты...

— Еврипид, «Вакханки» [пер. И. Анненского]

Некоторые достопримечательные персонажи, как мифические, так и исторические, упоминаются учеными в контексте дискуссии о «греческих шаманах» или же определяются как гоэты непосредственно в античной литературе. Все они имеют непосредственное отношение к традициям, связанным с истоками гоэтии. Имена этих деятелей нередко встречаются в исследованиях по истории гоэтии, а в их жизнеописаниях отражены многие важные аспекты соответствующей проблематики. В древней и современной литературе содержится великое множество отрывочных упоминаний об этих персонажах. Для профессионального историка или филолога, имеющего доступ к университетским библиотекам, свести подобные упоминания воедино — задача вполне посильная, но не каждый читатель, интересующийся историей магии, располагает

такими возможностями. Поэтому в ходе работы над настоящей книгой стало очевидно, что в нее придется включить отдельные рассказы о каждом из этих персонажей. Помимо прочего, это позволит нам привязать различные идеи и теории к конкретным личностям, благодаря чему изложение в целом станет более доступным. Первый раздел нашей портретной галереи посвящен нескольким персонажам, так или иначе связанным с «Аргонавтикой». Здесь вы познакомитесь с одним раненым воином-царем, совершившим целительное путешествие, с одним героем оракульного культа и с четырьмя прорицателями.

Амфиарай

Подобно многим другим персонажам нашего исследования, Амфиарай был героем одного из оракульных культов. Согласно мифам, он участвовал в охоте на Калидонского вепря, а также в плавании аргонавтов, в описаниях которого встречаются многие признаки шаманских путешествий и более или менее явные отсылки к мистериям. Это плавание объединяет между собой многих деятелей, представленных в нашей галерее. Амфиарай славился как великий прорицатель, в связи с чем его называли сыном Аполлона. Предвидя, что ему суждено погибнуть в войне Адраста против Фив, он пытался избежать участия в этом походе, но безуспешно: его жена была подкуплена и заставила Амфиарая отправиться на войну. В ходе сражения земля под ним расступилась и поглотила его вместе с колесницей, но Зевс даровал ему бессмертие. Когда весть о гибели Амфиарая под Фивами дошла до его сына, тот выполнил прощальную волю отца и отомстил за него, убив мать-предательницу. После смерти Амфиарай удостоился божественных почестей: в Оропе (Аттика) ему воздвигли статую и оракульное святилище. В магических папирусах он, наряду с Эаком, фигурирует как адресат инвокаций (см. PGM IV.1445 и примечание[1]). Некоторые исследователи предпочитают

1 В указанной строке «подземный Амфиарай» упоминается в числе хтонических богов и духов; в примечании Г. Д. Беца он охарактеризован как «древний подземный бог, в честь которого в Оропе был воздвигнут оракул, посылающий вещие сны».

рассматривать всех оракульных героев такого рода как богов; и действительно, среди подобных культов встречаются такие, которые несомненно восходят к более древним этапам развития религии. Тот, кто желал испросить совета у оракула Амфиарая, должен был в течение суток держать голодный пост и втрое дольше воздерживаться от вина. После этого проситель приносил в жертву барана и, расстелив его шкуру на земле, ложился на нее и засыпал в надежде, что ему будет ниспослан вещий сон. Такое использование бараньих шкур в ритуалах инкубации стоит и за мифом о золотом руне, и за традицией изготовления девственного пергамента, служащего основой для Пентакля Соломона и других важных магических артефактов. Согласно Плутарху, во времена царя Ксеркса к оракулу Амфиарая обратился слуга Мардония — предводителя войска, противостоявшего персам. Во сне ему привиделось, что жрец этого святилища кричит на него и бросает камни ему в голову, словно желая прогнать прочь. Прорицание исполнилось буквально: Мардоний погиб от удара камня, разбившего ему голову. Именно такие вещие сны и были типичными для подобных прорицалищ: они открывали будущее не в туманных символических образах, а гораздо более непосредственно, через видение, в котором вопрошавшему являлся жрец или само божество. Возле святилища Амфиарая находился священный источник, но использовать его воду для омовения запрещалось. Те, кому по совету оракула удавалось исцелиться от болезни, бросали в этот источник золотую или серебряную монету.

Мопс

В греческих мифах под этим именем фигурируют два прорицателя. Первый родился в городе Титаресса в Фессалии — греческой области, знаменитой своими колдуньями. Он был сыном Ампика и Хлориды. Из нескольких прорицателей, принявших участие в плавании аргонавтов, Мопс, пожалуй, самый значительный в нескольких отношениях. На обратном пути «Арго» из Колхиды, в Ливии, Мопс погиб от укуса змеи. Его усыпальница, воздвигнутая на берегу моря, стала оракульным святилищем.

Второй Мопс (при условии, что это и впрямь два разных персонажа) тоже был прорицателем — сыном Аполлона и сивиллы Манто, дочери Тиресия. Он жил во времена Троянской войны. Считалось, что он построил город Колофон и совершал чудеса в знаменитом храме Аполлона в Кларосе, неподалеку от Колофона. Кроме того, вместе с Амфилохом — еще одним провидцем и сыном той же Манто — Мопс основал город Малл в Киликии. Когда Амфилох отлучился в Аргос, Мопс захватил Малл; прорицатели стали сражаться друг с другом за власть над этим городом и погибли оба. После смерти Мопса стали как бога; его оракул в Малле славился правдивыми и неисчерпаемыми предсказаниями.

У Калханта (см. ниже) тоже был спутник-прорицатель по имени Амфилох, и с этой парой персонажей также связаны известные оракульные святилища. Змея, обратившаяся в камень во время жертвоприношения перед походом на Трою, вызывает ассоциации с архаическим образом дракона, в котором Аполлона почитали на острове Делос. Не исключено, что это была древняя эмблема доолимпийского (или даже изначального гиперборейского) Аполлона. Судя по всему, и Калхант, и Мопс, и Амфилох были связаны с этим культом, процветавшим до возвышения Дельф и до утверждения классических идеалов панэллинизма.

Автолеон, или Леоним

Автолеон, или, по другим версиям, Леоним, был полководцем из Кротоны (города, где Пифагор впоследствии основал свою школу) и сражался против локров. В легенде о нем обнаруживается немало значимых мотивов — в частности, путешествие, предпринятое для исцеления от раны, и встречи с различными обитателями подземного мира. Локры по обычаю оставляли в боевом строю пустое место в память о своем прародителе — одном из двух гомеровских героев по имени Аякс. В одном из сражений Автолеон попытался прорваться сквозь эту брешь и был ранен (в бедро или в грудь) духом Аякса. Рана долго не заживала, и Дельфийский оракул посоветовал Автолеону отправиться на Белый остров и принести жертву Аяксу

Локрийскому. По некоторым версиям, Белый остров находился в Черном море близ устья Дуная, но это, судя по всему, поздняя трактовка. Остров этот ассоциировался с Елисейскими полями — особой областью подземного мира, отведенной для блаженных душ. Здесь Автолеон встретился с Еленой Троянской, которая велела ему разыскать поэта Стесихора (ум. ок 556 до н. э.) и объяснить тому причину поразившей его слепоты. Согласно преданию, Стесихор ослеп из-за того, что дурно отозвался о Елене в одном из своих стихотворений. Узнав причину своего недуга, поэт сочинил отречение от прежних необдуманных слов и тотчас исцелился. Платон в «Федре» цитирует начальные строки его отречения: «Не верно было слово это, // На корабли ты не всходила, // В Пергам троянский не плыла»[1].

Автолеон тоже вернулся исцеленным и рассказал, что встретил в загробном царстве Ахилла (сочетавшегося там браком с Еленой), а также Патрокла, Антилоха, Аякса Теламонида и наконец, Аякса Локрийского, который его и исцелил. С географической точки зрения подобное путешествие немыслимо: невозможно себе представить, чтобы человек, страдавший от тяжелой раны, смог проделать путь из Италии в Грецию, а оттуда еще и на какой-то далекий иномирный остров. Фигура поэта, который, в сущности, замещает в этой истории больного и прикрывает его собой от некой мистической женщины, — признак магического обряда врачевания. «Аид» означает «безвидный», и здесь налицо один из тех каламбуров, которые так любили греки: возвращаясь из Аида, поэт вновь обретает зрение, то есть способность видеть. Мифологическая роль Елены отнюдь не исчерпывается званием красивейшей из смертных; эта героиня принадлежит скорее мифическому, нежели историческому времени. Она была сестрой Диоскуров, которые, между тем, участвовали в походе аргонавтов за целое поколение до Троянской войны. Фактически путешествие Автолеона можно с полным правом сопоставить с плаванием аргонавтов: это магическое странствие, сопровождающееся пророчествами и призванное возвратить утраченную душу.

1 Пер. В. Вересаева.

Калхант (Калхас)

Калхант был знаменитым прорицателем из Микен или Мегары. Его дед, вещий Идмон, участвовал в походе аргонавтов. Отец Калханта, Фестор, был жрецом Аполлона в Трое, но сам Калхант участвовал в Троянской войне на стороне греков. Дар прорицания достался ему от Аполлона. Калхант был птицегадателем и прозревал прошлое, настоящее и будущее. Сохранилось множество легенд о его пророчествах и истолкованных им знамениях, но здесь мы приведем лишь несколько из них. Когда Ахиллу исполнилось девять лет, Калхант предсказал, что взять Трою без его участия не удастся. Собираясь в поход на Трою, греки избрали Калханта своим верховным жрецом. Когда перед отплытием стали приносить жертвы, из-под алтаря выползла змея и пожрала восьмерых птенцов и их мать, гнездившихся неподалеку на дереве, а затем превратилась в камень. Калхант истолковал это знамение так, что в течение девяти лет Трою взять не удастся, но на десятый год она все-таки падет. Когда греческий флот задержался в Авлиде из-за безветрия, Калхант объявил, что попутный ветер будет послан лишь тогда, когда в жертву Артемиде принесут Ифигению, дочь греческого предводителя Агамемнона. В первой песне «Илиады» греков поражает моровая язва, и Калхант открывает ее причину: Аполлон разгневался за похищение дочери своего жреца, и мор отступит лишь после того, как Хризеиду вернут отцу.

После Троянской войны Калхант основал в ионической Греции ряд приморских оракульных святилищ. Ему помогал прорицатель Амфилох, также участвовавший в осаде Трои. Амфилох был сыном Амфиарая, с культом которого, возможно, и были связаны упомянутые святилища. Любопытно, что у Мопса, соперника Калханта, тоже был спутник по имени Амфилох.

Калханту было предсказано, что он умрет, когда встретит того, кто превзойдет его в искусстве прорицания. Эта судьба настигла его после Троянской войны в Кларосе, где стоял знаменитый храм Аполлона. Здесь Калхант вступил в состязание с Мопсом и проиграл: вначале он, в отличие от Мопса, не сумел назвать точное число смокв на дереве, под которым они стояли, а затем ошибся, попытавшись предсказать, сколько поросят принесет супоросая свинья, тогда как Мопсу снова удалось

дать точное предсказание. Калхант умер от огорчения. После смерти ему воздвигли святилище в Давнии — греческом городе в Северной Апулии (Италия). Местная легенда повествовала о царе Калханте, который полюбил Цирцею, но та отвергла его, поскольку любила Одиссея. Цирцея превратила Калханта в кабана и заперла в хлеву, а когда подданные пришли его разыскивать, вернула ему человеческий облик на том условии, что он никогда больше не вернется на ее остров. В Южной Италии также рассказывали о прорицателе по имени Калхант. Согласно этим легендам, могила и, вероятно, оракул Калханта находились в Таренте — греческой колонии, основанной после Троянской войны. Кроме того, на горе Гарган в Апулии, на побережье Адриатического моря, находилось святилище, в котором Калхант посылал паломникам вещие сны. Известна версия, согласно которой Калхант также погиб в состязании с другим прорицателем, но по иной причине: его соперник увидел, как Калхант сажает виноград, и заявил, что тот не проживет столько, чтобы отведать вино из этой лозы. Когда виноград созрел, Калхант приготовил вино и пригласил соперника попробовать его вместе. Тот повторил свое предсказание; Калхант рассмеялся, подавился вином и умер.

Ономакрит

Ономакрит, афинский прорицатель (ок. 530 — 480 до н. э.), исповедовал одну из разновидностей орфизма. Современные ученые ассоциируют орфизм с пифагорейскими школами, а Ономакрит был современником Пифагора. Он считается настоящим автором поэмы о плавании аргонавтов, приписывавшейся Орфею, и ряда стихотворений, приписывавшихся Мусею. Гиппарх, сын афинского тирана Писистрата, изгнал Ономакрита из Афин. Согласно Геродоту, его преступление заключалось в подлоге: Ономакрит выдавал свои сочинения за пророчества Мусея. Но, скорее всего, за этим обвинением стояли политические причины.

Важнее, однако, то, что упоминания об Ономакрите, встречающиеся у Геродота и в других источниках, позволяют нам точнее датировать орфические тексты. Геродот опровергает

мнение о том, что эти тексты древнее гомеровских, однако не будем забывать о том, что орфизм был не только реформаторским течением, но и реконструкцией более древних традиций. Он вобрал в себя многие элементы простонародных и чувственных верований, и довольно часто сталкивался с враждебностью как со стороны официальных культов, действовавших в греческих городах-государствах, так и со стороны последователей нереформированного дионисизма. На протяжении этой книги мы еще не раз вернемся к вопросу о том, какую важную роль сыграли орфические тексты в развитии гримуарной традиции. В настоящее время многие признают, что неортодоксальные течения, нашедшие отражение в этих текстах, стали первым провозвестием индивидуального подхода к религиозным практикам.

Орфей

Фракийские истоки культа Орфея теряются во мгле времен. Сколько просуществовал этот культ во Фракии до того, как стал известен в Греции, с уверенностью сказать невозможно. В Грецию орфизм пришел приблизительно в начале VI века до н. э., то есть в пределах того же столетия, когда впервые были собраны воедино и записаны гомеровские поэмы. Различные мистические и магические сочинения, приписывавшиеся Орфею, датируются примерно тем же периодом, хотя орфические гимны появились уже в римскую эпоху. Важная ролью Орфея в истории магии объясняется, среди прочего, тем фактом, что на него многократно ссылается Корнелий Агриппа. Элиаде в своей классической работе «Шаманизм: архаические техники экстаза» отмечает, что большинство основных мотивов мифа об Орфее имеют прямые аналогии среди шаманских практик. К числу таких мотивов он относит и нисхождение Орфея в подземный мир ради спасения Эвридики[1]. Доддс подчеркивает

1 «Что касается Орфея, то в мифе о нем обнаруживается несколько элементов, сопоставимых с шаманской идеологией и техникой. Самый значимый из них — это, разумеется, его нисхождение в Аид для возвращения души его супруги, Эвридики. Известна по меньшей мере одна версия мифа, в которой не утверждается, что в конце концов он потерпел неудачу. <...> Но Орфею присущи и другие признаки "великого шамана": его целительское искусство,

фракийское происхождение Орфея и его функции соратника или служителя некоего фракийского бога, которого греки отождествили с Аполлоном[1]. Все эти связи остаются важными вне зависимости от того, насколько уместен сам термин «шаманизм» применительно к греческой культуре.

К вопросу об элементах древнегреческой религиозной культуры, сопоставимых с шаманскими практиками, антропологи, историки и прочие ученые подходят по-разному. Одни из них рассматривают отдельные аспекты архаической религии греков и более поздних культов как пережитки шаманизма. Другие возражают против употребления культурно-специфического термина «шаман» в подобном контексте; в частности, Буркерт отдает предпочтение местному термину «гоэт».

Разногласия вызывает и вопрос о том, являются ли эти элементы коренными или заимствованными, и если они возникли в результате внешних влияний, то каких именно и в какой период. Высказывалось предположение, что они могли проникнуть в греческую культуру вследствие участившихся в VII веке до н. э. контактов со скифами и фракийцами. Эта гипотеза по-своему интересна, но не лишена некоторых сложностей и ограничений. В частности, она не объясняет присутствия элементов шаманизма в коренных традициях, возникших задолго до указанного периода. Кроме того, черты сходства с фракийскими культами обнаруживаются еще в архаических религиозных традициях Микенской Греции (1600 — 1100 до н. э.).

его любовь к музыке и животным, его "заклинания", его пророческий дар. Даже его функция "культурного героя" превосходно согласуется с шаманской традицией: кто, как не "первый шаман", был послан богом, чтобы защитить людей от болезней и привить им цивилизацию? Заключительная деталь мифа об Орфее со всей определенностью носит шаманский характер. Голова Орфея, отсеченная вакханками и брошенная в реку Гебр, продолжала петь и с песнью на устах доплыла до Лесбоса. Позднее она служила оракулом, подобно голове Мимира».

1 «Родина Орфея — Фракия, а во Фракии он является почитателем или соратником бога, которого греки отождествляли с Аполлоном. Он соединяет в своем лице черты поэта, мага, религиозного учителя и прорицателя. Подобно некоторым легендарным сибирским шаманам он может своей музыкой заставить птиц и зверей слушать себя. Как и любой шаман, он посещает подземный мир, и причина этого визита тоже типично шаманская — вызволить украденную душу. Наконец, магическое «я» Орфея существует как его поющая голова, которая продолжает прорицать и много лет спустя после его смерти. Этот факт тоже предполагает влияние Севера: подобные же прорицающие головы встречаются в скандинавской мифологии и ирландской традиции. Я бы сказал, что Орфей — фракийская фигура того же рода, что и залмоксис: мифический шаман или прототип шамана» (Э. Р. Доддс, «Греки и иррациональное» пер. С. В. Пахомова).

Еще одно затруднение связано с датировкой деятельности ряда лиц, которых изображали как греческих шаманов или аскетов, пользовавшихся шаманскими техниками. Некоторые из них, если не все, имели непосредственное отношение к мистериальным религиям, возникшим гораздо раньше VII века до н. э. Однако эту проблему можно разрешить, предположив, что под влиянием участившихся контактов с племенами Причерноморья возродились по принципу резонанса те архаические элементы, которые присутствовали в греческой культуре изначально. Некоторые из этих древних элементов, такие, например, как представления о человеческой душе, оказались вполне совместимыми с традициями других племен.

Любопытно, что Э. Р. Доддс датирует проникновение заимствованных шаманских элементов в Грецию именно VII веком до н. э. При этом в другом месте он оговаривает, что к VII веку относятся самые ранние известные нам сведения о содержании Элевсинских мистерий. Разумеется, это совпадение не объясняет ситуацию исчерпывающе, но оно дает нам удобный символ — символ тайной связи между гипотетическим шаманизмом и архаическими греческими традициями, основанными на мистериальных религиях. Я надеюсь показать, что этот символ, в свою очередь, теснейшим образом связан с фигурой гоэтического мага.

Некоторые из исторических и мифологических персонажей, имена которых упоминаются в академических дискуссиях о греческом шаманизме, связаны с Критом — колыбелью самой древней из всех греческих культур. Критские мистерии, основанные на мифе о рождении Зевса в одном из пещерных святилищ острова, обнаруживают множество параллелей с шаманскими практиками. Посвящение в критские мистерии включало в себя, среди прочего, пост, очищение, погружение в транс и путешествие в нижний мир. Пройдя эти обряды, посвященные обретали мудрость и различные магические способности, такие как власть над погодой, дар врачевания и дар прорицания.

Но здесь возникает еще одна проблема, поскольку древнейшие традиции минойского Крита не были столь уж близко родственны микенской религии. Таким образом, мистериальная религия Крита, очевидно, сочетала в себе мотивы, заимствованные у микенцев, с некоторыми сугубо местными

чертами. Сохранилось немало свидетельств того, что в исторический период мистериальные религии Крита, Самофракии, Малой Азии и других областей активно взаимодействовали и заимствовали друг у друга многие элементы. Но, тем не менее, во всех этих культовых центрах сохранялись традиции, восходящие к глубокой древности, хотя, в конечном счете, не обязательно коренные. И Элиаде, и Доддс в своих рассуждениях о греческом шаманизме подчеркивают одни и те же определяющие мотивы. Это функции Орфея как культурного героя, его власть над природой во всех ее формах и сродство с нею, тот факт, что он совмещает роли мага, поэта, религиозного наставника и прорицателя, его нисхождение в нижний мир ради спасения похищенной души и, наконец, магическая сила, которую его голова сохраняет после смерти. Доддс приходит к выводу, что Орфей — магический персонаж того же типа, что и Залмоксис: либо мифический шаман, либо некий обобщенный прототип фракийских шаманов.

К этому перечню, вероятно, следует добавить сексуальную амбивалентность, которая также часто ассоциируется с шаманами: и Орфею, и Фамириду, еще одному знаменитому мифическому певцу, приписывают как гетеро-, так и гомосексуальные любовные связи, и эта же черта присутствует в мифах о Дионисе. К гомосексуальной любви и Орфей, и Дионис обращаются после путешествия в подземный мир, куда оба они спускались за душой женщины. Насколько мне известно, этот мотив до сих пор не отмечен ни в одном исследовании, но было бы интересно узнать, как его интерпретируют в академическом сообществе.

Греки почитали Орфея как величайшего из всех поэтов и магов, когда-либо живших на свете. Ему приписывали основание мистерий и дар прорицания (в частности, гадания по полету птиц). Согласно наиболее надежным версиям мифа, Орфей был фракийским царевичем, сыном Эагра и музы Каллиопы. Греческая мифология относит его деятельность ко временам похода аргонавтов и включает его в состав команды «Арго». О том, насколько высоко его чтили, свидетельствует тот факт, что Аполлоний называет Орфея в перечне аргонавтов вторым — сразу же после Ясона. По одной из легенд, еще до участия в походе аргонавтов Орфей совершил путешествие в Египет. Диодор объясняет его странствиями позднейшие

черты сходства между мистериями Диониса и Осириса[1]; об этом сходстве писал и Плутарх[2].

Свою лиру Орфей получил в дар от бога Аполлона или, по другой версии, от Гермеса. Иногда Орфея называют сыном Аполлона, но это, очевидно, греческое нововведение, призванное повысить его статус. Интереснее то, что Гермес в свое время вручил лиру самому Аполлону: этот мотив позволяет говорить о некоем условном равенстве Аполлона и Орфея. Неоднозначность происхождения Орфеевой лиры напоминает об общности некоторых атрибутов Гермеса и Аполлона — парадоксе, так и не разрешенном мифографами-рационализаторами. Но для того чтобы понять фигуру Орфея, необходимо иметь в виду, что эти двое богов отчасти представляют собой специализированные ипостаси некоего более древнего божества. Лира в греческой культуре зачастую противопоставлялась двуствольной флейте или флейте Пана, которая — правомерно или нет — ассоциировалась с варварскими культами. Этот конфликт находит выражение в мифе о Марсии, которому нередко приписывают изобретение двуствольной флейты; а Марсия, как и Орфея и Лина, иногда называли сыном Эагра. Фригиец Марсий был связан с культами Кибелы, Диониса и Вакха. Убийство Марсия Аполлоном явно перекликается с убийствами других богов в мистериальных культах. В греческом мифе музыкальное состязание между флейтистом Марсием и лирником Аполлоном — это не что иное, как соперничество между цивилизованным и варварским ритуалами, представленное с предвзятой точки зрения образованных горожан. За этим символическим конфликтом легко теряются из виду фригийские культовые истоки мифа. А между тем известно фригийское изображение Кибелы с двумя меньшими фигурками по бокам, одна из которых держит флейту, а другая — лиру. Судя

1 «Ознакомившись с египетским учением о богах, (Орфей) перенес древнее происхождение Осириса на более поздние времена, делая угодное фиванцам. Он учредил новое посвящение, посредством которого он передал устное предание о том, что Дионис родился от Семелы и Зевса» (Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», I.23).

2 «Рассказывают, что, воцарившись, Осирис тотчас отвратил египтян от скудного и звероподобного образа жизни, показал им плоды земли и научил чтить богов; а потом он странствовал, подчиняя себе всю землю и совсем не нуждаясь для этого в оружии, ибо большинство людей он склонял на свою сторону, очаровывая их убедительным словом, соединенным с пением и всевозможной музыкой. Поэтому греки отождествили его с Дионисом» (Плутарх, «Об Исиде и Осирисе», 13, здесь и далее цитируется в пер. Н. Трухиной).

по их относительной величине, эти фигурки представляют людей, и вполне возможно, что миф о Марсии берет начало в неких ритуалах, в которых использовались оба эти музыкальных инструмента.

Таким образом, миф о Марсии указывает на архаическое происхождение не только самого Марсия, но и доорфического Аполлона. Другой фракийский певец, Фамирид, по преданию, таким же образом бросил вызов музам. Одержав победу, музы в наказание за дерзость лишили его зрения и певческого дара — то есть, вероятно, убили. И Фамирид, и Орфей упоминаются у Платона в видении Эра: оба они избрали себе перерождение в облике птиц[1].

Истинный смысл мифов о Марсии и Фамириде, по-видимому, следует искать в связи фригийской Кибелы с ритуалами, в которых участвовал царь-жрец, — связи, свидетельствующей о фракийском происхождении ее культа. С одной стороны, царь-жрец возглавлял обряды Кибелы, сопровождавшиеся музыкой и экстатическими танцами, а с другой — эта богиня играла важную роль в обрядах погребения царя. В греческой мифологии две эти роли слились в одну. В мифе о состязании Аполлона с Марсием фигурирует царь Мидас, который, согласно различным версиям, либо заявил, что победу Аполлону присудили нечестно (и был совершенно прав), либо единственным из всех судей отдал голос Марсию. Еще одна версия приписывает Мидасу изобретение флейты Пана. Именно с выступлением Мидаса в защиту Марсия связан широко известный миф о том, как Аполлон «наградил» Мидаса ослиными ушами.

В ряде мифов Мидас связывается с мистериями Диониса (например, в одном из сюжетов Мидас спасает заблудившегося Силена, которого узнал лишь потому, что был посвящен в таинства). По всей вероятности, эта связь предполагает синкретизм: культ Диониса смешивается здесь с культом Кибелы, а Дионис отождествляется с ее консортом Меном (которого греческие скульпторы изображали с тирсом в руке и во фригийской шапке). Тот факт, что два эти культа в восприятии греков сливались

1 «Эр видел, как душа бывшего Орфея выбрала жизнь лебедя: из-за ненависти к женскому полу, так как от них он претерпел смерть, его душа не пожелала родиться от женщины. Он видел и душу Фамиры — она выбрала жизнь соловья» (Платон, «Государство», X.620a, здесь и далее цитируется в пер. А. Егунова).

и один, для нас немаловажен: оба они оргиастические, и оба чествуют божественную мать и династического героя.

Традиционно считается, что музыке и пению Орфея обучили музы. Но это были не дельфийские музы Аполлона, а архаические музы «отсталой» Беотии. Представления о музах в разных местностях во многом разнились, и беотийские музы были тесно связаны с культом Диониса, особенно в той его форме, которая процветала во Фракии. Орфей очаровывал своей музыкой не только диких зверей и птиц, но даже деревья и скалы, которые снимались с места и шли на звуки его лиры; реки останавливали свой бег, чтобы послушать его игру. Вся природа предавалась во власть его музыке, и куда бы он ни пошел, его повсюду окружали нимфы.

После похода аргонавтов Орфей вернулся во Фракию и взял в жены нимфу Эвридику — единственную, кому удалось покорить его сердце. Но счастье их было недолгим. Эвридику возжелал полубог Аристей; спасаясь от его домогательств, она бежала в поля, нечаянно наступила на змею и умерла от ее укуса. Орфей, однако, любил жену так сильно, что последовал за ее тенью в Аид. Души, осужденные на муки в подземном царстве, временно позабыли о своих страданиях, внимая его прекрасной музыке, и сам Аид был так растроган, что отпустил Эвридику обратно в мир живых. Согласно самой распространенной версии мифа, тень Эвридики последовала за ним, но Орфею было запрещено оборачиваться, пока они не выйдут из-под земли. Орфей нарушил этот запрет и потерял жену навсегда. Однако, как отмечает Элиаде, существует по меньшей мере одна версия мифа, в которой не утверждается, что Орфей потерпел неудачу, и не исключено, что именно в этой версии сохранились следы более древней традиции. Стоит отметить, что запрет оборачиваться фигурирует также в культе Гекаты. Оставив подношения богине на перекрестке дорог, жертвователь должен уйти, не оборачиваясь. Взору того, кто нарушит этот запрет, предстанет сама подземная богиня, пришедшая принять жертву.

Привычная версия мифа повествует, что убитый горем Орфей отверг любовь фракийских женщин, и те в гневе разорвали его на части. Этот мотив перекликается с обрядами Вакха, в которых разрывали на куски животное, замещавшее бога; да и в мифе прямо утверждается, что женщины, убившие Орфея,

были вакханками. Аналогичный мотив типичен для шаманских инициаций, в которых духи расчленяют человека, а затем возвращают его к жизни как шамана. После смерти Орфея музы собрали его растерзанное тело и похоронили в Либетрах, у подножия горы Олимп. Велика вероятность, что и эти музы, и фракийские вакханки — одни и те же участницы мистерий на разных стадиях обряда. Голову Орфея фракиянки бросили в реку Гебр; по реке она доплыла до моря, продолжая петь, а затем волны вынесли ее на остров Лесбос. По некоторым версиям, туда же приплыла и Орфеева лира. Этот мотив может иллюстрировать или объяснять представление о Лесбосе как родине игры на лире. Но более важно то, что впоследствии с головой Орфея совещались как с оракулом — точно так же, как с черепами умерших шаманов в других культурах. Вещие черепа упоминаются и в греческих магических папирусах. Согласно другой версии, Орфей погиб от молнии Зевса. Этот вариант напоминает об инициациях, в которых соискателя ударяли громовым камнем — как Пифагора в ходе его критского посвящения в пещере Зевса[1].

Мусей

Мусей, древнегреческий поэт, которому приписывали учреждение Элевсинских мистерий, считался сыном Лина или Орфея и, согласно преданию, жил около 1410 года до н. э. Вергилий изображает его в Элизиуме окруженным большой толпой и возвышающимся на голову над своими последователями[2]. Агриппа упоминает его в связи с магическими гимнами. Мусею, как и Орфею, приписывалось авторство многих

1 «Приехав на Крит, он [Пифагор] побывал у жрецов Морга, одного из идейских дактилей, и принял от них очищение камнем-громовником, ложась ниц поутру у моря, а ночью у реки в венке из шерсти черного барана. Спускался он там и в так называемую идейскую пещеру, одетый в черную шкуру, пробыл там положенные трижды девять дней, совершил всесожжение Зевсу, видел его застилаемый ежегодно престол, а на гробнице Зевса высек надпись под заглавием "Пифагор — Зевсу", начинающуюся так: "Зан здесь лежит, опочив, меж людьми называемый Зевсом"» (Порфирий, «Жизнь Пифагора», здесь и далее цитируется в пер. М. Гаспарова).

2 «Тени вокруг собрались, и Сивилла к ним обратилась // С речью такой, — но прежде других к Мусею, который // Был всех выше в толпе, на героя снизу взиравшей» (Вергилий, «Энеида», VI.666—668).

магических книг. Под влиянием эллинизма некоторые еврейские авторы отождествляли Мусея с Моисеем. В результате Мусей и Орфей менялись местами: последний оказывался учеником Моисея. В тот же период Моисею начали приписывать создание различных магических книг. Вследствие этого процесса реатрибуции, аналогичного тому, который претерпели Сивилинны книги, звание автора первых гримуаров постепенно перешло от Орфея к Соломону. Таким образом, в контексте нашего исследования фигура Мусея важна как свидетельство непосредственной связи между орфизмом и гримуарами как носителями книжной магической традиции.

Формионы

В греческих мифах упоминаются два Формиона; кроме того, известно несколько исторических лиц, носивших это же имя. Возможно, некоторых из них смешивали с другими, но подобная путаница вполне могла отражать местные варианты мифа и попытки рационализации. Одной из таких легенд рационалистическую интерпретацию дал, как ни странно, Роберт Грейвс. В ней действует Формион, живший в Спарте, в доме, который прежде принадлежал Тиндарею — приемному отцу Диоскуров. Однажды Диоскуры пришли к Формиону под видом путников из Кирены (города в Ливии) и попросили позволить им переночевать в комнате, принадлежавшей им в детстве. Но в этой комнате жила теперь дочь Формиона, и тот ответил, что гости могут выбрать себе для ночлега любую комнату, кроме этой. Наутро боги-близнецы исчезли, а вместе с ними исчезла и дочь Формиона со всеми своими вещами. После них осталось лишь изваяние Диоскуров и ветка растения под названием «сильфион»[1], которое было главным предметом экспорта из Кирены, культового центра Диоскуров[2]. Другой Формион был рыбаком из Эритр — города в

1 Сильфион — ныне вымершее растение рода *Ferula*, разновидность фенхеля гигантского. Использовалось как пряность и обладало лекарственными свойствами.

2 В комментарии к этому мифу Роберт Грейвс утверждает: «...автор сообщает о проделке, которую сыграли с глупыми спартанцами проходимцы, переодевшись в их национальных героев. <...> Киренские купцы были именно

Ионии, где некогда жила сивилла, или пророчица. Однажды в море на полпути между Эритрами и Хиосом показался плот с изваянием дактиля Геракла[1]. Жители Хиоса и Эритр долго пытались подтянуть этот плот к своему берегу, но ни тем, ни другим это не удавалось. Наконец, Формион (который, как и Стесихор, был слеп) увидел во сне, что фракиянки из Эритр должны сплести веревку из собственных волос, и при помощи этой веревки плот наконец вытащили на берег.

Эта история напоминает римскую легенду о том, как в Рим привезли изваяние Весты (связанное с Самофракийскими мистериями и с троянским палладием). Корабль, на котором его доставили, сел на мель у берега, и сдвинуть его не удавалось никакими силами. Но в конце концов его сняла с мели и довела до берега на собственном поясе знатная женщина по имени Клавдия (по одной из версий — девственница-весталка). Клавдию обвиняли в распутстве, но, совершив это чудо, она доказала свою невинность. Разумеется, это всего лишь легенда. Настоящая роль Клавдии в этих событиях была сугубо политической. Впоследствии изваяние Клавдии установили в вестибюле храма Кибелы, чью архаическую статую (священный камень), собственно, и доставил в Рим этот корабль[2].

Но вернемся к легенде о Формионе. Сам он после этих событий прозрел, а входить в дом, где хранилась знаменитая веревка, дозволялось лишь потомкам вышеупомянутых фракийских женщин. Судя по всему, прообразы этих женщин — служительницы Самофракийских мистерий; им сопутствует «слепой» прорицатель, сам исцеляющий себя магическим образом. История с дочерью первого Формиона, пропавшей из детской комнаты Диоскуров, тоже перекликается с мистериальными легендами, повествующими о похищении или спасении

теми, кем они себя назвали, и когда они покинули дом Формиона вместе с его дочерью, оставив в качестве платы свои товары, Формион решил, что лучше всего представить все как чудо» (Р. Грейвс, «Мифы Древней Греции», пер. К. Лукьяненко).

1 Имеется в виду один из идейских дактилей (служителей Великой матери богов) по имени Геракл.

2 Имеется в виду священный камень Идейской Матери богов, который доставили в Рим ради исполнения пророчества из Сивиллиных книг: было предсказано, что если этот камень привезут в Рим, любые чужеземцы, вторгшиеся на землю Италии, будут побеждены и изгнаны. Клавдия в действительности всего лишь участвовала во встрече изваяния Идейской матери, одной из первых приняв ее на берегу.

божественной девы. Впрочем, не удивительно, что Грейвс пересказывает эту легенду с некоторым сарказмом: хозяин дома, которым прежде владел приемный отец Диоскуров, волей-неволей задастся вопросом, кто же на самом деле эти странники, утверждающие, что провели детство в его доме.

Еще одно предание, по-видимому, соединяет историю спартанского Формиона с легендой о Леониме. В этом рассказе фигурирует исторический Формион — полководец из Кротона, который, судя по всему, был известен и под другими именами. Этот Формион, подобно Автолеону-Леониму, страдал от раны, которая не исцелялась никакими средствами, словно ее нанес некий бог или божественный герой. Оракул велел Формиону посетить дом Диоскуров в Спарте. Прибыв к этому дому и взявшись за дверную ручку, Формион обнаружил, что держится за ручку двери собственного дома в Кротоне и что рана его исцелилась. В связи с этим сюжетом упоминается также некое экстатическое путешествие в Кирену. Климент Александрийский связывает имя и деяния Формиона с именами Абариса, Аристея, Эпименида, Пифагора и Зороастра[1].

Эпименид

Эпименид, критский прорицатель и эпический поэт, был современником Солона. Иногда его включают в число семи греческих мудрецов (вместо Периандра). Многие подробности его биографии на первый взгляд кажутся мифологическими, но при более внимательном рассмотрении хорошо вписываются в исторический культовый контекст. Некоторые предания о нем начинаются, казалось бы, совершенно фантастическим образом: однажды Эпименид пас стада в горах, зашел в какую-то пещеру, заснул и проспал — по различным версиям — 40, 47 или 57 лет. Но, как становится очевидно при сопоставлении с другими источниками, это не что иное, как

1 «Равным образом занимались им [гадательным искусством] и Аварис гиперборей, Аристей проконнесянин, критянин Эпименид, переселившийся в Спарту, а также мидянин Зороастр, Эмпедокл из Агригента, Формион лаконянин, Полиарат с Фасоса, Эмпедотим сиракузянин и в особенности афинянин Сократ» (Климент Александрийский, «Строматы», I.132, здесь и далее цитируется в пер. Е. Афонасина).

образное описание посвящения в Критские мистерии в пещере Зевса на горе Ида.

Мотив затворничества и длительного пребывания в трансе встречается и в жизнеописаниях многих других греческих прорицателей, поэтов и чудотворцев. Удаляясь в пещеру, они постились и переживали экстатические состояния, которые именовались «энтузиазмом» (это слово происходит от греческого корня, означающего «божественное вдохновение»). В подобных трансовых состояниях они созерцали богов и внимали их речам. Не исключено, что схожую природу имеют беседы с различными богами, записанные позднее в форме герметических трактатов. В ту же идейскую пещеру, согласно Гомеру, раз в девять лет удалялся царь Минос для беседы с Зевсом, чтобы получить от него новые законы[1].

По преданию, Эпименид утверждал, что помнит свои прошлые воплощения, в одном из которых он был Эаком (заклинателем дождя и врачевателем, ставшим после смерти судьей в Аиде). По словам Платона, Эпименид предсказал войну с персами за десять лет до ее начала[2]. Прожил он, согласно различным легендам, то ли 157, то ли 299 лет. Рассказывали, что он умел выходить из тела, а питался лишь особым растительным снадобьем, которое получал от нимф и хранил в бычьем копыте. Согласно Плутарху, это снадобье готовились из растения под названием «алим» (ἄ-λιμος), которое буквально переводится как «неголодающий» или «утоляющий голод»[3]. Комедиограф Аристофан в IV веке до н. э. приписывал употребление этого же растения аскетам-пифагорейцам, а в одном источнике V века сообщается, что им питался герой Геракл. Подобная воздержанность в пище отличает многих персонажей, представленных в нашей галерее, а во многих гримуарах подготовка к

1 Гомер, «Илиада», XIX.178—179; эти строки известны в неверном переводе В. Жуковского: «Едва девяти лет достигнув, там уж царем был Минос, собеседник Кронион [т. е. Зевса] мудрый». В действительности речь идет о царствовании не с девятилетнего возраста, а по девятилетиям.

2 «За десять лет до персидских войн прибыл он в Афины и принес там, согласно повелению бога, предписанные богом жертвы. Как раз в то время афиняне опасались персидского нашествия. Он им предсказал, что персы придут не раньше, чем через десять лет, а когда придут, будут отражены, вовсе не осуществив своих надежд и потерпев бедствий больше, чем причинив их» (Платон, «Законы», I.642d, здесь и далее цитируется в пер. А. Егунова).

3 Высказывались предположения, что «алим» — это не мифическое вещество, а реальное растение, содержавшее какой-то алкалоид, который притуплял чувство голода, а также оказывал галлюциногенное действие.

магической работе требует поста. Визит Эпименида в Афины — событие историческое, и на его основе можно приблизительно установить даты деятельности этого провидца. Он посетил Афины в 596 году до н. э. и спас город от мора посредством неких таинственных обрядов и жертвоприношений. После смерти Эпименида чтили как бога, особенно в Афинах: он не только спас горожан от болезни, но и подал им много полезных советов, а также провел некие религиозные реформы. Когда тело его стали готовить к погребению, оказалось, что оно покрыто татуировками. Возможно, эти метки были нанесены при посвящении в Критские мистерии, но у жителей материковой Греции они вызвали ассоциации с Фракией. Эти татуировки были статусными знаками, подобные которым часто встречаются у шаманов. Интересно также, что имя «Эпименид» сходно с именем одного из идейских дактилей — Эпимеда. Диоген Лаэртский в своем рассказе о критском посвящении Пифагора утверждает, что в путешествии в подземный мир того сопровождал Эпименид[1]. Тот же автор сообщает, что критяне воздавали Эпимениду божественные почести[2].

Выводы для современной практики

Магические священные писания

Современные оккультисты, не считая ортодоксальных телемитов, в большинстве своем относятся с недоверием к самой идее священных книг Телемы и прочих подобных писаний. Но, вероятно, эта тенденция отчасти и полностью объясняется тем, что многие подходят к подобным текстам с тех же позиций, что и к священным писаниям массовых религий. В предыдущих

1 «Потом на Крите он вместе с Эпименидом спустился в пещеру Иды, как и в Египте в тамошние святилища, и узнал о богах самое сокровенное» (Диоген Лаэртский, «О жизни философов», VIII.1.3, здесь и далее цитируется в пер. М. Гаспарова).

2 «...некоторые рассказывают, что критяне приносят ему жертвы, как богу, ибо он, по их словам, был наделен замечательным предвидением» (там же, I.10.114).

главах мы уже отмечали, что существует, по меньшей мере, две разновидности магических книг. И обе они, каждая на свой лад, способны откорректировать наши представления о священных магических текстах Новейшего времени. Первую разновидность составляют книги рода «Liber Spirituum» («Книга духов»), наподобие той, о которой шла речь в автобиографии Челлини. Этот класс магических книг играет исключительно важную роль в истории магической практики. Его родословную можно возвести к учению посвященных гностиков, владевших словами и печатями, которые даровали доступ на все уровни мироздания, — учению, которое книги этого рода выражают в самой конкретной и прикладной форме. Само же это учение — плод развития более древней разновидности магических книг, самый яркий образец которой — древнеегипетская «Книга выхода днем».

«Liber Spirituum» как совокупный договор с духами

В своих комментариях к «Истинному гримуару» я подробно рассматриваю и объясняю ту центральную роль, которую в книгах гримуарного жанра занимает девственный пергамент как залог успешного договора с духами. «Liber Spirituum» — отнюдь не исключение из этого правила: подобные книги также содержат в себе листы девственного пергамента, на которых духи должны оставить свои подписи. Следовательно, «Liber Spirituum» — это совокупный договор со всеми духами той традиции, в которой работает маг. Обладание такой книгой возводит мага на более высокую ступень власти и мастерства по сравнению с теми его коллегами, которые имеют дело лишь с отдельными духами от случая к случаю. Другого подобного магического орудия, отличающего высокий уровень достижения, попросту не существует. Поэтому «Liber Spirituum» важна ничуть не меньше, чем договор с духами как таковой, и по своим функциям вполне сопоставима с последним. Разница между ними лишь в том, что «Книга духов», в отличие от частных договоров, носит всеобъемлющий характер; но в том случае, если маг, действующий по

методу «Истинного гримуара», прорабатывает всю иерархию духов от начала и до конца, это различие становится несущественным. Метод «Истинного гримуара» в этом отношении удобен тем, что многочисленные договоры с индивидуальными духами составляют в нем неотъемлемую часть всей процедуры в целом.

В «Четвертой книге оккультной философии» описываются два ритуала изготовления подобной книги, но впоследствии принципы создания «Liber Spirituum» претерпели ряд изменений. В прошлом маг, как правило, собственноручно писал и иллюстрировал «Книгу духов». Однако после того, как во Франции начали выпускать серию дешевых печатных гримуаров, известную как «Синяя библиотека» (в которую входит и «Истинный гримуар»), от этого правила отказались. Стали считать, что «Книгой духов» может стать любой печатный гримуар, если его подпишет Люцифуг Рофокаль: задний форзац фактически превращается в договор. Эта идея упоминается в «Гримуарах» Оуэна Дэвиса, а в современном контексте анализируется в статье Джонни Джекобсона «"Великий гримуар": договоры с демонами», опубликованной в сборнике «Дьяволикон»[1]. В гримуарах из «Синей библиотеки», как правило, содержались не только сигилы духов и обряды для их вызывания, но и их портреты. Позднее возникло представление о том, что вместо «Книги духов» можно использовать тот или иной гримуар, который тем самым фактически приравнивался к «Книге духов».

Более близким к нам по времени примером тесной связи между гримуаром и «Liber Spirituum» служит знаменитый

1 «...в основе "Великого гримуара" лежит концепция "Liber Spirituum" и ее изготовления и применения. "Liber Spirituum" ("Книга духов") — это книга заклинаний, упомянутая в «Четвертой книге оккультной философии» (1559) псевдо-Агриппы. <...> "Liber Spirituum" представляла собой освященную книгу, в которой были изображены от руки печати всех злых духов, принесших карцисту [т. е. заклинателю. — *Пер.*] священную клятву повиновения в этом мире. Демонов, связанных такой клятвой, карцист мог затем призывать на помощь по мере нужды, проводя определенные магические операции. Содержание "Liber Spirituum" в "Четвертой книге оккультной философии" не воспроизводится: последнюю предлагается понимать всего лишь как комментарий к подобной "Книге духов". Соответственно, "Великий гримуар" можно рассматривать как разновидность "Liber Spirituum" — практическое пособие, некогда принадлежавшее мастеру черных искусств и содержащее в себе заклинания и печати» (Johnny Jakobsson, "Le Grand Grimoire: Pacta Conventa Daemonorum". // *Diabolical*. Scarlet Imprint, 2009, pp. 145—146).

современный гримуар «Liber 231» с его сигилами и именами духов. Рисунки сигилов из «Liber 231» очень похожи на сигилы из рукописных гримуаров. Сами же духи, перечисленные в этой книге, как и в ее гностических и египетских прототипах, олицетворяют различные этапы духовного путешествия (в данном случае — пути каббалистического Древа Жизни).

Более комплексную параллель с гримуарами и магическими священными книгами вообще составляют орфические тексты. Исследователи еще только начинают осознавать, насколько важное место занимают эти тексты в истории культуры. Орфические книги, первые из которых появились не позднее V века до н. э., сыграли поистине революционную роль. Традиционные местные и государственные культы располагали собственной поэзией, но священных книг у них не было. Орфические тексты положили начало принципиально новой литературной форме и религиозно-магической традиции нового типа — традиции, целиком и полностью основанной на мистических текстах, а не на древних и зачастую малопонятных изустных преданиях, сложившихся в результате коллективного творчества.

Литературу такого рода следует рассматривать в контексте общекультурных изменений, происходивших в греческом обществе. С развитием полиса возникли условия для выделения индивидуума из коллективной среды. Орфические книги — плоды грандиозной революции, совершившейся в религиозно-духовной области вследствие этих перемен. В новых условиях частные религиозные объединения и индивидуальные толкования получили возможность соперничать и с государственными культами, и с местными традициями и даже фактически превзошли их по значению. Таким образом, орфические книги представляют собой первые письменные выражения личных отношений с миром богов и духов — отношений, во многом уже не зависящих от общепринятой традиции и определенно с ней конкурирующих. И следует настоятельно подчеркнуть, что эти литературные выражения духовной независимости заложили основу для всего последующего развития гримуарного жанра.

Философы-практики

На протяжении многих десятилетий ученые спорили о том, какое отношение имеют к герметическому корпусу магические папирусы. Первоначально герметические тексты рассматривали как образцы возвышенной философской литературы, а магические папирусы относили к области вульгарного колдовства. Некоторые исследователи, впрочем, утверждали, что существовало два рода герметизма — высокий и низкий, и что тексты герметического корпуса были ориентированы на философскую элиту, а магические папирусы — на простого, неискушенного читателя. Такая точка зрения, по крайней мере, относит эти два класса текстов к некоему единому спектру, хотя и к противоположным его концам. Но сравнительно недавно появилась новая концепция, согласно которой герметический корпус отличается от магических папирусов лишь постольку, поскольку теория всегда отличается от практики. Некоторые исследователи указывают, что герметические тексты проникли в Западную Европу через посредство византийских рукописных копий, и на этом основании предполагают, что магические элементы, содержавшиеся в более древних оригинальных текстах, могли быть изъяты редакторами-неоплатониками. Определенно заслуживает внимания тот факт, что византийский ученый-неоплатоник Михаил Пселл называет Гермеса Триждывеличайшего гоэтом, или волшебником: «...этот гоэт (Гермес Трисмегист), по-видимому, был не понаслышке знаком со Святым Писанием». Любопытно, однако, что свои собственные познания в демонологии Пселл объясняет ученичеством у некоего «пророка из Эласонии». Этот пророк, в свою очередь, принял посвящение от Алета Ливия, получив от него снадобье и мазь, при помощи которых превращался в ворона и летал, где ему будет угодно, через пространство и время. Удивительное сходство между этими сведениями и легендой об Аристее из Проконнеса (VII век до н. э.)[1] свидетельствует

1 Аристей из Проконноса (ок. VII века до н. э.) — древнегреческий поэт, путешественник и чудотворец. Был служителем Аполлона и, согласно легенде, сопровождал его в облике ворона. Предание об Аристее приводит Геродот: «Как передают, Аристей был родом из самых знатных граждан Проконнеса. Однажды он пришел в сукновальную мастерскую и там умер. Валяльщик запер свою мастерскую и пошел сообщить родственникам усопшего. По городу

о прямой преемственности между византийской ученостью и истоками гоэтической традиции, впоследствии породившей гримуары.

С «Пикатриксом» на Западе познакомились через посредство арабов, а не византийцев. Но тем не менее этот трактат проникнут той же эллинистической философией герметизма и вырос на ее основе. Герметическое наследие представлено в этом тексте в обеих своих ипостасях — и теоретической, и практической, — спаянных в одно целое.

Многие направления современной магии, как традиционные, так и возникшие сравнительно недавно, нередко классифицируются как герметические. При всех своих возможных недостатках это определение небесполезно, поскольку подразумевает оба аспекта герметизма — и теоретический, и практический. С другой стороны, философское движение неоплатонизма также сыграло огромную роль в развитии древней магии, а его практическая сторона нашла воплощение, среди прочего, в теургии Ямвлиха. Орфизм тоже включал в себя и элементы чистой философии, и такие практические методы, как посвятительные обряды, некромантические процедуры, ритуальные очищения и т. д. Но вне зависимости от того, причисляет ли себя маг к последователям какого-либо из этих учений или нет, перед ним по определению стоит необходимая задача: найти прикладное применение тем мифологическим элементам, которые заключает в себе древняя гоэтическая магия.

между тем уже пошла молва о смерти Аристея, но какой-то кизикенец из города Артаки оспаривал эту весть. По его словам, он встретил Аристея на пути в Кизик и сам говорил с ним. Кизикенец настойчиво утверждал, что он прав. Родственники усопшего пошли между тем в сукновальню со всем необходимым для погребения. Но когда они открыли двери дома, то там не оказалось Аристея ни мертвого, ни живого. Через семь лет Аристей, однако, снова появился в Проконнесе и сложил свою эпическую поэму, которая теперь у эллинов называется "Эпос об аримаспах". Сочинив эту поэму, он исчез вторично.

<... > в Метапонтии, в Италии, через 240 лет после вторичного исчезновения Аристея произошло следующее <... >. Аристей, по словам метапонтийцев, явился в их страну и повелел воздвигнуть алтарь Аполлону и возле него поставить статую с именем Аристея из Проконнеса. Ведь Аполлон пришел, говорил он, из всех италиотов только к ним одним [в их город Метапонтий], а в свите бога прибыл также и он сам — ныне Аристей. А прежде как спутник Аполлона он был вороном. После этих слов Аристей исчез. Метапонтийцы же послали в Дельфы вопросить бога, что означает явление призрака этого человека. Пифия повелела им повиноваться призраку, так как это-де послужит им ко благу. Метапонтийцы послушались совета Пифии. И действительно, там еще и теперь стоит статуя с именем Аристея подле самого кумира Аполлона, а вокруг растут лавровые деревья. Кумир же бога воздвигнут на рыночной площади» (Геродот, «История», IV.14—15).

Возможно, некоторым читателям проще признать важность практики, нежели смириться с представлением о магах как о философах. Однако это представление отнюдь не ново: едва ли не важнейший из всех классических трудов по западной магии, трактат Корнелия Агриппы, носит название «Оккультная философия». В древности некоторых выдающихся философов считали магами. В частности, Эмпедокл, развивший учение о четырех стихиях, заложил одну из фундаментальных основ всей западной теории магии. Его собственная магия, без сомнения, включала в себя практическое приложение этого учения. С данной точки зрения магию можно рассматривать как практическую сторону философии. Интересные соображения о взаимосвязи между теоретическим и практическим аспектами магии высказывает Стивен Флауэрс во введении к своей «Герметической магии»[1]. Коротко говоря, практика — это применение теории, будь то системная философская теория (наподобие герметизма или неоплатонизма) или же какое-либо частное теоретическое понятие (наподобие теории магических симпатий).

В ходе этого исследования мы будем рассматривать истоки поэтии в контексте практик варварских (фракийских и скифских) шаманов. Среди фракийцев встречались аскеты, чьи моральные принципы и эсхатологические верования оказали заметное влияние на пифагорейские и орфические школы в Южной Италии и других областях. С другой стороны, религиозное содержание орфизма и пифагореизма во многом восходит к культам Деметры и Диониса и включает в себя заимствования с Востока. Древнейшие дионисийские культы были

1 «Теория — это не какое-то бесстрастное накопление фактов, преследующее сугубо познавательные цели. Напротив, это процесс оживления тех внутренних моделей мышления, которые, в свою очередь, питают и животворят магическую практику. Практика, оторванная от серьезной теоретической базы, обычно сводится к бессмысленной тарабарщине, причем настолько часто, что последнюю приходится признать типичной для "оккультистских" кругов. Греческое слово θεωρία (от глагола θεωρεω) означает "созерцание". Подлинная теория должна основываться на размышлениях, гораздо более глубоких, нежели те, которым мы обычно предаемся в повседневной жизни. А подлинно герметическая теория может развиваться только в тесной связи с практикой — πρᾶξις.

Практика — это непосредственное применение или воплощение в жизнь теоретической базы. Каждая практическая операция при условии серьезного осмысления будет, по всей вероятности, вносить какие-то коррективы в теорию, пока не удастся достигнуть какого-то истинного, герметического понимания» (Stephen Flowers, *Hermetic Magic*. York Beach, ME: Samuel Weiser, Inc.,1995, p. xiii).

экстатическими и обеспечили мощный противовес аскетическому течению. Эти культовые аспекты древней гоэтии (наряду с другими элементами, которые мы рассмотрим позже) заложили мифологическую основу не только для чистой теории, но и для практики. Соответственно, читая рассуждения Флауэрса об оживлении или экстернализации внутренних моделей мышления, следует иметь в виду, что эти модели не только включают в себя различные теоретические соображения, но и, что не менее важно, находят выражение в образах мифа. Магия без теории — мертвая буква, бессмысленный рецепт; но теорию невозможно воплотить на практике без некоего мифологического языка. А язык архаической практики гоэтии, в какую бы философскую модель она ни включалась, в сущности и состоит из вышеупомянутых образов мифа.

Соответственно, на протяжении этой книги неоднократно будут приводиться различные примеры магической практики. Многие из этих процедур совершенно «приземленные»: они больше похожи на методы худу, чем на сложные ритуалы, некромантические заклинания и прочие изощренные операции. Но кажущаяся простота подобной «кухонной магии» — это еще не повод презирать ее. Компоненты всех магических опытов, которые мы будем рассматривать, от магнитов и железа до различных растений, оливкового масла и т. д., тесно связаны с мифологическими темами нашего исследования. Магическая работа с материальными предметами, доступными чувственному восприятию, — это своего рода овеществление магического языка: маг, проводящий подобные операции, преодолевает время и воссоединяется с прародителями и богами своей традиции.

Магический круг как ритуальное пространство

Магические круги использовались в магии на протяжении нескольких тысяч лет: в одном ассирийском тексте описывается круг, насыпанный из извести и муки вокруг семи статуэток крылатых духов, которые, в свою очередь, устанавливались перед изваянием Нергала. Маги, работавшие с таким кругом,

были, по-видимому, жрецами этого бога, а магическая практика входила в число их официальных функций. Этот факт немаловажен ввиду связи Нергала с греческим Аполлоном, который, со своей стороны, был божественным покровителем магов-орфиков. Однако это лишь малая часть истории.

Некоторый свет на значение магических кругов в гримуарном контексте проливает описание, содержащееся в сокращенных изданиях «Открытия колдовства» Реджинальда Скота. Оно предвосхищает современное представление о том, что такие обряды, как, например, Малый ритуал изгоняющей пентаграммы, успешно формируют воображаемый круг (против чего иногда возражают так называемые маги-традиционалисты). Это описание стоит процитировать полностью.

О магических кругах и о причине, по которой их созидают

Маги и самые ученые из заклинателей используют круги различными способами и в различных целях. Во-первых, когда время или место не позволяют с удобством начертить настоящий круг, они созидают круг воображаемый — посредством заклинаний и освящений, без ножа, карандаша и циркуля, очерчивая вокруг себя круглый участок земли в девять футов [около 2,7 м диаметром] и освящая его словами и церемониями, кропя своей святой водой по всему кругу до вышеуказанной границы; и далее, посредством некоей церемонии, изменяют свойства этой земли, превращая ее (как они говорят) из обычной в освященную и пригодную для магических целей.

Как освятить воображаемый круг

Пусть заклинатель, облаченный в черное одеяние длиною до колен, а под ним — в белую рубаху из тонкого льна длиною до щиколоток, твердо встанет в середине того места, где он намеревается совершать свои заклинания; и пусть бросит свои старые башмаки на десять ярдов [около 9 м] прочь от того места и обуется в освященные башмаки из коричневой кожи с крестовидным разрезом сверху на каждом башмаке. Затем пусть трижды простре руку со своим магическим жезлом, а

именно - новой ореховой палкой длиною около двух ярдов [около 1,8 м], на все четыре ветра по три раза, оборачиваясь по кругу к каждому ветру и произнося все следующее с сердечным пылом:

Я, слуга Всевышнего, силою Его святого имени «Иммануэль», освящаю для себя сию окружность в девять футов, ✝✝✝, с востока, Глаурах [Glaurah]; с запада, Гаррон [Garron]; с севера, Кабон [Cabon]; с юга, Берит [Berith]; и принимаю эту часть земли за действенную защиту от всех духов злобы, дабы не возымели власти над душою или телом моим и не перешли границы сей, но, будучи призваны, отвечали правдиво и не смели преступить своих оков: воррах, воррах, харкот [worrah, worrah harcot]. Гамбалон [Gambalon]. ✝✝✝

После этих церемоний место, освященное подобным образом, станет равносильно любому настоящему кругу.

В этом отрывке содержится немало интересных деталей, и по меньшей мере одна из них требует комментария. Скот отличает магов (*magitians*) от ученых заклинателей (*conjurers*). Очевидным образом, это два разных класса операторов: маги — по определению люди ученые, тогда как заклинатели могут быть и малообразованными. И это не единственный случай, когда специалистов, использующих гримуарные методы (с теми или иными вариациями, характер которых не уточняется), разделяют на классы. В книге Вейера, написанной раньше и более содержательной, чем «Гоэтия царя Соломона», упоминается демон, которого, операторы, принадлежащие к различным классам, называют разными именами:

18. Берит [Berith] — великий и ужасный герцог, и у него есть три имени. Одни называют его «Беалл» [Beall]; евреи — «Берити» [Berithi], а нигроманты — «Больфри» [Bolfri]. Он выступает в образе красного воина в красных одеждах и верхом на коне того же цвета, с короной на голове. Он отвечает правдиво на вопросы о прошлом, настоящем и будущем. Заклинать его надлежит в определенный час, принуждая к повиновению божественной силой и при помощи магического

> перстня. Он лжив; он превращает все металлы в золото; он дарует человеку почести; он говорит голосом чистым и тонким и властвует над двадцатью шестью легионами.

Один из этих классов (к которому автор определенно себя не причисляет) — некроманты, то есть, собственно, настоящие гоэтические маги. Вейер фактически проявляет такой же снобизм, с которым афиняне и прочие «утонченные» греки относились к Беотии и другим «отсталым» областям, где многие хранили верность старым обычаям. Поэтому вернемся к вопросу о связи между концепцией магического круга и древнегреческой традицией.

Греческий религиозный обряд совершался не в храме, а под открытым небом. Основной разновидностью ритуала было жертвоприношение, а прочие обрядовые элементы — например, песнопения — носили лишь вспомогательный характер. Между ритуалом и повседневной деятельностью проводилась четкая граница: этой цели служили, в частности, омовение, облачение в чистые одежды традиционного покроя и украшение головы венком из веток соответствующего случаю растения. Участники ритуала собирались и направлялись к месту его проведения торжественной процессией, как то предписано ученикам мага в «Ключе Соломона»[1]. Добравшись до места, они очерчивали круг, тем самым отгораживая ритуальное пространство и участников обряда от всего мирского. В круг вносили священные предметы, в том числе сосуд с водой, которую затем использовали для очищения людей и животных, участвующих в ритуале. Далее следовали призывания, молитвы и, собственно, жертвоприношение.

Обсуждать здесь все подробности жертвоприношения и прочие аспекты ритуала нет нужды: Вальтер Буркерт уже

1 «Далее пусть он [Мастер] распределит между Учениками орудия Магического Искусства, которые каждый из них должен принести в Круг. Первый Ученик должен нести кадило, ароматы и Храмовое Благовоние; второй — книгу, бумагу, перо, чернила и те зловонные вещества или нечистые материалы, что необходимы для операции; третий — нож и серп Магического Искусства, фонарь и свечи; четвертый — псалтырь и остальные орудия; пятый — тигель или жаровню, а также древесный уголь или иное топливо; сам Мастер должен нести посох и жезл. Распределив таким образом необходимые орудия и принадлежности, Мастер вместе с Учениками должен отправиться в назначенное место, где они намерены создать круг для магических операций и опытов, по пути повторяя молитвы и торжественные речи...».

проделал эту работу в своей «Греческой религии» (стр. 56 — 58)[1], из которой я в свое время и почерпнул вышеизложенные

1 «Жертвоприношение есть праздничное установление сообщества, отчетливо противопоставленное будничности: совершается омовение, надеваются чистые одежды и украшения — в частности, на головы возлагаются сплетенные из ветвей венки (но у Гомера этого еще нет). Животное также украшают, обвивая лентами, золотят ему рога. Его сопровождают процессией к алтарю. При этом обычно ожидают, что животное проделает жертвенный путь, не сопротивляясь, «добровольно». Предания в назидательном духе повествуют о том, как животные, когда приходило положенное время, по собственной воле устремлялись к месту жертвоприношения. Непорочная дева во главе процессии несет на голове жертвенную корзину, в которой лежит жертвенный нож, скрытый под зернами или пирогами. С собой несут и сосуд с водой, часто также треножник для воскурения благовоний. С процессией идут музыканты, как правило, флейтист или флейтистка. Целью является издревле «утвержденный», «воздвигнутый» каменный алтарь или кострище. Только там может и должна пролиться жертвенная кровь.

Когда процессия достигла священного места, обозначают круг, внутри которого находятся площадка для жертвоприношения, животное и участники действа. Всех, стоящих по кругу, обносят жертвенной корзиной и сосудом с водой, таким образом отделяя священное от профанного. Все стоят «вокруг алтаря». В качестве первого общего действия участники один за другим, по кругу, льют воду из сосуда себе на руки: это начало, *archesthai*. Животное также окропляют водой; то, что оно при этом встряхивает головой, истолковывается как кивок, как знак согласия. "То (животное), которое само кивает во время омовения рук, его, говорю я, ты должен по праву принести в жертву", — такова была воля Дельфийского бога, данная в оракуле. Быку дают пить: так и его побуждают склонить голову. Участники действа вынимают из жертвенной корзины необмолоченные ячменные зерна (*oulai*, *oulochytai*) и держат их в руке, тем временем наступает тишина, и жрец произносит молитву, обращение к божеству, пожелание, обет. Голос его звучит громко и торжественно, руки воздеты к небу. Затем, как бы для того, чтобы скрепить его слова, все бросают зерна перед собой, осыпая ими алтарь и жертвенное животное; во время некоторых ритуалов кидают не только зерна, но и камни. Эта часть ритуала, вместе с омовением рук, также носит название "начала" (*katarchesthai*).

Жертвенный нож в корзине теперь виден всем. Главный среди участников жертвоприношения берет в руки нож, подходит, пряча его, к жертвенному животному, срезает на его лбу клок шерсти и бросает в огонь. "Принесение в жертву волос" — последняя часть, относящаяся к "началу": еще не пролилась кровь, но жертва перестала быть целой и невредимой.

Теперь жертву забивают. Небольших животных поднимают над алтарем и перерезают им горло. Крупный рогатый скот оглушают ударом топора, после чего вскрывают сонную артерию. Кровь собирают в чашу и разбрызгивают ее по алтарю, включая и его боковые стенки. В этом состоит благочестивый долг — омыть алтарь жертвенной кровью (*haimassein*). Находящиеся среди присутствующих женщины должны в момент смертельного удара испустить высокий и пронзительный вопль: "греческий обычай жертвенного вопля" отмечает точку высшего эмоционального напряжения, жизнь как бы перекрикивает смерть.

С животного снимается шкура, его разделывают. Сначала в огне алтаря обжариваются внутренние органы, прежде всего сердце и печень (*splanchna*). Иногда самым первым вырывают из гуши еще трепещущее сердце. Тотчас же отведать внутренностей есть преимущественное право и обязанность самого тесного круга "участников", ближе всего стоящего к алтарю. Затем «освящают» несъедобные остатки: кости "в правильном порядке" кладут на костер, который для этого заранее возжигают на алтаре. У Гомера туда же кладутся и "начатки" — маленькие кусочки мяса от каждого члена животного: разделенное на части существо должно быть символически воссоздано. Более поздние тексты

ведения. Поразительно то, до какой степени это противоречит распространенному мнению, во-первых, о том, что для магического поклонения в кругу, принятом в современном ведовстве, не существует исторических прецедентов, а во-вторых, о том, что круги в церемониальной магии служат лишь для защиты от демонических сил и имеют сугубо ближневосточное происхождение.

Между тем даже в гримуарах роль круга вовсе не исчерпывается защитой: и круги, и треугольники в гримуарной магии исполняют различные функции и различаются по строению и местоположению. Круг, заключающий в себя треугольник, в целях кристалломантии могли чертить как на полу, так и на крышке алтаря. Изображения, служащие для инвокации, оператор мог класть себе под ноги или держать в руке («О египетских мистериях» Ямвлиха[1]; «Мистическая гептархия» Ди[2]); чертежи, аналогичные магическим кругам, могли размещаться

и изображения выделяют кости таза и хвост, у Гомера (как формульное выражение) неоднократно встречается словосочетание "бедренные кости", которые предают сожжению. Съедобные дары, пироги и каша, в небольших количествах сжигаются вместе с несъедобными остатками, но прежде всего жрец льет вино в огонь, так что спирт вспыхивает. Когда *splanchna* съедены и огонь догорел, начинаются приготовления собственно к мясной трапезе, жарка или варка мяса. Эта часть ритуала носит в большинстве случаев профанный характер. Впрочем, нередко действует правило, по которому приготовленное мясо нельзя уносить с собой, оно без остатка съедается в святилище. Шкура остается в святилище или отходит жрецу.

Некоторые элементы ритуала жертвоприношения животных могут отличаться друг от друга в зависимости от того, что диктует местный "обычай предков". Основа же всегда неизменна: жертвоприношение есть ритуальное заклание с последующим поеданием мяса. При этом преимущественный смысл обряда как священного действия скрыт в приготовлении к жертвоприношению и в последующем приведении всего в прежнее состояние: сакрализации и десакрализации места вокруг центра, в котором происходит умерщвление, связанное с оружием, кровью, огнем и пронзительным криком» (В. Буркерт. «Греческая религия. Архаика и классика». Пер. М. Витковской и В. Витковского. СПб., Алетейя, 2004, стр. 102—104).

1 В трактате «О египетских мистериях» Ямвлих рассматривает мнение, связанное с обрядами прорицания: «"Некоторые, встав на изображения, как бы исполняются проницательности" <... >. Ибо есть кое-кто, кто <... > полагает, будто достаточно лишь постоять на изображении, причем совершив это однократно, и считает, будто в него входит некий дух» (III.13, здесь и далее цитируется в пер. Л. Ю. Лукомского).

2 В 3-й главе трактата «Мистическая гептархия», в визионерском диалоге между Джоном Ди и ангелом Уриилом содержится следующий обмен репликами:

«Д[и]: Знаки и слова, сопутствующие именам царей во внешнем ободе этого великого круга или сферы, — как их следует использовать?

У[риил]: Их надлежит начертить краской на сладком дереве и держать в руке, когда тебе понадобится их использовать».

на небольших талисманах или пентаклях для использования в операциях, приуроченных к тем же дням недели, что и данная конструкция круга (например, круги из «Гептамерона» используются в «Ключах рабби Соломона» для изображения на пентаклях; см. «Истинный ключ Соломона» Скиннера и Рэнкайна, стр. 104 и 124). В третьей книге «Ключа Соломона», содержащей заклинания из «Истинного гримуара», в некоторых случаях предписывается очерчивать кругом тот или иной предмет и воздействовать на него снаружи круга. Кроме того, приверженцы магии и религий магического толка задолго до Алистера Кроули («Liber 333», глава 36[1]) или Джеральда Гарднера («Книга теней»[2]) догадались, что участники ритуала могут находиться в одном ритуальном пространстве с богами и духами.

Короче говоря, круг — это отнюдь не устаревший символ суеверного страха перед духами, а преднамеренно отгороженное ритуальное пространство, которое может служить самым разным целям. Разумеется, круг нужен не для всех разновидностей ритуальной практики, но утверждать, что он бесполезен, — большое заблуждение. Формирование сакрального пространства — это один из самых древних и основополагающих ритуалов, и осознанные действия по его созданию могут именоваться «психоактивными» с таким же правом, как и любое вещество, изменяющее сознание.

Мифологическая география

Как упоминалось выше, в связи с миграциями и некоторыми другими факторами на вопрос о том, где находится гора Олимп, в Древней Греции отвечали по-разному. Схожим образом умножались или неоднократно переносились с места на место и многие другие сакральные объекты. Например, кузница Гефеста, первоначально помещавшаяся в Малой Азии или на острове Лемнос, позднее стала связываться с сицилийским

1 Имеется в виду телемический ритуал «Звездный Сапфир», в котором маг создает вокруг себя астральный круг, а затем призывает бога Сета в центр этого круга (фактически в свое собственное тело).

2 Имеется в виду викканский ритуал «Низведение луны», в котором маг призывает Богиню в тело жрицы, стоящей в магическом круге перед алтарем.

вулканом Этна. Подобная гибкость мифологической географии, выполнявшая, без сомнения, свои особые функции в античном обществе, должна навести нас, современных магов, на серьезные размышления. Секуляризованный ландшафт современного мира утратил миф и магию только потому, что мы сами это допустили. В конце концов, мир наших фантазий не обязан рушиться при столкновении с так называемым реальным миром; напротив, необратимое отделение внутреннего мира от внешнего совершенно нежелательно, да и, по большому счету, невозможно.

Горы, погребальные курганы, перекрестки дорог, памятники, могилы, деревья, ручьи и реки — все эти местности и объекты в древности были нуминозными. И они по-прежнему исполнены Силы: надо лишь признать это и относиться к ним соответственно. Даже если общество в целом и отдельные люди в частности больше не чувствуют силы, связанной с подобными местами (а это, надо сказать, отнюдь не воображаемая, а самая что ни на есть реальная утрата), то магу она так или иначе необходима для работы. Ему нужны перекрестки, чтобы приносить жертвы Гекате или духам подземного мира; ему нужны дупла деревьев, чтобы прятать и отгораживать от мира изображения врагов; ему нужны горы, пещеры или озера, чтобы легче было отыскать пути в иные миры. Кроме того, существуют и более рутинные задачи: магу требуются места, в которых можно оставлять побочные продукты и отходы ритуалов, собирать травы, черпать проточную воду, срезать ветви для жезлов; требуются пригодные для различных магических целей развалины, кладбища и так далее. Требуются, наконец, подходящие магазины для покупки мускатного цвета, оливкового масла и прочих ингредиентов, не говоря уже о том, что подчас возникает необходимость в земле или глине, набранной на участке, где стоит банк, отделение полиции, тюрьма и так далее. Чтобы мирское вновь стало магическим, необходимо мыслить образами мифа.

Маг оглядывается вокруг и видит магический потенциал во всем, что его окружает. В этой реке обитает нимфа, под этим курганом — герой, на вершине этой горы — божество. Быть может, имена их давно забылись, но маг — второй Адам: ему дана власть наделять все сущее именами. Многие местности издавна ассоциируются с магией и хорошо подходят для

различных магических операций: они только и ждут, когда же мы, наконец, обратимся ради них к языку мифа. Если, допустим, вы нашли какой-нибудь доисторический погребальный курган, с которым давно уже не связывается никаких имен, спросите духов, кто из них или их товарищей и союзников в нем обитает. И что за важность, если прежде никто не называл его обитателя этим именем? Имена меняются, но древняя магия никуда не уходит. Это относится не только к древним вехам и не только к дикой природе: любое место может обрести для вас магический смысл. Возрождайте магию ландшафтов, возвращайте им былое могущество и значимость; помните о том, что в каждом месте есть своя сила и смысл.

Книга вторая

«Книга духов», поиски кладов и пещера

> Некромант говорил, что, сколько раз он ни вступал в круги, еще ни разу с ним не бывало такого великого дела, и убеждал меня, чтобы я согласился заклясть вместе с ним книгу, из чего мы извлечем бесконечное богатство, потому что мы потребуем у демонов, чтобы они указали нам клады, каковыми полна земля, и таким образом мы станем пребогаты, а что эти любовные дела - суета и вздор, каковые ничего не стоят.
>
> — *«Жизнь Бенвенуто Челлини»*

В «Четвертой книге оккультной философии», авторство которой приписывалось Корнелию Агриппе, приводятся два метода освящения «Liber Spirituum» («Книги духов»). Один из них очень на похож на метод из мазерсовского «Ключа Соломона» (источник — Lansdowne 1203); сокращенные указания по изготовлению подобной книги даются также в «Гримуаре Гонория». Очевидным образом, такая книга призвана упростить и облегчить процесс эвокации. Для ее составления требуется длительная операция, в ходе которой маг вызывает всю иерархию духов. При этом каждый из них по отдельности

приносит клятву, обязуясь в дальнейшем без промедления являться на зов мага, как только тот зачитает заклинание со страницы, соответствующей данному духу. Сама по себе эта операция сложна и трудоемка, но зато все последующие эвокации при наличии такой книги значительно упрощаются.

Сведения о таких «Книгах духов» в магической литературе весьма любопытны, хотя и разноречивы. В «Четвертой книге оккультной философии» утверждается:

> Среди магов (тех, что обращаются по преимуществу к услугам злых духов) сохранился некий обряд вызывания духов по книге, каковую полагается заблаговременно освятить для этой цели. Называется она книгой духов [Liber Spirituum], и о ней мы скажем несколько слов. Чтобы эту книгу, книгу злых духов, освятить, надобно составить ее церемониальным образом, по порядку их имен и чинов; и они должны связать себя с нею некоей священной клятвой, обещаясь повиноваться с готовностью и без промедления.

Здесь ясно и недвусмысленно сказано, что подобными книгами пользовались маги, работавшие со злыми духами. С другой стороны, в Lansdowne 1203 столь же недвусмысленно предписывается:

> Изготовь небольшую книжицу, содержащую молитвы ко всем операциям, имена ангелов в форме литаний, их печати и знаки. Исполнив это, посвяти книгу Богу и всем чистым духам <...> [В дальнейшем] если церемонии и знаки будут исполнены с должным рвением и усердием, они будут вынуждены прийти...

Это описание откровенно противоречит «Четвертой книге» в том отношении, что место злых духов в ней занимают духи чистые, то есть ангелы. Стоит отметить, что автор Lansdowne 1203 вообще расположен к духам очень благосклонно. Даже в тех случаях, когда речь идет о потенциально враждебных человеку духах стихий, эта враждебность объясняется не демонической природой самих духов, а необходимостью наказания за человеческую алчность. Но если оставить в

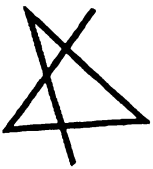
стороне эти различия, то бросается в глаза, что на данную версию «Ключа Соломона» заметно повлияла «Оккультная философия» Агриппы. Кроме того, автор Lansdowne 1203 был явно знаком с «Гептамероном» (в английских изданиях включенным в «Четвертую книгу») и с более поздними трактатами, такими как «Магический календарь» XVII века и т. д. В частности, метод освящения магической книги сходен с тем, который приводится в «Четвертой книге». Разумеется, это еще не дает повода утверждать, что данный материал был почерпнут непосредственно у Агриппы: не исключено, что оба автора располагали одним и тем же источником, относящимся к более раннему периоду, нежели остальные материалы, использованные в Lansdowne 1203. Но, с другой стороны, имеются веские аргументы в пользу того, что многие составители гримуаров и впрямь обильно заимствовали у Агриппы или, по крайней мере, имитировали использованные им магические труды.

Один из авторов, очевидным образом полагавшихся на Агриппу, — Френсис Баррет, составивший монументальную компиляцию под названием «Маг», в которую вошли материалы и из «Четвертой книги» (в том числе из «Гептамерона»), и из первых трех книг «Оккультной философии». В этом трактате Баррет приводит среди прочего нехарактерный, помещенный на развороте пример иллюстрированного описания одного из духов. С технической точки зрения это описание совершенно корректно: «портрет» духа располагается на левой странице, а заклинание для его вызывания вкупе с его магическим знаком или сигилом — на правой. Что касается самого изображения духа, то оно весьма любопытно: оно проливает некоторый свет на причины расхождений между авторами «Четвертой книги» и Lansdowne 1203 в вопросе о характере сущностей из «Книги духов». Изображенный у Баррета дух — Кассиэль, управитель субботы, один из планетных ангелов «Гептамерона». На этой иллюстрации он едет верхом на драконе и покрыт такой же чешуей, как и дракон, а вдобавок оснащен когтями на пальцах рук и ног. Над портретом духа и под ним располагаются символы, которые заимствованы непосредственно с иллюстрации к «Четвертой книге», озаглавленной «Знаки злых духов» (использованы два знака, в «Четвертой книге» именуемые «Проникающий» и «Разорванный»). Два знака, сопутствующие заклинанию на правой странице

разворота, также нетрудно опознать. Один из них — это магический символ, связывающийся в «Гептамероне» с Сатурном, другой — сигил, выведенный из магического квадрата Сатурна. С каждым планетным магическим квадратом связано по три сигила: сигил самой планеты, сигил ее разума (который обычно считается благим) и сигил ее духа (который обычно считается низшим или даже демоническим). Дух Сатурна носит имя «Зазель» и относится к числу недвусмысленно демонических планетных духов. Именно сигил Зазеля и представлен на иллюстрации в книге Баррета.

Кассиэль, ангел субботы (дня Сатурна)
Иллюстрация из книги Френсиса Баррета «Маг».

«Проникающий знак»



«Разорванный знак»

Итак, для Баррета, как и для многих богословов христианской Европы, ангелы, описанные в гримуарах, мало чем отличаются от демонов. А демоны, в свою очередь (с точки зрения тех же богословов), тождественны персонажам более древней языческой теологии, которые в эпоху поздней античности нередко связывались со сферами планет. Как явствует из «Завещания Соломона», маги, знакомые с соломоновой магией II века н. э. или просто жившие в тот же период, наверняка были знакомы и с астрологическими демонами. Относительно Кассиэля стоит добавить, что в «Гримуаре папы Гонория», в заклинании для овладения «кладами, кои были сокрыты людьми или духами», этот ангел прямо причисляется к злым духам.

Заклинания ангелов, встречающиеся в «Гептамероне», идентичны тем, что приводятся в более поздней «Гоэтии царя Соломона», которая между тем повествует исключительно о духах, классифицировавшихся как демоны. Пьетро д'Абано, которому приписывалось авторство «Гептамерона», осуждается как черный маг в «Священной магии Абрамелина-мага», автор которой жил примерно в одно время с Агриппой. Наставник Агриппы, аббат Тритемий, называет «Гептамерон» «Ключиком» («Clavicle»), что позволяет с уверенностью отнести этот трактат к соломоническому жанру, хотя он появился раньше многих других, в том числе и более знаменитых соломоновых гримуаров.

Против моих выводов, сделанных на основе сравнения некоторых вышеупомянутых текстов, можно возразить, что эти источники относятся к совершенно различным периодам. Однако Баррет был весьма сведущ в старинной литературе, а автор рукописи Lansdowne 1203, частично заимствовавший материалы у Агриппы, воспроизводит особенности, которые Агриппа связывал с известными ему более старыми текстами. Что касается «Гоэтии царя Соломона», то вопрос о том,

полностью ли она основывается на опубликованном Реджинальдом Скотом английском переводе Вейера и тернеровском переводе «Гептамерона» или все же передает некоторые особенности более раннего текста, описанного Вейером, остается спорным. По моему личному мнению, автор «Гоэтии», в сущности, попытался воссоздать описанный Вейером текст, опираясь на Скота и «Гептамерон» в переводе Тернера. Так или иначе, когда речь идет о текстах, сознательно ориентированных на более ранние источники, разница в датах создания зачастую не играет столь уж важной роли. Более того, сравнения в рамках жанра нередко оказываются более продуктивными, нежели рассмотрение каждого из текстов по отдельности как гипотетической «вещи-в-себе». А поскольку подавляющее большинство гримуарных текстов в той или иной мере компилятивны, такой подход тем более оправдан.

Как бы то ни было, описание «Книги духов» из Lansdowne 1203 содержит не только материалы из «Четвертой книги», но и элементы аутентичных традиций, в ней не упомянутые К этим элементам я и собираюсь сейчас обратиться, отведя им центральное место в настоящей главе. В знаменитом рассказе о некромантических церемониях из «Жизни Бенвенуто Челлини» упоминается, среди прочего, освящение некой магической книги. Все свидетельствует о том, что эта книга — не что иное, как «Liber Spirituum». Во-первых, из контекста ясно, что она дает власть над духами, а во-вторых, упоминаний об освящении каких-либо других книг в магической литературе не встречается. Роберт Хобарт Каст, выпустивший свой перевод автобиографии Челлини в 1910 году, по-видимому, хорошо разбирался в магической литературе. В его примечании к первому упоминанию об этой книге говорится: «*Consacrare un libro*, то есть изготовить магическую книгу, которая позволяет повелевать духами, добрыми и злыми». Можно предположить, что Каст был знаком и с «Четвертой книгой», и, возможно, с Lansdowne 1203 или с мазерсовским изданием «Ключа Соломона», однако не отдавал себе отчета в частичной зависимости последних от первой. Так или иначе, само понятие «Книги духов» Касту было известно, благодаря чему он и установил, что некромант собирался освятить именно такую книгу.

Что остается без объяснений, так это цель, ради которой некромант желал использовать подобную книгу, а

именно — получить доступ к охраняемым духами кладам, «каковыми полна земля». В изложении Челлини эта цель предстает как неотделимая от освящения самой книги. Чем это объясняется? Алчностью некроманта, не мыслившего для «Книги духов» более достойного применения? Весьма сомнительно: нет смысла вызывать для этого всю иерархию духов, если в ряде гримуаров описаны отдельные духи, специализирующиеся на поиске кладов. Может быть, маг попытался пробудить алчность в самом Челлини, чтобы тот охотнее согласился помочь ему? Тоже маловероятно, поскольку маг прекрасно знал, что Челлини желал всего лишь вернуть свою прежнюю возлюбленную. На протяжении двух операций Челлини не высказал к духам никаких других просьб, так отчего бы некроманту было не сыграть на этом его желании? Однако маг этого не сделал; напротив, он попытался убедить Челлини, что любовные дела — это «суета и вздор».

(Кстати, мне представляется неправдоподобным и предположение Артура Колдер-Маршалла, что некромант якобы преследовал низменные и зловещие цели, намереваясь заманить Челлини в Норчи и там принести в жертву дьяволу. Трудно представить себе Челлини, этого буяна и задиру, в роли беспомощной жертвы. К тому же слишком многое свидетельствует о том, что заклинания, которые творил некромант, напугали всех присутствующих, которые все до единого были убежденными католиками, с детства усвоившими должный страх перед адскими сковородками. Скорее всего, некромант заинтересовался Челлини лишь потому, что последний выказал себя отважным и надежным товарищем в столь опасном приключении.)

Существовала ли какая-нибудь гоэтическая традиция, связывающая освящение «Книги духов» с поиском кладов? Из Lansdowne 1203 явствует, что да. Среди наставлений по освящению книги, приведенных в этой рукописи, содержится следующая молитва:

> Адонаи (Adonai), Элохим (Elohim), Эль (El), Эхейе (Eheieh) Ашер (Asher) Эхейе (Eheieh), Князь Князей, Бытие Бытий, будь милостив ко мне и обрати свой взор на слугу Твоего N., кто призывает Тебя благоговейно и молит Тебя Твоим святым и великим Именем

> Тетраграмматон! Будь благосклонен и прикажи ангелам и духам Твоим, чтобы они прибыли и явились на это место. О вы, ангелы и духи Звезд, о вы, все ангелы и духи стихий, о вы, все духи, предстоящие Богу! Я, преданный слуга и вершитель [воли] Всевышнего, заклинаю вас самим Господом, Бытием Бытий, заклинаю вас, чтобы вы прибыли и присутствовали при этой операции! Я, раб Господень, смиренно молю вас. Аминь.

Но точно такая же молитва входит и в другой раздел этого соломонова учебника по церемониальной магии — раздел под названием «Как завладеть сокровищем, принадлежащим духам». Здесь эту молитву предписывается читать в определенные моменты раскопок на предполагаемом месте клада. Если сопоставить ее с талисманами, приведенными в той же книге, обнаруживается нечто удивительное. Талисманы кладоискателей призваны обезвредить магических стражей, охраняющих сокровища, изгнать или, по меньшей мере, подчинить их магу. А эта молитва, наоборот, недвусмысленно приглашает на место поисков всю духовную иерархию соломоновой вселенной! Этим данный обряд отличается не только от талисманов, содержащихся в самом «Ключе Соломона», но и от многих других подобных операций, известных по гримуарам.

Итак, некромант, о котором поведал Челлини, прямо связывает «Книгу духов» с магическим кладоискательством, а в одном из соломоновых гримуаров для этих двух операций используется одна и та же молитва. Можно, конечно, предположить, что эта молитва должна была относиться только к одному разделу, а в другом была продублирована по ошибке, но если мы изучим оба ритуала внимательно, то убедимся, что никакой ошибки здесь нет. В обоих случаях молитва идеально вписывается в контекст и полностью согласуется с остальными элементами операции.

Изготовление книги, сопровождающееся этой молитвой, дает магу власть над всей иерархией планетных ангелов и духов стихий (то есть над всеми обитателями духовного плана, каким тот представлен в Lansdowne 1203). В описании операции, направленной на добычу клада, также прямо упоминаются и небесные духи, и духи стихий:

> ...мир населен множеством небесных сущностей и духов, которые благодаря своей прозорливости и способности к предвидению знают места, где скрыты сокровища...

Что касается духов стихий, то непосредственно отвечать за охрану подземных сокровищ может лишь один-единственный их разряд. Автор гримуара не упускает этого из виду: он указывает, что непосредственными стражами кладов выступают гномы, то есть стихийные духи Земли:

> И довольно часто эти духи, которые называются гномами, досаждают людям, которые отваживаются искать вышеупомянутые богатства, или даже стремятся умертвить оных. Однако делают это гномы не по своей алчности, ибо духи вообще неспособны чем-либо обладать, так как не имеют материальных чувств, кои позволили бы им воспользоваться имуществом, но потому, что они враги страстей, в том числе и той самой алчности, к которой так склонны люди...

Кладоискательская операция, описанная в этом гримуаре, вполне последовательна и тщательно продумана во всех деталях, за исключением двух обстоятельств. Во-первых, небесные сущности и вся совокупность духов, обитающих в земном мире, недостаточно четко отграничиваются от гномов, а во-вторых, остается непонятным, полагается ли читать молитву в ходе операции или же только по завершении работы, как утверждается в описании ритуала. Проблема в том, что сама молитва включает в себя выражение «чтобы вы прибыли и присутствовали при этой операции», и, таким образом, возникает некоторая неясность. Однако никаких других сомнительных мест в ритуале не обнаруживается; и если вызывание всей иерархии духов действительно вписывается в концепцию обоих этих обрядов, то какую же конкретно функцию оно выполняет в ритуале поиска клада?

Поиски кладов при помощи магии — старинный и устойчивый фольклорный мотив. Нередко для входа в пещеру сокровищ требуется какая-нибудь магическая формула (например, «Сезам, откройся!» из сказок «Тысячи и одной ночи»).

В пещере обнаруживаются некие чудесные предметы; мистические элементы сохраняются даже в поздних версиях сказок, сводящих сокровища к чисто материальным богатствам. Магическими поисками кладов занимались многие европейские и американские оккультисты, включая Джозефа Смита, основателя секты мормонов. Кроме того, известны документально подтвержденные случаи, когда заклинателям-шарлатанам удавалось разбогатеть, эксплуатируя веру в их кладоискательские способности. Подобные фольклорные мотивы зачастую берут начало в более древних верованиях и обычаях. Напомним, что некромант из автобиографии Челлини «был возвышеннейшего ума и отлично знал латинскую и греческую словесность». Но, разумеется, возводить легенды о кладах к критским посвящениям в пещере Зевса, отголоски которых неким чудом сохранились в народной памяти, было бы явной натяжкой. Поэтому переноситься из Рима на Крит мы не будем, а совершим другое, гораздо более близкое путешествие, от которого отказался Челлини, — из Рима в окрестности города Норчи (или Нурсии, как он назывался на латыни).

Сивиллины горы

> ...в этом старинном герцогстве [Сполето], неподалеку от города Нурсия, есть одно место, где под отвесной скалой отыщется вход в пещеру, из которой вытекает ручей. Там, как мне хорошо запомнилось по рассказам, собираются ведьмы [стриги], демоны и ночные тени, и всякий, кому достанет храбрости, может увидеть этих духов [spiritus], побеседовать с ними и перенять их магическое искусство.
>
> — *Письмо Энея Сильвия Пикколомини, впоследствии папы Пия II (ум. 1464)*

Материалы по средневековым и более поздним традициям, бытовавшим в окрестностях Норчи, не ограничиваются упоминанием у Челлини: множество сведений об этих поверьях

содержится и в фольклорных источниках, и в литературе, и в документах инквизиции. Агриппа, к которому всегда полезно обращаться в подобных случаях за справкой, подтверждает, что и его времена Норчи пользовался зловещей славой и связывался с подземным миром:

> Да и то, что писали о пещере Патриция[1], о логове Вулкана, о пещерах Этны и о Нурсийской пещере, — не просто сказки: многие из тех, кто побывал там и видел эти места своими глазами, это подтверждают.

Центральный персонаж большинства этих поверий — Сивилла, образ которой заимствован из древнегреческих и древнеримских легенд, а центральная географическая локация — одна из гор хребта, по сей день носящего ее имя. У этой горы две вершины, на одной из которых находится озеро, а на другой — пещера; и озеро, и пещера также связываются с Сивиллой. Первое в Средние века отождествлялось с Аверном — одним из входов в Аид. В этом озере водится рачок *Chirocephalus marchesonii*, нигде более не встречающийся. В определенное время года он выделяет пигмент, окрашивающий воду в цвет крови.

Что касается пещеры, то, согласно легендам, она служила пристанищем Сивилле. В народных поверьях Сивилла представала как дружественный людям персонаж, а в материалах инквизиции — как самая настоящая демоница. В поэзии и других литературных источниках встречаются причудливые комбинации двух этих образов: ведьма и королева ведьм, которую сравнивают то с Медеей, то с Иродиадой; сестра царя Соломона; соблазнительная фея или демоница и так далее. Иногда ее даже прямо отождествляют с Венерой.

---

1 Имеется в виду пещера святого Патрика («чистилище святого Патрика») на небольшом островке посреди озера Лох-Дерг в графстве Донегол (Ирландия). Патрик расписал стены этой пещеры сценами адских мучений и часто удалялся туда для молитвы и аскетических практик. Впоследствии на острове обосновалась небольшая община аскетов, регулярно затворявшихся в шести крошечных (около 1 м в ширину) кельях на девятидневный срок, чтобы узнать, какие муки ожидают проклятую душу в аду. Им разрешалось покидать кельи лишь три раза в день для посещения часовни. На протяжении восьми дней они жили на хлебе и воде, а на девятый день постились. На окраине острова стояла постевая хижина для паломников. Это место пользовалось большой популярностью главным образом потому, что длительное пребывание в тесном замкнутом пространстве вызывало трансовые состояния и видения.

На озеро Сивиллы со всей Италии съезжались некроманты, чтобы освящать свои книги в его кровавых водах. Затем они посещали пещеру Сивиллы, чтобы испросить у нее совета, углубить свои познания в магии и упрочить свою колдовскую силу. Приезжих было так много, что местный епископ поставил виселицу у входа в долину в надежде, что она отпугнет гостей. В одном документе XV века, хранящемся в историческом архиве близлежащего города Монтемонако, утверждается, что посетители стекались сюда из всех уголков Европы. Остановить этот поток некромантов-паломников не удавалось даже под угрозой отлучения от церкви.

О подобных посещениях Сивиллиной горы упоминают и литературные источники. Например, поэт Фацио дельи Уберти (ум. 1367) утверждал, что сам Симон Волхв некогда приезжал сюда освятить свою магическую книгу. Андреа да Барберино в 1409 году написал роман, герой которого посещает пещеру Сивиллы — полуязычницы-полудемоницы — и просит помочь ему разыскать потерянных родителей[1]. По меньшей мере один писатель поведал о собственном визите в эту местность: Антуан де Ла Саль, воспитатель сына Людовика III (короля Сицилии) и граф Анжуйский[2]. Ла Саль знал, что озеро и пещеру на Сивиллиной горе посещают некроманты, желающие освятить свои книги и поучиться магии у Сивиллы. Один из таких паломников прибыл туда незадолго до приезда самого Ла Саля и был жестоко убит: очевидно, не все местные жители благоволили некромантам. Ла Саль принял все меры, чтобы обезопасить себя от подобной участи: заявив, что не имеет никакого отношения к некромантам, он взял с собой на гору местного врача и еще нескольких человек из соседнего Монтемонако. Поднявшись на вершину, все они услышали какой-то громкий голос, похожий на крик павлина и, как уверяли спутники Ла Саля, исходивший из недр горы, где, по преданию, находился подземный рай Сивиллы. Удивительно здесь то, что павлин — это и птица Юноны, верховной богини римского

1 Андреа да Барберино (ок. 1370 — 1432) — итальянский писатель; речь идет о его романе «Гверино по прозвищу Горемыка», очень популярном в народе.

2 Антуан де Ла Саль (ок. 1386 — ок. 1462) — французский писатель; его перу принадлежит, среди прочего, повесть под названием «Рай королевы Сивиллы».

пантеона, и символ Люцифера, и образ, в котором предстает божество езидов, изрядно опороченное молвой[1].

Судя по всему, Сивиллину гору посещали не только так называемые некроманты, но и рыцари, а также маги иного склада. Но всех этих разнообразных паломников объединяло нечто общее: все они были не вполне ортодоксальными христианами. Образ волшебной горы и пещеры в то время часто встречался в апокрифических сочинениях и устных преданиях европейских еретиков. Например, в легендах манихеев-богомилов фигурирует пещера сокровищ на священной горе. Благодаря этим еретикам в Европу проникли различные мотивы иранского, сирийского и иудейского гностицизма. С таинственной пещерой богомилов, образ которой сформировался не без восточных влияний, ассоциировались древо Креста Господня и Древо Жизни. Утверждалось, что эту пещеру посещали те же самые волхвы, которые принесли дары младенцу-Христу, а Христос, согласно многим источникам, родился — как и Зевс — в некой пещере. От подобных легенд — один шаг до греческих и ближневосточных мистериальных культов, процветавших в период Римской империи и в эпоху эллинизма.

Эней Сильвий сравнивал Сивиллину гору с различными горами, которые связывались в легендах с Венерой, богиней любви, такими, например, как гора Эрикс на Сицилии и Портовенере в Лигурии[2]. Эротические обертоны, равно как и мотивы магии, соединяющие в себе языческие и христианские элементы, — не редкость для средневековых и более поздних преданий о Сивилле. В середине XVI века одна ведьма, признавшаяся на допросе, что посещала Сивиллину пещеру, называла ее хозяйку «Donna Venus» — «Госпожа Венера».

Схожие темы встречаются в фольклоре, сохранившем пережитки дохристианских верований, например, в сюжетах о людях, посещавших полые холмы эльфов. Быть может, все

1 Имеется в виду Малаки-Тауз (Мелек-Тавуз), букв. «ангел-павлин» — глава ангелов в религии езидов и непосредственный слуга верховного божества, тесно связанный с солнечным началом. Некоторые сюжеты, повествующие о нем, аналогичны легендам о Сатане, Люцифере или Иблисе. Соответственно, Малаки-Тауз в других религиях отождествляется с падшим ангелом.

2 Эрикс — гора на северо-западе Сицилии; в древности на ее вершине находился храм Афродиты Эрицинской. Портовенере (букв. «гавань Венеры») — приморский городок в итальянской области Лигурия, где, по преданию, в древности стоял на мысу храм Венеры (сейчас на этом месте находится церковь святого Петра).

разнообразные вариации данного мотива, включая германские легенды о Тангейзере, изначально и не были связаны с апеннинской Сивиллой. Но, так или иначе, образ этой волшебницы — с горой или без — стал известен далеко за пределами Италии и оказал влияние на другие традиции. Характерное для него сочетание магии с эротикой встречается, например, в одном английском гримуаре, опубликованном Реджинальдом Скотом в 1584 году. В ходе «опыта с мертвецом» некромант первым делом вызывает дух самоубийцы или казненного преступника; от этого духа он сначала добивается видений в «кристальном камне», а затем требует: «...приведи мне фею Сивилию [Sibylia], чтобы я мог говорить с нею и чтобы она предстала мне в зримом обличье». После этой операции с вызыванием духа в кристалл, которая проводится на кладбище, маг переходит ко второй церемонии — собственно, к вызыванию Сивиллы, которое совершается в «светлых покоях». Вместо треугольника, который обычно используют для манифестации духов, маг чертит второй круг за пределами того, в котором находится сам. Довольно показательно, что в этом втором круге возбраняется писать какие-либо священные имена и, более того, предписывается «не класть в него ничего святого». Маг снова беседует с духом, явившимся в камне, и еще раз требует привести Сивилию, передав той, что беседа с магом, который желает с нею встретиться, «послужит к ее вящей славе и чести». В последующих заклинаниях она именуется «кроткой девой из волшебного народа». Маг просит Сивилию предстать «в образе и виде прекрасной жены... Ибо я изберу тебя блаженной девою своей, и мы с тобою совершим соитие». Далее маг обращается к ней с просьбой подавать ему «добрые советы во всякое время» и «наводить на клады, скрытые под землей».

Мотивы пещеры сокровищ и магического кладоискательства уходят корнями в далекое прошлое. Ассоциации с эротикой, язычеством и некромантией указывают на то, что прообразы этой пещеры — те гроты, в которых обитали богини Крита и Фригии. Под влиянием еретических и гностических традиций, проникших в средневековую Европу через Болгарию, она также стала связываться с пещерами Митры и других мистериальных богов. В народных поверьях и магической традиции священная пещера древности была десакрализована и превратилась в кладовую мирских богатств. Но нет сомнений, что истоки этого

сниженного образа следует искать в посвятительных культах, где Пещера Сокровищ хранит тайны мудрости. Это та пещера, в которую удалялись пророки и цари, чтобы вернуться в мир обладателями божественных законов или тайн.

Осознавал ли кто-либо из магов Средневековья и Возрождения этот глубинный смысл, скрытый в образе пещеры сокровищ? Ответ следует искать в отношениях магов, ведьм и еретиков между собой и с более древними традициями. Разумеется, в этом вопросе очень много неясностей, но все же некоторые магические сочинения того времени, судя по некоторым признакам, написаны на языке аллегорий и тайных намеков, понятных лишь посвященному. Не исключено, что к их числу принадлежит и вышеописанный ритуал из Lansdowne 1203. Указывается, что проводить его следует при Солнце и Луне во Льве. Агриппа приводит две таблицы соответствий для числа 12 — каббалистическую и орфическую. В последней бережно сохранены многие элементы древнеримской астрологической традиции, восходящей, в свою очередь, к греческим источникам. Эти же элементы известны и по археологическим находкам, и по другим памятникам; подчеркнем, что они имеют античное, а не средневековое происхождение. Итак, в орфической таблице соответствий для числа 12 управителем Льва оказывается не Аполлон и не Гелиос, как следовало бы ожидать, а Юпитер — эквивалент греческого Зевса, рожденного в пещере на священной фригийской или критской горе.

Орфическая таблица соответствий

Олимпийское божество	Знак зодиака	Священная птица	Священное животное	Священное растение
Афина	Овен	Сова	Коза	Олива
Афродита	Телец	Голубь	Козел	Мирт
Аполлон	Близнецы	Петух	Бык	Лавр
Гермес	Рак	Ибис	Собака	Орешник
Зевс	Лев	Орел	Олень	Дуб
Деметра	Дева	Воробей	Свинья	Яблоня
Гефест	Весы	Гусь	Осел	Самшит

1 Считается, что Гестия уступила свое место на Олимпе Дионису. Соответствия Козерога в целом подходят и ему, если внести некоторые поправки.

Олимпийское божество	Знак зодиака	Священная птица	Священное животное	Священное растение
Арес	Скорпион	Сорока	Волк	Кизил
Артемида	Стрелец	Галка	Лань	Пальма
Гестия'	Козерог	Цапля	Лев	Сосна
Гера	Водолей	Павлин	Овца	Крушина
Посейдон	Рыбы	Лебедь	Конь	Вяз

Ритуал, приведенный у Скота, предписывается проводить при Солнце и Луне в Раке, Стрельце или Рыбах. Рак — знак экзальтации Юпитера, а Стрелец и Рыбы — две его обители. Планета Юпитер, естественно, получила свое название в честь римского эквивалента Зевса. Но на самом деле проблема не в том, понимали ли хотя бы некоторые маги Средневековья и эпохи Возрождения, что за символами подобных, на первый взгляд, суеверных и пустых обрядов скрывается некое метафизическое учение. Многие из этих магов были хорошо знакомы с греческими и латинскими сочинениями, а термины, заимствованные из иудаизма и христианства, использовали лишь для того, чтобы отвлечь непосвященных от чересчур опасного по тем временам толкования некоторых ритуалов. Мы уже видели, что образ пещеры сокровищ связан и с народными преданиями, и с традициями ведьм, еретиков и магов. И не будет слишком большой натяжкой предположить, что за смутными намеками, встречающимися в некоторых гримуарах, стоят некие вариации еретических учений или пережитки древних языческих верований.

Настоящее затруднение для современного исследователя состоит в другом: значение многих символов, использовавшихся в древних языческих культах, существенно исказилось в трудах ученых XIX века, которые пытались интерпретировать миф и архаический ритуал с рационалистической точки зрения. Это не первый в истории случай обесценивания символов: и авторы периода греческой классики, и христиане по-своему выхолащивали смысл древних мистерий. И среди таких превратно истолкованных символов один из самых значимых — Пещера Таинств. В прошлом многие авторы предпочитали интерпретировать пещеру всего лишь как символ царства мертвых или плодородия земли. С одной стороны, приходится согласиться, что древние люди и впрямь осознавали связь

между двумя этими понятиями, так что в данном отношении в истолкованиях, типичных для XIX века, все-таки содержится зерно истины, пусть и небольшое.

Но, с другой стороны, слишком многое свидетельствует о том, что образ пещеры заключал в себе гораздо более широкий смысл, не сводимый к вышеуказанным интерпретациям. Прежде всего, на это более широкое значение указывает местоположение подобных пещер. Многие из них будут упомянуты в этой книге, а обо многих других можно прочесть в священных книгах и преданиях многих народов и эпох. Так или иначе, священные пещеры в большинстве своем располагаются на вершинах гор — например, Диктейских или горе Ида на Крите. Для пещеры, символика которой связана исключительно с подземным миром и плодородием земли, такое местонахождение трудно признать естественным.

Подобные пещеры ассоциировались с посвящением и божественным наставничеством, дарующим мудрость. Это значение наглядно отражено в предании, пересказанном Страбоном, согласно которому критский царь Минос раз в девять лет восходил на гору и удалялся в пещеру Зевса, где получал законы для управления страной[1]. Многим читателям наверняка бросится в глаза разительное сходство этой легенды с библейским преданием о Моисее. Но ни Зевс, ни Яхве не имеют сколько-нибудь прямого отношения к царству мертвых или же к культу плодородия, и в наших поисках более широкого смысла пещеры этот факт непременно следует принять к сведению.

Пещера — это не просто метафорическое обозначение подземного мира, хотя она и открывает доступ в царство мертвых, так же как и во многие другие. И это не просто аллегория земного плодородия, хотя и такое значение тоже ей присуще. Любая пещера, будь то рукотворное углубление в склоне горы или природный грот, — это символ всеобъемлющего вместилища. Она заключает в себе не какую-то отдельную часть иного мира, а весь иной мир целиком. Отшельнику в священной пещере

1 «...Минос <...> каждый девятый год отправлялся в горы в пещеру Зевса и, пробыв там некоторое время, возвращался с какими-то записанными распоряжениями, которые он выдавал за веления Зевса. Поэтому и Гомер говорит: "...Там царствовал Минос, // Каждый девятый год собеседник великого Зевса" (Од. X.19)» (Страбон, «География», X.IV.8, здесь и далее цитируется в пер. Г. Стратановского).

открывается в видениях вся полнота мироздания, перед ним предстает весь спектр сверхъестественных сущностей.

Такое понимание чуждо не только рационалистическим интерпретациям XIX века, но и толкованиям некоторых греческих авторов классического периода. В эпоху классики паломничество Пифагора и других мудрецов и посвященных в пещеры зачастую толковалось исключительно как нисхождение в Аид. Однако в платоновском видении Эра мнимо умерший визионер созерцает планетные сферы и души, спускающиеся с небес и поднимающиеся из подземного мира. И эта особенность отличает не только платоновский миф, несмотря на все перемены, которые претерпела концепция подземного мира за период от Гомера до Платона. В древнейших мистериальных культах наряду с образами плодородной Матери-Земли и ее ежегодно умирающего сына или похищенной дочери присутствуют и небесные силы — силы дождя и солнца, грома и молнии. Даже критская богиня Земли, судя по всему, связана с небесной богиней Древнего Египта, а впоследствии обе они стали ассоциироваться с зодиаком, и эта символика нашла выражение в образе гностической Софии. В гротах Митры соискатель сталкивался с божеством, олицетворявшим все небо: этот персонаж был обвит семью кольцами змеи, символизирующими семь планетных сфер и зачастую несущими на себе символы зодиакальных знаков. Но еще более характерная особенность этих гротов в том, что соискатель спускался в них по семи ступеням.

Рукопись Lansdowne 1203 — один из самых полезных трактатов по соломоновой магии, проясняющий многое из того, что в других источниках предстает в вырожденном виде. Содержание «Книги духов» раскрывается в ней исчерпывающим образом: становится ясно, что в такую книгу включали имена, печати и заклинания всей иерархии небесных и стихийных духов. Это и есть обитатели Пещеры как духовного образа мироздания во всей его полноте. Не знаю, высказывал ли кто-нибудь подобную мысль до меня, но «Книгу духов» следует признать самой полной и всеобъемлющей разновидностью договора с духами. Источники, повествующие об этой книге, зачастую противоречат друг другу: одни утверждают, что «Liber Spirituum» предназначена исключительно для работы со злыми духами, а другие — что она целиком и полностью

посвящена ангельским иерархиям. Подобные противоречия связаны именно с тем, что «Книга духов» эквивалентна договору, и более того, сам договор — это не что иное, как упрощенная форма «Книги духов». Если воспринять «Liber Spirituum» как эквивалент или прообраз договора, то она займет центральное место во всех операциях гримуарной магии без исключения, а не только в тех, что направлены на работу со злыми духами.

Книга такого рода сопоставима с тайным знанием посвященного гностика — знанием слов и печатей, открывающих путь восхождения через небесные сферы. Соответственно, и магические силы, даруемые «Книгой духов», столь же универсальны, как и она сама: они охватывают все мыслимые области. Целостная и изощренная концепция «Книги духов» как особой духовной методологии выродилась в течение столетий в примитивный договор с дьяволом. Но, как мы увидим в ходе этого исследования, ключевые понятия западной магии берут начало в гоэтической традиции и сохраняют в себе многие ее элементы. Гоэтию с давних времен обесценивали и не желали признавать достойной ветвью магии, однако ее принципы по-прежнему живут и здравствуют во многих оккультных традициях, пусть даже и в скрытом или замаскированном виде.

> Неверно было слово это, — будто при наличии влюбленного следует уступать скорее невлюбленному только из-за того, что влюбленный впадает в неистовство, а невлюбленный всегда рассудителен. Если бы неистовство было попросту злом, то это было бы сказано правильно. Между тем величайшие для нас блага возникают от неистовства, правда, когда оно уделяется нам как божий дар. Прорицательница в Дельфах и жрицы в Додоне в состоянии неистовства сделали много хорошего для Эллады — и отдельным лицам и всему народу, а будучи в здравом рассудке, — мало или вовсе ничего. И если мы стали бы говорить о Сивилле и других, кто с помощью божественного дара прорицания множеством предсказаний многих направил на верный путь, мы бы потратили много слов на то, что всякому ясно и так.
>
> *— Из речей Сократа в диалоге Платона «Федр» [пер. А. Н. Егунова]*

«Сивилла» как имя нарицательное — греческий термин, обозначающий древнюю прорицательницу. Этимология этого слова не вполне ясна: возможно, оно восходит к греческому корню, а возможно — к семитскому. Не исключено, что первоначально это было личное имя или звание какой-то одной прорицательницы, впоследствии распространившееся на всех ее сестер по искусству. Как мифологический термин слово «сивилла» часто употребляли в классическую эпоху, но деятельность самих сивилл (или представленные ими традиции) относили к более глубокой древности. Сивиллы связывались с определенными местностями, ведущее место среди которых занимали Фригия и прилегавшие к ней государства. В период поздней классики сивиллы стали считаться святыми девственницами, обитающими в пещерах и гротах и обладающими

даром прорицания; с ними ассоциировались нимфы — такие, например, как Эгерия, наставница царя Нумы. Собрания пророчеств, приписывавшихся сивиллам (так называемые Сивиллины книги), обладали непререкаемым авторитетом.

Значение и контекст самого понятия «сивилла» менялись с течением времени, но для нашего исследования важны и первоначальная, и последующие фазы этого процесса. На одном из важных его этапов, во II — III веках н. э., христиане признали сивилл как языческих пророчиц, якобы предсказавших пришествие Христа. В этой своей ипостаси сивиллы нередко ассоциировались с Гермесом Трисмегистом и уже позднее вдохновляли герметистов и магов эпохи Возрождения. В период позднего Средневековья термин «сивилла» приобрел дополнительное, сниженное, значение: так стали называть гадалок или даже ведьм. Но чаще эта негативная интерпретация все же связывалась со словом «пифия»: сивилл христианская церковь принимала, хотя и с оговорками, а пифии воспринимались как язычницы до мозга костей.

В греческую эпоху классики и в особенности в римский период сивиллы нередко фигурировали в литературных произведениях. Этот литературный контекст, как мифологический, так и исторический, в некоторых отношениях неясен и противоречив. Но, тем не менее, сивиллы в нем последовательно предстают как исторические персонажи, сыгравшие важную роль в религии и культуре на более ранних стадиях. Реконструировать более древний исторический контекст непросто. Первая проблема заключается в том, что в классический период прорицательницы ассоциировались почти исключительно с Дельфами, а другие культовые центры не могли похвастаться особой независимостью. Дельфийские жрицы традиционно считались девственными невестами бога, но на самом деле в их рядах было немало женщин, вышедших из брачного возраста и только носивших наряд невесты.

Дельфийская пифия в классическую эпоху подчинялась жрецам, а сивилл, напротив, изображали как независимых прорицательниц, пользовавшихся всеобщим почтением и способных путешествовать с места на место. Согласно Страбону, при Александре Македонском в Эритрее жила сивилла по имени Афинаида[1]. В ходе раскопок в Эритрее археологи обнаружили

1 «Из Эрифр происходила Сивилла, некая боговдохновенная и вещая женщина древности. Во времена Александра из того же города родом была

жилище некоей сивиллы и высеченные на камне записи ее изречений, в частности, утверждение о том, что она занимает положение посредницы между людьми и богами, а также язвительные замечания в адрес жрецов Аполлона и даже самого этого бога. Тем самым подкрепляются литературные свидетельства в пользу того, что сивиллы, в отличие от дельфийских прорицательниц, не подчинялись жрецам и были сами себе хозяйками. Этот статус сохранялся за ними и в эпоху панэллинских Олимпийских игр, но приобрели его сивиллы гораздо раньше.

Кассандра

Вторая проблема, с которой мы сталкиваемся при попытке реконструкции, — это отсутствие прямых упоминаний о сивиллах в сочинениях Гомера, противоречащее преданиям о том, что одна или несколько сивилл жили еще до Троянской войны. Впрочем, одна из героинь Гомера похожа на сивиллу и даже иногда обозначается этим термином. Это троянская царевна Кассандра. Подобно Кумской сивилле и нимфе Дафне, чье имя носили несколько сивилл, Кассандра отказывается ответить на любовь Аполлона. Чтобы завоевать сердце неуступчивой царевны, бог наделяет ее даром прорицания, но и после этого Кассандра остается непреклонной, желая сохранить девственность. В гневе Аполлон насылает на нее проклятие: никто не будет верить ее предсказаниям, хотя они всегда будут сбываться. Кассандра связана с сивиллами и в силу того, что, подобно Марпесской сивилле, предсказала падение Трои вследствие похищения Елены. В отношении Кассандры важно и еще одно пророчество о падении Трои — то, что связано со знаменитым и весьма загадочным изображением, известным как палладий, или палладиум. Это сложный мотив, требующий отдельных пояснений.

другая вещая женщина — Афинаида»; «Каллисфен говорит, что Эритрейская Афинаида также возвестила о божественном происхождении Александра, ибо, по его словам, эта пророчица была похожа на древнюю Эритрейскую Сивиллу» (Страбон, «География», XIV.1.34, XVII.I.43).

Согласно некоторым источникам, палладий представлял собой архаическую статую богини с сомкнутыми ногами и высотой в три локтя. В поднятой правой руке богиня держала копье, а в левой — прялку и веретено. По одной из легенд, эта статуя упала с неба во время строительства Илионской крепости — древнейшей части Трои. По другой версии, палладий упал с небес не в Трое, а во фригийском Пессинунте; еще одна легенда утверждает, что Дардан[1] привез ее в Трою с Самофракии. Говорили также, что палладий был сделан Абарисом из костей Пелопса. Известна даже такая поздняя версия, по которой палладий представлял собой статую-автоматон, но, скорее всего, здесь рационализируется легенда о том, как это изваяние Афины сопротивлялось святотатственному похищению.

Палладий описывали по-разному, и нет сомнений, что он был важным культовым объектом. Некоторые авторы утверждали, что он изображал Палланта, личность которого, в свою очередь, загадочна. По одной версии, Паллант был одним из гигантов; Афина убила его, содрала с него кожу и носила вместо доспехов, а также приняла его имя как один из своих эпитетов. В другом варианте мифа речь идет о титаниде по имени Паллада — молочной сестре Афины, которую та нечаянно убила еще в детстве, в Ливии. Согласно этой версии, Афина сама изготовила палладий в память о своей подруге. Кроме того, известен смертный Паллант, сын Эвандра, помогающий Энею в битве с рутулами. Согласно римской легенде, Эней привез палладий с собой из Трои; в действительности же изваяние богини было доставлено в Рим из фригийского Пессинунта и передано на хранение девственным весталкам. Как мы увидим позже, Эвандр косвенным образом связан с одной из сивилл; кроме того, некая сивилла помогает Энею в его путешествии в подземный мир.

Подобно палладию, могущественным талисманом была эгида, которой также следует уделить некоторое внимание. Согласно мифу, эгида была сделана из кожи Палланта, но обычно все же говорят, что на нее пошла шкура козы или кожа змеи. Коза была священным жертвенным животным Афины, а в древнем ритуале различие между жертвой и божеством было

1 Дардан — сын Зевса и плеяды Электры, родившийся, по одной из версий, на Самофракии. Основал город Дарданию, неподалеку от которого правнук Дардана, Ил, впоследствии заложил стены Илиона (Трои).

исчезающе малым, так что шкура козы и впрямь могла наделяться огромным могуществом. Как гласят предания, эгиду украшала маска горгоны — еще один могущественный магический символ: в архаическую эпоху такие маски нередко носили жрицы и сами богини. Итак, козья шкура, из которой сделана эгида Афины, — это настоящий магический талисман, тесно связанный с пентаклем из козьей шкуры, описанным в гримуарах. Один из самых древних защитных талисманов в соломоновой магии — горгоний лик Шаддаи[1]. Прообраз пентакля — шкура жертвенного животного, украшенная изображениями масок, которые впоследствии были замещены геометрическими фигурами и божественными именами.

Но вернемся к палладию. Каковы бы ни были его облик и происхождение, легенда гласит, что Троя не могла пасть, пока в стенах ее находилась эта статуя. Поэтому Одиссей и Диомед пробрались в город и выкрали палладий, чтобы приблизить победу греков. Именно в этом эпизоде Афина, возмущенная святотатством, вдохнула в статую подобие жизни, заставив ее сопротивляться похитителям и гневно сверкать глазами. Согласно другой версии, из Трои был похищен не сам палладий, а только его копия, тогда как настоящий палладий был привезен Энеем в Италию. Когда Троя пала, Кассандра попыталась укрыться в святилище Афины. Гомер ни разу не употребляет

1 Имеется в виду первый пентакль Солнца из «Ключа Соломона»:

слово «палладий» и не дает никаких намеков на его функции, но, тем не менее, Кассандра у него цепляется за статую Афины[1]. Та версия легенды, согласно которой палладий был сделан из костей Пелопса, важна по целому ряду причин, и не последняя из них — в том, что в плену у греков Кассандра родила сына, названного Пелопсом.

Судя по свидетельствам древних авторов, палладий был сходен или отождествлялся со священным камнем Кибелы, а также еще с одним священным объектом (возможно, фаллическим), который играл центральную роль в Самофракийских мистериях. Не исключено, что он тождествен и омфалу — ульевидному камню, который почитали священным в Дельфах и на острове Делос и у которого, вероятно, имеются месопотамские и египетские аналоги. По причине его святости и связи с мистериями фригийской или критской богини этот камень впоследствии стали описывать как антропоморфное изваяние богини, возможно, искажая факты даже не по ошибке, а умышленно. Многое указывает на то, что изначально он служил престолом, с которого пророчествовала погруженная в транс пифия или сивилла. Многие города и народы соперничали за звание истинного обладателя омфала, в связи с чем возникли легенды, согласно которым этот камень сам по себе перемещался с места на место. Скорее всего, разумеется, существовало множество омфалов, не только каменных, но и деревянных, и костяных, причем не все они имели строго одинаковую форму.

Сивиллы классической эпохи

По вопросу о том, сколько сивилл действовало в классическую эпоху, различные древние авторы высказывают разные мнения. У Платона упоминается только одна сивилла, у Марциана Капеллы — две, у Плиния и Солина — три, у Павсания и

1 Точнее говоря, Гомер упоминает о гневе Афины, обрушившемся на ахейцев за то, что Аякс Малый вторгся в святилище богини и взял Кассандру силой, оторвав ее от статуи богини: «...постигнула злая судьбина / Многих, разгневавших дочь светлоокую страшного бога. / Сильную распрю богиня Афина зажгла меж Атридов» («Одиссея», III.134—136, здесь и далее цитируется в пер. В. Жуковского). Сам этот эпизод у Гомера не описывается, но был известен в его эпоху по киклической поэме «Разрушение Илиона» (конец VIII в.), которая в древности иногда приписывалась Гомеру.

Элия — четыре, а Варрон насчитывает целых десять сивилл. Среди позднейших мифографов и историков античности перечень Варрона считался самым авторитетным, поэтому могло бы показаться, что удобнее всего начать именно с него[1]. Однако есть веский аргумент против такого подхода: предания подчас связывают деятельность сивилл, носящих одно и то же имя, с разными местами, и остается неясным, идет ли речь о тезках или об одной и той же сивилле, путешествовавшей из города в город. Поэтому к списку Варрона следует подходить с осторожностью. Перечисленные им сивиллы связаны с десятью географическими пунктами, которые можно подразделить на две группы по пять.

Самая знаменитая из сивилл классической эпохи пришла из италийских Кум — города, который первоначально был ионийской колонией. Еще одна сивилла ассоциировалась с городом Тибур, также расположенным в Италии. В целях нашего

---

1 Этот перечень со ссылкой на Марка Варрона приводит Лактанций в трактате «Божественные установления» (I.6.8—12):

«...Сивилл было десять, и всех он [Варрон] перечислил, полагаясь на писателей, которые обычно писали о какой-либо одной из них.

Первая была из Персии, о ней упоминает Никанор, который записал деяния Александра Македонского.

Вторая была Ливийская, которую упоминает Еврипид в прологе к "Ламии".

Третья Дельфийская, о которой говорит Хрисипп в той книге, которую он написал о дивинациях.

Четвертая Киммерийская в Италии, которую упоминает Невий в книгах о Пунической войне, а Пизон — в "Анналах".

Пятая Эритрейская, которую Аполлодор Эртирейский называет своей согражданкой и которая, как он утверждал, пророчествовала грекам, направившимся к Илиону, о том, что погибнет Троя и что Гомер напишет поэму, полную вымыслов.

Шестая Самосская, о которой писал Эратосфен, почерпнув сведения в древних анналах самосцев.

Седьмая Куманская по имения Амалфея, которая другими именуется Герофилой, или Демофилой. Она доставила девять книг [пророчеств] царю Тарквинию Приску и потребовала за них триста [золотых] филиппов; царь же, отказавшись выплачивать столь высокую цену, посмеялся над безумием женщины. Тогда та на глазах у царя сожгла три книги, а за остальные попросила ту же цену. Тарквиний посчитал, что она еще более безумна. Когда она снова сожгла три книги и упорствовала на той же плате, царь был ошеломлен и выплатил за остальные триста золотых [монет]. Число их потом увеличилось, когда был восстановлен Капитолий, ибо из всех городов, как италийских, так и греческих, особенно из Эритреи, были собраны и доставлены в Рим книги, носившие имя какой-либо из Сивилл.

Восьмая Геллеспонтская, рожденная на Троянском поле в деревушке Марпесс близ города Гергиций. Гераклид Понтийский писал, что она жила во времена Солона и Кира.

Девятая из Фригии, которая пророчествовала в Анкире.

Десятая Тибурская по имени Альбунея, которая почитается как богиня в Тибуре близ берегов реки Аниен, в водах которой, как рассказывают, была обнаружена ее статуя, держащая в руке книгу. Сенат перенес ее в Капитолий для почитания» (пер. В. Тюленева).

исследования будет удобнее рассматривать этих двух сивилл отдельно от Персидской, Ливийской и Дельфийской. Деятельность остальных пяти сивилл связана с Фригией и Ионийской Грецией: с лидийским городом Эритры (Эрифры), островом Самос, эолийскими Кумами[1], Марпессом на побережье Геллеспонта и фригийским Анкиром.

Эритрейская сивилла

Эта сивилла, бывшая родом из Лидии (Малая Азия), в латинских источниках именуется *Sibylla Erythraea*. Иногда ей приписывают греческое имя «Герофила», и из всех греческих сивилл она считается самой значительной. По преданию, ее отец Феодор был пастухом на горе Ида, а мать — нимфой. На первый взгляд, легенда о сивилле, рожденной от пастуха и нимфы, кажется всего лишь распространенным античным стереотипом. Однако нимфы, подобно сивиллам, тоже нередко обитали в пещерах и гротах. А пещера на горе Ида — это одновременно и святилище Кибелы, и колыбель Зевса, и место проведения посвятительных обрядов. Вспомним, что Эпименид (который едва ли был простым пастухом) тоже, по преданию, пас овец, когда случайно нашел подобную пещеру. Эритрейская сивилла уже вскоре после рождения начала изрекать пророчества в стихах. Соответственно, родители посвятили ее Аполлону, а она предсказала, что в конце концов погибнет от

[1] Имеется в виду четвертая из сивилл в списке Варрона; см. ниже подраздел «Киммерийская сивилла».

его стрелы. Легенда гласит, что эта сивилла прожила девять раз по 110 лет (110-летний возраст, вероятно, считался священным или рассматривался как естественная продолжительность человеческой жизни).

Самосская сивилла

Самосская сивилла (лат. *Sibylla Samia*) родилась на острове Самос и носила имя Фито или Феменоя. Последнее имя приписывается также некой жрице Аполлона, которая, по преданию, изобрела героическую поэзию и первой начала изрекать оракулы в стихах. Плиний (ум. 79 н. э.) упоминает некоего Теодора Самосского как художника, жившего около 700 года до н. э. Из тех подробностей, которые приводит Плиний, естественным образом следует другая интерпретация: Теодор был первым, кто научился обрабатывать железо при помощи огня. Его также считали изобретателем замка́, линейки, уровня и токарного станка. Это описание напоминает об изобретениях, которые приписывались идейским дактилям. Скорее всего, Теодор Самосский и отец Эритрейской сивиллы — одно и то же лицо. Известна легенда, согласно которой первой из сивилл была не ливийская, а ионийская прорицательница. По этой версии, отец первой сивиллы — Дардан, а мать — морская нимфа или нереида по имени Несо. Дардан привез из Самофракии в Трою палладий и учредил там культ кабиров, а иногда его и самого причисляют к кабирам. Он — отец прорицательницы, как и Теодор, чей тезка похож на дактиля. А этот второй Теодор — гоэт, изобретший кузнечное дело, — жил на

острове и тоже ассоциировался с одной из сивилл. Вполне вероятно, что все эти детали так или иначе взаимосвязаны.

Киммерийская сивилла

Сивилла из эолийских Кум в латинских источниках именуется Киммерийской (*Sibylla Cimmeria*). Греческие и римские авторы называли киммерийцами два народа: один из них — исторический, а другой фигурирует лишь в мифах и легендах. Исторические киммерийцы — это кочевой народ, обитавший в Северном Причерноморье. Они были соседями и, возможно, родичами скифов; некоторые полагают, что греки заимствовали у них элементы шаманских практик. В VII веке до н. э. киммерийцы вторглись в Анатолию и дошли до Эолиды и Ионии, в 635 году захватив Сарды, столицу Лидии. Только через 28 лет после этого события их наконец изгнал лидийский царь Алиатт. Скифы соблюдали относительное (по сравнению с греками) равноправие полов: женщины-шаманы для них были обычным явлением.

Мифические киммерийцы обитали в некой таинственной стране, где никогда не светило солнце. Они жили под землей, в пещерах, соединенных подземными переходами, и выходили на поверхность лишь по ночам. В стране киммерийцев находился один из входов в Аид: именно там Одиссей вызывал мертвых и совещался с тенью Тиресия. Гомер помещает Киммерию на крайнем Западе у Океана, в месте, окутанном вечной

тьмой. Агриппа, довольно неплохо знавший сочинения Гомера, цитирует это упоминание:

> Скоро пришли мы к глубокотекущим водам Океана;
> Там киммериян печальная область, покрытая вечно
> Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет
> Оку людей там лица лучезарного Гелиос, землю ль
> Он покидает, всходя на звездами обильное небо,
> С неба ль, звездами обильного, сходит, к земле обращаясь;
> Ночь безотрадная там искони окружает живущих[1].

Согласно другим авторам, Киммерия находилась на дальнем севере, за Черным морем, именно там, где обитали исторические киммерийцы, — в Херсонесе Таврическом. Еще одна версия (сближающаяся с некоторыми поздними толкованиями гомеровской) помещает страну киммерийцев в итальянских Кумах близ озера Аверн — очередных врат подземного мира. Ассоциации с киммерийцами, как историческими, так и мифическими, связывают эолийскую сивиллу с шаманизмом и с темой мистических приключений в подземных пещерах.

В «Энеиде» Вергилия Кумская сивилла — не менее важный персонаж, чем Цирцея в «Одиссее» Гомера, и функции двух этих волшебниц чрезвычайно схожи. В сущности, Вергилий был римским Гомером и сам приобрел репутацию мага. Разумеется, «Энеида» — это художественное произведение, но, тем не менее, она сыграла важную роль в формировании магических традиций, а в Средние века часто использовалась для библиомантии. Сивилла Вергилия — жрица Персефоны[2], сопровождающая Энея в подземное царство, чтобы тот мог отыскать тень своего покойного отца Анхиза:

> Он [Анхиз] и в приют твой войти, и к тебе обратиться смиренно
> Мне с мольбой наказал. Над отцом и сыном, о дева,

1 Гомер, «Одиссея», X.13—19.

2 В классическом английском переводе «Энеиды», выполненном Джоном Драйденом (1631—1700), речь идет не о Гекате (Тривии), как в оригинале, а о Прозерпине (Персефоне), чем и объясняется это утверждение автора.

Сжалься, благая, молю! Ты можешь все, и недаром
Тривия власти твоей поручила Авернские рощи[1].

Марпесская сивилла

Эта прорицательница была родом из Марпесса на побережье Геллеспонта и потому в латинских источниках именовалась Геллеспонтской (*Sibylla Hellespontica*). Селение Марпесс находилось в окрестностях «Гергиция», то есть Гергифия, или Гергиды, — города, в котором почитали одну из ипостасей Аполлона. Гергифий располагался неподалеку от горы Ида — священной горы Кибелы, и местный Аполлон, равно как и некромантический оракул в Иераполе, был, по всей вероятности, связан с культом этой богини. Согласно некоторым источникам, Марпесская сивилла, которая также звалась Герофилой, была второй после сивиллы Ливийской. Она жила до Троянской войны и предсказала, что Троя падет по вине спартанской женщины. Место ее рождения относится к Мизии — области, населенной фракийцами, о которых шла причудливая слава, подчас до неузнаваемости искажавшаяся молвой или подвергавшаяся различным рационализациям. Согласно авторам классической эпохи, тамошние жители пользовались большим спросом как плакальщики, причем некоторые объясняли это их природной меланхолией и слезливостью! Однако в более древних источниках фракийцы описываются как суровый и воинственный народ и сравниваются с ликийцами и фригийцами отнюдь не в пользу последних. Репутацией плакальщиков они обязаны некоторым

1 Вергилий, «Энеида», VI.115—118.

особенностям своей религии и культуры, благодаря которым могли лучше многих выступать в роли гоэтов — исполнителей погребальных обрядов. Элиаде приводит отрывок из Страбона, в котором обряды мизийских фракийцев сравниваются со скифскими обычаями[1], а мы в следующей главе рассмотрим один любопытный ритуал, проводившийся на побережье Мизии.

Утверждают, что Геллеспонтская сивилла большую часть жизни прожила на Самосе, но посещала Кларос, Делос и Дельфы. По преданию, она носила с собой камень, на который садилась для изречения пророчеств. Павсаний сообщает, что видел в Дельфах скалу, стоя на которой пророчествовала эта сивилла[2]. Кроме того, он упоминает о ее надгробном памятнике: она была погребена в роще Аполлона Сминфейского у себя на родине, в Троаде, куда вернулась, как говорят, незадолго до смерти[3]. Это предание может указывать на то, что треножнику как традиционному престолу прорицательницы предшествовал священный камень (а черный камень, в свою очередь, считался священным образом Кибелы). Выдвигалась, однако, и другая

1 «По сообщению Посидония, мисийцы из благочестия воздерживаются употреблять в пищу живых существ, поэтому не едят и домашних животных. Они питаются медом и сыром, ведя мирную жизнь, поэтому их называют "богобоязненными" и "капнобатами"» (Страбон, «География», VII.III.3). М. Элиаде в связи с этим отрывком отмечает: «О существовании шаманизма у гетов свидетельствует только один известный памятник — рассказ Страбона о мизийских "капнобатах". Это слово переводилось по аналогии с аристофановскими "аэробатами" как "ходящие по облакам"; но в действительности оно означает "ходящие по дыму". Можно предположить, что это дым от курения конопли — архаического способа достижения экстаза, известного и фракийцам, и скифам. По-видимому, капнобатов следует понимать как гетских танцоров и колдунов, входивших в экстатический транс посредством курения конопли».

2 «Тут есть скала, высоко поднимающаяся над землей. Дельфийцы говорят, что, стоя на ней, пела свои пророчества женщина по имени Герофила, а по прозванию Сивилла» (Павсаний, «Описание Эллады», X.XII.1, здесь и далее цитируется в пер. С. Кондратьева).

3 «Кончина постигла ее в Троаде, и ее могила находится в роще Аполлона Сминфейского, и на надгробной стеле сделана такая надпись элегическими стихами:

Здесь ясновидящей вещего Феба Сивиллы могила;
Здесь я под камня плитой мертвой навеки лежу.
Прежде громко вещавшая дева, безгласная ныне,
Волей жестокой судьбы скована в этой земле.
Но недалеко от нимф и от Гермеса здесь я покоюсь!
Дар это мне судьбы: бога хранила я храм.

Действительно, около ее могилы стоит Гермес в виде четырехугольной колонны (с головою бога), слева же вода вливается в водоем, и там стояли статуи нимф» (там же, X.XII.3).

гипотеза, согласно которой независимо действующая сивилла соперничала с дельфийскими пифиями. Кларос славился своим оракулом Аполлона, построенным, по преданию, прорицательницей Манто — одной из сивилл, дочерью провидца Тиресия; утверждали, будто озеро неподалеку от этого святилища возникло из ее слез[1]. На Делосе также стоял знаменитый храм Аполлона — одно из самых почитаемых святилищ во всем эллинском мире. Согласно мифу, на этом острове родились Артемида и Аполлон, и первоначально здесь поклонялись именно Артемиде, а культ Аполлона сложился позже. Делосского Аполлона почитали в образе дракона, что указывает на доолимпийские истоки культа. В ходе местных обрядов исполняли гимн, сочиненный Марпесской сивиллой, а согласно другим источникам, несколько ее стихотворений сохранялись на Делосе вплоть до эпохи императора Антонина (138 — 161 н. э.)[2].

Анкирская сивилла

1 Любопытно, что с прорицательницей Манто также ассоциировался священный камень: «Там [в Фивах] есть камень, на который, говорят, садилась Манто, дочь Тиресия. Этот камень лежит перед входом в храм, и до наших еще дней ему имя "Седалище Манто"» (там же, IX.X.3).

2 «Делосцы помнят гимн, написанный этой женщиной в честь Аполлона. Она в нем называет себя не только Герофилой, но и Артемидой и законной женой Аполлона, а иногда опять она говорит, что она его дочь и сестра. Так она говорила, охваченная экстазом и божественным вдохновением. В других своих пророчествах она говорила, что рождена она бессмертною матерью, одною из нимф горы Иды, а что отец ее был смертным. Она так говорит об этом в стихах:

Смертная я по отцу, но по матери — божеской крови:
Мать моя — нимфа бессмертная, хлебом питался отец мой.
Ида родила меня с стороны материнской, с отцовской
Родина Аидоней мне река и Марпесс, посвященный
Матери милой моей, с его красною глинистой почвой» (там же, X.XII.1).

Эта сивилла родом из Анкира во Фригии, именуемая в латинских источниках Фригийской (*Sibylla Phrygia*), — по всей видимости, двойник Геллеспонтской или Эритрейской сивиллы. Как уже упоминалось в связи с первой, в Гергифии был оракул Аполлона, имевший хтоническое или даже некромантическое прошлое.

Персидская сивилла

Персидская сивилла (лат. *Sibylla Persica*), которую иногда называли также Вавилонской, носила имя Самбета. За исключением гораздо более поздних преданий, о ней почти ничего не известно.

Ливийская сивилла

Ливийская сивилла (лат. *Sibylla Libyca*) по имени Фемоноя ассоциировалась с оракулом Зевса-Аммона, который стоял в Ливийской пустыне. Кому этот оракул был посвящен изначально, остается неясным, хотя известно, что основали его

ливийские племена и что свой ливийский характер он сохранял даже под властью египтян. Первые греки, посетившие это святилище в исторические времена, были родом из Кирены. Постепенно культ Зевса-Аммона распространился в Спарте, Македонии и по всему эллинскому миру; этот процесс ускорился после того, как святилище в Ливийской пустыне посетил Александр Македонский.

Согласно одной из версий, первой из всех сивилл была именно Ливийская — Иерофила, дочь Зевса и Ламии, дочери Посейдона. В греческих мифах фигурируют три Ламии, и все они во многом связаны между собой. Одна, как уже было сказано, была дочерью Посейдона и возлюбленной Зевса, от которого родила Ливийскую сивиллу. Вторая Ламия, чудовищная, похищала детей и внушала страх матерям. Эта Ламия тоже имеет непосредственное отношение к Ливии — как дочь Бела и нимфы Ливии, от которой получила свое название эта страна. Более того, и эта Ламия тоже была возлюбленной Зевса, но Гера прокляла ее, и все ее дети рождались мертвыми. В отчаянии Ламия укрылась в пещере и стала похищать чужих детей. Мстительная Гера вдобавок лишила ее сна, но Зевс смягчил эту кару: он даровал Ламии способность вынимать глаза и класть их в чашу, чтобы заснуть.

В память об этой Ламии получили свое название ламии — духи-вампиры, похищавшие и пожиравшие детей и соблазнявшие мужчин, чтобы пить их кровь. Ламий описывали как огромных змей с лицом и грудью прекрасных женщин. Иногда их отождествляли с лемурами — злобными душами умерших — и представляли как ведьм или злых духов, которые не способны к человеческой речи, а потому заманивают путников мелодичным змеиным шипением.

Еще одно чудовище по имени Ламия обитало в окрестностях Дельфийского оракула (с которым, как известно, тоже была связана своя сивилла). У этой Ламии много общего с одноименной дочерью Бела: в частности, она также жила в пещере и умела вынимать собственные глаза (символ способности видеть иные миры). Кроме того, следует вспомнить, что олимпийский Аполлон пришел в Дельфы довольно поздно — если не по исторической хронологии, то, по крайней мере, по мифологическому времени: первоначально Дельфийское святилище было оракулом Земли и жилищем дракона Пифона, по

имени которого получили свое название дельфийские жрицы-пифии.

Образ чудовищной Ламии вполне мог возникнуть под впечатлением от хтонических жриц-ведьм: темные пережитки древних культов сохранялись и после утверждения «очищенной» олимпийской религии. Как мы уже видели, сивиллы и в более поздние времена сочетали религиозную респектабельность с близостью хтоническим магическим традициям. Ламия в позднейшем фольклоре ассоциировалась с такими духами-вампирами, как Эмпуса, Гелло и Мормо. Причины ненависти, которую Гера питала к Ламии, следует искать в культовой практике, где персонажи, подобные Ламии, представляют, так сказать, антиобраз Геры — защитницы матерей. Схожие по сути мотивы обнаруживаются в коринфских обрядах и мифах, связанных с Мелиссой и Медеей.

Дельфийская сивилла

Дельфийская сивилла (лат. *Sibylla Delphica*) связана с сивиллой Геллеспонтской, которая, по преданию, посещала Дельфы. В Дельфах чтили камень сивиллы, не тождественный омфалу и находившийся вне святилища. Сохранились предания о соперничестве сивиллы с пифией. Некоторое отношение к Дельфийской сивилле имеет нимфа Дафна, фигурирующая во многих традициях, связанных с Аполлоном. Диодор называет Дафной дочь Тиресия, более известную под именем Манто. Существует «апокрифическая» легенда о древней прорицательнице Дафне, служившей в Дельфийском храме, когда тот был посвящен Гее. По одной из версий, отцом

Дафны был фессалийский речной бог Пеней, по другой — аркадский речной бог Ладон (и Фессалия, и Аркадия — сельские местности, бережно хранившие древние традиции, причем Фессалия особо славилась своими колдуньями). Аполлон полюбил эту нимфу и преследовал ее, но безуспешно. Когда он уже почти настиг ее, Дафна взмолилась Гее (по другим вариантам — своему отцу или самому Зевсу, но для нас сейчас более значима версия с Геей) и была превращена в лавровое дерево. После этого Аполлон сделал лавр своим священным символом. Лавровую ветвь по обычаю доставляли в Дельфийское святилище из фессалийского храма; возможно, это означает, что фессалийский культ Дафны был более древним.

Филострат в своей «Жизни Аполлония Тианского» упоминает священную местность Дафны в крупном сирийском городе Антиохии[1]. Этот парк или сад с рощей лавров и кипарисов посвятили Аполлону цари из династии Селевкидов, также построившие в его честь великолепный храм. Но, разумеется, с сирийскими солнечными Баалами Аполлон начал ассоциироваться гораздо раньше.

В других сказаниях о Дафне упоминаются девы-охотницы, чуравшиеся мужчин. Дафна здесь предстает как любимица Артемиды, которая и сама по себе девственная охотница, и вдобавок покровительствует превращению из девы в жену. Таким образом, данная версия мифа носит отчасти предостерегающий характер, намекая на духовные и моральные опасности отказа от подобного перехода. Это позволяет провести параллели между Дафной и некоторыми более зловещими персонажами: женщины, не реализовавшие себя в супружестве и материнстве, в мифах нередко преображаются в чудовищ и злых духов. В этом отношении мифы об Артемиде и связанных с ней персонажах имеют нечто общее с мифами о Гере.

1 «...Аполлоний пришел в великую Антиохию и там явился в храм Аполлона Дафнийского, к коему ассирияне относят аркадское предание, утверждая, будто именно здесь преобразилась в дерево Дафна, дочь Ладона. Действительно, в тех краях протекает речка Ладон и почитается священный лавр, некогда бывший девой. Храм окружен кипарисами необычной высоты, а местность изобилует полноводными и тихими родниками, в коих, говорят, омывался сам Аполлон» (Флавий Филострат, «Жизнь Аполлония Тианского», I.16, здесь и далее цитируется в переводе под ред. Е. Рабинович).

Италийские сивиллы

Кумская сивилла

Самая знаменитая из сивилл классической эпохи была родом из италийских Кум. В латинских источниках она именуется *Sibylla Cumana*. Кумы первоначально были греческой колонией; утверждали, что этот город был основан греками еще до Троянской войны и что в нем находился храм Аполлона, построенный Дедалом после бегства с Крита. С пещерой в Кумах, как и с пещерой в Феспротии, связана обширная литературная традиция, под влиянием которой в обеих этих местностях за обиталище сивиллы ошибочно принимали те или иные гроты. Но в действительности пещера — вовсе не обязательный элемент некромантического святилища, и гораздо более вероятно, что и в Феспротии, и в Кумах участки для проведения обрядов располагались на берегах озер. Однако в Гераклее и в ряде других местностей некромантические ритуалы действительно проводились в священных пещерах. Так или иначе, связи с греческой культурой в Кумах поддерживались по меньшей мере с Микенского периода (как свидетельствуют остатки керамики, обнаруженные в ходе раскопок). Впоследствии колонисты прибывали сюда из Колхиды и из эолийских Кум. Кумскую сивиллу знали под разными именами: Амалфея, Дафна, Деифоба, Демо, Демофила, Герофила, Манто и Фемоноя. Известны и более варварские версии ее имени: Тараксандра и

Меланкрайра. Подобные варварские имена не поддаются переводу, но любопытно, что «Мелана» — это древнее название Самофракии.

Согласно одному из мифов, Аполлон, влюбленный в Кумскую сивиллу, предложил исполнить любое ее желание. В ответ сивилла зачерпнула пригоршню песка и попросила себе столько лет жизни, сколько песчинок у нее в горсти, но забыла упомянуть, что желает все это время сохранять здоровье, красоту и молодость. Бог исполнил ее просьбу, но сивилла так и не поступилась своей девственностью, хотя Аполлон и предлагал ей добавить к долголетию вечную молодость, красоту и бодрость. Со временем сивилла одряхлела, усохла и стала похожей на цикаду. Ее держали в клетке в храме Аполлона. Когда дети спрашивали, чего она хочет, сивилла отвечала, что хотела бы умереть. Другая версия отождествляет ее с Эритрейской сивиллой. Согласно этому мифу, Аполлон даровал ей долголетие при условии, что она никогда не вернется в Эритры. Сивилла прожила очень долго, но однажды получила от эритрейцев послание, запечатанное глиной. Глина была взята из ее родной земли, и сивилла, увидев ее, тотчас испустила дух. В этом варианте предания сивилла не связана с храмом Аполлона: она живет и пророчествует в пещере.

Широко известна легенда о том, каким именно образом Кумская сивилла обнародовала свои пророчества: говорят, что она записывала их на листьях и оставляла у входа в пещеру. Варрон уточняет, что сивилла писала по-гречески, а листья брала с пальмового дерева. Тем, кто приходил к ней за оракулом, приходилось проявлять немалую ловкость: листья следовало собирать вовремя, пока их не унесет ветром. Разумеется, в этом предании есть доля вымысла, но и некие подлинные факты в нем тоже отражены. Записи на листьях деревьев упоминаются в магических папирусах и других источниках обычно в связи с гаданием. В некоторых случаях имена богов обозначались на листьях начальными буквами. Затем по жребию вынимали несколько листьев, после чего сивилла изрекала оракул, соотнося выпавшие буквы с именами богов, содержащимися в тех или иных оракульных стихах. Не исключено, что какой-то подобной процедурой объясняется легенда о том, что греческий алфавит в Италию принес Эвандр.

Тибуртинская сивилла

Тибуртинская сивилла (*Sibylla Tiburtina*) носила имя Альбунея. Ее прозвание происходит от италийского города Тибур (современный Тиволи), расположенного примерно в 20 милях к северу от Рима. Согласно легенде, этот город построили Тибур (он же Тибурн, или Тибурт), Кор и Катил, сыновья прорицателя Амфиарая. Тибуртинская сивилла связана с каменами — вещими нимфами, которых почитали древние италийцы. Более поздние предания утверждают, что культ камен был принесен из греческой Аркадии. Камен отождествляли с музами. Их предводительницей была богиня Кармента, храм которой стоял у подножия Капитолийского холма, а алтари — близ городских ворот, носивших название *Porta Carmentalis* («Врата Карменты»). В тех версиях, которые приписывают ее культу греческое происхождение, Кармента именуется Никостратой и матерью Эвандра, вместе с которым она и прибыла в Италию из Аркадии приблизительно за 60 лет до Троянской войны. Согласно этому мифу, Эвандра и его мать радушно принял италийский царь Фавн (которого отождествляют с аркадским богом Паном и который, судя по всему, был покровителем оракульного святилища некоего героя). Отцом Эвандра в этой версии считается Гермес, алтарь которого стоял у подножия Авентинского холма, напротив алтаря Карменты у подножия Капитолия. Однако в действительности культ Карменты возник еще до начала греческой колонизации: она упоминается еще в составе сабинского Совета богов (*Dii Consentes*) и, таким образом, в коренных итальянских верованиях приближается по статусу к олимпийскому божеству.

Предполагали, что имя «Кармента» происходит от выражения «carens mentis» (лат. «лишенная ума»), связанного с неистовством, в которое она впадала при прорицании. Но более вероятным представляется происхождение от слова «carmen», среди значений которого — «песня», «напев», «стихотворение», «поэма», «поэзия», «изречение оракула», «прорицание», «текст закона или религиозного установления» и, наконец, «заклинание», «магическая формула». Изречение стихотворных пророчеств ассоциировалось с сивиллами и другими прорицательницами, а термин «поэт» в то время имел более широкое значение, связанное с экстатическими состояниями, пророчествами и наведением чар.

При жизни Кармента почиталась в Италии как прорицательница, а после смерти была обожествлена. Это указывает на частичное отождествление служителей мистерий с теми богами, которым они были посвящены. 11 января в Древнем Риме справляли Карменталии — праздник богини Карменты. Ее молили даровать римским женщинам плодовитость и легкие роды. Как богиня деторождения она носила эпитеты «Прорса» и «Постверса», связанные с двумя возможными положениями, в которых ребенок может выйти из чрева матери: «головой вперед» и «ногами вперед».

Кроме того, Карменту отождествляли с греческой богиней Фемидой. Существовало древнее оракульное святилище Фемиды, и, по преданию, именно в ее честь возвели первый храм. Верили, что Фемида учредила религиозные обряды, жертвоприношения и гадания, а также все обычаи, способствующие процветанию человечества. Она передавала просьбы людей богам и разрешала споры между смертными. В современной традиции Фемиду изображают как богиню правосудия, с мечом и весами в руках. Когда Эней прибыл в Италию после падения Трои, престарелый Эвандр радостно приветствовал его. Это объясняют тем, что некогда Эвандр гостил у Анхиза, отца Энея. Мать Анхиза также носила имя Фемида.

Иногда Карменту отождествляли с Тимандрой, единоутробной сестрой Елены и Диоскуров. По другой версии, Кармента была женой Эвандра, а сам он — сыном Тимандры. Еще одно из имен, приписывавшихся Карменте, — Тельпуса (Тельпуза, Фельпуса, Фельфуза, Тельфусса). В честь аркадской нимфы, носившей это имя, получили свое название город и ручей;

воды последнего были так холодны, что провидец Тиресий, испив из него, заболел и умер.

Манто, дочь Тиресия, также иногда включали в число сивилл, и не исключено, что изначально она связывалась с Тельпусой. По преданию, Тельпуса хитростью заставила Аполлона построить свое святилище в Дельфах, а не на берегу ее ручья, как он собирался вначале. Позднее, победив дельфийского Пифона, Аполлон отомстил Тельпусе, воздвигнув свой алтарь на скалах, под которыми протекал ее ручей. Эта легенда указывает на то, что культ сивилл был древнее культа олимпийского Аполлона и что их святилища первоначально были хтоническими. Так, в городе Тельпуса стоял храм Деметры Элевсинии (богини Элевсинских мистерий), в котором почитали кабирскую триаду — Деметру, Персефону и Диониса.

В некоторых источниках Карменту называют Тибуртой и сравнивают с Тельпусой. С рекой Тибр связаны две легенды об утоплении[1], тогда как Тиресий, скорее всего, не заболел от холодной воды, а попросту утонул в ручье Тельпусы. Таким образом, италийские мифы могут восходить к тому же древнему культу, что и греческие, а не просто пересказывать греческие на свой лад. Согласно одной из версий, у Тиресия было две дочери: Манто и Дафна. В других вариантах Дафна, подобно Тельпусе и Карменте, предстает дочерью Ладона, а это имя носил не только аркадский речной бог, но и змей, охранявший яблоки Гесперид в Ливии.

Феронния

Особого упоминания заслуживает еще одна древняя италийская богиня, которая, как и Кармента, ассоциировалась с одними из ворот Рима. Это богиня Феронния, особо почитавшаяся в Центральной Италии. С Карментой ее связывает еще одно обстоятельство: сын Феронии, Эрил, которому, по преданию, было даровано три жизни в трех разных телах,

1 По преданию, италийская река Альбула стала называться Тибром после того, как в ней утонул легендарный царь Тиберин, девятый в списке царей Альба-Лонги. Позднее в Тибре собирались утопить новорожденных Ромула и Рема, но течение прибило корзину с младенцами к берегу, где их вскормила волчица.

сражался с сыном Карменты, Эвандром, и был им убит. Феронии интересует нас по ряду причин. Она была нимфой-богиней лесов, деревьев и цветов. В Кампании ей было посвящено несколько храмов. Обычай предписывал ежегодные жертвоприношения Феронии; этому празднику сопутствовала большая ярмарка, на которой, по традиции, отпускали на свободу рабов. По этой причине Ферония стала отождествляться с римской богиней Либертас. Любопытно, что атрибут последней и традиционный символ свободы — фригийская шапка.

Участники обрядов Феронии, как и соискатели посвящения в греческих мистериальных культах, прежде всего должны были омыться в ее священном источнике, расположенном рядом с храмом. Кроме того, верили, что смертные, которым эта богиня дарует особое вдохновение, получают способность превращаться в волков и ходить по горячим углям, не обжигаясь (о чем свидетельствуют Плиний и Страбон). Оборотничество и неуязвимость перед огнем — характерные способности шамана во многих культурах; кроме того, многое указывает на то, что культ Феронии зародился в одном из горных племен. В описаниях ее обрядов часто упоминается гора Соракт, расположенная неподалеку от Рима, и явственно ощущаются признаки архаических и коренных традиций.

Один из главных храмов Феронии находился в городе Анксур (современная Террачина), посвященном Юпитеру Анксурскому. В этом своем обличье Юпитер изображался как безбородый мальчик, подобный младенцу-Зевсу Критских мистерий. Действительно ли этот культ, как предполагали, связан с культом греческого бога или героя Форонея, который, по одной из версий, принес людям огонь и построил первый храм Геры, нам неизвестно. Но Вергилий в «Энеиде» (XI.785—788) упоминает, что у подножия горы Соракт стоял храм Аполлона (Феба), который, возможно, был связан с этой юной ипостасью Юпитера:

> Бог, величайший из всех, Аполлон, хранитель Соракта!
> Первого чтим мы тебя, для тебя сосновые бревна
> Жар пожирает, а мы шагаем, сильные верой,
> Через огонь и следы оставляем на тлеющих углях!

«Аполлон» здесь — это всего лишь греческое имя бога Сури, которого почитали сабины и этруски и которого римляне знали под именем «Соран». В латинских источниках Сури именуется то *Dis Pater* («Отец богов»), то *Apollo Soranus* («Аполлон Соран»). Однако замена его имени на греческое не повлекла за собой никаких изменений в культовой практике. В отличие от других богов, перенятых у греков, Аполлон, судя по всему, не вытеснил и не заменил никого из местных божеств: дело ограничилось заимствованием имени. Даже Аплу, этрусский эквивалент Аполлона, сохранил в неприкосновенности свои хтонические приметы, объясняющиеся восточными влияниями. Восточные солнечные боги зачастую связаны с подземным миром — как, например, египетский бог солнца Ра, путешествующий под землей в своей ночной ладье. Этим же могут объясняться и хтонические мотивы, часто связывающиеся с Гелиосом.

Святилище Аполлона Сорана располагалось на священной земле богини Феронии, у подножия горы Соракт. Греки называли Феронию Антесфорией («Собирательницей цветов») и Филостефанией («Любительницей венков»), а также Персефоной, которой изначально принадлежали эти эпитеты. Немаловажно и то, что италийцы отождествили Феронию с Либертас, потому что «Либер» («Свободный») — это латинский эпитет Диониса. Согласно Плинию, молодые жрецы из местного племени совершали в окрестностях ее храма ежегодные обряды, во время которых трижды проходили босиком по горящим углям, поднося внутренности жертвы к алтарю[1]. Эти наследственные жрецы назывались «гирпы» («волки»), или «гирпины Сорана» (*Hirpini Sorani*, «волки Сорана»). Страбон связывает этих «волчьих» жрецов Сорана непосредственно с культом Феронии, которую он называет подземной матерью волков, Лупой, то есть волчицей. Римляне признали, что поддержание этих важных религиозных обычаев требует участия коренных племен и освободили гирпинов от военной службы. В более древние времена гирпины, вероятно, составляли воинскую общину наподобие куретов, а их вождь, царь-волк, считался сыном

1 «Землю фалисков неподалеку от Рима населяют племена, которые зовутся гирпы и которые во время ежегодного жертвоприношения Аполлону на горе Соракт ходят по горящим углям и не обжигаются; своим постановлением сенат освободил гирпов от воинской и прочих повинностей» (Плиний Старший, «Естественная история», VII. II.19, пер. В. Н. Илюшечкина).

и супругом Феронии. Связи бога Сури с солнцем и подземным миром роднят его культ со многими другими традициями, в которых герой предстает одновременно и сыном, и возлюбленным хтонической богини.

Пророчества сивилл

Известна очень древняя римская легенда о том, как некая сивилла пришла к одному из последних римских царей, правивших до основания Республики. Она принесла с собой девять книг пророчеств и предложила царю купить их за баснословную цену. Царь отказался, но сивилла уничтожила три книги из девяти и запросила ту же цену за шесть оставшихся. Получив очередной отказ, она сожгла еще три книги и предложила царю за прежнюю цену последние три. Царь, потрясенный таким способом торговли, прислушался к совету авгуров (предсказателей, гадавших по полету птиц и другим знамениям) и уплатил требуемую сумму. После этого сивилла исчезла, и никто ее больше не видел.

Книги, купленные царем, содержали стихотворные пророчества. Их называли Сивиллиными книгами и бдительно хранили под надзором специальной коллегии жрецов-децемвиров, то есть «десяти мужей», позднее расширенной до квиндецемвиров («пятнадцати мужей»). Доступ к этим книгам разрешался только по особому постановлению сената. За советом к ним обращались чрезвычайно благоговейно и только в случаях большой опасности для всего государства. В критических ситуациях или при появлении особенно тревожных знамений жрецы изучали Сивиллины книги с помощью греческих рабов и искали в них ответы на свои вопросы. Известно, в частности, что к пророчествам сивиллы обращались в связи с эпидемиями, поражавшими Рим, и по поводу вторжений галлов и Ганнибала. После каждого такого обращения приносили особо торжественные и исключительные жертвы подземным богам (в частности, в 226 году до н. э. заживо сожгли двух греков и двух галлов).

Для предотвращения бедствий Сивиллины книги, как правило, предписывали приносить жертвы богам и вводить новые культы. В разгар войны с Ганнибалом по совету этих книг

в Рим из фригийского Пессинунта доставили изваяние богини Кибелы. Пессинунт располагался поблизости от Анкиры — родного города Фригийской сивиллы. Помимо образа богини, из Пессинунта в Рим привезли ее жрецов, по всей вероятности, принадлежавших к племени халибов.

Халибы фигурируют во многих мифах, но это вполне историческая народность, о которой нередко упоминают античные географы и историки. Некоторые древние авторы, например, Ксенофонт, утверждают, что изначально халибы были частью племени халдеев; и, как мы увидим, эти две народности кое в чем действительно связаны, хотя иногда их просто путали друг с другом из-за сходства названий. В те времена халибы обитали в Южном Причерноморье и славились как непревзойденные кузнецы. Предполагали даже, что к названию этого племени восходит имя меча короля Артура — «Эскалибур».

После того как изваяние и жрецов Кибелы доставили в Рим, военная фортуна повернулась к римлянам лицом, а небывало щедрый урожай того года позволил возместить ущерб, нанесенный Ганнибалом. Легенду о весталке Клавдии, которая помогла доставить статую на берег, см. выше, в разделе «Формионы». Культ Кибелы пользовался государственной поддержкой, однако подвергался некоторым ограничениям; в частности, римским гражданам запрещалось становиться жрецами Кибелы.

Во времена Суллы, в 83 году до н. э., в Капитолии случился пожар, и Сивиллины книги сгорели. В Эритры тотчас же отправили послов, чтобы те собрали все пророчества сивилл, какие им удастся найти. Было собрано около 1000 строк пророчеств, сохранявшихся вплоть до эпохи Августа, который, как утверждают, тоже обращался к ним за советами. Эти тексты были известны и до того, как римляне получили их от Кумской сивиллы или из иных источников. Впервые их свели в единое собрание еще в VI веке до н. э. во Фригии, на горе Ида, и хранили в храме Аполлона Гергифия, неподалеку от эолийских Кум. В этой традиции италийская Кумская сивилла отождествляется с эолийской, а Марпесская (Геллеспонтская) сивилла — с Эритрейской. Какая судьба постигла эти подлинные пророчества сивилл после Августа, неизвестно. Все дошедшие до нас тексты, приписываемые сивиллам, — сравнительно поздние подделки, хотя их происхождение и история тоже заслуживают внимания.

Сивиллы в христианстве и поздней народной традиции

Восточная православная церковь, подобно Платону, признает лишь одну сивиллу — «мудрую Сивиллу», предрекшую воплощение Христа. Католическая традиция, вслед за Варроном, насчитывает десять сивилл (называя Киммерийской сивиллу из эолийских Кум), иногда добавляя к ним еще двух, более поздних: одну называют Еврейской, или Палестинской, сивиллой, Агриппой, или Агриппиной, вторую — Европейской сивиллой. Другая христианская традиция причисляет к сивиллам царицу Савскую, и это — одна из нескольких нитей, связывающих предания о сивиллах с соломоновой магией.

Кроме того, в источниках скорее фольклорных, нежели богословских встречаются имена еще нескольких не столь значительных сивилл. Важное место в народной и литературной традициях занимает полуязыческая Апеннинская сивилла, которая, как мы видели, тесно связана с легендами о ведьмах и некромантах. Подобные добавочные, «неофициальные» сивиллы напоминают неофициальных святых, почитаемых в Мексике и не только, таких как Сантиссима Муэрте («Пресвятая Смерть») или «нарко-святой» Хесус Мальверде.

Хтонический характер сивилл отражен в том обстоятельстве, что одна из них упоминается в знаменитом песнопении, вплоть до реформ 60-х годов XX века входившем в состав католической заупокойной мессы, — «Dies Irae» («День гнева»). Разумеется, из всех церковных обрядов именно эта месса использовалась в магии чаще всего:

> День гнева, тот день
> Превратит мир во прах,
> По свидетельству Давида и Сивиллы.
> Сколь великий трепет настанет,
> Когда придет Судия,
> Который всё строго рассудит.

Далее следует список сивилл, официально признанных церковью. Их традиционным иконографическим атрибутам можно найти магическое применение. Если есть на свете

персонажи, которых стоило бы использовать в западной магии по примеру того, как в вуду используют католических святых, то сивиллы среди них занимают явно не последнее место:

- Киммерийская сивилла предрекла распятие Христа. Ее изображают 18-летней девой с крестом или распятием в руках; еще один из ее традиционных атрибутов — корона.
- Геллеспонтская сивилла, согласно христианской традиции, предсказала воплощение и распятие Христа. Ее атрибуты — крест или распятие и бутон розы.
- Ливийская сивилла в своей католической ипостаси также предсказала пришествие Христа. Ее изображают 24-летней девой с пылающим факелом или свечой в руке.
- Персидская сивилла по христианской традиции была невесткой Моисея и предсказала пришествие Мессии. Ее изображают как старицу, попирающую ногами змея или дракона и держащую в руке светильник.
- Самосская сивилла, согласно христианской легенде, жила во времена пророка Исаии. Ее атрибуты — тростник или колыбель, а также роза.
- Эритрейская сивилла в католической традиции предстает как пророчица божественного возмездия. Считается, что она предсказала Троянскую войну, вследствие чего ее атрибутом стал меч. Кроме того, она предрекла Благовещение и по этой причине обрела такие атрибуты, как белая роза и рог (труба). Ее изображают в облике женщины в летах.
- Дельфийская сивилла в христианской традиции изображается с рогом (трубой) и терновым венцом.
- Кумская сивилла в своей католической ипостаси — юная дева 15 лет. Она предрекла, что Христос родится в яслях, которые и стали ее атрибутом.
- Фригийская сивилла, как утверждают христиане, предсказала Воскресение Христа. Ее атрибуты — знамя и крест.
- Тибуртинская сивилла предрекла, что Иисус перед распятием подвергнется насмешкам и бичеванию. Ее изображают облаченной в шкуры и с посохом в руке; еще один ее атрибут — голубь.
- Сивилла по имени Агриппа, или Агриппина, которую называют также Еврейской, или Палестинской, изображается в облике 15-летней девы. Ее символ — бич или кнут.

- Европейская сивилла предсказала избиение младенцев царем Иродом. На изображениях она также предстает 15-летней и держит в руке меч.

Христианских сивилл иногда изображают читающими книгу, а иногда — несущими факел (атрибут Персефоны и фурий) или светильник. На некоторых изображениях они увенчаны солнечным диском, что напоминает о происхождении Гекаты, Цирцеи и Медеи от Гелиоса.

Вызывание сивилл

В основу данного раздела положены материалы, впервые опубликованные в «Открытии колдовства» Реджинальда Скота (книга XV). Об одной из операций, приведенных в этой книге, мы уже упоминали выше, но она содержит столько ценных сведений, что имеет смысл привести ее описание полностью и рассмотреть более подробно. Интересно, среди прочего, то, что в центральной части операции фигурирует сивилла, которую маг вызывает при помощи духа мертвеца, вызванного ранее. Этот дух усопшего — типичный магический помощник, или по-гречески паредр (*parhedros*). Схожую функцию, хотя и с некоторыми примечательными отличиями, принимает затем и сивилла. Вся процедура изобилует любопытными деталями, относящимися к таким темам, как некромантия, магический эротизм и пережитки язычества в поздней магии. Другие две операции, описанные в XV книге, носят схожий характер и также связаны с интересующими нас мотивами, а именно - с магическими поисками кладов и с той ролью, которую в английских гримуарах играют легенды об эльфах и феях. Третья операция во многом родственна одной из магических процедур, изложенных в «Истинном гримуаре», и также включает в себя вызывание паредра.

На сей раз я решил не перемежать текст комментариями, а разместить их после каждой из трех операций. Возможно, это доставит читателю некоторые неудобства, поскольку первая операция довольно обширна, но зато при таком подходе лучше чувствуется стиль и дух описанных процедур.

Глава VIII. Опыт с мертвецом

Сперва постись и молись три дня и воздерживайся от всего нечистого; ступай на свежую могилу того, кто наложил на себя руки или добровольно погубил себя, или же заручись обещанием того, кого должны будут повесить, и пусть он поклянется тебе, что по смерти его тела дух его придет к тебе и будет верно тебе служить по велению твоему во всякий день, и час, и минуту. И никто, кроме товарища твоего, не должен видеть, что ты делаешь. Около одиннадцати часов вечера ступай туда,

где он [мертвец] похоронен, и с твердою верой и искренним желанием скажи, чтобы дух, которого ты вызываешь, пришел к тебе; а твой товарищ пусть держит в левой руке свечу, а в правой — кристальный камень; и произнеси нижеследующие слова; мастер же должен держать в руке ореховый жезл, на коем начертаны такие имена Бога: Тетраграмматон (Tetragrammaton) + Адонай (Adonay) + Агла (Agla) + Кратон (Craton) +. Затем трижды ударь оземь и скажи:

Восстань, N. Восстань, N. Восстань, N. Заклинаю тебя, дух N., воскресением Господа нашего, Иисуса Христа, повиноваться моим словам и прийти ко мне этой ночью истинно и доподлинно, как веруешь ты, что будешь спасен в Судный день. И я принесу тебе клятву под страхом погибели души моей: если ты придешь ко мне, и явишься мне этой ночью, и покажешь мне истинные видения в этом кристальном камне, и приведешь мне фею Сивилию [Sibylia], чтобы я мог говорить с нею и чтобы она предстала мне в зримом обличье и явилась предо мной, как сказано в заклинании, то я совершу ради тебя богоугодное дело и буду молиться за тебя, N., Господу Богу моему, дабы спасся ты в день воскресения и стал одним из избранников Божьих на вечную славу, аминь.

Стоя в изголовье могилы, пока товарищ его держит в руках свечу и камень, мастер должен теперь приступить к заклинанию, как сказано ниже; и дух явится тебе в кристальном камне в прекрасном обличье ребенка двенадцати лет от роду. И когда он войдет [в камень], ощупай камень, и тот будет горяч; и не страшись ничего, ибо он или она покажет тебе много обманов, дабы отвлечь тебя от работы. Бойся Бога, а его не бойся. Вот как его связать:

Заклинаю тебя, о дух N., Богом живым, Богом истинным и Богом святым, и силами и властями их, сотворившими и тебя, и меня, и все сущее. Заклинаю тебя, N., святыми именами Божьими: Тетраграмматон (Tetragrammaton) + Адонай (Adonay) + Альграмай

(Algramay) + Садай (Saday) + Сабаот (Sabaoth) + Планабот (Planaboth) + Пантон (Panthon) + Кратон (Craton) + Неупматон (Neupmaton) + Деус (Deus) + Хомо (Homo) + Омнипотенс (Omnipotens) + Семпитурнус (Sempiturnus) + Исус (Ysus) + Терра (Terra) + Унигенитус (Unigenitus) + Сальватор (Salvator) + Виа (Via) + Вита (Vita) + Манус (Manus) + Фонс (Fons) + Ориго (Origo) + Филиус (Filius) + [1]. И силами и властями их, и всеми именами их, коими Бог дал человеку силу говорить и мыслить; итак, их силами и властями я заклинаю тебя, дух N.: тотчас явись мне в этом кристальном камне, чтобы и я, и товарищ мой тебя увидели без промедления и без обмана. И превыше всех имен заклинаю тебя, N., высочайшим именем Иисуса: А и Омега, первый и последний. Ибо это святое имя Иисуса — превыше всех имен; ибо пред этим именем Иисуса склоняются все, и повинуются ему все твари небесные, земные и подземные. И всякий язык признаёт, что Господь наш Иисус Христос пребывает во славе Отца; и не дано человеку другого имени, коим он мог бы спастись. Итак, во имя Иисуса из Назарета и во имя Его рождества, воскресения и вознесения, и во имя всех страстей, что претерпел Он, и всеми их силами и властями заклинаю тебя, дух N.: зримо явись мне и товарищу моему в этом кристальном камне безо всякого притворства. Заклинаю тебя, N., кровью невинного агнца Иисуса Христа, кою пролил Он за нас на кресте; ибо все, кто верует в силу крови Его, спасутся. Заклинаю тебя, дух N., силами и властями всех названных мною царственных слов и имен Бога живого: будь послушен мне и всем моим словам. Если же не подчинишься, то святою троицей и всеми силами и властями ее я ввергну тебя, дух N., в место такое, где нет надежды ни на исцеление, ни на отдохновение, а есть только вечный ужас и мука; в место,

1 *Adonay* — др.-евр. «Господь»; *Saday* — искаж. др.-евр. Шаддаи («Всемогущий»); *Sabaoth* — др.-евр. «(Бог) воинств»; *Panthon* — вероятно, «Вездесущий», от др.-греч. πᾶς («всё»); *Craton* — «Сильный», от др.-греч. κρατεω («обладать силой»); *Deus* — лат. «Бог»; *Homo* — лат. «Человек»; *Omnipotens* — лат. «Всесильный»; *Sempiturnus* — искаж. лат. *sempiternus* («Вечный», «Непреходящий»); *Terra* — лат. «Земля»; *Unigenitus* — лат. «Единородный»; *Salvator* — лат. «Спаситель»; *Via* — лат. «Путь»; *Vita* — лат. «Жизнь»; *Manus* — лат. «Рука»; *Fons* — лат. «Источник»; *Origo* — лат. «Начало»; *Filius* — лат. «Сын».

где мука на муке, каждодневно, ужасно и прискорбно; и мука твоя приумножится там, как звезды в небесах и как песок в морях; если ты, о дух N., не предстанешь мне и товарищу моему зримо и без промедления в этом кристальном камне, в прекрасном образе и виде ребенка двенадцати лет от роду, и не сохранишь свой облик в неизменности, то я призову на тебя муку вечного проклятия.

Заклинаю тебя, дух N., тем поясом златым, коим повязывал чресла свои Господь наш Иисус Христос: так и ты, дух N., будешь связан и предан вечным мучениям в адском огне за твое непокорство и непочтение к святым именам и словам, и к заповедям Его. Заклинаю тебя, дух N., тем мечом двуострым, коий в видении Иоанна изошел из уст Всемогущего: так и ты, дух N., будешь рассечен и разрублен на части тем мечом и осужден на вечную муку там, где огонь не угасает и где червь не умирает. Заклинаю тебя, N., небесами и небесным градом Иерусалимом, землею и морем и всеми тварями земными и морскими, и всеми их силами и властями. Заклинаю тебя, дух N., тем послушанием, коим обязан ты князю всевышнему. Если же ты, о дух N., не придешь без промедления и не покажешься зримо в этом кристальном камне предо мною, как было сказано, то да падет на тебя, о дух N., великое проклятие Божье, и гнев Божий, и тень и тьма смертная, и вечная мука на веки и веки веков, ибо ты сам отверг свою веру, свое здравие и спасение. Великим непокорством своим заслужил ты проклятие. И за непокорство твое да свидетельствуют против тебя в Судный день божественная Троица, и престолы, и власти, и начала, и господства, и силы, и херувимы, и серафимы, и все души святых, как мужеские, так и женские. И все творения Господа нашего Иисуса Христа да скажут на это: fiat, fiat, fiat. Amen.

И когда он появится в кристальном камне, как ему было велено, наложи на него узы, сказав так:

Заклинаю тебя, дух N., явившийся в этом кристальном камне ко мне и к товарищу моему; заклинаю

тебя всеми царственными словами, названными выше, каковые тебя принудили сюда явиться, и всеми силами их; повелеваю тебе ими всеми, о дух N., не покидать сего кристального камня, доколе моя воля не исполнится и доколе не разрешу тебе удалиться. Заклинаю и связую тебя, дух N., тем Богом Всемогущим, коий повелел ангелу, с[вятому] Михаилу изгнать Люцифера с небес мечом возмездия, дабы пал тот из радости в муку; и под страхом той же муки, в коей пребывает он, повелеваю тебе, дух N., не покидать сего кристального камня и не изменять обличья своего, если я не прикажу тебе; но приходить ко мне во всяком месте и во всякий час и минуту, где и когда бы я ни призвал тебя силою Господа нашего Иисуса Христа или же любым словесным заклинанием из тех, что записаны в этой книге; и показывать мне и друзьям моим в этом кристальном камне истинные видения обо всем, что мы пожелаем увидеть, во всякое время и во все времена; а также пойти и привести мне фею Сивилию, чтобы я мог говорить с нею и беседовать, о чем пожелаю, призвав ее любыми словесными заклинаниями из тех, что записаны в этой книге. Заклинаю тебя, о дух N., великой премудростью и божественностью Господа нашего, исполнить волю мою, как было сказано; а не то я обреку тебя на муку проклятия в мире этом и в мире грядущем. Fiat, fiat, fiat. Amen.

Исполнив это, ступай в место поблизости от того и в светлых покоях или кабинете начерти мелом круг, как сказано ниже; и еще один круг начерти для феи Сивилии, дабы она в нем явилась, в четырех футах [около 1,2 м] от того круга, в котором будешь ты сам, и в том [втором круге] не пиши никаких имен и не клади в него ничего святого, но только очерти мелом круг; и пусть мастер и его товарищ сядут в первом круге, мастер — с книгой в руке, а его товарищ — с кристальным камнем в правой руке, и пусть [товарищ] смотрит в этот камень, когда появится фея. Также мастер должен иметь на груди такую фигуру, начертанную на пергаменте:

И пусть начнет работу на новой Луне, в час Юпитера, при Солнце и Луне в одном из знаков обитания [*inhabiters signes*], таком как Рак, Стрелец или Рыбы. Следующие узы понудят духа в кристальном камне привести к тебе фею Сивилию. Исполнив все сказанное, приступи к наложению этих уз и наберись отваги, ибо она предстанет пред тобой непременно еще до того, как прочтешь это заклинание семикратно.

Заклинаю тебя, о дух N. в этом кристальном камне, Богом-Отцом, Богом-Сыном, Иисусом Христом, и Богом — Духом Святым, Богом единым в трех лицах, и всеми силами их. Заклинаю тебя, о дух: ступай с миром и возвращайся ко мне без промедления, и приведи с собою в этот назначенный для нее круг фею Сивилию, дабы я смог беседовать с нею о том, что послужит к ее вящей славе и чести; и повелеваю тебе передать ей эти мои слова. Заклинаю тебя, дух N., кровью невинного Агнца, искупившего грехи всего мира; силою оной повелеваю тебе, о дух в этом кристальном камне, доставить ей эту весть. Заклинаю тебя, о дух N., всеми ангелами и архангелами, престолами, властями, началами, господствами, силами, херувимами и серафимами и всеми их силами и властями. Заклинаю тебя, о N., удалиться поспешно и возвратиться поспешно, и привести с собою фею Сивилию, чтобы она явилась в том круге, прежде чем я прочитаю это заклинание из книги семь раз. Итак, повелеваю тебе исполнить мою волю под страхом вечного проклятия: fiat, fiat, fiat; Amen.

Затем обратись к вышеназванной фигуре, приколотой у тебя на груди, и произнеси слова из нее, сказав:

+ Сортие [Sorthie] + Сортия [Sorthia] + Сортиос [Sorthios] +

А затем приступай к нижеследующему заклинанию, сказав так:

Заклинаю тебя, Сивилия, о кроткая дева из волшебного народа, милостью Духа Святого, и грозной долиной суда, и всеми их силами и властями; заклинаю тебя, Сивилия, о кроткая дева из волшебного народа, и всеми ангелами Юпитера, и знаками и силами их, и всеми духами Юпитера и Венеры, и знаками и силами их, и всеми знаками, сущими на тверди небесной, и королем и королевой фей, и силами их, и тою верностью и послушанием, коими ты им обязана. Заклинаю тебя, Сивилия, тою кровью, что истекла из бока Господа нашего Иисуса Христа распятого, и отверзанием небес, и раздранием [завесы] храма, и помрачением солнца в час смерти Его, и воскрешением усопших при Его воскресении, и Девой Марией, матерью Господа нашего Иисуса Христа, и неизреченным именем Божьим, Тетраграмматон. Заклинаю тебя, о Сивилия, о дева блаженная и прекрасная, всеми царственными словами, мною названными; заклинаю тебя, Сивилия, всеми силами их: явись предо мною зримо в этом круге, в образе и виде прекрасной жены, в сиянии и в белых одеждах, украшенной и убранной прекрасно, и приди ко мне поспешно, без обмана и без промедления, и не откажись исполнить мою волю и желание мое. Ибо я изберу тебя блаженной девою своей, и мы с тобою совершим соитие. Итак, не медли и приди ко мне поспешно, и появись так, как было сказано, во имя Того, кому слава и честь пребудут во веки веков, аминь.

Если она не придет, когда исполнишь это и завершишь, то повторяй заклинание до тех пор, пока она не явится, ибо она придет к тебе непременно. Когда же она появится, возьми кадильницы свои и окури ее ладаном, а затем наложи на нее узы, как сказано далее.

Заклинаю тебя, Сивилия, Богом-Отцом, Богом-Сыном, Иисусом Христом, и Богом — Духом Святым,

Богом единым в трех лицах, и блаженной Девой Марией, матерью Господа нашего Иисуса Христа, и всем священным собранием небес, и грозной долиной суда, и всеми ангелами и архангелами, престолами, властями, началами, господствами, силами, херувимами и серафимами, и всеми их силами и властями. Заклинаю тебя и связую тебя, о Сивилия, дабы ты не покидала круга сего, в котором явилась, и не изменяла обличья своего, доколе я не разрешу тебе удалиться. Заклинаю тебя, Сивилия, тою кровью, что истекла из бока Господа нашего Иисуса Христа распятого, и силою ее заклинаю тебя, Сивилия: приходи ко мне и являйся мне зримо во все времена, как велят тебе слова заклинания, записанного в этой книге. Заклинаю тебя, Сивилия, о блаженная дева из волшебного народа, отверзанием небес, и раздранием [завесы] храма, и помрачением солнца в час смерти Его, и воскрешением усопших при Его воскресении, и неизреченным именем Божьим, Тетраграмматон +, и королем и королевою фей, и силами их; заклинаю тебя, Сивилия: [впредь] появляйся, прежде чем я прочту это заклинание четырежды, и представай предо мною зримо, как велит тебе заклинание, записанное в этой книге, и подавай мне добрые советы во всякое время, и наводи меня на клады, скрытые под землей, и делай все прочее, что будет мне в удовольствие, и исполняй мою волю безо всякого обмана и промедления; и да не будет у тебя никакой власти над моим телом и душой, ни плотской, ни духовной, и да не упадет с моей головы ни единого волоска. Заклинаю тебя, Сивилия, всеми царственными словами, мною названными, и всеми их силами и властями, и связую тебя силою их, и повелеваю тебе повиноваться мне и всем сказанным выше словам, и да пребудут узы сии между тобою и мною под страхом вечного проклятия: fiat, fiat, fiat; Amen.

Глава IX. Разрешение Сивилии уходить и приходить во всякое время

О Сивилия, пришедшая сюда и предо мною представшая! Заклинаю тебя заповедью Господа твоего и моего, дабы не было у тебя своей власти в том, когда

уходить и когда приходить ко мне, и не было власти умышлять любое зло, земное или подземное, и какие бы то ни было злодеяния против любого человека и против каких бы то ни было людей. Заклинаю тебя, Сивилия, и повелеваю тебе всеми царственными словами и силами, записанными в этой книге: не уходи туда, откуда ты пришла, но оставайся здесь незримо, тихо и мирно, и будь готова прийти ко мне, когда я призову тебя какими бы то ни было словесными заклинаниями, записанными в этой книге; будь готова прийти по велению моему, и ответить мне правдиво и подобающим образом на все вопросы, и исполнить волю мою без промедления. Vade in pace, in nomine Patris, & Filii, & Spiritus Sancti[1]*. И да пребудет крест + святой + между тобою и мною, или между нами и вами, и лев Иудин, и корень Иессея, отца Давидова, да пребудет между тобою и мною + Христос грядет + Христос велит + Христос дарует власть + защищает меня Христос + и его невинная кровь + от всех погибелей души и тела, и во сне, и в бодрствовании: fiat, fiat, Amen.*

Маг обращается за помощью к духу недавно погребенного самоубийцы или преступника, то есть к образцовому (по традиции греческой демонологии) неупокоенному духу. Немаловажно для некроманта то обстоятельство, что в эпоху, когда создавался этот ритуал, самоубийц и казненных преступников не хоронили в освященной земле. Как явствует из первого заклинания, платой за помощь служит обещание мага заступиться за духа и помочь ему спастись. Дух и маг обмениваются клятвами помогать друг другу, то есть, по существу, заключают договор.

То обстоятельство, что маг работает вместе с «товарищем», или помощником, полностью согласуется с традициями соломоновой магии. Любопытно, что этому «товарищу» отводится роль ясновидца: именно он держит кристалл и созерцает в нем видения. Кристалл фигурирует в операции с самого начала, с первого же вызывания духа, по причинам, которые вскоре станут очевидны.

1 «Ступай с миром, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа» (лат.).

Маг вооружен ореховым жезлом; аналогичное предписание содержится и в «Истинном гримуаре», и в большинстве других гримуаров. По моему мнению, ореховый жезл или прут — это, в первую очередь, орудие дивинации, хотя и для заклинания духов его тоже можно использовать. Заклинание духов составляет неотъемлемую часть некромантической операции, но сама по себе некромантия — это особая разновидность дивинации, как становится ясно из обращенного к духу призыва появиться в кристалле.

Прежде чем приступить к заклинанию духа, маг трижды ударяет оземь; таким же образом, ударяя оземь, древние греки взывали к богу Аиду. Маг приказывает духу подчиниться его воле и, самое главное, привести Сивилию; взамен маг клянется поспособствовать спасению духа, молясь за него и совершая от его имени богоугодные дела. В контексте христианской эсхатологии спасение может быть достигнуто лишь в Судный день, а до того дух остается в услужении у мага. Особенно интересно, что маг повелевает духу явиться к нему в обличье двенадцатилетнего ребенка. Во многих традициях ребенок такого возраста считается идеальным ясновидцем. Эта ситуация живо напоминает о тех магических практиках эллинистической эпохи, в которых отдельные элементы ритуала (например, жертвоприношение быка) переносились из физического мира в визионерский. Соответственно, проясняется причина, по которой кристалл требуется уже на этом раннем этапе: в нем должен найти себе пристанище вызванный дух. Признак успеха в вызывании — изменение температуры кристалла: когда дух войдет в него, кристалл станет горячим.

После этого маг налагает оковы на духа, повелевая ему без промедления предстать в зримом обличье и отвечать на все вопросы правдиво. Когда дух принимает оговоренный облик и показывается в кристалле, маг повторяет условия договора и повелевает духу оставаться в камне до тех пор, пока маг его не отпустит. Кроме того, в условия включается внешний вид духа: последний не должен изменять обличье — в особенности, разумеется, не должен принимать никаких пугающих форм. Но самая главная задача, которую маг ставит перед духом, заключается в том, чтобы привести Сивилию. Можно задаться вопросом, почему маг попросту не вызовет ее сам, и это, вне сомнения, вопрос не праздный. Но ответ на него прост: маг

пребывает в земном мире, а Сивилия — обитательница мира иного, занимающая при этом довольно высокое место в иерархии. Если бы маг самостоятельно отправился на поиски Сивилии в мир ее обитания, это было бы гораздо опаснее, чем послать за нею духа. Сивилия скорее захватила бы мага в плен, как Калипсо Одиссея, чем последовала бы за ним в земной мир.

Завершив эту фазу ритуала, маг и его помощник переходят с кладбища в заранее подготовленное закрытое помещение. Маг чертит два круга: один — для себя, а второй — для Сивилии. Здесь мы наблюдаем разительное расхождение с процедурой, описанной в «Гоэтии царя Соломона», согласно которой духов вызывают в треугольник. Мало того, что вместо треугольника используется круг: магу вдобавок запрещается писать в этом круге какие-либо священные имена и помещать в него священные предметы, тогда как треугольник практически всегда укрепляют божественными именами. Маг и его помощник садятся в своем круге. Они работают без стола: помощник просто смотрит в кристалл — примерно так же, как при работе по методу Армаделя. Книга, неоднократно упомянутая в тексте, не может быть ничем иным, кроме «Книги духов». Магический нагрудник — тоже характерный элемент ритуального снаряжения: он фигурирует во многих магических операциях того времени.

Интересны и астрологические условия, предписанные для этого ритуала: его следует проводить вскоре после новолуния, в планетный час Юпитера, при Солнце и Луне в знаках Юпитера. Что бы ни означал странный эпитет *inhabiters*, очевидно, что он относится к Юпитеру, поскольку перечисленные знаки тесно связаны с этой планетой: в Раке Юпитер экзальтирует, а Стрелец и Рыбы — его обители.

Семикратное повторение заклинания роднит этот ритуал с процедурами «Истинного гримуара», с которыми у него и в других отношениях немало общего. Заклинание, которое предписывается прочитать семь раз, должно принудить духа привести Сивилию в приготовленный для нее круг. Как заверяет нас автор ритуала, дух исполнит это еще до того, как маг дочитает заклинание в седьмой раз; как показывает мой опыт, в операциях «Истинного гримуара» именно так все и происходит. Несмотря на то, что маг посылает за Сивилией духа, это не избавляет от необходимости заклясть и саму Сивилию.

Чтобы понять, зачем это нужно, следует принять во внимание буквальный смысл термина «заклинать» («conjure»). Он происходит от латинского глагола «conjuro», что означает «приносить совместную клятву», а вовсе не «читать какой-либо текст, заставляющий появиться в зримом обличье». Таким образом, даже если дух приведет Сивилию в круг, она не будет обязана подчиняться магу до тех пор, пока тот не заклянет ее, то есть не возьмет с нее клятву.

Заклинание Сивилии начинается с того, что маг произносит вслух слова, начертанные на его нагрудной пластине. Сама по себе такая пластина тождественна тому орудию, которое у Кроули и многих других авторов называется ламеном. Слова и символы, начертанные на ламене, выражают основную суть той магической операции, в которой он используется. Можно предположить, что именно поэтому с них начинается заклинание.

Во многих отношениях один из важнейших элементов этой операции — необычное, на первый взгляд, требование сексуальных услуг, которое встречается в предпоследней фразе заклинания. Как уже говорилось, в Средние века, если не ранее, сложился эротизированный образ сивилл: они стали отождествляться с царицей Савской и с Венерой. Этот мотив отнюдь не сводится к христианским ассоциациям язычества с сексуальностью. Кроме того, сивилла в этом новом понимании — не просто дарительница эротических утех: в контексте паломничества в Норчи она — посвятительница. И в подобном свете ее сексуальность приобретает совершенно иное качество, превращаясь в залог апофеоза, достигаемого магом. В одном из последующих разделов нашего исследования мы подробно рассмотрим предысторию этой важной темы.

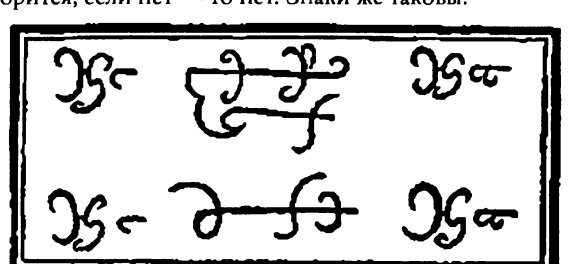
Так же, как и в операциях «Истинного гримуара», маг окуривает Сивилию ладаном. Затем следует наложение уз, в котором маг излагает свои требования: Сивилия должна подавать ему добрые советы, наводить на клады и исполнять все прочие его пожелания. В этом отношении с Сивилией обращаются точно так же, как и с любым другим духом в контексте традиционной демонологии, несмотря на то, что она, очевидным образом, занимает в иерархии духов высокое место. Тем не менее, упоминание о поисках кладов указывает на гораздо более глубокие мотивы, речь о которых шла выше. И вовсе не случаен тот факт, что следующая операция, описанная в книге

Скота, посвящена именно поискам клада. Относительно же операции с Сивилией следует добавить, что наложение уз здесь одновременно представляет собой и особую разновидность отпущения. Это не окончательное отпущение: маг расстается с Сивилией лишь на некоторое время, до тех пор, пока не призовет ее вновь. Подразумевается, что они непременно встретятся снова: описанная операция — это лишь отправная точка в развитии глубоких отношений и дальнейшей совместной работы.

По описанию этого ритуала может сложиться впечатление, что Сивилии здесь отводится не столь высокий статус, как в легендах, связанных с сивиллой из Норчи. В частности, она, судя по всему, теряет способность освятить и засвидетельствовать «Книгу духов», хотя последняя все равно играет в ритуале важную роль. И все же некоторые чрезвычайно важные детали в этой операции сохраняются. Одна из них — это вышеупомянутый сексуальный характер отношений между магом и Сивилией. Другая же заключается в том, что Сивилии отводится роль советницы и, следовательно, гораздо более высокий статус, чем обычным духам, от которых маг требует не советов, а лишь правдивых ответов на вопросы. Это напоминает о том, что сивилла, обитавшая, по легенде, в горах Италии, считалась наставницей, превосходящей мага в мудрости и магической силе. Здесь перед нами — явное указание на ту роль, которая отводилась ей в более древних традициях.

Глава X. Как отыскать клад, сокрытый под землей

В субботу, в час Луны, напиши на бумаге нижеследующие знаки и положи там, где, по-твоему, может находиться клад; если клад в этом месте есть, то бумага загорится, если нет — то нет. Знаки же таковы:



Это краткое магическое предписание помещается между ритуалом вызывания Сивилии и еще одним текстом, более длинным. В особых комментариях оно не нуждается; можно лишь еще раз сослаться на высказанную мною выше гипотезу о мистериальных истоках магического кладоискательства. Разумеется, я прекрасно отдаю себе отчет, что многие люди искали клады в буквальном смысле слова и что на этом наживались многие шарлатаны. Последнее обстоятельство Скот отмечает на полях: «Этим способом пользовались бы очень часто, не будь это попросту мошеннический трюк». Но, тем не менее, я полагаю, что происхождение подобных ритуалов именно таково, как было сказано выше, и то обстоятельство, что три рассматриваемые магические процедуры следуют в книге Скота одна за другой, в значительной степени подтверждает мою гипотезу.

Третья из этих процедур, явно заимствованная из того же источника, что и первые две, отчасти связана с легендами о феях и эльфах — так же, как и ритуал вызывания Сивилии. Эти подземные духи, ассоциировавшиеся с доисторическими могильными курганами и тому подобными объектами, считались, среди прочего, стражами зачарованных кладов.

Способ обрести невидимость при помощи трех сестер-фей

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

Прежде всего ступай в светлые покои или кабинет, такой, чтобы находился на ровной земле и не на чердаке; и удались от людей на девять дней, ибо так будет лучше; и вся одежда твоя да будет чистой и приятной. Затем изготовь свечу из девственного воска и зажги ее; и разведи светлый огонь на углях в хорошем месте, в центре покоев или кабинета. Затем возьми чистую светлую воду оттуда, где она течет на восток, и поставь ее на огонь; и прежде чем омыться, скажи следующие слова, трижды обходя вокруг огня со свечой в правой руке:

+ Пантон (Panthon) + Гратон (Graton) + Муритон (Muriton) + Бисекогнатон (Bisecognaton) + Систон (Siston) + Диатон (Diaton) + Матон (Maton) + Тетраграмматон (Tetragrammaton) + Агла (Agla) + Агарион

(Agarion) + Тегра (Tegra) + Пентессарон (Pentessaron) + Тендиката (Tendicata) +

Затем произнеси следующие имена:

+ Сортие (Sorthie) + Сортия (Sorthia) + Сортиос (Sorthios) + Милия (Milia) + Ахилия (Achilia) + Сивилия (Sibylia) + in nomine Patris, & Filii, & Spiritus Sancti, Amen[1] Заклинаю вас, о три сестры из волшебного народа, Милия, Ахилия, Сивилия, Отцом, Сыном и Духом Святым, и всеми их силами и властями, и Богом всемилостивым и живым, который прикажет ангелу своему вострубить в День суда и скажет: «Придите, придите, придите на суд»; и всеми ангелами, архангелами, престолами, властями, началами, господствами, силами, херувимами и серафимами и всеми их силами и властями. Заклинаю вас, три сестры, силою всех царственных слов, мною названных; повелеваю вам явиться предо мною зримо, в образе и виде прекрасных жен, облаченных в белое, и принести мне перстень невидимости, при помощи коего я смогу становиться невидимым по воле своей и как мне будет угодно, во всякий час и минуту; in nomine Patris, & Filii, & Spiritus Sancti, Amen.

Когда они появятся, прочти наложение уз:

О блаженные девы + Милия + Ахилия +, заклинаю вас именем Отца, именем Сына и именем Духа Святого, и всеми силами их, и повелеваю вам отойти от меня с миром до поры до времени. Тебя же, Сивилия, заклинаю силою Господа нашего Иисуса Христа, и силою плоти Его и драгоценной крови, кои воспринял Он от блаженной Девы, госпожи нашей; и всем святым собранием небес; и повелеваю тебе, Сивилия, всеми силами, названными выше: повинуйся мне во имя Бога; и в какое бы

1 «... во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь» (лат.).

время и в каком бы месте я ни призвал тебя вышесказанным заклинанием, записанным в этом книге, будь готова прийти ко мне во всякий час и минуту и принести мне перстень невидимости, при помощи коего я смогу становиться невидимым по воле своей и как мне будет угодно, во всякий час и минуту; fiat, fiat, Amen.

Если же они не придут в первую ночь, исполни то же самое во вторую ночь и то же — в третью ночь, пока они не придут, ибо они придут непременно. Ты же ляг на ложе свое в том же кабинете или покоях. И выставь правую руку свою так, чтобы она лежала рядом с ложем, и повяжи себе на голову красивый шелковый платок, и не бойся: они не причинят тебе вреда. Ибо придут к тебе три прекрасных жены, все в белых одеждах, и одна из них наденет тебе на палец перстень, с которым ты станешь невидимым. И тогда немедля свяжи их вышеуказанными узами. Когда перстень будет у тебя на пальце, посмотри в зеркало, и ты себя не увидишь. И когда захочешь стать невидимым, надень его на палец, на тот же самый палец, на который они его надели, и на каждое новолуние обновляй его [т. е. перстень]. Ибо после первого раза ты всегда будешь его получать; и всегда начинай эту операцию на новой Луне, в час Юпитера, при Луне в Раке, Стрельце или Рыбах.

И действующие лица, и астрологические условия, и имена, используемые в заклинании, и многое другое указывает на то, что этот обряд тесно связан с ритуалом вызывания Сивилии. В нем обнаруживается немало интересных деталей. Прежде всего, следует отметить, что он родствен одному из ритуалов «Истинного гримуара» (к которому мы обратимся немного позднее) и, возможно, представляет собой более раннюю его форму.

Иоаннис Маратакис, современный греческий исследователь соломоновых гримуаров, указывает в своем обзоре чар невидимости, что ритуал из «Истинного гримуара» в переработанных формах использовался не только для достижения невидимости, но и для других целей. Кроме того, он отмечает, что подобные магические операции восходят к глубокой древности.

Процитирую здесь отрывок из «Государства» Платона, имеющий непосредственное отношение к этой теме:

> ...Гиг, сын Лида <...> был пастухом и батрачил у тогдашнего правителя Лидии; как-то раз, при проливном дожде и землетрясении, земля кое-где расселась и образовалась трещина в тех местах, где Гиг пас свое стадо. Заметив это, он из любопытства спустился в расселину и увидел там, как рассказывают, разные диковины, между прочим медного коня, полого и снабженного дверцами. Заглянув внутрь, он увидел мертвеца, с виду больше человеческого роста. На мертвеце ничего не было, только на руке — золотой перстень. Гиг снял его и взял себе, а затем вылез наружу. Когда пришла пора пастухам собраться на сходку, как они обычно делали каждый месяц, чтобы отчитаться перед царем о состоянии стада, Гиг тоже отправился туда, а на руке у него был перстень. Так вот, когда он сидел среди пастухов, случилось ему повернуть перстень камнем к ладони, и чуть только это произошло, Гиг стал невидимкой, и сидевшие рядом с ним говорили о нем уже как об отсутствующем. Он подивился, нащупал снова перстень и повернул его камнем наружу, а чуть повернул, снова стал видимым. Заметив это, он начал пробовать, действительно ли перстень обладает таким свойством, и всякий раз получалось, что стоило только повернуть перстень камнем к ладони, Гиг делался невидимым, когда же он поворачивал его камнем наружу — видимым.
>
> Поняв это, он сразу повел дело так, чтобы попасть в число вестников, окружавших царя. А получив к царю доступ, Гиг совратил его жену, вместе с ней напал на него, убил и захватил власть[1].

Вариант этой истории приводится у Геродота[2], который, в свою очередь, ссылается на поэта Архилоха из Пароса.

1 Платон, «Государство», II.

2 «[Лидийский царь] Кандавл был очень влюблен в свою жену и, как влюбленный, считал, что обладает самой красивой женщиной на свете. Был у него среди телохранителей некий Гигес, сын Даскила, которого он особенно ценил. Этому-то Гигесу Кандавл доверял самые важные дела и даже расхваливал красоту своей жены. Вскоре после этого (ведь Кандавлу предречен был плохой

Причисление Гига к пастухам — это, очевидно, литературная условность, с которой мы уже сталкивались применительно к нескольким персонажам. В действительности он был знатным

конец) он обратился к Гигесу с такими словами: "Гигес, ты, кажется, не веришь тому, что я говорил тебе о красоте моей жены (ведь ушам люди доверяют меньше, чем глазам), поэтому постарайся увидать ее обнаженной". Громко вскрикнув от изумления, Гигес отвечал: "Что за неразумные слова, господин, ты говоришь! Ты велишь мне смотреть на обнаженную госпожу? Ведь женщины вместе с одеждой совлекают с себя и стыд! Давно уже люди узнали правила благопристойности и их следует усваивать. Одно из них главное: всякий пусть смотрит только за своим. Я верю, что она красивее всех женщин, но все же прошу: не требуй от меня ничего, противного обычаям".

Так говорил Гигес, пытаясь отклонить предложение царя в страхе попасть из-за этого в беду. Кандавл же возразил ему такими словами: "Будь спокоен, Гигес, и не бойся: я сказал это не для того, чтобы испытать тебя, и моя жена тебе также не причинит никакого вреда. Я подстрою сначала все так, что она даже и не заметит, что ты ее увидел. Тебя я поставлю в нашем спальном покое за закрывающейся дверью. За мной войдет туда и жена, чтобы возлечь на ложе. Близко от входа стоит кресло, куда жена, раздеваясь, положит одну за другой свои одежды. И тогда ты сможешь спокойно ею любоваться. Если же она направится от кресла к ложу и повернется к тебе спиной, то постарайся выйти через дверь, чтобы она тебя не увидела".

Тогда Гигес уже не мог уклониться от такого предложения и выразил свою готовность. Когда Кандавл решил, что настала пора идти ко сну, то провел Гигеса в спальный покой, куда затем тотчас же пришла и жена. И Гигес любовался, как она вошла и сняла одежды. Как только женщина повернулась к нему спиной, Гигес постарался, незаметно ускользнув, выйти из покоя. Тем не менее женщина видела, как он выходил. Хотя она поняла, что все это подстроено ее мужем, но не закричала от стыда, а, напротив, показала вид, будто ничего не заметила, в душе же решила отомстить Кандавлу. Ведь у лидийцев и у всех прочих варваров считается великим позором, даже если и мужчину увидят нагим.

Как ни в чем ни бывало женщина хранила пока что молчание. Но лишь только наступил день, она велела своим самым преданным слугам быть готовыми и позвать к ней Гигеса. Гигес же пришел на зов, уверенный, что ей ничего не известно о происшествии, так как и прежде он обычно приходил всякий раз, как царица его призывала к себе. Когда Гигес предстал перед ней, женщина обратилась к нему с такими словами: "Гигес, перед тобой теперь два пути; даю тебе выбор, каким ты пожелаешь идти. Или ты убьешь Кандавла и, взяв меня в жены, станешь царем лидийцев, или сейчас же умрешь, для того чтобы ты, как верный друг Кандавла, и в другое время не увидел, что тебе не подобает. Так вот, один из вас должен умереть: или он, соблазнивший тебя на этот поступок, или ты, который совершил непристойность, увидев мою наготу". Пораженный ее словами, Гигес сначала не знал, что ответить, а затем стал молить царицу не вынуждать его к такому страшному выбору. Гигесу не удалось все же убедить ее. Тогда, видя, что выбор неизбежен — или убить своего господина, или самому пасть от руки палачей, — он избрал себе жизнь и обратился к царице с таким вопросом: "Так как ты заставляешь меня против воли убить моего господина, то скажи же, как мы с ним покончим?" На это царица дала такой ответ: "Мы нападем на него на том самом месте, откуда он показал тебе меня обнаженной, и ты убьешь его во время сна".

Обдумав совместно этот коварный план, Гигес с наступлением ночи проник в спальный покой вслед за женщиной (ведь она не отпускала Гигеса; выход ему был отрезан, и предстояло или самому умереть, или умертвить Кандавла). Тогда царица дала ему кинжал и спрятала за той же дверью. Когда же Кандавл заснул, Гигес крадучись пробрался к нему и, заколов его, овладел таким образом его женой и царством» (Геродот, «История», I, 8—12).

лидийцем (подобно тому, как другой мнимый пастух, Эпименид, был высокопоставленным жрецом). Легенда о Гиге густо пронизана фольклорными мотивами, позволяющими предположить, что подлинная история здесь вобрала в себя ряд религиозных традиций, связанных с мистериями Кибелы и царем-героем Меном: слишком уж явные параллели прослеживаются между историей Гига и ролью Кибелы во фригийском династическом мифе. Спуск в расселину перекликается с мотивом нисхождения в пещеру, который встречается в легендах о многих других мифических царях-пастухах и жрецах-пастухах, а обнаруженный в этой расселине мертвец «с виду больше человеческого роста» напоминает о мистериях рождения и смерти Диониса и о таинствах Критского Зевса. Кроме того, у путешествия под землю, которое совершает Гиг, имеются параллели в мифах о греческих богах. Аид, повелитель подземного мира, владеет шлемом-невидимкой, в котором часто изображается Гермес как провожатый душ в загробное царство. Высказывалось предположение, что Аид и Гермес Хтоний (Подземный) — это старая и молодая ипостаси одного и того же божества.

В этом отношении важно отметить, что ритуал достижения невидимости предваряется описанием талисмана для поиска кладов, связанного, как было сказано выше, с мотивом пещеры мистерий. Фактически эти два ритуала объединены в одну главу. В Лидии, как нам уже известно, жила одна из сивилл, и кроме того, об этой стране мы не раз упоминали в связи с фракийскими и фригийскими мистериями. Таким образом, данный ритуал позволяет провести более или менее прямую линию от мистериальных религий, древней Лидии и Лидийской сивиллы до заклинания фей-сивилл, использовавшегося в Англии в эпоху Возрождения. Кроме того, в этой цепи ассоциаций просматривается связь между невидимостью и шаманским посвящением (а также пещерами).

В завершение приведем здесь вариант ритуала невидимости, представленный в «Истинном гримуаре». Никаких особых комментариев он не требует; пожалуй, стоит лишь отметить, что оператором в нем может выступать не только мужчина, но и женщина, а это указывает на относительную современность ритуала.

Чтобы заставить трех дам или троих благородных господ прийти в твои покои после ужина

Подготовка

В течение трех дней тебе надлежит соблюдать целомудрие, и ты возвысишься духом. На четвертый день очисти и подготовь свои покои рано утром, сразу же, как оденешься, все это время постясь. И позаботься о том, чтобы до конца дня чистота и порядок в комнате сохранялись. Кроме того, проследи, чтобы в комнате ничего не висело на стенах или на крючках, например, гобеленов, одежды, шляп, птичьих клеток, занавесей, балдахина над кроватью и так далее, а самое главное — постели на кровать чистую белую простыню.

Церемония

После ужина тайно удались в свою комнату, подготовленную так, как сказано выше; зажги яркий огонь, постели на стол чистую белую скатерть, поставь три стула вокруг стола, а перед стульями помести на столе три пшеничных булки и три стакана чистой свежей воды. Затем поставь стул или кресло рядом со своей кроватью. Затем ложись в кровать, произнеся следующие слова.

Заклинание

Besticitum consolatio veni ad me vertu Creon, Creon, Creon, cantor laudem omnipotentis et non commentur. Stat superior carta bient laudem omniestra principiem da montem et inimicos meos ô prostantis vobis et mihi dantesque passium fieri suicibus.

Появятся трое и сядут у огня, и станут пить и есть, а затем поблагодарят того, кто их пригласил. Если церемонию проводит женщина, придут трое благородных господ, если же мужчина, то придут три дамы.

Затем эти трое станут тянуть жребий, чтобы определить, кто из них останется с тобой. Тот или та, кому выпал жребий, сядет в кресло или на стул, что ты поставил у своей кровати, и останется, и будет говорить с тобой до полуночи, а затем уйдет со своими спутниками, так что особо отпускать их не понадобится. Что же до остальных двух особ, то они будут сидеть у огня, пока третья будет говорить с тобой. И пока она будет с тобой, можешь расспрашивать ее о любом искусстве, науке или о чем еще пожелаешь, и она будет сразу же давать тебе определенные ответы. Можешь также спросить, не известно ли ей о каком потайном кладе, и она откроет тебе место и подходящий час, чтобы извлечь его, и даже пойдет туда вместе со своими спутниками, чтобы защитить тебя от адских духов, которые могут его охранять. Покидая тебя, она даст тебе кольцо, которое приносит любому человеку удачу за игорным столом. И если наденешь это кольцо на палец женщине или девушке, то сможешь тотчас же получить ее.

Заметь себе: окно следует оставить открытым, чтобы они могли войти. Повторять эту церемонию можно так часто, как ты только пожелаешь.

География Аида

Далее нам необходимо (да и небезынтересно) привести описание подземного мира и, до некоторой степени, загробной жизни как их понимали греки. Необходимо это постольку, поскольку во многих ритуальных действиях и других элементах магической теории и практики используется география Аида. Кроме того, в книге третьей пойдет речь о тех радикальных изменениях, которые претерпела древняя эсхатология, и разобраться в них будет легче, если мы предварим эту тему очерком подземной географии. Следует отметить, что здесь я свожу воедино различные версии, подчас даже относящиеся к различным периодам. В этом отношении я всего лишь следую античным авторам, которые зачастую стремились примирить между собой разноречивые мифологические традиции. В целях магической практики это полезнее, чем рассматривать историю вопроса в хронологическом порядке.

Начнем наш обзор с момента смерти человека и последуем за душой умершего в ее загробном путешествии. Когда человек умирал, бог Танатос срезал у него прядь волос, после чего Гермес приходил проводить душу в подземный мир. Главный маршрут (тот же, которым прошел Одиссей) начинался на берегу Океана, а сам по себе мировой Океан принадлежал не только земной географии, но и подземной. Авторы, жившие после Гомера, упоминают и о других входах в Аид: в Колоне, где находилась роща, посвященная Эриниям и Прометею; в италийских Кумах, откуда сивилла провожала Энея в загробный мир; у Алкионского озера в Лерне, близ Аргоса, где отправлялись таинства Деметры и где Дионис сошел в Аид, чтобы вывести оттуда свою мать; на мысе Тенар близ Спарты, в пещере, через которую Геракл спускался в подземное царство дважды — чтобы спасти Алкесту и чтобы привести Кербера царю Эврисфею.

Известны и другие пещеры и озера, ассоциировавшиеся со входом в преисподнюю. В этом отношении более разумно следовать принципу гибкой мифологической географии, нежели мнению какого-либо одного, пусть даже самого уважаемого, автора. Каждая из этих местных традиций, подчас не уступающих древностью Гомеру, по-своему аутентична.

Переправа через реку

Гермес приводил душу на берег реки Стикс, через которую умершему предстояло переправиться, чтобы попасть в Аид. Стикс отмечает западную границу загробного мира. Это главная река Аида, и из всех подземных рек только она одна упоминается в «Илиаде»; считалось, что она обвивает Аид семью кольцами. Самая торжественная и серьезная клятва, которую приносят боги, — клятва стигийскими водами: Ирида, вестница богов, приносит из преисподней сосуд, наполненный водой из Стикса, и бог, приносящий клятву, выливает эту воду на землю. Одноименная река в Северной Аркадии подобно мифическому Стиксу низвергалась водопадом с высокой скалы. Местность, по которой она протекала, была угрюмой и дикой, что естественным образом способствовало развитию преданий, связанных с загробным миром.

Душа человека, оставшегося без погребения, не могла переправиться через реку. Кроме того, для переправы следовало заплатить перевозчику Харону обол (мелкую монету); душа, которой нечем было платить, оставалась на западном берегу Стикса. Во времена Гомера таких монет еще не было, и о Хароне он не упоминает. Однако в греческом фольклоре этот подземный лодочник фигурирует до сих пор в качестве ангела смерти; и не исключено, что предания о нем возникли не позднее Гомера, а попросту независимо от него. О тех, кто остался без погребения (и, соответственно, без обола), Вергилий пишет:

> Эти, что жалкой толпой здесь стоят, — землей не покрыты.
> Лодочник этот — Харон; перевозит он лишь погребенных.
> На берег мрачный нельзя переплыть через шумные волны
> Прежде теням, чем покой обретут в могиле останки.
> Здесь блуждают они и сто лет над берегом реют, —
> Только потом к желанной реке их вновь допускают[1].

1 Вергилий, «Энеида», VI.325—330.

Кербер и поля асфоделей

Переправившись через реку, умерший сталкивался с Кербером (как это предстоит и нам в книге шестой настоящего исследования). История этого персонажа уходит в глубь веков; его прообраз обнаруживается еще в ведической мифологии, где он ассоциировался еще не с подземным миром, а с небесным. Подобные взлеты и падения встречаются в биографиях многих божеств, а в классическую эпоху и позднее этот процесс нередко приобретал масштабы настоящей эпидемии. В некромантических обрядах Керберу нередко приносили в жертву лепешки. Они служили одновременно и подношением, и средством для отвлечения внимания, о чем опять-таки превосходно сказал Вергилий. Переправившись через Стикс в сопровождении сивиллы, его герой созерцает следующую картину:

> Лежа в пещере своей, в три глотки лаял огромный
> Цербер, и лай громовой оглашал молчаливое царство.
> Видя, как шеи у пса ощетинились змеями грозно,
> Сладкую тотчас ему лепешку с травою снотворной
> Бросила жрица, и он, разинув голодные пасти,
> Дар поймал на лету. На загривках змеи поникли,
> Всю пещеру заняв, разлегся Цербер огромный.
> Сторож уснул, и Эней поспешил по дороге свободной
> Прочь от реки, по которой никто назад не вернулся[1].

За Стиксом и логовом Кербера простирались поля асфоделей, или Асфодилонские луга. Здесь души умерших скитались без цели и смысла, нечленораздельно щебеча, как летучие мыши. Из этой общей среды бесплотных и беспамятных теней более или менее выделяются только герои мифов. Такова, по общему мнению исследователей, древнейшая концепция загробной жизни у греков. Правда, уже Гомер, разделяя эту концепцию, ею не ограничивался: так, в «Одиссее» Менелаю уготовано почетное место на Елисейских полях. Но в той же «Одиссее» фигурируют и Асфодилонские луга, причем

1 Там же, VI.417—425.

не вызывает сомнений, что такая участь ожидает большинство смертных:

> ...Так, завизжав, полетели за Эрмием тени; и вел их
> Эрмий, в бедах покровитель, к пределам тумана и тленья;
> Мимо Левкада скалы и стремительных вод Океана,
> Мимо ворот Гелиосовых, мимо пределов, где боги
> Сна обитают, провеяли тени на асфодилонский
> Луг, где воздушными стаями души усопших летают[1].

Эреб

Согласно более поздним представлениям, на полях асфоделей обитают и недавно прибывшие души, и те, кто уже давно ожидает суда, и, наконец, те, кто приговорен там и оставаться. Дальше к востоку располагается область Эреба и чертоги Аида и Персефоны. По левую руку от них протекает Лета — река забвения. Души, испившие из нее, навсегда забывают свою прежнюю жизнь; посвященным в орфические таинства наказывали не пить из Леты.

В Эребе дорога расходится надвое, а на перекрестке вершится загробный суд. В Аиде трое судей: Радамант судит тех, кто обитал в Азии, Эак — европейцев, а сложные случаи передают на рассмотрение Миносу, верховному судье. Эта Y-образная развилка напоминает архетипический перекресток Гекаты — перепутье трех дорог; и действительно, в ритуальном контексте место загробного суда подчас отождествляется со священным местом явления Гекаты. Обратный путь от этой развилки ведет на поля асфоделей, левая тропа — в темницу Тартара, а правая — на Елисейские поля. Эти три направления соответствуют трем вердиктам, которые могут вынести судьи: на поля асфоделей возвращаются те, кто не творил ни зла, ни добра; в Тартар отправляются злодеи, навлекшие на себя загробную кару, а правой тропой, ведущей мимо чертогов Аида на Елисейские поля, следуют те, кто заслужил награду.

1 Гомер, «Одиссея», XXIII.8—14.

Итак, Эреб — это огромная мрачная область, кишащая тенями. В этой вечной тьме или сумерках скрываются главные цехи подземной географии. Одиссей так и не рискнул войти в Эреб, но именно здесь располагаются источники Леты и Мнемозины и перекресток загробного суда. Здесь же стоит дворец Аида и Персефоны, и здесь обитает вся их свита. И чтобы попасть на Елисейские поля (или, если уж на то пошло, в Тартар), нужно пройти через Эреб.

Тартар

> Две дороги, Эней, расходятся с этого места:
> Путь направо ведет к стенам великого Дита, —
> Этим путем мы в Элизий пойдем; а левой дорогой
> Злые идут на казнь, в нечестивый спускаются Тартар[1].

Тартар, область загробного мира, окутанная тройным покровом непроглядной тьмы, — место заточения самых злостных преступников и нечестивцев. Его ворота увенчаны исполинской башней и покоятся на адамантовых столпах; сокрушить эти врата не под силу ни смертному, ни богу. По версии Вергилия, Тартар окружен тремя медными стенами и опоясан огненной рекой Флегетон. У Гесиода речь идет об одной медной ограде. Согласно Гомеру, ворота Тартара — железные с медным порогом. Мир смертных находится на равном расстоянии от Тартара и от небес. Гесиод уточняет это расстояние: медная наковальня, сброшенная с небес на землю, равно как и с земли в Тартар, будет лететь девять дней и упадет лишь на десятый.

Несмотря на то, что Тартар — это особая темница, его местоположение прекрасно вписывается в подземную географию Аида. Следует иметь в виду, что это не ад в обычном понимании: туда попадают не все грешники без разбору, а лишь немногие избранные. У Гомера в Тартаре заточены только титаны — так называемые старшие боги, слишком неопределенные и чудовищные, чтобы уделять здесь им отдельное внимание.

1 Вергилий, «Энеида», VI.540—543.

(Впрочем, один из временных обитателей Тартара все-таки заслуживает внимания. Это Кронос, персонаж чрезвычайно любопытный, но к нему мы вернемся позже.) Позднее к ним добавились всего лишь четверо нечестивцев: Тантал, Иксион, Титий и Сизиф. Таким образом, Тартар (по крайней мере, изначально) не входил в число областей, в которые мог попасть после смерти обычный человек. Однако со временем представления о нем изменились. Так, в «Горгии» Платона мы читаем:

> ...при Кроне был закон, — он сохраняется у богов и до сего дня, — чтобы тот из людей, кто проживет жизнь в справедливости и благочестии, удалялся после смерти на Острова блаженных и там обитал, неизменно счастливый, вдали от всех зол, а кто жил несправедливо и безбожно, чтобы уходил в место кары и возмездия, в темницу, которую называют Тартаром[1].

Согласно этой версии, все нечестивцы отправлялись в Тартар, а все праведники — на Острова блаженных. В своей окончательной форме эта теория загробной жизни включила в себя некий испытательный срок, который душа должна была пройти, прежде чем попасть на упомянутые Острова. До истечения этого срока душа обитала на Елисейских полях.

Елисейские поля (Элизий)

На правой из двух дорог, ведущих от места загробного суда, находится источник Мнемозины (Памяти). Посвященный в орфические мистерии пьет из этого источника, прежде чем вступить на Елисейские поля. Такова награда праведным; ради нее орфики проходили свои посвящения, а пифагорейцы вели высоконравственную жизнь. Вот как описывается Элизий в «Энеиде»:

> В радостный край вступили они, где взору отрадна
> Зелень счастливых дубрав, где приют блаженный таится.

1 Пер. С. Маркиша.

Здесь над полями высок эфир, и светом багряным
Солнце сияет свое, и свои загораются звезды[1].

Гомер располагает Елисейские поля не в Аиде, а на крайнем Западе. Но эти два варианта местоположения не исключают друг друга, поскольку там же, на крайнем Западе, размещается и вход в Аид. Блаженная жизнь в Элизии — полная противоположность тому унылому существованию, которое влачат тени в загробном мире, представшем взору Одиссея. Это отрадная страна,

...Где пробегают светло беспечальные дни человека,
Где ни метелей, ни ливней, ни хладов зимы не бывает;
Где сладкошумно летающий веет Зефир, Океаном
С легкой прохладой туда посылаемый людям блаженным[2].

Гесиод в «Трудах и днях» рассказывает о пяти поколениях смертных, каждое из которых ожидала за гробом своя особая участь. Этот миф чрезвычайно поучителен среди прочего в том, что касается хтонических духов. Первое поколение, золотое, наслаждалось беззаботной жизнью; люди не знали ни тяжелых трудов, ни старости. Когда их век завершился, они скрылись под землей и превратились в блаженных духов — подателей богатства и защитников от всевозможных опасностей. Люди второго поколения, серебряного, также стали блаженными подземными духами, хотя уступали в мудрости золотому поколению. Такая посмертная судьба не имеет ничего общего со скитаниями в холодном и бессолнечном подземном царстве; и не исключено, что Гесиод здесь подразумевает именно Элизий, хотя и не употребляет самого этого слова. Но уже третье поколение, медное, после смерти сошло в сумрачный Аид.

Поэт Пиндар родился в 518 году до н. э. в Беотии и получил образование в Афинах. Он придерживался сложной системы религиозных убеждений, включавшей в себя, с одной стороны, культ олимпийцев, а с другой — элементы пифагорейской

1 Вергилий, «Энеида», VI.638—641.

2 Гомер, «Одиссея», IV.565—568.

и орфической эсхатологии, важное место в которой отводилось учению о реинкарнации. В своих сочинениях он отличает Елисейские поля — место отдохновения, предназначенное для добродетельных людей, — от Островов блаженных. По свидетельству Платона, некоторые жрецы и жрицы, а также «и Пиндар, и многие другие божественные поэты» утверждали, что

> ... душа человека бессмертна, и, хотя она то перестает жить [на земле] — это и называют смертью, — то возрождается, но никогда не гибнет. Поэтому и следует прожить жизнь как можно более благочестиво.

Кто Персефоне пеню воздаст
За все, чем встарь он был отягчен,
Души тех на девятый год
К солнцу, горящему в вышине,
Вновь она возвратит.
Из них возрастут великие славой цари
И полные силы кипучей и мудрости вящей мужи, —
Имя чистых героев им люди навек нарекут[1].

Острова блаженных

Острова блаженных, судя по всем указаниям, располагаются по ту сторону Элизия. Гесиод описывает их как пристанище героев — людей четвертого поколения, предшествующего нашему. Стоит отметить, что этих героев он называет полубогами, а их царем — Крона[2]. Пиндар также говорит о Кроне как о правителе Островов блаженных и добавляет, что их обитатели живут по справедливым законам Радаманта[3]. Согласно орфи-

1 Платон, «Менон», пер. С. Ошерова.

2 Строка поэмы, в которой говорится о царствовании Крона на Островах блаженных («Там, вдалеке от бессмертных, под властью живут они Крона»), считается поздней вставкой.

3 «Но те, кто трижды
Пребыв на земле и под землей,
Сохранили душу свою чистой от всякой скверны,
Дорогою Зевса шествуют в твердыню Крона.
Остров Блаженных
Овевается там веяньями Океана; →

ческой эсхатологии и связанному с ней философско-магическому учению, здесь обретали награду те, кто прожил три добродетельные жизни и трижды побывал в Элизии.

Бог Аид

Основные языческие элементы, входящие в традиционный образ сатаны, были в свое время заимствованы не только у богов плодородия, таких как Пан и Приап, но и у владыки загробного мира. Этот бог, которого греки называли Аидом и Плутоном, обычно изображается с двузубым посохом или скипетром, которым он подобно Гермесу направляет тени в подземное царство. Этот посох похож на вилы, которыми вооружены христианские бесы, но важно то, что у него не три, а именно два острия. Во-первых, у греков число 2 считалось несчастливым и было особо посвящено Аиду. Во-вторых, в этом атрибуте отражен миф о той доле, которую Аид получил при разделе мира со своими братьями, Зевсом и Посейдоном. Первая доля досталась Зевсу, небесному богу, и на это указывает его орудие — простой скипетр (или небесное копье в форме перуна). Аид, владыка подземного мира, получил вторую долю, символически представленную двузубым скипетром, а Посейдон, владыка моря, — третью, представленную трезубцем. Еще один атрибут Аида — ключи, символически означающие, что никто и никогда не возвращается из его царства.

В олимпийской религии Аид изображается как мрачный, угрюмый, свирепый и неумолимый бог: «...из богов ненавистнее всех он и людям»[1]. Иногда утверждают, что второе его имя, «Плутон», означающее «податель богатства», — это эвфемизм, который употребляли исключительно из страха перед владыкой смерти. Возможно, в этом есть небольшая доля правды, но

Там горят золотые цветы,
Возникая из трав меж сияющими деревьями
Или вспаиваемые потоками.
Там они обвивают руки венками и цепями цветочными
По правым уставам Радаманфа,
Избранного в сопрестольники
Горним отцом, супругом Реи, чей трон превыше всего» (Пиндар, «Олимпийские песни», 2.4a—b, пер. под ред. М. Гаспарова).

1 Гомер, «Илиада», IX.158, пер. Н. И. Гнедича.

не будем забывать: получив в удел подземное царство, Аид обрел власть не только над миром мертвых, но и над всеми сокровищами, укрытыми в недрах земли.

Имя «Плутон», или «Плутос», носит милостивая ипостась Аида, которая фигурирует в Элевсинских и других мистериях, чем и объясняется скудость информации об этом лике подземного божества. Ассоциации с богатством связывают Плутона с древнейшими представлениями о таинствах смерти как об одной из составляющих обрядов плодородия. (Государственная олимпийская религия, в которой Аид мыслился братом Зевса и Посейдона, отчасти вытеснила более древние культы, но так и не искоренила их окончательно.) В Элевсинских мистериях эту связь более ярко олицетворяет его супруга Персефона (наряду со своей матерью Деметрой и подругой Гекатой), и все же следует иметь в виду, что имя «Плутон» восходит к более глубоким и древним пластам мифологии.

Кроме двузубца и ключей, владыке загробного мира принадлежал знаменитый шлем-невидимка. Иногда Аид одалживал этот шлем другим богам, а также некоторым героям. В изобразительном искусстве бог смерти предстает очень похожим на обоих своих братьев, за тем лишь исключением, что волосы у него падают на лоб, придавая лицу угрюмую мрачность. По некоторым версиям, Плутон восседает на троне из серы, из-под которого вытекают четыре реки преисподней — Лета, Коцит, Флегетон и Ахерон. Не вызывает сомнений, что ассоциации христианского дьявола с серой берут начало в этом образе.

Орфический гимн «К Плутону»

Духом великий, о ты, обитатель подземного дома
В Тартара мрачных лугах, лишенных сияния света,
Зевс Хтонийский, прими, скиптродержец, с охотою жертвы,
Ты, о Плутон! От всей земли ты ключами владеешь,
Смертному роду даришь урожаи в богатые годы.
Треть мирозданья удел твой — земля, вседарящая почва,
Недра бессмертных богов, подпора крепчайшая смертных.
Ты свой трон утвердил среди области вечного мрака,

Средь необъятных просторов лишенного воздуха ада,
Черного близ Ахеронта, держащего корни земные.
Многоприимный, ты смертью над смертными властвуешь мощно,
О Евбулей[1]! Ты прекрасное чадо священной Деметры
В жены похитил, схватив на лугу, и понес через море
Вдаль на четверке коней прямо в Аттику, в край Элевсинский:
Есть там пещера — врата ее путь открывают к Аиду.
Ты, о единый судья деяний и явных, и тайных!
О вседержитель, о самый священный, о блещущий славой,
В радость тебе — благочестное дело вершения таинств!
О, призываю, гряди с благосклонным веселием к мистам![2]

1 Др.-греч. «подающий благие советы» - эпитет Плутона и некоторых других богов в мистериальных культах.

2 Пер. О. Смыки.

Западная традиция и уроки иных традиций

Выше я упоминал о том, что с сивиллами, переосмысленными в католицизме, можно работать по примеру мастеров вуду, работающих с католическими святыми. В связи с этим хотелось бы высказать некоторые дополнительные соображения. Я высоко ценю африканские традиционные религии (АТР), и не в последнюю очередь потому, что по ряду причин наша западная магическая традиция все еще не возродилась по-настоящему. Это значит, что нам есть чему поучиться у последователей живых традиций, а ярчайшими примерами таковых служат АТР, заслуживающие самого глубокого уважения.

Цель предполагаемого диалога с АТР заключается в том, чтобы наконец довести наше оккультное возрождение до статуса живой традиции, чтобы научиться служить нашим собственным богам и духам и принимать их помощь. Я вовсе не призываю перенимать элементы других культур без разбора, я лишь предлагаю относиться к ним должным уважением и ценить их живительное влияние на наши собственные традиции. С этих позиций я и стараюсь установить диалог между гоэтией (своим законным культурным наследием) и традициями Нового Света (культурным наследием других народов). И в этом отношении очень удобно то, что духи «Истинного гримуара» признаются в традиции кимбанды[1] как синкретические эквиваленты эшу. Иными словами, духи, с которыми я работаю, уже вписаны в контекст традиций Нового Света, и это дает мне возможность полноценно сопоставлять свои наблюдения и подходы с практиками хунганов, палеро[2] и кимбандейру. Заявления критиков (как правило, белых) о том, что я не имею права на

1 Кимбанда — афро-бразильская религия, включающая в себя разнообразные магические практики. В этой традиции почитаются преимущественно две группы духов: эшу (мужские) и помба-жира (женские).

2 Хунган — жрец в традиции гаитянского вуду; палеро — последователь той или иной из религиозных традиций пало, сложившихся среди чернокожих рабов в испанских колониях на Карибах.

подобный диалог, поскольку не посвящен в ту или иную африканскую традицию, попросту абсурдны, особенно в свете того, что сами эти критики даже наших западных богов и духов воспринимают лишь через призму негативных стереотипов или, в лучшем случае, психологизирующих теорий.

Короче говоря, я выступаю за то, чтобы у последователей западной магической традиции сложились такие же отношения с нашими духами, как у последователей АТР — с духами, которых почитают они. Это самый действенный и ощутимый из всех возможных способов возрождения западной магии; и он бесконечно превосходит все отвратительные процедуры из «Гоэтии царя Соломона», воспроизводящие в церемониальном контексте ту ненависть к духам, которая в действительности характерна не для магии, а для монотеистической теологии, утратившей для нас всякую актуальность.

Большая часть моих предложений выдвигается в истории западной магии далеко не впервые, хотя многие оккультисты, ориентированные на более современные системы, могут об этом и не знать. Работа с духами предков, с душами, опередившими нас в развитии, и с так называемыми «злыми духами» имеет прецеденты и в западной культуре, причем весьма серьезные. И поскольку все эти практики отнюдь не чужды нашей магической традиции, попытки исключить их из современного контекста представляются на редкость нелепыми. С другой же стороны, самые спорные из всех теорий, которые я выдвигаю в этой книге, — те, что несут на себе особенно очевидный отпечаток АТР, — скорее всего, пройдут незамеченными для большинства читателей... просто потому, что они не знают, куда смотреть. Но, так или иначе, основа, на которой я предлагаю вводить эти новшества в современную практику, восходит к древним западным источникам, все еще оказывающим подспудное влияние на наши традиции.

Некоторые скажут, что мои методы (едва ли понятные им в полной мере) небезопасны. Действительно так и есть: они небезопасны, потому что они — не плацебо и не покорное принятие всех ограничений, которым сейчас подвержена наша традиция. Маг, который боится обжечься, не развивается сам и уж тем более не расширяет пределы возможного для грядущих поколений. Магия — дело рискованное. И советовать другим магам избегать всякого риска было бы, в лучшем случае,

бесполезной тратой слов, а в худшем — самым настоящим предательством. Выскажусь прямо: я не питаю ни малейшего уважения к большинству магических орденов, не говоря уже о степенях, титулах, перевязях и запонах. Посвящение в подобные ордена чаще становится препятствием на магическом пути, чем преимуществом. Настоящая магия обретается, образно говоря, не в квадрате, а в круге. Разумеется, те живые магические традиции, о которых я упомянул выше, тоже проводят посвящения, и от них я никого не стану отговаривать. Но большинство западных магических групп, действующих в наши дни, не в состоянии предложить соискателю хоть сколько-нибудь осмысленное духовное приключение. В результате гораздо более полезным и значимым оказывается самопосвящение, с каким бы презрением ни относились к нему многие современные оккультисты. Под самопосвящением я понимаю естественное погружение в практику, как правило, с относительного раннего возраста. Поначалу это сопряжено с известной неразборчивостью, но зато начинающий маг не теряет способности самостоятельно усваивать информацию и учиться на опыте. Да, этот путь небезопасен, спору нет. Неподготовленному магу грозят умопомешательство и прочие беды, он может даже погибнуть. Но, как сказал когда-то один знаменитый маг, посвятительное испытание, которое невозможно провалить, — это и не испытание вовсе. С другой стороны, уцелевший на этом пути обретает подлинное знание и подлинную силу: маг сбрасывает с себя бремя всей бесполезной или неактуальной информации и оставляет лишь то, что оказалось по-настоящему ценным.

Именно таким представляется истинный путь посвящения для современного мага — в свете почти полного отсутствия аутентичных мистериальных школ и засилья самозванцев.

Но наряду с этим существует и другой, более последовательный путь самопосвящения: практика гоэтической магии. Самое традиционное и самое значимое из всех мистических переживаний, которые когда-либо предлагали соискателям западных таинств, — это ритуализированное нисхождение в нижний мир. Именно это и происходит в обрядах гоэтической магии, поскольку оператор в них находится одновременно и в подготовленном ритуальном пространстве, и в мире Аида. Ритуалы гоэтии — это аутентичные мистерии; таинства в них постигаются и усваиваются непосредственно на личном опыте.

Путешествие в нижний мир

Тема невидимости затрагивается в магической литературе очень часто. Невидимость входит во многие перечни способностей, которые могут даровать магу различные духи. Как уже было сказано выше, изначально она требовалась не столько для каких-либо тайных манипуляций в мире живых, сколько для безопасного путешествия в мир мертвых. Немаловажно, к примеру, что шлем невидимости был атрибутом самого царя мертвых, бога Аида. Напомним одну малоизвестную подробность: этот шлем ассоциировался с волками и, возможно, был сделан из волчьей шкуры. А волк — это священное животное Аполлона, который в своей архаической ипостаси тоже был тесно связан с подземным миром и, более того, почитался как главное божество древних гоэтов. Так или иначе, невидимость ценилась, в первую очередь, как средство для нисхождения в подземный мир. Этой же цели первоначально служили и некоторые другие сверхъестественные силы, даруемые духами, — такие, например, как способность к стремительному или даже мгновенному перемещению в пространстве. Все подобные способности восходят к шаманским практикам.

Ввиду этого магу, который пожелает проработать теории, изложенные в этой книге, имеет смысл организовать для себя нисхождение в Аид. Можно устроить визионерское путешествие по той или иной системе, но при этом стоит использовать и традиционные ритуальные средства и приспособления — например, талисманы с именами и сигилами духов, дарующих невидимость. Весьма уместен будет знаменитый магический Знак Молчания. Разумеется, его изобрели не маги Золотой Зари: это эллинистическая интерпретация жеста, характерного для изображений Гарпократа. Кроме того, как упоминалось ранее в этой книге, для путешествия в подземный мир можно адаптировать некоторые ритуалы из гримуарной литературы, предназначенные (якобы!) для поиска сокровищ.

Современная некромантия

Одна из составляющих древнегреческого культа героев, которая может обрести удивительную новую жизнь в современной западной культуре, — это культ павших воинов. Нередко их героизировали коллективно и воздвигали в их честь какой-нибудь памятник, через который можно было обращаться к их теням. Этот обычай чрезвычайно интересен по ряду причин, хотя современные оккультисты не торопятся их признать.

Во многих странах 11 ноября отмечают день памяти павших в Первой Мировой войне. Эта дата отстоит совсем недалеко от Дня всех святых, а Солнце в этот период находится в Скорпионе (знаке зодиака, соответствующем восьмому дому — дому смерти). Национальный день поминовения обычно проходит у памятников неизвестному солдату — таких, например, как лондонский Кенотаф, очень похожий по форме на некоторые древнегреческие святилища героев (которые следует отличать от символических надгробий над пустыми могилами, хотя это и не значит, что дух умершего не имеет связи с подобным памятным местом). Многие другие военные мемориалы имеют точно такую же форму и тоже называются кенотафами.

Еще более поразительно то, что по сей день сохраняет свое значение древняя символика мака — цветка Персефоны. Маковые венки и отдельные цветы часто возлагают не только у памятников, но и на могилы военных. Спиритуалист Уэлсли Тюдор-Поул (более всего известный своими трудами по основанию современного центра культуры нью-эйдж в Гластонбери) внес большой вклад в развитие традиций, относящихся к поминовению павших[1]. За этими церемониями и символами стоят значимые античные прецеденты, связанные с некромантической практикой. Мне представляется, что подобные элементы

1 Уэлсли Тюдор-Поул (1884—1968) — британский спиритуалист и бахаист, визионер, исследователь легенд о короле Артуре и святом Граале. В годы Первой Мировой войны служил в Управлении военной разведки на Ближнем Востоке. В 1917 году опубликовал книгу «Рядовой Даудинг. Правдивый рассказ о посмертных приключениях солдата, погибшего на войне». Совместно с Уинстоном Черчиллем ввел традицию минуты молчания (ежедневно в девять часов вечера, когда по радио передавали бой часов Биг-Бена, британцы возносили безмолвную молитву о мире). Затем минуту молчания стали соблюдать и в День поминовения (11 ноября — годовщину официального окончания Первой мировой войны).

современной культуры стоит использовать в магических целях: они позволяют и воздать подобающие почести умершим и в то же время войти с ними в контакт и призвать их на помощь в магической работе. Так, например, можно по примеру древних греков незаметно вкладывать талисманы и прочие символы в букеты и венки, которые мы возлагаем к памятникам войны как подношения. Уборка территории вокруг памятника тоже таит в себе возможности для магической работы с умершими (понятно без объяснений, какой магической силой обладают пыль и земля, взятые со ступеней Кенотафа).

Следует понимать, что подобная работа не имеет ничего общего с приукрашиванием и поддержкой войны и не подразумевает ура-патриотических настроений. Это всего лишь утверждение преемственной связи с древними обычаями, открывающее возможность для магической практики в контексте современной культуры.

Книга третья

Гоэтия и определение мага

Платон, самый влиятельный западный философ всех времен, жил приблизительно с 428 по 348 годы до н. э. В своих трактатах он упоминал «гоэтов» (γόης) в одном ряду с «фармаками» (φαρμακός, чародей-травник) и «софистами» (профессиональными ораторами), и все эти термины использовал в уничижительном смысле: по мнению Платона, представители всех этих профессий были шарлатанами. Тем не менее, упоминания о магах такого рода в его трудах чрезвычайно важны, поскольку они совпадают по времени с первыми отсылками, в которых гоэты связываются с орфическими книгами — предшественницами гримуаров.

Афинский оратор Эсхин, акме которого приходится приблизительно на 342 год до н. э., в своей речи против Ктесифонта соединяет понятия γόης и μάγος, опять-таки употребляя оба слова в уничижительном смысле. В некоторых случаях такой узус представляет собой риторический прием, позволяющий обвинить кого-либо в нечестных методах убеждения. Схожим образом и в наши дни высококлассного адвоката могут (не без иронии) охарактеризовать как «волшебника». Однако другие авторы употребляют эти термины в более строгом смысле — исключительно в контексте религиозных или оккультных практик.

Примечательно, что Эсхин не проводит различия между магией и гоэтией, хотя гоэтия, вне сомнения, считалась более

презренным родом занятий: в положительном смысле этот термин использовался очень редко. Общепризнанно, что термин «магия» обесценился позднее и в меньшей степени, однако уважение, которым профессия мага пользовалась в некоторых кругах, никогда не было всеобщим и повсеместным. Кроме того, в писаниях Блаженного Августина обнаруживается более жесткий и более принципиальный отказ от разграничения гоэтии и теургии (при полном осознании того, что некоторые все же проводят между ними четкую границу).

Знаменитый Иосиф Флавий, романизированный иудейский историк, умерший в 93 году н. э., упоминает «некоего гоэта» (γόης)[1] по имени Февда, который «уговорил большую массу народа забрать с собою все имущество и пойти за ним, Февдою, к реке Иордану. Он выдавал себя за пророка и уверял, что прикажет реке расступиться и без труда пропустить их»[2]. Этим же термином, γοης, у Иосифа обозначаются и многие другие шарлатаны, поэтому его зачастую переводят как «обманщик» или «лжепророк». Но следует иметь в виду, что иудейских борцов за освобождение от власти Рима тот же Иосиф характеризует как разбойников: свои книги он писал для римского читателя.

В том же значении термин γόης употреблен в Новом Завете (Второе послание Павла к Тимофею, 3:13); в английской Библии короля Иакова он переведен как *seducers* — «соблазнители», отвращающие душу от учения церкви[3]. Термин «лжепророк», пусть даже и употребляемый в уничижительном смысле, тоже по-своему важен. Дар прорицания, зачастую связанный с погружением в экстатическое состояние, изначально ассоциировался с древними гоэтами, а затем и с их историческими преемниками.

Лукиан (ум. 180 г. н. э.) и Плутарх (ум. 140 г. н. э.) использовали термин γόης в одном ряду с ἀπατεών, («обманщик, шарлатан»). Цельс, философ-эпикуреец II века н. э., в своем полемическом трактате «Против христиан» утверждает, что христианство — это «учение обманщика (γόης), пройдохи, пытавшегося заблаговременно подорвать доверие к возможным

1 В рус. пер. Г. Генкеля — «обманщик».

2 Иосиф Флавий, «Иудейские древности», XX.5.1, пер. Г. Генкеля.

3 В русском синодальном переводе — «обманщики».

своим соперникам, таким же самозванцам и попрошайкам, как он сам»[1]. Ориген, христианский богослов из Александрии, живший в 185 — 254 гг. н. э., написал ответный трактат «Против Цельса», в котором сокрушается по поводу того, что Цельс ставил чудеса Иисуса «на одну ступень с теми действиями, которые совершают обыкновенно фокусники (γοητής)»[2]. В числе подобных действий Ориген упоминает изгнание бесов, исцеление болезней, воскрешение мертвых и насыщение большого количества людей несколькими хлебами, и все эти чудеса, по утверждению того же Оригена, приписывались как Иисусу, так и магам.

Приведенные примеры употребления свидетельствуют о том, что в классический и эллинистический периоды сниженный статус закрепился за термином γόης уже повсеместно. Маги, чудотворцы и их апологеты использовали это слово как бранное по отношению к магам-соперникам, а скептики и сатирики — по отношению к магам и чудесам вообще. В этом контексте уже не оставалось места для беспристрастного осознания того, что в прошлом «гоэтией» именовали определенные социально одобренные практики, а «гоэт» представлял собой уважаемую персону наравне со своими коллегами, действовавшими в других культурных традициях и в другие эпохи. Для признания этого факта потребовались современные научные методы исторического исследования, такие, в частности, как филологический и антропологический.

Итак, сочетание негативного имиджа, ложных ассоциаций и путаницы в семантике вплоть до недавнего времени не позволяло дать определение гоэтии (в ее историческом понимании) как первоосновы и древнейшей разновидности западной магии. Термин «магия» восходит к персидскому *magus* и был заимствован греками не ранее 600 года до н. э., тогда как термин «гоэтия» — исконно греческий, и именно он изначально обозначал древнейшие магические обычаи и верования греков. Ни тот, ни другой термин первоначально не употреблялся как бранный, хотя в ходе истории оба приобрели уничижительный смысл, причем «гоэтия» — в большей степени, нежели «магия». Соответственно, для того чтобы понять исходное значение

1 Цитата приводится в трактате Оригена «Против Цельса» (VI.42).

2 Ориген, «Против Цельса», I, пер. Л. Писаревой.

слова «гоэтия», в первую очередь следует очистить его от ассоциаций, которыми оно обросло в более поздние времена.

Современные исследования этого термина и его узуса вращаются, главным образом, вокруг дискуссии о древнегреческом шаманизме. В результате оценка значения гоэтии для истории и эволюции западной магии, а также ее возможной значимости для магии современной остается на долю оккультистов — таких, как я. Научно подтверждено, что термин «гоэтия» имеет очень давнюю и неоднородную историю и что он восходит к древнегреческому слову γόης. Одно из важных и относительно недавних открытий заключается в том, что этот корень обозначал не род занятий, а человека, практикующего определенное ремесло или искусство. Название рода занятий произошло от названия мастера: гоэтия — это то, чем занимается гоэт. Таким образом, для нас важнее охарактеризовать личность этого мастера, чем дать какое-либо вторичное определение искусства, которым он владел. Кто такие были гоэты и какую роль они исполняли? Для истории западной магии эти вопросы — одни из самых существенных и определяющих.

Кроме того, этимологически слово *goen* связано с другими греческими словами, означающими плач и причитание, а в особенности оплакивание умершего. Гоэтами называли плакальщиков в раннегреческих погребальных обрядах. Евстафий, греческий комментатор Гомера, живший в Константинополе во второй половине XII века, производит слово γόης от γόος («рыдания», «стоны», «причитания») и определяет его как τὸν μετὰ γόον ἐπᾴδοντα — «тот, кто произносит свои заклинания скорбным голосом».

Греческое слово	Значение
Γοάω	Плакать, рыдать, стонать, вопить, причитать, оплакивать (кого-либо)
Γόης (р. п. γόητος)	Чародей, заклинатель (колдующий посредством воплей и стенаний)
Γοητής	Рыдающий, плачущий
Γοῆτις (ж. р.)	Чарующая, обворожительная
Γοητεία	Колдовство, ворожба, чары
Γοητεύω	Околдовывать, зачаровывать
Γόος	Рыдания, причитания, стоны

Гоэт (о котором по ряду причин не следовало бы говорить исключительно в мужском роде) изначально не имел ничего общего с образом колдуна-маргинала, противостоящего обществу. Напротив, гоэты практиковали свое искусство открыто и ради блага общества. Позднее этот термин стали употреблять более вольно — как синоним «фармака» (чародея, сведущего в магии растений) и так далее. Но во всех случаях, когда слово «гоэтия» употребляется в нейтральном, безоценочном смысле как название рода занятий, его следует рассматривать как производное от слова «гоэт» — наименования человека определенного склада. Иначе говоря, гоэт и его способности определяются не искусством, которым он владеет, а его личными внутренними качествами (его собственным, так сказать, «гоэтством» или «гоэтичностью»). И это вполне естественно для такой фазы культурного развития, когда магия воспринимается не как узкоспециальная или маргинальная сфера деятельности, а как сила, пронизывающая собой все бытие.

В литературных источниках этого мага-плакальщика называли также психагогом (ψυχαγωγός), то есть «душеводителем», а между тем второе значение этого термина — «некромант». В трагедии Эсхила (ум. 456 до н. э.) «Персы» описывается работа психогога и магические результаты, к которым ведет акт оплакивания (γοοιν). В соответствующей сцене тень персидского царя Дария вызывают посредством обрядов, типичных для культа царя-героя, что само по себе весьма показательно:

> ...А вы, столпившись у надгробья, плачете
> И скорбно, заклинаньями и воплями,
> Меня зовете...[1]

Здесь важно учитывать и контекст: вторжение в Грецию обернулось для персов катастрофой, и высшая персидская знать решила испросить совета у своего покойного царя, так как считалось, что Дарий еще при жизни мог предвидеть будущее. Цицерон в своем трактате «О дивинации» отмечает: «И никто не может стать царем Персии, если он ранее не изучил учение и науку магов»[2]. Но несмотря на то, что персы у Эсхила изо-

1 Эсхил, «Персы», 686—688, пер. С. Апта.

2 Цицерон, «О дивинации», XLI (90), пер. М. Рижского.

бражены знатоками магии, сравнение с другими источниками показывает, что описанные в трагедии обряды в действительности соответствуют обычаям и верованиям греков (откуда бы те их ни почерпнули).

Не следует также упускать из виду и то, что ритуал проводят люди знатные — родичи и друзья покойного царя. В этом отношении он аналогичен обряду вызывания умерших, описанному в XI песне «Одиссеи», и ни в коей мере не уникален. У греков, как и у других народов, было в порядке вещей, чтобы предсказатели и прочие обладатели особых талантов участвовали в военных походах. Они принадлежали к тому же сословию, что и военные вожди и их приближенные, и нередко даже возглавляли собственные отряды. Кроме того, и в Греции, и в Персии аристократы и правители участвовали в государственных, храмовых и дворцовых ритуалах, для отправления которых требовались особые знания и особый статус.

Литературные свидетельства, несомненно, ценны, однако информации о магах-профессионалах из них можно почерпнуть не так уж много. В то же время очевидно, что верования, отраженные в литературных произведениях, носили общекультурный характер. Кроме того, при масштабном сопоставлении текстовых источников обнаруживается множество ценных деталей, несмотря на то, что для полного их понимания требуется вникать в более сложные вопросы. Например, при оценке соотношения между различными областями магической практики и социальным статусом мага возникают серьезные проблемы. И все же на определенном уровне можно утверждать, что Эсхил и прочие авторы просто показывают нам, что подобные обряды и практики составляли часть общей культуры.

Обряды оплакивания рассматривались в том числе как разновидность эвокации, в свете чего интересно, что плакальщиков могли нанимать. В некоторых контекстах на эту роль рекомендовались обладатели определенных характеристик — например, мизийского происхождения. Не вызывает сомнений и то, что существовали специалисты, занимавшиеся исключительно вызыванием умерших (например, служители некромантейонов).

Маги, исполнявшие подобные обряды, могли провожать души в загробный мир и при необходимости призывать их обратно в мир живых. Фактически маг такого рода сам по себе

представлял мост между двумя мирами. Божественным олицетворением проводника душ был бог Гермес, который со временем стал почитаться как главное божество магов. Гермес мог стремительно переноситься на огромные расстояния и посещать подземный мир. В классическую эпоху жертвы умершим приносили на следующий день после смерти, а месяц спустя совершали еще один обряд — в честь Гермеса.

Платон нередко отзывался о подобных обрядах с презрением, описывая тех, кто их совершал, как бродячих предсказателей. Однако в трактате «Пир», в рассуждении о силе даймона, именуемого Любовью и служащего посредником между богами и людьми, он пишет, что благодаря этой сущности вся вселенная «связана внутренней связью» и благодаря ей же возможны всякие прорицания, жреческое искусство и вообще все, что относится к жертвоприношениям, таинствам, заклинаниям, пророчеству и чародейству» (для обозначения которого использовано слово «гоэтия»)[1]. Из этих упоминаний явствует, что под гоэтами Платон зачастую подразумевал жрецов официально разрешенных культов. В их число входили и служители храмов и оракулов, а не только странствующие жрецы. О последних он пишет: «Нищенствующие прорицатели околачиваются у дверей богачей, уверяя, будто обладают полученной от богов способностью жертвоприношениями и заклинаниями загладить тяготеющий на ком-либо или на его предках проступок, причем это будет сделано приятным образом, посреди празднеств»[2]. И далее: «Если же кто пожелает нанести вред своему врагу, то при незначительных издержках он справедливому человеку может навредить в такой же степени, как и несправедливому: они уверяют, что с помощью каких-то заклятий и узелков они склоняют богов им помочь»[3].

Эти описания разительно схожи с теми, которые впоследствии давали магам Средневековья и эпохи Возрождения, многие из которых также были духовными лицами. Например: «У жрецов под рукой куча книг Мусея и Орфея <...> и по этим книгам они совершают свои обряды»[4]. Достаточно лишь заменить предосудительные с точки зрения Платона имена, и

1 Платон, «Пир», 202e—203a, здесь и далее цитируется в пер. С. Апта.

2 Платон, «Государство», 364b—c.

3 Там же.

4 Там же, 364e.

точно такую же фразу можно будет вложить в уста позднейших хулителей тех, кого Корнелий Агриппа называл гоэтами и некромантами, работающими по книгам царя Соломона, Еноха и так далее. Более того, не исключено, что гримуары, именовавшиеся книгами Моисея, первоначально приписывались Мусею.

Подразумевая, по-видимому, Эпименида и прочих, Платон добавляет, что эти жрецы уверяют «не только отдельных лиц, но даже целые народы, будто и для тех, кто еще в живых, и для тех, кто уже скончался, есть избавление и очищение от зла: оно состоит в жертвоприношениях и в приятных забавах, которые они называют посвящением в таинства»[1]. Между тем умерших называли «народом Деметры», а Деметре были посвящены Элевсинские мистерии. Критические упоминания Платона вкупе с археологическими и прочими свидетельствами позволяют воссоздать довольно ясную картину. Искусства гоэтии и некромантии, обесцененные в классическую эпоху, первоначально пользовались уважением и составляли важную часть архаической религии. Невзирая на все неодобрение со стороны Платона и так называемых рациональных философов, многие элементы этой древней религиозной магии сохранялись и в классический период. Более того, они дожили до христианской эры и в конце концов были восприняты (по крайней мере, отчасти) некоторыми представителями христианского духовенства — теми священниками, которые втайне сочиняли гримуары, адаптируя к христианской теологии византийские и арабские тексты, основанные на греко-римских моделях.

Из всего сложного и далеко не совершенного комплекса доступных нам свидетельств выводится один ясный и неопровержимый факт: наиболее зрелищный элемент деятельности гоэта составляли обряды, связанные с умершими. И даже когда древние истоки гоэтии были забыты, тесная связь с некромантией еще долго оставалась ее определяющим признаком. В древности (как и в наши дни) погребальные и поминальные обряды были одной из важнейших составляющих религиозного культа. Жрец-плакальщик в погребальном обряде выполнял по меньшей мере две функции. Одна из них — роль психопомпа, который должен был проводить и благополучно доставить душу умершего в загробный мир. Другая же связана с тем,

1 Там же.

что дух, над которым не совершили подобающих обрядов, мог вернуться в мир живых, чтобы отомстить им за небрежение. Именно это подразумевает Корнелий Агриппа:

> ...древние умиротворяли трупы, окропляя нечистое, пока оно еще не предано земле, святой водой, окуривая благовониями, заклиная священными речами и возжигая вокруг него огни, а затем, наконец, погребая его в освященном месте. Потому-то Эльпенор у Гомера и говорит:
>
> «Вспомни тогда обо мне, Одиссей благородный, чтоб не был
>
> Там не оплаканный я и безгробный оставлен, чтоб гнева
>
> Мстящих богов на себя не навлек ты моею бедою»[1].

В зависимости от ситуации гоэт либо восстанавливал нормальное положение вещей, либо предотвращал несчастье. Иными словами, естественным продолжением его функций было, с одной стороны, упокоение духов, вернувшихся из-за гроба, а с другой — «профилактика» подобного возвращения, необходимость в которой возникала при некоторых особых обстоятельствах, таких, например, как смерть на море или в чужих краях. Гибель Эльпенора тоже могла бы потребовать вмешательства гоэта: этот спутник Одиссея умер внезапно, упав с крыши Цирцеиного дома, и остался лежать непогребенным. Примечательно, что Одиссей, отправляясь в свое некромантическое путешествие, об этом не знал и был весьма удивлен, встретив его тень в загробном мире. У Эльпенора имелось целых две причины превратиться в беспокойного духа: безвременная смерть и отсутствие погребения. Фактически это был идеальный объект для некромантических практик, которые описываются в магических папирусах. И не исключено, что существовал альтернативный сюжет, в котором не Тиресий, а именно Эльпенор выступал проводником или посредником между Одиссеем и другими тенями.

Фигура жреца-плакальщика и связанные с ней верования и практики восходят к архаическому этапу развития

1 Агриппа, «Оккультная философия», III:41; Гомер, «Одиссея», 11.71—73.

древнегреческой религии. В одной из микенских шахтовых гробниц, раскопанных в поселке Дендра, человеческих останков не обнаружилось: вместо них стоял жертвенный алтарь с ножом. Неподалеку были найдены остатки очага и три жертвенных ямы, в одной из которых сохранились кости животных. Но самой впечатляющей находкой стали два грубо обтесанных монолита, которым древний ваятель придал отдаленное сходство с человеком. Эти архаические статуи могли символически замещать отсутствующих покойников или же принимать в себя души усопших на время проведения обрядов.

В других микенских гробницах, содержавших человеческие останки, были найдены ямы, служившие не для погребения, а для сожжения жертв. В этих ямах, по всей видимости, разжигали огонь, в который лили кровь жертвенных животных, а также другие подношения — вино, мед и молоко. Жертвоприношения продолжались и по окончании погребальных обрядов. В микенских погребениях обнаружились явные тому свидетельства, такие как жертвенные ямы над местами захоронения и кости животных у входа в гробницы. Если судить по более поздним греческим обрядам, жертвы умершим приносили на третий, девятый и тридцатый дни после кончины, а затем ежегодно в годовщину смерти. Несомненно, эти подношения были призваны почтить память усопших, но не только: жертвы помогали умилостивить духов и испросить у них совета и помощи. Гончарные изделия позднеклассической и эллинистической эпохи, обнаруженные в микенских гробницах, — наглядное материальное свидетельство того, насколько живучим и устойчивым был культ героев.

С уверенностью утверждать, что этот культ поддерживался непрерывно, мы не можем: не исключено, что в какой-то период он угас, а затем возродился, как ни странно, благодаря популярности, которую герои Гомера приобрели в более поздние времена. При реконструкции греческой истории важно не торопиться с выводами. Кроме того, очевидно, что культовые практики, связанные с микенскими гробницами, первоначально носили узкосемейный характер, тогда как позднейшие культы героев имели общегородское значение. Но в остальном археологические данные свидетельствуют о том, что греки классического периода были наследниками микенской эпохи не в меньшей степени, чем западная культура раннего Нового

времени — наследницей классической Греции. И культ героев остается одной из основных тем нашего исследования вне зависимости от того, сохранялся ли он непрерывно или переживал периоды упадка и возрождения. Он сыграл исключительно важную роль во всей истории гоэтии, от древних греков до гримуаров. Погребальные и некромантические обряды, описанные в «Илиаде» и «Одиссее», очевидным образом связаны с микенскими обычаями, а знаменитый ритуал из «Одиссеи», в свою очередь, стал образцом для более поздних некромантических практик, переживших не один век и не одну культурную эпоху; и немного забегая вперед, добавим: сохранявшихся в относительной неизменности независимо от представлений о загробном мире, принятых в тот или иной период.

Гомер и магическая традиция

Между тем пережитки аутентичных микенских практик, встречающиеся в поэмах Гомера, существенно неполны. Вообще, полагаться на Гомера в этом вопросе довольно сложно. Например, в погребальных обрядах греков, как их описывает Гомер, принимают участие только друзья и родные покойного. Единственный эпизод, в котором участвуют профессиональные певцы-плакальщики, — погребение Гектора, троянского воина; да и здесь эту подробность Гомер упоминает лишь вскользь, не заостряя на ней внимание («Илиада», 24:720—721).

В «Одиссее» сам Одиссей и его спутники вынуждены бежать из города киконов, оставив без погребения своих товарищей, павших в бою. Но прежде чем отплыть от берега, они оплакивают погибших и трижды называют каждого из них по имени («Одиссея», 9:64—66). Такой же обычай соблюдали на похоронах в позднегреческую эпоху: имя усопшего произносили вслух три раза. Упоминание об этом встречается в «Лягушках» Аристофана. В этой комедии Дионис наряжается Гераклом, чтобы отправиться в подземный мир; переодевание требуется потому, что Геракл в свое время уже спускался туда и, что самое важное, благополучно вернулся.

Одиссей напал на Измар, город киконов, как на своих «законных» врагов: киконы поддерживали троянцев.

Не прислушавшись к совету Одиссея, его спутники остались в захваченном городе пировать, а киконы между тем призвали на помощь сильных союзников и нанесли ответный удар. На первый взгляд, в этом эпизоде нет ничего загадочного или мистического. Но стоит сравнить его с негомеровскими фрагментами эпических поэм об аргонавтах, описывающими период, который (согласно Гомеру и более поздним преданиям) предшествовал Троянской войне всего на одно поколение. Рассказы о приключениях Ясона в тех же краях не ограничиваются упоминанием традиционных распрей (таких, например, как между Кизиком и пеласгами): они полны мифологических деталей, связанных с мистериями. Однако у Гомера не упоминаются ни посвятительный обряд, «совершаемый афинянами в Элевсине», ни «обряд на Самофракии и во Фракии в области киконов, откуда был и обучивший [этому обряду] Орфей» (Диодор, ок. 90 — 30 до н. э.)[1]. Измар стоял у самого устья реки Гебр, а воды Гебра, по преданию, вынесли в море поющую голову Орфея — божественного отца поэзии, растерзанного киконскими вакханками. Между тем Гомер, который создал величайший греческий эпос и считался потомком самого Орфея, обходит эти детали молчанием. Возможно, это связано с тем, что орфические реформы дионисийского культа начались позже. Но с такой же вероятностью ограниченная роль Диониса в поэмах Гомера может объясняться личными предубеждениями Гомера (и сугубо аристократическим характером его эпоса), а не подлинным статусом этого божества в гомеровскую эпоху.

Точно так же Гомер умалчивает и о весьма распространенной в тот период практике инкубации, или онейромантии (поиска вещих сновидений в святилищах, оракулах и некромантейонах), и о многих других аспектах греческой религии и культуры. И прежде чем утверждать, что все они попросту возникли в более поздний период, следует задуматься о том, что Гомер ни словом не упоминает о таких архаических мотивах в поведении богов, как божественное кровосмешение, кастрация предшественников или пожирание собственных детей. Схожим образом Гомер старается обходить молчанием такие темы, как колдовство и гомосексуальность, хотя и то и другое было распространено в греческом мире весьма широко. У Гомера

1 Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», 5.77.3, пер. О. П. Цыбенко.

была своя идеологическая программа, и зачастую он описывал события с той точки зрения, которую можно охарактеризовать как аристократическую и гуманистическую и которая возобладала в классическую эпоху, когда магию начали последовательно обесценивать, а временами и вовсе подавлять.

Из центральной фигуры религиозной традиции гоэт превратился в маргинального колдуна-шарлатана отнюдь не под влиянием философского рационализма. На самом деле в греческой философии немало иррационального, а некоторые персонажи, сыгравшие ключевую роль в ее развитии, были тесно связаны с теми самыми традициями, о которых идет речь в нашем исследовании. Причины, по которым гоэты лишились прежнего статуса, следует искать в расцвете олимпийской религии, основы которой заложил Гомер, и в упадке древней родовой культуры. Примечательно, что эти процессы шли рука об руку с развитием города или, если воспользоваться греческим термином, *полиса*; хотя, как ни странно, именно к периоду подъема городской культуры относятся первые упоминания о гоэтии в письменных источниках. Этот период — водораздел между исторической гоэтией и теми ее предшественниками, судить о которых мы можем лишь по косвенным данным.

В городе коллективное самосознание более раннего типа рухнуло под натиском нового коллектива, состоявшего из отдельных индивидов, религиозные обряды для которых отныне совершали не родичи, а официально назначенные общегородские жрецы. Новая культура полиса вступила в резкое противоречие с традиционной культурой, сохранявшейся за его пределами и даже отчасти в его стенах. Это повлекло за собой очень серьезные социальные проблемы, совладать с которыми не смог даже гений Платона. Среди прочего, та разновидность гуманистического индивидуализма, которую обеспечивал полис, оставалась, главным образом, достоянием свободных мужчин, хотя рабы при этом составляли около половины городского населения. Проблемы и противоречия полиса в полной мере отразились и на статусе мага. Изначально гоэт был индивидуалистом и нонконформистом, выделявшимся из коллектива благодаря своим необычным способностям. В первобытном обществе эти способности приносили пользу коллективу, и потому маг-индивидуалист был уважаемой фигурой. Но с развитием городской цивилизации, общества нового типа,

состоявшего из индивидуалистов, гоэт стал превращаться из уникальной личности в маргинала.

Можем ли мы утверждать, что обесценивание гоэтии началось с того, что гоэта стали воспринимать как угрозу новому порядку вещей? Вероятно, нет, хотя от рассуждений Платона и создается такое впечатление. В действительности насмешки Платона над магами направлены не столько на маргиналов лично, сколько на современную ему религию и политику, то есть фактически на сам порядок вещей. Мишенью его критики, среди прочего, были суеверия — пережитки старых традиций, шедшие вразрез с более сложной и утонченной городской культурой. Осуждая бродячих магов, Платон на самом деле метит в другие, более масштабные цели. В частности, большое недовольство у него вызывала магическая составляющая официальной религии. В прошлом гоэт был центральной фигурой в системе религиозных отправлений, и многие мотивы, связанные с гоэтией, сохранялись в культовой практике и во времена Платона. Более того, те бродячие маги, которых он бранит, тоже были жрецами. Некоторые образованные аристократы питали к ним неприязнь, но это не мешало им оставаться частью традиционной религиозной жизни.

Ввиду всего вышесказанного делать какие-либо выводы о положении гоэтов и гоэтии в обществе на основании «Диалогов Платона», да и всей литературы классического периода довольно сложно. Сочинения Платона не объясняют причин, по которым магия начала приходить в упадок, а лишь описывают их последствия. Тот культурный раскол, вследствие которого маг в конце концов превратился в маргинала, гораздо нагляднее представлен не у Платона, а у другого, более раннего автора, а именно - у Гомера.

Перемены, повлекшие за собой резкое понижение статуса мага, — это, в первую очередь, перемены в отношении к верованиям архаической эпохи, когда магия и религия, в сущности, не отделялись друг от друга. Религия — это, в первую очередь, система отношений человека с богами, а, следовательно, нам нужно понять, как изменились представления о богах. В гомеровском эпосе богам, несомненно, отводится очень важное место, и нетрудно заметить, что во многих отношениях они утратили свои архаические черты. Гомер — плоть от плоти аристократической культуры полиса — спроецировал

свое восприятие богов на более древнюю эпоху, описанную в его поэмах: боги стали более цивилизованными и гораздо менее чуждыми человеку. В дальнейшем под влиянием гомеровских поэм (которое было огромным!) и в связи с социальными переменами, вызванными становлением полисов, боги все дальше отступали от контекста традиционных обрядов и верований. В результате первобытные элементы магической религии постепенно утратили смысл. Этот процесс развивался небыстро, но в числе важнейших его движущих сил оставалось влияние гомеровского эпоса.

Еще сильнее от влияния Гомера пострадала другая составляющая традиционной религии. Если боги у Гомера все еще сохраняли величие, то духи предков полностью утратили свое былое значение. Этот контраст особенно нагляден в свете того, что могучие предки фигурируют в его поэмах чуть ли не в каждой фразе, даже чаще, чем боги, упоминания о которых встречаются фактически на каждой странице. Эти предки — не кто иные, как герои; при жизни они сильны, трагичны, величественны и, самое главное, человечны, но после смерти превращаются в жалкие ничтожества. А между тем и в микенской, и в классической греческой религии мертвый герой был фигурой весьма значительной. Героям поклонялись и обращались к их оракулам за советами. С некоторыми перерывами и метаморфозами культ героев сохранялся с эпохи поздней бронзы не только на протяжении всего классического периода, но и в эпоху эллинизма и Римской империи.

Разумеется, основная тема нашей книги — гоэтия, а не Гомер и не история развития античной цивилизации. Но все равно важно отдавать себе отчет, что Гомер обходит молчанием или обесценивает многие элементы греческой религии, которые в действительности не утратили былой значимости, несмотря на огромное культурообразующее влияние гомеровских поэм. Гесиод, живший почти в одно время с Гомером и близкий ему по социальному статусу, изображает героев совершенно иначе. Он называет их полубогами, и это высокое звание они сохранят даже столетия спустя, в сочинениях теургов. Герои-полубоги, нередко представавшие в иномирном змеином обличье, наделялись сверхчеловеческой мудростью и силой. И после смерти их могущество не угасало, а, напротив, возрастало многократно.

В сущности, новая олимпийская религия Гомера заключала в себе семя собственной гибели, а заодно и гибели всех традиций, которые она постаралась ассимилировать или заместить. Гуманизация богов повлекла за собой далеко идущие последствия и сказалась даже на самой культуре городов-государств, под влиянием которой начался этот процесс. Но еще более ярко и непосредственно дал о себе знать упадок культа предков. Вероятно, он и стал самой главной причиной, по которой гоэты утратили высокий общественный статус, а гоэтия стала объектом насмешек и гонений. Магическая составляющая греческой религии понесла тяжелый ущерб, а без магии религия лишилась внутренней силы, придававшей ей смысл и ценность.

Прямым последствием этих перемен стали попытки некоторых философов вернуть религии смысл и даже возродить магию. Пифагор и его ученики, а затем Платон и его преемники — неоплатоники и теурги — стремились теми или иными способами восстановить целостность мировосприятия, раздираемого противоречиями классической эпохи. Кроме того, некоторые мыслители пытались преодолеть кризис своего времени более локальными способами, ориентированными на нужды отдельных индивидов и групп. Но для наших нынешних целей всё это не так важно: наша главная задача — понять, что представлял собой гоэт. А для этого необходимо исследовать те магические практики, которые бытовали до вышеописанных перемен и еще долгое время сохранялись в изменившемся обществе. И если нам удастся собрать по осколкам образ древнего гоэта, то, возможно, получится и по-новому оценить наследие гоэтии, отраженное в более поздних магических традициях.

Гоэтическая галерея: некромантия

В этом разделе гоэтической галереи мы познакомимся с магом, который стал судьей загробного мира, а также с одним знаменитым прорицателем и героем. Оба они были знатоками некромантических обрядов в том виде, в каком те практиковались в глубокой древности. В этом контексте мы сможем заодно обсудить некромантию, как она предстает у Гомера и в источниках классического периода.

Эак

Эак — необычайно древний персонаж греческой традиции: он старше гомеровских поэм. В классической мифологии он фигурирует как сын Зевса и нимфы Эгины, дочери речного бога Асопа. Эак был царем острова Ойнопия (которому дал новое имя — «Эгина», в честь своей матери) и дедом великого Ахилла. Он спас Афины и всю Грецию от жесточайшей засухи, которую боги послали в наказание за убийство, совершенное Пелопсом. В классическом варианте мифа Эак поднялся на гору и вознес молитву Зевсу о прекращении засухи. Но Грейвс полагает, что в действительности он прибегнул к магии, подобной той, которая описана в «Рассказах о чудесах» Антигона Каристского: чтобы вызвать дождь, он разъезжал на священной колеснице с медными сосудами, звеневшими на ходу и расплескивавшими воду. Для вызывания дождя пользовались также погремушками и трещотками или танцевали, ударяя в щиты, подобно корибантам. Что касается последних, то это не только мифические опекуны новорожденного бога-громовника: корибантами именовались фригийские и критские жрецы, сведущие в ритуальной магии. Далее, Эак чудесным образом восстановил население острова Эгины, опустошенного мором: увидев старый дуб, сплошь покрытый муравьями, он взмолился Зевсу дать ему столько же подданных, и Зевс превратил муравьев в людей, которые получили прозвище «мирмидоны», то есть, собственно, «муравьи». По другой версии, остров был необитаем изначально, а Эак населил его

тем же чудесным способом. Слава о честности, справедливости и набожности эгинского царя гремела по всей Греции, и после смерти он стал одним из трех судей загробного мира и привратником Аида. Именно в этом качестве он упоминается в магических папирусах (PGM IV.1465). Впоследствии Корнелий Агриппа («Оккультная философия», II:6) включил троих судей преисподней в число традиционных соответствий числа три. Так через посредство синкретической греко-египетской магии древний чародей Эак вошел в контекст современных церемониально-магических традиций.

Тиресий

Тиресий — один из самых знаменитых прорицателей античного мира, так или иначе принявший участие чуть ли не в каждом из основных сюжетов греческой мифологии. Подробно рассматривать его роль во всех этих событиях нет нужды, тем более что для нас особый интерес представляют некоторые другие стороны его личности. Но прежде чем перейти к самому Тиресию, необходимо обратиться к его загадочной родословной. О его предполагаемом отце Евере почти ничего неизвестно, но зато мать его — весьма интересный персонаж. Это, как и следовало ожидать, нимфа; звали ее Харикло, и ее история имеет прямое отношение к нескольким темам нашего исследования. На первый взгляд может показаться, что нимф по имени Харикло в греческих мифах было несколько. Однако на деле между ними слишком уж много общего, чтобы можно было с уверенностью счесть их разными персонажами. И не исключено, что этим обстоятельством, по крайней мере отчасти, объясняется кажущаяся анонимность отца Тиресия.

Одна из этих нимф была дочерью Аполлона или Океана и женой кентавра Хирона (имя которого следовало бы транслитерировать как «Хейрон», что значит «рука»). Хирон был бессмертным и (подобно своему сородичу Фолу, но в отличие от большинства других кентавров, диких и опасных) дружелюбным, гостеприимным и мудрым. Он воспитал многих величайших героев, в том числе Ахилла и Ясона.

Другая Харикло была дочерью Кихрея, в истории которого также обнаруживаются некоторые противоречия. По одной версии, Кихрей убил змея, опустошавшего остров Саламин, и в награду получил царскую власть над этим островом. По другой — наоборот, выкормил змею, которая затем была послана в Элевсин и стала служительницей Деметры. В числе священных атрибутов Элевсинских мистерий действительно была змея. В знаменитом морском сражении у острова Саламин грекам, по преданию, было явлено видение огромного змея. Впоследствии Дельфийский оракул отождествил этого змея с самим Кихреем. Таким образом, Кихрей изначально был если и не богом, то, по меньшей мере, обожествленным героем; он мог принимать обличье змея и, скорее всего, в этом обличье прорицал будущее.

Дочь Кихрея сочеталась браком с другим неоднозначным персонажем по имени Скирон (обратите внимание на сходство имен «Скирон» и «Хирон»!). В мифе о Тесее Скирон предстает как чудовищный разбойник. Однако в Мегарах была известна другая версия, по которой Скирон был добрым человеком и любящим мужем Харикло. Та родила ему дочь Эндеиду, которая, в свою очередь, стала женой Эака (см. выше). У них родился сын Теламон — наследник Кихрея, принявший участие в плавании аргонавтов.

Наконец, еще одну Харикло иногда отождествляют с первой, но, скорее всего, она тождественна обеим своим тезкам. В мифах она фигурирует как любимая служанка Афины. А теперь, прежде чем вернуться, наконец, к Тиресию, задумаемся об одной детали, которая уже упоминалась выше. О каждом из всех перечисленных персонажей известно довольно много: чьими они были детьми, где жили, какую роль сыграли в тех или иных мифах и так далее. Однако Евер, гипотетический отец Тиресия, не встречается, по всей видимости, ни в одном из многочисленных мифов, в которых фигурирует его сын.

Сам Тиресий прожил невероятно долгую жизнь: на его веку сменилось семь или, по другой версии, девять поколений. Кроме того, он, как всем известно, был слеп. О том, как он лишился зрения и как приобрел долголетие, повествуют два отдельных сюжета, к которым мы обратимся в свой черед. А сначала рассмотрим другую историю. В Аркадии есть гора Киллена, на которой, согласно мифам, родился Гермес. В юности Тиресий

поднялся на эту гору, увидел двух сплетенных змей, ударил их палкой, чтобы разделить, и внезапно превратился в женщину. Семь лет спустя он пришел на то же место, снова увидел совокупляющихся змей, опять ударил их палкой и тем самым вернул себе мужской пол. Внимательный читатель наверняка уже заподозрил, что палка и змеи из этого предания связаны с кадуцеем Гермеса, родившегося, как было сказано, на той же горе.

Со временем Тиресий взял себе жену. После того, как он снова стал мужчиной, Зевс и Гера — царь и царица Олимпа — обратились к нему с просьбой разрешить их спор. Божественные супруги поспорили о том, кто получает больше удовольствия от любовной близости — мужчина или женщина, а Тиресий был единственным, кто мог судить об этом на личном опыте. На вопрос богов он ответил, что женщине достается девять десятых удовольствия от близости, а мужчине — лишь десятая часть. Гера, проигравшая спор, страшно разгневалась и наказала своего обидчика слепотой, но Зевс смягчил эту суровую кару, наделив Тиресия даром прорицания и всемеро увеличив ему срок жизни. По крайней мере, именно так обстояло дело по версии Овидия и ряда других авторов. Эта сказка довольно занятна, но до подлинного мифа она не дотягивает.

Аполлодор, Каллимах и некоторые другие мифографы приводят иное, более интересное объяснение слепоты, поразившей Тиресия. В этой версии местом действия выступает гора Геликон, где в древности обитали музы (еще не облагороженные и не переселенные в Дельфы). Прогуливаясь по склонам горы, Тиресий случайно застал за купанием обнаженную Афину, которой прислуживала уже знакомая нам Харикло. Крон, бывший царь богов, в свое время обрек на слепоту всякого смертного, который дерзнет без приглашения бросить взгляд на обнаженную богиню. Подчиняясь этому закону, Афина ослепила Тиресия, несмотря на все мольбы Харикло, его матери.

Но Афина — традиционная помощница героев, а Тиресий подглядел за ее купанием неумышленно. И чтобы загладить свою вину перед ним и его матерью, богиня сделала Тиресия прорицателем и подарила ему посох, с которым тот мог ходить так же уверенно, как зрячий.

Кстати говоря, Крон был отцом пятерых или даже семерых из двенадцати олимпийцев, рожденных по большей части критской богиней Реей. Чаще всего в этот список включают

Аида, Геру, Посейдона, Гестию и Деметру, но, по некоторым версиям, Крон также был отцом Гефеста (от Геры) и Афродиты. Кроме того, сыном Крона и Реи был Аид, формально не входящий в число олимпийцев, но разделяющий власть над миром с Зевсом и Посейдоном. И, наконец, во Фракии Крон сочетался нимфу Филиру, приняв обличье жеребца, и от их союза родился кентавр Хирон.

Итак, Тиресия воспитали Хирон и Харикло, взрастившие многих героев. Его матерью определенно была Харикло, а отцом, по всей вероятности, Хирон. Не исключено, что упоминавшийся выше Скирон — это одно из прозваний, под которыми тот же Хирон был известен среди смертных. Так или иначе, о лучшей родословной нечего было и мечтать. По материнской линии Тиресий был потомком Аполлона, а по отцовской (возможно) — самого царя богов доолимпийской эпохи. Кроме того, следует иметь в виду, что Хирон не только обучал юных героев искусству обращения с копьем и прочим оружием. Он еще умел играть на кифаре и был искусным охотником и врачевателем. Более того, он был знатоком этики, что сближает его с пифагорейской традицией. И, наконец, его познания в медицине тоже заслуживают внимания: согласно мифу, Хирон заменил Ахиллу таранную кость такой же костью великана. Возможно, это означает, что в какой-то период он почитался как божественный покровитель инициатических испытаний.

Говоря о Тиресии, мы намеренно заострили внимание на менее известных деталях связанных с ним мифов. Разбирать здесь его пророчества и те функции, которые он выполнял во многих мифологических сюжетах, нет нужды. Осталось упомянуть лишь одну важную деталь, самую интересную. После смерти Тиресий сохранил и дар прорицания, и свой чудесный посох, который, как и посох Гермеса, был золотым. В описании Гомера другие тени усопших беспамятны и оживают лишь ненадолго, испив жертвенной крови; однако дух Тиресия не теряет ни памяти, ни способности к прорицанию. Заклиная духов в преддверии Аида, Одиссей стремился прежде всего побеседовать с Тиресием. Именно поэтому он держал над жертвенной кровью меч, отгоняя от нее прочих духов до тех пор, пока Тиресий не пришел и не дал ответы на его вопросы.

Интерлюдия

Гомеровская некромантия

Одиннадцатую песнь «Одиссеи» Корнелий Агриппа называл «Гомеровой некромантией». В гримуаре «Арбатель магии» (афоризм 48) эта песнь упоминается под названием «Психагогия», и утверждается, что своими познаниями Гомер обязан духам. Почтенные современные авторы образно именуют 11-ю песнь «Одиссеи» «книгой мертвых». Вне сомнения, это самое древнее и самое авторитетное описание некромантических процедур во всей античной литературе. Многие черты сближают его с другими известными рассказами о некромантических ритуала, хотя отраженные в нем представления о тенях умерших весьма своеобразны. Несмотря на то, что Гомер сильно преуменьшает возможности духов и не упоминает в их числе ни одного мага, в его описании, безусловно, содержатся элементы аутентичных практик. Из гомеровского текста можно без особого труда вывести всю схему некромантического ритуала, и в ней обнаруживаются явственные признаки сходства с процедурами, описанными в гримуарах. Это может объясняться как пережитками древней традиции, так и непосредственным влиянием Гомера, а скорее всего, и тем и другим.

Одиссей в роли некроманта, как и все прочие некроманты, — это искатель знаний. Он стремится узнать, как ему вернуться на родину, преодолев гнев морского бога Посейдона, и именно за ответом на этот вопрос он обращается к мертвым. Право на такое обращение дают ему аристократическое происхождение (автоматически подразумевавшее жреческий статус) и принадлежность к категории героев. Кроме того, он полагается на советы Цирцеи («Одиссея», X.480—540) — одновременно и богини, и колдуньи. В этом отношении Цирцея сопоставима с женщинами из племени дактилей, которые также совмещают роль чародеек с божественным саном.

Любовную связь между Одиссеем и Цирцеей тоже можно интерпретировать в религиозно-магическом ключе. Она дарует особый статус — одновременно и царский, и жреческий.

В сущности, Одиссей оказывается эквивалентом фракийского царя или династического героя, смертным супругом богини. Еще одна очевидная параллель — аналогичные отношения между Ясоном и Медеей, родственницей Цирцеи. Сексуальная связь такого рода контрастирует с гораздо более целомудренными отношениями между Одиссеем и Афиной или Ясоном и Герой. Любовь Цирцеи превращает Одиссея в более архаического или, точнее, более магического персонажа.

Как объясняет ему Цирцея, для некромантического ритуала следует отправиться в подобающее место — на берег Океана в стране киммерийцев[1]. Если читать «Одиссею» как чисто литературное произведение, то эту местность легко можно интерпретировать как мифическую; но несмотря на то, что в географии Гомера действительно встречаются мифологические элементы, в данном случае речь идет о вполне реальном месте или, точнее говоря, об одной из двух возможных локаций, с которыми это место отождествлялось в классическую эпоху. Первая из них — некромантейон в городе Парга в Феспротии, на западном побережье Северной Греции. Вторая — некромантейон в Байях, древнейшей колонии греков в Италии, расположенной опять-таки на западном побережье. Оба эти храма были святилищами Аида и Персефоны, а их местоположения тесно связаны с мифологической топографией подземного мира. В «Одиссее» речь идет о местности у пределов Океана, благодаря чему и возникла вторая, более поздняя интерпретация, отождествляющая это место с дальним италийским некромантейоном. Впрочем, на западе и неподалеку от моря располагаются оба святилища. Как сказано в «Одиссее», поблизости от места, где Одиссей проводит свой обряд, две реки преисподней «многошумно» вливаются в третью — Ахерон[2]. Греческий некромантейон и впрямь стоял неподалеку от рек, отождествлявшихся с Коцитом и

1 «Скоро пришли мы к глубокотекущим водам Океана;
Там киммериян печальная область, покрытая вечно
Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет
Оку людей там лица лучезарного Гелиос, землю ль
Он покидает, всходя на звездами обильное небо,
С неба ль, звездами обильного, сходит, к земле обращаясь;
Ночь безотрадная там искони окружает живущих» («Одиссея», XI.13—19).

2 «Быстро бежит там Пирифлегетон в Ахероново лоно
Вместе с Коцитом, великою ветвию Стикса; утес там
Виден, и обе под ним многошумно сливаются реки» («Одиссея», X.513—515).

Пирифлегетоном, а италийский — близ озера Аверн, которое, в свою очередь, отождествлялось с Ахероном. Возможно, Гомер знал оба эти святилища, по крайней мере, понаслышке. Важно, однако, то, что он ни словом не упоминает, что Одиссей отправляется в место, особо посвященное прорицанию при помощи духов умерших. Именно из-за подобных умолчаний нередко высказывают мнение, что культы героев возникли уже после Гомера.

Ритуал, который Одиссей проводит по указаниям Цирцеи, согласуется с историческими данными о греческих некромантических обрядах. Для этого ритуала Одиссей копает яму шириной и длиной в локоть, а затем обходит эту яму, вливая в нее подношения мертвым: вначале — смесь молока и меда, затем — сладкое вино и, наконец, воду. Затем он сыплет в яму ячменную муку и после этого начинает вызывать души умерших. Прежде всего Одиссей обещает мертвым, что, вернувшись домой, принесет им в жертву «корову, тельцов не имевшую» и бросит множество драгоценностей в костер для этого подношения. Тиресию он сулит особую жертву — лучшего в стаде черного барана.

Эти процедуры отчасти схожи с более поздними магическими обрядами: с чисто физической точки зрения, их объединяют круговые обходы и принесение жертв. Отличие же заключается в том, что Одиссей обещает духам благодарственный дар, который те получат, если исполнят то, что от них требуется. И это может показаться странным, поскольку, на первый взгляд, Одиссей ищет не практической помощи, а только совета, и не от всех умерших, а только от Тиресия. Но именно это обещание придает ритуалу магическое качество: оно намекает на то, что, явно или неявно, Одиссей все-таки просит о чем-то всех вызываемых духов. Далее ритуал продолжается — Одиссей приносит в жертву чернорунного барана и овцу:

> Сам я барана и овцу над ямой глубокой зарезал;
> Черная кровь полилася в нее, и слетелись толпою
> Души усопших, из темныя бездны Эреба поднявшись..[1]

1 «Одиссея», XI.35—37.

Следует отметить важную деталь: при заклании животных Одиссей опускает их головы вниз, к подземному миру, а сам отворачивается к Океану[1]. В ритуалах, связанных с подземными богами, такими как Аид или Геката, это правило соблюдалось всегда: жрец, совершающий обряд, отводил взгляд или отворачивался от жертвы. Кроме того, эта деталь позволяет определить местоположение мага (в данном случае — Одиссея): становится очевидно, что он стоит к западу от ямы, куда стекает жертвенная кровь. Сразу же после этого к яме во множестве слетаются духи умерших. И здесь также обнаруживается параллель с гоэтическими обрядами, описанными в гримуарах. Заклинания из «Ключа Соломона» вызывают не одного какого-либо духа, а целые сонмы и воинства духов, которые приходят в порядке старшинства и стекаются к месту операции со всех сторон. О подобном явлении бесчисленных духов, обступающих магический круг со всех сторон, упоминает, в частности, Бенвенуто Челлини. Таким образом, здесь налицо явное сходство между двумя традициями — Соломоновой и Гомеровой.

По совету Цирцеи Одиссей простирает меч над жертвенной кровью, отгоняя от нее духов до тех пор, пока не придет Тиресий. Эта функция меча постоянно упоминается в гримуарах. Как пишет Корнелий Агриппа,

> ...[духи] боятся мечей и ножей. Всё это, без сомнения, понимал Гомер, ибо в одиннадцатой песне его «Одиссеи» <...> он [Одиссей] отгоняет духов от жертвенной крови обнаженным мечом[2].

На этом этапе в дело вступают спутники Одиссея, выполняющие ту же роль, что и помощники мага в «Ключе Соломона». Они снимают шкуры с жертвенных животных, бросают мясо в огонь и призывают Аида и Персефону. Одиссей между тем садится и сидит неподвижно, держа меч над ямой, пока, наконец, не появляется дух Тиресия. Фиванский провидец

---

1 «После (когда обещание дашь многославным умершим)
Черную овцу и черного с нею барана, — к Эребу
Их обратив головою, а сам обратясь к Океану, —
В жертву теням принеси...» («Одиссея», X.526—529).

2 Агриппа, «Оккультная философия», III.41.

узнаёт Одиссея и сам обращается к нему, повелевая отойти от ямы и убрать меч, чтобы он, Тиресий, смог испить жертвенной крови.

Прорицатель Тиресий представляет собой объект эвокации; иными словами, весь этот ритуал — не что иное, как вызывание Тиресия. Тем не менее, и до и после Тиресия на зов приходят другие духи, следуя в порядке старшинства или некоего подобия иерархии. Теургическая концепция ритуала, насколько мы можем судить о ней на основе сохранившихся литературных источников, также подразумевала явление духов по рангам и чинам, от низших к высшим. О том же говорится и в гримуарах, так что гомеровский некромантический обряд в этом отношении вполне традиционен. До прихода Тиресия Одиссей встречается с тенью Эльпенора — обычного человека, не блещущего особым умом (как уже отмечалось выше, это один из его спутников, погибший совсем недавно). Кроме того, в толпе безымянных духов он различает тень своей матери. После разговора с Тиресием Одиссей начинает общаться с другими духами, одного за другим выделяя их из толпы. Здесь дает о себе знать шовинистический подход к ранжированию духов: вначале Одиссей беседует со своей матерью, затем замечает или узнаёт в толпе жен и дочерей других царей и героев, затем встречается с героями Троянской войны, а после того созерцает тени божественных и мифических персонажей: Миноса (судьи в царстве мертвых), Тития (это важный персонаж, к которому мы еще вернемся), Тантала и Сизифа (о которых повествуют широко известные мифы) и, наконец, Геракла, или, точнее говоря, его призрак, поскольку сам Геракл после смерти был вознесен на Олимп. Одиссей был бы не прочь увидеть и многих других славных обитателей Аида, но главная цель ритуала была достигнута, а бесчисленные души уже и так теснили его со всех сторон, подняв пронзительный крик. Решив более не искушать судьбу, маг и его товарищи бежали на корабль и пустились в обратный путь.

Обращает на себя внимание еще одна деталь: место ритуала находится во владениях Аида и Персефоны, и в ходе обряда звучит молитва этим подземным божествам, однако на их зримое явление никто не рассчитывает. Иными словами, маг и его помощники взывают к Аиду и Персефоне о помощи, но не пытаются вызвать их непосредственно. Это обстоятельство

тоже согласуется с гримуарными процедурами, где маг перечисляет имена вышестоящих духов — начальников той сущности, которую он желает вызвать. Если приложить гримуарную схему к ритуалу, описанному у Гомера, то в роли вызываемого духа выступит Тиресий. В греческой же традиции этот дух — не кто иной, как вещий герой, глас оракула. Здесь можно добавить, что сама одиннадцатая песнь «Одиссеи» отличается любопытными особенностями, которые отмечает в своем труде по греческой некромантии Дэниэл Огден. Некоторые нестыковки в тексте позволяют предположить, что в альтернативной (и, возможно, более ранней) версии этой песни Эльпенор играл более важную роль. Если эта гипотеза верна, то Одиссей намеренно вызвал тень Эльпенора прежде всех прочих, чтобы тот послужил посредником в общении с другими обитателями подземного мира (примерно так же, как дух самоубийцы служит посредником в ритуале вызывания Сивилии, который мы рассматривали во второй книге).

Некромантия в классическую эпоху

До недавних пор многие исследователи античной литературы придерживались мнения, что некромантия не пользовалась у греков особой популярностью и не входила в число обычных методов прорицания. Правда, эта точка зрения так и не стала общепринятой, а в последние годы против нее появилось немало возражений. Однако нам важно понять, почему она вообще возникла и долгое время оставалась довольно влиятельной. Одна из причин заключалась в том, что классическую греческую культуру было принято считать рациональной, а магию хтонического толка — иррациональной и, следовательно, несовместимой с менталитетом классической эпохи. Современная наука последовательно опровергает эту привычную концепцию; однако была и другая причина, пожалуй, не менее веская, но практически не изученная, а именно — тенденция к распределению тем по областям узкой специализации. Наряду с этим по умолчанию предполагалось, что любой автор вполне осведомлен, что такое некромантия. А сведения о последней, как правило, черпались из позднеантичных или даже

средневековых источников, и потому неудивительно, что и в современных описаниях некромантия всегда оказывалась зловещей и гротескной.

Представление о том, что некромантия непременно связана с некой эпатажной деятельностью маргинализированных особ вкупе с жестким разделением по областям специализации, неуместным в отношении греческой культуры, выводит из сферы научного исследования некоторые основополагающие аспекты античной мантической практики. По крайней мере одна важнейшая область постоянно ускользает от внимания ученых. Греческие и римские прорицатели нередко наблюдали и толковали знамения, сопутствовавшие религиозным обрядам. Наряду с этим огромной популярностью пользовались культы героев, в честь которых также совершали жертвоприношения и другие ритуалы. Совершенно очевидно, что наблюдения и толкования знамений, сопровождавших такие обряды, носят некромантический характер. Римляне называли умерших *манами*. Слово «маны» (*manes*) имеет несколько значений: во-первых, оно означает бесплотную тень мертвеца, так же как слово «психе» (ψυχή), которым у Гомера обозначается дух умершего. Во-вторых, маны включались в число подземных божеств и считались хранителями могил, кенотафов и кладбищ. Римские авгуры — государственные прорицатели — получали знамения несколькими способами. И хотя прямого отношения к некромантии (в узком смысле слова) ни один из этих способов не имел, наблюдение знамений предварялось молитвой манам и богам. Манам было посвящено число три, а потому обращения к ним повторялись трижды.

В основе европейских некромантических методов, несомненно, лежали античные традиции, связанные с вызыванием мертвых в мантических целях. В связи с древней некромантией нередко ссылаются на такие библейские эпизоды, как вызывание духа Самуила Аэндорской волшебницей. Но влияние древнегреческой и древнеримской литературы в этом отношении было не в пример сильнее и оно нередко дает о себе знать даже в исследованиях соответствующих библейских материалов. На территории расселения греков, включавшей колонии в Малой Азии и в Италии (так называемую Великую Грецию), действовало множество оракулов, особо посвященных

вызыванию мертвых. Названия некоторых из этих святилищ приводятся ниже в таблице. Высказывалось предположение, что первоначально вообще все оракулы носили такой характер и были посвящены Аиду и Персефоне. Утверждалось также, что «Аид» и «Персефона» здесь — не изначальные имена подземных божеств, а поздние, периода олимпийской религии, субституты различных хтонических богов и богинь. Последнее кажется сомнительным, но в остальном эта гипотеза небеспочвенна.

Несомненный факт, что в греческом языке существовало множество терминов для описания некромантии во всех ее разнообразных проявлениях. Наличие подобной терминологии само по себе свидетельствует о том, что некромантия составляла общепринятую часть греческой религиозной жизни. В Древнем Риме тоже существовали развитые традиции, связанные с вызыванием мертвых, отчасти, вне сомнения, унаследованные от греческих колонистов и этрусков, культура которых внесла значительные вклад и в другие области римской мантики, магии и религии. И прежде чем перейти к литературным и археологическим данным об особенностях и степени распространения этих традиций, следует уделить внимание вышеупомянутой терминологии. Далее в таблице приводятся некоторые греческие слова, имеющие отношение к некромантии.

Греческое слово	Значение
Νεκράγγελος	Вестник смерти
Νεκραγωγέω	Провожать мертвых (в Аид)
Νεκραγωγός	Провожатый мертвых
Νεκροπομπός	Провожатый мертвых; перевозчик через реку Стикс. Этот эпитет применялся и к Гермесу, и к Харону
Νεκυοδαιμων	Дух умершего человека, способный оказать помощь в магии
Νεκυομαντεῖον, νεκρομαντεῖον	Прорицалище мертвых, место для вызывания и вопрошания душ умерших
Νεκυομαντεία, νεκρομαντεία	Вопрошание душ умерших, некромантия

Греческое слово	Значение
Ψυχαγωγέω	Провожать умерших в Аид (см. νεκραγωγέω); вызывать или заклинать мертвых посредством жертвоприношений и магических песнопений
Ψυχαγωγία	Вызывание духа умершего из Аида
Ψυχαγωγός	Провожатый умерших в подземный мир (эпитет Гермеса) (ср. ψυχοπομπός); заклинатель мертвых; некромант
Ψυχη	У Гомера — тень, призрак; в других источниках — душа или дух
Ψυχομαντεῖον	Прорицалище мертвых, как и νεκυομαντεῖον (латинские аналоги — plutonium, plutonia)
Ψυχομαντις	Заклинатель мертвых; тот, кто вызывает умерших для прорицания; некромант
Ψυχοπομπεῖον	Прорицалище мертвых, как и νεκυομαντεῖον
Ψυχοπομπός	Провожатый умерших в Аид. Этот эпитет часто применялся и к Гермесу, и к Харону, перевозчику мертвых

Некромантия (от др.-греч. νεκρός — «мертвый» и μαντεία — «прорицание») устойчиво ассоциировалась с гоэтией. У этого слова есть два значения: первое — «прорицание при помощи мертвых», а второе, распространившееся в Средние века, — «черная магия». В последнем смысле некромантией нередко именовали вызывание демонов и вредоносное колдовство в целом. Именно в этом средневековом значении слово «некромантия» использует Челлини.

У большинства народов древности искусство вызывания мертвых в мантических целях составляло естественную часть религиозной жизни. И как таковое оно изначально не вызывало негативных ассоциаций, хотя и внушало некоторый страх. Страбон и другие авторы упоминают, что искусством некромантии владели персы. Почетное место это искусство занимало и среди религиозных традиций Египта и Вавилона. В Древней Греции, как и в Риме, некромантия нередко связывалась с особыми местностями, в которых иногда возводили святилища: пещерами, вулканическими областями, а также озерами и реками. Связь умерших с водой — весьма распространенная ассоциация, с которой мы столкнемся еще не раз.

Многие известные прорицалища мертвых стояли у водоемов. Знаменитый оракул такого рода (некромантейон) находился в Феспротии (Северная Греции), близ реки Ахерон, которая считалась одной из рек Аида; в той же области протекали другие Аидовы реки — Коцит и Пирифлегетон. В той же Феспротии располагался Додонский оракул. Не менее знаменитая пещера Кумской сивиллы в Италии находилась у водоема, отождествлявшегося с озером Аверн, которое, по традиции, тесно ассоциировалось с подземным миром. Еще один широко известный некромантейон был расположен в Гераклее на побережье Черного моря. Нередко подобные оракулы строились и в вулканических местностях; к их числу относится знаменитая пещера на мысе Тенар в Лаконии — самой южной части Европы. Эта пещера считалась одним из входов в Аид; отсюда, согласно мифу, Геракл вывел Кербера в мир живых. Павсаний утверждает, что там обитал огромный змей — по-видимому, оракульный герой или хтонический бог этого места. В историческую эпоху владыкой этого оракула считался Посейдон, и если он стал покровителем Тенарской пещеры в более ранний доисторический период, то, по всей вероятности, это был архаический Посейдон, связанный с Эриниями и Медузой.

В подобных местах проводились знаменитые эвокации, в которых участвовали некоторые деятели, известные по античным текстам. Например, согласно Плутарху, убийца поэта Архилоха посетил Тенар, чтобы вызвать дух своей жертвы. Геродот и другие авторы сообщают, что коринфский тиран Периандр послал гонца в святилище на берегу Ахерона, чтобы вопросить дух своей покойной жены Мелиссы (этот эпизод, вероятно, оброс в пересказах некоторыми прикрасами, но, тем не менее, содержит множество важных и аутентичных сведений). Спартанский полководец Павсаний, нечаянно убивший некую деву, посетил оракул в Гераклее, чтобы умилостивить ее дух, преследовавший его после смерти. Плутарх добавляет, что после смерти самого Павсания спартанцы послали в Италию за некромантами, чтобы те вызвали и умиротворили его собственный дух, в связи с чем также были учреждены ежегодные празднества в честь этого полководца. В «Энеиде» Вергилия путешествие в подземный мир, начинающееся в Кумах у озера Аверн, по всей видимости,

служит аналогом или заменой некромантического обряда. И несмотря на то, что ни один из этих рассказов не находит прямых документальных подтверждений, все они в целом свидетельствуют о том, что в классическую эпоху некромантия была широко распространенной и общепринятой практикой.

Призраки и привидения

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о том, что представляли собой, с точки зрения греков, привидения и призраки. Вполне понятно, что у этих античных представлений находится немало общего с более распространенными фольклорными мотивами, которым я, разумеется, не собираюсь приписывать сугубо греческое происхождение. Но тем не менее полезно будет взглянуть, какие классы привидений и призраков выделялись в древнегреческой традиции и чем они отличались друг от друга. Поэтому я постараюсь представить здесь обзор этой темы, ориентируясь на практический подход и на поиск первоисточников, к которым восходят различные традиции, связанные с призраками.

Одну важную категорию призраков составляют те умершие, которые остались без подобающего погребения. Они входят в более крупный разряд духов, по тем или иным причинам не попавших в загробный мир. К последнему разряду относятся три класса духов: те, кто умерли преждевременно и вынуждены скитаться, пока не истечет отпущенный им срок земной жизни; те, кто погиб насильственной смертью (в частности, жертвы убийств и казненные преступники); и, собственно, непогребенные. Все эти духи не могут пересечь реку Стикс и не находят покоя, а, следовательно, могут возвращаться в виде призраков, как по собственной воле, так и по велению мага.

Вторую категорию составляют духи женщин, не достигших при жизни того, что требуется от женщины по стандартам данной культуры. В Древней Греции от женщины требовалось вступить в брак и родить детей; и хотя духи мужчин, не реализовавших себя при жизни, тоже могли задерживаться на этом берегу Стикса, в случае с женщинами эта причина считалась настолько важной, что неудовлетворенные

женские духи выделялись в особый класс. Некоторые из них носили собственные имена или даже превращались в богинь или демонов. Ламия, Медея и другие известные персонажи такого рода представляют (в той или иной степени) либо весь этот класс духов, либо тех участниц архаических ритуалов Геры и Артемиды, которые, в свою очередь, изображали духов данной категории. Беспокойные женские духи считались опасными для женщин, еще не достигших того, в чем судьба отказала этим покойницам, а также для маленьких детей. Если женщина погибала по вине такого призрака, она сама становилась беспокойным духом этой же категории.

Многие пережитки обрядовости и образности, связанной с женскими призраками, обнаруживаются в гоэтической традиции. Разумеется, факторы, под влиянием которых формировались эти верования, имели вес только в особом культурном контексте, давно отошедшем в прошлое. Но это не значит, что такие персонажи, как Ламия и Медея, лишились для нас всякого смысла: они достаточно сложны и отнюдь не сводятся к архетипу неудовлетворенной женщины, мстящей за свои обиды. Они тесно связаны с темой архаических женских ритуалов инициации и с обрядами Геры и Артемиды, а, следовательно, несут на себе печать культа Богини, подавление которого может обернуться большими бедами.

Важное место в античных верованиях занимали также призраки детей, связь которых с обеими предыдущими категориями вполне очевидна. Становился ли ребенок жертвой вампирического женского духа или же умирал по другим причинам, он в любом случае попадал в группу погибших безвременной или насильственной смертью. Но, будучи незрелыми и вдобавок глубоко несчастными, дети-призраки традиционно считались опасными, непредсказуемыми и особо податливыми на магические манипуляции.

Призраки, обитавшие на полях сражений, естественным образом относились к категории погибших насильственной смертью, а зачастую и к классу непогребенных. Впрочем, иногда они удостаивались почестей как герои — подобно призракам гладиаторов в более поздние времена.

Духи мертвых, демоны и гримуары

> Чтобы вызвать мертвеца, ступай на кладбище в пятницу ночью, в полночь, на такое место, где была перестрелка. Приди на могилу какого-нибудь человека, взяв с собою белую свечу, листок дикой акации и пистолет с полным барабаном. Прибыв на место, прочти такое воззвание: «Exurgent mortui et acmo venuient[1]. Повелеваю тебе, мертвец, приди ко мне».
> Когда произнесешь эти слова, услышишь шум, похожий на звуки бури, но ты не пугайся, а выстрели один раз из пистолета. Тогда мертвец появится перед тобой; не беги от него, но отступи, пятясь назад, на три шага и трижды повтори ему эти слова: «Окропляю тебя ладаном и миррой, какими умащали гробницу Астарот».
> После того, как вызовешь Мертвого Духа, отошли его обратно. Возьми пригоршню грязи и брось ее на четыре стороны света со словами: «Возвращайся, откуда пришел; из грязи ты создан, в грязь возвратишься. Аминь».
>
> — *Авторство приписывается генералу Бенуа Батравилю, умершему на Гаити в 1920 году*

Как уже неоднократно отмечалось выше, провести границу между неупокоенными мертвецами и демонами довольно трудно, а подчас и вовсе невозможно. Так обстояло дело и в древнегреческой, и во многих других древних традициях, да и в позднейшем фольклоре эта грань остается чрезвычайно тонкой. В наши дни принято считать, что в гримуарной традиции подобного смешения не наблюдается, поскольку демоны гримуаров суть падшие ангелы. Влиятельность этой иудейско-христианской идеи не подлежит сомнению, но вышеприведенное мнение все же ошибочно. Это всего лишь одно

1 «Мертвые встанут и выйдут наверх» (искаж. лат.-греч.).

из типичных для современности сверхупрощений. Гримуары — прямые наследники тех устных и письменных традиций, в которых представление о тождестве мертвецов и демонов занимает центральное место. И более того, в гримуарных текстах сохранилось множество явных и неявных отсылок к более древним верованиям, касающимся непосредственной связи между демонами и духами мертвых.

И в документальных источниках, и в художественной литературе нередко упоминаются характерные для гримуарной традиции опыты вызывания героев и знаменитых исторических деятелей. В сочинениях Гёте и Марло доктор Фауст вызывает Александра Македонского и Елену Троянскую (которая, в свою очередь, считалась царицей подземного мира), а в «Приятном трактате о ведьмах» (1673) описываются вызывания Ахилла, Гектора и царя Давида, якобы проводившиеся при дворе императора Максимилиана.

Иногда подобные явления призраков осмысляются как наведенные иллюзии или козни демонов, предстающих в обличье вызываемой особы, но в действительности за этой традицией стоит гораздо более древняя практика, один из примеров которой — вызывание тени Ахилла Аполлонием Тианским. Впрочем, древние некромантические опыты, наподобие знаменитого вызывания пророка Самуила Аэндорской волшебницей, в христианские времена тоже объяснялись падшими ангелами. Логика подобных толкований мало отличается от той, при помощи которой существование ископаемых останков пытались примирить с учением о сотворении мира за шесть дней в 4004 году до Рождества Христова: утверждали, что Бог нарочно заложил под землю всевозможные окаменелости, чтобы мир казался старше, чем есть.

Тратить время на опровержение подобных гипотез не имеет смысла, но стоит отметить, что идея тождества между демонами и духами умерших находит прямые подтверждения в некоторых гримуарных текстах.

Эрик де Поу обратил мое внимание на две книги заклинаний, в которых это отождествление проводится непосредственно. Первая из них — «Черная магия Герпентиля» (условно датируемая 1505 годом), в подзаголовке которой сообщается, что читатель найдет здесь «заклинания и имена могущественных призраков». В расширенной немецкой версии «Великого

гримуара», опубликованной под названием «Истинный красный огненный дракон», демоны прямо называются «призраками», великими и малыми, причем многие из них тождественны духам из «Гоэтии царя Соломона». Еще один пример такого рода, более известный, — «Великий и могучий морской призрак доктора Фауста» (1692). Название этого трактата напоминает о том, что в древнегреческой традиции гибель в море считалась одной из веских причин для превращения в беспокойного духа.

Вторая книга, на которую указал мне де Поу, называется «Таинственное сокровище героев», и в этом названии опять-таки обнаруживается связь с античными поверьями. Если читателю это покажется натяжкой, пусть задумается о том, что маги, подобные Фаусту, часто пытались вызывать тени знаменитых исторических и мифологических особ, в том числе Елены и других персонажей Гомера. Так или иначе, гоэтия практически эквивалентна некромантии, даже если современные заклинатели, работающие в соломоновой традиции, не желают этого признавать. Многие гримуары (такие, например, как «Черная курочка»), повествующие исключительно о вызывании духов и о талисманах, прямо утверждают, что содержат в себе наставления по искусству некромантии. Таким образом, многие гримуарные духи действительно тождественны теням умерших, даже если это и не бросается в глаза.

Безусловно, среди призраков существует своя иерархия, так же как и среди демонов, зачастую неотличимых от духов усопших. Так, например, призраки тех категорий, которые были перечислены в предыдущем разделе, редко попадают в число тех, которые описываются в магических папирусах как обитатели мрачного Эреба, лежащего по ту сторону Стикса и даже дальше, за полями асфоделей. В Эребе стоит дворец Аида. И там же, если не на Елисейских полях и не на Островах блаженных, обитают тени благородных героев. К числу беспокойных мертвецов не принадлежат, разумеется, ни идейские дактили, ни вещие духи, подобные Трофонию. Все это — предки-родоначальники магической традиции, древние маги, по смерти ставшие духами. Всякий, у кого есть хоть капля воображения, сделает из этого выводы: заклиная духов, следует обращаться с ними уважительно, потому что когда-нибудь мы и сами можем оказаться в их числе.

Гоэтическая галерея:

возрожденная некромантия

Трофоний

Трофоний — фигура непростая: ни древние, ни современные интерпретаторы так и не определились, считать ли его героем, даймоном или божеством. Впрочем, в античной эпиграфике и у Страбона он именуется «Зевсом Трофонием». Имеются веские свидетельства в пользу того, что его оракул действовал уже в микенский период, а доолимпийский хтонический Зевс в более позднюю эпоху вполне мог быть переосмыслен как даймон. Вероятнее всего, Трофоний и впрямь был доолимпийским божеством, впоследствии пониженным в статусе до полуисторического героя, погребенного на территории знаменитого оракула. Эту теорию поддерживают различные предания, согласно которым прорицалище Трофония в какой-то период было забыто, но затем открыто вновь и возрождено.

В классический период Трофония почитали как вещего героя. Считалось, что именно он вместе со своим братом (или отцом) Агамедом построил храм Аполлона в Дельфах, или, точнее, преддверие этого храма, в котором оба они и были похоронены. По одной из версий мифа, завершив строительство, Трофоний и Агамед попросили награду, и жрица велела им подождать семь дней, проведя это время во всевозможных утехах и наслаждениях. Согласно другой версии, им было велено прожить таким образом шесть дней и дождаться седьмого, когда исполнятся их самые заветные желания. По истечении этого срока братьев нашли мертвыми в постелях. К этой легенде восходит известное изречение — «тот, кого любят боги, умирает молодым». Позднее в честь Трофония воздвигли храм и статую, а также стали проводить посвященные ему ежегодные игры. Его оракул стал одним из самых знаменитых в Греции. Историк Павсаний (не путать с одноименным учеником Эмпедокла, жившим гораздо раньше!) посетил этот оракул и

оставил о нем подробный рассказ. Согласно Павсанию, Трофоний был заживо поглощен землей:

> Трофония поглотила здесь расступившаяся земля, там, где в Лебадийской роще есть так называемая Пропасть Агамеда, а около нее мраморная доска памятника[1].

Как пишет Павсаний, прорицалище Трофония

> ...прежде не было известно беотийцам и открыто оно было по следующему случаю. Беотийцы от каждого из своих городов послали к богу в Дельфы священное посольство, так как уже второй год бог не давал им дождя. Когда они просили дать им указание, как избавиться от засухи, Пифия велела им идти в Лебадию к Трофонию: у него они найдут исцеление от этой беды. Придя в Лебадию, они никак не могли найти прорицалища, но тут некто Саон из города Акрайфния, он был и по возрасту самый старший из феоров (священных послов), увидал рой пчел и велел следовать за ними, куда они полетят. Он тотчас увидал, что пчелы влетели в эту скважину земли; с ними вместе он спустился в прорицалище. И говорят, что этот Саон был обучен Трофонием установленному тут священнодействию и всему тому, что совершается и теперь при этом храме[2].

Другая версия предания также связывает Дельфы с историей о том, как забытая гробница Трофония была открыта вновь, но в этом варианте за пчелами идет не священный посол, а обычный мальчик-пастух. После возрождения святилища Трофония стали чтить как бога и как сына Аполлона.

Впрочем, Цицерон и некоторые другие авторы отождествляют Трофония с Гермесом и называют его сыном Валенса и Форониды. «Валенс» (что в переводе означает «сильный», «здоровый») — это, вероятно, латинский эпитет Зевса, а «Форонида» — одно из имен Ио. Таким образом, некоторые элементы легенд о Трофонии могут свидетельствовать о попытках

1 Павсаний, «Описание Эллады», IX.XXXVII.3.

2 Там же, IX.XL.1.

дельфийских жрецов ассимилировать более древние традиции, связанные с этим персонажем. Вещий даймон из святилища Трофония представлялся в образе змея, подобного дельфийскому Пифону и священному дракону с острова Делос.

Некоторые намеки на упомянутые древние традиции можно отыскать у того же Павсания. По его словам, город Лебадия отделен

> ...от рощи Трофония <...> рекою Геркиной. Говорят, Геркина играла здесь вместе с Корой, дочерью Деметры; она держала в руках гуся и случайно его выпустила[1].

В этом предании слышатся отголоски мифов о Леде и лебеде и о египетской богине Нут, которую против воли отделили от ее супруга Геба, чьей священной птицей был гусь.

Далее, как пишет Павсаний, гусь залетел в глубокую пещеру и спрятался под камнем. Кора (Персефона) вошла в пещеру, подняла камень и поймала птицу. Из-под камня потекла вода, и так возникла река, которую назвали Геркиной.

Эта речная богиня, связанная с Деметрой и Персефоной, имела самое прямое отношение и к оракульному культу Трофония, о чем недвусмысленно сообщает Павсаний:

> На берегу реки есть храм Геркины, а в нем статуя девушки, держащей в руках гуся. В пещере же находятся истоки реки и статуи в виде стоящих прямо фигур с жезлами в руках, а вокруг жезлов обвились змеи. Всякий легко догадается, что это статуи Асклепия и Гигиеи (Здоровья); но они могут быть также статуями Трофония и Теркины, так как змеи считаются посвященными столько же Асклепию, сколько и Трофонию. У реки же есть могила и Аркесилая; говорят, Леит привез кости Аркесилая из-под Трои. Самые замечательные вещи в роще — это храм Трофония и его статуя, тоже похожая на статую Асклепия; изваял эту статую Пракситель. Есть там и святилище Деметры с наименованием Европа (Широкоглядящая), и статуя Зевса Гиетия (Дающего

1 Там же, IX.XXXIX.2.

> дождь) под открытым небом. Если подниматься к прорицалищу и отсюда идти дальше в гору, то на этом пути будет так называемая... охота... Коры и храм Зевса Басилея (Царя); этот же храм ввиду огромности его размеров или вследствие междоусобных войн они оставили незавершенным. В другом храме находятся статуи Кроноса, Геры и Зевса. Есть тут и храм Аполлона[1].

Очевидно, что это был крупный культовый центр.

Кроме того, считалось, что во младенчестве Трофония нянчила богиня Деметра (вспоминается схожая с ней по функциям богиня Рея, нянчившая младенца-Зевса на Крите). Европа родила от Зевса на Крите Миноса и Радаманта, которые, наряду с Эаком, стали судьями в загробном мире. Любопытно, что в орфических источниках к этим троим традиционным судьям добавляется четвертый — Триптолем, которого также выпестовала Деметра. Триптолем был старшим сыном элевсинского царя, во дворце которого Деметра жила после похищения Персефоны. Она подарила своему воспитаннику колесницу, запряженную крылатыми драконами, и пшеницу, которую тот рассеивал повсюду, пролетая над землей.

Согласно Плутарху, жрецы, служившие при оракуле Трофония, связаны с дактилями, которые учредили Самофракийские мистерии и деятельность которых относят к доолимпийской эпохе Кроноса. По одной из версий, Трофоний и Агамед были сыновьями аргонавта Эргина. Сами же они во многом подобны Кастору и Поллуксу, которые тоже участвовали в плавании аргонавтов и ассоциировались с кабирами. В храме, стоявшем в священной роще Трофония, содержались изваяния Кроноса, Геры и Зевса — триады, составляющей местный эквивалент кабиров. Ввиду столь древних истоков этого культа неудивительно, что тень Трофония являлась в обличье змея, подобного Пифону, который владел прорицалищем Аполлона в мифической древности.

По преданию, знаменитый маг-пифагореец Аполлоний Тианский, которому после смерти поклонялись как богу, получил от духа Трофония книгу наставлений. Этой книгой одно время владел император Адриан, а Филострат, биограф Аполлония,

1 Там же, IX.XXXIX.2—3.

утверждает, что видел ее собственными глазами. Наставления оракула полностью согласовались с пифагорейским учением. А упомянутые у Павсания воды Леты и Мнемосины[1] точно так же согласуются и с видением Эра из Платонова «Государства», и с так называемыми орфическими табличками, встречающимися в захоронениях (некоторые исследователи считают эти таблички неопифагорейскими). Параллели этим источникам находятся и в более древних сочинениях Гесиода.

Обряды, проводившиеся в святилище Трофония, были чрезвычайно сложными и, вне сомнения, восходили к культовым посвятительным церемониям. Начинались они с длительного очищения, занимавшего несколько дней, и с затворничества в храме благого даймона (Агафодемона) и богини доброй удачи (Тюхе). Омовения совершались в водах реки Геркины; омываться теплой водой запрещалось. Затем соискатель приносил жертвы Трофонию, Деметре и другим божествам. После этого ему дозволялось питаться только мясом этих жертв, главным образом барана, которого приносили в жертву духу Агамеда, брата Трофония. Возможно, это еще одно указание на связь с Кастором и Поллуксом, которые не разлучились и за гробом, хотя один из них был смертным, а другой бессмертным: они вместе проводили часть года на небесах, а часть — под землей. Затем два мальчика тринадцати лет вели соискателя к реке, омывали его и умащали маслом. После этого соискатель пил из источника Леты, чтобы забыть о прошлых заботах, и источника Памяти, чтобы запомнить то, что увидит и услышит при обращении к оракулу.

Перед спуском в подземное святилище на соискателя надевали особую *сельскую обувь* — вне сомнения, это не что иное, как охотничья обувь, изобретенная Аристеем. Кроме того, его облачали в льняной хитон, украшали гирляндами, как жертвенное животное, и давали с собой две ячменных лепешки, замешанных на меду, — такие же, какие в аналогичных ритуалах повсеместно подносили Керберу. После этого соискатель

1 Имеются в виду два источника, в которых человек, желающий получить прорицание, омывался перед обращением к оракулу Трофония: «Затем он переходит в руки жрецов, которые ведут его не прямо в пещеру прорицаний, а к источникам воды; правда, они находятся близко один от другого. Здесь он должен напиться из одного воды Леты (Забвения), чтобы он забыл о всех бывших у него до тех пор заботах и волнениях, а из другого он таким же образом опять пьет воду Мнемосины (Памяти), в силу чего он помнит все, что он видел, спускаясь в пещеру» (там же, IX.XXXIX.4).

спускался по приставной лестнице в пещеру через узкое отверстие глубиной около восьми локтей. На дне этого лаза находилась еще более узкая щель, в которую соискатель опускал ноги до колен, держа при этом в каждой руке по лепешке. Некто незримый хватал его за ноги и быстро стаскивал вниз. Источники Забвения и Памяти фигурируют также в орфической эсхатологии, как свидетельствуют о том надписи на золотых табличках, найденных при раскопах в Италии. Лепешки на меду и многие другие детали позволяют соотнести этот ритуал с погребальными обрядами. В сущности, применительно к живому соискателю оракула воспроизводятся многие ритуальные и мифологические элементы обрядов, совершавшихся над мертвыми. Ритуал такого рода назывался «катабасис», то есть обряд нисхождения. Любопытно, что между катабасисом и ритуалами восхождения (анабасисом), до сих пор весьма распространенными в современной магической практике, обнаруживаются прямые и чрезвычайно точные аналогии. О том, как направление движения менялось на противоположное, мы поговорим в следующем разделе, посвященном «Видению Эра».

То, что происходило с соискателем далее, в некоторых источниках описывали как удар по голове, из-за которого человеку казалось, что его убили. Но по ряду причин это маловероятно; скорее всего, это метафорическое описание глубокого потрясения, которое соискатель испытывал при спуске в святилище. Впрочем, не исключено, что чисто символическое убийство тоже имело место (возможно, при помощи громового камня, как на Крите). После этого голос из незримого источника отвечал на вопросы соискателя и открывал ему культовые тайны. В ходе этого испытания (по крайней мере, согласно Плутарху) душа вопрошающего временно покидала тело. Проведя некоторое время (быть может, даже несколько дней) под землей и получив ответ, соискатель снова лишался чувств, и его выталкивали наружу вперед ногами через то же отверстие.

Когда он вновь оказывался на поверхности, жрецы усаживали его на Трон Мнемосины, чтобы он пересказал все, что видел и слышал. Наконец, все еще полубеспамятного, его переносили на руках в храм Агафодемона, и там постепенно к нему возвращался разум и способность смеяться. Подобно Пифагору и прочим, кто спускался в подземный мир, соискатель

возвращался из своего путешествия очень бледным и суровым, так что это даже вошло в пословицу: если человек постоянно печалился, о нем говорили, что он посетил пещеру Трофония.

Эту пещеру упоминает Корнелий Агриппа в одной из «психологических» глав своей «Оккультной философии», посвященных разновидностям «неистовства» (книга III, глава 48). Аполлоническое неистовство, по его словам,

> ...достигалось при помощи особых священных таинств, обетов, жертвоприношений, поклонений, заклинаний и искусных священнодействий или же особых священных снадобий, посредством коих духи их богов вливали силы в душу человека и, приобщая ее к божествам и демонам, помогали ей тем самым подняться превыше разума.

Перечисленные методы так хорошо согласуются с описанием обрядов Трофония, которое приводит Павсаний, что Агриппа, надо полагать, был знаком с трудами этого историка.

Памфилиец Эр

Мирча Элиаде сравнивает видение памфилийца Эра с шаманскими путешествиями в нижний мир, в ходе которых шаман узнает обо всем, что определяет судьбу человека, а затем возвращается к жизни. Этому видению он противопоставляет нисхождения Пифагора и Зороастра, утверждая, что в них нет ничего шаманского[1]. Жан Дорес называет «Видение Эра» «самым настоящим апокалипсисом» в терминологическом смысле этого слова. Апокалипсис как жанр — это род откровения, в котором человек, тем или иным способом достигший необходимого состояния, получает от богов, ангелов или духов

1 «...нисхождения в Аид, документально засвидетельствованные в греческой традиции (от самых знаменитых, таких как инициатическое испытание Геракла, и до легендарных нисхождений Пифагора и Зороастра), по структуре не имеют ничего общего с шаманскими путешествиями. <...> Однако <...> каталептический транс Эра подобен тому, в который погружаются шаманы, а его экстатическое путешествие напоминает <...> многие шаманские опыты» (М. Элиаде, «Шаманизм. Архаические техники экстаза», глава 11).

информацию эсхатологического характера и сведения о топографии иного мира.

Что касается способов перехода в это особое состояние, то одним из них считается божественный зов: его может удостоиться тот, кто избран для передачи упомянутых тайных знаний. Эта разновидность откровения часто встречается в иудейской, а позднее и в христианской литературе, из-за чего иногда возникает ошибочное представление, что жанр апокалипсиса сложился в рамках иудейско-христианской традиции или даже бытует только в ее пределах. Но в действительности существует целый пласт древнегреческой апокалиптики, примерами которой служат визионерские путешествия Абариса, Эмпедокла, Пифагора и других греческих «шаманов».

Переход в трансовое состояние не всегда связан с особым призванием: иногда он совершается случайно, в результате болезни или другого околосмертного опыта. «Видение Эра» относится именно к этой категории и, возможно, представляет собой самый ранний ее образчик. В греческой, а затем и в латинской литературе образцы этого жанра весьма распространены, и, судя по всему, не имитируют семитскую модель, а имеют независимое происхождение.

И, наконец, к третьей категории следует отнести откровения, полученные в результате осознанного и целенаправленного поиска эзотерических знаний посредством ритуалов, медитаций и так далее. Немало примеров такого рода можно найти и в греческой традиции, и во многих других. В поисках откровений люди обращались к оракулам, посылающим вещие сны, спускались в таинственные пещеры, прибегали к посту и половому воздержанию, соблюдали строгие кодексы поведения, принимали различные психоактивные вещества и так далее.

Возможным источником платоновского рассказа об Эре Дорес считает визионерское путешествие некоего армянина по имени Зороастр. Арнобий называет этого Зороастра внуком Зостриана, которому приписывается авторство некоторых гностических текстов. Но с таким же успехом Платон мог черпать вдохновение и из коренных греческих традиций. Поэтому вместо предложенного Доресом варианта «Эр из Армении» (страны, располагавшейся не так уж далеко от древней Памфилии) я придерживаюсь традиционного прочтения «Эр, сын Армения». Следует отметить, что Корнелий Агриппа в своей

«Оккультной философии» (книга III, глава XLII) упоминает Эра под именем «Ферей из Памфилии». Вероятно, в его экземпляре платоновского «Государства» было много ошибок, но любопытно то, что об этом персонаже Агриппа говорит опять-таки в связи с экстатическими состояниями и что глава, в которой упоминается «Ферей», посвящена некромантии — искусству, которое во всех прочих случаях Агриппа неизменно и полностью отождествляет с гоэтией. «Видение Эра» — настолько важный и интересный текст, что я приведу его здесь почти полностью (с небольшими сокращениями) по переводу Бенджамина Джоуэтта[1].

Видение Эра

«Я передам тебе <...> рассказ одного отважного человека, Эра, сына Армения, родом из Памфилии. Как-то он был убит на войне; когда через десять дней стали подбирать тела уже разложившихся мертвецов, его нашли еще целым, привезли домой, и когда на двенадцатый день приступили к погребению, то, лежа уже на костре, он вдруг ожил, а оживши, рассказал, что он там видел.

Он говорил, что его душа, чуть только вышла из тела, отправилась вместе со многими другими, и все они пришли к какому-то божественному месту, где в земле были две расселины, одна подле другой, а напротив, наверху в небе, тоже две. Посреди между ними восседали судьи. После вынесения приговора они приказывали справедливым людям идти по дороге направо, вверх по небу, и привешивали им спереди знак приговора, а несправедливым — идти по дороге налево, вниз, причем и эти имели позади обозначение всех своих проступков. Когда дошла очередь до Эра, судьи сказали, что он должен стать для людей вестником всего, что здесь видел, и велели ему все слушать и за всем наблюдать.

Он видел там, как души после суда над ними уходили по двум расселинам неба и земли, а по двум другим приходили: по одной подымались с земли души, полные грязи и пыли, а по другой спускались с неба чистые души. И все, кто бы ни приходил,

1 Текст «Видения Эра», известного также как «Миф о загробных воздаяниях» (Платон, «Государство», X.614b—621b), приводится в русском переводе А. Егунова.

казалось, вернулись из долгого странствия: они с радостью располагались на лугу, как это бывает при всенародных празднествах. Они приветствовали друг друга, если кто с кем был знаком, и расспрашивали пришедших с земли, как там дела, а спустившихся с неба — о том, что там у них. Они, вспоминая, рассказывали друг другу: одни со скорбью и слезами, сколько они чего натерпелись и насмотрелись в своем странствии под землей (а странствие это тысячелетнее), а другие, те, что с неба, о блаженстве и о поразительном по своей красоте зрелище.

<... > Главное же, по словам Эра, состояло вот в чем: за всякую нанесенную кому-либо обиду и за любого обиженного все обидчики подвергаются наказанию в десятикратном размере (рассчитанному на сто лет, потому что такова продолжительность человеческой жизни), чтобы пеня была в десять раз больше преступления. Например, если кто стал виновником смерти многих людей, предав государство и войско, и многие из-за него попали в рабство или же если он был соучастником в каком-нибудь другом злодеянии, за все это, то есть за каждое преступление, он должен терпеть десятикратно большие муки. С другой стороны, кто оказывал благодеяния, был справедлив и благочестив, тот вознаграждался согласно заслугам.

Что Эр говорил о тех, кто, родившись, жил лишь короткое время, об этом не стоит упоминать. Он рассказывал также о еще большем воздаянии за непочитание и почитание богов и родителей и за самоубийство. Он говорил, что в его присутствии один спрашивал там другого, куда же девался великий Ардией. Этот Ардией был тираном в каком-то из городов Памфилии еще за тысячу лет до того. Рассказывали, что он убил своего старика отца и старшего брата и совершил много других нечестий и преступлений. Тот, кому был задан этот вопрос, отвечал на него, по словам Эра, так: "Ардией не пришел, да и не придет сюда. Ведь из разных ужасных зрелищ видели мы и такое: когда после многочисленных мук были мы уже недалеко от устья и собирались войти, вдруг мы заметили Ардия и еще некоторых — там были едва ли не сплошь все тираны, а из простых людей разве лишь величайшие преступники; они уже думали было войти, но устье их не принимало и издавало рев, чуть только кто из этих злодеев, неисцелимых по своей порочности или недостаточно еще наказанных, делал попытку войти. Рядом стояли наготове дикие люди с огненным

обличьем. Послушные этому реву, они схватили некоторых и увели, а Ардиея и других связали по рукам и ногам, накинув им петлю на шею, повалили наземь, содрали с них кожу и поволокли по бездорожью, по вонзающимся колючкам, причем всем встречным объясняли, за что такая казнь, и говорили, что сбросят этих преступников в Тартар. Хотя мы и натерпелись уже множества разных страхов, но всех их сильнее был тогда страх, как бы не раздался этот рев, когда кто-либо из нас будет у устья; поэтому величайшей радостью было для каждого из нас, что рев этот умолкал, когда мы входили".

Вот какого рода были приговоры и наказания и прямо противоположными им были вознаграждения. Всем, кто провел на лугу семь дней, на восьмой день надо было встать и отправиться в путь, чтобы за четыре дня прийти в такое место, откуда сверху виден луч света, протянувшийся через все небо и землю словно столп, очень похожий на радугу, только ярче и чище. К нему они прибыли, совершив однодневный переход, и там увидели посредине этого столпа света свешивающиеся с неба концы связей: ведь этот свет — узел неба; как брус на кораблях, так он скрепляет небесный свод. На концах этих связей висит веретено Ананки, придающее всему вращательное движение. У веретена ось и крючок из адаманта, а вал — из адаманта в соединении с другими породами. Устройство вала следующее: внешний вид у него такой же, как у здешних, но, по описанию Эра, надо представлять себе его так, что в большой полый вал вставлен пригнанный к нему такой же вал, только поменьше, как вставляются ящики. Таким же образом и третий вал, и четвертый, и еще четыре. Всех валов восемь, они вложены один в другой, их края сверху имеют вид кругов на общей оси, так что снаружи они как бы образуют непрерывную поверхность единого вала, ось же эта прогнана насквозь через середину восьмого вала. Первый наружный вал имеет наибольшую поверхность круга, шестой вал — вторую по величине, четвертый — третью, восьмой — четвертую, седьмой — пятую, пятый — шестую, третий — седьмую, второй — восьмую по величине. Круг самого большого вала пестрый, круг седьмого вала самый яркий; круг восьмого заимствует свой цвет от света, испускаемого седьмым; круги второго и пятого валов близки друг к другу по цвету и более желтого, чем те, оттенка, третий же круг — самого белого цвета, четвертый — красноватого,

а шестой стоит на втором месте по белизне. Все веретено в целом, вращаясь, совершает всякий раз один и тот же оборот, но при его вращательном движении внутренние семь кругов медленно поворачиваются в направлении, противоположном вращению целого. Из них всего быстрее движется восьмой круг, на втором месте по быстроте — седьмой, шестой и пятый, которые движутся с одинаковой скоростью; на третьем месте, как им было замечено, стоят вращательные обороты четвертого круга; на четвертом месте находится третий круг, а на пятом — второй. Вращается же это веретено на коленях Ананки.

Сверху на каждом из кругов веретена восседает по Сирене; вращаясь вместе с ними, каждая из них издает только один звук, всегда той же высоты. Из всех звуков — а их восемь — получается стройное созвучие. Около Сирен на равном от них расстоянии сидят, каждая на своем престоле, другие три существа — это Мойры, дочери Ананки: Лахесис, Клото и Атропос; они во всем белом, с венками на головах. В лад с голосами Сирен Лахесис воспевает прошлое, Клото — настоящее, Атропос — будущее. Время от времени Клото касается своей правой рукой наружного обода веретена, помогая его вращению, тогда как Атропос своей левой рукой делает то же самое с внутренними кругами, а Лахесис поочередно касается рукой того и другого.

Так вот, чуть только они пришли туда, они сразу же должны были подойти к Лахесис. Некий прорицатель расставил их по порядку, затем взял с колен Лахесис жребии и образчики жизней, взошел на высокий помост и сказал:

"Слово дочери Ананки, девы Лахесис. Однодневные души! Вот начало другого оборота, смертоносного для смертного рода. Не вас получит по жребию гений, а вы его себе изберете сами. Чей жребий будет первым, тот первым пусть выберет себе жизнь, неизбежно ему предстоящую. Добродетель не есть достояние кого-либо одного: почитая или не почитая ее, каждый приобщится к ней больше либо меньше. Это — вина избирающего: бог невиновен".

Сказав это, прорицатель бросил жребий в толпу, и каждый, кроме Эра, поднял тот жребий, который упал подле него: Эру же это не было дозволено. Всякому поднявшему стало ясно, какой он по счету при жеребьевке. После этого прорицатель разложил перед ними на земле образчики жизней в

количестве значительно большем, чем число присутствующих. Эти образчики были весьма различны — жизнь разных животных и все виды человеческой жизни. Среди них были даже тирании, пожизненные либо приходящие в упадок посреди жизни и кончающиеся бедностью, изгнанием и нищетой. Были тут и жизни людей, прославившихся своей наружностью, красотой, силой в состязаниях, а также родовитостью и доблестью своих предков. Соответственно была здесь и жизнь людей неприметных, а также жизнь женщин. Но это не определяло душевного склада, потому что душа непременно изменится, стоит лишь избрать другой образ жизни. Впрочем, тут были вперемежку богатство и бедность, болезнь и здоровье, а также промежуточные состояния.

Для человека <...> вся опасность заключена как раз здесь, и потому следует по возможности заботиться, чтобы каждый из нас, оставив без внимания остальные познания, стал бы исследователем и учеником в области этого, если он будет в состоянии его откуда-либо почерпнуть. Следует отыскать и того, кто дал бы ему способность и умение распознавать порядочный и дурной образ жизни, а из представляющихся возможностей всегда и везде выбирать лучшее. Учитывая, какое отношение к добродетельной жизни имеет все то, о чем шла сейчас речь, и сопоставляя это все между собой, человек должен понимать, что такое красота, если она соединена с бедностью или богатством, и в сочетании с каким состоянием души она творит зло или благо, а также что значит благородное или низкое происхождение, частная жизнь, государственные должности, мощь и слабость, восприимчивость и неспособность к учению. Природные свойства души в сочетании друг с другом и с некоторыми благоприобретенными качествами делают то, что из всех возможностей человек способен, считаясь с природой души, по размышлении произвести выбор: худшим он будет считать образ жизни, который ведет к тому, что душа становится несправедливее, а лучшим, когда она делается справедливее; все же остальное он оставит в стороне. Мы уже видели, что и при жизни, и после смерти это самый важный выбор для человека. В Аид надо отойти с этим твердым, как адамант, убеждением, чтобы и там тебя не ошеломило богатство и тому подобное зло и чтобы ты не стал тираном, такой и подобной ей деятельностью не причинил бы много непоправимого зла

и не испытал бы еще большего зла сам. В жизни всегда надо уметь выбирать средний путь, избегая крайностей — как, по возможности, в здешней, так и во всей последующей; в этом — высшее счастье для человека.

Да и вестник из того мира передавал, что прорицатель сказал тогда вот что: "Даже для того, кто приступит последним к выбору, имеется здесь приятная жизнь, совсем не плохая, если произвести выбор с умом и жить строго. Кто выбирает вначале, не будь невнимательным, а кто в конце, не отчаивайся!"

После этих слов прорицателя сразу же подошел тот, кому достался первый жребий: он взял себе жизнь могущественнейшего тирана. Из-за своего неразумия и ненасытности он произвел выбор, не поразмыслив, а там таилась роковая для него участь — пожирание собственных детей и другие всевозможные беды. Когда он потом, не торопясь, поразмыслил, он начал бить себя в грудь, горевать, что, делая свой выбор, не посчитался с предупреждением прорицателя, винил в этих бедах не себя, а судьбу, божества, все что угодно, кроме себя самого. Между тем он был из числа тех, кто явился с неба и прожил свою предшествовавшую жизнь при упорядоченном государственном строе; правда, эта его добродетель была всего лишь делом привычки, а не плодом философского размышления. Вообще говоря, немало тех, кто пришел с неба, попалось на этом, потому что они не были закалены в трудностях. А те, кто приходил с земли, производили выбор, не торопясь: ведь они и сами испытали всякие трудности, да и видели их на примере других людей. Поэтому, а также из-за случайностей жеребьевки для большинства душ наблюдается смена плохого и хорошего. Если же, приходя в здешнюю жизнь, человек здраво философствовал и при выборе ему выпал жребий не из последних, тогда, согласно вестям из того мира, он, скорее всего, будет счастлив не только здесь, но и путь его отсюда туда и обратно будет не подземным, тернистым, но ровным, небесным.

Стоило взглянуть, рассказывал Эр, на это зрелище, как разные души выбирали себе ту или иную жизнь. Смотреть на это было жалко, смешно и странно. Большей частью выбор соответствовал привычкам предшествовавшей жизни. Эр видел, как душа бывшего Орфея выбрала жизнь лебедя из-за ненависти к женскому полу: так как от них он претерпел смерть, его душа не пожелала родиться от женщины. Он видел и

душу Фамиры — она выбрала жизнь соловья. Видел он и лебедя, который предпочел выбрать жизнь человеческую; то же самое и другие мусические существа. Душа, имевшая двадцатый жребий, выбрала жизнь льва: это была душа Аякса, сына Теламона, она избегала стать человеком, памятуя об истории с присуждением доспехов. После него шла душа Агамемнона. Вследствие перенесенных страданий она тоже неприязненно относилась к человеческому роду и сменила свою жизнь на жизнь орла. Между тем выпал жребий душе Аталанты: заметив, каким великим почетом пользуется победитель на состязаниях, она не могла устоять и выбрала себе эту участь. После нее он видел, как душа Эпея, сына Панопея, входила в природу женщины, искусной в ремеслах. Где-то далеко, среди самых последних, он увидел душу Ферсита, этого всеобщего посмешища: она облачалась в обезьяну. Случайно самой последней из всех выпал жребий идти выбирать душе Одиссея. Она помнила прежние тяготы и, отбросив всякое честолюбие, долго бродила, разыскивая жизнь обыкновенного человека, далекого от дел; наконец она насилу нашла ее, где-то валявшуюся: все ведь ею пренебрегли, но душа Одиссея, чуть ее увидела, сразу же избрала себе, сказав, что то же самое она сделала бы и в том случае, если бы ей выпал первый жребий. Души разных зверей точно так же переходили в людей и друг в друга, несправедливые — в диких, а справедливые — в кротких; словом, происходили всевозможные смешения.

Так вот, когда все души выбрали себе ту или иную жизнь, они в порядке жребия стали подходить к Лахесис. Какого кто избрал себе гения, того она с ним и посылает как стража жизни и исполнителя сделанного выбора. Прежде всего этот страж ведет душу к Клото, под ее руку и под кругообороты вращающегося веретена: этим он утверждает участь, какую кто себе выбрал по жребию. После прикосновения к Клото он ведет душу к пряже Атропос, чем делает нити жизни уже неизменными.

Отсюда душа, не оборачиваясь, идет к престолу Ананки и сквозь него проникает. Когда и другие души проходят его насквозь, они все вместе в жару и страшный зной отправляются на равнину Леты, где нет ни деревьев, ни другой растительности. Уже под вечер они располагаются у реки Амелет, вода которой не может удержаться ни в каком сосуде. В меру все

должны были выпить этой воды, но кто не соблюдал благоразумия, те пили без меры, а кто ее пьет таким образом, тот все забывает. Когда они легли спать, то в самую полночь раздался гром и разразилось землетрясение. Внезапно их понесло оттуда вверх в разные стороны, к местам, где им суждено было родиться, и они рассыпались по небу, как звезды. Эру же не было дозволено испить этой воды. Он не знает, где и каким образом душа его вернулась в тело. Внезапно очнувшись на рассвете, он увидел себя на костре.

Комментарии к видению Эра

Этот текст со всей определенностью относится к жанру апокалипсиса, поэтому прежде всего мы рассмотрим техническую сторону его происхождения. Свое видение Эр переживает в трансе, в который он погрузился, по видимости, случайно: будучи ранен в бою, он теряет сознание и оказывается на грани смерти. Иными словами, он получает откровение случайно, а не по зову богов и не в результате целенаправленных действий. Впрочем, позднее грань между случайностью и божественным призванием размывается: в видении Эру сообщают, что именно его из всех воинов, сражавшихся в тот день, выбрали на роль вестника, который должен передать людям обретенное знание.

Далее немаловажно, что платоновская трехчастная схема загробного мира организована вертикально: вверху находится все доброе и великое, внизу — дурное и малое. Три уровня, на которые подразделяется загробный мир в видении Эра, с обманчивой легкостью ассоциируются с теми, которые в нашей культуре именуются небесами, землей и адом. В этом отношении платоновская схема разительно отличается от более древних греческих представлений о посмертии, согласно которым в подземный мир отправлялись все души умерших — и праведные, и нечестивые. Важную роль в эсхатологии Платона играют также принципы наказания и вознаграждения, сопоставимые с орфической идеей искупления. Примечательно, что место, которое присуждается душе в платоновском загробном мире, не зависит от посвятительного знания: от моральной ответственности за свои поступки не освобождается никто.

Отступление Платона от архаической модели загробной жизни, совпавшее по времени с более масштабными

культурными изменениями, можно рассматривать как своего рода поворотную точку. В дальнейшем и вплоть до самого позднего периода греко-римской культуры разрыв между новыми и старыми представлениями о посмертии продолжал расширяться. В частности, загробный мир по большей части или даже полностью переместился на небеса. Во многих случаях это означало, что топография Аида — со всеми его реками, Островами блаженных и прочими важными локациями — прямо или по умолчанию переносилась или проецировалась на небо. Этот процесс, тесно связанный с вавилонским астрологическим учением, сыграл решающую роль в развитии западной магии. Многие и многие элементы западной магии в том виде, в каком мы ее знаем, сложились под непосредственным влиянием этих событий, и это станет очевидно, если их перечислить. Но для начала нам следует рассмотреть основные особенности того контекста, в котором эти элементы зародились и начали развиваться.

Уже в платоновском мифе луга асфоделей размещаются в воздушном пространстве поднебесья, тогда как Тартар остается под землей. Впоследствии этот мотив получил развитие: например, у Плутарха река Стикс течет вверх от Земли к Луне, а луга асфоделей переносятся в область между Землей и Луной — светилом, играющим исключительно важную роль в эсхатологии Плутарха:

> ...всякой душе, имеющей ум или лишенной ума, суждено по выходе из тела блуждать в области между Землей и Луной, но не одинаковое время. Неправедные и невоздержанные души отбывают наказания за неправды, а праведные должны пребывать некоторое положенное время в наиболее мягкой части воздуха, которую называют лугами Аида, сколько нужно для очищения и отвеяния, как дурного запаха, связанных с телом скверн[1].

Любопытно, что Платон называет гоэтов «потомками Селены»[2], так что ассоциации между умершими и Луной могли возникнуть и раньше, чем сейчас полагают. Но, так или

1 Плутарх, «О лике, видимом на диске Луны», здесь и далее цитируется в пер. Г. Иванова.

2 Платон, «Государство», II.364e.

иначе, в различных религиозных течениях поздней античности загробные сферы перемещаются еще дальше от Земли. Под влиянием астрологических идей, почерпнутых из халдейских и более поздних иудейских источников, семь планетных божеств, от которых в столь значительной степени зависели человеческие судьбы, превратились в гностических архонтов, враждебных человеку. Впрочем, прообразами архонтов могли послужить не планеты, а семь пагубных звезд, о которых повествуют вавилонские астральные мифы. В гностическом учении архонты оказывали дурное влияние на души, нисходящие через их сферы для воплощения на Земле, и препятствовали тем же душам, когда после смерти они пытались вернуться в более высокие области. С другой стороны, сходство между «дикими людьми с огненным обличьем» из «Видения Эра» и христианскими демонами носит сугубо внешний характер: нигде не утверждается, что сами эти «дикие люди» прокляты и служат злу. Но уже в мифологии Плутарха, со всей определенностью переносящего Аид в небесные сферы, обнаруживается более развитая демонология. В ходе своей эволюции язык греческого мифа подчас вбирал в себя наиболее пессимистические астрологические идеи, и наглядным тому примером служат негативные представления о планетных богах, или ангелах, породившие гностическую концепцию архонтов.

Не исключено, что в рамках этой новой модели именно Плутарх первым соотнес планеты с эсхатологическими событиями. В его трактате «Почему божество медлит с воздаянием» (как и в платоновском «Горгии») пороки душ, нисходящих в воплощение, «коверкают тело». Не ограничиваясь этим общим замечанием, Плутарх (испытавший сильное влияние народной традиции и этим для нас особенно полезный) идет дальше: он связывает каждый из пороков с определенным цветом, в точности следуя герметическим астрологическим соответствиям, принятым в тот период. Так скупость, порок Сатурна, придает душе черную и грязную окраску; зависть, порок Юпитера, — лиловую; свирепость и кровожадность, пороки Марса, — красную, и так далее. И несмотря на то, что прямых указаний на астрологический характер этих соответствий в тексте не дается, происхождение их не вызывает сомнений. Таким образом, системная астрологическая эсхатология, достигшая расцвета во II веке н. э., впервые нашла свое выражение в трудах Плутарха.

Однако истоки этого подхода следует искать в гораздо более отдаленном прошлом — даже не у Платона, а у Гераклита, который полагал, что душа есть «искра звездной природы». Для ионийских философов теория звездного происхождения души была фактически общим местом. Дуалистический элемент в эту концепцию первым принес также не Платон, а Эмпедокл. Однако именно у Платона со всей отчетливостью впервые выражена идея о том, что физическое тело — это темница души, а перевоплощения необходимы для того, чтобы преодолеть материальные препятствия на возвратном пути к созерцанию Божественной Красоты в наивысшей из сфер мироздания. В эллинистической астрологии к III веку до н. э. также набрало популярность учение о взаимосвязи между планетными сферами и человеческой судьбой. И здесь, так же как и у Платона, важную роль играли олицетворения астральных сил: подобно платоновским Мойрам, Ананке, судьям и Сиренам, астрологические деканаты, планеты, арабские части, градусы и так далее понимались как персонифицированные разумные сущности. Более того, астрология сама по себе считалась в буквальном смысле божественной наукой, дарующей визионерские откровения о судьбах. В иудейских апокалиптических текстах, таких, например, как Книга Еноха, наблюдается схожее явление: календарные и астрологические тайны открываются визионеру в ходе духовного путешествия.

В самом общем виде эти перемены в религиозной и философской мысли повлекли за собой два последствия, весьма влиятельные и получившие широкое распространение. С одной стороны, хтонические божества, прежде всего Персефона и Кибела, приобрели функции небесных, а с другой — небесным божествам (планетным и не только) стали приписывать демонические качества, и этой участи не избежал даже сам Творец, Демиург. Ярче всего эти метаморфозы отразились в некоторых гностических движениях, творчески перетолковавших Книгу Бытия и превративших ветхозаветного Бога в демонического предводителя злобных архонтов, где последние эквивалентны архангелам традиционных систем. Однако следует понимать, что вышеизложенные идеи находили выражение не только в гностицизме и далеко не всегда опирались на иудейские источники. Следы их влияния заметны и в магических папирусах, и во многих философских теориях поздней античности.

У Платона Острова блаженных были перенесены в некую неопределенную область небес, но в трудах неоплатоников они получают более точную локализацию. Ямвлих (ум. в 330 н. э.), глава сирийской неоплатонической школы, приводит приписываемое пифагорейцам изречение, в котором Острова блаженных помещаются на Солнце и Луне. Возможно, это уже поздний, итоговый вариант, но если так, то Плутарх (ум. в 140 до н. э.) задолго предвосхитил его, когда живописал в подробностях эсхатологический лунный ландшафт и одновременно продемонстрировал процесс переноса хтонических божеств в небесные сферы:

> ...на Луне есть углубления и выемки. Наибольшую из них называют «укрытие Гекаты». Там наказуемые души требуют и получают воздаяние за то, что они претерпели или совершили...[1]

Выстраивая свою схему загробного мира, Плутарх сознательно опирается на платоновскую концепцию: Луна — это промежуточная область между Землей и более высокими сферами планет и неподвижных звезд. Плутарх снабжает ее двумя вратами — верхними и нижними:

> А два длинных [углубления] называются Вратами, ибо через них души переправляются то на сторону Луны, обращенную к небу, то опять на сторону, обращенную к Земле. Обращенная к небу сторона Луны называется Елисейскими полями, а обращенная сюда — противоземной Персефоной[2].

Более высокие миры населены богами и их прислужниками, но Луна мыслится как обитель «земных демонов», то есть душ умерших. Само определение «земной» в этом контексте кажется неуместным и свидетельствует о том, что терминология не поспевала за развитием идей. Эти демоны, они же души умерших, составляют чрезвычайно важную категорию. Представление о подлунном мире как области между Луной

1 Плутарх, «О лике, видимом на диске Луны».

2 Там же.

и Землей, населенной духами или демонами, сохранялось в европейской традиции на протяжении многих веков, но при этом было попросту забыто, что эти духи в большинстве своем когда-то были людьми. Под именем «воздушных демонов» они встречаются и у Агриппы, и во многих демонологических трактатах. В христианском неоплатонизме их, разумеется, отличают от ангелов, обитающих в более высоких сферах. Вообще, в большинстве поздних трактовок эти подлунные духи утратили не только тождество с душами умерших, но и практически все свои положительные черты. Но у Плутарха некоторые из «земных демонов», населяющих Луну, — определенно благие сущности, и, описывая их, он упоминает несколько имен, представляющих для нас особый интерес:

> Однако демоны не вечно пребывают на Луне. Они нисходят и сюда для заведывания оракулами, соприсутствуют и соучаствуют в высочайших таинствах, являются карателями неправд и блюстителями правды, охранителями в войнах и светочами в море. Если в этих действиях они действуют несправедливо — из-за гнева, за неправедное приношение или из зависти — то несут наказания: низвергаются снова на Землю, заключаемые в человеческие тела. К тем, лучшим демонам принадлежат, по собственному их заявлению, те, что окружают Кроноса, а ранее принадлежали: на Крите — идейские дактили, во Фригии — корибанты, в Удоре — беотийские трофониады и тысячи других в разных частях обитаемой земли...[1]

Разумеется, мы не вправе утверждать, что народные верования, распространенные в древнем мире, полностью совпадали с теориями Плутарха или Платона. Но, безусловно, должны были существовать некие народные варианты этих теорий. В сущности, народные представления о загробном мире повлияли на Плутарха не меньше, чем концепция Платона, и в своих трактатах он продемонстрировал и структурировал многие поверья, известные ему из первых рук. Но, с другой стороны, недооценивать влияние Платона и его учеников на образованных греков и римлян позднего периода тоже не следует. В эпоху

1 Там же.

эллинизма, без сомнения, был весьма популярен так называемый «низкий» платонизм. Его влияние обнаруживается и в различных гностических текстах, и в магических папирусах, содержащих образцы «низкого» герметизма. Применительно к гримуарам «низкий» неоплатонизм характерен для того круга магических трактатов, который для удобства можно определить как «школу Агриппы» (впрочем, чтобы разглядеть в этих трактатах неоплатонические идеи, следует вначале пробиться через пласт тупиковых интерпретаций, накопившихся в XIX веке из-за чрезмерного увлечения каббалистическими элементами в составе «Оккультной философии»). Например, вышеприведенная цитата поражает своим сходством с теориями графа де Габалиса, которые я рассматриваю в своем «Истинном гримуаре». А граф де Габалис был современником многих рукописных и печатных гримуаров и оказал на них значительное влияние.

Еще один деятель, сыгравший важную роль в деле перенесения загробного мира на небеса, — Гераклид Понтийский (р. ок. 388/373 до н. э.), который в прошлом считался первопроходцем в этой области. Любопытно, что этот философ-маг был родом из Гераклеи — города, где располагался знаменитый некромантический оракул. По примеру многих других гоэтов он приписывал себе божественное происхождение и почитал некоторых уже известных нам персонажей, обожествленных после смерти. О Гераклиде ходили насмешливые рассказы, в которых он предстает практикующим гоэтом, завещавшим доверенному человеку инсценировать его посмертное вознесение на небеса. В рассказе Диогена Лаэртского об этих событиях фигурирует змея, наводящая на мысли о культовых практиках, связанных с воплощенными божествами, такими как Гликон[1]. В числе сочинений Гераклида — трактаты о знаменитом прорицателе Абарисе, о каталепсии и «О том, что в Аиде». Ни один из его трудов до нас не дошел. Известно, что в своих философских работах Гераклид рассуждал от лица вымышленного персонажа Эмпедотима, чье имя составлено из имен «Эмпедокл» и «Гермотим».

Эмпедотиму, своему альтер-эго, Гераклид приписывает, в частности, видение небесного загробного мира, топография которого отличается от общепринятой. Платоновские

1 Гликон — воплощение бога Асклепия. Изображался в виде змея с головой льва; почитался в Римской империи во II—III вв. н. э.

«расселины», ведущие из места загробного суда в верхний и нижний миры, у Гераклида и других авторов превращаются в настоящие врата, имеющие вполне определенное местоположение на небе. Из дошедших до нас фрагментов известно, где именно располагал их Гераклид. Главные врата — Врата Геракла — вели в царство богов и, как ни странно, помещались в созвездии Скорпиона. Вторые врата Гераклид разместил между созвездиями Льва и Рака, а третьи — между Водолеем и Рыбами. Это несомненное новшество: у Платона «расселины» были двойными, но вели не в трех направлениях, а только в двух. Что еще важнее, версия Гераклида расходится с утвердившейся позднее концепцией двух врат, начало которой, вероятно, положил Нумений. Возможно, хотя и маловероятно, что свои третьи врата Гераклид соотносил с единственным оставшимся путем, упомянутым в «Видении Эра». Этот путь ведет обратно к выходу из пещеры, в которой разворачиваются события видения.

Более известная астрологическая теория гласила, что на небесах существует двое врат, и располагались они не в тех местах, что у Гераклида. Врата богов находились в Козероге, Врата людей — в Раке. Проходя через эти врата, души поднимались в высшие сферы или нисходили в воплощение. Важную роль в этой теории играл тот факт, что Млечный Путь пересекался с поясом зодиака именно в знаках Рака и Козерога (напомним, что данные представления складывались в эпоху, когда границы знаков зодиака приблизительно совпадали с границами одноименных созвездий). Гераклид писал о Млечном Пути как о Дороге Душ, ведущей через Небесный Аид. Схожим образом зодиак в магических папирусах именуется Путем Процессий. И зодиак, и Млечный Путь мыслились как дороги душ, причем зодиак, разумеется, был еще и дорогой Солнца, Луны и пяти планет. Кстати говоря, многие авторы (как, например, Ферекид) стали отмечать качественные различия между дневным и ночным светилами, с одной стороны, и планетами — с другой. Пять планет нередко ассоциировались со злыми архонтами, а Солнце и Луна, как правило, считались благотворными именно в силу того, что давали яркий свет. В манихейской мифологии к числу злотворных планет добавлялись лунные узлы, благодаря чему восстанавливалась классическая семерица.

Тема небесного Аида в тех или иных вариациях приобрела огромную популярность. Философами и магами, гностиками и посвященными мистериальных школ завладел творческий зуд. Центральное место в новой концепции загробного мира занимали имена астрологических стражей и маршруты, ведущие через небесный Аид, а также связанные с ними печати и знаки. Знание этих тайн наделяло мага великим могуществом и обеспечивало посвященному привилегированное положение после смерти. По поводу того, признавалась ли возможность мистического вознесения души еще при жизни, ничего определенного утверждать нельзя. Некоторые исследователи предполагают, что такую возможность допускали посвященные культов Митры и Кибелы, но твердых доказательств этому нет. С другой стороны, методы многих гоэтов (таких, например, как Эмпедокл) ясно свидетельствуют о том, что маги нередко ставили своей целью самообожествление. Однако и в этом случае божественный статус полностью обретался лишь посмертно, хотя некоторые способности, присущие богам, могли, согласно преданиям, проявляться уже при жизни. Так или иначе, видения, открывавшиеся этим магам и мистикам, и чудотворные силы, которыми они владели, со всей определенностью предвосхищали превращение в божество.

Итак, Солнце и Луна стали отождествляться с Островами блаженных, а также с самими владыками небесного Аида: Луну соотнесли с Персефоной, а Солнце — с Диспатером. Эти отождествления просты и прямолинейны, несмотря на то, что привязка подземных богов к небесным светилам может показаться странной с точки зрения традиционной мифологии. Но что можно сказать о Вратах душ в Раке и Козероге? Несомненно, эти два зодиакальных знака тоже ассоциировались с Солнцем и Луной, но этого мало. Если мы обратимся не к астрологической системе планет-управителей, а к орфической системе соответствий между знаками и олимпийскими божествами, то увидим, что Раком управляет Гермес-душеводитель. Это очевидным образом согласуется со смыслом Врат, расположенных в Раке. Гермес провожает души на пути к воплощению или, если следовать Платону и более ранним мифологическим представлениям, ведет их в Аид. Но кто же в таком случае провожает души в царство богов?

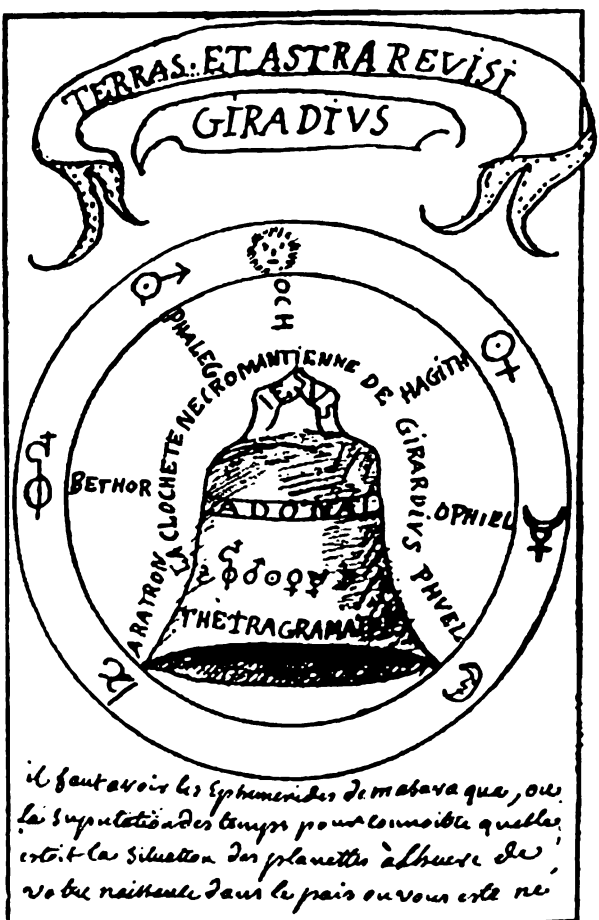
В орфической системе знаку Козерога соответствует богиня Гестия, что представляется вполне резонным, но в данном

случае бесполезным. Однако известно, что на одном из этапов развития мифологии Гестия уступила свое место на Олимпе Дионису. И если принять это во внимание, то покровителем душ, переходящих в царство богов, окажется Дионис. Такая интерпретация кажется вполне аутентичной в том смысле, что орфики и прочие маги наверняка бы ее одобрили. Тем более, что в мифологии тому имеется прецедент — сюжет о том, как Дионис спасает из подземного царства свою мать Семелу и вводит ее в круг богов.

Перенос загробного мира из-под земли на небо повлек за собой масштабные изменения в классификации богов, ангелов и прочих бессмертных сущностей, как небесных, так и хтонических. Прежние объекты поклонения демонизировались (как в случае с ветхозаветным Богом и ангелами в гностическом учении), а к тем, кого когда-то перевели из категории богов в разряд низших демонов, возвращалась былая слава (как это произошло с Тифоном-Сетом в солярных культах и в магии). Кроме того, различные божества и духи перемещались из одних областей в другие, не меняя своего статуса. Некоторым из тех, кого затронули вышеописанные изменения (как, например, тому же ветхозаветному Богу), в дальнейшем удавалось избавиться от новых личин, причем довольно быстро (если не принимать во внимание отдельные формы дуализма, бытовавшие в Средние века). В других случаях изменившийся статус закреплялся и сохранялся на протяжении многих столетий и вплоть до наших дней. Но из хтонических богов почти никому не удалось сохранить свою небесную ипостась, несмотря на то, что некоторые из них, как, например, Дионис и Персефона, пользовались большой популярностью. В рамках вертикальной модели, заданной еще Платоном, и в контексте исторической тенденции к отделению верховного божества от материального мира, это, скорее всего, было неизбежно. Упомянутое отделение, которое монотеистическая теология иногда объявляет венцом своих достижений, с другой точки зрения стало одной из самых серьезных доктринальных катастроф за всю историю человечества.

Когда какая-либо идея распространяется достаточно широко, непременно возникают те или иные различия в ее понимании и применении. Возникли они и на этот раз, и в данном случае некоторые формы и вариации для нас представляют больший

интерес, чем другие. Поэтому мы оставим в покое и злых планетных духов вавилонской традиции, и гностических архонтов, приняв, однако, к сведению тот факт, что демонизировать могли не только языческих богов, но и ангелов. В особенности это касается архангела Михаила, который в своих предыдущих «воплощениях» обладал ярко выраженными хтоническими чертами. Не будем об этом забывать, чтобы не утратить гибкости подхода, но вернемся, наконец, к нашей основной теме.



Некромантический колокол Герардия

Основной тезис, который я хочу выдвинуть в связи с вышеописанными переменами, заключается в следующем: несмотря на то, что подземная топография последовательно перемещалась на небесную карту, заимствованную, главным образом, из астрологии, на протяжении всего этого периода в центре внимания магов оставались души умерших и загробная жизнь. Иными словами, вопреки всем поверхностным изменениям, западная магия в основе своей была и остается гоэтической. Вся магическая работа с сущностями, соответствующими планетам, звездам и знакам зодиака, покоится на прочном некромантическом фундаменте.

О том, насколько устойчиво сохранялись связи между астрологической тематикой и вызыванием мертвых, свидетельствует один любопытный некромантический ритуал XVI века. В этом ритуале (описанном в «Книжице бедной Лючии об удивительных тайнах природы», 1730) используется магический колокол под названием «некромантический колокол Герардия».

В нижней части колокола выгравировано имя «Тетраграмматон», в средней части — «Адонаи», а на рукоятке — «Иисус». Между первыми двумя именами располагаются символы семи планет: Сатурна, Юпитера, Марса, Солнца, Венеры, Меркурия и Луны. Для отливки такого колокола предписано использовать одну из разновидностей «магического электрона» — сплав золота, меди, фиксированной ртути, железа, олова и серебра (свинец не используется). Отливать его следует в такое время, когда аспекты планет (вероятно, в прогрессиях или в транзитах к натальной карте) благоприятствуют оператору. Дату отливки надлежит выгравировать внутри колокола. Готовое орудие следует хранить завернутым в зеленую ткань. Оператор должен выбрать подходящее время, положить колокол в могилу и оставить там на неделю, а неделя, разумеется, состоит из семи дней, соответствующих семи планетам. Схожие ритуалы с помещением тех или иных предметов в могилы описываются в магических папирусах. Таким способом и, вероятно, задействуя ассоциации с призывным звоном колокола, маг призывает на помощь духа (магического помощника, или паредра).

Иллюстрации к рукописной «Книжице бедной Лючии» поражают воображение. На одной из них оператор с колоколом предстает в античном облачении — в сандалиях, тунике и тоге, скрепленной на одном плече. Должно быть, это и есть сам Герардий. Левой рукой он поднимает колокол со столика, а в правой держит свиток, на котором изображены символы планет. На другой иллюстрации колокол изображен во всех подробностях и заключен в магический круг с теми же символами планет и соответствующими сигилами семерых олимпийских духов: Аратрона, Бетора, Фалега, Оха, Хагиэля, Офиэля и Фула.

Ананка

Описание загробного мира в видении Эра содержит немало новых и подчас неожиданных особенностей, однако действующие лица остаются традиционными. Суд над умершими вершится на лугу, прообразом которого, несомненно, послужили Аидовы луга асфоделей, а судьями выступают, по всей

очевидности, Минос, Эак и Радамант. Ананка, Мойры и Сирены также известны по более ранним мифам, и настало время рассмотреть их функции вне платоновского контекста.

Ананка, тождественная римской богине Нецесситате, — это высшее олицетворение судьбы, непреклонного рока, которому не в силах противиться даже боги, а также моральных обязательств в наивысшем возможном смысле. Ее имя означает «необходимость», или «неизбежность». По своим функциям она естественным образом связана с Тихой — богиней удачи. В оде Горация I.35, обращенной к аналогичной римской богине Фортуне, утверждается, что последней всегда сопутствует Нецесситата-Неизбежность, несущая в бронзовой руке гвозди, которыми скрепляются веления судьбы. Храм Ананки в Коринфе считался настолько священным, что входить в него дозволялось только ее жрецам. Это нужно будет иметь в виду, когда позднее мы обратимся к рассмотрению коринфских традиций.

В народных верованиях Ананка со временем превратилась в богиню смерти, чем отчасти может объясняться та важная роль, которую она играет в магических папирусах (см., например, PGM IV.605, а также 669, где появляются Семь Судеб, отождествляемые с Семью Хатхор, и 680—681, где идет речь о ступице мироздания). В PGM III.120 Ананка упоминается в заклинании, которое интересно еще и тем, что к богу солнца Гелиосу в нем обращаются по имени одного из дактилей и придают ему эпитет «Хтоний». Обращения к богине Неизбежности встречаются также в PGM VII.302—304, XXXVI.342—349 и других фрагментах. Более того, именно с ней часто ассоциируют одну из самых важных устных и письменных формул, встречающихся в магических папирусах, — знаменитую «формулу Маскели-Маскелло»: MASKELLI MASKELLÓ PHBOUKENTABAÓ OREOBAZAGRA RHÉXICCHTHÓN HIPPOCHTHÓN PYRIPÉGANYX. И, наконец, наряду с Аидонеем (Аидом), Персефоной, Гекатой, Гефестом, Сераписом, Эриниями и т. д. Ананка фигурирует в таблице Остана в списках божеств, связанных с деканатами (см. книгу 4).

В орфической традиции Ананка — дочь Кроноса и наряду со своей дочерью Адрастеей пестунья Зевса. По другой, более традиционной версии, Адрастея, которую также называли Немезидой, или Немезидой-Адрастеей, была дочерью

Ночи. Самый знаменитый из ее храмов находился в аттическом городе Рамне, в связи с чем она получила эпитет «Рамнузия». В древнейшие времена считалось, что Адрастея распределяет по жребию счастье и несчастье среди смертных и, дабы восстановить справедливость, посылает страдания тем, кому выпал слишком счастливый жребий. В более поздний период она сблизилась по функциям с Эриниями, превратившись в богиню возмездия, карающую преступников. Тесно связанная с подземным миром, эта богиня отвечала за возмездие и вознаграждение и властвовала не только над живыми, но и над мертвыми, защищая их останки и доброе имя. Ее собственное имя схоже с именем смертного героя Адраста, и это не случайность: Адраст возвел в окрестностях Трои храм Немезиды с оракулом Аполлона. Такое же имя носил злосчастный фригийский царевич-изгнанник, который был принят при дворе царя Креза и нечаянно убил его сына Атиса.

Мойры

Перенося традиционных персонажей и географию загробного мира в небесные сферы, Плутарх поставил Мойр в соответствие трем главным небесным телам геоцентрической астрологии: Солнцу, Луне и Земле:

> Атропос, помещенная на Солнце, дает начало рождению, Клото, носящаяся на Луне, соединяет и связывает, а последняя, Лахесис, относится к Земле, имея наибольшее значение для участи человека[1].

Римляне называли греческих Мойр Парками, или Фатами. Слово «мойра» в буквальном переводе означает «доля», «часть»; таким образом, эти богини назначают каждому человеку его долю, удел, или судьбу. У Гомера фигурирует Судьба-Мойра в единственном числе. Когда рождается человек, она начинает прясть нить его индивидуальной жизни; и она же наблюдает за ходом жизни человека, назначая (согласно советам богов) те или иные последствия его дурным и добрым поступкам. У Гесиода Мойры еще безымянны, но уже более конкретны: он называет

1 Плутарх, «О лике, видимом на диске Луны».

их дочерьми Эреба и Ночи и сестрами Смерти и зловещих Кер. В более традиционных родословных олимпийского периода Мойры предстают как дочери Зевса и Фемиды и получают имена: Клото, Лахесис и Атропос. Первая прядет нить судьбы, вторая назначает жребий, а третья олицетворяет неумолимый рок.

Другие авторы утверждают, что Мойры родились от Эреба или Крона и Ночи, от Геи и Океана или даже от Ананки. Некоторые полагали, что Мойры не подчиняются никому, кроме Зевса, но очевидно, что это лишь промежуточная стадия развития религиозной мысли. И в более поздний период, и в более ранний считалось, что Мойрам подвластны все живые существа и противиться их воле не может никто, не исключая и богов (и даже самого Зевса). Иногда триаду Мойр связывали с Персефоной, называя их (как их Сирен) ее прислужницами. В целом неудивительно, что Персефона часто спорила с Атропос за право обрезать нить человеческой жизни: ведь, по существу, обе они — богини смерти.

Впрочем, Мойры властвуют не только над смертью, но и над жизнью и рождением; они выпрядают нить жизни каждого новорожденного и предсказывают его участь. Нередко их изображали служанками Аида, сидящими у его ног. Но известны и другие изображения, согласующиеся с платоновским мифом, на которых Мойры восседают среди небесных сфер на сияющих тронах, увенчанные венцами и облаченные в звездные одежды.

Клото, младшая из трех и властвующая над рождением, держит в руке свиток (книгу судьбы) или ручную прялку, на которой прядет нить жизни; некоторые говорили, что высотой эта прялка от земли до неба. Клото облачена в пестрые одежды и увенчана короной из семи звезд. Лахесис властвует над будущим человека, которое начинает разворачиваться с момента рождения. Ее облачение усыпано звездами, в руках веретено или посох, указывающий на шар, а вокруг рассыпано множество веретен. Атропос, старшая из трех, считалась неумолимой и неприступной; лицо ее скрыто черным покрывалом, в руках она держит весы, солнечные часы или ножницы, которыми перерезает нить жизни, а вокруг нее рассыпано множество нитей разной длины, символизирующих различные жизни.

Павсаний приводит интересный вариант, согласно которому Мойры носили другие имена: старшая из них — Афродита Урания, властвующая над рождением человека, вторая — Тиха,

а третья — Илифия. Согласно господствующей традиции, Илифия (первоначально, возможно, критская богиня) была покровительницей деторождения и в этом качестве ассоциировалась с Герой и Артемидой; она могла сокращать или продлевать муки родов.

Тюхе и Фортуна

Тюхе — греческая богиня случая или удачи, соответствующая римской Фортуне. Ее изображения, встречающиеся в различных областях греческого и римского мира, весьма познавательны. Например, в Беотии с ее сельским традиционализмом богине удачи, по-видимому, придавали большее значение, чем в некоторых других местностях: здесь она предстает с Полярной звездой над головой и с Плутосом, богом богатства, на руках. Предполагали, что за этим стоит вера в удачу как источник богатства и почестей, но ввиду того, что богини судьбы ассоциировались с Персефоной, более вероятным представляется, что подобные изображения указывают на причастность Тюхе к мистериям. Главное италийское святилище этой богини находилось в городе Антий, и сюда стекались дары и подношения из всех областей Италии. Как защитница городов (наряду с Гекатой и Кибелой) Тюхе носила эпитет «Фереполис». В этой роли она тесно связывалась с Герой и зачастую изображалась в зубчатой короне (*corona muralis*). Еще один эпитет, «Акрея», эта богиня получила в связи со своим коринфским храмом, стоявшим на мысе (др.-греч. ἄκρον). Там же располагалось святилище Геры, которая, соответственно, тоже именовалась Акреей.

Римское имя Тюхе, «Фортуна», произошло от астрологического термина «часть Фортуны», или «жребий Фортуны» (*Pars Fortuna*). Точка гороскопа, носящая это название, отождествлялась со жребиями, которые выбирают себе души в платоновском «Видении Эра». В эллинистической астрологии выделялось семь главных жребиев, связанных с семью планетами. Они обозначали благоприятные или дурные влияния, которым душа человека подверглась при нисхождении на Землю через планетные сферы. И самым важным из них считался жребий, соответствующий Луне, — жребий Фортуны. На рассвете жребий Фортуны всегда находится в соединении с Луной, так что Тюхе играла важную роль в определении подходящего времени

для многих магических операций. И ввиду характера этой богини мы можем утверждать, что пессимистическая установка, речь о которой шла выше, была и остается не единственной из возможных подходов к астрологии. В синкретической религии эпохи эллинизма Тюхе отождествлялась с Исидой и как Исида-Тюхе или Исида-Фортуна олицетворяла не столько неумолимую судьбу, сколько способность извлекать пользу из предвидения. Кроме того, жребии с древнейших времен ассоциировались с гаданием: по жребию гадала Кумская сивилла, жребиями пользовались и жрецы древнего и уважаемого храма Фортуны в Пренесте (см. книгу 6).

К числу важнейших символов Фортуны относятся колесо (стилизованным изображением которого служит астрологический символ жребия Фортуны — крест, вписанный в круг) и руль или нос корабля. В одном только Риме было не менее шести святилищ Фортуны в различных ее ипостасях. А обличий у нее и впрямь имелось великое множество: Фортуна Мулиэбрис (Женская) и Фортуна Вирилис (Мужская), Фортуна Эквестрис (Фортуна Всадника), Фортуна Мала (Злая), Фортуна Феликс (Счастливая), Фортуна Вирго (Фортуна Девственницы) и так далее.

1 апреля Древнем Риме отмечали праздник Венеры, по случаю которого италийские вдовы и женщины брачного возраста собирались в храмах Фортуны Вирилис. В честь этой богини совершали обряд: женщины возжигали благовония, раздевались донага и молили богиню скрыть все их недостатки от глаз женихов и поклонников. Это разновидность любовной магии, однако здесь налицо удивительное сходство с одной коринфской легендой, связанной с вышеупомянутым храмом Геры. Но подробнее об этом мы поговорим в книге 5.

Парки

Римские Парки — точный эквивалент греческих Мойр; и здесь опять-таки Парка изначально почиталась как богиня рождения, а ее сестры — Нона и Децима — как покровительницы девятого и десятого месяцев после зачатия. Но позднее эти три сестры были отождествлены с Мойрами и собственное имя «Парка» превратилось в собирательное. Нона стала покровительницей рождения, Децима — распределительницей жребиев,

а третья сестра, получившая имя «Морта», — владычицей смерти. Обычно их изображали в облике трех старух в белых одеждах и в шерстяных головных повязках, оплетенных цветами нарцисса. Парок называли также Фатами — от латинского слова *fatum*, которое означает «изреченное веление небес».

Несмотря на то, что Мойры и Парки считались неприступными и неумолимыми, в Греции и Риме им повсеместно поклонялись в храмах и воздавали божественные почести. В жертву Мойрам, так же как и Эриниям, ежегодно приносили черную овцу; жрецы, совершавшие этот обряд, украшали себя цветочными гирляндами. Гигин утверждает, что Мойры изобрели пять букв греческого алфавита — буквы Альфа, Бета, Эта, Тау и Ипсилон (Aa, Bb, Hh, Tt, Uu). Именно с этим, вне сомнения, связано предание о Мойрах как небесных писцах и хранительницах летописей судьбы.

Действующие лица: итоги

Последние из главных персонажей «Видения Эра» — Сирены и судьи загробного мира. Судьям была посвящена одна из предыдущих глав, а подробный рассказ о Сиренах нам еще предстоит. Тем не менее, некоторые представления о Сиренах важны именно в контексте платоновского мифа. Прежде всего, это их связь с музыкой сфер — понятием, которое обычно считают пифагорейским и которое Платон использует в своем повествовании. В этом качестве Сирены, вне всякого сомнения, предстают как благие божества. Они не имеют ничего общего с архонтами — злыми властителями планетных сфер, напротив, они исполняют в космогонической системе полезную и даже прекрасную роль. Сирены — служанки Персефоны, которая в платоновском мифе не упоминается, но занимает важное место в повествованиях о загробной жизни у Плутарха и многих других авторов. Таким образом, их появление в «Видении Эра» совершенно естественно и основано на древней традиции. Интересно, что Агриппа заменяет платоновских Сирен — правительниц планетных сфер — девятью Музами, которых он соотноит с семью традиционными планетами, сферой неподвижных звезд и Перводвигателем («Оккультная философия», III:XLVI).

Хотя Платон возвел Сирен на небеса, в более позднюю эпоху, очевидно, возобладали негативные ассоциации, связанные

с ними в мифах. О том, что Агриппа испытал влияние орфической теологии, свидетельствует глава II:LVII его «Оккультной философии», где каждой из планетных сфер неоплатонизма ставится в соответствие муже-женская пара: одна из ипостасей Диониса (Вакха) и одна из Муз.

Орфические соответствия

Сфера	Ипостась Вакха	Муза
Перводвигатель	Крибоний[1]	Каллиопа
Неподвижные звезды	Пикионий[2]	Урания
Сатурн	Амфиет[3]	Полигимния
Юпитер	Сабазий[4]	Терпсихора
Марс	Бассарей[5]	Клио
Солнце	Триетерик[6]	Мельпомена
Венера	Лисий[7]	Эрато
Меркурий	Силен[8]	Эвтерпа
Луна	Лиэй[9]	Талия

1 «Просеивающий» (лат.); возможно, синоним Диониса Ликнита (от liknon — «корзина с плодами»), покровителя первых плодов урожая. Ликниту посвящен орфический гимн XLVI.

2 Возможно, искаженное «Перикионий» («Окруженный колоннами») — эпитет Диониса, наславшего землетрясение на дворец Кадма, где царствовал Пенфей. Дионису Перикионию посвящен орфический гимн XLVII.

3 «Обоелетний», эпитет Диониса, праздник которому справлялся каждый год (т. е. в оба года между празднествами Диониса Триетерика, справлявшимися раз в три года). Амфиету посвящен орфический гимн LIII.

4 Фригийско-лидийское божество, отождествлявшееся с Дионисом Загреем (сыном Персефоны и Зевса, с которой он сочетался в облике змея). Сабазию посвящен орфический гимн XLVIII.

5 Эпитет Диониса, происходящий от слова «бассара» (по-фракийски «лиса»), — названия длинной одежды, в которую облачались спутницы бога, менады, именовавшиеся также бассаридами. Дионису Бассарею посвящен орфический гимн XLV.

6 «Трехлетник», эпитет Диониса, праздник которому справлялся раз в три года. Триетерику посвящен орфический гимн LII.

7 «Разрешитель», эпитет Диониса как бога вина, освобождающего от запретов. Лисию посвящен орфический гимн L.

8 Наставник и спутник Диониса, вечно хмельной сатир, наделенный даром прорицания. Сатиру Силену посвящен орфический гимн LIV.

9 «Утешитель», эпитет Диониса как бога вина, снимающего с сердца груз забот и дарующего забвение.

Астрология, судьба и Священный Ангел-Хранитель

Одна из особенностей платоновского откровения — отличное от традиционного для той эпохи представление о гении, или ангеле-хранителе, сопутствующем каждому человеку. У Платона душа в промежутке между перерождениями сама выбирает себе род жизни и, следовательно, гения, тогда как обычно считалось, что характер жизни предопределяется судьбой. Гений, о котором идет речь в «Видении Эра», во многом тождествен личному ангелу, который надзирает за каждой отдельной душой с момента ее рождения. А поскольку эта сущность, в свою очередь, схожа со Священным Ангелом-Хранителем из системы Абрамелина, здесь стоит привести альтернативный способ ее инвокации из компендиума Реджинальда Скота «Открытие колдовства». Стоит отметить, что термины «фамильяр» и «гений» восходят к общему понятию «паредр», принятому в греко-римской магии II века н. э.

Как приблизить к себе гения или благого ангела и заставить его явиться

Как совещаться с фамильярами или гениями. Согласно вышеизложенным указаниям по заклинанию духов, далее нам предстоит совещаться с фамильярами или гениями; во-первых, по способу, предписанному магами, заклинатель должен узнать имя своего доброго гения, каковое он может отыскать по правилам Травия и Филерма, а также выяснить, какой знак и пентакль, или ламен, принадлежит каждому гению. Исполнив это, пусть составит ревностную молитву упомянутому гению, каковую он должен повторять трижды каждое утро на протяжении семи дней перед инвокацией.

Кроме того, маг должен в точности выяснить, к какой иерархии или чину принадлежит этот гений, и какое место занимает по отношению к вышестоящим и нижестоящим; ибо эта разновидность заклинания относится не к преисподней и не к астральному царству, но к небесной иерархии, ввиду чего требует соблюдать, помимо всех прочих предписаний, великую

торжественность и святость вплоть до того, как наступит время исполнить заклинание на деле.

Когда наступит день, на который маг назначил инвокацию своего особого гения, надлежит войти в уединенный кабинет с небольшим столиком, шелковым ковром и двумя зажженными восковыми свечами, а также с кристальным камнем треугольной формы и размером примерно с яблоко, закрепленным в рамке в центре стола. Далее маг должен приступить к инвокации с великим усердием, трижды повторив вышеупомянутую молитву и в завершение оной прочитав «Pater Noster» и «Missale de Spiritus Sancto»[1].

Способ освящения. Далее маг должен приступить к освящению свечей, ковра, стола и кристалла, окропив их собственной кровью и сказав:

Властью святых имен Аглаон (Aglaon), Элои (Eloi), Элои (Eloi), Саббатон (Sabbathon), Анефератон (Anepheraton), Ях (Jah), Агиан (Agian), Ях (Jah), Иегова (Jehovah), Эммануил (Emmanuel), Архон Архонтон (Archon Archonton), Садаи (Sadai), Садаи (Sadai), Иеоваша (Jeovaschah) и т. д. я освящаю сии святые орудия во исполнение сей священной работы. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь.

Молитва. Исполнив это, заклинатель должен преклонить колени и прочесть нижеследующую молитву, обратившись лицом на восток и спиной — к освященному столу.

О ты, благословенный Фанаэль (Phanael), мой ангел-хранитель! Соблаговоли снизойти со своей святою силой и сутью в сей безупречный кристалл, дабы я мог узреть твою славу и насладиться обществом твоим! О ты, кто сияет ярче четвертого неба и ведает тайны Эланеля (Elanel)! Ты, кто мчится на крыльях ветра, кто могуч и силен в небесном и надлунном беге своем, — умоляю тебя, снизойди и явись! Если я достоин общества твоего, и если дела и замыслы мои чисты и святы в очах твоих, ныне предстань здесь во внешнем обличье твоем и удостой беседы покорного ученика твоего!

1 «Отче наш» и «Месса Святого Духа» (лат.).

Слезами святых и песнопениями ангелов заклинаю тебя: во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, кои суть Бог единый во веки и веки веков!

Эту молитву вначале надлежит повторить на востоке, а затем произнести по три раза на все четыре ветра. Затем надлежит повторить 70-й псалом из Библии[1], освященной так же, как и остальные принадлежности; и все эти церемонии надобно исполнить со всей серьезностью. Затем пусть маг поднимется с колен и сядет перед кристаллом, обнажив голову и держа в руке освященную Библию; и так, сидя перед горящими восковыми свечами, ранее не зажигавшимися, пусть терпеливо и во внутреннем созерцании ожидает пришествия и появления гения.

Предвестники явления. Примерно за четверть часа явления духа в кристалле появится великое разнообразие видений и образов: вначале — исхоженная дорога или тракт, и путники, мужчины и женщины, молча шагающие по той дороге; затем покажутся реки, источники, горы и моря; после этого — пастух на красивом холме, пасущий большое стадо овец, и солнце, что ярко сияет над ним, пока он спускается с холма; и в конце концов несметные картины птиц, и зверей, и чудовищ, и всевозможные странные видения, шумы, блески и ужасы, каковые все, наконец, исчезнут с появлением гения.

Явление. А затем в средоточии кристалла появится гений в таком же облачении, что и сам заклинатель, и подобный ему обличьем, и станет наставлять заклинателя, как ему жить и как действовать правильно.

И, самое важное (и в этом состоит истинное назначение каждого гения), он коснется сердца заклинателя и раскроет его чувства и разумение, дабы тот постиг все искусства и науки, кои оставались закрытыми и тайными от него, доколе разум его не отворился.

И после того гений станет фамильяром в камне и будет являться магу в ответ на молитву.

1 69-й по греческой нумерации.

Изложенные здесь представления отличаются от тех, что можно встретить у Агриппы и у некоторых современных толкователей: например, добрый ангел, или гений, причисляется к небесным сущностям, а не к наднебесным. С моей точки зрения, благой ангел гностиков — это астрологическая сила; неслучайно ему отводился особый дом гороскопа в эллинистической системе астрологии, которой пользовались гностики. Это не значит, что я считаю одни источники и интерпретации верными, а другие — нет; просто все они по-своему ограничены. Опыт Познания и Собеседования со Священным Ангелом-Хранителем доступен каждому человеку, и каждый склонен толковать его по-своему.

Когда-то я писал, что Священный Ангел-Хранитель воплощает в себе всё, чего нет в нас самих, — иными словами, не совокупность элементов нашей натальной карты, а наоборот, выход за рамки ограничений, наложенных архонтами. Он дополняет нас до целого, уравновешивая каждый элемент нашей натальной карты его противоположностью. В тот период я придерживался такого мнения, основанного отчасти на предпочтительных для меня методах, а отчасти (и главным образом) на непосредственном опыте. Но, по большому счету, лучше не ограничивать безмерное личными мнениями или терминами, заимствованными из каких-либо древних или современных систем.

Проблема Ангела-Хранителя сопряжена со многими факторами, не поддающимися пониманию и точному определению. Например, отличить результаты, полученные по методу Абрамелина, от результатов, полученных с помощью «Liber Samekh», в действительности невозможно (если оставить в стороне вопрос личных склонностей). Из этих двух систем каждый выбирает ту, которая согласуется с его личными религиозными предпочтениями, но в итоге это становится совершенно неважно: каким бы путем мы ни пришли к своему Ангелу, будь то по методике Кроули или Абрамелина, наш Ангел освобождает нас от привязанности к выбранной системе. Несомненно (по крайней мере, для меня), что интерпретации полученных результатов (равно как и теологические предпочтения) могут быть разными, но сами результаты практически неотличимы друг от друга.

Аргонавтика I: продолжение

Первой остановкой на пути аргонавтов стал остров Лемнос, и в этом эпизоде нетрудно распознать прототип тех легкомысленных приключенческих историй, которые во множестве сочинялись в последующие века и вплоть до наших дней. Остров Лемнос ассоциировался с племенем минийцев, которые считались потомками аргонавтов и лемносских женщин. Последние, по преданию, перебили всех мужчин на острове, а при виде аргонавтов приняли их за фракийских разбойников и вооружились на битву. Но в ходе переговоров выяснилось, что аргонавты пришли с миром, и лемниянки пригласили их погостить и зачать с ними детей, чтобы восстановить население острова.

Во многих отношениях этот эпизод и впрямь кажется чисто развлекательным, но он не лишен и более глубокого подтекста. Многие элементы мифа о плавании аргонавтов встречаются в величайшем из стихотворений Пиндара — четвертой «Пифийской песне», в которой поэт восхваляет одного аристократа из Кирены и вкладывает в уста Медеи пророчество об основании этого ливийского города его предками. Пиндар родился в 522 году до н. э., и Аполлоний не только знал его стихи, но и ссылался на них в своей поэме. Это «ливийское» пророчество немаловажно во многих отношениях. В «Аргонавтике» Аполлония оно очищено от династических ассоциаций и насыщено мифологическим смыслом. Именно в этом смысле оно важно для нас, поскольку задает африканский контекст для греческой магии. Несмотря на всю свою романтическую условность, этот эпизод мифа указывает на исторические связи с Ливией, существовавшие в микенский, а, возможно, и в минойский период.

Аргонавты провели с гостеприимными лемносскими женщинами целых два года, пока, наконец, раздосадованный этой задержкой (и, по-видимому, хранивший целомудрие) Геракл не напомнил своим товарищам об истинной цели путешествия. На этом эротическая идиллия завершилась, и аргонавты снова пустились в путь. Но в далеком будущем потомку одного из сыновей, зачатых ими на Лемносе, предстояло принести греческих богов в Ливию, заложить там божественный город Кирену и основать династию мудрых правителей.

В свете нашего исследования особый интерес представляет вестник Эфалид, которого аргонавты по прибытии на Лемнос отправили на переговоры с местными женщинами. Эфалид был сыном Гермеса и унаследовал от него многие качества. Подобно Гермесу, вестнику богов, он вооружен жезлом глашатая и выступает вестником аргонавтов. Кроме того, он наделен совершенной памятью, которую, как и Тиресий, сохраняет даже после того, как душа его сходит к подземным водам Ахерона. И, наконец, после смерти Эфалид получает право покидать подземный мир и жить попеременно то в Аиде, то в мире живых, и, таким образом, ему известно все, что происходит в обоих мирах. Согласно пифагорейской легенде, записанной неоплатоником Порфирием, одним из позднейших воплощений этого аргонавта был сам Пифагор. Эта легенда, вне сомнения, очень важна ввиду того, какое значительное место занимает миф об аргонавтах в орфических сочинениях.

В «Аргонавтике» Аполлония лемносскому эпизоду отводится не столь уж значительная роль, но сам Лемнос тесно связан со многими темами, относящимися к нашему исследованию. Странно, однако, что этот остров, где, по преданию, располагалась кузница бога Гефеста, покровителя мужчин-кузнецов, в «Аргонавтике» оказывается населен исключительно женщинами, вооруженными щитами и копьями. Ни одного мужчины, подобного Гефесту, но зато великое множество женщин, подобных Афине! С другой стороны, в сохранившемся фрагменте одной из пьес Эсхила аргонавтов на Лемносе приветствуют пьяные карлики-кабиры. Стоит напомнить, что и Эсхил, и Аполлоний были образованными людьми и не чурались поэтических вольностей в обращении с архаическими темами. И все же упомянутый фрагмент Эсхила свидетельствует, что на Лемносе были известны обряды кабиров, а при раскопках на этом острове было найдено множество больших сосудов для вина.

Гефест

Гефест был богом огня и покровителем всех мастеров, работавших по металлу. Подобно магам-кузнецам, известным под именами дактилей и тельхинов, он ассоциировался с

магическими искусствами. В Грецию культ Гефеста пришел из других стран, и по происхождению его имя не греческое. Первоначально ему поклонялись в Ликии — местности, также тесно связанной с Аполлоном. Ликийскую гору Олимп, посвященную Гефесту, Максим Тирский описывал как горящую кротким огнем. Этот огонь, подобный тому, что горел на вершине лемносской горы Мосихл (кузницы Гефеста в более позднем греческом культе) возникал от воспламенения летучих газов. Огненная гора была храмом бога-кузнеца, а огонь — его зримым образом. Поразительно, что ликийский Олимп принадлежал Гефесту, а не Зевсу, как одноименная гора в Фессалии. Но на самом деле, хотя в Греции храмов Гефеста не так много, в Малой Азии его чтили превыше Зевса: здесь известно около пятидесяти его святилищ. При этом в олимпийский пантеон его, по свидетельству многих авторов, включили чуть не ради забавы. Полукомический характер многих классических мифов, связанных с Гефестом, — наглядная иллюстрация чудовищного разрыва между классической мифологией и подлинной религиозной практикой. Ввиду чужеземного происхождения этого божества известные мифы о нем, по-видимому, следует рассматривать как перетолкованные на новый лад древние легенды, бытовавшие в Малой Азии и на фракийских островах. Почти что шутовская функция, отведенная Гефесту в позднейшей олимпийской мифологии, входит в резкий контраст с его ролью в гомеровской «Илиаде». Ахилл мечется по полю битвы в яростном безумии подобно живому урагану, и никакому человеку не под силу сдержать его натиск. Только бог реки Скамандр в конце концов останавливает разбушевавшегося героя, захлестнув его своими водами. Но в битву вмешивается Гефест («Илиада», 21.342), который иссушает реку Скамандр «пожирающим пламенем» и затмевает своей огненной мощью всех небожителей. По существу, во всей «Илиаде» не найдется эпизода более яркого, чем это столкновение сверхъестественных сил Ахилла, Скамандра и Гефеста; сравниться с ним может разве что описание ярости Посейдона в «Одиссее».

Миф о рождении Гефеста известен в различных версиях. Согласно самой распространенной из них, Гера зачала его без помощи Зевса, чтобы отомстить последнему, когда тот произвел на свет Афину без помощи женщины. Позднее, когда Зевс заковал Геру в цепи и подвесил между небом и землей, Гефест

осмелился прийти к ней на помощь. Разъяренный Зевс сбросил Гефеста с Олимпа, и тот летел до земли целый день. Жители Лемноса спасли его, подхватив у самой земли, но Гефест все равно переломал себе ноги и остался калекой. В то время Лемнос населяло фракийское племя синтов, известное также под названием «сапеи». Из трех фракийских родов, обитавших на острове, один назывался гефестионами и притязал на происхождение от бога. Географ Страбон, уроженец Каппадокии и современник императоров Августа и Тиберия, указывает на связь между синтами и халибами — общинами плавильщиков и кузнецов, о которой мы поговорим позднее.

Гомеровский рассказ о рождении Гефеста отличается от вышеизложенного: Гомер называет этого бога сыном Зевса и Геры и утверждает, что с Олимпа его сбросила Гера. Гефест упал в море и покалечился, но его спасли океанида Эвринома и Фетида, морская богиня, впоследствии ставшая матерью Ахилла. Они устроили для Гефеста подводную кузницу и обучили его всем тем таинственным искусствам, покровителем которых он считался впоследствии. Позднее бог-кузнец отплатил Фетиде за помощь, выковав для ее знаменитого сына чудесные доспехи.

Как богу искусств и ремесел Гефесту приписывают множество полезных изобретений и создание различных хитроумных устройств. Среди последних в олимпийских мифах упоминаются сеть, в которую Гефест поймал Афродиту и Ареса, и волшебный трон, который сковывал по рукам и ногам любого, кто на него садился, и послужил ловушкой для Геры. Первоначальный смысл и контекст этих мифов нам неизвестен, но примечательно, что Гефеста нередко призывали на помощь в магии, когда требовалось сковать и обездвижить врага; примеры таких заклинаний можно найти в греко-египетских магических папирусах (PGM VII.379 и XII.177, 417, 439). Кузнечные клещи Гефеста были общепризнанным магическим символом, позволяющим призвать силу этого бога подобно тому, как рисунок или резьба с изображением кадуцея призывали силу Гермеса. Изображения этих клещей встречаются на так называемых гностических геммах и на римских талисманах в виде дисков и гвоздей; не исключено также, что к этому символу восходят встречающиеся на различных древних талисманах фигурки, похожие на букву Алеф.

Эпизод, в котором Гефест приходит на помощь скованной Гере, свидетельствует о том, что этот бог не только накладывал но и снимал оковы; таким образом, к нему можно было обра щаться за помощью и в магических операциях, направленных на освобождение от уз. Любопытен вариант мифа, согласно которому Гефест был сыном не Зевса и Геры или какой-либо другой божественной пары, а одной только богини Геры, по родившей его самостоятельно. В «Теогонии» Гесиода Гера, по завидовав Зевсу, который родил Афину из головы, производит на свет Гефеста без мужского участия. Чрезвычайно интересна также связь Гефеста с Лемносом, отнюдь не вымышленная ми фографами. На этом острове находился один из центров куль та кабиров, которые считались сыновьями или (наряду с ци клопами) спутниками и помощниками Гефеста. Лемносский культ Гефеста был связан не только с огнем и кузнечным де лом, но и с врачеванием и в особенности с исцелением от зме иных укусов.

В Анатолии в бронзовом и раннем железном веках кузне цы пользовались большим уважением и составляли фактиче ски особую касту, играющую важную роль в религиозно-по литической жизни. В поздний период Хеттского государства с этой кастой был тесно связан институт царской власти. Пред шественники Гефеста и родственные ему божества встречались по всей Малой Азии и Ближнему Востоку. Особое место среди его древних эквивалентов занимал западно-семитский бог Ко тар; во II тысячелетии до н. э. считалось, что кузница его рас положена в Кафторе, который когда-то отождествляли с Кри том, но более вероятно, что за этим названием скрывается Ки ликия или Кипр. Из двух последних вариантов предпочтение следует отдать Кипру, поскольку многие легенды располагали на этом острове кузницу Вулкана или других аналогичных бо гов. Стоит также напомнить, что Кипр почитали как родину азиатской богини, которую греки знали под именем Афроди ты и считали женой Гефеста. Кроме того, на Кипре действо вали святилища, тесно связанные с кузнечными мастерскими: святилище некоего бога-кузнеца в Китионе и храм в Энкоми, посвященный «богу медного слитка» — супругу «богини мед ного слитка»[1]. В период, когда Сирия и Палестина находились

1 Имеется в виду бронзовая статуэтка, более известная под назва нием «Бог металла». Бог, вооруженный копьем и щитом и увенчанный рогатым

под властью Египта, Котар отождествлялся с египетским богом Птахом, а кузница его помещалась в Мемфисе. Финикийцы считали его покровителем магии, изобретателем заклинаний и, соответственно, первым поэтом. Последнее обстоятельство немаловажно: в английском языке по сей день существует слово *wordsmith*[1], свидетельствующее о том, что стихи и заклинания понимались как самые настоящие орудия. Кроме того, это говорит о том, что ассоциации между поэзией и магией возникли еще в догреческую эпоху и имеют отношение к гоэтическим культам огня.

Боги, подобные Гефесту

Отождествление мемфисского Птаха с Котаром повлекло за собой ряд любопытных последствий. Повествуя об изображениях карликов-кабиров в храме Птаха в Мемфисе, Геродот называет этого египетского бога именем греческого Гефеста[2]. Общих черт между ними и впрямь немало; в частности, оба считались создателями первых людей и оба были искусны в ремеслах. И вот уже в который раз подобные взаимосвязи заставляют задаться вопросом: не потому ли греки отождествляли своих богов с ближневосточными, что за сходством их функций в действительности стояло общее происхождение? Да, действительно, неприятие теории синкретизма в свое время сыграло важную роль, научив нас признавать индивидуальность различных культур. Но если зайти в этом неприятии слишком далеко, мы рискуем потерять из виду истину. Теории

шлемом, стоит на основании в форме таланта — прямоугольного слитка меди, напоминающего растянутую шкуру быка. Схожая женская статуэтка, также стоящая на основании в форме медного слитка, интерпретируется как изображение супруги этого божества.

1 Англ. «литератор», буквально — «кузнец слова».

2 «Во время своего пребывания в Мемфисе он [персидский царь Камбис] велел открыть древние гробницы царей и осматривал мумии покойников. Так он вступил и в святилище Гефеста и насмеялся над кумиром бога. Этот кумир Гефеста очень похож на изображения Патеков, которые находятся на носах финикийских триер. Для тех, кто не видал этих изображений, я добавлю в пояснение, что они имеют вид карлика. Вступил Камбис также и в святилище Кабиров, куда не дозволено входить никому, кроме жреца. Кумиры этих богов после поругания он приказал сжечь. Эти кумиры похожи на изображение Гефеста. Они, как говорят, — сыновья Гефеста (Геродот, «История», III.37).

дифференциации и рассеяния мифологических образов, восходящих к единому «коренному» источнику, зачастую не менее противоречивы, чем гипотезы о взаимопроникновении различных культур, на самом деле едва знакомых друг с другом.

Тем не менее, можно предположить, что анализ черт, объединяющих Гефеста с Птахом, способен дать немало сведений о ранней форме этого греческого божества. Птах, без сомнения, был главным божеством Мемфиса — одного из старейших и самых священных египетских городов. Этот бог известен в основном как герой мифа творения, в котором он создает первых людей из глины, но в действительности он был покровителем всех ремесел, связанных с огнем, таких как гончарное дело и металлургия. Любопытно, что афинский храм Гефеста стоял в квартале гончаров, а у степных народов было присловье: «Кузнец, горшечник и шаман — братья». Как верховный бог Мемфиса Птах возглавлял триаду местных божеств. Его супругой была богиня Сехмет, миф о которой имеет много общего с греческими мифами о Кибеле. Сын Птаха и Сехмет, Имхотеп, был великим строителем и врачевателем. Греческий историк Геродот называл сыновей или служителей мемфисского Птаха кабирами. Можно также провести параллель между кузнецами-дактилями и шемсу-хру, слугами Хора, которые, так же как и он, были кузнецами или мастерами по металлу. Эти служители Хора неоднократно упоминаются в египетских погребальных текстах. Примечательно, что они помогают богу во многих обязанностях, связанных с покойным. В египетской мифологии обнаруживаются и параллели мифу о рождении Диоскуров: небесная богиня Нут сочетается браком с Гебом, богом земли, который часто изображался в облике гуся. От этого брака рождаются пять богов и богинь и в их числе — Сет и Хор, в древности представлявшиеся как близнецы наподобие Диоскуров.

Кроме того, Гефест связан с одним из богов хаттов — древнего неиндоевропейского народа, само название которого впоследствии перешло к хеттам. Этот бог, известный под именем Хассамили, или Хассамели, был среди прочего покровителем кузнецов, а в мифах он фигурирует главным образом в связи с подземным миром. В культе Гефеста тоже прослеживаются древние хтонические корни. Мясо животных, которых приносили в жертву небесным богам, обычно сохраняли для

шествия, но жертвы подземным богам, равно как и погребальные жертвы умершим, чаще всего сжигали целиком. Точно так же поступали и в обрядах Гефеста, которому приносили в жертву телят и диких поросят. Римский культ бога-кузнеца тоже восходил к глубокой древности; здесь его почитали под именами этрусского Мульсибера или Вулкана, ассоциировавшегося с вулканическим островом Липари у побережья Сицилии. Вулкана, как и Гефеста, отождествляли с сицилийским богом вулканов по имени Адран, которого чтило местное догреческое население.

История с Адраном поучительна в двух отношениях: во-первых, она свидетельствует о существовании архаического бога огня, почитавшегося задолго до введения олимпийского культа, а во-вторых, наглядно показывает, как с началом греческой экспансии (около VIII века до н. э.) Зевс стал узурпировать функции важных местных богов. В честь Адрана получили свои названия город и река поблизости от горы Этна. Его святилище с рощей и вечным огнем охраняла тысяча собак — по-видимому, его священных животных. Говорили, что эти храмовые псы очень дружелюбно относятся к жителям города Адран, но свирепо бросаются на всякого нечестивца. Адран считался отцом двух богов, которых называли Палики, или Палиски. В честь сыновей Адрана на Сицилии справляли пышные обряды. Неподалеку от их святилища находились серные источники с гейзерами, появившиеся, по преданию, при рождении Палик. Водами этих источников клялись, как водами Стикса; считалось, что всякого, кто даст ложную клятву, божества тотчас поразят своим гневом, а тот, кто поклянется искренне, уйдет целым и невредимым. Как и у других подобных хтонических божеств, у Палик был свой оракул, к которому обращались лишь в случае суровой необходимости, и он давал правдивые и недвусмысленные ответы. О древности этого культа свидетельствует предание о том, что изначально Паликам приносили человеческие жертвы.

С приходом греков на Сицилию культ претерпел изменения: Палики стали считаться сыновьями Зевса от нимфы по имени Этна, которую, возможно, считали богиней одноименного вулкана, или от Талии, дочери Гефеста. Гера преследовала своим гневом мать Палик (как и всех прочих возлюбленных Зевса), и Зевс решил спрятать ее под землей, откуда

затем и вышли на свет ее сыновья. Согласно другой версии, по-видимому, более близкой к исходному сицилийскому мифу, Палики родились от Гефеста и Этны. Стоит отметить, что Адрана некоторые отождествляли с финикийским Адрамелехом (солнечным богом, который позднее был переосмыслен как демон) и с богом огня по имени Атар, или Адар, предположительно персидским. Некоторые ученые тщетно пытались представить Атара как позднее зороастрийское божество, упуская из виду тот факт, что еще в период греко-персидских войн персидские маги прибегали к таким очевидно архаическим практикам, как жертвоприношение лошадей и людей. В действительности персидский язат, первоначально носивший имя Атар, был гораздо древнее зороастризма и, скорее всего, имел неиндоиранское происхождение.

До растворения в зороастризме Атар почитался в ведической религии под именем Агни. Происхождение его весьма туманно, хотя в Ведах он упоминается как сын Дьяуса (небесного бога, к которому восходит образ Зевса) и богини земли Притхиви. Он был богом кузнечного горна и олицетворением очистительного и жертвенного огня. Кроме того, он исполнял важные функции, связанные с загробным миром, как проводник души кремированного покойника. К Агни и близким ему огненным божествам из месопотамской религии, таким как шумерский Гибил, обращались в начале всякого ритуала, чтобы огонь донес слова молитвы до других богов. Обнаруживается также поразительная, хотя и частичная параллель мифу о Прометее: в одном из мифов Атар приковывает к скале некоего демона-асура. Наряду с этими индоевропейскими параллелями наблюдаются и тесные связи Гефеста с семитскими божествами, такими как угаритский сын Ашеры и Илу или Астарот, брат Астарты, бог войны и планеты Венера. Последнее отождествление позволяет по-новому оценить смысл мифа о падении Гефеста с небес.

Всё вышесказанное свидетельствует о том, что Гефест — это чрезвычайно древний хтонический бог огня, имеющий дограческое происхождение. Культ его италийского эквивалента, Вулкан, возник еще до заимствования тем классической олимпийской мифологии. Ритуалы в честь божества огня и кузнечного дела, известного под разными именами, относились к числу древнейших италийских обрядов (как мы вскоре увидим в

разделе о жрецах-салиях) и походили на ритуалы в честь куретов, наверняка восходящие к тому же источнику. Праздник Вулкана приходился на 23 августа, и его место в литургическом календаре было установлено еще в глубокой древности. Одно древнеиталийское предание, зафиксированное Титом Ливием, Плутархом и другими античными авторами, указывает на архаические связи между культом этого огненного бога и культом божества, подобного Дионису. Согласно этому преданию, Ромула растерзали сенаторы, точь-в-точь как Диониса растерзали титаны. Ливий утверждает, что это произошло на собрании отцов города, но Плутарх указывает другое место этого ритуального убийства, а именно — храм Вулкана. Чтобы скрыть следы преступления, убийцы (в первоначальной версии предания, по-видимому, представлявшие собой не политическую, а религиозную группировку) унесли части тела убитого, спрятав их под одеждой, или, согласно другому источнику, закопали их в землю. Доказать, что за расчленением последовало ритуальное пожирание жертвы, невозможно, но, по крайней мере, мы вправе это предположить. Так или иначе, перед нами — история жертвенного обряда, впоследствии прикрытая политической интерпретацией. Архаические обычаи, подобные этому, лежали в основе культовой практики салиев, которая сохранялась (хотя и стала почти непонятной) даже в эпоху Империи.

Салии

Согласно классическому преданию, обряды Кибелы были приняты в Риме только в период Пунических войн, да и то вплоть до эпохи Клавдия римским гражданам запрещалось принимать в них участие. Тем не менее, с древнейших времен в Риме действовала жреческая коллегия салиев, обряды которых имели много общего с культом куретов. Точнее говоря, коллегий под этим названием было две, и сначала мы рассмотрим более древнюю. Первоначально салии были жрецами Мамерса (архаической ипостаси Марса, бога войны, по характеру во многом отличавшегося от классического греческого Ареса). Свое название они получили от слова со значением «прыгать», или «плясать», поскольку пляски были неотъемлемой составляющей

их обрядов. По преданию, эта коллегия была учреждена царем Нумой (имя которого — синоним слова, обозначающего архаические обряды и магические практики) в 790 году до н. э. В их обязанности входила охрана священных щитов — анкилов, один из которых, по легенде, упал с неба в правление самого Нумы. Нимфа Эгерия предсказала, что народ, владеющий этим щитом, добьется господства над всеми прочими племенами и народами. Осознав, что небесный щит — залог будущей славы и величия Рима, Нума повелел изготовить одиннадцать его точных копий. Согласно преданию, это поручение исполнил оружейник Мамурий Ветурий, а под именем Мамурий в некоторых областях Италии почитался вышеупомянутый Мамерс. Анкилы хранились в святилище Марса под охраной салиев. По традиции при объявлении войны салии яростно потрясали этими щитами, призывая Марса на помощь римскому войску. Кроме того, они проводили особые обряды, включавшие в себя ритуальный танец, о котором речь пойдет ниже.

В коллегию салиев входило двенадцать жрецов, трое из которых считались старшими. Внимания заслуживают титулы этих старших жрецов — пресул, ватес и магистер. «Пресул» (*praesul*) означает «танцор», а этимологически близкие ему слова имеют значения «вести» и «идти первым». «Ватес» (*vates*) означает «прорицатель», а также «поэт» или «певец», а «магистер» (*magister*) — «начальник», «глава». Сохранились некоторые сведения об их обязанностях, да и сами титулы достаточно красноречивы. Пресул отвечал за ритуальные танцы, ватес толковал знамения в ходе обрядов и, возможно, возглавлял песнопения, а магистер как глава коллегии руководил обрядами в целом.

В коллегию салиев принимались только юноши из патрицианских семей и только те, у кого были живы отец и мать. Эта должность считалась очень престижной. Дом коллегии располагался на Палатинском холме. Салии носили короткую алую тунику, бронзовый нагрудник, широкий пурпурный кушак, скрепленный бронзовыми пряжками, и алый плащ, а на голове — круглую шапочку с шипами (так называемый «апекс»). В ходе обрядов каждый из салиев держал в правой руке жезл или иногда копье (при этом на поясе у него висел меч), а в левой руке — щит условно овальной формы, или, точнее, напоминающий восьмерку, как древние микенские щиты. В некоторых описаниях утверждается, что салии плясали в полном

доспехе. Если так, то в их облачение входили также поножи, а шапки-апексы в действительности представляли собой шлемы.

Обряды начинались с жертвоприношения на Палатине. Ватесы толковали сопутствующие знамения. Затем процессия салиев во главе с музыкантами проходила по улицам города в размеренном танце; жрецы танцевали то поодиночке, то все вместе, время от времени ударяя жезлами в щиты. Характерной приметой этого танца был мощный тройной удар ногой в землю — настолько сильный, что современники подчас задавались вопросом, как от него не рушатся мосты. Затем салии исполняли древнюю песнь в честь Юпитера и Цереры, а также славили в песнях Януса, которого называли богом богов, и Мамурия Ветурия. В песнопениях участвовал хор девственниц, которые выступали в таком же облачении и тоже назывались салиями.

Эти обряды начинались 6 марта, а март в древности был первым месяцем римского календаря и получил свое название в честь Марса. Танец салиев, включавший в себя высокие прыжки, был связан не только с войной, но и с плодородием. Считалось, что подобные танцы с прыжками (известные и многим другим народам) побуждают злаки к росту. Среди божеств, к которым салии обращались в своих песнопениях, важное место занимала богиня зерна Церера (греческая Деметра), а на 6 марта приходился также праздник Юноны Луцины, богини деторождения. Обряды до 24 марта, и каждый вечер салии останавливались в определенном доме (всякий раз новом), где на ночь складывали щиты. Кроме того, в течение дня процессия делала остановки у различных храмов и алтарей. Облачения, песнопения и другие элементы обрядов были чрезвычайно архаичными, и смысл их стал непонятен уже в период поздней Республики. 4 марта справляли Мамуралии — праздник в честь Мамерса, включавший в себя колесничные бега. В этот день били палками по шкуре (надо полагать, натянутой на раму), подражая кузнечным молотам оружейников.

Некоторые элементы этих мартовских религиозных праздников впоследствии вошли в обрядовость христианской Пасхи. Последние девять дней обрядов сопровождались постом, который прекращался на двадцать пятый день (считая от начала) праздником радости — Гилариями. Этот день назывался также мартовскими фериями, и нередко предполагают, что именно к нему восходит праздник Марди Грас. Салии

устраивали праздничные пиры и зрелища, богатство и пыш ность которых вошли в пословицу. Все эти факты широко из вестны, но мало кто вспоминает о сходстве салиев с куретами А между тем примечательно, что 24 марта, последний день пс ста накануне Гиларий, считался чрезвычайно важной датой і культе Кибелы. Он назывался Днем крови, и на него приходи лись знаменитые обряды, в которых галлы, жрецы Кибелы, на носили себе ритуальные увечья.

Поразительное сходство между салиями и куретами при знавали еще в древности, а Томас Тейлор в своем переводе ор фических гимнов прямо называет куретов салиями. Младших салиев было девять — столько же, сколько и куретов. Кроме того, священный щит, упавший с неба, напоминает о проис хождении священного камня Кибелы и о низвержении Гефе ста с Олимпа. Едва ли случайна и параллель между Гефестом кузнецом и Мамерсом-оружейником. Все эти признаки сход ства получают объяснение в случае, если культ салиев пришел из Малой Азии еще до расцвета Рима и до того, как римляне начали заимствовать эллинских богов-олимпийцев.

Интересна также и сама фигура Мамерса: это сложное бо жество, связанное и с плодородием, и с обработкой металла, и с войной. Имя «Марс», в свою очередь, происходит от корней, связанных с понятием границы (схожую этимологию имеет современное английское слово *margin*[1]). Вдобавок этот бог почитался как хранитель стад. Такое разнообразие функций заставляет предположить родство с «фракийским героем»[2], культ которого возник гораздо раньше, чем все эти функции начали распределяться между различными божествами.

Самофракия и Кизик

От берегов Лемноса аргонавты по совету Орфея направились к острову Самофракия. Здесь они прошли посвящение,

1 «Край», «граница», «предел» (англ.).

2 «Фракийский герой», или «фракийский всадник», — древнее фракийское божество, известное по надписям и изображениям на рельефах. Изображался верхом на лошади перед деревом, обвитым змеей, и отождествлялся с целым рядом греческих и римских божеств (Дионисом, Аполлоном, Асклепием, Сильваном и др.).

узнали кое-что о священных обрядах и дальше уже поплыли гораздо увереннее. Отчасти это объясняется тем, что кабиры — защитники мореплавателей. Но вдобавок посвящение дало аргонавтам некое тайное преимущество, которое впоследствии помогло им выполнить многие непростые задачи. Из более древних источников явствует, что Аполлоний отнюдь не выдумал эпизод с Самофракией, — этот остров упоминался в связи с плаванием аргонавтов и раньше. Многое указывает на то, что сам Аполлоний был посвящен в мистерии, и в Самофракийские, и в Критские. Следует иметь в виду, что Критские мистерии не требовали сохранения тайны, благодаря чему Аполлоний и другие авторы могли использовать критские термины для общего описания других мистериальных обрядов. Этим, по крайней мере отчасти, можно объяснить мнимую путаницу или синкретизм, встречающиеся в некоторых источниках, где мистерии разного рода, на первый взгляд, отождествляются друг с другом. У непосвященного создается впечатление, что Аполлоний тщательно скрывает суть Самофракийских мистерий, но те его читатели, которые прошли посвящение, могли без труда понять, о чем идет речь. Некоторые существенные детали, относящиеся к таинствам Самофракии, обнаруживаются уже в следующем эпизоде «Аргонавтики», заслуживающем по этой причине подробного комментария.

После Самофракии аргонавты прибывают на фракийский остров Кизик у побережья Мизии. Здесь их радушно встречает местный царь, которого тоже зовут Кизик. Затем аргонавты отправляются дальше, но в ту же ночь буря, разыгравшаяся на море, прибивает их корабль обратно к острову. В темноте они не узнают места, которое недавно покинули, и сами остаются неузнанными. Местные жители нападают на них, приняв за врагов; аргонавты вступают в сражение и убивают царя и многих его слуг. Наутро ужасная ошибка обнаруживается, и аргонавты вместе с островитянами проводят три дня в глубоком трауре: они стенают, рвут на себе волосы и горько оплакивают погибших. Трагедия усугубляется тем, что молодая супруга Кизика налагает на себя руки от горя.

Ритуальный подтекст этого эпизода вполне очевиден. Стоит, однако, обратить внимание на то, какие роли последовательно принимают на себя аргонавты: вначале они выступают как друзья царя, затем — как его враги, а затем — как

плакальщики на его похоронах. Таким образом, эта часть эпоса строится по схеме священной драмы. И участники подобного обряда, включая, вероятно, и местных мизийских плакальщиков, — не кто иные, как гоэты.

Из-за непогоды аргонавтам приходится задержаться на острове Кизик еще на двенадцать дней. Затем прорицатель Мопс во время ночной стражи замечает над головой спящего Ясона звонко поющую птицу-альциону. Затем птица подлетает к кораблю Арго и садится на его носовую фигуру. Мопс, сведущий в искусстве прорицания по полету птиц, будит Ясона (который спал на берегу, завернувшись в овечью шкуру, как Пифагор во время своего критского посвящения) и объявляет, что погода переменится, если совершить обряд в честь богини Реи (критского эквивалента фригийской Кибелы). Аргонавты гонят жертвенных быков на гору Диндим. Здесь Аполлоний добавляет, что берега Фракии со склонов этой горы казались такими близкими, словно «были у них под рукою», несмотря на то, что гора описывается как лесистая. Аргонавты срубают старую лозу, чтобы Арг — тот самый мастер, который построил корабль Арго, — изваял из нее кумир богини (вероятно, наподобие Палладия). Увенчав жертвенник венками из дубовых листьев, они приступают к жертвенным обрядам. Они призывают Кибелу (которая в этом тексте называется критским именем «Рея», а также «многовладычной матерью Диндимией <...> что обитает во Фригии»), но не ее одну. Упоминаются еще два персонажа — Титий и Киллен, которые описываются как единственные из всех идейских (критских) дактилей, кто служит «сопрестольниками» и «сопричастниками» Идейской матери. Сообщается, что их родила в Диктейской пещере нимфа Анхиала, коснувшись руками Ойаксидской земли.

Оайкс — это один из критских городов, в котором, по преданию, родился основатель лидийского города Кирены. Кроме того, на Крите есть река Оакс, названная, вероятно, по имени сына Аполлона и Анхиалы.

Имя Титий носил один из исполинских сынов Геи. Он родился в подземном мире и расколол поверхность земли, чтобы выйти на свет. Кроме того, одноименный персонаж мельком упоминается в мифе о подвигах Геракла в Мизии. Этот миф известен в нескольких вариантах, из которых явствует, что изначально Титий был хтоническим героем-прорицателем,

подобным или тождественным дельфийскому Пифону. После смерти он был заточен в Тартаре, где лежит навзничь, занимая своим телом девять десятин, а два стервятника или два змея непрерывно терзают его печень, которая отрастает в соответствии с ростом луны. В данном отношении Титий напоминает Прометея, который вручил людям небесный огонь и понес за это схожую кару. Связи с хтонической Реей и с Прометеем весьма уместны для дактиля, но подробнее о Титии мы поговорим позже, когда завершим свой анализ событий на острове Кизик.

«Киллен» — это, вероятно, форма имени «Киллений», эпитета Гермеса, который применялся ко всему, что изобрел и чему покровительствовал этот бог. Изваяние Гермеса на горе Киллена было архаическим, схожим с итифаллическими изображениями кабиров на Самофракии. Обычай воздвижения герм — стилизованных изображений Гермеса с прямо стоящим фаллосом — на перекрестках греки унаследовали от пеласгов. Из этого следует, что Анхиала — это эпитет древней и почти бесполой богини-матери, а Титий и Киллен — связанная с ней пара мужских божеств. Вместе они составляют триаду, от которой происходят младшие кабиры или дактили (десять дактилей родились от пальцев Анхиалы, коснувшихся земли).

Сразу же за отрывком, посвященным этим персонажам, упоминается «сожигание жертв», но о том, как был разведен жертвенный огонь, не сказано ни слова. Не исключено, что Титий и Киллен соответствуют двум кабирам, эквивалентным Диоскурам, а те, в свою очередь, ассоциировались с ритуальным огнем, разведение которого само по себе было таинством. На это можно возразить, что Кастор и Поллукс собственной персоной присутствовали среди аргонавтов и что Аполлоний мог просто умолчать об их роли в разведении огня вне всякой связи с дактилями. Однако дублирование функций отнюдь не чуждо эпической поэзии, хранящей в себе напластования разновременных версий. К тому же, вероятнее всего, Кастор и Поллукс действительно развели огонь сами и, совершив это, предстали как заместители двух дактилей, к которым сами же затем и воззвали. Подобная методология, как мы увидим позднее, типична для культовых практик такого рода.

Следующую часть обряда проводит сам Ясон, совершая возлияние «при сожигании жертв» и обращаясь к богине с

мольбой отвести бури от острова. Орфей между тем приказывает прочим юношам плясать вокруг костра «во всеоружии» и «с топотом ног». В танце аргонавты ударяют мечами в щиты и горестно стенают, все еще оплакивая погибшего царя. Аполлоний добавляет, что именно поэтому фригийцы при молитвенных обращениях к Кибеле «бьют и в тимпаны, и в бубны», хотя в действительности тимпан был привнесен в ее культ греками. Таким образом, Ясон и Орфей объявляются основателями обрядов этой богини, бытовавших на острове Кизик и во Фригии.

Сочтя обряд безупречным, богиня отвечает на молитвы многочисленными знамениями. На деревьях чудесным образом появляются плоды, земля покрывается мягкой травой, звери выходят из своих нор и приближаются к аргонавтам, виляя хвостами. Более того, на горе, которая прежде была безводной, внезапно пробивается источник. На то, что воды его не только утоляют жажду, намекает кровная вина за убийство гостеприимных хозяев, лежавшая на Ясоне и его спутниках. Подразумевается, что аргонавты очищаются этими водами от скверны своего невольного злодеяния. Обряд обновляет не только землю, как о том свидетельствуют все знамения, но и души его участников.

Что касается участников, то с того момента, как Мопс толкует доброе предзнаменование, возвещенное птицей, и вплоть до окончания обряда по именам называются только трое — Ясон, Арг и Орфей (Кастор и Поллукс остаются неназванными, даже если они и впрямь исполняют важную роль в ритуале). Каждому из них отведена вполне конкретная функция, ввиду чего можно предположить, что в пляске вокруг костра они не участвуют. Танцоры, со своей стороны, по именам не называются, и здесь они предстают не самими собой, а олицетворениями мифических и ритуальных персонажей — куретов и корибантов.

В какое время суток был исполнен ритуал, прямо не сообщается, но подготовка к нему, несомненно, проводилась днем, а заключительное пиршество, судя по всему, ночью. Пируют аргонавты на Медвежьей горе, в связи с чем приходит на ум «Ночь на Медвежьей горе» — выдающееся музыкальное произведение, пронизанное магической тематикой[1]. Схожие обря-

1 Под таким названием в англоязычных странах известна симфоническая картина М. П. Мусоргского «Ночь на Лысой горе».

ды упоминаются у Геродота, который уточняет, что они проходили ночью, и упоминает, что участники несли изображения близнецов, представлявшие, как можно предположить, Тития и Киллена и напоминающие о культе Диоскуров. Ритуал аргонавтов завершается упомянутым пиршеством и песнопениями в честь богини. На рассвете, как и следовало ожидать, буря прекращается, и герои снова пускаются в путь.

Титий

> А у Гомера, в его [описании] некромантии, Одиссей сообщает Алкиною: «Тития также увидел я, сына прославленной Геи; / Девять заняв десятин под огромное тело, недвижим / Там он лежал; по бокам же сидели два коршуна, рвали /Печень его и терзали когтями утробу»[1].
>
> Корнелий Агриппа, «Оккультная философия», книга III, глава XLI

Миф о Титии и первоначальные представления о его происхождении и характере, как и в случае со всеми архаическими персонажами, приходится восстанавливать по обрывочным упоминаниям в других мифах. Как и следовало ожидать, при этом обнаруживаются различные и подчас противоречащие друг другу варианты. Согласно Гомеру и некоторым другим авторам, Титий — великан, сын Геи, великой богини земли. По преданию, эта богиня, которую римляне называли Террой, или Теллус, передала свой оракул в Дельфах Фемиде, а та, в свою очередь, уступила его Аполлону. В основе своей Гея почти неотличима от Реи и Кибелы. В этом варианте мифа Титий рождается взрослым, как исполин, выходящий из недр земли[2]. Такое происхождение связывает его с божеством, которое владело Дельфийским оракулом до Аполлона. По ряду свидетельств, Титий в своей хтонической роли тоже

1 Гомер, «Одиссея», XI.576—579.

2 Имеется в виду змей Пифон, сын Геи, который, по одной из версий мифа, также родился непосредственно из земли.

был оракульным героем традиционного типа, как фракийские обожествленные цари и сыновья богинь.

Согласно другой версии, Титий был сыном Зевса и Элары, дочери царя Орхомена, прародителя минойцев. Чтобы уберечь Элару от ревнивой Геры, Зевс спрятал ее под землей, а когда той пришло время рожать, вывел ее на свет, но ребенок оказался таким огромным, что Элара умерла в родах. Этот вариант ценен для нас только одним — указанием на связь Тития с одним из предков аргонавтов. В остальном это, судя по всему, результат адаптации вышеизложенного варианта к требованиям олимпийского культа.

В другом эпизоде классические формы мифа о Титии согласуются с архаическими: когда Лето родила от Зевса Аполлона и Артемиду, разгневанная Гера отправила к сопернице Тития. Но последующие события описываются в древнейших и более поздних версиях по-разному. Согласно одному варианту, Титий заставил Лето предстать перед Герой, за что Зевс низверг его в Тартар. Согласно другому — попытался совершить насилие над Лето, когда та шла к Пифии через Панопейский луг. По этой последней версии (действие которой происходит вскоре после захвата Аполлоном Дельфийского оракула), Аполлон, Артемида или оба они вместе, призванные матерью на помощь, сражают Тифона своими стрелами или же сам Зевс поражает его перуном. После смерти Тифон попадает в Тартар, где лежит прикованным к земле, занимая своим гигантским телом девять десятин. Коршун, два коршуна или две змеи непрерывно терзают его печень, которая отрастает вновь с каждой новой луной. В этом отношении Титий подобен Прометею, который понес схожую кару за то, что похитил огонь с небес и вручил его людям. Следует отметить, что одно из преданий связывает умение добывать огонь с дактилями, а Титий, как указывалось выше, считался одним из главных дактилей.

Кроме того, с Титием связан еще один миф, содержащий, на первый взгляд, своеобразные противоречия. Титию, которому в олимпийской мифологической схеме отводятся роли злодея и жертвы, принадлежит между тем собственный храм на острове Эвбея. Согласно Гомеру, там же, на Эвбее, этого сына Земли посетил Радамант; правда, о том, пришел ли он непосредственно в святилище, поэт умалчивает.

С какой же целью Радамант искал встречи с Титием? Чтобы ответить на этот вопрос, следует изучить родословную Радаманта, сына Европы. Миф о Европе сам по себе достаточно сложен: он известен по меньшей мере в пяти версиях. Одна Европа — дочь Тития, мать аргонавта Эвфема, рожденного от Посейдона. Другая — дочь Агенора/Феникса, похищенная Зевсом и родившая от него Радаманта, Миноса и Сарпедона. Если предположить, что Гомер отождествил двух этих одноименных героинь, то последует вывод, что Радамант отправился на Эвбею, чтобы посетить могилу своего деда, а вовсе не явился к нему в качестве судьи загробного мира, когда тот был еще жив (как предполагают некоторые, не считаясь с хронологией).

Итак, Титий приходится дедом двум судьям загробного мира и одному из аргонавтов. И по этой версии преступником оказывается не он, а Зевс, похитивший у него дочь, которая и стала матерью этих двух подземных судей. В свете этого можно предположить, что первоначально Титий был важным хтоническим божеством, а не просто одним из знаменитых узников Аида. И если наши предположения верны, то напрашивается вывод, что не Титию, а Зевсу пришлось бы несладко, вздумай он заглянуть к Аиду в гости.

Подводя итоги, можно отметить, что Титий по ряду причин тесно связан с основными темами нашего исследования. Это исполин, рожденный землей, сын богини, которой изначально был посвящен Дельфийский оракул. Как земнородного великана его вполне уместно было бы изображать с огромными змеями вместо ног, как у гиганта Эгеона. Напомним, что оракульные герои нередко являлись на зов в змеином обличье и что в греческой религии вообще змея была одним из главных культовых животных хтонического толка. Как мы вскоре увидим на примере Эгеона, гигантов, так же как и героев, иногда ассоциировали с древними могильными курганами. Древние микенские гробницы также служили объектами героического культа, а на острове Эвбея, судя по всему, находилась священная усыпальница Тития. Не исключено также, что Титий — это вариант чудовища Пифона, которого Аполлон убил в Дельфах. Собрав все эти свидетельства воедино, мы приходим к выводу, что Титий обладает многими признаками оракульного героя.

Мизия

Следующей остановкой на пути аргонавтов стала страна мизийцев, славившаяся как родина искусных плакальщиц. Напомним, что от греческого названия плакальщика, *goes*, произошло слово «гоэтия». Аполлоний упоминает несколько географических примет, не только оживляющих сцену действия, но и подчеркивающих важность того, что последует далее. Отметим, что он делает это намеренно — как «орфический» поэт и образованный эллин, сведущий в мистериальных религиях и хтонических культах. На берегах Мизии и впрямь произойдут важные события, и для того чтобы понять их смысл в полной мере, необходимо учесть местные географические особенности.

Сначала Аполлоний сообщает нам, что аргонавты проходят мимо устья реки Риндакий и большого погребального кургана Эгеона, «чуть выше пределов Фригийских». Риндакий — крупная малоазийская река, берущая начало на горе Диндим, которая, в свою очередь, была посвящена Кибеле (как и та вершина, на которой аргонавты незадолго до этого совершили жертвоприношение). Как у всякой большой реки, у Риндакия наверняка имелся свой речной бог, а тот факт, что ее исток располагался на священной горе, придавал ей особую значимость.

Древние надписи, обнаруженные в этой местности, указывают как на религиозные и культурные различия с соседней Фригией, так и на определенные черты сходства. В числе этих надписей — посвящения Гекате и во многом эквивалентной ей Артемиде. Здесь Артемида предстает как подземная богиня-факелоносица и как Артемида Термея — богиня-врачевательница, покровительница горячего серного источника. Интересно также местное отождествление Асклепия — бога-целителя и сына Аполлона — с Сабазием, ипостасью Диониса как сына Кибелы. Ассоциации между ними вполне естественны, учитывая, что с обоими божествами связана символика змеи, но вдобавок это говорит о том, что Сабазий был не только оргиастическим богом, но и врачевателем. И Геката, и Сабазий, тесно связаны с дионисийскими и гоэтическими темами, и потому неудивительно, что они занимали важное место в мизийской культовой практике.

Еще один мифологический персонаж, важный для этой местности, — легендарный фригийский царь Манес, известный

также под именем Мен. В греческой интерпретации он, подобно Аттису, превращается в «чистокровное» божество — сына Зевса и богини Земли. Последнюю греки называли Геей, но в действительности матерью Мена была Кибела, даже в римском культе которой эпитетом Аттиса оставалось имя «Ман Тиран». Вообще, Мен часто отождествлялся с Аттисом, хотя изначально это, скорее всего, был самостоятельный персонаж. Он обладал лунными и хтоническими чертами и был невероятно популярен среди сельского населения Малой Азии. Считалось, что он покровительствует росту растений и дарует плодовитость животным. Также его почитали как хранителя сельских кладбищ. Судя по местным надписям, Мен ассоциировался с одной из ипостасей Аполлона и составлял пару с Гекатой. Один из его сыновей носил имя Акмон, как и один из дактилей. Формально это имя переводится как «наковальня», но, по общепринятому мнению, в древности оно означало перун, а с учетом различных ассоциаций можно предположить, что его изначальное значение — метеорит, камень, упавший с неба.

Еще одна важная географическая примета, упомянутая у Аполлония, — курган Эгеона. Эгеон — третий из гекатонхейров (сторуких), брат Гига (или Гия) и Котта. Этих сыновей Урана и Геи иногда называют просто Уранидами и описывают как исполинских чудовищ о пятидесяти головах и сотне рук, со змеями вместо ног. Эгеон известен также под именем Бриарей; Гомер поясняет, что первым именем этого исполина называли среди людей, а вторым — среди богов. Согласно древнейшей версии предания, Ураниды помогали богам в войне с титанами, а затем стали стражами титанов, низвергнутых в Тартар. Таким образом, Эгеон оказывается обитателем подземного мира. В более поздних версиях он смешивается с одним из гигантов, воевавших с олимпийскими богами, или описывается как божество Эгейского моря.

Два эпизода, связанные с остановкой аргонавтов в Мизии, заслуживают особого внимания. События, последовавшие непосредственно за высадкой, Аполлоний описывает так:

> Приняло мирных гостей радушно племя мизийцев,
> Жителей той стороны, что, нужду чужеземцев пополнив,
> Сладкого дали в подарок вина и припасов дорожных.

Тут сухие дрова одни добывают, другие
Мягкую зелень с лугов несут в изобилье для ложа,
Третьи высечь огонь из огнив спешат, остальные ж
Стали в кратерах вино разбавлять и готовить трапезу,
Вечером жертву свершив покровителю высадки Фебу[1].

На первый взгляд, это вполне бытовая сцена: аргонавты разбивают лагерь на берегу мизийской реки и занимаются разными обыденными делами. Однако они прибыли сюда со священной горы, где проводили жертвенный ритуал, в описании которого Аполлоний, как уже было отмечено, странным образом умалчивает о разведении огня. Здесь же налицо другая странность: описывается, как аргонавты готовятся к ритуалу, но о самом его проведении не сказано ни слова. Следует предположить, что два эти эпизода взаимосвязаны: умолчав о тайне разведения огня в одном эпизоде и обо всей последовательности ритуала в другом, Аполлоний тем самым оставил в тексте поэмы некий намек, понятный мистам.

Когда мы снова вернемся к вопросу о священном огне для жертвоприношений, будет отмечено, что, по крайней мере, в некоторых контекстах, огонь разводили в отсутствие других участников ритуала. Весьма вероятно, что именно так дело обстояло на берегу Риндакия, где многие аргонавты удалились из лагеря, чтобы собрать дрова для костра и траву для ложа. Любопытно также, что жертву Аполлону как покровителю высадки на берег принесли вечером, в темное время суток. Это может объясняться тем, что в мизийских культах Аполлон отождествлялся с Меном и почитался как супруг Гекаты. Мен как подземный бог родствен Нергалу, к которому, в конечном счете, восходит образ Аполлона.

Пока некоторые аргонавты разводили огонь, другие покинули лагерь по тем или иным причинам, и в их числе оказался Геракл, который отправился на поиски бревна, из которого можно было сделать новое весло взамен сломанного. Между тем прекрасный юноша по имени Гилас (Гил), сопровождавший Геракла в путешествии, углубился в лес в поисках воды.

1 Аполлоний, «Аргонавтика», 1179 - 1186, здесь и далее цитируется в пер. Г. Церетели. В оригинале вместо Феба назван Аполлон Экбасий («Выходной»), покровитель высадки с корабля на берег.

Обитавшие в том лесу нимфы готовились к ночным пляскам в честь Артемиды. Одна из них, нимфа родника, увидела приближающегося Гиласа и, пораженная его красотой, увлекла юношу под воду, чтобы сделать его своим супругом. Геракл заподозрил, что мизийцы причастны к исчезновению Гиласа и заставил их принять участие в розысках.

Помимо прочих примет местности, Аполлоний упоминает гору Аргантон (Аргант), которая, по свидетельству Проперция, стояла над озером, где обитали финийские нимфы. Эта гора находилась на границе между Мизией и Вифинией. Известна нимфа по имени Аргантона, оплакивавшая Реса — фракийского героя и бога одной из вифинских рек. Эта Аргантона, по-видимому, была горной богиней наподобие Кибелы, а герой Рес — ее возлюбленным и основателем местной династии фракийских царей. Не исключено, что эта пара была подобна паре Кибела-Мен.

Судя по всему, оба вышеизложенных сюжета связаны с ежегодным ритуалом мизийских жрецов — поисками возлюбленного Кибелы. Даже в римский период мизийцы Беотии все еще соблюдали этот обряд. Мизийские плакальщики славились на всю Элладу, так что Эсхил удостоил упоминания в своих «Персах» их знаменитый «вой». В действительности этот вой, или плач, — не что иное, как зов жрецов, разыскивающих Гиласа или эквивалентного ему персонажа культа. Участие мизийцев несомненно шло на пользу и обрядам заклинания мертвых, и ритуалам, относящимся к культу героев, а в трагедии «Эсхила» присутствуют и те и другие.

После этих событий убитый горем Геракл расстается с товарищами и уходит на поиски Гиласа. Бесследно пропадает также еще один аргонавт по имени Полифем, тезка циклопа из гомеровской «Одиссеи». Ясон отплывает без них, из-за чего на борту «Арго» вспыхивает ссора, но спорщиков усмиряет вещий морской бог, предрекающий им дальнейшую судьбу Геракла. В этой эффектной сцене упоминается также судьба, назначенная Полифему: тому предстоит отправиться в обширную землю халибов. Следует подчеркнуть, что все это происходит в Мизии, то есть на северо-западе Малой Азии, тогда как позднее в той же поэме утверждается, что халибы обитают гораздо дальше к востоку. Напрашивается вывод, что с халибами так или иначе ассоциировалась вся территория от Мизии

до упомянутых восточных мест. И, как мы увидим в четвертой книге нашего исследования, халибы действительно составляли древнее население этой территории и сыграли важную роль в истории гоэтии — настолько важную, что ради них нам придется снова отвлечься от плавания «Арго».

Основатели мистерий

Древнейшее письменное упоминание о гоэтах встречается в поэме «Форонида» Гелланика Лесбосского (родился около 490 года до н. э.) в связи с описанием идейских дактилей. В буквальном переводе слово «дактили» означает «пальцы». Группа людей, носивших такое прозвание, обитала на горе Ида. Дактили были магами (гоэтами) и первыми кузнецами; они открыли бронзу и железо и научились обрабатывать их при помощи огня. Более подробно деятельность дактилей описана у историка Ефора (который, что немаловажно, родился в эолийских Кумах, около 352 года до н. э.). Согласно Ефору (в пересказе Диодора Сицилийского), дактили, «будучи чародеями [*goeten*], <... > занимались заклинаниями, обрядами и мистериями и во время своего пребывания на Самофракии произвели на местных жителей очень сильное впечатление. Живший в те же времена Орфей, который был наделен от природы особым дарованием к поэзии и пению, стал их учеником и первым обучил эллинов обрядам и мистериям»[1].

Итак, в этих литературных источниках гоэты ассоциируются с учреждением и поддержанием древних мистериальных культов. Сами источники датируются относительно поздним периодом — эпохой классической Греции, однако речь в них идет о значительно более древних традициях. Традиция, связанная с дактилями, была тщательно исследована современными методами и соотнесена с определенными историческими событиями и личностями. При этом было установлено, что дактили обитали на Крите по меньшей мере за тысячу лет до появления вышеуказанных литературных источников. Кроме того, удалось доказать, что связь термина «гоэт» с дактилями совершенно достоверна и весьма информативна. Эту главу мы посвятим главным образом изучению дактилей и родственных им персонажей, рассматривая результаты современных исследований наряду со сведениями мифологического и литературного характера. В итоге мы увидим, что представляли собой эти основатели древних мистериальных религий и гоэтического направления западной магии.

---

1 Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», V.64.

В древнегреческих и древнеримских источниках дактили тесно связываются с богиней Кибелой, которая, в свою очередь, отождествлялась с критской Реей. Дактили составляли важную часть ее свиты. Кроме того, будучи родом из Фригии, они ассоциировались с мистериальными культами, распространенными на Крите и в других областях. О близком родстве между критскими и фригийскими культами свидетельствует, в частности, тот факт, что и на Крите, и во Фригии имеется священная гора под названием Ида. Критская Ида широко известна — не в последнюю очередь потому, что она играла важную роль в мифологии и культе Зевса. Однако более древняя, изначальная Ида, настоящая родина дактилей, находилась во Фригии. Критяне попросту объявили идейских дактилей обитателями собственной одноименной горы. Культ дактилей в той форме, в какой он развился на Крите, оказал исключительно мощное влияние на классическую форму греческой религии. Пожалуй, иначе и быть не могло: ведь этот культ включал в себя мистерию рождения Зевса — величайшего из богов олимпийского пантеона. Однако свидетельств о том, что на Крите добывали и обрабатывали металлы, сохранилось не так уж много, по сравнению, например, с многочисленными упоминаниями об импорте меди с Кипра. Наиболее достоверные античные источники, равно как и обширные данные современных исследований, однозначно указывают на то, что изначально дактили обитали на горе Ида в Малой Азии. Это обстоятельство особенно важно постольку поскольку оно позволяет отделить истоки культа дактилей от позднейшего культа Зевса. А это, в свою очередь, помогает точнее проанализировать и понять гораздо более древнюю связь между дактилями и Матерью Богов.

Неподалеку от горы Ида во Фригии располагались город Гаргар и одноименная гора. Эта местность славилась плодородными землями и получила свое название по имени древнего царя Гаргориса. Последнему приписывали открытие меда и изобретение пчеловодства. Согласно легенде, Гаргорис пытался погубить сына своей дочери (рожденного вне брака), но, потерпев неудачу, признал его наследником. Кроме того, один из италийских городов назывался Гаргар в честь сына Юпитера, носившего то же имя.

В окрестностях фригийского города Андеры, по всей видимости, добывали цинк; и там же были найдены камни, из

которых при нагревании можно было выплавить железо. В Андере почитали Кибелу, получившую в связи с этим эпитет «Андерина».

В городе Магнесия близ горы Сипил, неподалеку от Смирны, имелось большое святилище Кибелы. Еще один из трех городов, носивших такое название, тоже находился в Лидии, на берегу реки Меандр. Согласно древним свидетельствам, здесь были найдены залежи магнетита, в честь которого город стал называться Магнесией-на-Меандре. Любопытная альтернативная версия легенды приписывает это открытие идейскому пастуху по имени Магн. Проходя по участку, под которым залегал слой магнетита, пастух якобы прилип к земле, потому что его сандалии были подбиты железными гвоздями. Утверждали также, что Магн был рабом Медеи, которая превратила его в кусок магнита. Кроме того, в древности магнит называли керавнием — по имени Керавна, сына Ниобы, убитого Аполлоном. Ниоба, в свою очередь, считалась матерью Пеласга — прародителя народа пеласгов. В римский период храм Кибелы в Магнесии-у-Сипила приобрел широкую известность и пользовался большими привилегиями. Гора Сипил богата металлическими рудами; сообщается, что на ее склонах были мастерские, в которых выплавляли бронзу. В римские времена там чеканили медали, посвященные богу Вулкану, и в целом, судя по всему, эта гора стала крупным центром металлургии и производства доспехов и оружия. Поблизости от Сипила, на утесе Коддин была высечена прямо в скале статуя, которую ассоциировали с Кибелой. Однако греки называли ее Ниобой и приписывали ее создание Бротею, сыну Тантала. В действительности эта статуя имеет хеттское происхождение, но следует отметить, что Тантал считался отцом Пелопса, плечо которого съела другая богиня плодородия, связанная с мистериальными культами, а именно - Деметра. Вероятность того, что в этой местности когда-то обитали халибы, или дактили, очень высока.

Крупным центром культа Кибелы по меньшей мере с X века до н. э. был гористый Эфес. Позднее он слился с северо-сирийским культом Астарты, которую греки стали почитать как Артемиду, а римляне — как Диану, но экстатический праздник под названием «Эфесия», связанный с древней богиней, продолжали справлять даже в римские времена. Жрецы Кибелы, вероятно, отличались по своей этнической принадлежности

от основной части населения; можно предположить, что их ряды пополнялись из числа местных халибов. Не исключено, что угасание ее культа было напрямую связано с сокращением численности этих горных племен. Так или иначе, известно, что верховные жрецы Артемиды Эфесской были евнухами, а это можно истолковать двояко: либо они были прямыми наследниками более древнего жречества Кибелы, либо культ древней богини воспринял этот обычай сравнительно поздно под влиянием других религий. Но и в том и в другом случае магические традиции, столь тесно ассоциирующиеся с городом Эфес, уходят корнями в легенды о дактилях.

Кибела

Культ Кибелы в том виде, в каком его знали в классическую эпоху, зародился в среде фригийцев, которые пришли в Малую Азию из Фракии в XIII веке до н. э. И греки, и римляне осознавали восточные истоки этого культа и на этом основании считали его сомнительным, несмотря на то, что почитание Кибелы распространилось раньше и гораздо шире других заимствованных культов. Будучи по происхождению фригийскими и в конечном счете фракийскими, культ и образ Кибелы вобрали в себя элементы хеттских, неохеттских и урартских религиозных практик и иконографических традиций. И даже если вынести за скобки все древние и современные западные предубеждения, придется признать, что некоторые предельно архаичные черты, свойственные культу этой богини, резко отличали его от всех остальных религиозных традиций. В этом разделе мы рассмотрим древнегреческие представления о характере Кибелы и внесем в них некоторые поправки. Это нам понадобится для того, чтобы понять, насколько важное место она занимала в экстатической религии греко-римского мира. О Великой Богине фракийцев, к образу которой восходит Кибела, речь пойдет позднее, в пятой книге. Как ни странно, Линн Роллер, автор самого современного труда о фригийской богине, обходит молчанием вопрос о ее фракийских корнях. Мы не последуем этому примеру, поскольку значимость Кибелы для нашего исследования во многом объясняется ее фракийскими истоками.

Но, тем не менее, я хотел бы выразить госпоже Роллер свою благодарность за четкую формулировку различий между греко-римской и фригийской ипостасями этой богини.

Две самые основные, базовые особенности Кибелы — тесная связь с горами и с хищниками, причем не только со львами и леопардами, ассоциация с которыми отразилась в ее греко-римском культе, но и с ястребами и соколами, с которыми она в большей мере ассоциировалась во Фригии. Вальтер Буркерт отмечает «поразительно ясную», хотя и недоказуемую преемственную связь ее иконографии с изображениями неолитической Великой Богини из Чатал-Хююка.

Рассказы о том, что служители Кибелы лишали себя мужского естества, широко известны, но не исключено, что это сравнительно поздний обычай, возникший под восточным влиянием, поскольку аналогов ему во фракийской религии не находится. В римскую эпоху, когда численность жрецов-евнухов возросла, этой теме стали придавать преувеличенное значение. Между тем известно, что во Фригии жреческий сан мог передаваться от отца к сыну, а, следовательно, можно предположить, что кастрация не являлась обязательным требованием для жреца. Возможно, Линн Роллер права в своем утверждении, что этот обычай возник под влиянием целибата, который требовался от представителей элитного жреческого сословия. Действительно, некоторые аспекты фракийской религии были сопряжены с суровым аскетизмом; известно также, что элевсинские иерофанты, методы которых также восходят к фракийским культам, временно подавляли половое влечение с помощью мази на основе белены. Что касается фригийской религиозной практики, то она могла воспринять влияние восточных религий, таких как культ Атаргатис; но, так или иначе, установить, когда именно от жрецов Кибелы стала требоваться кастрация, невозможно.

Согласно одной из версий мифа, Кибела родилась от семени Зевса, упавшего на гору Агд, по названию которой богиня получила имя Агдистис (или Ангдистис). Другая версия повествует о том, как Кибела безуспешно пыталась соблазнить Зевса; семя его пролилось на камень и породило двуполое существо по имени Агдистис. Несмотря на эти различия и на то, что приведенные мифы имеют не фригийское, а греческое происхождение, в тождестве Агдистис и Кибелы не может

быть никаких сомнений. Новорожденная Агдистис предстает как невероятно сильное и свирепое двуполое создание. Это чудовище опустошает окрестности и наводит ужас на людей и богов. Наконец, Вакх подливает в любимый источник Агдистис неразбавленного вина, выпив которого, чудовище засыпает крепким сном. Вакх берет веревку из кабаньей щетины и привязывает мужские органы Агдистис к дереву. Проснувшись, Агдистис вскакивает на ноги; при этом фаллос у нее отрывается, а из раны обильно льется кровь. Позже из этой крови вырастает первое миндальное дерево. Бросаются в глаза некоторые черты сходства между этой легендой и египетским мифом о Сехмет, львиноголовой богине, которая однажды принялась истреблять человечество, но была усмирена: другие боги дали ей выпить крепкого красного пива, которое Сехмет по ошибке приняла за кровь.

С мифом об Агдистис тесно связан миф о рождении Аттиса, позднее ставшего супругом Кибелы. Как уже было сказано, из крови Агдистис выросло миндальное (или, по другой версии, гранатовое) дерево, и одна местная нимфа зачала от него, положив себе на грудь его плод, который при этом таинственным образом исчез. Отец нимфы, речной бог Сангарий, разгневался и хотел уморить дочь голодом, но Кибела тайно посылала ей пропитание. Когда Аттис наконец родился, Санагрий велел бросить его в горах на верную смерть, но младенца нашла коза и заботилась о нем, пока мальчик не вырос. Здесь прослеживаются некоторые параллели с мифом о младенчестве Зевса, вскормленного козой Амалфеей. Аттис превратился в прекрасного юношу, и Агдистис влюбилась в него. Она сопровождала его на охоте и посылала ему щедрую добычу. По другой версии, отцом Аттиса был Мидас, царь фригийского города Пессинунт, которого также считали сыном и возлюбленным Кибелы. Мидасу пришлась не по душе близость Аттиса с богиней, и он повелел сыну жениться на смертной царевне, а чтобы Агдистис не смогла войти в город во время свадебных торжеств, распорядился закрыть ворота. Но богиня прошла под городскими укреплениями и явилась из-под земли, подняв на голове часть стены. Согласно этой версии, она предвидела, что бракосочетание Аттиса повлечет за собой большие беды, и пришла, чтобы отвратить зло. Но к тому времени над новобрачными уже пропели свадебные гимны, и Аттис впал в

отчаяние и обезумел. Он отсек себе половые органы и преподнес их Агдистис, после чего истек кровью и скончался под сосновым деревом. Агдистис взмолилась Зевсу (появление которого в этой истории следует, вероятно, считать позднейшей вставкой); тот не воскресил Аттиса, но сделал так, чтобы тело его оставалось нетленным, а мизинец на одной руке постоянно шевелился (любопытная подробность!). Агдистис основала у могилы Аттиса в Пессинунте святилище, в котором стали служить оскопленные жрецы.

Этот варварский и мощный миф, похожий на эротический кошмар, обладает всеми особенностями архаической мифологии, которых лишены классические греко-римские сюжеты. Нет сомнений, что многие его элементы восходят к глубочайшей древности. Однако, с другой стороны, в нем заметны значительные отступления от фригийского первоисточника, в котором Кибела с самого начала была женщиной и не имела андрогинной ипостаси. Кроме того, что еще важнее, в Малой Азии бога-скопца Аттиса не знали до тех пор, пока греко-римские формы культа не вернулись на свою историческую родину в преображенном виде. Не сохранилось ни одного фригийского изображения Кибелы, на котором с богиней соседствовал бы какой-нибудь супруг или возлюбленный. Имя «Аттис» стало связываться с культом Кибелы по двум причинам. Во-первых, оно пользовалось большой популярностью в тех краях, а во-вторых, что гораздо важнее, это было династическое имя фригийских царей, когда-то исполнявших жреческие функции во фригийском культе. Не исключено, что греки, познакомившиеся с этим культом уже после падения Фригийского царства, попросту совместили в едином образе жрецов, носивших наследственное имя «Аттис», и древних царей, выступавших объектами погребального культа.

Так или иначе, согласно греческой версии, название «Агдистис», «Агдестис», или «Агдист», носила фригийская гора, на которой был погребен Аттис. Это же имя оставалось эпитетом или титулом Кибелы. Исполинский рост богини, отмеченный в мифе, может указывать на ее изначальную связь с горами. Впрочем, с другой стороны, великанская стать и андрогинная природа роднят ее с другими архаическими богинями, о которых греки не забыли даже в классическую эпоху. Посвященные им мифы зачастую связаны с мотивами страдания и

насилия. И все это, включая связь подобных богинь с горными пещерами, может объясняться, по крайней мере отчасти, древними ассоциациями с добычей полезных ископаемых.

Мистики и металлурги

Эфор утверждает, что дактили основали Самофракийские мистерии. Кабиры с острова Самофракия, по различным интерпретациям, либо тесно связаны с дактилями, либо тождественны им. Там же и в других местах были известны другие подобные (хотя и носящие другие названия) группы персонажей, ассоциировавшиеся с архаическими ритуалами. Страбон, значение которого для нашего исследования трудно переоценить, обобщает эти сведения в своей «Географии» (10.3.7—9):

> ...по одним сказаниям, корибанты, кабиры, идейские дактили и тельхины отождествляются с куретами, в других эти племена изображаются родственными с некоторыми незначительными отличиями между собой. Говоря кратко, их всех считают чем-то вроде людей, боговдохновенных и пораженных вакхическим безумием, которые в образе служителей божества при совершении священных обрядов устрашают людей военной пляской, исполняемой в полном вооружении под шум и звон кимвалов, тимпанов и оружия, в сопровождении флейты и воплей. Поэтому эти [т. е. идейские] священные обряды считают в известном отношении родственными обрядам, справляемым у самофракийцев, на Лемносе и в некоторых других местах, так как божественные служители называются там одним и тем же именем. <... >
>
> Общим для греков и варваров является обычай совершать священные обряды, соединяя их с праздничным отдыхом, а именно: одни обряды справляются с религиозным исступлением, другие — без него; иногда — с музыкальным сопровождением, а иногда — без музыки; одни — сокровенно, другие — открыто. <... > отдых, во-первых, отвлекает ум от человеческих

> занятий и обращает подлинно свободный ум к божественному; во-вторых, божественное исступление основано, по-видимому, на некоем божественном вдохновении и особенно близко роду людей, наделенных пророческим даром; в-третьих, таинственная сокровенность священных обрядов придает больше святости божественному, так как она подражает божественному естеству, непостижимому человеческим чувствам; наконец, в-четвертых, музыка сопровождающая пляску, ритм и мелодия приводят нас в соприкосновение с божеством одновременно как вызываемым ею удовольствием, так и художественным исполнением.

Сообщение Страбона о близости дактилей многим другим подобным группам, утверждение Эфора об их связи с Самофракией и описание дактилей как гоэтов, которое мы находим у Гелланика, в совокупности складываются в исключительно сложную картину. Сложна она, в первую очередь, чрезвычайным разнообразием терминов, названий и географических местностей, связанных с единой темой — темой происхождения и характера греческих мистериальных религий.

Эти мистерии были наследницами традиций и практик, гораздо более древних, чем государственная олимпийская религия классической эпохи. Некоторые из них восходят к такой глубокой древности, что истоки и смысл их попросту не укладываются в традиционные академические представления о классической культуре греков. Наглядности ради можно упомянуть, что микенскую культуру отделяет от классической эпохи Греции примерно такой же промежуток времени, как классическую эпоху — от наших дней. Иными словами, хотя мы называем всю Древнюю Грецию «древней», истоки греческой культуры были древними уже в классические времена. С учетом этой отдаленности во времени и со скидкой на путаницу в терминах, названиях и географических привязках, ситуацию в целом можно описать так: в самых важных и древних культовых центрах греческого мира проводили обряды, посвященные великим богам. В каждом из таких центров поклонялись, как правило, не одному архаическому божеству, а небольшой группе — допустим, трем или четырем. Нередко эти божества почитались в более древних и первобытных ипостасях,

нежели те, которые интегрировались (в гомеровских вариантах) в «олимпийскую» религию полисов. Типичный пример подобной группы составляют Деметра, Персефона и Аид (или Зевс как заместитель последнего). Локальный миф, связанный с таким культом, зачастую включал в себя, наряду с другими элементами, мотивы смерти, нисхождения в подземный мир и рождения или воскресения того или иного божества данной группы. Основным божествам сопутствовали различные служители — свидетели и подчиненные персонажи, появлявшиеся в различных ключевых точках сюжета (наподобие волхвов в сюжете о рождении Иисуса). Роли, отводившиеся различным участникам обряда, соответствовали вполне естественным образом мифологическим функциям этих служителей. И подобно тому, как актеров иногда путают с персонажами, которых они играют, подчас возникала путаница между богами и их мифическими слугами, с одной стороны, и участниками ритуала — с другой. Это не значит, что сами обряды непременно представляли собой нечто вроде мистериальных пьес или драм, воспроизводящих сюжет мифа, — по-видимому, так было не во всех случаях. Но тем не менее в период основания мистериальных культов ритуал исполнялся гоэтами или с участием гоэтов.

Таким образом, гоэты были одновременно и основателями и первыми исполнителями важнейших и самых престижных религиозных торжеств и обрядов древнегреческого мира. Это обстоятельство помещает гоэта в самое средоточие архаической греческой культуры, бытовавшей за много столетий до того, как с развитием полисов и олимпийской религии в VIII веке до н. э. само слово «гоэт» начало превращаться в бранное. Одним из важнейших регулярных торжеств, основание которых приписывали дактилям, были Олимпийские игры. Некоторые античные авторы датируют это событие 1453 годом до н. э., другие утверждают, что игры были учреждены дактилем по имени Геракл в 1222 году до н. э. (Еще одна традиция называет основателем Олимпийских игр Пелопса — персонажа, к которому мы не раз будем обращаться в следующей главе; однако следует отметить, что дактили ассоциировались с состязаниями атлетов-бегунов, а Пелопс — с колесничными бегами.) Страбон отрицает достоверность приведенных датировок, предполагая, что Гомер непременно упомянул бы

об Олимпийских играх, если бы те уже существовали в его время. Другие авторы возражают ему, указывая, что в определенный момент эти игры надолго утратили былое значение и возродились только в 884 году до н. э. В действительности же святилище Зевса в Олимпии было возведено в X веке до н. э., а традиционные даты, названные выше, интересны даже вне зависимости от их гипотетической связи с олимпиадами. Упоминание о 1453 годе до н. э. в связи с дактилями относит деятельность последних к микенской эпохе и к периоду упадка минойской культуры, что само по себе весьма любопытно и находит подтверждения в других источниках.

Возможно ли проследить связь между мифологическими дактилями и какими-либо историческими персонажами? Ответом на этот вопрос служат упоминания об особых племенах кузнецов и металлургов, населявших Анатолийские горы, Кавказ и Карпаты. Отождествить мифологических дактилей с этими историческими племенами можно без особого труда. В литературных источниках упомянутые племена фигурируют под названием «хализоны», или «халибы». Это название этимологически родственно греческому слову *chalybos* — «железо»; иными словами, железо считалось «металлом халибов».

Тот же корень обнаруживается в названии знаменитого Экскалибура — меча короля Артура (в легендах о котором, по мнению современных историков, сохранились следы влияния сарматских всадников, служивших в римских войсках в период завоевания Британии). В XIX веке на склонах горы Бешбармаг (ныне на территории Азербайджана), название которой переводится как «Пять пальцев», работали цыгане-кузнецы. Вплоть до относительно позднего времени эта гора называлась по-гречески Пентадактилос, что также означает «Пять пальцев». По этому названию халибы, добывавшие железо в тех краях, и стали именоваться дактилями.

Важно принять во внимание то, что халибы представляли собой особую касту, специализировавшуюся на обработке металлов. Профессиональные касты такого рода — общеизвестный феномен, с которым историки и этнологи сталкиваются почти по всему свету. И почти повсеместно древнейшие специалисты по обработке металлов составляли выделенные группы такого типа. В некоторых регионах касты, обособленные по профессиональному признаку, сохраняются и по сей день.

В Европе Средних веков и периода колониальной экспансии одну из таких каст составляли цыгане, специализировавшиеся главным образом на обработке меди.

Халибы первоначально тоже работали с медью, а также с серебром и золотом; затем они научились выплавлять латунь и бронзу и наконец освоили железо. Они не только добывали железную руду и выплавляли из нее металл, но и ковали железное оружие, доспехи и орудия труда. Их потомки или преемники из других этнических групп продолжали дело предков вплоть до недавнего времени. Не исключено, что племена металлургов принадлежали к числу древнейших обитателей Малой Азии; в истории и мифологии этого региона они сыграли весьма заметную роль. Все горные области Малой Азии богаты металлическими рудами (в том числе гематитовой), залежи которых выходят на поверхность и легко поддаются разработке. Многочисленные литературные, археологические и фольклорные данные свидетельствуют о том, что выплавкой железа в Малой Азии занимались именно горные племена, которые в древности назывались халибами и, судя по всему, имели прямое отношение к мифологическим дактилям. Напомним, что дактили традиционно связывались с металлургией и огнем, что они, равно как и другие подобные мифологические персонажи, имели прямое отношение к культу Матери Богов, что они были связаны с богом огня и считались его помощниками, и, наконец, что они ассоциировались с магией и мистериальными культами.

К какой этнической группе принадлежали халибы — не мне судить. Отмечу, однако, что в рассматриваемый период они поддерживали тесные связи со скифами и фракийцами. Известно также, что племена металлургов обитали на Балканах и по берегам Дуная с незапамятных, доисторических времен. С другой стороны, хетты, вне сомнений, научились обрабатывать железо еще до начала миграции фригийских и киммерийских племен, так что, вероятно, и у них металлурги оформились в особую касту достаточно рано. Эта древняя хеттская каста была тесно связана с народом, известным под названием «мушки» (греки называли их мосхами). Предполагают, что эти таинственные мушки, наряду с фригийцами из Фракии, приложили руку к окончательному разгрому Хеттского царства. В греческой исторической литературе они начали упоминаться

в связи с Фригийским царством эпохи Мидаса, пришедшим на смену Хеттскому. В ассирийских источниках времени Саргона II Мидас упоминается как царь мушков по имени Мита. Эти мушки успешно противостояли всем попыткам ассирийцев захватить богатую металлами область Табал (с названием которой связано имя библейского кузнеца Тувалкаина). Когда Фригийское царство было разрушено киммерийцами, северо-восточные племена мушков переселились в Колхиду. Память о маршруте их миграции сохранилась в названии Мосхийских гор (между Малой Азией и Колхидой) и, возможно, в жизни и обычаях племен, населявших эту горную область. Другое племя, ассоциирующееся с халибами, осталось в Малой Азии: это тибарены, которых иногда отождествляют с древним населением Табала.

Итак, не исключено, что армянские халибы-металлурги, обитавшие в Колхиде, и халибы Малой Азии имели различное происхождение. Но аналогичные касты имелись и у захватчиков, вторгавшихся в эти земли, и нет ничего удивительного в том, что всех их начали объединять под одним названием. Подобные общины, когда связанные этническим родством, а когда и нет, существовали по всему Причерноморью. И поэтому нет необходимости (да, пожалуй, и практической возможности) твердо установить, относились ли халибы к местному населению или были мигрантами. Вне всякого сомнения, они заключали союзы с каждым из народов, которые волна за волной переселялись в эти земли. В частности, союзнические договоры связывали халибов с царскими династиями Лидии и Фригии. Антропологические исследования показывают, что подобное поведение типично для металлургических каст. Повсеместно, за исключением современного западного мира, взаимодействие между такими кастами и окружавшими их народами строилось на договорной основе. На основании договора профессиональная каста могла стать данницей какого-либо соседнего государства или войти в его состав, сохраняя за собой определенные права. Так или иначе, для нас важно то, что халибы, независимо от своей этнической принадлежности, сосуществовали с другими народами и даже мигрировали наряду с другими племенами, не теряя своего особого статуса и рода занятий.

Весьма вероятно, что именно причерноморские халибы открыли и начали разрабатывать залежи железа на горе Ида во

Фригии. Напомним еще раз, что термином *chalybos* греки обозначали железо высочайшего качества, то есть сталь — сплав железа с углеродом. И это же слово служило названием для общины халибов Причерноморья. Железом халибы платили дань и торговали с соседними народами и с греческими городами. Стефан Византийский, географ VI века н. э., писал о халибах, обитавших в бассейне реки Фермодонт. Несмотря на то, что одно время его свидетельство считалось сомнительным, по всей вероятности, он был прав. Даже в XIX веке неподалеку от Фермодонта, на месте древнего причерноморского города Ойноя, все еще работали сталевары, добывавшие металл, по-видимому, из гематитовой железной руды (как и металлурги, трудившиеся на склонах горы Бешбармаг). Свою продукцию они отсылали в Константинополь (бывший Византий).

С течением времени численность горных племен сокращалась. Более того, профессиональные общины металлургов с самого начала были немногочисленны. На первых порах рынок сбыта у них был невелик, а когда спрос на железо возрос, многие города и государства стали посылать на поиски руды собственные отряды. В итоге многие горные племена были перебиты, ассимилировались с захватчиками или вынужденно переселились в другие места. Была и еще одна причина относительной малочисленности подобных общин, а именно — характерная для металлургических каст практика эндогамии, обеспечивавшая эксклюзивное владение секретами мастерства.

Так или иначе, важно иметь в виду, что вплоть до своего исчезновения эти горные племена обслуживали интересы последовательно сменявшихся волн завоевателей. Соседние народы обычно считали их малоразвитыми варварами, сохраняющими примитивные обычаи и верования. Но тем не менее обрядовые и религиозные практики горцев неизбежно и достаточно сильно влияли на культуру обитателей низин. И причиной тому была не только территориальная близость, но и особый характер и функции, присущие этой профессиональной группе. К кузнецам и к общинам, в которые они нередко объединялись, во все времена относились неоднозначно и даже с некоторым подозрением. Все, в том числе и сами кузнецы, воспринимали кузнечное дело как магическое искусство. Зачастую у мастеров по металлу имелись собственные верования, обычаи и обряды, отличавшие их от соседей. Кроме того, стороннему

мовладателю внушали ужас некоторые магические практики, связанные непосредственно с кузнечным делом, такие, например, как закалка меча в крови или обычай испытывать свежевыкованный клинок на мертвом, а то и живом теле. Социальный статус кузнеца и престижность его профессии могли варьироваться в широких пределах: в одних обстоятельствах он становился изгоем, в других, наоборот, пользовался всеобщим почетом. В этом плане положение кузнеца было во многом подобно статусу профессионального мага или жреца в архаическом обществе. Нередко возникали общины, специализировавшиеся одновременно и на металлургии, и на магии; и многое свидетельствует о том, что именно так обстояло дело с халибами.

Страх и уважение, которые внушала магия кузнецов, очень часто переносились и на плоды их трудов. В особенности это характерно для отношения к оружию. Многие легенды повествуют о предметах оружия, наделенных особой магической силой, как о неотъемлемых атрибутах героев и даже богов. В частности, именно так относились, как мы вскоре увидим, к изделиям, вышедшим из-под молота тельхинов и циклопов — легендарных кузнецов, в основе своей эквивалентных дактилям.

Халибы в мифах и легендах классической эпохи

В классическую эпоху дактилей чтили как богов, благосклонных к людям. Их имена входили в защитное заклинание, отгонявшее страх и отводившее опасность. Кроме того, им приписывали создание так называемых эфесских письмен — знаменитого защитного заклинания IV века до н. э. По преданию, оно было начертано на статуе Артемиды Эфесской. В различных вариантах это заклинание встречается на многих талисманах и в ритуалах из греческих магических папирусов; стандартная его форма такова: «Аски Каташки Ликс Тетракс Дамнаменей Эсион» (*Aski Kataski Lix Tetrax Damnameneus Aision*). Это непереводимые слова, относящиеся к категории так называемых варварских имен. Что касается имен идейских дактилей-мужчин, то в различных источниках они приводятся по-разному. Часто цитируемый фрагмент из Гесиода содержит

имена Келмий, Дамнаменей, Дел и Скиф; Страбон называет имена Келмий, Дамнаменей, Геракл и Акмон; у Павсания дактилей зовут Геракл, Пеоней, Эпимед, Иасий (Иасион) и Идас или Акесид. Старейшими из них считались Акмон, Дамнаменей и Келмий. Имена тельхинов — еще одной группы магов кузнецов, стражей младенца Посейдона, — свидетельствуют об их связи с дактилями. Их имена в различных источниках Дамон, или Демонакс (предводитель тельхинов); Лик, Келмий и Дамнаменей, составляющие триаду; Актей, Мегалесий Ормен (или Гормен) и Лик, составляющие четверицу.

К чудесным деяниям тельхинов причисляют создание Посейдонова трезубца и серпа, которым Крон оскопил Урана. По более древнему преданию, этот серп сотворила сама Гея Земля. Серп считался священным атрибутом Деметры и спартанской Артемиды Ортии, а халибы сражались серповидными клинками. Трезубец Посейдона изначально представлял собой форму перуна-молнии; и трезубец, и серп встречаются в качестве вариантов основного оружия у различных ближневосточных богов грома.

Евстафий вслед за Стесихором отождествляет тельхинов с куретами, называя их критскими чародеями. Он подразделяет их на две группы в соответствии со стандартной классификацией духов на «добрых» и «злых» (впоследствии перенесенной и на магов). К первой группе относились тельхины-ремесленники, изобретатели скульптуры и металлургии, а ко второй — грозные божества, насылавшие свирепые ветры и варившие в своих котлах губительные зелья. Считалось, что тельхины могут жить как под водой, так и на суше; обликом одни из них были подобны людям, другие — рыбам или змеям; у некоторых не было рук, у других — ног; в описаниях упоминаются также перепонки между пальцами, голубые глаза и черные хвосты. Свирепый характер, который приписывали тельхинам некоторые авторы, свидетельствует о глубокой древности этих персонажей: с утверждением олимпийской религии многие архаические божества, ранее считавшиеся амбивалентными, стали восприниматься как носители чистого зла. Странности их внешнего облика напоминают о так называемых минойских «даймонах», или «гениях», которые традиционно изображались в ритуальных сценах, выступая, судя по всему, в жреческих ролях. Лица их подобны собачьим мордам, руки и

ноги — звериным лапам, а спину покрывает панцирь с острым хребтом. Буркерт сравнивает их с египетскими изображениями богини Таурт, носящей на спине крокодилью шкуру. Это сходство немаловажно, однако оно не объясняет ни многочисленности минойских «даймонов», ни ритуальных функций, которые они исполняют.

Дактилей-женщин некоторые авторы отождествляют с ореадами — горными нимфами, которые ассоциировались с соснами, растущими в горах. Они вступали в браки с дактилями-мужчинами и рожали от них куретов и корибантов, выступавших мужскими эквивалентами менад в обрядах Кибелы и Диониса. Соответственно, дактили считались также родителями кабиров, сатиров и так далее. С дактилями женского пола связывалась также группа из пяти нимф, покровительствовавших сельским танцам, — Гекатериды, чье общее имя созвучно имени Гекаты; и, между прочим, ореады иногда считались дочерьми Гекаты.

В некоторых источниках приводятся имена куретов: Примней, Мимас, Акмон, Дамней (Дамнаменей?), Окифой и Идей, и в этом перечне имеются пересечения с именами дактилей и тельхинов. Кроме того, возлюбленными куретов считались ясеневые нимфы Мелии, общее имя которых, вероятно, связано с именем «Мелисса», означающим «пчела»; такое имя носила, в частности, жрица Деметры. Спартанский курет Пиррих ассоциировался с Силеном, а еще один, Мелиссей, — с Аристеем, покровителем пчел. Мелиссея («пчелиного») причисляли то к куретам, то к титанам, и такое же имя носил один из эвбейских корибантов.

Кабиры, подобно дактилям, составляют группу загадочных персонажей, тесно связанных с древними мистериальными религиями. Утверждалось, в частности, что они «прислуживали» при рождении Зевса в Пергаме (еще один топоним, общий для Крита и Анатолии). Точное значение и происхождение термина «кабиры» не установлено, но предполагают, что он восходит к семитскому корню *kbr* (возможно, через ассирийское слово «кубуру», означающее «великий»); таким образом, кабиры — это искаженное «кабирим», что значит «великие боги». Если эта интерпретация верна, то они могут быть связаны и с «керубим» (херувимами), то есть «сильными». Как и дактили, кабиры ассоциировались с кузнечным делом и огнем и считались сыновьями Гефеста. Этот бог, у римлян известный под именем

Вулкан, тесно связан с вулканическим огнем. В Элевсинских и многих других мистериях часто использовались не прямые, а описательные имена богов — своего рода условные титулы; и, судя по всему, к числу таких титулов принадлежит и термин «кабиры». Сами кабиры, так же как и боги, служителями или представителями которых они выступали, нередко именовались просто *Theoi Megaloi*, «Великие боги», а это выражение — прямой греческий эквивалент древнееврейского «кабирим». В языках рассматриваемого региона звук *k* легко переходил в *g*, так что «кабирим» без труда могли превратиться в «гебурим», то есть «сильных». Кроме того, геберами по-арабски назывались маги — те самые волхвы, что пришли поклониться младенцу-Иисусу, рожденному в пещере. Еврейский корень ChBR со значением «соединять» может означать также «сочетания слов», «заклинания», «брат» и «колдун».

Еще одна группа схожего рода — корибанты; такое название носили не только мифологические персонажи, охранявшие новорожденного Зевса на горе Ида, но и жрецы мистериального культа во Фригии и на Крите. В ходе своих обрядов они бряцали оружием, ударяли в щиты и кимвалы и исполняли экстатические танцы. Корибантов нередко отождествляли с идейскими дактилями. В Кноссе справляли праздник под названием «Корибантика». Корибанты сопоставлялись, а иногда и отождествлялись с куретами. Куреты, как и дактили, считались мастерами всех искусств и просветителями многих областей Древней Греции. Как и корибанты, они оберегали младенца-Зевса от его отца Крона: чтобы заглушить крики новорожденного, они плясали у входа в пещеру Идейской горы воинственный танец, ударяя в щиты и кимвалы. В награду им даровали особый жреческий статус в свите Великой Богини. Кроме того, и куреты, и корибанты считались защитниками Загрея — сына Зевса от Персефоны, богини подземного мира. В подобных обрядах старшие и младшие ипостаси одних и тех же богов и богинь нередко фигурируют под разными именами и могут отличаться друг от друга весьма существенно. Так, имя Загрей изначально носил сам младенец-Зевс.

Археологические данные свидетельствуют, что в минойскую эпоху пещера на горе Ида, связанная с культом Зевса, была обставлена довольно скромно, однако позднее стала крупным мистериальным центром, где проводились посвящения.

Среди прочего в ней были найдены бронзовые щиты куретов и многие другие аксессуары культа Зевса, соответствующие описаниям классической эпохи. Тем не менее, пещерные святилища, безусловно, возникли гораздо раньше, и не исключено, что до утверждения классического культа Зевса они были связаны с дактилями. В числе обнаруженных в этих пещерах подношений минойской эпохи — бронзовые мечи и другие металлические предметы, в которых бросается в глаза отсутствие отделки. Это позволяет предположить, что подобные изделия не предназначались для простых смертных и уж тем более для аристократов, а представляли собой подношения богам от некой древней «гильдии» кузнецов.

Страбон уподобляет куретов и корибантов сатирам — спутникам Диониса, или Вакха. Один из известных сатиров — вечно пьяный философ Силен, пестовавший младенца-Диониса, а позже ставший его постоянным спутником и советчиком. К роду сатиров принадлежали также флейтист Марсий и поэт Олимп. Кроме того, сатиры и другие группы божеств, такие как тельхины, следовали за Дионисом в походе на Восток, в котором он, по преданию, добрался до Индии.

Указания на численность и имена кабиров в древних источниках разнятся, что свидетельствует о нескольких этапах развития и дифференциации этой группы. В случаях, когда кабиров насчитывается трое, обычно речь идет о некоем древнейшем божестве, которому сопутствует пара служителей. Но иногда утверждается, что их семеро, и в этой фазе развития кабиров можно уподобить пеласгийским титанам и вавилонским планетным богам.

В различных греческих источниках упоминаются двое кабиров — Алкон и Эвримедон, а также четверо — Аксиер, Аксиокерса, Аксиокерс и Кадмилл. Последние четверо иногда отождествляются с Деметрой, Персефоной, Аидом и Гермесом, причем Гермес, по мнению ряда исследователей, был добавлен в эту группу позднее. Действительно, кабиры определенно старше классического Гермеса, однако тот факт, что Кадмилл отождествляется с соискателем посвящения, указывает на глубокую древность этого персонажа. Персонаж такого типа — это, как правило, и есть основатель культа: одновременно и бог, и первый посвященный. Кроме того, к кабирам имеет отношение Дардан — то ли один из кабиров, то ли учредитель их

культа в Троаде. У Дардана был брат Иасион, и такое же имя носил один из дактилей. Позднее, в эллинистическую эпоху, Дардан фигурирует в магических папирусах в связи с волшебными свойствами магнита.

Мистерии, связанные с кабирами, имели важнейшее значение на островах Имбр и Самофракия; самофракийские обряды отличались особой пышностью. Кроме того, божественные почести кабирам воздавали во Фригии и Македонии, на Лемносе, в Фивах, Антедоне, Пергаме и в других городах и местностях. Входить в святилище кабиров не дозволялось никому, кроме жрецов, но покровительства и защиты этих божеств искали многие древние герои и цари. В мистерии кабиров были посвящены Филипп Македонский и его жена, царица Олимпиада, а Германику Цезарю пройти подобную церемонию помешало лишь неблагоприятное знамение, вскоре после которого он умер. Среди даров, которые посвященный мог получить от кабиров, числилась безопасность на море, а ее залогом служила пурпурная повязка на руку (вероятно, из окрашенной шерсти жертвенного барана).

Известные параллели наблюдались также между кабирами и Диоскурами. В позднеклассический период кабиры стали почитаться главным образом как покровители мореплавания, и эту же функцию выполняли Диоскуры. Геродот описывал изображения кабиров как «имеющие вид карликов» и сравнивал их с фигурами так называемых патеков, помещавшихся на носах финикийских триер. Отцом кабиров считался Гефест, древний бог металлов и кузнечного ремесла. По свидетельству финикийского автора Санхуниатона, Гефест также был первым мореплавателем. И хотя в «официальной» олимпийской мифологии этот бог нередко оказывается мишенью для насмешек, даже в своей поздней форме он сохранил немало признаков былого величия. Многие афиняне держали изваяния Гефеста в домашних святилищах, а на Лемносе и в ряде других мест ему поклонялись как великому божеству. В древности его супругой считалась Афина, а не Афродита, и афиняне чтили эту чету как домашних божеств. Вечной девственницей Афина была объявлена достаточно поздно — в тот же период, когда лишилась, как и Гефест, многих своих важных функций, не вписавшихся в картину государственного олимпийского культа.

Небесным образом Диоскуров, божественных братьев, было созвездие Близнецов. Его астрологический символ представляет

собой стилизованное изображение доканы — загадочного культового предмета, связанного с Диоскурами. У греков Диоскуры носили имена Кастор и Полидевк, у римлян — Кастор и Поллукс. Согласно классическому мифу, они были сыновьями Зевса либо от Немезиды, либо от Леды. По второй версии, Зевс соблазнил Леду, приняв обличье лебедя, и та родила два яйца, из которых вышли двое смертных и двое бессмертных близнецов. Согласно одному из вариантов, Полидевк и Елена были бессмертными отпрысками Зевса, а Кастор и Клитемнестра — смертными детьми Леды. Еще одна менее известная версия гласит, что Леда родила только одно яйцо, из которого вышли на свет Диоскуры. Однако родство Елены с Кастором и Полидевком играет важную роль во многих мифах, а ее божественная природа, чем бы та ни объяснялась, позволяет предположить, что в доолимпийскую эпоху существовал некий связанный с нею культ. В некоторых сюжетах Елена посмертно становится супругой Ахилла на Островах Блаженных, а в других мифах это место отводится Медее. По-видимому, оба эти женских персонажа восходят к архаическому образу Богини-Дочери, о чем свидетельствуют, среди прочего, роль Елены в истории Автолеона и тесная связь Медеи с Гекатой.

Некоторые авторы отмечают, что в поздние времена Диоскуров нередко смешивали с кабирами. В действительности тождества между ними нет, но есть некоторые важные черты сходства. Диоскуры выполняли лишь некоторые функции, присущие кабирам, но не все. Среди прочего, Кастору и Полидевку приписывалось изобретение боевых танцев, что сближает их с куретами и корибантами. Нередко Диоскуры изображались верхом на лошадях, в яйцевидных шлемах (или во фригийских колпаках наподобие того, в котором предстает на многих изображениях бог Митра) и со звездами над головами. Эти и прочие атрибуты встречаются на древних стелах и геммах, связанных с фракийскими и другими мистериальными культами. Примечательно также, что в мифах Диоскуры оказываются посвященными в таинства кабиров и в Элевсинские мистерии. Таким образом, весьма вероятно, что эти божественные близнецы ассоциировались с мистериальными религиями с глубокой древности, каковы бы ни были их изначальные функции.

В классическом мифе Диоскуры сразу же по достижении зрелости присоединяются к походу аргонавтов. Позднее

они вдвоем без посторонней помощи очищают Геллеспонт и его окрестности от морских разбойников. В одном из эпизодов мифа о плавании аргонавтов на море поднимается свирепая буря, но над головами Диоскуров загораются огни, и ветер тут же стихает. Этот световой феномен, часто возникающий на море во время грозы и ныне известный как огни святого Эльма, в древности назывался огнями Кастора и Поллукса. Считалось, что одинокий огонек на мачте корабля предвещает бурю, а два огонька — ясную погоду; и именно к Диоскурам моряки взывали о помощи и защите. Такое же поверье связывалось с двумя ярчайшими звездами из созвездия Близнецов, по видимости которых предсказывали погоду на море.

Подобная связь с морем роднит Диоскуров с тельхинами, которые считались морскими божествами и чародеями. Примечательно, что тельхины ассоциировались главным образом со вредоносной магией и сглазом. Из всех рассмотренных групп архаических божеств, считавшихся стражами того или иного новорожденного бога, именно тельхинов можно в первую очередь заподозрить в том, что в древнейшей форме мифа они убивали и пожирали этого божественного младенца.

Гоэты, справлявшие первобытные обряды, считались, подобно тельхинам, искусными оборотнями. Мастера драматических ритуалов и владыки посвящений, они повелевали дождем и градом, снегом и громом; они могли даровать плодородие земле или, наоборот, сделать ее бесплодной. Они создавали священные изображения богов и разыгрывали сюжеты мифов под музыку и магические песнопения. Они проводили таинственные церемонии, связанные с подземным миром, смертью и воскресением. В ритуале они отождествлялись с богом и возлюбленным богини, и с ходом времен в памяти мифа божества фактически слились воедино со своими служителями-гоэтами.

Отголоски античных мистерий в балканских обрядах

Итак, мы установили, что гоэт — это служитель архаических ритуалов, связанных с различными мистериальными культами. На Балканах сохранились народные обряды

приоткрывающие завесу тайны над древними мистериями, к которым они восходят. Среди прочего, сопоставление этих обрядов с литературными источниками позволяет предположить их родство с таинствами Самофракии. Археологические находки подтверждают, что многие элементы балканской обрядовости сохранялись в неизменности по меньшей мере со времен Римской империи. Те же устойчивые элементы представлены в темах и мотивах изображений на средневековых хорватских надгробиях. Нет сомнений, что упомянутые обряды составляют мощную и живую часть культуры Балканского региона. Антропологи наблюдали их уже в наши дни и описали как стадии большого цикла местных народных ритуалов. Мы здесь рассмотрим лишь несколько взаимосвязанных частей этого цикла, составляющих ядро ритуальной практики, на основе которого могут возникать и другие, менее значительные обряды, служащие различным целям. Этот большой ритуал (будем называть его так) во многих отношениях можно описать как праздник поминовения умерших, хотя он выполняет и некоторые другие функции. Проходит он в мае или июне и продолжается три дня. В первый день навещают могилы умерших, подносят им пищу и напитки и вслух приглашают их вернуться в мир живых. Затем устраивают шествие, первыми в котором идут женщины, родственницы умерших, несущие пищу и напитки. За ними следует шеренга танцоров: три девушки и по краям шеренги двое юношей. По меньшей мере один из этих юношей должен нести меч. Все пятеро держатся за руки и несут зеленые ветви, вино и яйца, а также иногда зажженные свечи. За ними идут музыканты — в наши дни, как правило, со скрипками, но изначально, скорее всего, с флейтами, барабанами и кимвалами. Задача этой процессии, по-видимому, заключается в том, чтобы привести умерших с кладбища в то место, где будет проходить основной ритуал. Танцоры жестами показывают, как тащат кого-то за собой, а на спинах у них прикреплены небольшие зеркала — ловушки или манки для духов.

Когда процессия достигает места назначения, то есть главной площади, начинается пир. Музыканты садятся и поют во славу умерших. Танцоры исполняют еще один танец, попрежнему держась за руки. Во время этого танца родственницы умерших кормят танцоров, подавая им еду со стола. Несколько таких групп танцоров действуют независимо друг от

друга, представляя различные семьи, собравшиеся на площади. Танец повторяется для каждого из умерших и даже для стариков, которые в это время лежат под пиршественными столами, имитируя смерть; сами старики объясняют это тем, что желают заранее убедиться, что поминальные обряды для них исполнят по всем правилам.

Затем следует еще один танец — на этот раз круговой. В нем обязаны принять участие все замужние женщины (и в особенности те, кто вышел замуж за последний год), но и любые другие местные жители могут присоединиться к хороводу. В отличие от танцоров и музыкантов, которые действовали на предыдущем этапе, участники этого танца не эквивалентны древним служителям мистериальных культов. Цель хоровода — обеспечить плодовитость женщин и, весьма вероятно, способствовать перерождению умерших в том же роду или общине.

Следующий этап ритуала уже начал отмирать во времена, когда проводились антропологические наблюдения, но когда-то он был одним из важнейших элементов празднества. На площадь приходят и падают в трансе некие женщины, которых так и называют — «припадочными». Они заранее знают, что с ними это произойдет, и являются к месту ритуала именно с этой целью. В танцах они не участвуют; их ритуальная функция сводится к переживанию и демонстрации транса. Способ, которым этих женщин приводят в чувство, явно имеет древние корни. Несколько юношей и девушек из числа ритуальных танцоров берут «припадочную» на руки и несут к реке. Не доходя до берега, женщину кладут на землю, и главный танцор чертит у нее на груди крест своим мечом. Затем он жует смесь чеснока и полыни и сплевывает ее женщине на щеку. После этого все танцоры, участвующие в этой части обряда, касаются женщины ногами и трижды обходят вокруг нее в танце, распевая заклинание. После этого «припадочную» снова поднимают и несут дальше, затем снова кладут на землю и повторяют вышеописанные действия, и так в общей сложности три раза, пока не доберутся до реки. Затем женщину, погруженную в транс, переносят на другой берег, и это можно смело отнести к числу пережитков древнего обряда, к которому восходит весь этот поминальный ритуал. На другом берегу реки женщину поднимают на ноги; меченосцы скрещивают мечи у нее над головой, а остальные льют воду на скрещенные лезвия. Один

из юношей собирает эту воду в пригоршню и дает выпить ее женщине. После этого она обычно сразу же приходит в себя, но если нет, процедуру повторяют несколько раз. Считалось, что она сойдет с ума или умрет, если не исполнить для нее этот обряд. В транс она входит не для прорицания (хотя в другое время может и предсказывать будущее), а для того, чтобы спуститься в загробный мир ради умерших. Затем ее возвращают к жизни при помощи магических обрядов, чтобы душа ее не заблудилась в загробном мире.

Меченосцы явно соотносятся с такими персонажами мистерий, как салии, куреты и прочие вооруженные танцоры. Переход через воду напоминает о том, что Диоскуры, кабиры и гельхины ассоциировались с защитой от опасностей на море. Тема спасения духа умершего присутствует также в мифе об аргонавтах, в плавании которых участвовали те же Диоскуры и Орфей. Музыканты, поющие для мертвых, эквивалентны матам-плакальщикам. «Припадочные» женщины путешествуют в загробный мир, чтобы помочь душе умершего, а затем возвращаются к жизни при помощи магии. Все эти мотивы отчетливо архаичны и связаны с древними погребальными обрядами.

Отвлечемся ненадолго от балканского ритуала и проясним несколько обстоятельств, касающихся архаической греческой религии. Широко известно, что средиземноморское и ближневосточное язычество отличалось терпимостью по отношению к богам и религиозным обычаям других народов. Враждебность к другим религиям проявлялась редко: обычно на чужие верования реагировали с любопытством и начинали сравнивать их со своими. Однако не все отдают себе отчет, что мифологическая литература классической Греции не имела практически никакого отношения к религиозной практике. Локальные верования и обычаи никак не касались всего этого гигантского сонма божеств — небесных, земных, морских и подземных — и их несметных возлюбленных, потомков, врагов и подопечных; и даже двенадцать олимпийцев не были исключением. До распространения грамотности и появления городов-государств (а в сельской местности еще дольше) бытовали местные культы, основанные на гораздо более узком перечне действующих лиц. К примеру, «труппа» такой локальной мифологической драмы могла состоять всего-навсего из богини плодородия и ее супруга, возлюбленного или сына, олицетворяющего

Солнце, Весну или Год; иногда к ним добавлялся какой-нибудь полубожественный персонаж — царь или жрец. Нередко один или несколько из этих основных персонажей проявлялись в различных ипостасях. Бог, богиня или герой могли представать в старом и молодом образах или в других дуалистических ролях, например, в солярной и хтонической.

В честь этих божеств служили обряды, подобные тому, который описан выше. Кроме того, им посвящались ритуалы инициации и другие практики, обычно исчезающие из народной памяти быстрее прочих, — декламация священной поэзии, песнопения и музыка более древнего характера. Выше говорилось о скрипках, заменивших архаические музыкальные инструменты, и весьма характерно, что замены такого рода совершались уже в классическую эпоху. Многие знают, что афинского полководца Алкивиада обвиняли в неуважении к таинствам и осквернении священных герм (сходных с самофракийскими фаллическими изображениями). Но не столь широко известно, что из-за него в Афинах утратили популярность флейты: Алкивиад заявил, что игра на флейте — это удел «отсталых» беотийцев, потому что она искажает черты лица и музыкант выглядит нелепо. Из этого нетрудно сделать вывод, что игра на лире в религиозных церемониях того времени была новшеством. И едва ли можно счесть простым совпадением то, что под конец Пелопоннесской войны спартанцы срыли до основания стены Афин под звуки флейт, исполнявших военные марши.

Мифологическую литературу во многих отношениях следует рассматривать как порождение развитой культуры, оторвавшейся от своих корней. Авторы ее стремились рационализировать или истолковать в аллегорическом ключе различные архаические элементы локальных культов и их вариации, накопившиеся в ходе столетий. Многие из этих традиционных культов восходили еще к минойскому и микенскому периодам (3000 — 1200 до н. э.), тогда как гомеровские и классические интерпретации древних мифов относятся к периоду классики (800 — 400 до н. э.). Если принять это во внимание, то оценить значимость местных народных обрядов станет существенно проще, особенно в тех случаях, когда их содержание подкрепляется археологическими свидетельствами и данными письменных источников. Некоторые элементы, такие

как имена богов, музыка и тексты песнопений, забылись безвозвратно, однако многое уцелело и совершенно определенно указывает на связь позднейшей народной обрядовости с древними мистериями. Кроме того, сохранились доказательства связи этих поздних обрядов с другими функциями гоэтов.

Во-первых, исключительно важное место в народной магии занимает работа с огнем. Горное и кузнечное дело были развиты далеко не во всех местностях, где проводились мистерии. Но тем не менее во всех этих областях исключительное значение придавали ритуальному огню. Кроме того, огонь использовали в обрядах очищения и врачевания. Некоторые народные ритуалы этого типа, сохранившиеся в Балканском регионе, совпадают с архаическими вплоть до мелочей и помогают прояснить темные места в литературных источниках. Многие источники утверждают, что Диоскуры стали ассоциироваться с кабирами по причине того или иного сходства с этой группой. Однако в действительности персонажи, подобные Диоскурам, участвовали в ритуальном цикле испокон веков. Какую бы форму они ни принимали в различных локальных культах, их обрядовая функция оставалась неизменной. Совершенно очевидно, что некоторым мужским персонажам из числа кабиров или дактилей отводилась задача разведения и поддержания огня, и, насколько можно судить по пережиткам древних обрядов в народной традиции, эти персонажи эквивалентны Диоскурам.

Ритуальный цикл Балканского региона остается сложным даже на нынешней, поздней стадии. Части этого цикла, некогда составлявшие единое целое, теперь воспринимаются как разрозненные и отражают различные цели, которым служили этапы этого единого ритуального комплекса. Одна из таких обособившихся частей — разведение ритуального огня, которое, со всей очевидностью, составляет первый этап цикла. Разведение огня — это таинство, при котором дозволено присутствовать лишь непосредственным его участникам, даже если все остальные знают, как и где оно совершается. Прежде чем разжечь новый огонь, все старые огни в деревне гасят: считается, что они стали «несчастливыми».

Первым делом находят ветку дерева — ели, липы или ивы — с двумя отростками равной длины. Эти два отростка называют «близнецами», что вновь напоминает нам о Диоскурах.

Их срезают с ветки и высушивают, а затем вкапывают в зем лю, как столбики. У верхнего конца столбиков прорезают кру глые отверстия и продевают в них деревянный колышек, обыч но из более мягкой древесины, так чтобы он мог вращаться в этих отверстиях. Иногда под ним натягивают веревку или кла дут еще один колышек. Затем на верхний колышек накидывают веревочную петлю, и двое мужчин, предпочтительно братьев близнецов, берутся за концы веревки. На случай, если в дерев не близнецов не окажется, существуют дополнительные ритуа лы, один из которых известен как «обряд создания близнецов»

Близнецы поочередно тянут за концы веревки, и колышек вращается в отверстиях. Через некоторое время он разогрева ется от трения, и над всей этой конструкцией начинает подни маться дым, струи которого напоминают змей, встречающих ся на изображениях Диоскуров. Затем появляются первые ис кры. Третий участник ритуала ловит их сухим трутом и уносит прочь, подобно Прометею, похитившему огонь с небес. После разведения огня можно переходить к другим ритуальным действиям, из чего наглядно явствует, что оно всегда оставалось первым этапом цикла. Очистительная и целительная сила, которую традиция приписывала дактилям и кабирам, — прямое следствие их роли в разведении ритуального огня.

Очистительный обряд, как и «оживление» женщины, погруженной в транс, совершается на берегу реки. Для начала под корнями дуба — дерева, связанного с Зевсом, — выкапывают сквозной проход. Затем ритуальный огонь разделяют на две части и помещают по обе стороны от входа в этот лаз. Близнецы, разводившие огонь, становятся по обе стороны от выхода. Человек, желающий очищения, должен перейти реку вброд, пройти между огнями и проползти через подземный ход; нередко он при этом раздевается донага и ползет на четвереньках. Когда он выбирается с другой стороны лаза, близнецы легонько ударяют его по спине палками (можно сказать, жезлами), обожженными дочерна в ритуальном огне. Иногда эти палки расщепляют на конце и сажают в развилку живую змею. Разумеется, это не что иное, как память о змеином жезле Асклепия, божественного врачевателя и сына Аполлона. В других вариантах обряда на спине человека, проходящего очищение, чертят Н-образный знак, напоминающий докану — древний символ орудия для разведения огня.

Вместе с близнецами у выхода стоят две или три старухи с большими сосудами, по форме похожими на вазы. В одном сосуде молоко, в другом мед или топленое сало. В некоторых вариантах сосуд с топленым салом заменяют зеркалом, в которое должен заглянуть очищаемый. И сосуд с молоком, и зеркало упоминаются в описаниях орфических и элевсинских ритуалов. Кроме того, две вазы (амфоры) и две змеи — традиционные символы Диоскуров. После того, как человек выберется из лаза и его ударят палками по спине, старухи дают ему молока из первого сосуда и велят заглянуть во второй. Затем они читают заговор следующего содержания: «Я прошел через воды и не утонул. Я прошел через огонь и не обжегся. Я заглянул в топленое сало [или в зеркало] и не утонул». Затем очистившийся человек присоединяется к пиршеству, пищу для которого те же старухи готовят на ритуальном огне. Частицы этого огня раздают всем жителям деревни, чтобы те зажгли от них новые огни в своих домах.

Важная роль, которую в подобных обрядах играет вода, избавляет от стремления упростить интерпретацию и отождествить гоэта, разводящего огонь, с персидскими «огнепоклонниками», или «магами». О ритуальной функции воды знали еще филологи-классики XIX века: «Каждого человека, желавшего участвовать в торжественном жертвоприношении, очищали водой. С этой целью у входа в святилище обычно ставили сосуд, наполненный святой водой» (Поттер и Бойд, «Греческие древности», 1850). В некотором роде знали об этом и отцы церкви: Тертуллиан писал, что Малые мистерии в Элевсине начинались с «крещения» посредством полного погружения в воду, и полагал, что это было чрезвычайно опасное испытание: по его словам, таинства открывались тем, кто после этого выживет. Едва ли Тертуллиан располагал достоверными знаниями об Элевсинских мистериях; скорее всего, реконструкторы, подобные ему, просто сводили воедино известные им элементы различных культов. Но тем не менее подобные обряды, связанные с водой, со священными источниками и реками составляли важнейшую часть ритуальных очищений и жертвоприношений. Очистительные обряды, которые были неотъемлемой частью мистерий (зачастую включавших в себя более архаические и магические элементы, чем общепринятые формы культа), по своему происхождению и смыслу тождественны

ритуалам гоэтии, то есть магии. Вергилий говорит, что умерших, равно как и тех, кто намеревался совершить святые обряды, очищали посредством ритуального омовения или окропления водой, а для последнего использовали кропило из трав, связанных в пучок. Немаловажно, что в связи с этой темой на Вергилия (который в Средние века считался великим магом) ссылается Корнелий Агриппа. Ритуалы такого рода занимали исключительно важное место не только в религии, но и в магии древних греков. Очищение водой и освящение благовониями, которые составляют столь важную часть подготовки к ритуалу в позднейшей церемониальной магии, напрямую восходят к древнегреческим религиозным обрядам, зародившимся, в свою очередь, в лоне мистерий, главными участниками которых были гоэты. Тот факт, что схожим обрядам отводится важная роль в церемониале католического христианства, говорит лишь о том, что и христианские, и поздние магические обряды восходят к одному источнику — к ритуалам древней языческой религии.

Созвездия Северного полушария. Альбрехт Дюрер (с участием астронома Конрада Хейнфогеля), 1515.

В этом разделе гоэтической галереи мы ознакомимся древним учением о звездах, предшествовавшим развитию то астрологической системы, которую Запад в свое время унасл довал от греков. Древнегреческий астроном Ферекид связыва происхождение философии и астрологии с еще более ранни ми зачатками гоэтии. Кроме того, с этим архаическим учен ем о звездах он ассоциировал одного важного мифологическ го персонажа (с которым мы встретимся на следующем этап плавания «Арго»). И, наконец, благодаря Ферекиду истори некоторых важнейших положений неоплатонической и каб балистической космологии можно проследить до их истоков культуре халдеев и ионийцев.

Ферекид

Сириец Ферекид (584/583 — 499/498 до н. э.), наставник Пифагора, был, по преданию, сведущ в астрономической теологии халдеев, достигшей в ту эпоху полного расцвета. Золотой век халдейской астрономии начался на рубеже VII—VI вв. до н. э., а уже к 523 году до н. э. халдеи успешно предсказывали солнечные и лунные затмения и соединения планет. В числе достижений Ферекида, зафиксированных в письменных источниках, — изобретение солнечных часов и предсказание затмений Луны и Солнца. Кроме того, Ферекид разработал космологию, в основу которой легли три вечных принципа: Эфир, Время и Земля, представленные в образах Заса (Зевса), Хроноса и Хтонии.

Зас (Зевс):
сила или принцип Эфира

Хронос:
сила или принцип Времени

Хтония:
принцип Материи

Астрология

Эти три принципа напоминают те, что используются в некоторых направлениях зороастрийской философии, особенно в зерванизме. У Ферекида Эфир — это активное небесное начало, Хтония — материальный мир, на который оно воздействует, а Хронос, или Время, — среда, в которой совершается воздействие. Согласно этой теории, Хронос сотворил из собственного семени Огонь, Дыхание (или Воздух) и Воду. Хтония мыслилась как женская сущность, а в латинском изложении этой системы Зевс нарек ее именем Теллус, то есть Земля. Греческим соответствием Теллус, скорее всего, была бы Гея или Рея; все подобные имена взаимозаменяемы, по крайней мере отчасти. Учитывая ту важную роль, которую эта сущность

играла в космологии Ферекида, она почти наверняка тождественна Деметре, посвященным которой, по преданию, был его ученик Пифагор. Кроме того, Ферекид утверждал, что вселенная подразделяется на семь сфер: безграничное пространство, сферу неподвижных звезд, сферу пяти блуждающих звезд (Сатурна, Юпитера, Марса, Венеры и Меркурия), а также сферы Солнца, Луны, Земли и подземного мира.

Космология Ферекида

1. Сфера безграничного пространства
2. Сфера неподвижных звезд
3. Сфера блуждающих звезд
4. Сфера Солнца
5. Сфера Луны
6. Сфера Земли
7. Сфера подземного мира

Эти представления возникли за тысячи лет до концепции Перводвигателя, но тем не менее в них без труда узнаются прямые истоки неоплатонической и каббалистической космологических систем. В свете этого любопытно представить себе триаду сфер Солнца, Луны и подземного мира, окружающих Землю как отдаленный прообраз нижней части Древа Жизни.

Космология Ферекида — ключевое связующее звено между халдейским учением о звездах и греческой астрологией, а также между «иррациональной» мифологией и «рациональной» философией классической Греции. В отличие от своего ученика Пифагора, Ферекид не провозглашал себя философом: его астрономическая система, при всей своей изощренности, опиралась на магическое мировоззрение, выражавшееся в терминах мифа.

Месопотамское учение о звездах, ставшее предтечей астрологии, со всей определенностью сложилось еще до 1600 года до н. э. Об этом свидетельствует табличка эпохи вавилонского царя Амми-цадука (ок. 1647 — 1626 до н. э.), на которой запечатлены результаты наблюдений за планетой Венера. Весьма вероятно, что этой стадии предшествовал долгий период развития, охватывающий не менее двухсот лет. На рубеже XIX—XVIII вв. до н. э. месопотамская астрономия достигла больших

успехов в разработке лунного календаря и предсказании затмений. К концу IV века до н. э. халдеи уже составляли точные предсказательные таблицы движения Луны.

Таким образом, астрология развивалась по двум направлениям. Более древнее из них опиралось на наблюдения за небом в поисках знамений. Этот подход был известен многим народам с древнейших времен, и хотя исчерпывающей и связной системы предсказаний на его основе не сложилось, он, несомненно, внес значительный вклад в позднейшее развитие астрономии и астрологии. Второе направление, в рамках которого выработались основные элементы западной астрологии, привело к созданию всеобъемлющей прогностической системы. Однако в древние времена оно также не располагало методологией для предсказания положений планет, что главным образом объяснялось отсутствием приборов для точного измерения времени.

Погружаться слишком глубоко в историю астрологии, не говоря уже о теории и практике, мы здесь не станем. Но следует понимать, что астрология сыграла решающую роль в развитии западной магии и, среди прочего, во многом предопределила гримуарную символику. Поэтому уделить ей некоторое внимание мы просто обязаны. Западное искусство астрологического прорицания имеет греческие корни. Иными словами, как рациональная система с развитой математической и геометрической подоплекой оно сложилось именно в Древней Греции. При этом сами греки многое заимствовали у восточных народов, в том числе у египтян и, самое главное, у халдеев, чьи достижения в области математики и наблюдательной астрономии положили начало астрологии в ее современном понимании.

Но то древнейшее учение о звездах, которое предшествовало астрологии, было гораздо более тесно связано с гоэтией и тоже оказало огромное влияние на последующие магические традиции. Несомненный факт, что влияние рационализированной греческой астрологии было более заметным; однако и архаическое учение о звездах воздействовало и продолжает воздействовать на ритуальную магию даже по сей день. Его следы можно обнаружить и в магических папирусах, и в пришедших им на смену гримуарах, и даже в таких влиятельных традициях, как каббала и гностицизм. В современном оккультизме астрологические деканаты — участки зодиака

протяженностью в десять градусов — нередко ассоциируются с ангелами Шемхамфораш. Кроме того, вслед за доктором Раддом многие связывают их (совершенно неправомерно) с духами, описанными в «Гоэтии царя Соломона» (соотнося либо с полудеканатами, либо с дневными и ночными ипостасями деканатов). В Древнем Египте и позднее, в эпоху Птолемеев, деканы — прототипы астрологических деканатов — рассматривались поначалу как божества, а затем как даймоны и играли в магии того периода важную роль. Имя «Фотет» (см. 2-й декан Тельца в первой из нижеследующих таблиц) фигурирует как одно из варварских имен в «Ритуале Безголового». В первой половине XX века этот ритуал получил известность в переработке Алистера Кроули под названием «Книга Самех», но и наши дни изначальная его версия также восстановлена в правах и признана важной. Интересно также, что многие знаки магического алфавита, именуемого «небесным», тождественны более древним сигилам или обозначениям деканов.

Боги деканов в эпоху Птолемеев

Знак зодиака	1-й декан	2-й декан	3-й декан
a	Сит (Sit)	Хнумис (Chnoumis)	Хархнумис (Charchnoumis)
b	Этет (Etet)	Фотет (Photeth)	Тум (Tum)
c	Уэсте-Бикути (Oueste-Bikuti)	Афосо (Aphoso)	Сойхуэ (Soychoue)
d	Тпехонте (Tpechonte)	Хонтаре (Chontare)	Хонтахре (Chontachre)
e	——	Сптхне (Sptchne)	Реойю (Reoyu)
f	Сесме (Sesme), Сисесме (Sisesme)	Кониме (Konime)	Смат (Smat)
g	——	Сру (Sru)	Сисру (Sisru)
h	——	Тпехи (Tpechy)	Хи (Chy)
i	Тпебиой (Tpebioy)	Биой (Bioy), Тпибиой (Tpibioy)	Хонтаре (Chontare)
j	Хонтахре (Chontachre)	Сикер (Siker)	Хоуй (Chouy)
k	Эру (Eru), Арой (Aroy)	Ременааре (Remenaare)	Тосолк (Thosolk)
l	Ойяре (Oyare)	Сотис (Sothis)	——

Имена деканов по Остану

Знак зодиака	1-й декан	2-й декан	3-й декан
a	Аидоней (Aidoneus)	Персефона (Persephone)	Эрос (Eros)
b	Харис (Charis)	Оры (Horae)	Литы (Litai)
c	Тефия (Tethys)	Кибела (Cybele)	Праксидика (Praxidike)
d	Ника (Nike)	Геракл (Herakles)	Геката (Hecate)
e	Гефест (Hephaestus)	Исида (Isis)	Серапис (Sarapis)
f	Фемида (Themis)	Мойры (Moirai)	Гестия (Hestia)
g	Эринии (Erynis)	Курос (Kouros)	Немесида (Nemesis)
h	Нимфы (Nymphai)	Лето (Leto)	Кайрос (Kairos)
i	Лоймос (Loimos)	Кора (Kore)	Ананка (Ananke)
j	Асклепий (Asclepius)	Гигиея (Hygieia)	Толма (Tolma)
k	Дика (Dike)	Фобос (Phobos)	Осирис (Osiris)
l	Океан (Oceanus)	Долос (Dolos)	Элпис (Elpis)[1]

Имена деканов по Фирмику Матерну (IV век н. э.)

Знак зодиака	Декан	Имя декана	Божество декана
a	1	Ассикеан (Assicean)	Арурис (Arouris)
	2	Ленхер (Lencher)	Анубис (Anubis)
	3	Асентакер (Asentacer)	Хор (Horus)
b	1	Асикат (Asicath)	Серапис (Serapis)
	2	Вируасо (Viruaso)	Гелитомен (Helitomenes)
	3	Агарф (Aharph)	Апофис (Apophis)

1 Помимо многих знаменитых божеств, в этой таблице представлены менее известные мифологические персонажи: Харис (букв. «благодать», «доброта») — одна из харит, богиня красоты и чарующей прелести; Оры, или Горы, (букв. «времена года») — богини времен года и других подразделений времени; Литы (букв. «молитвы») — дочери Зевса, хромые и дряхлые богини-целительницы, следующие за богиней безумия Атой и олицетворяющие силу молитв, способных смягчить (хотя и не сразу) последствия человеческого безрассудства; Тефия — морская титанида, жена Океана; Праксидика (букв. «исполняющая правосудие») — богиня исполнения приговоров, вынесенных судом; Курос (букв. «юноша») — один из эпитетов Аполлона; Кайрос (букв. «подходящее время») — олицетворение благоприятного, удобного момента; Лоймос (букв. «мор») — олицетворение морового поветрия; Толма («отвага», «смелость») — олицетворение героической отваги; Долос (букв. «хитрость») — олицетворение обмана, хитрости и коварства; Элпис (букв. «надежда») — олицетворение надежды. — *Примеч. перев.*

Знак зодиака	Декан	Имя декана	Божество декана
c	1	Тесогар (Thesogar)	Таат (Taatus)
	2	Верасуа (Verasua)	Киклоп (Cyclops)
	3	Теписатосоа (Tepisatosoa)	Титан
d	1	Сотис (Sothis)	Аполтун (Apoltun)
	2	Сит (Syth)	Геката (Hecate)
	3	Туисмис (Thuismis)	Меркофта (Mercophta)
e	1	Афруимис (Aphruimis)	Тифон (Typhon)
	2	Ситлакер (Sitlacer)	Персей (Perseus)
	3	Фуониди (Phuonidie)	Нефтида (Nephte)
f	1	Тумис (Thumis)	Исида (Isis)
	2	Топитус (Thopitus)	Пи-Осирис (Pi-Osiris)
	3	Афут (Aphut)	Кронос (Cronus)
g	1	Серукут (Serucuth)	Зевда (Zeuda)
	2	Атерехинис (Aterechinis)	Омфта (Omphta)
	3	Арепиен (Arepien)	Офион (Ophionus)
h	1	Сентакер (Sentacer)	Ариманий (Arimanius)
	2	Теписевт/Тепсисен (Tepiseuth/Tepsisen)	Мерота (Merota)
	3	Сенкинер (Senciner)	Панотраг (Panotragus)
i	1	Эрегбуо (Eregbuo)	Толмофта (Tolmophta)
	2	Саген (Sagen)	Томрас (Tomras)
	3	Хенен (Chenen)	Зераф (Zeraph)
j	1	Темесо (Themeso)	Сода (Soda)
	2	Эпима (Epima)	Рируфта (Riruphta)
	3	Гомот (Homoth)	Монуфта (Monuphta)
k	1	Ороасоэр (Oroasoer)	Брондей (Brondeus)
	2	Астиро (Astiro)	Вукула (Vucula)
	3	Теписатрас (Tepisatras)	Протей (Proteus)
l	1	Архатапиас (Atchatapias)	Рефан (Rephan) [Ремфам?]
	2	Топибуи (Thopibui)	Сурут (Sourut)
	3	Атембуи (Atembui)	Фаллофор (Phallophorus)

Аргонавтика II: на пути в Колхиду

В начале второй песни «Аргонавтики» герои прибывают в Вифинию — фракийское царство в Малой Азии. Здесь они встречаются со старцем Финеем, слепым прорицателем, и рассказ об этой встрече полон значимых деталей и событий. В их числе — ужасные явления мстительных хтонических божеств, магические действия по избавлению от них, подробности повседневной жизни прорицателя, описания нескольких жертвенных обрядов и явление бога мистериальных культов, более древнего, чем олимпийцы.

Соответственно, эта часть эпоса заслуживает отдельного рассмотрения. Мы уделим пристальное внимание нескольким ее важным эпизодам, опустив те обстоятельства, которые не имеют прямого отношения к нашему исследованию. Чтобы восполнить эти пробелы, читатель при желании может ознакомиться с текстом «Аргонавтики» самостоятельно. Следует отметить, что в некоторых версиях мифа аргонавты встречают Финея во Фракии, но мы по-прежнему будем ориентироваться на версию Аполлония, тем более что и в ней связи Финея с Фракией прослеживаются достаточно явственно.

Сам Финей фигурирует во многих вариантах мифа, но большинство связанных с ним обстоятельств не нуждаются в подробном комментарии. Отметим лишь, что он — сын Агенора и, следовательно, родич Европы, Миноса и Радаманта, а также Тития. Дар прорицания он получил от Аполлона, а ослеп то ли из-за оскорбления, нанесенного богам, то ли просто от старости. Важнее всего, однако, то, что его преследовали мстительные хтонические существа — Эринии, или Фурии[1]. Всякий раз, как перед Финеем ставили на стол пищу, эти чудовища похищали большую ее часть, а остатки оскверняли зловонием. Из-за них вся жизнь Финея превратилась в сплошной круговорот страха, унижений и неутолимого голода.

Тем не менее Финей предвидел, что рано или поздно его избавят от этой ужасающей божьей кары и что спасителями его станут двое героев из числа аргонавтов — Зет и Калаид,

1 В «Аргонавтике» Аполлония Родосского эта роль отведена Гарпиям — свирепым полуженщинам-полуптицам, имена которых совпадают с приведенными у Гомера именами Эриний (см. ниже).

сыновья северного ветра. Они состояли в родстве с Финеем и были могучими воинами. Их отец, Борей, владыка северного ветра, был не только богом, но и фракийским царем. От его имени происходит название таинственной страны Гипербореи, связанной с Аполлоном; в буквальном переводе оно означает «за северным ветром». Родственные связи между всеми этими персонажами указывают на то, что когда-то они составляли альтернативный пантеон, не имеющий отношения к олимпийскому культу и более древний.

Эринии

Эринии входят в число важнейших хтонических персонажей древнегреческой мифологии. Это богини возмездия, обитавшие в Тартаре, самой глубокой области мрачного Аида. Они карали преступников, преследуя их не только в земной жизни, но и за гробом. Возмездия Эриний следовало опасаться тем, кто не подчинялся родителям и не уважал стариков, а также клятвопреступникам, убийцам, нарушителям священных законов гостеприимства и обидчикам просителей. Само имя «Эринии» — очень древнее; опасаясь называть этих богинь по имени, древние греки нередко использовали эвфемизм «Эвмениды», что значит «милостивые», «благосклонные», «умиротворенные». Нельзя, однако, сказать, что Эринии не заслуживали такого эпитета: те, кто пострадал от злодеяний, действительно считали их милостивыми заступницами. Как следствие, Эриниям-Эвменидам поклонялись во многих святилищах, одно из которых играет важную роль в трагедии Софокла «Эдип в Колоне».

Своим жертвам Эринии являлись в образах грозных дев с крыльями, как у летучей мыши, и со змеями в волосах (или вместо волос); из глаз у них сочилась кровь, а черные одежды их были запятнаны кровью. В одной руке они держали пылающий факел, а в другой бич, жалящий подобно скорпиону. Ужас, неистовство и смерть сопутствовали им повсюду. Эринии состояли в родстве с Сиренами, которых в позднейшем искусстве нередко изображали как дев с рыбьими хвостами, но изначально представляли как полуженщин-полуптиц. Кроме того,

Эринии были тесно связаны с погребальным ритуалом и фигурировали в декоре усыпальниц. И, наконец, такие атрибуты, как змеи в волосах и горящие факелы, могут указывать на связь с менадами, или вакханками, — служительницами дионисийского культа.

Версии происхождения этих богинь разнятся. Согласно Гесиоду, Эринии родились из крови Урана, когда Кронос оскопил его своим грозным серпом. Стоит отметить, что таким же образом на свет явилась Афродита. Софокл называет матерью Эриний Никту, богиню ночи, а отцом — бога подземной реки Ахерон. По другим источникам, их породили Аид и Персефона, в свите которых богини мщения занимали далеко не последнее место. Все сходятся на том, что Эринии были очень древними божествами, гораздо древнее Зевса и прочих олимпийцев. Сообразно этому статусу их и чествовали. Им жертвовали голубей и черных овец; к месту обряда приносили ветви кедра, ольхи, боярышника и можжевельника, а также веточки шафрана. Согласно некоторым авторам, возлияния Эвменидам совершали медом и вином. Однако Софокл, родившийся в Колоне, где находилось одно из их святилищ, говорит о трех возлияниях этим богиням, по крайней мере, последнее из которых не содержало вина: это была нефалия — смесь воды и меда, древнее подношение подземным богам. Указания на это встречаются и в других источниках. Именно такое подношения совершает Цирцея, когда Ясон и Медея приходят к ней с просьбой о помощи.

О древности Эриний свидетельствует форма единственного числа их имени: «Эриния» (*Erynis*) как имя богини встречается в крито-микенских надписях, сделанных линейным письмом В. Кроме того, оно сохранилось в качестве эпитета Деметры. У архаической Деметры Эринии конская голова (что напоминает о хтонических божествах, связанных с ночными кошмарами); ее возлюбленный, Посейдон, — покровитель некромантического прорицалища на мысе Тенар. С этой стадией развития Деметры связано происхождение Медузы Горгоны. Посейдон, ассоциирующийся с конями и водой, естественным образом дополняет ее как хтоническую богиню смерти и растительности.

У Гомера и в других источниках приводятся имена четырех Эриний: Аэлло («вихрь»), Келено («темная», как грозовая

туча), Окипета («быстролетная») и Подарга («быстроногая»). Все эти имена указывают на связь с бурными ветрами. Согласно Вергилию и другим поздним авторам, Эриний было три: Тисифона («мстящая за убийство»), Алекто («непрощающая») и Мегера («завистливая»). Римляне знали их под именем Фурий. Таковы чудовищные хтонические божества, терзавшие Финея. Сыновья Борея сжалились над Финеем. Убедившись, что не навлекут на себя недовольства богов, если помогут ему, они дождались очередного появления Фурий, бросились за ними в погоню и едва не настигли, а если бы настигли, то наверняка убили бы. Но преследователей остановила Ирида, вестница богов (в отличие от Гермеса, не связанная с подземным миром). Спустившись с Олимпа, она предстала перед Бореадами и поклялась водами подземной реки Стикс, что отныне Эринии перестанут мучить Финея. Далее сообщается, что Фурии скрылись в пещере на горе Дикта — одном из главных мистериальных центров Крита. Интересно и немаловажно, что греческие хтонические божества связываются здесь с таинствами пещеры посвящений. Важно и то, что, несмотря на все отличия критской религии от микенской, судьями загробного мира в классической мифологии считались критские цари.

Итак, Ирида возвратилась на Олимп, Калаид и Зет — в Вифинию, а Фурии — на Крит. В отсутствие сыновей Борея аргонавты не сидели сложа руки: они очистили Финея и его дом от скверны, принесли в жертву овец, приготовили пир и провели всю ночь в беседе с прорицателем. Благодарный Финей подробно поведал героям об опасностях, подстерегающих в дальнейшем плавании, и объяснил, как их избежать.

Перед рассветом сыновья Борея вернулись к своим товарищам и рассказали о своей погоне за Фуриями, о вмешательстве Ириды и о данном ею обещании относительно Финея. Погоня фракийских героев за Фуриями, мучившими Финея, напоминает известные во многих культурах битвы шаманов и магов с хтоническими чудовищами. Подобные битвы или путешествия в мир духов нередко совершаются по просьбе кого-либо из членов племени: шаман сражается с духами, навлекшими на другого человека болезнь, несчастье или даже смерть, и если он побеждает, то жертва духов спасается.

О своих приключения сыновья Борея повествуют в доме прорицателя Финея и перед большой аудиторией. Эти

обстоятельства тоже очень важны. Если погоня за Фуриями представляет собой определенную магическую практику, то рассказ о ней подобен действу, в котором шаман излагает в песне и заново представляет в лицах перед своими соплеменниками те события, что происходили с ним в мире духов. Таким образом, перед нами еще одно напоминание о древних магических обрядах, запечатленное в мифе. Зет и Калаид — сыновья фракийского царя, который почитался как бог, а цари такого рода — архетипические маги и жрецы своих собственных мистерий. То же самое относится и к их наследникам, и не так уж важно, родные ли то сыновья царя или близнечная ипостась бога, которого он олицетворяет. Кроме того, погоня Бореадов за Эриниями начинается на фракийской земле. Но, несмотря на все эти фракийские элементы, миф о плавании «Арго» все же остается греческим, только чрезвычайно древним, древнее Гомера.

Путь аргонавтов пролегает через фракийские и малоазийские территории, поэтому вполне естественно, что повествование о нем затрагивает магические традиции этих регионов. Можно предположить, что упомянутые традиции распространились в Греции после того, как контакты с породившими их культурами участились, но это всего лишь гипотеза. Наверняка же можно утверждать, что миф о путешествии «Арго» содержит немало сведений об интеграции этих традиций в греческую культуру, независимо от того, имелись ли у греков похожие обычаи изначально.

Избавившись от проклятия, Финей стоически принимает свою слепоту и молит богов о скорой смерти, выражая при этом уверенность, что за гробом его ожидает ничем не омраченное блаженство. Это отголосок традиций, связанных с Залмоксисом — фракийским божеством, служители которого верили в счастливую жизнь после смерти. Некоторые исследователи вполне убедительно предполагают, что эти верования стояли у истоков так называемого пифагорейского учения о переселении душ. В подробностях такого рода находят отражение живые традиции, бытовавшие в период формирования мифа. Среди прочего следы их обнаруживаются в событиях, последовавших за ночным путешествием Бореадов, — событиях, в которых перед нами открываются любопытные стороны жизни и деятельности прорицателей той эпохи.

Вскоре после восхода солнца и личной беседы между Ясоном и Финеем к старцу начинают прибывать посетители. Это, как отмечается в тексте, не какое-то из ряда вон выходящее явление, а повседневная данность. Посетители приносят Финею пищу, а он предсказывает им будущее. Особо указывается, что Финей не делает различий между богатыми и бедными и прорицает всем одинаково усердно. В описываемый день все происходит как обычно, несмотря на то, что у Финея есть повод для отдыха, и на то, что в доме у него почетные гости — его спасители. Один из посетителей, некто Парэбий, представляет особый интерес: когда-то Финей оказал ему большую услугу, и с тех пор Парэбий верно служил и помогал ему. Отец Парэбия оскорбил гамадриаду (древесную нимфу), срубив ее любимое дерево, и тем навлек на сына проклятие. Финей же поведал страдальцу, как умилостивить нимфу, воздвигнув ей алтарь, принеся искупительную жертву и помолившись о прощении.

Аргонавты получают от Финея подробные указания о том, какой маршрут избрать для дальнейшего плавания и как преодолеть препятствия, которые встретятся им на пути. Герои собираются в дорогу, но их задерживают сезонные ветры, с которыми, в свою очередь, связан весьма любопытный миф. Аполлоний включает этот миф в свое повествование, излагая его от первого лица и сообщая, среди прочего, интересные подробности о персонаже по имени Аристей:

> А поутру поднялись ежегодные ветры, что дуют
> Сразу по всей земле по такому Зевса приказу.
> Молвь идет: у болот близ Пенея когда-то Кирена
> Некая овчьи стада пасла средь людей древле живших.
> Ей по душе было девство и чистое ложе. Однако
> Феб Аполлон при реке ее, пасшую стадо, похитил,
> Из Гемонии унес и вручил ее нимфам туземным,
> В Ливии что обитают у самых высот Миртосийских.
> Фебу она родила Аристея. Его именуют
> Ловчим и Пастухом обладатели нив — гемонийцы.
> Нимфу ту возлюбивши, ее долговечной соделал
> И охотницей бог Аполлон, а ребенка малюткой
> Взял от нее и унес, чтоб возрос он в пещере Хирона.
> Вот почему, лишь он вырос, его поженили богини
> Музы, и врачевать научив и давать прорицанья,

И пастухом своих стад его сделали, сколько пасется
Их и на Фтии лугах афамантских, и Отриса окрест
Высей, и вдоль реки Апидана священных потоков,
В пору, когда с небес острова Минойские начал
Сириус жечь и лекарств у живущих не было долго,
Вняв Дальновержца реченью, они его пригласили,
Дабы помог им от голода он. По отцову наказу
Фтию покинул сын и на Кеосе зажил, собравши
Для заселенья его паррасийцев, Ликаона внуков.
Там высокий алтарь он воздвиг в честь Зевса Икмея,
Жертвы, как должно, заклал среди гор, ублажая светило
Сириус и самого Зевеса Кронида, чьей волей
Ветры годичные землю своим охлаждают дыханьем
Сорок дней напролет. И ныне жрецы совершают
Пред восхождением Пса на острове Кеосе жертвы[1].

Это краткое упоминание об Аристее — одно из многих, встречающихся в классической и более поздней литературе. Аристей — очень известный персонаж с хорошо развитой мифологией, но для того чтобы понять его значение и ценность в контексте нашего исследования, нам придется свести воедино информацию из самых разных источников. Именно этим мы займемся в следующем разделе.

Аристей

Исследователи античности и другие ученые отождествляют некоторых архаических героев с богами древних доолимпийских культов. Подобные отождествления не всегда бесспорны, но относительно Аристея никаких сомнений быть не может: в классической мифологии он фигурирует как царь, герой и благодетель человечества, но в более древние времена определенно почитался как божество. Разумеется, это не значит, что его роль нам совершенно ясна, ведь даже по поводу некоторых олимпийских божеств заявить подобное было бы невозможно. И все же его функции, родословная, культовые центры и

1 Аполлоний Родосский, «Аргонавтика», II.498—527.

некоторые другие детали безоговорочно свидетельствуют, что Аристей был богом.

Соединив все упоминания и сведения, относящиеся к этому персонажу, мы получаем весьма подробную и красноречивую картину. Аристей предстает перед нами как доолимпийское божество, игравшее важную роль в мистериальных традициях. Культ его, по всей вероятности, зародился в Фессалии — «варварской» области на севере Греции. В классических мифах Аристея обычно называют сыном Аполлона и нимфы Кирены — могущественной богини-охотницы. Его родным братом был прорицатель Идмон, один из аргонавтов. Но в действительности Аристей древнее классического Аполлона, и в архаической традиции он, вероятно, был не только сыном, но и возлюбленным Кирены. Вакхилид называет его родителями Урана и Гею — Небо и Землю; не исключено, что это отголосок древнейших мифов. Схолиаст «Аргонавтики» приводит цитату из Ферекида, где Аристей именуется отцом Гекаты. Эта богиня важна для нашего исследования не только как покровительница магии: она играла важную роль в Элевсинских мистериях, что лишний раз подчеркивает значимость ее связи с Аристеем в этой версии мифа.

Беотийскую ипостась Аристея в более позднюю эпоху называли «сельским Аполлоном». Это одно из свидетельств того, что в классический период многие древние боги были ассимилированы олимпийцами или понижены в статусе. Согласно другим классическим источникам, Аристей родился в Ливии, а роды у его матери принимал сам Гермес. Здесь отражена важная роль, которую Аристей играл в религии Кирены — ливийской колонии, основанной переселенцами с острова Тира. В этом городе (получившем свое имя, согласно данной версии мифа, в честь нимфы Кирены) имелся храм Кирены и Аристея, которых здесь почитали как главных божеств. В коллекции Детройтского института искусств хранится голова от колоссального изваяния Аристея, которое, как полагают, некогда стояло в киренском храме. Высота этой головы — 52 сантиметра. Безмятежным выражением лица киренский Аристей напоминает традиционные изображения Аполлона. Пиндар, важнейший классический источник сведений об Аристее, утверждает, что Гермес препоручил новорожденного сына Кирены заботам Геи, богини Земли. Та вскормила ребенка нектаром и

амброзией — пищей богов, дарующей бессмертие. Предрекая рождение Аристея, вещий Хирон говорит, что дитя Кирены вкусит пищу богов и станет бессмертным, подобно Зевсу или святому Аполлону.

Однако в действительности Аристея начали почитать задолго до того, как возникли все эти ассоциации с Зевсом, Аполлоном или Гермесом. Его имя — это на самом деле эпитет, означающий «самый лучший» (от того же корня происходит слово «аристократ»). Подобные эпитеты в древности присваивали самым великим и отважным героям. Кроме того, Аристея именовали Номием («пастухом») и Аргеем («охотником»). Все эти три эпитета упоминаются у Пиндара как прозвания Аполлона или Зевса. Однако Аргеем называли не только Аристея, но и Пана, а Номием — Пана, Гермеса и Аполлона. С Аристеем нередко связываются и другие эпитеты Зевса, например, Алексетер, что значит «помощник», «хранитель» или «заступник», а в буквальном переводе — «тот, кто не дает приблизиться», то есть могущественный защитник, оберегающий от врагов и других опасностей.

Итак, младенец Аристей был вскормлен богиней Земли Геей и Орами (богинями часов или времен года) или же, по другой версии, нимфами — дочерями Гермеса. Кормилицы обучили его скотоводству, виноделию и пчеловодству. Впрочем, другие мифы утверждают, что всем этим искусствам Аристей научился у Муз и уже в зрелом возрасте. Иначе говоря, в сюжете об Аристее дочери Гермеса, богини часов и Музы выполняют одни и те же функции, и высока вероятность, что за этими образами стоят жрицы архаического культа, богом и богиней которого были Аристей и Кирена. Как будет показано ниже, аналогичную роль играют некоторые женские персонажи в мифах и обрядах, связанных с Дионисом. То обстоятельство, что кормилицей Аристея стала богиня Гея, позволяет предположить, что первоначально он причислялся к титанам — отпрыскам Геи и Урана. Упоминавшийся выше астроном Ферекид, учитель Пифагора, отождествлял Аристея Кеосского с титаном Астреем — отцом ветров и звезд, супругом богини зари.

Некоторое время Аристей прожил в Беотии, после чего Аполлон передал его на воспитание кентавру Хирону и, по одной из версий, нимфе Мелиссе, у которых юный сын Кирены, надо полагать, обучился тайным наукам. Затем он отправился

и Фивы, где Музы стали его наставницами в искусствах прорицания и врачевания (хотя, разумеется, этому его мог научить и Хирон). Ученичество у Хирона, который по одной из версий был его отцом, и ассоциация с Фивами позволяют провести параллель между Аристеем и Тиресием. В уплату за обучение у Муз Аристей пас их стада и за время своей пастушеской жизни овладел мастерством охотника. Среди прочего он научился расставлять силки и западни; его мать была искусной охотницей, и Аристей унаследовал от нее этот дар. Стоит также отметить, что Аристея, как и Гермеса, изображали несущим на плечах овцу. Кроме того, в классической мифологии функции Аполлона и Гермеса во многом пересекаются: оба эти бога владеют даром прорицания, оба защищают стада и так далее, и эти их общие атрибуты (наряду с некоторыми из тех, что присвоил Зевс-олимпиец) присущи Аристею. Из этого следует, что в местных культах Аристей был предшественником упомянутых божеств и представителем хтонических традиций, на смену которым пришла более гомогенная олимпийская религия.

Далее классический миф утверждает, что Аристей путешествовал по миру и побывал во многих землях (стандартный мифологический прием, объясняющий широкое распространение культа). Затем, женившись на Автоное, он обосновался в Греции. Его супруга была дочерью Кадма — сына Агенора и брата Европы; с персонажами из этой семьи мы уже сталкивались неоднократно в ходе нашего исследования. У Аристея и Автонои родились дочь Макрида, ставшая впоследствии нянькой Диониса, и сын Актеон, знаменитый охотник. Актеон, фигура далеко не столь важная, как его отец, но не в пример более известная, был жестоко наказан за то, что подглядел за омовением богини Артемиды. Он был превращен в оленя и затравлен собственными псами. Не будем упускать из виду, что мать Аристея — тоже богиня-охотница, как и Артемида.

Скорбя о погибшем сыне, Аристей снова отправился в странствия. Он посетил Сардинию, Сицилию (отметим, что он тесно ассоциировался с горой Этна) и греческую Италию. Повсюду на своем пути он обучал людей пчеловодству и разведению винограда и олив — растений, плоды которых дают вино и оливковое масло. В благодарность за науку люди стали повсеместно поклоняться ему. На острове Кос, или Кеос, заселенном его потомками, Аристей прекратил мор и засуху,

воздвигнув храм Зевсу Икмею — подателю влаги. Островитяне тоже стали почитать его как бога, иногда отождествляя с самим Зевсом, под именем Зевса Аристея. Наконец Аристей прибыл во Фракию, где и произошли самые известные события его мифа.

В мифологической хронологии вышеизложенная часть истории Аристея предшествовала плаванию аргонавтов. Дальнейшие события, в том числе и те, которые касаются Орфея, произошли уже после плавания «Арго».

Аристей в позднеантичной традиции

Любопытно, что Аристея довольно часто вспоминали авторы, жившие уже в эллинистический период. Вергилий упомянул о той роли, которую Аристей сыграл в гибели Эвридики. Не обошел его вниманием и Аполлоний Родосский. Важные дополнения в историю Аристея внесли еще более поздние авторы, такие как Оппиан и Нонн. При этом немаловажно, что Вергилий связывает Аристея с легендой об Орфее, а Оппиан и Нонн — непосредственно с дионисийскими мистериями. Аполлоний не упомянул о его связи с этими традициями лишь потому, что придавал большое значение логической последовательности событий, а плавание аргонавтов в мифологической хронологии предшествует истории любви Орфея и Эвридики. Многие авторы пытались представить Орфея как исторического или мифологического реформатора дионисийских обрядов, существенно смягчившего их оргиастический характер. Другие отмечали, что смерть Орфея напоминает смерть Диониса, и предполагали, что культы их соперничали между собой или представляли собой варианты единого культа. Но как бы то ни было, роль Аристея в этих традициях весьма значительна заслуживает пристального внимания.

В прошлом, когда греческий и латынь изучали во всех серьезных учебных заведениях, Вергилия нередко изображали латинским соперником Гомера. Ламприер, мифограф XVIII века, утверждал что Вергилий в своей поэзии опирался на исторические факты и совершенно правдоподобно описал происхождение римских религиозных традиций. И действительно, «троянские» истоки римской религии (что бы под ними ни подразумевалось — этрусские, финикийские или

заимствованные греками малоазийские верования) — не фантазия и не поэтическая вольность.

Роль Аристея в мифе об Орфее, упомянутая в сочинениях Вергилия, — самый известный эпизод его истории, хотя он и относится к позднему пласту традиции. Действие этой части мифа происходит во Фракии. Аристей возжелал Эвридику, жену Орфея; та бросилась бежать, а он пустился за ней в погоню. Спасаясь бегством, Эвридика нечаянно наступила на змею и погибла от ее укуса. Затем Орфей попытался вызволить ее из Аида и потерпел неудачу. Аристея же за его преступление покарали нимфы, наслав мор на его пчел. Огорченный этой утратой, Аристей обратился за советом к своей матери Кирене, и здесь стоит обратить внимание, как именно он это сделал. В классической мифологии Кирена считалась дочерью речного бога Пенея. Аристей вошел в реку, которой владел этот бог, и воззвал к Кирене в слезах и причитаниях. Иными словами, он действовал как гоэт. Кирена посоветовала ему изловить морского бога-прорицателя Протея и задать вопрос ему. Аристей так и поступил, причем он не просто поймал и удержал, но и связал изменчивого Протея, и тот поведал ему, что гибель пчел стала возмездием за гибель Эвридики. Не исключено, что участие Протея в этой части сюжета — всего лишь поздняя вставка или местный вариант, в котором Протей просто подменяет Кирену как вещую богиню.

Вернувшись к Кирене, Аристей узнал, что ему следует воздвигнуть четыре алтаря дриадам — древесным нимфам, подругам Эвридики. (По традиции полубогиням такого рода совершали возлияния молоком, оливковым маслом и медом, то есть именно теми напитками, с которыми был тесно связан сам Аристей. Иногда им также приносили в жертву коз.) На этих четырех алтарях Аристей должен был заклать четырех телок и четырех быков. Тела животных следовало оставить на месте жертвоприношения на девять дней, а затем снова прийти к алтарям с дарами: маками (цветами забвения), упитанным тельцом и черной овцой. Овца нужна была для того, чтобы умилостивить тень Орфея, воссоединившегося в Эвридикой в подземном мире. Аристей выполнил все эти указания, и на девятый день из разлагающихся тел жертвенных животных вылетели новые пчелы.

Оппиан, греческий поэт III века н. э., называет Аристея приемным отцом Диониса. Роли священного хора из

мистериальных обрядов у Оппиана отведены дочерям Кадма: Ино, Агаве и Автоное. Эти женщины взяли священный ковчег с младенцем Дионисом, украсили его венками и погрузили на спину осла. Затем они пришли на берег Эврипа (пролива между Беотией и островом Макрида, более известным под названием Эвбея), где встретили некоего старого мореплавателя и его сыновей, с их помощью переправились на остров и там отнесли новорожденного бога в горную пещеру, где обитал Аристей, передававший свои знания местным жителям. Аристей принял опеку над младенцем Дионисом и вырастил его как родного сына с помощью пчеловодных дриад и нимф. Кроме того, ему помогали девы-островитянки; можно предположить, что они замещали нимф и жен из священного хора в обрядовом воспроизведении этого сюжета.

Упоминает об Аристее и другой позднеантичный автор — Нонн Панополитанский, чья эпическая поэма о Дионисе (V век н. э.) заслуживает отдельного рассмотрения. Нонн повествует о состязании между Дионисом и Аристеем, в ходе которого боги сравнивают вино и мед. Победу присуждают Дионису, несмотря на то, что Зевс восхищается медом, а Аполлон досадует, что судьи отдали предпочтение сопернику его сына. Нонн досконально знал мифологическую традицию и едва ли сочинил этот сюжет самостоятельно. Скорее всего, перед нами достаточно старый миф, воспевающий победу вина над более древним опьяняющим напитком на основе меда. Если эта интерпретация верна, то Аристей предстает здесь как божество архаического культа, ассимилированного дионисийскими мистериями. О том же, по-видимому, свидетельствуют и его опека над младенцем Дионисом, и роль, которую он сыграл в гибели Эвридики. Эвридика умирает от укуса змеи, а змея — это эмблема многих героев и символ хтонического мира в целом.

В Беотии и на острове Эвбея верили, что Аристей вырастил и воспитал Диониса с помощью своей дочери Макриды. Там же его ассоциировали с Силеном и Паном. В этих «отсталых» локальных культах Аристей как наставник Диониса фактически эквивалентен Силену. В некоторых традициях Силен превращается в целую группу персонажей — так называемых силенов, один из которых носит имя Астрей и отождествляется с Аристеем. В Фессалии, где, по всей видимости, и зародился его культ, Аристея почитали как божество, по характеру

очень близкое Пану. Сам Пан в этой области иногда представлялся как два близнеца-Пана: Пан Аргей и Пан Номий. Все эти традиции, не вошедшие в олимпийскую религию, составляют основу и предысторию позднейшей мифологии и, таким образом, сообщают нам немало интересного не только об Аристее, но и о происхождении более поздних богов. Стоит упомянуть, что, по преданию, Эвандр принес культ Пана и Силена в Италию, где на основе его возник праздник, известный под названием Луперкалии.

Согласно одной из версий мифа, записанной византийским схолиастом, гигант по имени Аристей был единственным из этих архаических божеств, кто пережил их войну с олимпийцами. (В классических источниках гигантов часто путают с титанами, а выше уже упоминалось, что Аристея изначально могли почитать как титана и сына Урана. По одному из вариантов классического мифа, в войне с олимпийцами погибли все титаны мужского пола, кроме одного — Прометея.) Аристей уцелел благодаря Гее, богине Земли, которая превратила его в огромного навозного жука и спрятала в кратере Этны (или «чаше Этны», *Aitnaios kantharos*) на Сицилии. Византийская энциклопедия «Суда» сообщает в связи с этим: «Огонь небесный не досягнул его, Этна не причинила ему вреда». Скорее всего, этот миф возник уже в эллинистическую эпоху, однако в нем обнаруживаются некоторые интересные подробности.

Во-первых, ассоциация с жуком помогает найти Аристею место в системах соответствий, развившихся в Александрии: жук в них фигурирует как символ зодиакального знака Рака. В более древней символике краб ассоциировался с тельхинами — чародеями и кузнецами, так как клешни его напоминали кузнечные клещи. Первое обстоятельство увязывает Аристея с магическими традициями поздней античности и позволяет соотнести его с Гермесом, поскольку в орфической системе именно Гермес считался управителем Рака. Второе же указывает на связь Аристея с культом кабиров и с обрядами наподобие тех, которые справляли в честь Гефеста на острове Лемнос.

Во-вторых, важное значение имеет ассоциация с самой Этной — горой, под которой был погребен Тифон, один из гигантов, побежденный Зевсом. Не исключено, что эти два мотива взаимосвязаны: спасение Аристея и пленение Тифона в недрах одной и той же горы могут представлять собой раннюю

и позднюю версии одного и того же сюжета. Немаловажно и то, что в жерле Этны располагалась кузница Гефеста: вполне возможно, что в доолимпийской мифологии его помощники киклопы отождествлялись с гигантами. И, наконец, Этна связана с культом Персефоны и играет важную роль в легенде об Эмпедокле.

Почему позднеантичные авторы так охотно обращались к образу архаического бога Аристея? Это нам неизвестно, но так или иначе, благодаря им он снова стал весьма заметной фигурой. Наверняка можно утверждать лишь то, что в эллинистический период официальная олимпийская религия пришла в упадок, а древние хтонические обряды обрели новую жизнь благодаря орфикам и пифагорейцам, заимствовавшим многие их элементы.

Мифы утверждают, что именно Аристей первым посадил в Ливии сильфион — священное растение, фигурирующее в легенде о Формионе и его встрече с Диоскурами. Это растение, вымершая ныне разновидность фенхеля гигантского, в античности применялась как эффективный оральный контрацептив и пользовалась большим спросом.

Кроме того, Аристей был посвящен в мистерии Диониса и, согласно некоторым версиям, сопровождал его в походе в Индию. И чрезвычайно важно то, что он участвовал в мифах не только о Гермесе, Орфее и Дионисе, но и об Аполлоне. Многое свидетельствует о том, что культ Аполлона и характер его дельфийского святилища с течением времени сильно изменились. Изначально оракул в Дельфах был хтоническим. И не исключено, что в тот период с древнейшей формой Аполлона сближалось или отождествлялось другое божество, носившее, по меньшей мере отчасти, хтоническую природу. Путь Аристея от местного фессалийского божества до бога-покровителя греческой колонии в Ливии буквальным образом перекликается с маршрутом аргонавтов в поэме Аполлония. А завершается история Аристея его таинственным исчезновением в окрестностях еще одной горы, ассоциировавшейся с Тифоном. Это гора Гем на границе между Фракией и Фессалией — весьма подходящее место для сельского бога, которого в равной мере чтили и фракийцы, и греки.

Силен

Познакомившись с Аристеем, следует теперь обратиться к образу Силена — божества, которому обычно уделяют не так уж много внимания, считая его проходным персонажем поздней мифологии. И латинские, и греческие поэты эпохи эллинизма, живописавшие сельскую идиллию, обожали нимф, пастухов и, разумеется, сатиров. Пан, Силен и другие персонажи, включая Аристея, в этот период обрели вторую жизнь; до некоторой степени образы их дополнились новыми чертами, но, вместе с тем, некоторые авторы всерьез заинтересовались древними мифами о Дионисе и Пане. В этом контексте сатиров нередко называли силенами, но прототипом всех эллинистических силенов служил бог Силен — неизменный спутник Диониса (известного также под именем Вакха), его наставник и приемный отец. Отцом Силена, как и других сатиров, чаще всего считался Гермес. С дионисийской формулой Гермес связан уже в силу мифа о его рождении в пещере и стремительном взрослении. Согласно другим источникам, Силен был сыном Пана, покровительствовавшего пастухам, как и Гермес. Это любопытная версия: она наводит на мысль о сходстве Пана и Силена с фессалийским «двойным Паном» (где Силен, вероятно, эквивалентен младшему из двух Панов, почитавшихся в Фесаллии). Вполне возможно, что в этом мифе отражена архаическая традиция, по которой царский род возводился к тем или иным божествам (точно так же, как и во Фракии): Пан и Силен, а позднее Пан и Дионис выполняют функции старшего и младшего династов.

Еще одна версия гласит, что Силен родился из капли крови Урана, оскопленного Кроносом. Возможно, здесь содержится намек на глубокую древность Силена, потому что общеизвестный миф приписывает такое же происхождение Афродите. Кроме того, между Силеном и Гефестом, супругом Афродиты в олимпийском мифе, обнаруживаются некоторые удивительные черты сходства. Существовали и другие версии происхождения Силена, да и место его рождения указывается в различных мифах по-разному. По одной из версий, он родился на мысе Малея на острове Лесбос, в области, которая в античные времена славилась своим вином; по другой — в Нисе,

как и Дионис. Помимо этого, называют еще по меньшей мере десяток других местностей, и самая примечательная из них — побережье Эвбеи: она позволяет вписать Силена в дионисийский миф об Аристее. Еще один город под названием Ниса находился в Эфиопии, а вдобавок, что весьма интересно, утверждается, что это имя когда-то носил остров Лесбос.

Одно время Силена почитали в Лидии как водное божество, покровителя ручьев и проточной воды. Как и многие другие водные божества, в том числе нимфы, он считался вещим. Этим объясняется эпизод мифа, в котором царь Мидас подмешивает в ручей вино, чтобы опоить Силена и получить от него пророчество. Кроме того, малоазийское происхождение Силена дает ответ на вопрос, почему этот бог играет такую важную роль в мифах, связанных с Фригией. В этой группе мифов Дионис предстает в своей фригийской ипостаси, как Сабазий, а не как критский, фракийский или какой-либо иной Дионис, несмотря на то, что в литературных изложениях мифов все эти вариации образа сливались в одну.

Согласно одному из таких мифов, во время странствий Диониса по Малой Азии Силен однажды уснул и отстал от его свиты. Фригийские крестьяне нашли его и привели к царю Мидасу, и царь понял, кто это такой, потому что был посвящен в мистерии. Радушно приняв Силена в своем дворце, он угощал и развлекал его на протяжении десяти дней. Когда Силен вернулся к Дионису, последний в благодарность предложил Мидасу любую награду, какую тот пожелает, и Мидас попросил, чтобы все, к чему он прикоснется, превращалось в золото. Обнаружив, что в золото под его руками превращается даже пища, Мидас взмолился Дионису, чтобы тот избавил его от этого гибельного дара, и Дионис велел ему омыться в реке Пактол, у ее истоков, близ которых находилась гора Тмол (тоже игравшая важную роль в мифах о Дионисе и содержавшая месторождения золота). То обстоятельство, что Фригия была богата золотом, несомненно, сыграло свою роль в формировании мифа, но в самом мифе встречается много указаний на религиозный и ритуальный контекст. Эта часть мифа известна и в другом варианте, согласно которому Мидас попадает в пустыню, где единственный источник бьет золотом, а Дионис по просьбе царя превращает золото в воду. Упоминания о золоте, бесспорно, вызывали живой интерес у слушателей, но для понимания

природы божеств, фигурирующих в этих мифах, более важна их связь с водой. И Дионис, и Силен, и Аристей — податели влаги; все они связаны с напитками, и опьяняющие свойства этих напитков — не основной, а дополнительный дар.

Различные подробности мифов о Мидасе углубляют наше представление о Силене в частности и доолимпийских культах вообще. Эти подробности свидетельствуют о том, что фракийские и фригийские традиции существенно повлияли на формирование греческих культов, которым посвящено наше исследование. Так, например, примечательна обстановка, в которой Мидас встречает Силена. Сатира обвили гирляндами цветов и привели его в розовые сады Мидаса. Сады эти, согласно преданию, находились на горе Бромион, или Бермион (Бермий), в Македонии: первоначально Мидас правил тамошним племенем бригов и только позже переселился с ними в Малую Азию, где они положили начало народу фригийцев. Об этих розовых садах мельком упоминает Геродот[1].

Видение Аполлона

Простившись с провидцем Финеем и следуя его советам, аргонавты благополучно прошли между Симплегадами — сталкивающимися скалами — и вышли в Черное море, где до них еще не бывал ни один греческий моряк. Продолжив путь через открытое море, напротив побережья Вифинии через один день и одну ночь они причалили на острове Тиниада. Здесь им явился Аполлон: могучий и прекрасный бог, златокудрый, с серебряным луком в руке и колчаном за плечами. И это было отнюдь не призрачное видение: под пятой бога содрогнулась земля, а волны при его приближении хлынули на берег. Обратим внимание на контекст этого события: Аполлон не живет постоянно на одном месте. И аргонавтам он явился на своем пути из Ликии, земли, где высится огненная гора

1 «Братья же прибыли в другую часть Македонии и поселились поблизости от так называемых Садов Мидаса, сына Гордия. В этих садах растут дикие розы с 60 лепестками. Запах их гораздо сильнее запаха прочих роз. По македонскому сказанию, в этих-то садах и был пойман Силен. За ними высится гора под названием Бермий, вершина которой недоступна из-за снега и холода» (Геродот, «История», VIII.138).

Гефеста, в Гиперборею, которая здесь определенно отождествляется со страной скифов к северу от Черного моря. Там, на севере, по всей вероятности, и была его настоящая родина: скифы, с давних времен вторгавшиеся в Малую Азию, принесли с собой культ этого божества.

За классическими мифами об Аполлоне скрывается немало тайн. В своей классической форме Аполлон стал олицетворением всего того, чем восхищались в греках более поздние цивилизации. Но если о нем и можно что-либо утверждать наверняка, так это то, что общеизвестный образ Аполлона состоит из множества разнородных слоев. Взять, к примеру, связь Аполлона с Солнцем — один из основных его аспектов на позднем этапе. Эту ассоциацию он приобрел, потеснив более раннего солнечного бога Гелиоса. У Гомера мы не находим ни единого указания на солнечную природу Аполлона: с дневным светилом этот бог стал ассоциироваться лишь около 400 года до н. э. В «Илиаде» же он предстает первым делом не как светоносец, а как божество, насылающее мор. Различные нестыковки в образе Аполлона бросаются в глаза буквально на каждом шагу. И чем внимательнее мы приглядываемся, тем виднее становится, как древние традиции и атрибуты, связанные с этим божеством, входят в противоречие с более поздними. Если выбирать из двух небесных светил, то символику Аполлона куда точнее выражает Луна, чем Солнце. Еще один важнейший его атрибут — лира. Этот инструмент, как уже упоминалось несколько раз, считался более цивилизованным, чем флейта, которая ассоциировалась с варварскими оргиастическими культами. Принципы цивилизации, олицетворением которых Аполлон стал на позднем этапе, солидны и полны достоинства, а варварские культы неистовы и экстатичны. И тем не менее Аполлон связан с прорицанием и экстазом, в который погружаются прорицатели.

Знаменитый некромантейон во фригийском городе Гиерополе располагался в подземелье святилища Аполлона, но служили в нем не жрецы этого бога и не пифии, а жрецы Кибелы, что резко противоречит классическому образу Аполлона. По этой причине и ввиду тесной связи Аполлона с прорицанием и сивиллами следует рассмотреть подробнее темную сторону этого божества.

В классическую эпоху (а также в значительной степени и в более позднюю, эллинистическую) Аполлон — бог света,

разума и цивилизованных искусств. Однако у Гомера этому не находится ни единого подтверждения, а функции солнечного бога безраздельно принадлежат Гелиосу. Правда, древняя связь Аполлона с прорицанием — разновидностью божественного безумия — сохранялась и в классический период. Однако его новый образ вступает в явное противоречие со старым. Новый модернизированный образ Аполлона стал символом нового социального уклада, а уже в Новейшее время Мюллер и Ницше принимали этот образ за изначальный, но их точка зрения слишком наглядно расходится с историческими свидетельствами.

У Гомера Аполлон впервые выходит на сцену как божество, наславшее мор на лагерь греков. Стрелы его несут болезнь, поражая животных, а затем и людей; лагерь окутывается дымом погребальных костров. Один из эпитетов Аполлона — Ликос, то есть Волк (этот же корень нетрудно узнать в слове «ликантропия»), и волк считался его священным животным. Все это характеризует Аполлона как божество, имеющее мало общего с солнечным светом и сиянием разума.

В надписях, сделанных линейным письмом В, прямых упоминаний об Аполлоне не встречается, однако уже к 700 году н. э. его культ широко распространился в Греции и Малой Азии. Подобно Дионису, он был связан с греческими обычаями инициации юношей, но вместе с тем сохранял тесные ассоциации с ближневосточными божествами. При этом истоки его не следует искать ни на острове Делос, где Артемиду стали почитать задолго до Аполлона, ни в Ликии, куда культ Аполлона, вероятнее всего, принесли греческие колонисты. Связи с этими местностями, несомненно, важны, однако ближневосточные корни Аполлона имеют иное происхождение.

Губительные стрелы Аполлона роднят его с семитским Решефом — богом войны и мора, культ которого бытовал у сирийцев и был заимствован египтянами. У стрел Решефа огненные наконечники, а имя его связано с горением, огнем или молнией. Решефу поклонялись в Угарите и на Кипре, где сохранилось несколько надписей, недвусмысленно связывающих его с Аполлоном. Кроме того, эпитет Аполлона «Амиклей», судя по всему, произошел от эпитета Решефа «(А)Микал». Не исключена также связь между мифом об Аполлоне, убивающем Пифона, и схожей угаритской легендой об убийстве дракона,

героем которой выступает Решеф. В этом отношении Решефа следует признать предшественником не только Аполлона, но и архангела Михаила, которые оба стали ассоциироваться с солнцем лишь на позднем этапе. Решеф (вероятно, уже на стадии превращения в Михаила) фигурирует в Книге пророка Аввакума (3:5), где он идет в битву по стопам Яхве[1], а несколькими стихами (3:9) ниже в качестве оружия Яхве упоминается лук. Во Второзаконии (32:24) Яхве посылает Решефа[2] против своих врагов, а в Псалтири (77:48) Решеф[3] истребляет вражеские стада. И Решеф, и хеттский бог-хранитель, вооруженный луком, ассоциировались с оленем, как и Аполлон, и оба они имеют прямое отношение к эволюции образа Аполлона в гомеровскую эпоху, от которой на территории Греции сохранилось множество статуэток, изображающих этих двух богов.

Кроме того, в угаритских текстах обнаруживаются связи между Решефом и аккадским Нергалом, богом морового поветрия. Судя по всему, первоначально Решеф вообще не отличался от Нергала: имя «Решеф» было лишь эпитетом этого аккадского божества и только позднее стало обозначать отдельного бога. В мифах о Нергале тоже встречается мотив победы над чудовищем, а его отношения с Ану, верховным богом пантеона, напоминают о роли Решефа как помощника в битвах при Баале в угаритской мифологии и при Яхве — в библейской. Таким образом, общие прототипы Аполлона и архангела Михаила — хтонические боги морового поветрия. Этим объясняется и власть Аполлона над пророческим даром, и состояние одержимости, в которое входили служители этого божества. Подобные состояния характерны для многих хтонических персонажей, таких как Дионис и Кибела, нимфы (включая Муз) и герои, которых после смерти почитали как покровителей прорицалищ.

Происхождением от божества войны и мора объясняется и роль, которую Аполлон играет в «Илиаде», где он и сам выступает как бог войны и морового поветрия, враждебный грекам. Весьма вероятно, что имя его связано с греческим словом

1 В русском синодальном переводе слово «решеф» передано как «жгучий ветер».

2 В русском синодальном переводе слово «решеф» передано как «горячка».

3 В русском синодальном переводе слово «решафим» (мн.ч. от «решеф») передано как «молнии».

apollonai, «губитель». Кроме того, у Эсхила[1] и в других источниках встречаются намеки на то, что однажды Аполлон был изгнан со светлого Олимпа за какое-то преступление против богов. Его функция целителя также напрямую связана с властью над губительными стрелами болезни. Некоторые исследователи указывают, что связью ближневосточного Нергала с планетой Марс могут объясняться загадочные параллели между культами Аполлона и латинского бога войны Марса. Эти трое богов ассоциировались с волками, а Аполлону даже приносили волков в жертву. Между Аполлоном и архаическим древнеримским Марсом действительно много общего, но подробно вдаваться здесь в этот вопрос нет нужды. Буркерт предлагает отличать магов от прорицателей, почитавших Аполлона как своего покровителя, но в действительности границу между магией и прорицанием провести не так-то просто; и, более того, в византийских руководствах по магии обращения к Аполлону встречаются чаще, чем ко многим другим божествам. В целом, первоначальный характер и культ Аполлона становятся гораздо понятнее, если принять во внимание его происхождение от Нергала — владыки царства мертвых и бога болезней, к которому обращались за помощью во врачевании.

Ахерон

Вдоль северного побережья Малой Азии аргонавты плывут еще день и ночь, а на рассвете следующего дня бросают якорь у Ахеронского мыса. Это важное место в оккультной географии их плавания: неподалеку располагалась «пещера Аида» — некромантейон, где проводились обряды для вопрошания умерших. Здесь, как и близ святилищ в Феспротии и Кумах, находилось устье реки под названием Ахерон, одной из рек подземного мира, имевшей, подобно Олимпу, несколько земных соответствий. Через эту реку переправлялись души умерших. В этом же месте Геракл совершил один из своих двенадцати подвигов: вывел Кербера, пса Аида, на поверхность земли, в память о чем эта область была названа Гераклеей Понтийской.

1 «Просительницы», 214.

Здесь аргонавты встретились с царем местного племени, Ликом, и тот расспросил их о Геракле, с которым встретился, когда тот возвращался после очередного из подвигов. Геракл посетил эти края во время погребения Приола, брата Лика; Лик сообщает аргонавтам, что его народ по-прежнему оплакивает Приола «в жалобных песнях», в связи с чем стоит отметить, что соседний народ, мизийцы, славились своими мастерами поминальных обрядов. И неслучайно, что поминальные обряды упоминаются в связи с высадкой аргонавтов неподалеку от устья Ахерона.

Лик благодарит аргонавтов за то, что те убили его врага Амика, павшего от руки могучего Полидевка, и в знак признательности возводит храм Диоскуров на Ахеронском мысу. Как нам уже известно, эти братья-близнецы играли значительную роль в мистериальной мифологии, так что их связь с подземной рекой и святилищем-некромантейоном близ ее устья немаловажна. Кроме того, реке этой позднее дали имя Соонавт — «спаситель моряков», и в этом названии отражена одна из функций Диоскуров.

На следующий день после обильного пира аргонавты собираются продолжить путь, но еще до отплытия один из них погибает. Прорицателю Идмону, предсказавшему собственную смерть еще до начала похода, наносит смертельную рану кабан, выбежавший на него из тростников на болоте. Аполлоний сообщает интересную подробность: этого кабана боялись даже местные нимфы. Смерть Идмона вполне сопоставима с мифами о гибели Аттиса и Адониса. Аргонавты оплакивают его три дня и погребают на четвертый. Вместе с царем Ликом они приносят в жертву погибшему герою овец и насыпают над его телом погребальный курган. На вершине кургана неподалеку от Ахеронского мыса ставят как примету обрубок ствола оливы. В тексте «Аргонавтики» особо отмечается, что подобные святилища героев даруют защиту окружающим землям в обмен на подобающие почести[1]. Пока аргонавты совершают погребальные обряды, заболевает и умирает еще один их то-

1 «Идмона чтить приказал беотийцам, а также нисейцам,
Как градодержца, сам Аполлон в словах непреложных
И заложить, где обрубок стоит старинной маслины,
Город; до нынешних дней Эолида Идмона славят
Боголюбивого там, Агаместора дав ему имя» (Аполлоний, «Аргонавтика», II.846—850).

варищ — кормчий Тифис. Ему также воздвигают курган рядом с могилой Идмона. Таким образом, на протяжении каких-то трех страниц текста упоминается о погребении по меньшей мере трех героев, из чего можно сделать вывод, что обряды почитания героев очень тесно связывались с некромантическими ритуалами.

Покинув земли близ устья Ахерона, аргонавты вскоре достигают устья еще одной реки, Каллихора. Здесь, по словам Аполлония, Дионис некогда отдыхал на обратном пути из Индии в Фивы и учредил культ, включавший в себя экстатические танцы перед входом в пещеру. В этой пещере он, согласно преданию, проводил «святые суровые ночи» в резком контрасте с оргиастическим буйством, которое царило за ее пределами. Вследствие этого здешняя река получила имя, связанное с танцами[1], а сама пещера — имя «Авлион»[2]. И танцы, и пещера напоминают о критских обрядах, имеющих отчасти анатолийское происхождение: на Крите пещера почиталась как место рождения Зевса, а танец исполняли его стражи-куреты. Ночи, которые Дионис проводил пещере, намекают, помимо прочего, на период затворничества перед посвящением. И теперь мы наконец можем перейти непосредственно к образу Диониса, занимающему столь важное место в нашем исследовании.

1 Др.-греч. καλλιχορος — «предназначенный для прекрасных хороводов».

2 Букв. «хижина», «лачуга» или «жилье» вообще; в пер. Г. Церетели — «Пастуший Уют».

Дионис

Дионис, как известно, - бог вина и мистического экстаза. Архаичность его культа, его тесные связи с истоками греческой религии, а также с мистериальными культами и закрытыми сектами, орфическими или вакхическими, а также с экстатическими состояниями и мистическими обрядами означают, что в истории гоэтии как разновидности греческой религиозной практики Дионис занимает чрезвычайно важное место. Да и сам по себе это исключительно сложный и глубокий образ, заслуживающий отдельного серьезного исследования (неслучайно и Гаррисон, и Буркерт посвятили Дионису и орфизму целые разделы в своих трудах по греческой религии).

В классическом мифе Дионис — сын Зевса и Семелы. Согласно самой известной версии этого мифа, ревнивая Гера подговорила Семелу, чтобы та попросила Зевса явиться ей в истинном облике. Зевс предстал перед ней в огне и молниях, и Семела сгорела дотла. Однако Зевс успел спасти ее нерожденное дитя, зашил его к себе в бедро и доносил до срока. Когда младенец родился, его вырастили и воспитали на далекой горе Ниса, точное местонахождение которой остается загадкой, хотя многие горы претендовали на эту честь. Во всех вариантах мифа Дионис предстает фактически как некий чужеземный бог, прибывший в Грецию издалека, а до того обошедший едва ли не весь мир в роли своеобразного завоевателя. Однако это представление не согласуется с другими данными, например, с тем фактом, что упоминания о Дионисе

встречаются еще в микенскую эпоху. Некоторые исследователи утверждали, что в те времена образ Диониса был еще неразвит и сформировался полностью гораздо позже, так как Гомер не уделяет ему достаточного внимания. Однако этот аргумент не вполне убедителен: возможно, Гомер не нашел повода рассказать о Дионисе подробно или попросту не захотел этого делать, так как ориентировался на аристократическую аудиторию. Утверждалось также, что Дионис как бог вина Гомеру был неизвестен. Однако эта его функция отражена еще в двух упоминаниях о Дионисе в табличках из Пилоса, написанных линейным письмом В. Любопытно, что в корпусе гомеровых гимнов гимн Дионису занимает первое место, хотя, к сожалению, сохранился лишь во фрагментах. Но, безусловно, некоторую эволюцию образ этого бога претерпел: в конце концов, перемены — неотъемлемая часть его природы, и культовые практики в его честь тоже менялись со временем. И некоторое иноземное влияние он тоже, безусловно, испытал, но ровно в той же степени, в какой и вся изначальная, древнейшая греческая религия, имеющая не так уж много общего с официальными культами классической эпохи.

После того, как Дионис родился из бедра Зевса, его вверили заботам Гермеса (либо, по другим версиям, Персефоны или Реи), а Гермес передал божественного младенца царю Орхомена Афаманту и его жене Ино и велел растить его тайно, под видом девочки. (Впоследствии именно из дворца Афаманта бежал на златорунном баране Фрикс.) Мотив переодевания в женское платье присутствует и в мифе о воспитании героя Ахилла. В случае с Дионисом это понадобилось для того, чтобы скрыть ребенка от Геры, погубившей Семелу, а теперь желавшей уничтожить и ее дитя. Распознав обман, Гера наслала на нянек Диониса безумие. Тогда-то Зевс и решил отдать сына нимфам, обитавшим на горе Ниса и носившим имена Вакха, Бромия, Эрато, Макрида и Ниса. Для пущей предосторожности он временно превратил Диониса в козленка. Эта деталь мифа, вероятно, возникла как ответ на вопрос, почему у этого бога есть козлиная ипостась. Впрочем, позднее практику жертвоприношения козлов в его культе ошибочно перетолковали в рационалистическом ключе, объяснив ее как уничтожение природного врага виноградных лоз, а не как ритуальную смерть самого бога.

Нисейские нимфы вырастили Диониса в пещере и вскормили его медом. За это они были вознаграждены: Зевс превратил их в звездное скопление, которое мы знаем под названием Гиады. Другие легенды о появлении этой группы звезд, связанные со смертью Гиаса, или Фаэтона, вполне могут иметь сходное культовое происхождение: роли нянек, убийц и плакальщиц в различных эпизодах ритуала могли исполнять одни и те же служительницы. Согласно Гомеру, Диониса и его нянек на горе Ниса преследовал фракийский царь Ликург. Дионис спасся, и его приютила морская богиня Фетида — как в свое время и Гефеста, сброшенного с Олимпа. Сходство между двумя этими историями бросается в глаза, и это далеко не единственная точка соприкосновения между мифами Диониса и Гефеста.

Дионис вырос в женственного юношу и открыл опьяняющие свойства винограда. Тут Гера наслала на него безумие (эту свою способность она проявляет в различных мифах так часто, что, возможно, в ней кроется ключ к ее истинной природе), и Дионис отправился скитаться по свету. Он прошел через Египет и Сирию — чем объясняется существование схожих культов в этих странах, таких как культы Осириса и Адониса. В странствиях Диониса сопровождал его наставник Силен и огромная свита, в которую входили его верные менады и различные мифологические существа.

Женщин, следовавших за Дионисом, называли не только менадами, но и вакханками, мималлонидами, бассаридами и фиадами (в большинстве этих названий отражены особенности их одежды и поведения). Менады, так же как и дактили, — это, с одной стороны, мифологические персонажи, а с другой — земные служительницы Диониса. Первые сопровождали Диониса, или Вакха, в его мифических странствиях, вторые в древние времена справляли экстатические обряды в его честь. И те и другие облачались в шкуры тигров, коз или ланей. На некоторых изображениях они предстают почти или полностью обнаженными, и на коже их можно различить татуировки в виде различных животных или просто переплетения линий, похожие на паутину. Менады несли зажженные факелы или посохи-тирсы, увенчанные сосновыми шишками и обвитые плющом. Плющ, виноградные листья и змей они вплетали себе в волосы или носили как венки на голове. Кроме того,

менады изображались со змеями, мечами и кимвалами в руках; кимвалы, как и сосновые шишки, свидетельствуют о связи с обрядами Кибелы. Позы и лица служительниц Диониса выражают экстаз на грани безумия. Менады пляшут, запрокинув головы; волосы их растрепаны, с губ срываются странные возгласы. Это священное безумие почиталось не в меньшей степени, чем божественное вдохновение.

Итак, в сопровождении менад, сатиров и прочих спутников Дионис в своем безумии скитался по свету. В Ливии он встретил так называемых амазонок — скорее всего, жриц какого-то местного культа, носивших козьи шкуры, — и убедил их помочь ему в походе на Египет. Одержав там победу, он пересек Месопотамию, переправился через реку Тигр и вступил на земли Индии. Навязывать свою власть силой ему приходилось редко: народ за народом радостно покорялся дарителю вина. Только цари иногда оказывали сопротивление, и нескольких из них Дионис предал малоприятной смерти. Во всех случаях эта кара традиционно объяснялась консерватизмом царей и нежеланием признать в Дионисе божество. Некоторые современные интерпретаторы рассматривают этот мотив как отголосок яростной борьбы между культом Диониса и более цивилизованными формами религии. Но более вероятным представляется, что гибель царей, воспротивившихся Дионису, — не исторический факт, а элемент мифа, связанный с архаической практикой человеческих жертвоприношений и ритуального каннибализма, а умерщвленный царь олицетворял самого Диониса. Впрочем, в более поздний период дионисийские обряды действительно вступали в конфликт с государственными культами, как греческими, так и римскими. Дионис — это в первую очередь «бог для избранных», так что становлению индивидуальности в греческом обществе сопутствовал расцвет закрытых дионисийских культов, практиковавших посвящения, допускавших соискателей обоего пола и не объединенных никакой централизованной властью.

От безумия Дионис исцелился, совершив очистительные обряды и пройдя посвящение в мистерии Кибелы (следует отметить, что во многих версиях мифа этот эпизод отсутствует). Неистовство и дикость, присущие обрядам обоих этих божеств, — лишь одно из многих указаний на их тесную связь. Участие Диониса в Элевсинских мистериях, соответственно,

позволяет предположить, что эти хтонические обряды, в свою очередь, связаны мифологически или исторически с культом фригийской Великой Матери.

Дионис Загрей

Мистерии, связанные с Дионисом, отчасти восходят к его связи с орфизмом, берущим начало во Фракии, а отчасти к фригийским культам. Кроме того, они имеют прямое отношение к критскому культу Диониса Загрея — местной ипостаси Зевса, рождение и смерть которого праздновали на этом острове. Критскую легенду о смерти Зевса (могилу которого видел Пифагор, когда проходил посвящение в мистерии) нигде более в греческом мире не признавали. По крайней мере, такое впечатление складывается на основе литературных источников, а они, само собой, сообщают не так уж много о местных и более древних сельских культах. Утверждать наверняка мы не можем, но, скорее всего, это предание входило в состав древнейшего цикла мифов о Зевсе и оказало большое влияние на более поздние религиозные течения, например, на орфизм. В известном нам древнем варианте мифа Дионис рождается от Зевса и Персефоны. Для соития с подземной богиней Зевс принимает облик змея, выступая в собственной подземной ипостаси Зевса Хтония.

Как и в вышеизложенной версии мифа, ребенка, рожденного от этой связи (в сущности, самого Зевса в образе ребенка), преследует ревнивая Гера, призвав на помощь титанов. Спасаясь от них, юный Зевс принимает различные обличья и наконец превращается в быка. В этом облике титаны настигают его и разрывают на части. Миф утверждает, что титаны при этом выкрасили лица белым гипсом. Точно так же выбеливали свои лица участники инициатического обряда, восходящего к этому мифу: вначале они исполняли боевой танец, изображая охранников юного бога, а затем разрывали на части быка и пожирали его сырым. Таким образом, в ритуальном контексте титаны, убившие бога, тождественны охранявшим его куретам (и неслучайно персонаж по имени Мелиссей присутствует и среди куретов, и в числе титанов). В мифе старший Зевс

истребляет титанов молниями, а из дыма, поднимающегося от их опаленных тел, появляются на свет первые люди. Таким образом, природа человека осквернена частицами титанов, но содержит искру божественного начала, которая пребывала в теле поглощенного ими Диониса. Сердце Диониса сохранилось нетронутым, и Зевс зашил его себе в бедро, после чего сюжет разворачивается примерно так же, как и в вышеизложенном варианте.

Долгое время эту легенду считали поздней орфической версией мифа, приписывая ее создание Ономакриту — знаменитому автору орфических книг и пророчеств. Но в наши дни большинство исследователей признают, что она возникла задолго до орфизма и отражает чрезвычайно древнее мистериальное учение. О тождестве куретов с пожирателями бога свидетельствует фрагмент из трагедии Еврипида «Критяне»: «Проведя чистую жизнь, с тех пор я стал мистом Идейского Зевса, свершивши громы блуждающего ночью Загрея (и) его сыроядные пиры и вознеся факелы горной Матери, я, освященный, наименовался вакхом Куретов. Неся белые одежды, я избегаю рождения [быть при родах] смертных и не касаюсь гроба умерших. Я также хранюсь вкушения животных яств»[1].

Таким образом, кульминацией неистового дионисийского ритуала становилась омофагия — поедание сырого мяса. В орфических обрядах, как и в приведенном выше фрагменте из Еврипида, посвящаемый совершал это действо раз в жизни, после чего до конца своих дней воздерживался от мясной пищи (впрочем, некоторые орфические школы допускали отклонения от этого правила). Напротив, в культах Диониса ритуал омофагии, вероятно, был сезонным или периодическим (хотя тоже входил в посвятительные обряды) и не предполагал каких-либо изменений в повседневном питании.

Титул «вакх» в вышеописанном обряде мог относиться как к смертному служителю бога, так и к самому божеству. Для греческой религии столь тесное отождествление человека с богом — уникальный случай. Легенда о происхождении человека от титанов и о заключенной в нем божественной искре легла в основу орфического учения о спасении души, на которое, в свою очередь, опирались очистительные обряды. Налицо

1 Пер. А. Лосева.

разительное сходство с христианским учением о первородном грехе, и это особенно интересно в свете того, что главы некоторых орфических школ были странствующими магами и зачинателями той литературной традиции, которая впоследствии нашла выражение в форме гримуаров.

Сабазий

Фракийско-фригийский бог Сабазий отождествлялся с Дионисом и в период до романизации неизменно изображался в образе фракийского героя-всадника. Обычно его описывали как сына Кибелы и Реи; возможно, это связано с тем, что в Малой Азии этого заимствованного у фракийцев бога приравнивали к Аттису, сыну и возлюбленному местной богини. Обряды в честь Сабазия, так же как и в честь Кибелы и Гекаты, совершали только по ночам, что может указывать на древние связи с религией хеттов. Эти ночные мистерии назывались сабазиями (не исключено, что отсюда пошло название ведьмовских шабашей) и оргиями и описывались как необычайно буйные, неистовые и, по словам критиков, развратные. Нет сомнений, что фригийские оргии и впрямь были далеко не столь чинными и благообразными, как официальные греко-римские обряды, однако сводить термин «оргия» к чисто сексуальным ассоциациям, как это принято в наши дни, не следует. Оргии включали в себя неистовые пляски, барабанный бой, достижние экстатических состояний и прочие активные священнодействия, требовавшие большого напряжения сил. Именно поэтому они и получили такое название: по-гречески *orgion* значит «работа», «труд».

Греки считали Сабазия сыном Зевса и Персефоны и более древним божеством, нежели сын Зевса и Семелы в его классической форме. Важную роль в его обрядах играла змея, поскольку Зевс, согласно мифу, для соития с Персефоной принял облик змея. Другая версия мифа гласит, что сам Сабазий превратился в змея, чтобы совокупиться с одной из своих фригийских жриц, и та родила от него детей. Памятуя о том, что Дионис отождествлялся с молодым Зевсом, римляне тоже стали почитать подобное божество — Юпитера Сабазия. Кроме того, нянькой Сабазия считалась нимфа по имени Ниса. Известны

версии, по которым Сабазий был сыном одного из кабиров, или собственно Диониса, или даже Кроноса, как сам Зевс.

Сабазия, как и Диониса, изображали в виде рогатого бога, но не с козлиными, как у Диониса, а с бычьими рогами. Считалось, что он помог людям одомашнить коров и научил земледельцев пахать на волах. Титаны разорвали его на семь частей и пожрали, за что Зевс уничтожил их ударом молнии. Согласно орфическому мифу, из пепла их были созданы люди, унаследовавшие не только «первородный грех» титанов, но и божественную природу Диониса. Посвятительные обряды, включавшие в себя ритуальное поедание бычьего мяса, как будто бы воссоздают преступление титанов, но, на мой взгляд, это связано с тем, что роли героев и злодеев во многих подобных сюжетах исполнялись в ритуалах одними и теми же служителями.

Несколько замечаний о Дионисе

В классическую эпоху Дионис воспринимался как чужеземный бог, и это составляло важную часть его образа. Однако в связи с этим возникают некоторые вопросы. Во-первых, имя Диониса встречается еще в микенских надписях вместе с именами Зевса и других греческих богов. Некоторые божества того периода в классическую эпоху оказались забыты, ввиду чего Дионис оказывается одним из старейших греческих богов, а не поздним заимствованием. Почитали его и на Крите в минойские времена, пусть и под другими именами. Соответственно, на практике он такой же «исконный» греческий бог, как и любой другой олимпиец. Но, несмотря на это, «чужеземность» — неотъемлемая черта его природы. То, что в характере и обрядах Диониса есть заимствованные элементы, — неоспоримый факт. Но, с другой стороны, ни сирийские и кипрские истоки образа Афродиты, ни происхождение культа Гефеста из Малой Азии и с острова Лемнос не делают этих божеств чужаками, в отличие от Диониса. Исследуя истоки и доклассический характер любого из греческих богов, мы всегда обращаемся к другим культурам. Но в случае с Дионисом иноземность — не только часть его истории, но и часть его божественной природы, сохраняющаяся повсеместно и во все времена.

В «Одиссее» Дионис упоминается дважды, и оба эти случая заслуживают внимания. В первый раз его имя появляется вскользь в одиннадцатой песне (стих 325), посвященной описанию некромантического обряда. Во второй раз — в двадцать четвертой (стих 74), также в прямой связи с загробным миром. Гермес-психопомп провожает души убитых женихов Пенелопы в Аид, где беседуют между собой души героев Троянской войны. В этой беседе сообщается, что погребальная урна, в которую поместили прах Ахилла, — творение Гефеста, подаренное Дионисом Фетиде, матери героя.

Классический Дионис — своего рода сплав, вобравший в себя черты многих божеств (и в этом отношении он не слишком отличается, допустим, от того же Зевса, ассимилировавшего целый ряд божеств из разных регионов, от Средиземноморья до Ближнего Востока). Поэтому миф о нем известен во множестве вариантов, отражающих фригийские, критские, афинские, пелопоннесские и прочие традиции. Особо значимый местный вариант представляют собой родственные друг другу традиции Беотии и Эвбеи, в которых фигурируют Силен и Аристей. Элементы этой беотийской версии (в которой отсутствует эпизод с гибелью Семелы) вошли в Нонновы «Деяния Диониса», где содержится сюжет об Аристее. Кроме того, эвбейская традиция связана с итальянскими Кумами — колонией, основанной переселенцами из эвбейского города Халкида.

Мать Диониса в классическом мифе — смертная женщина Семела, одна из дочерей Кадма. Этой семье приписывалось финикийское происхождение, что, вероятно, указывает на азиатские истоки мифа в его беотийской форме. Исследователи предполагают, что Семела может быть тождественна фригийской богине земли Земело. Если так, то ее возвращение из Аида — это не сюжет о погибшей смертной женщине, которую спас ее обожествленный сын, а миф о богине, по природе подобной Персефоне. Вероятно, таково же и происхождение мифа о смерти и воскресении Эвридики, жены Орфея. Огненная гибель Семелы в изначальном контексте представляла собой метафору оплодотворения богини земли богом дождя и молний. Такими обстоятельствами зачатия и «первого рождения» объясняются эпитеты Диониса «Пириспор» и «Игнигена», означающие «Огнерожденный».

Праздники Диониса

С особой пышностью и великолепием праздники Диониса справляли в Афинах. В древних описаниях этих торжеств упоминаются процессии, в которых несли сосуд с вином, украшенный виноградной лозой, а следом вели козла и несли корзину смокв и фаллические эмблемы. В одежде и поведении участники ритуала имитировали самого Диониса и его спутников, какими те представали в мифах. Некоторые облачались в одежды из ланьих шкур, украшали себя гирляндами из плюща, еловых веток и виноградных лоз и несли жезлы-тирсы. Другие одевались в тонкий лен и венчали головы шапками, похожими на митры. Процессия двигалась под буйную музыку фригийских флейт и барабанов. Кое-кто изображал сатиров или Пана и Силена, кое-кто ехал верхом на ослах, а следом вели коз, предназначенных в жертву богу.

Проходя через поля и луга, мужчины и женщины двигались в буйном, безудержном танце, принимая причудливые позы и приветствуя бога возгласами: «Эвоэ, Вакх! Ио! Ио! Эвоэ! Иакх! Ио Вакх! Эвоэ!» За ними несли священные сосуды, один из которых был наполнен чистой водой. Далее шли юные девы с корзинами фруктов; в некоторые из этих корзин также клали змей. За ними следовали мужчины-фаллофоры, увенчанные плющом и фиалками (этот ритуальный элемент присутствовал также в обрядах Осириса, а в Греции, по преданию, был введен Мелампом). Они несли фаллические эмблемы и распевали праздничные песни. Следом за ними шла еще одна группа мужчин — так называемые итифаллы, жестами и походкой изображавшие пьяных. Они были облачены в женскую одежду с белыми полосками длиной до пят; голову и руки их обвивали цветочные гирлянды. За итифаллами шествовали ликнофоры, носители ликнонов — веялок, имевших форму корзин на длинной ручке и предназначавшихся для провеивания зерна (это тоже была одна из важных эмблем Диониса).

Несмотря на все свое буйство, праздники Диониса или Вакха содержали и некоторые серьезные, даже мрачные элементы, как и приличествует хтоническим обрядам. К участию в них допускались не только свободные взрослые граждане, но и дети, и даже рабы. Афинские тираны, стремившиеся

ограничить власть аристократов, поощряли праздники Диониса в попытке завоевать всенародную поддержку. Некоторые исследователи предполагают, что название ведьмовских шабашей восходит к античным праздникам в честь Сабазия, и не исключено, что народный характер дионисийских обрядов действительно способствовал сохранению языческих практик среди низших слоев населения.

Один из древнейших афинских праздников Диониса справлялся ежегодно в течение трех дней месяца анфестериона. Это был весенний праздник вина, поставленного вызревать предыдущей осенью. Праздничные дни, как это вообще было принято в ритуальном контексте, считались от заката до заката.

Первый день торжеств назывался Пифойгия — «откупоривание кувшинов». Кувшины с вином — подношение от первых плодов земли, типичное для хтонических обрядов, — помещали в святилище Диониса Лимнайона (Болотного). Поскольку в окрестностях Афин не было никаких болот, приходится предположить, что название это пришло из других мест, хотя никакими свидетельствами того, что этот ритуал зародился за пределами Греции, мы не располагаем. Там, в святилище, кувшины откупоривали и совершали возлияния богу вина. В духе равноправия, столь характерного для дионисийских культов, в домашних торжествах участвовали все домочадцы, включая слуг и рабов. Комнаты и все сосуды для питья украшали весенними цветами; цветочные гирлянды и венки надевали также на детей старше трех лет.

Второй день, Хоэс («праздник чаш»), предназначался для всеобщего веселья. Облачаясь в яркие одежды, а иногда и в костюмы мифологических персонажей из свиты Диониса, люди ходили друг к другу в гости. Некоторые устраивали питейные состязания, победителем в которых выходил тот, кто быстрее всех осушит свою чашу. В этот же день совершали возлияния на могилах умерших родственников. На официальном, государственном уровне проводилась особо торжественная и тайная церемония в святилище Диониса в Ленее, которое открывалось лишь на один день в году. На этой церемонии басилисса, жена архонта (басилея), сочеталась браком с богом вина. Ей прислуживали четырнадцать афинских матрон - так называемые гердеры, выбранные самим басилеем; они клялись хранить в тайне все происходящее во время обряда. Это действо

напоминало бракосочетание Диониса и Ариадны, архонт же выступал эквивалентом героя Тезея.

Пифойгия и Хоэс были хтоническими праздниками. Они включали в себя ритуальное осквернение как подготовку к жертвоприношению Гермесу Хтонию и, следовательно, требовали искупительных возлияний. В эти дни души умерших возвращались из подземного мира и ходили среди живых. Для защиты от несчастий, которые они могли навлечь, люди жевали листья боярышника и обмазывали двери домов смолой. Правда, в частной обстановке преобладал настрой на разгульное веселье, но все равно праздник чаш был еще и праздником мертвых. Душам предков и Гермесу Хтонию в этот день подносили вареные бобы. Как известно, дионисийские обряды были тесно связаны со становлением афинского театра, но в эти праздничные дни представления запрещались (хотя дозволялось проводить репетиции). Подобные запреты эквивалентны тем, что вступали в силу Древнем Риме в день открытия мундуса Цереры — ямы, считавшейся входом в загробный мир; этот день был неблагоприятным для бракосочетаний и заключения сделок.

Дело вакханок

У Тита Ливия в «Истории Рима» (книга XXXIX) встречается один любопытный эпизод, связанный с тем, какие формы частное почитание Диониса принимало в Италии. Интересующие нас события представлены как часть назидательного вымысла, но сторонние свидетельства (в частности, упоминание о связанном с ними эдикте Сената) подтверждают их историческую достоверность. Итак, вскоре после окончания Пунических войн, в 186 году до н. э., Сенат подверг жестоким гонениям последователей Диониса, предав смерти более шести тысяч человек по всей Италии. Истинная причина этих репрессий, очевидно, заключалась в стремлении поставить всю религиозную деятельность в Италии и провинциях под абсолютный контроль Сената. Ливий предваряет описание этих событий следующим введением, не чуждым литературных условностей, но все же содержащим некоторые важные детали:

> Началось все с того, что в Этрурии объявился низкого происхождения грек, несведущий ни в одной из

> благородных наук, с которыми познакомил нас для совершенствования тела и духа просвещеннейший из народов. Это был жрец и прорицатель, не из тех, кто во всеуслышание проповедует свою веру и, набирая себе платных учеников, пятнает людские умы заблуждениями, но руководитель тайных ночных обрядов[1].

Здесь мы наблюдаем явную перекличку с платоновым описанием гоэтов как странствующих магов, по меньшей мере в некоторых случаях движимых искренними религиозными убеждениями. Далее перечисляются некоторые обстоятельства, упоминаемые и в постановлении Сената. Так, например, Ливий сообщает, что культ Диониса быстро набирал силу, и если поначалу к таинствам допускали только женщин, то вскоре стали принимать и мужчин. За этим нововведением последовали и другие: обряды перенесли с дневного на ночное время и, что казалось властям еще более опасным, стали справлять гораздо чаще - на протяжении пяти дней каждого месяца вместо трех дней в году, как было принято прежде. Культ насчитывал великое множество приверженцев и в Этрурии, и в Южной Италии, сохранявшей наследие греков, а также отличался еще одной особенностью, вызывавшей опасения у римских властей, а именно: посвященные приносили клятвы, связывавшие их друг с другом и с таинствами Диониса в целом.

Эта особенность культа позволяла трактовать его как заговор, определяемый на латыни двумя юридическими терминами: *conspiratio* и *conjuratio*, что в буквальном, прямом переводе означает, соответственно, «совместное дыхание» и «совместные клятвы». (Любопытно, что второй из этих терминов означал также вызывание духов и заключение договоров с ними.)

Свидетельств того, что последователи Диониса и впрямь готовили какой-то заговор против государства, не сохранилось, но для вынесения обвинительного эдикта Сенату этого и не требовалось. Достаточно было того, что этот культ действовал независимо от государства. Иными словами, *conspiratio* в данном случае означало всего лишь верность друг другу и своему богу, но государство стремилось регулировать все формы религиозности в пределах своих владений. Эта тенденция

1 Пер. Э. Юнца.

началась еще раньше. Если в архаической Греции аристократы в массе своей просто презирали культ Диониса, то в классическую эпоху отношение к последователям неофициальных культов существенно ухудшилось. Иными словами, при всей своей толерантности языческая религия стала превращаться в централизованный институт.

После «дела вакханок», описанного Ливием, религия последователей Диониса была поставлена под жесткий государственный контроль. Численность собраний была строго ограничена пятью участниками, и отныне приверженцам дионисийских таинств запрещалось иметь общую кассу и обмениваться клятвами. Тем самым сенаторы искоренили культ Диониса как общественное движение, не навлекая на себя обвинений в религиозной нетерпимости.

На словах участников вакхических таинств осуждали главным образом за распущенность. Не исключено, что это имело под собой некоторые основания, но в целом те обвинения в «злодеяниях и разврате», которые выдвигает против вакхантов Ливий, типичны для репрессий на религиозной почве: например, в христианскую эпоху точно такие же обвинения навлекали на себя иудеи, ведьмы и еретики. Это и неудивительно: ведь религиозные войны и гонения обычно служат лишь прикрытием для политических амбиций.

В наши дни многие говорят о необходимости повсеместного отделения церкви от государства и выступают в защиту свободы совести. Но самоорганизующиеся религиозные группы по-прежнему рискуют навлечь на себя недовольство со стороны властей и общества в целом. Британцы моего поколения еще помнят те времена, когда собираться в священных местах без специального разрешения, чтобы отпраздновать неофициальный праздник, было небезопасно. И не будет преувеличением сказать, что даже в «свободных странах» на людей, пятьдесят с лишним дней в году соблюдающих религиозный запрет на работу или несение военной службы, многие смотрят неодобрительно и даже с опаской. Подобное отношение легко может повлечь за собой стигматизацию того или иного культа и вызвать полномасштабные репрессии. Одним словом, с точки зрения государства, мы вольны думать и делать все, что угодно, но лишь до тех пор, пока это никак не влияет на окружающую действительность.

Могила Сфенела

Продолжая свой путь, аргонавты заметили на берегу могильный курган какого-то героя. Этому эпизоду посвящен лишь небольшой отрывок поэмы (строки 911 - 929 песни II), но для нас он представляет большой интерес. Сообщается, что тень павшего явилась аргонавтам с разрешения самой Персефоны, после чего прорицатель Мопс посоветовал своим спутникам сойти на берег, чтобы умилостивить беспокойный дух героя:

Дальше Сфенела курган узрели они Акторида,
Что из отважных боев с амазонками вспять возвращаясь,
Был на пути (ибо вышел в поход он вместе с Гераклом)
Ранен стрелою и умер в том крае у брега морского.
Много отплыть не успели они: пустила на землю
Тут Ферсефона сама Акторида плачевную душу,
Что умоляла хотя бы на миг дать ей сверстников видеть.
Встал на кургана венце герой и смотрел на корабль он,
С виду таков, каким на войну он пошел,— красногривый
Шлем с четырьмя гребнями сверкал вкруг чела его ярко.
Миг — и сгинул герой в непроглядный мрак. Изумились
Все, лишь завидев его. Пристать велел прорицатель
Мопс Ампикид и смягчить возлиянием душу героя;
Парус в единый миг закрепив и причалы закинув
На берег, спешно они занялись курганом Сфенела;
Стали творить возлиянья и жечь в честь умершего жертвы.
Там же, воздвигнув алтарь кораблей охранителю Фебу,
Сверх возлияний ему овец заклали, — Орфей же
Лиру ему посвятил, и «Лирой» то место зовется.

Вмешательство богини изображено здесь как акт сострадания, но вместе с тем содержит в себе подспудное требование позаботиться о душе умершего. Мопс предстает как профессионал, в сферу компетенции которого входят именно такие явления. Не исключено, что в реальной жизни прорицатели,

подобные ему, не столько толковали чудеса, явленные целой группе персонажей (как это обычно происходит в эпической поэзии), сколько пересказывали и интерпретировали свои собственные видения.

О приключениях Сфенела мифы повествуют по-разному. Согласно одной из версий, он некоторое время сопровождал Геракла в его странствиях. По другой версии, Сфенел был внуком Радаманта, ставшего после смерти судьей в загробном мире; по возвращении из похода на амазонок Геракл сделал Сфенела царем, отдав ему во власть один из фракийских островов. Учитывая многочисленные ассоциации с подземным миром, окружающие Сфенела, можно предположить, что первоначально этот остров считался царством мертвых.

В заключение второй песни «Аргонавтики» герои наконец достигают берегов Колхиды. Перед тем как войти в устье реки Фазис, они проплывают мимо скалы, к которой прикован Прометей. Аргонавты видят исполинского орла, каждый день пожирающего его печень, и слышат крики страдающего титана. (Здесь следует обратить внимание на искусственную хронологическую интеграцию «Аргонавтики» с подвигами Геракла. Фиванский герой присоединился к походу Ясона после того, как добыл пояс Ипполиты. В Мизии он расстался с аргонавтами, а Прометея освободил позднее, в ходе путешествия за яблоками Гесперид, хронологически совпадающего с событиями четвертой книги «Аргонавтики».)

Прометей

Классический миф относит Прометея к титанам, как и его отца Иапета. Матерью его считается, по одной версии, Асия, а по другой — Климена, но не исключено, что это два имени одной и той же нимфы. Прометей был братом Атланта, Менетия и, что особенно важно, Эпиметея. Согласно традиционной этимологии, имя «Прометей» означает «промыслитель» (буквально — «мыслящий вперед»), а Эпиметей — «крепкий задним умом». Некоторые интерпретаторы утверждают, что эти имена связаны соответственно с утренней и вечерней видимостью одной из планет, по всей вероятности, Меркурия.

Следует иметь в виду, что эти толкования произвольны или, выражаясь более мягко, основаны на игре слов, которую греки, вообще говоря, очень любили. Это еще не повод сбрасывать их со счетов: во многих культурах традиционная этимология божественных имен отражает подлинные религиозные представления или оказывает влияние на их развитие. Но все же истинное происхождение имен несет в себе более важную информацию, и в данном случае интересующее нас имя тесно связано с санскритским словом «раманта», означающим сверло или палочку для добывания огня. Корень «манта», в свою очередь, родствен более поздним германским словам со значением «сила» и даже «пытка», «мучение», а санскритское «прамать̣юс» означает «похититель огня». Греки, по всей очевидности, приняли первый слог этого слова за префикс *pro-*, означающий «перед, прежде», упустив из виду его прямую этимологическую связь с *pyro* — «огонь».

Таким образом, Прометей оказывается чрезвычайно древним индоевропейским божеством. Традиционно его представляют как величайшего благодетеля человечества, помогавшего людям вопреки воле Зевса. Согласно одному из мифов, именно он сотворил первых людей из воды и глины и наделил их всеми качествами, присущими другим животным. Кроме того, Прометей обучил людей всевозможным полезным ремеслам, то есть выступил в роли культурного героя подобно Аристею, дактилям и так далее.

Из мифов о Прометее более всего известен тот, согласно которому этот титан похитил огонь с небес и принес его людям. И действительно, главный символ Прометея, как и Гефеста, именно огонь. Предыстория этого похищения связана с тем, как Прометей обучал людей религиозным обрядам. Он посоветовал людям разделить останки жертвенного животного на две части и положить в один сосуд мясо и внутренности, покрыв их желудком, а в другой — только кости, прикрытые сверху жиром. Затем Прометей предложил Зевсу выбрать себе жертвенную часть, и тот выбрал второй сосуд, решив, что он до самого дна полон жирного мяса. Когда обман раскрылся, Зевс разгневался на Прометея и на весь род людской и в наказание отнял у людей огонь (кстати говоря, необходимый для жертвоприношений). Вот тогда-то Прометей и вернул огонь человечеству, похитив его с небес. По одной из версий, он собрал

искры, вылетающие из-под колес солнечной колесницы, в полую тростинку — стебель фенхеля. Из сухого фенхеля получается превосходный трут, но в данном случае, скорее всего, имеется в виду гигантский фенхель — растение, родственное асафетиде. Согласно другой версии, Прометей украл огонь из кузницы Гефеста на острове Лемнос. В наказание людям Зевс послал в мир первую женщину по имени Пандора, сотворенную Гефестом и Афиной и получившую чудесные дары от всех богов Олимпа. Эпиметей польстился на Пандору и взял ее в жены, не подозревая, что вскоре она обрушит на человечество всевозможные беды. И, наконец, Зевс покарал самого Прометея, приковав его к скале в горах Кавказа, на северном побережье Черного моря. Привести этот приговор в исполнение пришлось Гефесту.

Для того, кто знаком с классической греческой мифологией, во всем этом нет ничего нового. Однако существует множество других версий, менее известных и, вне всякого сомнения, архаических, а также немало нюансов и вариаций, отраженных в греческой вазописи. Все эти данные свидетельствуют о том, что некоторые привычные нам эпизоды мифа о Прометее представляют собой поздние переработки, появившиеся уже в классическую эпоху и во многих случаях коренным образом отличающиеся от более ранних версий. То же самое, как мы помним, произошло и с Гефестом, культ которого был заимствован греками у других народов. Некоторые исследователи не без оснований предполагают, что Прометей — это древнейшая форма Гефеста. Во-первых, миф о том, как Прометей сотворил первых людей из глины, роднит этого титана не только с иудейским Богом-Творцом, но и с египетским Птахом. В противоречие с этим вступает сюжет, гласящий, что первую женщину (сопоставимую с Евой, которая, согласно библейскому мифу, тоже навлекла беду на человечество, подтолкнув Адама к грехопадению) сотворили тоже из глины Гефест и Афина, которая, между прочим, не всегда представлялась вечной девственницей, как в классическом мифе. В древности она считалась супругой Гефеста, которого олимпийский миф рисует обманутым мужем Афродиты. О том, что Гефест и Афина в древние времена почитались как супружеская чета, свидетельствуют парные изображения этих божеств, помещавшиеся возле очага в домах многих афинян.

Из басен Эзопа и других малоазийских источников явствует, что Прометей сотворил не только человека, но и льва. Из этого можно сделать вывод, что в первоначальном мифе он, скорее всего, фигурировал как создатель всех людей вообще (а не только мужчин) и всех животных. Но мотив сотворения людей из глины — это лишь одна из черт, роднящих Прометея с Гефестом (не говоря уже о Птахе). Другая общая черта еще более примечательна. Афина, согласно мифу, родилась из головы Зевса. Чтобы помочь ей выйти на свет, Гефест выковал бронзовый топор — важнейший религиозный символ архаической эпохи. По самой известной версии мифа, тот же Гефест расколол этим топором голову Зевса, и Афина вышла из нее на свет уже взрослой и в полном боевом облачении. Можно себе представить, каким исполинским ростом должен был обладать для этого Зевс! Кроме того, чтобы рождение Афины состоялось именно так, как описано выше, требовалось присутствие Гефеста. А это никоим образом не согласуется с мифом о том, что Гера породила Гефеста без участия мужчины, чтобы отомстить Зевсу, породившему Афину без участия женщины. Напрашивается предположение, что в другой, более древней версии мифа Афине помог выйти на свет не Гефест, а Прометей. Колоссальный рост Зевса, подразумевающийся в этом мифе, и тесная взаимосвязь двух огненных богов заставляют нас обратиться к гораздо более глубоким и древним пластам традиции. Вспомним легенды о Кибеле, где упоминались богини исполинского роста и акты насилия, которым те подвергались. На некоторых изображениях, связанных с этими мифологическими событиями, из-под земли поднимается огромная женская голова, на которую нападают с двух сторон некие мужские персонажи, обычно сатиры. На одной вазе, ныне хранящейся в Оксфорде, представлен вариант этой сцены, где из-под земли встает венценосная Пандора, а к ней с топором в руке приближается Эпиметей, брат Прометея. Как и на многих других подобных изображениях, над головой Пандоры парит еще одна божественная фигура, меньшего размера, — в данном случае Эрот. Вполне очевидно, что классический миф о рождении Афины подменил древнюю богиню земли всеотцом-Зевсом, как того требовала официальная олимпийская религия. Схожая подмена имела место и с Пандорой: в олимпийском мифе она получает дары от всех богов,

а между тем само ее имя означает «Вседарящая», и это — один из эпитетов земли.

Одно из важнейших обстоятельств мифа о Прометее — тот факт, что прикованный к скале титан хранит от Зевса некую могущественную тайну. Мятеж его поистине великолепен и благороден: вопреки ужасным мучениям Прометей стойко бережет секрет, способный положить конец тирании Зевса, а именно, что морской нимфе Фетиде предстоит родить сына, который превзойдет силой отца. Этот мотив объединяет темы двух, на первый взгляд, никак не связанных между собой персонажей: Ахилла (фессалийского героя, как и Ясон) — с одной стороны, и Диониса — с другой. В орфическом мифе Дионису Загрею суждено стать преемником Зевса и пятым властителем мира. Эсхил излагает дальнейшие события в духе олимпийской ортодоксии: Зевс предотвращает рождение соперника, выдав Фетиду замуж за смертного героя, от которого та и производит на свет Ахилла. Но первоначально тем «преемником», чью тайну хранил Прометей, вполне мог считаться Дионис (в праздничные дни которого, кстати говоря, впервые стали разыгрывать на сцене драмы об Ахилле).

Прежде чем завершить наш анализ четвертой книги «Аргонавтики», вспомним еще одно загадочное обстоятельство, связанное с Прометеем. Действие Софокловой драмы «Эдип в Колоне» разворачивается в культовом месте, первоначально посвященном Эриниям — хтоническим богиням, речь о которых шла несколькими разделами выше. Но Эринии были не единственными покровительницами этого места (а Софокл родился в Колоне, так что его свидетельство на сей счет заслуживает доверия). Оно принадлежало одновременно и Посейдону, чей сложный и глубокий образ в олимпийской мифологии был значительно упрощен, и Прометею, владыке огня. Кроме того, с этим местом ассоциировался некий герой-всадник, в честь которого Колон и получил свое название, и здесь возникает интересная ассоциация с иконографией «фракийского героя». С точки зрения классического мифа, все перечисленные персонажи никак не связаны между собой, и это кажется странным.

Единственный способ примирить их между собой — это обратиться к архаическим формам перечисленных божеств. Посейдон в древности считался супругом Деметры Эринии.

Поэтому вполне естественно, что в своей доолимпийской ипостаси он связывался с теми же местностями, что и многие хтонические персонажи, и вовсе не случайно, что его почитали как покровителя одного из знаменитых некромантических прорицалищ. Герой-всадник Колон без труда вписывается в этот ряд ассоциаций, так как героям отводилось видное место среди могущественных духов умерших. Разумеется, первоначально герои почитались как покровители рода и только позднее стали покровителями городов. Согласно некоторым источникам, Прометей был отцом или дедом героя по имени Геллен (Эллин) — родоначальника всех греков. И, наконец, близость Прометея Гефесту (доходящая до того, что эти божества подчас оказываются взаимозаменяемыми) позволяет объединить всех персонажей, связанных с Колоном, в согласованную и внутренне связную группу. Некоторые утверждали, что Софокл преувеличивал значимость этого священного места и приписал ему «лишних» покровителей, но в действительности все перечисленные божества и герои образуют стройную, совершенную гармоничную систему.

Олен

Поэт Олен, по преданию, был родом из Гипербореи и жил еще до Орфея. Правда, Геродот называет Олена выходцем из Ликии, но все же упоминает его в связи с гиперборейскими традициями[1]. Гимны его пели на Делосе и по всей Ионии, а также по торжественным случаям в Дельфах. Некоторые утверждают, что именно Олен основал Дельфийский оракул и первым начал изрекать в нем пророчества.

Гермотим

Гермотим (или Гермодор) был родом из Клазомен (Корнелий Агриппа упоминает его под именем «Гарман Клазомений») — большого ионийского города на побережье Эгейского моря, между Смирной и Хиосом.

Гермотим славился как великий прорицатель; утверждали, что душа его способна выходить из тела и странствовать по свету в поисках знаний о будущем. Согласно легенде, неверная жена выдала его врагам, неким Кантаридам, и те сожгли его нагое тело, пока душа прорицателя скиталась вдали. Высказывалось предположение, что эти Кантариды были дионийской сектой. Если так, то в истории Гермотима отразилось противостояние между последователями Диониса и Аполлона, очевидное и в предании об Орфее. Впоследствии Гермотиму воздавали почести как божеству и воздвигли ему храм, который считался запретным для женщин: по легенде, в память о предательстве его жены, а в действительности по примеру орфиков, которые, в отличие от последователей дионисийских культов, не допускали женщин к своим обрядам.

1 Геродот, «История», IV.35.

Поэты

Место поэзии в греческой религии и магии — непростая тема, значение которой для нашего исследования может показаться не вполне очевидным. У Платона часто встречается мысль о том, что поэзия — это род священного безумия, который следует чтить даже выше сократовой логики, ибо он подразумевает непосредственное вмешательство богов. Эту разновидность «мании» связывали с Музами, тогда как другие формы священного безумия ассоциировались с Афродитой (любовь), Дионисом (опьянение) и Аполлоном (прорицание). Некоторые исследователи выбивались из сил в попытках доказать, что все греческие поэты классической эпохи сочиняли свои стихи в здравом уме и трезвой памяти. Иногда их аргументы даже могут показаться убедительными. В конце концов, у нас нет доказательств и тому, что все греческие влюбленные впадали в священное безумие и неистовствовали с пеной у рта. Но, с другой стороны, имеется немало доказательств тому, что греки тесно связывали поэзию с прорицанием, приписывая и тому и другому божественное происхождение, хотя и не признавая определенную роль за личными усилиями и техническим мастерством. Кроме того, вполне очевидно, что сочинение стихов требует мысленной настройки на определенный ритм, лексику и синтаксис, а значит, по определению подразумевает переход в особое состояние сознания, отличное от обыденного. Греческое слово «экстаз» в буквальном переводе означает «выход из себя», а «энтузиазм» — «одержимость божеством», или «боговдохновенность»; и оба эти термина применимы к состоянию ума, в котором работает поэт.

Одно из греческих названий мага — «эпод», что значит «певец магических заклинаний». Архилох, поэт с острова Парос, живший в середине VII века до н. э., был странствующим почитателем Диониса. Его сатира носила определенно магический характер; по преданию, жертвы одной из них (прочитаной на пиру Деметры, которая допускала подобные вольности) не вынесли позора и повесились. Другая легенда об этом поэте напоминает зачин известной сказки про Джека и бобовый стебель: Архилох повел на рынок корову, но по дороге встретил Муз, которые обменяли корову на лиру и исчезли.

Приемы поэтической сатиры Архилох использовал и в обрядах, посвященных Дионису, чем разгневал других жителей Пароса, но был оправдан самим Аполлоном (устами дельфийской пифии), и это обстоятельство вызывает определенные ассоциации с орфиками.

В связи с Музами следует вспомнить и о магической роли музыки. Другой поэт Пиндар (кстати сказать, недолюбливавший Архилоха) основал культ Матери, последователи которого специализировались на врачевании посредством музыки, и не исключено, что отсылка к этому культу содержалась в одном из трудов V века до н. э., приписываемом Гиппократу: «Если больной мычит или бьется в судорогах, говорят, что причиной тому Великая Мать. Если его крики подобны конскому ржанию, то в ответе за это Посейдон, а если чириканью птиц — Аполлон Номий; если же он пускает пену изо рта и брыкает ногами, то это дело рук Ареса. И, наконец, если по ночам он видит дурные сны и страшные образы и вскакивает с постели, то, говорят, на него напала Геката или какой-нибудь герой». Далее автор этого текста утверждает, что врачеванием подобных болезней занимались те же самые люди, которых Платон порицает как «гоэтов», а именно - странствующие жрецы, маги и заклинатели, изгонявшие недуг очистительными обрядами и песнопениями. Как и маги более поздних времен, они знали особые способы избавления от тех отходов, что оставались после обряда: подобные отходы зарывали в землю, бросали в море или уносили куда-нибудь в безлюдное место, где никто их не подберет и никто на них не наступит. Пиндарова музыка, связанная с тем или иным божеством, служила вспомогательным средством для врачевания соответствующих болезней. Эта концепция возникновения болезней и способов их лечения тесно связана и с магией, и с экстатическими религиями, признающими феномен одержимости. Как и последователи таких религий, странствующие жрецы использовали в своих ритуалах музыкальные инструменты, посвященные тому божеству, которому они служили: приверженцы Орфея или бога-прорицателя Аполлона отдавали предпочтение лире, а служители Диониса или Великой Матери — флейте и барабану.

Кроме того, не следует забывать, что вплоть до эпохи Римской империи с поэзией тесно связывались, с одной стороны,

мантические практики, а с другой — гимны и религиозные песнопения. По древней традиции частные и публичные оракулы нередко провозглашались в стихотворной форме. И даже когда со времен самых первых упоминаний о странствующих чародеях, владеющих магическими книгами, прошло много столетий, в литературе и фольклоре все еще сохранялись ассоциации между поэзией, с одной стороны, и различными формами магии — с другой.

Выводы для современной практики

Магические орудия, освященные духами

На страницах этой книги неоднократно упоминаются магические орудия и талисманы, создание которых приписывали Гефесту и кузнецам-халибам, укротителям стихии огня. Многие боги, маги и духи, связанные с огнем, непосредственно ассоциируются с магическими орудиями. Как известно читателям «Истинного гримуара», инструменты для описанных в нем операций черной магии помечаются сигилами различных даймонов, входящих в его иерархию. И в свете вышесказанного связь между магическими орудиями и духами «Истинного гримуара» становится совершенно понятной: поскольку особое место в этом гримуаре отводится саламандрам, то есть духам огня, освященные ими орудия становятся в один ряд с чудесными изделиями халибов или тельхинов. Важно отдавать себе отчет, что эти легендарные кузнецы — одновременно и маги-предки, наши предшественники, и духи, которых призывают на помощь маги ныне живущие. Как мы помним, в вышеописанной парадигме герой, наделенный магической силой, переходит в разряд подземных духов, завершив свои земные дела. Со своей стороны, маг обращается к этим духам за помощью не только при изготовлении, но и опосредованно при всяком использовании магических орудий.

Масла и травы

Использование магических масел для возлияния и других ритуальных практик составляет альтернативу жертвоприношению животных, подобно тому как во всех орфических церемониях, кроме посвятительных, кровавые жертвы в свое время были замещены воскурением благовоний. Однако это, так сказать, лишь верхушка айсберга: прецеденты ритуального использования магических масел, известные нам

по древнегреческим источникам, открывают прямую дорогу к интеграции методов худу в современные гоэтические практики.

Методы изготовления масел, принятые в традиции худу, не подразумевают никаких сложных алхимических процедур, и любой современный маг может освоить их без труда. В общем виде методология такова: ингредиенты (включая растительное масло, служащее основой для смеси) измельчают в ступке и оставляют на несколько дней настояться, раз или два в день энергично встряхивая. Если по прошествии недели смесь не приобретет ярко выраженного запаха, к ней добавляют те же ингредиенты (кроме растительного масла) в том же количестве, снова толкут в ступке и оставляют настояться, не забывая встряхивать. Добившись искомого результата, оператор процеживает масло и избавляется от осадка ритуальным образом (например, оставляет его на перекрестке).

В качестве основы лучше всего подходит оливковое масло: это традиционный ингредиент, уместный по всех отношениях по причинам, понятным без лишних слов, хотя некоторые современные маги заменяют его другими маслами. Одно из магических масел, лучше всего подходящих для наших целей, в традиции худу известно под названием «Масло силы». Его используют как средство для приумножения личной силы, умащая им тело мага и талисманы или орудия, способствующие духовному и магическому развитию. Для изготовления «Масла силы» к оливковому маслу-основе добавляют лимон (кожуру или цветки) и ладан. Согласно западной системе соответствий, оба эти ингредиента имеют солнечную природу и, таким образом, связаны с Аполлоном и Гелиосом — покровителями греческих гоэтов. Таким маслом можно умащать тело и свечи или использовать его для возлияний почти во всех операциях с духами «Истинного гримуара».

Исследуя традиционные соответствия и древние ассоциации растений и масел с различными богами и духами, оператор сможет значительно расширить приведенную ниже таблицу. В работе с токсичными растениями и с теми, свойства которых не изучены, необходимо соблюдать осторожность, но не следует недооценивать тот огромный потенциал, который заключает в себе магия ароматических масел и трав.

Соответствия некоторых духов «Истинного гримуара»

Дух	Звезды	Минералы и металлы	Растения	Ингредиенты животного происхождения
Флерити	Алголь, Плеяды	Алмаз, горный хрусталь, ртуть	Морозник черный, полынь обыкновенная, ладан, фенхель	
Бельзебут	Альдебаран	Рубин, карбункул	Чертополох, ясменник	
Саргатанас	Капелла	Сапфир	Шандра, мята перечная, полынь обыкновенная, мандрагора	
Астарот	Сириус, Процион	Берилл, агат	Можжевельник, полынь обыкновенная, цветки календулы, мята болотная	Змеиный язык
Мусисин	Регул	Гранат	Чистотел, полынь обыкновенная, мастика	
Фримост	Алькайд	Магнетит	Полынь обыкновенная, цикорий, цветки барвинка	Волчий зуб
Клепот	Дженах	Черный оникс (и другие подобные камни)	Белена, окопник, соцветия лопуха, желтый нарцисс	Язык лягушки
Киль	Спика, Арктур	Изумруд, яшма	Шалфей, клевер, барвинок, полынь обыкновенная, мандрагора, подорожник	
Клистерт	Альфекка	Топаз	Клевер, плющ, розмарин	
Хиепакт	Антарес	Сардоникс, аметист	Кирказон, шафран	
Фруциссьер	Вега	Хризолит	Цикорий, дымянка	
Мораил	Денеб Альгеди	Халцедон	Майоран, полынь обыкновенная, мандрагора	

Параллели из магических папирусов

Одну из параллелей между магическими папирусами и гримуарами составляет подход к операциям агрессивной любовной магии. Магия этого типа направлена на то, чтобы духи мучили объект магического воздействия, пока он не подчинится эротическим намерениям оператора. В греко-римской магии эта тема встречается постоянно: о ее популярности свидетельствуют и литературные источники, и многочисленные археологические находки. В связи с нашим исследованием особенно интересен пример из магических папирусов, известный под названием «Меч Дардана» (PGM IV.1716—1870). Дардан уже несколько раз упоминался в этой книге как основатель культа кабиров (вероятно, и сам принадлежавший к их числу) и как отец Ионийской сивиллы. Магические тексты, в название которых входит слово «меч», чаще всего ассоциируются с Моисеем, которого, как мы помним, на определенном этапе стали отождествлять с поэтом Мусеем. Таким образом, мы в очередной раз убеждаемся, что многие семитские гримуары, в том числе и те, которые принято считать «первоисточниками», в действительности не оригинальны и восходят к греко-египетским магическим папирусам. Кроме того, в тексте этого ритуала наряду с Дарданом, Эротом и Афродитой фигурируют еврейские имена Бога и ангелов, а следовательно, представление о том, что нельзя призывать языческих богов при помощи ритуалов, содержащих иудейские и христианские элементы, в корне ошибочно и противоречит документальным свидетельствам той эпохи, когда древнюю методологию еще не начали видоизменять и преобразовывать в угоду подобным предрассудкам.

Меч Дардана[1]

> Обряд (πρᾶξις), именуемый Мечом и не имеющий себе равных в действенности, ибо он тотчас же склоняет и привлекает [к тебе всякую] душу, какую ты только

1 (Ξίφος Δαρδανου.) Термин «меч», судя по всему, служит названием определенного типа магических формул; классический трактат этого типа носит название «Меч Моисея».

пожелаешь. Когда будешь читать заклинание (τον λόγον), скажи также: «Я подчиняю своей воле душу такой-то».

Возьми дышащий магнитный камень[1] и вырежи [на нем] Афродиту, восседающую верхом на Психее [= Душе] и держащую ее левой рукой за перевязанные кудри, а над головой у нее: *ахмаге рарпепсей* (αχμαγε ραρπεψει); а под Афродитой и Психеей вырежи Эрота, стоящего на небесной сфере, держащего горящий факел и жгущего Душу. А под Эротом — такие имена: *ахапа Адōнайе басма харакō Иакōб Иаō э фарфарэи* (αχαπα Ἀδωναῖε βασμα χαρακω Ἰακὼβ Ἰάω η φαρφαρηϊ). На другой стороне камня вырежи Психею и Эрота, держащих друг друга в объятиях, и под ногами Эрота — это: *сссссс* (σσσσσσσ), а под [ногами] Психеи: *ээээээээ* (ηηηηηηηη). Этот камень, резной и освященный, используй так: положи его под язык, повернись [в мыслях] к кому пожелаешь, и прочти такое заклинание (τὸν λόγον):

«Призываю тебя[2], родоначальника всякого рождения, простершего крыла свои надо всею вселенной, тебя, неприступного и беспредельного, вдыхающего во всякую душу животворный помысел, приведшего все вещи к согласию друг с другом своею силою, — о первородный, основатель всего сущего, златокрылый, черносияющий, омрачающий разумные помыслы и вселяющий темную страсть, сокровенный, пленяющий исподволь всякую душу! Ты порождаешь незримый огонь, которым объемлешь всех живых[3], и он не устает терзать их, но эта мука им в радость; и чрез него собралось

---

1 λίθον μάγνητα τον πνέοντα; вероятно, подразумевается пористый магнетит.

2 Ср. орфический гимн Эроту (LVIII):
«Кличу великого, чистого, милого бога Эрота!
Меткий, крылатый стрелок, огневой, летучий, проворный.
Ты и людьми, забавляясь, играешь, и даже богами,
Хитрый затейник, двусущий, имущий ключи, что отверзнут
Равно и недра, и море, небесный эфир, дуновенья
Ветров, — их Рея, родившая все, выпасает для смертных, —
Все, что и Тартар широкий хранит, и шумливое море.
Все это — дом твой, Эрот, и всем этим ты управляешь.
Ныне, блаженный, гряди же на помыслы чистые мистов,
Все побужденья дурные, ненужные, прочь отсылая!» (пер. О. Смыки)

3 Букв.: «всех одушевленных», τα παντα ἔμψυχα.

воедино все сущее[1]. Встречаясь [людям], ты приносишь и страдание, когда разумное, а когда и безрассудное, из-за которого люди дерзают сверх должного и прибегают к тебе, черносияющему. О юнейший, беззаконный, немилосердный, неумолимый, невидимый, бестелесный, родитель страсти, лучник, факелоносец, всякого духовного чувства [и] всех сокровенных владыка, податель забвения, родоначальник безмолвия, тот, от кого [рождается] свет и к кому возвращается свет, младенец, когда ты рождаешься в сердце, старец, когда достигаешь цели [своей]; я призываю тебя, непреклонный, великим именем твоим: *азарахтараза*[2] *лата иатал*[3], *ю ю ю латаи, аталлалаф, иоиоио, аи, аи, аи, аи уериеу, ойаи, легета, рамаи, ама*[4], *ратагель* (αζαραχθαραζα λαθα ιαθαλ υ υ υ λαθαΐ αθαλλαλαφ ιοιοιο αΐ αΐ αΐ αΐ ουεριευ οιαΐ λεγετα ραμαΐ αμα ρατατελ). О первосияющий[5], ночью сияющий[6], в ночи ликующий, ночь порождающий, слушай [меня], *эрэкиситфэ арарахарара эфтисикэрэ*[7] *Иабезебут иō* (ερηκισιθφη αραραχαραρα ηφθισικηρε Ἰαβεζεβυθ ἰὼ) глубинный[8], *бериамбō бериамбебδ* (βεριαμβω βεριαμβεβω), морской, *мермергу* (μερμεργου), сокровенный и древнейший, *ахапа, Адонайе, басма, харакō, ИакōδΒ, ИаōΒ, Харуэр, Аруэр, Лаилам, Семесилам, сумарта, марба, карба, менабōт, эииа* (αχαπα Ἀδωναΐε βασμα χαρακω Ἰακὼβ Ἰάω Χαρουὴρ Ἀρουὴρ Λαίλαμ Σεμεσιλὰμ

1 ἐξ οὗ τὰ πάντα συνεστηκεν. У Г. Беца — *from the time when the world came into being* («с тех времен, когда возник мир»).

2 Несовершенный палиндром.

3 Эти два слова составляют палиндром.

4 Эти два слова вместе с первой буквой следующего слова составляют палиндром. — *Примеч. перев.*

5 Или: «первоявленный», πρωτοφανῆ.

6 Или: «являющийся ночью», νυκτιφανῆ.

7 Эти три слова составляют палиндром. ηφθισικηρε — часто встречающееся магическое слово; предположительно его возводят к др.-греч. φθισικηρε (φτιω, κηρ) и интерпретируют как «уничтожающий злых демонов».

8 Здесь узнаваемые греческие слова βυθιε («глубинный»), πελαγιε («морской») и κρύφιε και πρεσβύτατε («сокровенный и древнейший») вставлены в ряд магических палиндромов. В некоторых гностических системах Битос (Βυθος), олицетворение бездны, — одно из имен верховного божества (Единого). В поздней греческой мифологии фигурируют Битос («глубина») и Афрос («морская пена») — два ихтиокентавра, сыновья Кроноса и нимфы Филиры; на мозаике I—II вв. из Зевгмы (Коммагена) они изображены в сцене рождения Афродиты, поднимающими богиню на раковине из морской пучины.

σουμαρτα μαρβα καρβα μεναβωθ ηια), обрати душу такой-то ко мне, такому-то, чтобы любила меня, чтобы ко мне вожделела, чтобы дала мне то, что может дать. Да откроет она мне, что на душе у нее, ибо я призвал твое великое имя».

И вырежи на золотой пластинке этот меч[1]: «Единый[2] Туриэль, Михаэль, Габриэль, Уриэль, Микаэль, Ирраэль, Истраэль (Θουριὴλ Μιχαὴλ Γαβριὴλ Ουριὴλ Μισαὴλ Ἰρραὴλ Ἰστραὴλ). Да будет благой день для это-

1 Возможно, эта магическая формула называется «мечом» потому, что ее полагалось вырезать на золотой пластинке в форме меча или внутри изображения меча.

2 К. Боннер в «Магических амулетах» отмечает: «Словосочетание εἷς θεός ["единый бог"] в строго религиозном смысле следует понимать как выражение монотеистической веры, и правы те, кто приписывает ему иудейское происхождение. Это выражение было перенято христианами и встречается на многих бронзовых подвесках, главным образом сирийского и палестинского происхождения, на одной стороне которых изображен Святой Всадник с девизом εἷς θεός ὁ νικῶν τα κακά ["единый бог, побеждающий зло"], а на другой, как правило, какой-нибудь апотропеический символ против дурного глаза. Такие подвески появляются в конце III — начале IV вв. и сохраняются до византийских времен. <... >

Это же выражение было усвоено и языческими религиями — по-видимому, прежде всего в контексте солярного культа, который по своему характеру приближался к монотеистическому, а иногда и становился таковым. Так, слова εἷς θεός вырезаны на оборотной стороне одного амулета из собрания Де Клерка, на лицевой стороне при этом изображено божество с головой, окруженной лучами; этот бог крылат, облачен в панцирь с птеригами и держит в правой руке шар. Формально Петерсон прав в своем утверждении, что эта надпись может и не относиться к конкретному божеству, но представлять собой всего лишь обережную или заклинательную формулу, но подобная осторожность кажется излишней.

Применительно к языческому божеству эпитет εἷς ["единый"] означает великое могущество или превосходство этого бога над прочими и не должен пониматься как указание на монотеистическую веру. В эпоху развитого синкретизма, к которой принадлежат наши амулеты, он также мог напоминать о том, что божество, к которому применен этот эпитет, едино, хотя известно под множеством имен — как Исида из знаменитой молитвы Луция или из "восхвалений", сохранившихся в различных надписях и папирусах. Выражение εἷς θεος Σαραπις ["единый бог Сарапис"] встречается, по-видимому, лишь однажды, но формулировка εἷς Ζευς Σαραπις ["единый Зевс-Сарапис"] очень распространена. Иногда такая надпись помещается рядом с изображением головы Сараписа, как на сарде из Британского музея и на свинцовой пластинке из коллекции Борджа; на другом амулете из лондонского собрания она окружает изображение змеи с головой льва, а еще на одном (камея из разноцветных слоев сердолика и халцедона) приведена без сопутствующего изображения. В этом последнем случае за выражением εἷς Ζευς Σαραπις следует молитвенная формула ἵλεως τῷ φοροῦντει ["будь благосклонен к носящему (этот перстень)"]. Упоминания у Элия Аристида («Священные речи», 50.50; ср. 47.45; 47.48) показывают, что схожие восклицания могли адресоваться Асклепию — εἷς Ἀσκληπιος или εἷς Ζευς Ἀσκληπιός. Несколько εἷς-формул, обращенных к другим божествам (Гелиосу, Митре, Мену, Эону), обнаруживаются в собрании Петерсона» (Campbell Bonner, *Studies in magical amulets: chiefly Graeco-Egyptian*. University of Michigan Press, 1950, pp. 175—176).

го имени, и для меня, знающего его и носящего [его] на себе. Я призываю бессмертную и необоримую силу бога. Даруй же мне покорность всякой души, о какой бы я к тебе ни воззвал».

И дай эту пластинку проглотить куропатке[1]; затем [куропатку] зарежь, а [пластинку] изыми и носи на шее, завернув ее в лист растения, именуемого «юной любовью»[2].

Воскурение, которое одушевляет Эрота и весь этот обряд, таково: манны 4 драхмы, стиракса 4 драхмы, опия 4 драхмы, мирры <4 драхмы>, ладана, шафрана и бделлия по половине драхмы. Добавь к смеси сочные сушеные смоквы, смешай все с благовонным вином в равных частях и используй в работе. В работе же первым делом соверши воскурение, и для него используй [эту смесь].

Элементы принуждения в этом ритуале не выражены явно, но косвенно проявлены в формулировке «подчиняю воле моей», а также в образах боли, муки и огня. Этот пример мы выбрали как свидетельство того, что кабиры присутствуют в магических папирусах. В других обрядах используются более прямые формулировки, как, например, в PGM LXXXIV: «Приведи такую-то, дочь [такой-то (имя матери)]; жги огнем ее печень, дух и сердце с душою, пока она не вскочит и не придет ко мне, то есть к такой-то, дочери [такой-то], — к [имя проводящего обряд], сыну [такой-то], — быстро и без промедления!» В PGM CI 40—54 оператор требует, чтобы жертву его воздействия схватили и привели к нему, свели с ума, сковали крепкими оковами, и чтобы она не могла ни есть, ни пить, ни спать, ни радоваться жизни, но постоянно стремилась прочь от своей семьи и не знала покоя, пока не придет к магу, и чтобы ради него она отказалась от всякого прочего любовника.

1 Ср. «Меч Моисея», 70, где петуху дают проглотить серебряную пластинку, после чего петуха убивают.

2 Согласно словарю Лиддела-Скотта, название παιδερως («юная любовь») может относиться к нескольким видам растений: каменному дубу (*Quercus Ilex*), аканту (*Acanthus mollis*) или кервелю (*Anthriscus cerefolium*). Последний вариант представляется наиболее вероятным, так как в тексте речь идет не о дереве, а о травянистом растении (βοτανη), а кервель, в отличие от аканта, использовался в античности как афродизиак (Плиний, «Естественная история», XXII.38).

В указаниях к этому ритуалу фигурируют подземные силы и духи (среди прочего, души умерших детей), которых маг должен заклясть на кладбище, и там же, в одной из могил, следует закопать связывающее заклинание. Материальная основа для этой операции не описывается, но, скорее всего, для нее требовался свинцовый дефиксион с надписью, хотя в магии такого рода нередко использовали куклу, пронзенную гвоздями в подходящих местах. Обе эти разновидности предметов, связанных с агрессивной любовной магией, часто находят при археологических раскопках на всей территории от северных границ Римской империи до стран Ближнего Востока, а описания их неоднократно встречаются в магических папирусах.

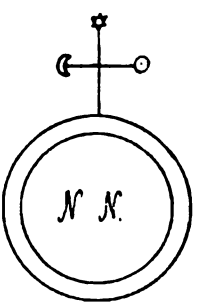
Дефиксион, то есть свинцовая табличка с надписью, находит приблизительные аналоги во многих гримуарах. Рассмотрим пример из «Истинного гримуара», относящийся к магической операции того же рода: маг заклинает духов, чтобы те подвергли мучениям женщину, любви которой хочет добиться он сам или его клиент. Стоит обратить внимание, что в этой операции фигурирует небезызвестный дух Зазель, а также различные духи меркурианской природы. Вдобавок то обстоятельство, что пергамент предписывается положить на землю, указывает на участие хтонических сил наряду с небесными. В древних образцах магии этого рода хтоническим силам (и в особенности агрессивным душам умерших) отводится гораздо более важная роль, и не исключено, что данный конкретный обряд был переработан ради того, чтобы вывести на первый план «высшие интеллигенции», то есть небесных духов (впрочем, подобные сочетания подземных сил с небесными в контексте одного ритуала встречаются и в магических папирусах, и на этом основании Ганс Дитер Бец даже высказывает гипотезу, что у каждого божества без исключения имелся свой хтонический аспект). Язык и эзотерическая терминология обряда, описанного в «Истинном гримуаре», наводят на мысли о каббале эпохи Возрождения, но и еврейские божественные имена, и упоминание о «высших интеллигенциях» составляют лишь поверхностный слой: в действительности магия такого рода восходит к гораздо более древним прототипам. Обращение к духам Меркурия может указывать на происхождение от византийских обрядов или даже непосредственно от магических папирусов, в которых для руководства душами умерших

предписывалось призывать Гермеса Хтония. Что касается Зазеля, духа Сатурна, то это вполне уместный еврейский эквивалент тех хтонических сил, которые фигурировали в древнейших обрядах подобного рода.

Чтобы заставить девицу прийти к тебе, сколь бы скромной она ни была. Испытай чудотворную силу высших интеллигенций

Дождись молодой луны, и когда увидишь ее, смотри, чтобы в небе также была видна звезда между одиннадцатью часами и полночью. Прежде чем начать, исполни следующее.

Возьми девственный пергамент и напиши на нем имя девицы, которую желаешь привести к себе. Пергамент надлежит обрезать по очертаниям представленной здесь фигуры:



На оборотной стороне напиши такие слова: «Мельхидаэль (*Melchidael*), Бареснас (*Bareschas*)».

Затем положи пергамент на землю, той стороной к земле, на которой начертано имя искомой особы. Наступи на пергамент правой ногой и преклони левое колено, коснувшись им земли. И, глядя на самую высокую звезду в небе и держа в правой руке свечу из белого воска, которая сможет гореть в течение часа, произнеси следующее заклинание:

«Приветствую и заклинаю вас, о прекрасная луна, и прекрасная звезда, и сияющий свет, коий держу я в руке моей! Воздухом, которым я дышу, дыханием, сущим во

мне, и землею, которой я касаюсь, я заклинаю вас! Всеми именами князей над духами, живущими в вас, и неизреченным именем OH (ON), коим сотворено все сущее, и именем твоим, о прекрасный ангел Габриэль (*Gabriel*), вкупе с князьями планеты Меркурий — Михаэлем (*Michael*) и Мельхидаэлем (*Melchidael*)!

И снова заклинаю вас всеми святыми именами Господа, дабы вы ниспослали силы, кои одержат и будут мучить и истязать тело, дух и душу и пять природных чувств N., имя коей здесь начертано, дабы она пришла ко мне исполнить мои желания и дабы не было у нее иных друзей в целом мире, кроме меня, N.; доколе же она безразлична ко мне, да будет она одержима, да будет страдать и терзаться.

Ступайте же немедля! Ступайте, Мелхидаэль (*Melchidael*), Бареschас (*Bareschas*), Зазель (*Zazel*), Тириэль (*Tiriel*), Малха (*Malcha*) и все, кто вам подвластен! Заклинаю вас великим Богом живым тотчас же исполнить волю мою, и я, N., обещаю вас удовольствовать».

Прочитав это заклинание три раза, поставь свечу на пергамент, и пусть она догорит, стоя на нем. На следующий день возьми пергамент, положи в свой левый башмак и носи, пока особа, над которой ты исполнил эту операцию, не придет искать тебя.

Заметь себе, что в этом заклинании ты должен назвать день, в который желаешь, чтобы она пришла, и она непременно придет.

Магниты в магии

Магнитный камень, или, попросту говоря, магнит, упомянутый в «Мече Дардана», — один из важнейших ингредиентов магии худу. Свойства, которые приписывались ему в средневековых гримуарах, как подлинные, так и воображаемые, восходят непосредственно к греко-римскому учению о магии магнитов. Разумеется, древние греки и римляне знали, что магнит притягивает железо и передает эту способность самому железу, что толковалось как пример контагиозной магии. Считалось,

что аналогичные свойства магнит проявляет и в других областях, например, может вытягивать болезнь из тела (магнитные браслеты и другие подобные средства применяются в альтернативной медицине по сей день) и порождать влечение одного человека к другому. Поэтому его использовали в любовной магии и в магических испытаниях верности. Полагали, что сок чеснока противодействует силе магнита, а козлиная кровь, в свою очередь, сводит на нет воздействие чеснока. Еще одним средством для нейтрализации магнита считался алмаз.

Магические свойства магнита упоминаются в «Истинном гримуаре»:

> Возьми магнитный камень и трижды соверши знак андреевского креста. Возьми магический посох и очерти камень кругом. В этом круге начерти квадрат, поместив в каждом углу знаки Сургаты (*Surgatha*), а вокруг круга положи четыре ветви лунника и, держа камень в руке, произнеси следующие слова почтительным голосом и очень тихо: «Бесхат (*Beschat*), Сургата (*Surgatha*), Менаик (*Menaic*), Ремисхат (*Remischat*), Регамер (*Regamer*) и Хирмутс (*Chirmuts*)». Затем посыпь все свинцовыми опилками. Если будешь носить этот магнитный камень на себе или держать перед собой, а затем поднесешь его к любому замку, он тотчас же откроется.

Схожими свойствами магнит наделялся и в более ранних текстах, что совершенно неудивительно. В «Книге тайн», авторство которой приписывается Альберту Великому, рекомендуется истолочь магнитный камень в порошок и рассыпать по четырем углам дома, чтобы жители покинули его, предоставив вору возможность беспрепятственно вынести все, что он пожелает. В классической таблице из «Оккультной философии» Агриппы андреевский крест ставится в соответствие знаку Девы, но в таблице орфических соответствий из того же трактата он соотносится с римской Церерой, эквивалентом Деметры. Многие современные маги утверждают, что христианские формулы из гримуаров не имеют никакого отношения к языческой магии. Однако не вызывает сомнений, что свойства растений, минералов и животных, упоминаемые в средневековых

магических текстах, восходят напрямую к античным источникам, таким как «Естественная история» Плиния. На определенном этапе античные материалы претерпели христианизацию, но при желании этот процесс нетрудно обратить вспять.

Прекрасный пример того, каким образом магниты используются в магии худу, — «Магнитное масло». Чтобы приготовить это масло, куски магнита, на которых оно будет настаиваться, нужно сначала «накормить» железными опилками: магниты должны покрыться железной «щетиной». Как правило, берут два магнита — круглый и длинный, символизирующие мужчину и женщину. «Накормленные» магниты заливают растительным маслом и оставляют настаиваться, раз или два в день встряхивая сосуд. Через неделю готовое «Магнитное масло» сливают и используют как самостоятельное магическое средство или как основу для изготовления других масел (например, того же «Масла силы»). Использованные магниты полностью погружают в грязь, набранную на перекрестке, чтобы они «отдохнули» и восстановили свои свойства. Через несколько дней на них уже можно настаивать новую порцию масла.

И магниты, и железо занимают очень важное место в символике, которую мы исследуем в этой книге, поэтому в современной гоэтической практике они могут быть очень полезны. Их соответствия обширны и разнообразны и чрезвычайно тесно связаны с гоэтической традицией. Помимо уже известной нам ассоциации магнита с Медеей, стоит упомянуть о связи этих материалов с отношениями между Сетом и Хором. Железо — традиционный металл Сета, а магнит соответствует Хору. Таким образом, притяжение железа к магниту — наглядная символическая иллюстрация к мифу о гомоэротическом влечении Сета к Хору.

Инвокация и астрология: Благая Удача

Многие современные маги об этом уже не помнят, но в традиционном понимании все магические операции, включая и мантические практики, основываются на работе с духами. Прорицание — это выяснение воли богов, и неслучайно один из синонимов этого термина, «дивинация», происходит

от латинского *divus* — «бог», «божество». А один из самых утонченных способов прорицания, известных в западной магии, — это астрология. Подобно тому как перед построением геомантической карты оператор чертит сигил духа, управляющего вопросом, так и древнегреческие астрологи, судя по многим дошедшим до нас образцам античных гороскопов, начинали свою работу с краткой письменной инвокации — обращения к Агате Тихе (Благой Удаче), которую римские маги-неоплатоники знали под именем Исиды Фортуны.

Составление ритуала

Слово Мага — его заклинание — выражает некий мощный сокровенный миф. Оно достигает внешнего мира благодаря своим глубинным связям с культурными течениями и архетипами: с тем, чего люди боятся, и с тем, что они почитают и чему поклоняются.

В наши дни распространено представление о том, что в гримуарах, равно как и в текстах и инструкциях из других магических систем, ни в коем случае нельзя ничего менять. Согласно этой точке зрения, маг, желающий добиться успеха, должен строго следовать букве ритуала, даже если он не понимает, для чего предназначено то или иное действие. Но это серьезная ошибка.

Непонимание смысла ритуальных действий само по себе становится препятствием на пути к успеху, но это еще полбеды. Хуже всего то, что вышеописанный подход не допускает самостоятельного составления ритуалов, а ведь без этого порой не обойтись. Если в признанных источниках не находится обряда, удовлетворяющего нашим целям, остается только сдаться или все же разработать подходящий ритуал самостоятельно.

Разумеется, уже в Древней Греции существовали традиционные ритуалы, но наряду с ними постоянно возникали новые. Например, было принято сочинять новые гимны в честь богов к каждому большому празднику. В исторических источниках упоминаются и масштабные реформы обрядовости, и случаи учреждения новых ритуалов. И, бесспорно, начинающему магу полезно повторять классические образцы и подражать им

в своей практике, потому что иначе он, попросту говоря, ничему не научится. Но главная его задача должна состоять в освоении символических языков, при помощи которых он рано или поздно сможет составлять ритуалы и заклинания самостоятельно. Слепое подражание предшественникам и чисто ретроспективный подход к магической практике никогда не позволят добиться того, к чему многие стремятся всей душой, но что открывается лишь магам, осознающим важность инноваций.

Книга пятая

Сагатана дарует невидимость и способность мгновенно переноситься с места на место, открывает замки, позволяет увидеть все, что происходит в домах, и обучает всем уловкам и хитростям Пастухов.

— *Великий гримуар*

Варварское истолкование

Выражение «interpretatio Grecae» («греческое истолкование») возникло в связи с тем, что древние греки классической эпохи часто перетолковывали религии, богов и языки других народов на собственный лад. Например, греческие ученые утверждали, что фракийцы поклоняются трем божествам: Артемиде, Дионису и Аресу, тогда как в действительности это были, разумеется, греческие боги. Проблема усугубляется тем, что многие греческие боги были в свое время заимствованы у других народов. Так, например, мифы о происхождении Кибелы и, предположительно, оскопленного бога Аттиса имеют по большей части греческое происхождение, но сами эти божества — нет.

Современные исследователи фракийской культуры отмечают, что давно настало время избавиться от устаревших

условностей и разработать адекватное «фракийское истолкование». На первый взгляд, попытка подойти к греческим богам с фракийскими мерками может показаться странной, но в действительности это не так. И тому имеются две чрезвычайно веские причины. Первая заключается в том, что фракийцы, как и другие варварские народы, оказали чрезвычайно мощное влияние на греческую религию и в особенности на те ее стороны, которым посвящено наше исследование. Вторая же — в том, что многие образованные жители греческих полисов в классическую и эллинистическую эпохи отворачивались от официальных культов и обращались к более древним слоям греческой религии. В результате эти архаические слои и верования, распространенные в так называемых отсталых сельских местностях, переживали бурное возрождение. И те и другие были гораздо теснее связаны с варварскими представлениями и практиками, чем с классическими греческими. Дионис не принадлежал к числу чужеземных богов, а орфизм, скорее всего, зародился в Южной Италии, но оба эти культа восприняли немало фракийских обрядов и религиозных мотивов. Таким образом, истолкование, опирающееся на фракийские, скифские или пеласгийские мотивы, может оказаться чрезвычайно полезным и не в последнюю очередь потому, что послужит необходимым противовесом интерпретациям, основанным только на классических источниках.

О ключевом значении Фракии для нашего исследования свидетельствует ряд признаков, уже отмечавшихся выше: тот факт, что иерофантов для Элевсинских мистерий выбирали из фракийского рода Эвмолпидов; схожее верховенство одного из фракийских родов в Дельфах; фракийские влияния, обнаруживающиеся в культах Диониса и Орфея; фракийские элементы в Самофракийских и Лемносских мистериях. Фракии почти не уступает по значению Фригия с ее культом Великой Матери и ярко выраженными фракийскими влияниями в ее культуре в целом.

Греки классической эпохи обычно изображали фракийцев кровожадными варварами. Наверняка те и впрямь были великими воителями, но эту характеристику не стоит принимать за чистую монету. В гомеровском эпосе фракийцы не уступают в культурном развитии ни своим союзникам-троянцам, ни своим противникам-ахеянам. Это литературное свидетельство

подкрепляется находками археологов и, в частности, исключительно ценными предметами роскоши в захоронениях фракийских царей. К числу этих находок принадлежат древнейшие в Европе изделия из золота: конская упряжь, датируемая серединой IV тысячелетия до н. э., и золотые чаши бронзового века из захоронений рубежа XIV — XIII вв. до н. э. Во времена микенской цивилизации и предшествовавшей ей минойской Фракия уже была мощной и внушительной державой.

К началу XII века до н. э. микенская цивилизация уже начала рушиться, но фракийские племена, напротив, только расширили сферу своего влияния, основав в Малой Азии Фригийское царство. Около 1050 года до н. э., когда крито-минойская цивилизация уже фактически пала, а континентальная Греция переживала темные века, Фригия разгромила и вытеснила хеттов. На юго-востоке Фракии с XII по VI вв. до н. э. процветала могущественная развитая цивилизация, а Фракия в целом сохраняла свое влияние и силу вплоть до начала III века до н. э.

Фракийцы в тот период относились к числу самых мощных и многочисленных народов древнего мира. Они оказали огромное влияние на культуру и в особенности на религиозные традиции греков. Однако оценить меру этого влияния в точности нелегко. На протяжении нескольких веков европейские историки, изучавшие этот вопрос, опирались преимущественно на греческие и римские письменные источники — не в последнюю очередь за неимением фракийских, поскольку культура фракийцев основывалась по преимуществу на устной традиции. О необходимости обратиться к истории Фракии непосредственно заговорили относительно недавно, после Второй Мировой войны. Начиная с 70-х годов XX века ситуация постепенно нормализуется, но все равно наше исследование остается одной из первых попыток оценить роль фракийцев в истории западной магии.

Разумеется, как первопроходцы в этой области мы не вправе рассчитывать на многое, но интересующие нас вопросы назрели слишком давно, чтобы пренебрегать ими впредь. К сожалению, лишь немногие из современных работ на тему фракийской культуры написаны по-английски, но для понимания древнего и современного западного оккультизма фракология несравненно более важна, чем египтология или каббала. Я отдаю себе отчет, что это смелое заявление и что я

оспариваю «общеизвестное» в пользу почти незнакомого. Но это «незнакомое» остается таковым отнюдь не потому, что оно не заслуживает известности. До сих пор оккультисты даже не пытались поставить под сомнение догмы (а точнее будет сказать, псевдонаучные фантазии), закрепившиеся в науках о классической древности; одни просто принимали их на веру в угоду слепому традиционализму, другие обходили их молчанием, отказываясь от поиска корней. Поэтому всякий, кто рискнет деконструировать устоявшиеся представления об античности, обречен плыть против течения. Но сделать это все равно необходимо, несмотря на все сопутствующие трудности.

Важное место в наших дальнейших рассуждениях будет занимать и Фригия — древняя страна на территории современной Турции, а потому стоит уделить немного внимания ее истории. На протяжении столетий размеры ее менялись, и до некоторой степени само ее название носило общий характер. Гомер отводил фригийцам земли по берегам реки Сангарий (современная Сакарья), где, согласно более поздним авторам и данным археологии, располагались царства Мидаса и Гордия. В римскую эпоху Фригия граничила с Мизией и Лидией на западе, с Галатией (в прошлом частью Фригии) на востоке и с Вифинией на севере. В более древние времена эту территорию населяли фракийские колонисты, которых традиционно называли бригами (откуда и произошло название «Фригия»). Новые волны фракийских завоевателей оттеснили бригов в глубь континента, хотя довольно крупные общины их сохранились в прибрежных областях между Геллеспонтом и Пропонтидой, а также в горах, известных под названиями Ида и Олимп. Эти общины поддерживали тесные связи с ионийскими колониями греков. В различные периоды указанный регион включался в состав Персидской, Македонской и Римской империй. Самым знаменитым из фригийских городов была Троя, по имени которой вся окружающая область стала называться Троадой. Фригийцы сыграли весьма значительную роль в развитии греческой культуры. Например, греческая музыка, в особенности флейтовая, имела отчасти фригийское происхождение. Кроме того, в представлениях древних греков Фригия тесно ассоциировалась с культами Диониса (Вакха) и Кибелы, Матери Богов.

Фракийский герой

Описания фракийской религии и магии, известные по классическим источникам, изобилуют «греческими истолкованиями». Разумеется, мы не вправе отрицать, что греческая религия тоже влияла на фракийскую и что фракийцы заимствовали у греков некоторые обычаи. Схожим образом и римское завоевание Фракии наложило заметный отпечаток на характер поздних памятников и предметов материальной культуры, связанных с фракийской религией. Некоторые из подобных находок достаточно интересны, но не дают полной картины.

Не в пример более важное место в религии фракийцев занимает божественный герой-всадник, изображений которого до нас дошло не менее трех тысяч. Этот персонаж дает ключ к пониманию не только фракийской, но и архаической греческой религии. Имени его мы не знаем: фракийцы вообще отличались чрезвычайной скрытностью в отношении божественных имен. Кроме того, в различных областях этого всадника, скорее всего, знали под разными именами. На сохранившихся подписях к поздним изображениям его называют просто героем или божественным героем. Это наряду с другими обстоятельствами доказывает, что перед нами — не просто какой-нибудь смертный воин. И хотя в иконографии божественного всадника заметны греческие влияния, сам по себе фракийский герой — фигура куда более древняя и исключительно важная для нашего исследования.

Божественный герой — персонаж сложный. Во многих отношениях он гораздо сложнее классических греческих богов. Его изображения варьируются, отражая различные стадии развития мифа, но, тем не менее, очевидно, что персонаж остается тем же самым. Иконография его невероятно устойчива, а посвятительные надписи между тем свидетельствуют об исключительном разнообразии функций. Иными словами, фракийский герой объединяет в одном лице великое множество ролей, что наглядно отличает его от узкоспециализированных греческих богов классической эпохи.

В ознаменование подобной многогранности фракийского героя нередко изображали трехголовым. Эта особенность характерна для изображений эллинистической эпохи, в частности тех,

которые находят на территории Италии. В римскую эпоху для обозначения функций к изображению героя добавляли атрибуты тех или иных греческих или римских богов. Подобный добавочный атрибут может показывать ту особую ипостась героя, к которой обращено данное вотивное изображение, а может подчеркивать наиболее популярные в данном регионе особенности его культа. Но даже при всех этих дополнительных атрибутах традиционная иконография сохраняется: герой всегда остается характерно фракийским и по сути своей универсальным.

Предвосхищая наши дальнейшие рассуждения, отметим, что путем некоторого упрощения можно выделить два противоположных модуса, в которых проявляется фракийский герой, а именно - солярный и хтонический, которые в греко-римской мифологии представлены, с одной стороны, Аполлоном, а с другой — Дионисом, или Дитом. В специализированном олимпийском пантеоне божества, обладающие двумя столь контрастными ипостасями, — большая редкость; исключение составляют только Гермес и уже упоминавшийся Дионис. Дионис входил в число трех богов, которых сами греки считали фракийскими, и не следует забывать, что это не только оргиастический бог плодородия, но бог-воитель, покоривший Индию. В сущности, именно из-за того, что герой соединял в себе функции прародителя народа и его защитника, греки отождествляли главных фракийских богов с Дионисом и Аресом. Но для того чтобы породить народ, нужна еще и женщина — божественная мать и возлюбленная героя, и эту богиню-прародительницу греки чаще всего соотносили с Артемидой.

Великая Мать богов

В греческой мифологии в роли Великой Матери богов выступает Рея, критская богиня Земли. Она почиталась как источник плодородия людей, животных и растений. Гесиод называет ее дочерью Урана и Геи, то есть Неба и Земли. Рея — жена Кроноса и мать многих олимпийских богов: Гестии, Деметры, Геры, Аида, Посейдона и Зевса. Кронос предвидел, что его лишит власти родное дитя, а потому пожирал всех своих детей одного за другим, как только они появлялись на свет. Чтобы спасти

хотя бы одного ребенка, Рея укрылась в Ликтосе на острове Крит и там родила Зевса, а Кроносу вместо новорожденного младенца отдала камень. Гомер приводит такую же версию, хотя называет по именам лишь троих великих сыновей Кроноса — Зевса, Посейдона и Аида, разделивших между собой мир.

Гесиод верно характеризует Рею как критскую богиню, культ которой распространился по всему греческому миру и, что особенно важно, проник в Малую Азию. Там ее отождествили с Великой Богиней фригийцев Кибелой. И это отождествление — один из важнейших ключей к «варварскому истолкованию» греческих мифов. Особенно важно то, что в свете этого фригийская Богиня оказывается матерью Зевса: Кибела считалась также праматерью фригийских царей, и ее родство с Зевсом указывает на тесную связь между царской и божественной властью. Точно такие же отношения — сыновние и супружеские — связывали фракийских царей со жрицами царского культа. Связь Богини одновременно и с Мидасом, и с его сыном Аттисом отражает характер фригийского династического культа, основанного на фракийской модели. По-видимому, та же модель дала о себе знать и в греческой легенде, повествующей о том, как Зевс, сын Реи, зачинает с ней дитя.

Отождествление критской богини с фригийской Кибелой (которую в контексте нашего исследования можно смело приравнять к Великой Богине фракийцев) придало ее культу оргиастические черты. Она почиталась как покровительница гор и лесов, а спутниками ее были обитатели этих диких мест — пантеры и львы. Она — Матерь Гор и Хозяйка Зверей. В мистериальных культах наглядно прослеживается ее связь с Дионисом и с другими богами влаги и плодородия. В сущности, буйный характер Диониса по большей части объясняется его связью с Матерью Богов.

Исследователи настаивают, что понятие «Великая Мать богов» пришло с Востока, но это не умаляет его глубинного влияния на греческую мистериальную религию и, с другой стороны, лишь подчеркивает ту важную роль, которую сыграли в ее формировании фракийские и фригийские культы. Древнейшие женские идолы, обнаруженные на территории фракийцев, — простые одиночные фигурки, но на более позднем этапе появляются двойные, вложенные друг в друга статуэтки наподобие тех, что были найдены в Орсое. Простейшее объяснение

заключается в том, что это Мать и Дочь, соотносимые с Деметрой и Корой-Персефоной. Неслучайно в Элевсине эти богини ассоциировались с Фракией. Несколькими столетиями позже возникает третий тип статуэток: Мать и Дочь, соединенные Сыном. В античной теологии сын предстает как часть матери и не лишает ее всемогущества. Примерами тому служат отношения между Кибелой и Аттисом и между Персефоной и Дионисом. Этот-то сын и возлюбленный предстает во фракийском изобразительном искусстве в виде героя-всадника.

Дочь — тоже в своем роде продолжение Матери — олицетворяет способную к зачатию девственницу, с которой герой соединяется в священном браке. К этой модели восходит орфический миф о Персефоне, зачинающей Диониса от Зевса. Схожее значение имеет и сюжет о похищении Персефоны Аидом. С той же темой мы сталкиваемся и в еще одном важном мифе о том, как Зевс в обличье змея сходится с Реей и зачинает Деметру, затем он же порождает от Деметры Персефону и, наконец, от Персефоны — Диониса. С точки зрения орфиков, главная роль в этом тройственном союзе отводилась богине Рее-Деметре-Персефоне. Согласно орфическому фрагменту №145, Рея стала Деметрой как мать Зевса, который, в свою очередь, зачал с ней Персефону. Далее утверждается, что ей было суждено родить от Зевса сына Диониса и что сыну этому предстояло сменить Зевса в роли царя богов. Неоплатоники сделали из этого разумный вывод, что Рея, Деметра и Персефона — это, по большому счету, одна и та же богиня, а Зевс, Аид и Дионис — один и тот же бог.

Это были глубокие таинства, и мы ни на мгновение не смеем предположить, что они имели какое-то отношение к повседневной религиозной жизни древних греков. Смысл их эзотеричен и понятен лишь тем, кто способен реагировать на нуминозное гораздо глубже и интенсивнее, чем среднестатистический верующий.

Бендида

Фракийская богиня Бендида определенно оказала большое влияние на греческую религию уже в исторический период.

Она ассоциировалась с Луной и охотой, а потому греки отождествляли ее и с Артемидой, и с Гекатой. Платон упоминает проводившихся в честь Бендиды ночных конных шествиях с факелами — надо полагать, весьма зрелищном элементе ее культа. Роль богини-охотницы досталась Бендиде (как и Артемиде, эфесский храм которой был тесно связан с почитанием Кибелы) по наследству от чрезвычайно древней богини, известной как Потния Терон, т. е. Владычица Зверей, и передавшей многие свои черты Кибеле. Следует отметить, что Артемиду стали связывать с Луной достаточно поздно, как и Аполлона с Солнцем. Изначально Артемида отождествлялась с Бендидой (как с великой богиней, почитаемой в Малой Азии) как владычица лесов, ручьев и животного царства.

Котис

Еще одна фракийская богиня, оказавшая влияние на греков, — Котис, или Котитто. Греки ассоциировали ее с Персефоной и Деметрой; ее праздник — Котитии — считался дионисийским и вызывал некоторое неодобрение у афинской знати. Обряды в честь Котис сопровождались музыкой и танцами и славились своей разнузданной сексуальностью. Их справляли не только в Афинах, но и на Сицилии, где участники праздничной процессии несли ветки, увешанные лепешками и спелыми плодами, которые дозволялось срывать и есть. Празднества в честь Котис прижились и в Коринфе.

Иерогамия и обожествление

Корни западного сексуального мистицизма следует искать отнюдь не в индийской тантрической традиции. И даже не во всех многообразных философских и религиозных системах, расцветших в эпоху позднего язычества (хотя гностицизм сыграл в его становлении не последнюю роль). Сексуальная символика и обрядовость, вошедшие в традицию западной магии, со всей определенностью восходят к фракийским мистериям и

прежде всего к ритуалу обожествления фракийских царей посредством иерогамии — священного бракосочетания с Матерью Богов. Посвященный династ, олицетворявший Героя, вступал в брак с девственной Дочерью — ипостасью самой Матери. Это таинство свершалось не по смерти, а еще при жизни царя, и находило выражение во многих символических актах — от свадебных обрядов до ритуальных возлияний, получавших сексуальную интерпретацию. Известна легенда о том, как царь Котис I приготовил свадебное пиршество для богини Афины и ожидал ее пришествия в брачных покоях. Это яркий пример ритуального бракосочетания между царем и богиней в контексте фракийского династического культа. И это же — свидетельство того, что в уже в эпоху «цивилизованной» Греции истинный смысл многих традиционных «варварских» обрядов оказался искажен или вовсе забыт.

Отождествление царя с хтонической ипостасью героя становилось полным и окончательным, когда царь покидал мир живых. Фракийские погребальные обряды насыщены сексуальной символикой, примеры которой хорошо известны и признаны среди археологов: царя хоронили лицом вниз с расставленными ногами или же лицом вверх, но с железным плугом, уложенным поверх бедер. Оба эти способа погребения символизируют брак династа с богиней Земли. Не исключено, что с этой же символикой связан миф о том, как Ясон в Колхиде вспахал поле Ареса железным плугом, который подарил царю Ээту сам Гефест. Кроме того, как мы еще увидим, брак Ясона и Медеи теснейшим образом связан с мистериями Диониса.

Тема посмертного бракосочетания царя с богиней почти не отражена в мифах, но тому имеется серьезная причина: этот союз мыслился как великое таинство. Мистериальные религии запрещали открыто разглашать эту тайну, однако полностью скрыть ее от непосвященных не могли или даже не хотели. Как уже отмечалось, Кибелу отождествляли с Реей, и в силу реальных или гипотетических связей между древними фригийскими и критскими мистериями две эти богини восходили к некоему общему прообразу. Рея почиталась как жена Кроноса и мать его детей (в том числе верховных властителей трех миров — неба, моря и подземного мира). О ней самой уже было сказано достаточно; поговорим теперь о ее супруге.

Кронос

О Кроносе до сих пор шла речь только как о жестоком отце богов, но теперь настало время рассмотреть другие аспекты этого божества, на первый взгляд, как будто сотканного из противоречий. Он был младшим из всех титанов — сыновей Геи, богини Земли, и Урана, бога Неба. Кронос оскопил своего отца серпом. От Кроноса же Рея скрывала на Крите новорожденного Зевса. Позднее Зевс возмужал и, в свою очередь, выступил против Кроноса, оскопил его и заточил в Тартаре. С этим сюжетом плохо стыкуется второй пласт мифологии, связанной с Кроносом, хотя на определенном этапе их попытались примирить между собой, приписав Кроносу иное место заточения. В основе упомянутого второго пласта лежит представление о том, что Кронос правит той частью загробного мира, которая отведена для блаженных душ. В этой версии он предстает не жестоким тираном, как в мифе о младенце-Зевсе, а, напротив, благосклонным владыкой золотого века — первого века в мифологической истории человечества. Люди тогда наслаждались жизнью, как боги, проводя время в забавах и пирах. Они жили в радостной неге, не ведая ни скорби, ни болезней, ни старости. Им не приходилось добывать себе пищу в поте лица: земля сама щедро делилась с ними своими плодами. Роль властителя этого прекрасного золотого века Кронос сохранил за собой и в подземном мире: там он царствует на Елисейских полях или на Островах Блаженных.

Некоторые исследователи заходили в тупик при виде столь разительного контраста между двумя этими аспектами божества и пытались обособить их друг от друга, приписывая милостивому Кроносу индоевропейское происхождение, а Кроносу-тирану — какое-либо иное. С одной стороны, в хурритско-хеттской мифологии действительно встречаются мотивы, схожие с сюжетом о Кроносе, пожиравшем собственных детей, и не исключено, что они повлияли на изложение этого мифа у Гесиода. Однако Гесиод (космогония которого в остальных отношениях весьма стройна и непротиворечива) сообщает не только о жестоком, но и о милостивом аспекте Кроноса. В обеих своих ипостасях Кронос предстает и в посвященных

ему обрядах. Таким образом, мы вправе утверждать, что описанное противоречие заложено в самой природе этого бога.

Один такой обряд, афинские Кронии, схожие с более известными римскими сатурналиями, проводили после сбора урожая. Обо всех социальных различиях временно забывали: господа и рабы пировали за одним столом, а иногда, согласно некоторым свидетельствам, хозяева даже прислуживали рабам. С другой стороны, тот же праздник нередко ассоциировался с кровавыми и ужасными культовыми практиками. Мы не знаем наверняка, правда это или нет, но слухи о подобных практиках вполне согласовались с одним из аспектов этого божества. Более того, Кроноса отождествляли с некоторыми чужеземными богами, во имя которых действительно совершались жестокие, ужасающие обряды. Возможно, образ Кроноса и в самом деле сформировался под влиянием малоазиатских культов и архаических религий, но, так или иначе, нам остается только повторить: бог этот противоречив по самой своей природе. По существу, он олицетворяет переходные состояния, в которых нарушается естественный, привычный порядок вещей. Поэтому и праздник в его честь сочетал в себе безудержное веселье, с одной стороны, и чудовищную жестокость — подлинную или воображаемую — с другой.

В характере Сатурна — римского эквивалента Кроноса — преобладает милостивый аспект. Греки в эллинистическую эпоху стали ассоциировать Кроноса с «хроносом», то есть временем, а римляне независимо от них связывали Сатурна с календарями, сезонными событиями и праздниками, их знаменующими. Кроме того, и Сатурн, и Марс приобрели у римлян более высокий статус и более развитый культ, нежели их греческие эквиваленты Кронос и Арес. На мой взгляд, это свидетельствует о том, что римская религия сохранила более тесную связь со своими архаическими истоками, чем религия классической Греции. Иначе говоря, в Греции классического периода древние мифологические мотивы были перетолкованы или попросту забыты, тогда как в Риме многие из них сохранились в своем исконном виде. Так, римляне продолжали чтить Марса не только как воина, но и как защитника, пастуха и покровителя границ, а греческий Арес (подобно египетскому Сету) утратил эти функции.

Чтобы прояснить ситуацию с Кроносом, присмотримся повнимательнее к его отношениям с критским Зевсом. Вообще говоря, одно божество нередко может выступать как определенный модус другого, не отождествляясь с ним полностью. Зевс-младенец не может быть царем богов; но место царя богов пустовать не должно, и его в некотором смысле занимает Кронос, оказываясь — в определенном, частном отношении — тем же Зевсом, только взрослым. Фактически в этом мифе Кронос замещает Зевса-отца, потому что последний не может быть чудовищем, преследующим самого себя (или другого юного бога, в роли которого обычно выступает Дионис) во младенчестве. Тем не менее, мотив бога-младенца, которому предстоит свергнуть своего отца, сохраняется и в некоторых мифах, отводящих Зевсу роль старшего бога: достаточно вспомнить о том, как Зевс удачно избежал этой неприятной ситуации, выдав Фетиду замуж за смертного Пелея, который и стал отцом Ахилла — сына, превзошедшего отца. Таким образом, хоть это и кажется невозможным, в определенном смысле Зевс все-таки и есть то самое чудовище, хотя и скрытое под маской другого божества — Кроноса. Ведь если юного бога не убьют, его почитатели не смогут съесть его и тем самым слиться с ним воедино. Но, даже умерев, он продолжает жить, становится царем богов и побеждает воплощение ужаса — то самое, которое и есть он сам. А мы, разорвавшие его на части и пожравшие его тело, снова и снова выходим на ночную охоту то ли за этим пропавшим ребенком, то ли за его убийцами.

Погибший бог или умерший царь — одновременно тождественный и нетождественный прекрасному юному герою — сочетается браком с богиней и становится владыкой подземного мира, нимало не проиграв в своем статусе. Очень наглядно это видно на примере мифа о посмертной судьбе Ахилла, который становится царем на Островах Блаженных и получает в жены Елену Прекрасную или Медею. Точно так же на Елисейских полях воцаряется Кронос, или Сатурн. Сила, дарующая божественность в загробном мире, обычно изображается в змеином обличье, и она не только возводит царя в ранг божества, но и укрывает его лицо маской ужаса. Об этом ужасе, неизменно сопутствующем властителю подземного мира, мы нередко забываем, когда речь заходит об Осирисе. Мы помним, что этот египетский бог воссоединился со своей женой после

смерти; мы помним, что другой бог, погубивший его, опасный и смертоносный, преследует теперь младенца-Хора. Мы помним, что Осирис правит мудро и справедливо... но мы забываем о том, что он повелевает полчищами мертвецов.

Римский Сатурн, как и греческий Кронос, — чрезвычайно сложный персонаж. В Древнем Риме его праздник был невероятно популярным и сохранял в неизменности многие архаические черты. Тит Ливий пытался доказать, что сатурналии зародились в 496 году до н. э., но это, скорее всего, лишь приблизительная дата, в которую гораздо более древняя традиция вобрала в себя элементы греческого культа. Предполагают, что имя Сатурна происходит от *satus* — «сев» (и это тот же корень, что и в знаменитом магическом квадрате SATOR), но это кажется странным, если рассматривать Сатурна как властителя золотого века, когда у людей не было нужды в земледелии. Гипотеза об этрусском происхождении этого божества кажется гораздо менее достоверной, чем вышеизложенная фригийская или критская версия. Сатурну изначально был посвящен Капитолийский холм — важнейшее культовое место в римской религии. Поэтому самое разумное — считать Сатурна исконно италийским богом, культ которого впоследствии несколько изменился под влиянием греческих обычаев. При этом нельзя утверждать, что заимствования повлекли за собой какие-то радикальные перемены, они лишь отчетливее выявили некоторые свойства, уже присущие этому богу. Так, обычай укладывать статую божества на ложе для ритуальной трапезы римляне переняли у греков не только применительно к Сатурну, но и к другим богам; однако тот факт, что жертвы Сатурну стали приносить на греческий манер, с непокрытой головой, свидетельствует не о рабском подражании грекам, а об инверсии традиционных обычаев, вообще характерной для культа этого бога.

Празднества Сатурна начинались 17 декабря и продолжались семь дней, несмотря на все попытки некоторых императоров сократить сатурналии. В первый день праздника статую Сатурна, которая весь год стояла связанной, торжественно освобождали от пут. На седьмой день сатурналий приходился еще один праздник — Сигилларии (любопытно, что дух из иерархии «Истинного гримуара», управляющий зимним солнцестоянием, носит имя Сегаль). На время сатурналий сословные различия упразднялись в известных рамках, а обычаи

выворачивались наизнанку. Многие в эти дни ходили в войлочных шапках, символизирующих освобождение. Рабы шумно веселились и с криками бегали по улицам, не опасаясь, что будут за это наказаны. Им дозволялось насмехаться над хозяевами, а хозяева в дни сатурналий сначала подавали пищу своим рабам, а затем уже ели сами.

В последний день празднеств римляне обменивались подарками. Традиционным подарком служила глиняная голова — символическое замещение жертвы, которую приносили Сатурну в более древние времена. К подаркам прилагались поздравительные надписи, зачастую стихотворные. Кроме того, в последний день сатурналий принято было зажигать свечи в честь Сатурна, и это можно истолковать как акт симпатической магии, поскольку на то же время года приходилось возрождение Солнца Непобедимого (Sol Invictus). Как нетрудно заметить, многие элементы этих праздничных обрядов сохранились в современных традициях, окружающих Рождество.

Итак, на эти семь дней Сатурн, или Кронос, снова приходит к власти и поднимается выше Зевса, которому он предшествует и в последовательности веков человечества, и в порядке планет, соответствующих дням недели. Он одновременно и владыка анархии, и глава планетного ряда, а его эсхатологический аспект свидетельствует о том, что в интересующей нас тематике этот бог занимает чрезвычайно важное место.

Косинг

Косинг был царем и жрецом фракийских племен кебрениев и сикебоев. Как уже говорилось, фракийский царский культ сыграл немаловажную роль в развитии греческой мистериальной традиции, несмотря на то, что от некоторых его элементов в классическую эпоху старались отмежеваться. Например, некоторые фракийские ритуалы включали в себя ярко выраженную сексуальную составляющую, тогда как в олимпийском культе жриц-прорицательниц обязывали хранить целомудрие. Вакхические обряды, имевшие фракийское происхождение, были признаны официально и все же время от времени вызывали недовольство властей и различные обвинения (среди прочего, в сексуальной распущенности).

С другой стороны, среди фракийских жрецов были аскеты, вегетарианцы и приверженцы целибата, известные, в частности, благодаря тому, что их сравнивали с пифагорейцами. Элевсинские мистерии, по преданию, основал фракиец Евмолп, положивший начало целой династии иерофантов. Этот жреческий род просуществовал около ста лет, что само по себе удивительно: ведь иерофанты, вступая в должность, приносили обет целомудрия. Чтобы в ходе обрядов у иерофанта не возникало никаких мыслей о сексе, ему предписывалось смазывать половые органы соком болиголова.

О том, какую важную роль сыграл в истории мистерий царь-жрец Косинга, упоминает Мирча Элиаде. По словам македонского писателя Полиэна, жившего во времена Марка Аврелия, Косинга угрожал подняться на небо по лестнице и пожаловаться богине Гере на возмутительное поведение своего народа. Мотив восхождения по лестнице типичен для шаманских обрядов, знакомых, судя по всему, не только фракийцам, но и грекам: предполагают, что ритуальное восхождение на небеса составляло часть орфического посвящения. Что касается племени кебрениев, то оно фигурирует в числе фракийских племен, переселившихся в Малую Азию: в окрестностях Трои имелись городок Кебрения и река Кебрен.

Абарис

Скифу Абарису, жителю Гипербореи, Аполлон подарил чудесную стрелу, при помощи которой он мог летать по воздуху, куда пожелает, и изрекать пророчества. Этот образ перекликается с мотивами сибирского шаманизма, в котором душа также может путешествовать верхом на стреле. По преданию, Абарис обходился безо всякой земной пищи: на землях Греции, которую этот чудотворец посетил в одном из своих путешествий, он ни разу не прикоснулся к еде. Говорят также, что он изгонял моровые поветрия и предсказывал землетрясения. В диалоге Платона «Хармид» он упоминается наряду с Залмоксисом как врачеватель: «...если тебе уже присуща рассудительность, как сказал Критий, и ты достаточно разумен, ты не нуждаешься в этом случае ни в каком заговоре — ни в Залмоксидовом, ни в том, какой есть у Абариса-гиперборейца, но нужно просто дать тебе лекарство от головы; если же тебе кажется, что ты нуждаешься в заговорах, то надо произнести заговор до приема лекарства»[1]. Абарис учил поклоняться Аполлону Гиперборейскому и, по преданию, писал религиозные поэмы; одна из них повествовала об истории оракулов в различных странах, которые он посетил, другая — о странствиях Аполлона среди гипербореев, а третья — о свадьбе бога реки Гебр (фракийской золотоносной реки, два устья которой выходят в море напротив острова Самофракия и в воды которой, согласно мифу, была брошена голова Орфея). Абарису приписывается основание храма Персефоны в Спарте. Говорили, что еще до Троянской войны он построил там палладий, в котором хранились кости Пелопса. У Корнелия Агриппы Абарис упоминается как гиперборейский маг.

Залмоксис

Залмоксис, или Залмоксид, был божественным царем фракийского племени гетов, обитавшего в нижнем течении Дуная.

1 Пер. С. Шейман-Топштейн.

В классическую эпоху его описывали как религиозного реформатора, перенесшего греческие обычаи во Фракию. Это типичный пример процесса «греческого истолкования», выворачивающего подлинные процессы наизнанку: с его помощью объяснялось, откуда у фракийцев взялись представления, схожие с пифагорейскими. Тем самым происхождение этих идей приписывалось грекам, а на долю варваров оставалась лишь роль подражателей. В русле греческой интерпретации Залмоксиса иногда называли рабом Пифагора, хотя в действительности Пифагор жил позже. Согласно этой легенде, Залмоксис сопровождал своего хозяина в путешествии в Египет, а позже вернулся во Фракию и построил там пиршественный чертог, в котором преподавал учение о бессмертии души. Кроме того, он построил некое подземное жилище, в котором укрылся от мира, подобно Пифагору, а через три года вернулся к людям, как бы восстав из мертвых.

К чести Геродота, сообщающего много сведений об этом деятеле, следует отметить, что он не верил в легенду о непосредственной связи Залмоксиса с пифагорейцами, но считал его человеком или богом, жившим задолго до Пифагора. Из описания Геродота явствует, что Залмоксис проводил посвятительные обряды, во многом схожие с греческими мистериями, и проповедовал учение, близкое пифагорейскому. Пиршественный чертог, в котором он собирал своих учеников, также напоминает о пирах пифагорейской общины в Кротоне. При этом, вопреки «греческой интерпретации», одна из версий легенды о нисхождении самого Пифагора в подземный мир заимствована из рассказа Геродота о Залмоксисе.

Нисхождение в подземный мир и победоносное возвращение — типичный мотив посвятительных обрядов. Схожим образом теория бессмертия души — типичный элемент учений, связанных с мистериальными религиями. Подобные верования были широко распространены среди фракийцев, убежденных, что после смерти они отправятся к Залмоксису, а впоследствии вернутся к жизни. Разумеется, на греков, уже знакомых с учением Пифагора, это не могло не произвести впечатления. В связи с этим немаловажны фракийские корни мифов о других умирающих и воскресающих экстатических богах и героях, связанных с мистериями (таких как Дионис и Орфей),

поскольку Залмоксис, по мнению некоторых авторов, тождествен Сабазию. Признавая, что некоторые элементы шаманизма так или иначе проникли в греческую культуру, Элиаде, тем не менее, не причисляет Залмоксиса к греческим шаманам, но лишь отмечает тесные связи между легендами о нем, с одной стороны, и мистериальными религиями — с другой. В то же время, он признает, что в культуре, пронизанной шаманскими традициями, Залмоксиса действительно могли почитать как бога. Платон в диалоге «Хармид» упоминает о связи Залмоксиса с искусством врачевания:

> ...подобным же образом обстоит дело и с этим заговором. Научился же я ему, когда находился там, при войске, у некоего фракийского врача из учеников Залмоксида: считается, что врачи эти дают людям бессмертие. Так вот, фракиец этот говорил, будто эллинские врачи правильно передают то, что я тебе сейчас поведал; но Залмоксид, сказал он, наш царь, будучи богом, говорит: «Как не следует пытаться лечить глаза отдельно от головы и голову отдельно от тела, так не следует и лечить тело, не леча душу, и у эллинских врачей именно тогда бывают неудачи при лечении многих болезней, когда они не признают необходимости заботиться о целом, а между тем если целое в плохом состоянии, то и часть не может быть в порядке. Ибо, — говорит он, — всё — и хорошее и плохое — порождается в теле и во всем человеке душою, и именно из нее все проистекает, точно так же как в глазах все проистекает от головы. Потому-то и надо прежде всего и преимущественно лечить душу, если хочешь, чтобы и голова и все остальное тело хорошо себя чувствовали. Лечить же душу, дорогой мой, должно известными заклинаниями, последние же представляют собой не что иное, как верные речи: от этих речей в душе укореняется рассудительность, а ее укоренение и присутствие облегчают внедрение здоровья и в области головы, и в области всего тела». Так он наставлял меня и относительно лекарства, и относительно заговоров: мол, пусть никто не вздумает убеждать тебя излечить ему голову с помощью этого лекарства, если он прежде не даст тебе подлечить с

помощью заговора его душу. «Ныне, — сказал он, — распространенной среди людей ошибкой является попытка некоторых из них лечить либо одним из этих средств, либо другим». И он наказывал весьма настойчиво, чтобы я не поддавался на уговоры ни богатых людей, ни знатных, ни красивых и не поступал бы вопреки этому наставлению. Я же послушаюсь его (ведь я поклялся ему, так что мне необходимо повиноваться!), и если ты пожелаешь, согласно наставлениям чужеземца, сначала предоставить мне душу, чтобы заговорить ее заговором фракийца, то я присовокуплю к этому и лекарство для головы...

В завершение этого краткого рассказа о Залмоксисе следует упомянуть один значительный факт из магической историографии, которым пренебрегают многие традиционные магицеремониальщики. Корнелий Агриппа — ведущий авторитет в области упомянутой традиции — утверждал, что Залмоксис в древности был настолько знаменит, что мог соперничать с самим Зороастром за звание основоположника магических искусств («Оккультная философия», I:II). Это позволяет предполагать, что фракийские шаманы не уступали персидским и халдейским магам в могуществе и влиятельности.

Аристей

Эпический поэт Аристей был родом из Проконнеса — фракийского города на одном из островов Мраморного моря близ северного побережья Фригии. К юго-востоку от этого острова лежит Кизик, место одной из остановок на пути аргонавтов. Годы жизни Аристея неизвестны, хотя говорят, что он был современником лидийского царя Креза (VI в. до н. э.). Предания называют Аристея чудотворцем; рассказывали, что душа его была способна выходить из тела и возвращаться по собственной воле (согласно Плинию — в образе ворона, вылетавшего у него изо рта). По словам Геродота, Аристей утверждал, что сопровождал в странствиях самого Аполлона, принимая облик вороны.

Одна знаменитая легенда повествует о том, как Аристей зашел в лавку какого-то сукновала в Проконнесе и там внезапно умер. Сукновал закрыл свою лавку и побежал с печальной вестью к родственникам поэта. Слух о смерти Аристея разнесся по всему городу, но какой-то приезжий из Кизика заявил, что совсем недавно встретил Аристея и поговорил с ним, и тот, мол, как раз сейчас направляется в Кизик. Сукновал вернулся в свою лавку и на глазах у множества очевидцев отпер дверь, но тела внутри не оказалось. Спустя семь лет после своей загадочной смерти Аристей снова появился в Проконнесе, а затем опять исчез. Он был служителем Аполлона и, по преданию, через 240 лет после своего второго исчезновения (или, по другой версии, через 54 года) учредил культ этого бога в италийском городе Метапонте, где, в свою очередь, прожил несколько лет и умер Пифагор.

Как поэт Аристей был представителем догомеровской эпической традиции. В одном из своих сочинений он рассказывал о том, как, находясь под властью Аполлона, посетил многие города и страны. Среди прочего он побывал в священных землях гипербореев и познакомился с аримаспами (которых отождествляют со скифами). В своей поэме Аристей описывает аримаспов как большое племя воинов, владеющее огромными табунами коней и стадами овец и коров. Сами эти воины сильны и крепки телом; волосы у них густые и длинные; при этом у них не два глаза, как у всех людей, а один-единственный, в середине лба. Живут аримаспы на берегах золотоносной реки, да и в целом земля их изобильна золотом. Их соседи, грифоны, добывают золото из-под земли, и аримаспы постоянно воюют с грифонами и похищают у них драгоценный металл.

Если вынести за скобки одноглазость и грифонов, то в этом описании нетрудно будет узнать скифов и их братьев-фракийцев. Что до мифической одноглазости, то она роднит аримаспов с кузнецами-циклопами. В мифологическом сознании так осмыслялась горняцкая лампа, призрачно светящаяся в темноте, как одинокий глаз. Некоторые современные исследователи предполагают, что речь шла о какой-то круглой татуировке на лбу, что тоже не лишено оснований: и скифы, и фракийцы татуировали свои тела. И, наконец, грифоны — распространенный мотив в культуре степных народов, не только скифов, но и мидян, и персов. Их появление в поэме об

аримаспах — отнюдь не вымысел изобретательного поэта: предания о волшебных птицах, стерегущих сокровища, в той или иной форме сохранились и в литературе, и в фольклоре, и в гримуарах.

Клавдий Элиан, римский философ-софист из Пренесты, писавший по-гречески и обладавший великолепным слогом, упоминает в своих сочинениях древнюю легенду о грифонах. Грифона он описывает как существо с телом льва, белыми крыльями и могучими когтями, с черными перьями на спине и красными на груди. Ктесий, записавший много ассирийских и персидских легенд, говорит о грифонах с фиолетовыми перьями на спине, с головой, как у коршуна, и с глазами, сверкающими, словно молнии. Они гнездятся в изобильных золотом горах, на неприступной высоте. Там они охраняют золото и из него же строят свои гнезда. Исидор Севильский помещает грифонов с их золотыми горами в Гиперборее. А слепой английский поэт XVII века Джон Мильтон, черпавший образы не только из Библии, но и из античной мифологии, говорит об этих существах в своей собственной эпической поэме «Потерянный рай» (II.943—947):

> ...Так пересекал
> Болота, горы и пустыни Гриф,
> Преследуя упорно Аримаспов,
> Что золото украли у него,
> Хоть россыпи он зорко сторожил[1].

В древнеегипетской магии (в магических целях часто обращавшейся к чужеземным источникам) крылатый грифон с телом льва — частый гость. Его изображения встречаются на жезлах II тысячелетия до н. э., а в более поздних демотических папирусах содержатся заклинания, обращенные к «грифону небесного храма».

В горняцком фольклоре Карпат грифон из преданий об аримаспах превратился в волшебную курицу. В легендах западной Трансильвании описывается золотая курица, несущая золотые яйца и живущая на вершине горы. Еще одно трансильванское предание упоминает о кладе, который стережет

1 Пер. А. Штейнберга.

курица-наседка. Селение, в котором обнаружили и записали эту легенду, называлось Волкан, что наводит на мысль о древнем боге огня. Подобные поверья нашли отражение и в гримуарах, прежде всего в известном магическом руководстве под названием «Черная курица», подзаголовок которого гласит: «Курица, несущая золотые яйца». Предполагается, что эта волшебная птица помогает находить клады.

Корнелий Агриппа упоминает Аристея под именем «Атей», сравнивая его и Гермотима с лапландскими и норвежскими шаманами. Если верить легендам, Аристей действительно обладал некоторыми шаманскими дарами, такими как способность к погружению в экстатический транс, со стороны неотличимый от смерти, дар билокации и умение превращаться в птицу.

Аргонавтика III: Ясон и Медея

В начале третьей песни «Аргонавтики» Аполлоний, наконец, представляет читателям главную героиню своего эпоса — великую волшебницу Медею. Весьма уместно, что Медея впервые появляется в центральном эпизоде повествования: ведь она играет ключевую роль во всем сюжете. Именно с нее мы и начнем свой анализ третьей песни. По вопросу о том, кто была мать Медеи, античные авторы расходятся во мнениях, однако отцом ее все единодушно называют Ээта, царя Колхиды, а дедом — солнечного бога Гелиоса, отца Ээта. В самых надежных источниках (у Гесиода и Гигина) матерью Медеи названа Идия; у других авторов встречаются имена Эфира, Астеродия, Антиопа и Неэра. Медея была жрицей великой богини Гекаты, которую также иногда называют ее матерью. Кроме того, она приходилась племянницей еще одной знаменитой чародейке — Кирке (Цирцее), сыгравшей почти столь же важную роль в «Одиссее», как сама Медея в «Аргонавтике». Гекате, Цирцее и Медее отводится ведущее место в греко-римских мифах о магии и колдовстве. Немаловажно и вполне естественно, что эти три волшебницы тесно связаны между собой.

Прежде чем мы обратимся к характеру и деяниям Медеи, следует внимательно изучить контекст, в котором она появляется на сцене. Особенно важна в этом отношении фигура ее отца Ээта, царя Колхиды и близкого родича богов. Как уже было сказано, Ээт — сын Гелиоса, почитавшегося как солнечный бог задолго до того, как эта функция начала переходить к Аполлону. Уже одно это свидетельствует, что эпос об аргонавтах начал складываться в глубокой древности, еще раньше гомеровского (в котором Аполлон тоже еще не имеет ничего общего с солнцем). При этом необходимо подчеркнуть, что Ээт превосходит по статусу героев-полубогов, рожденных от богов смертными женщинами. Мать Ээта — бессмертная океанида Персеида, морская нимфа, дочь Океана. Более того, Идия, которая (по версии Гесиода и Гигина) родила Ээту детей — Медею, Халкиопу и Апсирта, — тоже была океанидой. Ээт и его семья, по существу, составляют некий пантеон в миниатюре, и это дает исчерпывающий ответ на вопрос, почему они обладают такой властью и почему боги проявляют к ним такой интерес.

Один из этих богов — Гефест. В начале третьей песни «Аргонавтики» богини Гера и Афина совещаются о том, как помочь Ясону, и приходят к выводу, что им потребуется содействие Афродиты. Соответственно, они отправляются в олимпийский дворец Афродиты, который, как напоминает нам Аполлоний, был построен Гефестом. Словно в параллель к этому эпизоду далее описывается, как Ясон и его спутники приплывают во дворец Ээта и даются диву при виде стоящего перед дворцом чудесного фонтана — еще одного творения Гефеста. И это, как мы вскоре увидим, не единственный подарок, которым Гефест осчастливил колхского царя.

Неподалеку от границы владений Ээта высится скала Прометея — божества, предания о котором тесно переплетены с мифами о Гефесте. Сам Ээт — сын солнечного бога и хозяин драгоценных сокровищ, полученных в дар от Гефеста. Все это не только подчеркивает высокий статус царя Колхиды, но и напоминает нам о том, что сама Колхида в древности была одним из крупнейших металлургических центров. Колхи освоили искусство плавки и литья в XV — VIII вв. до н. э. задолго до народов Европы. Эти достижения напрямую связаны с расселившейся в тех краях кастой металлургов, которых античные географы и историки называли халибами, а мифографы — идейскими дактилями. Как было показано в предыдущих главах, халибы не только владели тайнами обработки металла, они были основателями мистерий и первыми из тех, кого в античной литературе называют гоэтами.

В эпоху поздней бронзы Колхида была не скромным горным пристанищем вымирающего племени, а великой и могущественной державой. Роль, которую она сыграла в истории магии, незаслуженно забыта: исследователи отвернулись от нее, устремив взгляды на восток. Но в действительности Колхида как точка пересечения скифской культуры с традициями идейских дактилей не менее важна для упомянутой истории, чем любая из ближневосточных наций. И в свете этого вполне естественно, что именно в Колхиде родилась одна из самых знаменитых волшебниц классической мифологии.

Возвращаясь к месту Гефеста в третьей песне, нельзя не отметить, что Аполлоний на этом этапе старается упоминать его как можно чаще. Гера, Афина и Афродита встречаются во дворце, построенном Гефестом. Стоит напомнить, что в мифе

о суде Париса те же три богини соперничают между собой за яблоко Эриды. Рассмотреть здесь этот мотив во всех подробностях мы не сможем, но будем иметь в виду, что он древнее самой «Илиады» и, скорее всего, первоначально имел совершенно иное значение. Согласившись помочь Гере и Афине, Афродита обращается к своему Эроту, чтобы тот внушил Медее любовь к Ясону. В награду Эрот получает чудесный мяч; на первый взгляд, это просто игрушка, но в действительности — культовый объект. Афродита рассказывает сыну, что мяч этот смастерила Адрастея, кормилица Зевса, когда тот был еще младенцем и скрывался в Идейской пещере. Подчеркивая красоту этой «диво-игрушки», богиня любви утверждает, что лучшего мяча не смог бы сделать сам Гефест.

Далее Аполлоний описывает фонтан перед дворцом Ээта — творение Гефеста, исполненное символического смысла. Фонтан состоит из четырех неиссякаемых источников, напоминающих о четырех реках Аида и четырех райских потоках из Книги Бытия. Один источник бьет молоком, другой — вином, третий — душистым маслом, а четвертый — водой. Эти четыре жидкости служили для возлияний в ритуалах греческой религии. Еще более интересно, что вода четвертого источника нагревалась при восходе Плеяд, а когда они заходили, становилась холодной, как лед. Возлияние, в особенности вином, по-гречески называлось «спонде»; это слово определенно родственно хеттскому «сипанди» и восходит к бронзовому веку. Подношения такого рода совершали как богам (небесным и подземным), так и героям: жертвователь выплескивал из своей чаши часть напитка. Другим термином, «хоэ», обозначались возлияния иного типа, предназначенные только для подземных богов и умерших. Совершая хоэ, содержимое чаши выливали полностью (иногда чашу для этого ставили на землю и наклоняли). Такие возлияния состояли из смеси меда, вина и воды.

Еще одним подарком Гефеста царю Ээту была пара огнедышащих быков с медными копытами. Кроме того, Гефест выковал для него плуг из цельного куска закаленной стали — благодарственный дар Гелиосу, спасшему Гефеста в сражении между богами и гигантами. Любопытно, кстати, что битва богов с гигантами началась близ Флегры в Македонии, не входившей в состав цивилизованной Греции, и завершилась на одноименных Флегрейских полях в Южной Италии, неподалеку от

Кум, около вулкана Везувий. Связи этого мифа с варварской Македонией, с местом самого знаменитого античного некромантейона и с вулканом наводят на мысль о том, что первоначально речь в нем шла отнюдь не о торжестве олимпийцев над архаическими божествами. И в свете этого эпизод со спасением Гефеста кажется позднейшей вставкой — одной из тех, которые были призваны последовательно преуменьшить его роль и умалить былую славу. Особые отношения между Гефестом и Гелиосом, память о которых сохранилась в «Аргонавтике», позволяют предположить родство между этими двумя богами, связанное с неким древним ритуалом. И как мы вскоре увидим, важнейшую роль в этом ритуале должны были играть быки и плуг.

Но вернемся еще раз к эпизоду встречи трех богинь, в котором Гера, царица богов, выражает страстное желание помочь Ясону. Ясону, говорит она, предстоит тяжкое испытание, и чтобы спасти его, она готова на все. Она не отвернется от своего любимца, даже если тот поплывет на ладье в Аид, чтобы освободить от цепей самого Иксиона. Это знаменательная фраза: ведь аргонавты, как мы помним, отправились в свой поход, чтобы спасти душу умершего, а корабль «Арго» («Стрела») — не что иное, как шаманская ладья для путешествия в загробный мир.

Между тем Ясон и его товарищи тоже держат совет и принимают решение, что Ясон отправится во дворец Ээта лишь с несколькими спутниками и попытается уговорить его отдать золотое руно добром. Ясон берет с собой скипетр Гермеса, под каковым, вероятно, следует понимать жезл вестника, по традиции гарантировавший безопасность своему носителю. По дороге ко дворцу аргонавты проходят мимо зарослей ив и верб, на верхних ветвях которых висят трупы, завернутые в воловьи шкуры; поясняется, что колхи не сжигают и не закапывают тела умерших мужчин, а подвешивают их на деревьях, в земле же погребают только женщин. Таким образом, сообщает нам Аполлоний, воздух и земля получают равную долю в погребении. Но поскольку археологи находили в этой местности мужские захоронения, не исключено, что эти тела, подвешенные на деревьях, означают нечто иное. Так или иначе, они привносят зловещую ноту в атмосферу повествования о том, как аргонавты приближаются к городу. Заботливая Гера между тем

укрывает путников туманом, чтобы они смогли добраться до дворца Ээта беспрепятственно. Перед воротами дворца туман рассеивается, и Ясон со своими спутниками видят широкие ворота, высокие колонны и мраморный карниз на бронзовых триглифах. Чуть поодаль раскинулись пышные виноградные лозы, которые орошает влага из источников Гефеста. Внутри дворцовой ограды высятся дома Ээта, его сына Апсирта и его дочерей Медеи и Халкиопы; отдельно стоят покои, предназначенные для служанок.

В обычный день Медея, скорее всего, находилась бы не дома, а в святилище Гекаты как ее главная жрица. Но Гера позаботилась о том, чтобы Медея увидела Ясона в час его прибытия. Первой заметив чужестранца и его спутников, она вскрикивает от изумления и этим криком оповещает весь дворец об их появлении. Вскоре Ясон предстает перед царем Ээтом и излагает свою просьбу. Царь приходит в ярость, подозревая Ясона в покушении на его трон. Подобно Пелию, отправившему Ясона в путь с невыполнимым поручением, Ээт воздвигает новое препятствие на его пути:

> Дам золотое руно увезти, как того ты желаешь,
> Но испытаю сперва. К храбрецам не столь я завистлив,
> Как тот владыка в Элладе, про коего вы говорили.
> Мощь и отвагу твою испытаю я подвигом трудным,
> Как он ни страшен, свершаю его я своими руками!
> Двое быков у меня на равнине Ареса пасется,
> Два медноногих быка, изо рта выдыхающих пламя.
> Их под ярмо подведя, я гоню их по ниве Ареса
> Четырехдольной. Но вплоть до межи подняв ее плугом,
> В борозды я, как посев, на семя Деметры бросаю
> Зубы страшного змея; на ниве из них прорастают
> Воинов меднодоспешных тела. Но, копьем поражая,
> Их низлагаю, когда на меня они все ополчатся.
> Я на заре запрягаю быков, а вечерней порою
> Жатву кончаю. Так вот, если ты совершишь этот подвиг,
> В тот же день золотое руно увезешь для владыки.
> Прежде ж его не отдам, и не думай. Позорно, коль будет
> Славный доблестью муж уступать слабейшему мужу[1].

1 Аполлоний, «Аргонавтика», III.404—421.

Как уже было сказано, медноногие быки и плуг — это дары Гефеста. Нива Ареса, бога войны в классической мифологии, соседствует с рощей, в которой висит на дереве золотое руно под охраной огромного змея. Совершенно очевидно, что перед нами описание декораций для некоего ритуала, а вспашка поля — не что иное, как память об этом ритуале, замаскированная наслоениями классической мифологии. Имена олимпийских богов — лишь часть этой позднейшей маскировки. Анализируя вторую песнь «Аргонавтики», мы показали близкую связь между древнеиталийскими божествами Мамерсом и Мульсибером (Марсом и Вулканом). Весьма вероятно, что боги, позднее известные под именами Гефеста и Ареса, в своем первоначальном контексте были связаны друг с другом столь же тесно.

Многие римские божества полностью тождественны своим условным древнегреческим эквивалентам, но Марс — серьезное исключение из этого правила. Сохранились более древние формы его имени: Маворс, Мамерс и этрусский Марис. В своей архаической ипостаси этот бог ассоциировался с земледелием, в связи с чем мотив вспашки Аресовой нивы приобретает определенный смысл. О сельскохозяйственных функциях этого божества свидетельствует, в частности, и то, что главные его праздники приходились на весну и начало лета. Само имя «Марс» связано с латинским словом *margo* — «межа», «граница», что может роднить этого бога с архаическими формами Гермеса, с его «пеласгийскими» фаллическими изображениями. Тот факт, что в поздний период он стал ассоциироваться исключительно с войной, восходит к его первоначально роли защитника границ и мирных жителей. С древних времен он отождествлялся с пастушеским богом Сильваном. Кроме того, считалось, что Юнона понесла его от цветка без помощи мужа, что напоминает одновременно и о рождении Аттиса в греческом мифе о Кибеле, и о партеногенном рождении Гефеста.

Такова архаическая подоплека подвига, который Ээт поручает Ясону: вспахать ниву Ареса при помощи плуга и быков, созданных Гефестом. У Ясона нет другого выхода, так что он соглашается исполнить все это в назначенный срок и в глубоком унынии возвращается на корабль. Между тем Медея, сраженная стрелой Эрота и охваченная муками любви и страхом за Ясона, удаляется в свои покои. Обращаясь к Гекате, она

молит богиню сделать так, чтобы Ясон преуспел, а если ему все же суждено погибнуть, то знал, что она, Медея, будет горько его оплакивать. Нет нужды говорить, что рано или поздно боги сведут ее с Ясоном, чтобы она помогла ему исполнить задание. Но сначала один из сыновей Фрикса, спасенный аргонавтами по дороге в Колхиду, рассказывает Ясону о Медее и дает классическое описание ее колдовского дара:

> Там в чертогах Эита взрастает некая дева,
> И научила богиня Геката ее в совершенстве
> Зелья варить из всего, что земля производит и море:
> Ими смягчить она может огня неустанного пламя,
> Шумное вмиг задержать струенье рек и потоков
> Или пути преградить и священной луне, и светилам[1].

Тем временем Медея, полагая, что Ясон обречен, и чувствуя, что не сможет жить без него, замышляет покончить с собой. Описанию ее искусства вторит рассказ о действиях, которые она предпринимает в эту критическую минуту. Оставшись одна, Медея достает ларчик, в котором хранит целебные и смертоносные травы, и жажда жизни берет в ее сердце верх над стыдом и отчаянием. Она созывает служанок, чтобы отправиться вместе с ними в святилище Гекаты. Вовсе не случайно этих служанок двенадцать, а сама Медея — тринадцатая: ассоциации этого числа с ведовским ковеном восходят скорее к античному мифу, нежели к Библии. Пока служанки запрягают колесницу, Медея готовится:

> Тою порой из резного ларца Медея достала
> Зелье, оно, говорят, «Прометеевым цветом» зовется.
> Если кто-либо, склонив единородную Деву
> Жертвой, свершенной в ночи, тем зельем тело омоет,
> Ни для ударов железа не может он быть уязвимым,
> Ни пред пылающим он не отступит огнем. Но и силой
> Будет в тот день он, и мощью своей пред всеми отличен.
> Вырос впервые тот цвет, когда проливалась по капле
> Там на Кавказских торах орлом-кровопийцей на землю
> Кровь Прометея-страдальца, бессмертная красная влага.

1 Там же, III.528—533.

В локоть длиной произрос цветок из влаги из этой,
На корикийский шафран вполне своим цветом похожий,
Стеблем двойным вознесен. Глубоко в земле притаился
Корень, подобный куску кровавого мяса и полный
Сока (похож он на сок темноцветный горного дуба).
Сок собирала для чар в ракушку каспийскую дева,
Семь раз омывши себя водой, неустанно текущей,
Семь раз призвавши Бримо, что юношей бодрых питает,
Мертвых царицу, Бримо подземную, ночью что бродит,
Мрачною ночью призвав, одетая в темное платье.
Рев прокатился под черной землей, содрогнувшейся в муках,
В миг, когда корень титана был срезан, и стоном ответил
Сам Япета сын, от боли душою слабея[1].

В этом отрывке обращают на себя внимание несколько любопытных деталей, и не последняя из них — связь чародейского растения с титаном Прометеем. В заключительной части наших рассуждений о второй песне «Аргонавтики» упоминалось о связи Прометея со святилищем Эриний, подземных богинь. Растение, порожденное его кровью, тоже тесно ассоциируется с подземным миром. Кроме того, в магической практике обнаруживаются параллели образу растения, взращенного на крови Прометея. В магических папирусах и других источниках часто встречаются соотнесения ритуальных действий или компонентов зелий с событиями из жизни богов — так называемые историолы. В частности, одна из них, географически близкая эпизоду из «Аргонавтики», связывает происхождение ядовитого аконита со слюной, вытекающей из пасти Кербера.

Подобные мини-мифы встречаются не только в связи с растительной магией и даже не только в языческом контексте: они сопровождают и многие магические операции, восходящие к христианским или иудейским источникам. В гримуарах духов заклинают различными именами Бога, ссылаясь при этом на какие-либо его деяния, подкрепляющие смысл приказа. Об этом методе часто упоминает Агриппа в своей «Оккультной философии» (см. в особенности книгу III, главы LXI и LXII). Однако «языческие» историолы отличаются

1 Там же, III.844—866.

куда большей непосредственностью и наглядностью и не в последнюю очередь потому, что они ассоциируются с различными растениями, необходимыми для изготовления изображений, зелий и прочих магических средств. Сочетание вербальной и рукотворной магии, заклинания, которые поет колдунья над ступкой и пестиком, напрямую соединяет процессы физического мира с событиями и персонажами мифа.

Бримо, которую призывает Медея в своих заклинаниях, — это эпитет двух богинь, Гекаты и Персефоны, во многих отношениях тождественных друг другу (хотя в классической мифологии Геката предстает как спутница Персефоны). Эпитет «Дева» тоже может относиться как к Персефоне, так и к Гекате. Что касается имени «Бримо», то оно родственно латинскому слову *frimotus* — «рычание», «храп», «шум», от которого происходит имя «Фримост», принадлежащее одному из духов «Истинного гримуара». Семикратно повторенное призывание удивительным образом напоминает заклинания из того же гримуара, а семикратное омовение находит параллели во многих магических обрядах, практиковавшихся далеко за пределами Колхиды. Внимательный читатель наверняка уже заметил, что и в этом, и в предыдущем отрывке из «Аргонавтики» Медея описывается, в первую очередь, как искусная травница, мастерица волшебных зелий. Однако этим ее сила отнюдь не исчерпывается; подобно тому фармакея, магия трав, отнюдь не случайно упоминается во многих источниках в одном ряду с гоэтией. Как наглядно свидетельствует приведенная цитата, заклинания подземных божеств вполне могли сочетаться со сбором и приготовлением магических растений в рамках одного ритуала.

Пересказывать здесь всю «Аргонавтику» я, естественно, не намерен, однако в описании отъезда Медеи в святилище Гекаты встречается такая поразительная аналогия, оставить которую без внимания просто невозможно. Аполлоний сравнивает Медею с богиней Артемидой, мчащейся на своей золотой колеснице, запряженной оленями, служанок Медеи — с нимфами, спутницами богини, пришедшими из лесов и ручьев, а встречных горожан, в страхе отводящих взор от царственной волшебницы, — с дикими лесными животными, воздающими почести Хозяйке Зверей. И все это — не просто поэтические сравнения: Медея — земное воплощение той же силы, что и

Артемида, а власть над дикими зверями — один из самых древних, архаических ее атрибутов.

Итак, Медея прибывает в храм Гекаты, и туда же направляется Ясон в сопровождении прорицателя Мопса, который, впрочем, поворачивает обратно с полдороги, чтобы Ясон и Медея смогли встретиться наедине. Встретившись, они признаются друг другу в любви, и Медея рассказывает Ясону о том, как исполнить поручение Ээта при помощи магии. Подробности этой процедуры представляют большой интерес, так как она включает в себя практически все основные элементы архаического ритуала:

«Слушай с вниманьем теперь, как тебе уготовлю я помощь.
Только лишь явишься ты и отец тебе даст для посева
Страшные зубы, что были изъяты из челюстей змея,
Подстережешь ты, когда середина ночи наступит,
И струями реки, неустанно текущей, омывшись,
В черной одежде, один, отдалясь от товарищей прочих,
Круглую выроешь яму. Потом в этой вырытой яме
Должно зарезать овцу и, на части ее не рассекши,
В жертву принесть, разложив костер на дне этой ямы.
К дочери единородной Персея, Гекате, взмолившись,
Вылей из чаши ей в честь работу пчелиного улья.
После, помянешь когда и к себе преклонишь ты богиню,
Прочь от костра поскорей уходи. Но вспять обернуться
Шум случайный шагов или лай собачий нежданный
Пусть не заставят тебя, а не то ты всему помешаешь,
Да и к друзьям не вернуться тебе тогда невредимо.
Встанет заря, — распусти ты зелье мое и, как маслом,
Им до блеска натри, обнажившись, все тело. И будет
В нем беспредельная мощь и грозная сила, и скажешь,
Что не с людьми, а с бессмертными ты сравнялся богами.
Нужно, помимо копья, и щит твой зельем намазать,
Также и меч. И тогда уж тебя острия не пронижут
Землерожденных мужей и безудержно бьющее пламя
В пасти ужасных быков...»[1]

1 Аполлоний, «Аргонавтика», III.1026—1049.

Итак, Ясону предстоит совершить очищение речной водой, угодное великим богам подземного мира, и принести в жертву не избранные части животного, а овцу целиком, как это и подобает при жертвоприношении хтоническому божеству. Кроме того, возлияние совершается не вином, а медом — более древним жертвенным напитком. Еще одна значимая деталь — предписание покинуть место ритуала, не оборачиваясь. О приближении богини возвещает шум ее шагов и лай собак, составляющих ее свиту. Оборачиваться в этот момент очень опасно, не говоря уже о том, что такой неосторожный жест сведет на нет всю магическую работу. Это общее правило для подобных ритуалов: принося жертву хтоническим богам, заклинатель по традиции отвращает от нее взгляд, а по завершении ритуала покидает перекресток, не оборачиваясь.

Завершив свои наставления, Медея просит Ясона помнить о ней, если он преуспеет и вернется домой живым, и тут же спрашивает, откуда он родом. Ясон заверяет Медею, что никогда ее не забудет, и рассказывает о своей родине. Он упоминает легендарного прародителя ахейцев — Девкалиона, сына огненного титана Прометея. Первым из всех людей Девкалион начал строить города и воздавать почести богам. Персонаж этот важен во многих отношениях и не в последнюю очередь как герой греческого мифа, эквивалентного библейскому преданию о Всемирном потопе. Корабль, на котором Девкалион спасается от потопа, причаливает на горе Парнас, а не у вершины Арарата в окрестностях Колхиды. Но главное различие между этими двумя мифами в том, что Девкалион, в отличие от Ноя, отнюдь не избранник Божий: напротив, о грядущем потопе его предупреждает Прометей, восставший против Отца богов. В данном отношении греческий миф стоит ближе к шумерскому прототипу, где Энки предупреждает своего любимца о потопе, который собирается наслать на землю верховный бог. Вероятно, до греков эта легенда дошла из малоазиатских (хеттских или хурритских) источников.

После потопа Девкалион и его жена Пирра возрождают род людской, бросая за спину камни: камни, брошенные Девкалионом, превращаются в мужчин, Пиррой — в женщин. Перед тем они обращаются к богине Фемиде за оракулом; и учитывая географическую близость Парнаса к Дельфам, миф этот сложился прежде, чем владыкой Дельфийского святилища стал

Аполлон. Так Прометей косвенным образом сотворил человечество во второй раз. И очень похожий мотив засевания земли семенами будущих людей встречается в сюжете об испытании, которому подвергает Ясона Ээт: Ясону предстоит засеять поле зубами дракона, из которых вырастут вооруженные воины.

Предыстория этих драконьих зубов такова: Кадм был братом финикийской царевны Европы. Когда Европу похитил Зевс, отец отправил Кадма на поиски сестры, наказав без нее не возвращаться. Европа так и не нашлась, и Кадм обратился за советом за Аполлону. Тот повелел ему найти корову и следовать за ней, а там, где она остановится и ляжет, основать новый город. Добравшись до места, где корова легла, Кадм решил возблагодарить богов жертвой и отправил своих спутников в соседнюю рощу за водой. Эта роща, как и поле Ээта, принадлежала Аресу, а источник в ней охранял огромный дракон, надо полагать, обвивавшийся кольцами вокруг одного из деревьев подобно змею, сторожившему золотое руно. Дракон убил всех спутников Кадма. Не дождавшись их, Кадм направился в рощу сам, увидел дракона, пожирающего тела его товарищей, и с помощью Афины убил его. Затем по совету той же богини половину зубов дракона он посеял в землю, а половину отдал Афине, которая и вручила их царю Ээту. Из драконьих зубов выросли вооруженные воины; так же случилось и потом, когда зубы посеял Ясон. И, подобно Кадму, Ясон победил воинов хитростью, бросив в них камень и заставив сражаться друг с другом. Различаются эти две истории одной любопытной подробностью: из воинов, выращенных Кадмом, пятеро остались в живых. Они получили прозвище «спарты», что значит «посеянные», помогли Кадму построить Фивы и стали легендарными родоначальниками фиванских аристократических домов. Предание сохранило их имена: Пелор, Гиперенор, Удей, Хтоний и Эхион.

Эхион женился на дочери Кадма, Агаве, сестра которой, Семела, позднее стала матерью Диониса. У Эхиона и Агавы родился сын Пенфей, ставший царем Фив после Эхиона; о поражении Пенфея в борьбе с Дионисом повествует трагедия «Вакханки». Имя Эхион носил также один из аргонавтов, брат-близнец Эврита, сын Гермеса. А Эвритом, в свою очередь, также звали одного из гигантов, сраженного Дионисом.

Стоит добавить, что Кадму пришлось отслужить Аресу восемь лет, чтобы искупить оскорбление, нанесенное тому убийством дракона. Когда срок службы окончился, Кадм с помощью Афины стал царем Фив. Все это подтверждает наше предположение о том, что засевание поля драконьими зубами — аллюзия на некий архаический и хтонический ритуал, совершаемый царем или претендентом на царский трон. Не случайно Ээт говорит Ясону, что сам он неоднократно совершал этот подвиг (хотя, казалось бы, запас драконьих зубов в этом случае должен был давно истощиться). Помощь Афины герою Кадму, предку фиванских царей, — это сохранившиеся в мифе пережитки обряда иерогамии; фракийский царь Котис I понял бы это без лишних слов, даже если греки в его время уже бы не поняли.

Присутствие Диониса и братьев-близнецов в этой системе персонажей не нуждается в комментариях. Но стоит отметить косвенную связь «змеиных» героев, произошедших от зубов дракона, со змееногими гигантами. Мифы о Девкалионе и Кадме проясняют сюжет «Аргонавтики», открывая нам глаза на то, что воины, выросшие из зубов дракона, — это герои-предки, основоположники древних династий. Подобных героев, родившихся из земли, греки называли автохтонами («саморожденными»), и любопытно, что этим же термином в магических папирусах обозначается демон (см. PGM IV.1345).

Чрезвычайно интересна и та важная роль, которую играет в этом царском обряде Арес — бог, существенно обесцененный в олимпийской мифологии. Он олицетворяет воинский аспект героя, отчасти связанный также с фигурой Диониса. В «Вакханках» (напомним, что действие этой трагедии происходит в Фивах и что в нем принимает участие Пенфей) о Дионисе говорится, что «Арея он не чужд»: он символизирует безумие войны. Кроме того, Диониса почитали как великого полководца, завоевавшего весь известный мир.

Прежде чем двигаться дальше, упомянем о том, чем завершается история Кадма. Под конец жизни Кадм и его жена Гармония при таинственных обстоятельствах покидают Фивы, превращаются в змей и находят дорогу на Елисейские поля. Внимательный читатель, должно быть, уже догадался, что это означает превращение Кадма и Гармонии в хтонических героев, получающих почетное место в загробном мире. Этот

сюжет сопоставим с версией мифа, по которой Медея в загробной жизни становится женой Ахилла и вдвоем они царствуют на Белом острове как блаженные духи предков.

А теперь, наконец, вернемся к «Аргонавтике». Следуя наставлениям Медеи, Ясон призывает Гекату, и описание этого обряда и последовавшего за ним явления богини стоит процитировать полностью, сопроводив некоторыми комментариями:

> Тотчас Язон <...>
> К месту пустынному тихо пошел, словно воры, украдкой,
> Взяв, что нужно, с собой, ибо все заготовлено было
> Загодя днем: и овца, что Арг из овчарни доставил,
> И молоко, и прочее все, что нашлося на судне.
> Место герой отыскал, что вдали от дороги лежало
> Торной, средь чистых поемных лугов расстилаясь спокойно,
> Нежное тело омыл, блюдя обычай священный,
> В водах чистых реки перво-наперво он и облекся
> *В черное платье затем, что ему Гипсипила-лемнийка*
> В память о нежной любви в былые дни подарила[1].

Упомянутые здесь процедуры омовения и облачения перед магическим обрядом сохранились в позднейших гримуарах.

> Яму он вырыл в земле, глубиною в локоть, и в яму
> Дров наложил; над ними овце перерезал он горло;
> С тщаньем ее на дровах распростер и, огонь подложивши,
> Хворост зажег, и из смеси потом сотворил возлиянье,
> Громко на помощь в борьбе Гекату-Бримо призывая[2].

Как уже упоминалось, Ясон совершает жертвоприношение хтонического типа, предлагая в жертву все животное целиком. Алтарь при этом не возводится: жертва помещается в яму. Действия Ясона — наглядный пример традиционной процедуры.

1 Там же, III.1195—1206.

2 Там же, III.1207—1211.

К ней воззвав, устремился он вспять. Заклинаниям внемля,
Из сокровенных глубин поднялась она, ужас-богиня,
К жертвам Язоновым. Всю кругом ее обвивали
Страх наводящие змеи, ветвями увенчаны дуба;
Факелов вмиг засверкали огни без числа; залилися
Сразу подземные псы вкруг богини пронзительным лаем...[1]

Явление богини описано в духе поздней традиции, в которой Геката окончательно превратилась в богиню магии. Однако несмотря на все последующее обесценивание, это образ божественный, а не инфернальный.

...Затрепетали луга придорожные; подняли вопли
Нимфы речные, средь топей живущие, что постоянно
Там у болотистых мест Амарантского Фазиса кружат.
Страх тут объял Эзонида, но все же несли его ноги, —
Не обернулся ни разу назад он, пока не сошелся
Снова с друзьями... Меж тем уж над снежным
Кавказом сиянье рано встающая Эос, на небо всходя, разливала[2].

Несмотря на то, что явление богини и впрямь внушает ужас, следует ясно отдавать себе отчет, что Ясон отворачивается не из страха, а в соответствии с правилами традиционного ритуала. Точно такая же процедура предписывается в магических папирусах.

Как наверняка известно читателю, золотое руно висит на дереве под охраной исполинского змея:

Взять между тем руно нелегко и помимо Эита, —
Змей такой его сторожит, вокруг извиваясь;
Он не подвластен ни смерти, ни сну; родила его Гея
В крае Кавказских высот, где скала Тифаона. Там ведь,
Так преданье гласит, Тифаон, перуном Кронида

1 Там же, III.1212—1217.

2 Там же, III.1218—1224.

Раненный (мощные руки тогда на Зевеса он поднял),
Жаркую кровь заструил из главы и, залитый ею,
Вплоть до хребта дошел и широкой равнины Нисейской.
Он и поныне еще лежит под водой Сербониды[1].

Согласно греческому мифу, змей, охраняющий золотое руно, — отпрыск самого Тифона, и любопытно то, что по этой версии Тифон упокоился в горах Кавказа, а не в недрах Этны. В свое время мы еще к этому вернемся, а пока достаточно отметить, что связь змея с деревом — устойчивый и часто встречающийся мотив. Даже в самой «Аргонавтике» нам встретится второй змей на дереве, охраняющий не золотое руно, а яблоки Гесперид. Третьим же был дракон или змей, обитавший в роще Ареса и убитый Кадмом: Ясону предстоит посеять его зубы на Аресовом поле.

Образ змея, обвивающего дерево, играет важную роль во фракийской иконографии. Многие (и даже чересчур многие) принимали этого змея за олицетворение зла, как в сюжете об Адаме и Еве. Возможно, именно так дело обстоит в случае с ближневосточным мифом, получившим дальнейшее развитие в средневековой европейской легенде о святом Георгии и драконе, однако приписывать змею подобное значение в более древнем контексте, греческом и фракийском, нет никаких оснований. Более того, все свидетельства противоречат такой интерпретации. Э. В. Рьё в предисловии к своему переводу «Аргонавтики» отмечает, что автор явно не питает отвращения к змеям, а напротив, описывает их с чрезвычайной симпатией. Фракийского героя нередко изображали на охоте, где он пронзает копьем дикого вепря. На многих подобных изображениях присутствует также дерево, обвитое змеем, но герой никогда не нападает на змея. Самая очевидная интерпретация заключается в том, что этот змей — хтоническая форма самого героя или божества, с которым он отождествляется после смерти. Возможно, этим же объясняются загадочные сцены из греческой вазописи, на которых Ясон изображен выходящим из пасти змеи (в литературных источниках этот мотив не встречается). Предложенное истолкование подкрепляется тем фактом,

1 Там же, II.1207—1215.

что змея — самый распространенный из символов, связанных с посмертными культами героев.

На одной из золотых бляшек в составе знаменитого фракийского клада из Летницы (на территории современной Болгарии) содержится чрезвычайно откровенное изображение иерогамии — священного брака между богиней-дочерью и героем-сыном, а на другой — изображение женщины, держащей в руке зеркало и стоящей рядом с трехголовым змеем. Еще одно подтверждение тому, что этот змей — не враг героя, а его собственное хтоническое обличье, обнаруживается в «Вакханках» Еврипида: хор менад призывает Диониса явиться в образе быка, многоглавого дракона или огнедышащего льва. Непосредственно за этим хором следует реплика о Кадмовом змее, из зубов которого выросли воины.

Имя Асклепий, вероятно, происходит от двух фракийских слов: *as* — «змея» и *klepi* — «обвиваться вокруг посоха». Это подчеркивает связи между Фракией и относительно «дикой» Фессалией, в которой греческий культ Асклепия процветал задолго до основания знаменитого святилища в Эпидавре. В позднем культе греко-римского змеиного бога Гликона соединились черты культов Сабазия и Асклепия, а эти два божества, в свою очередь, представляли собой вариации на тему древнего героя-сына. Роль Асклепия как бога-врачевателя напоминает нам о том, что имя Ясона (еще одного фессалийского героя) тоже означает «врачеватель» и что Ясон (Иасон) — это эпитет многих змеиных героев, которым поклонялись в хтонических святилищах.

Асклепий не только излечивал болезни, но и возвращал умерших к жизни, а змея, сбрасывающая и обновляющая свою кожу, — традиционный символ воскресения и возрождения. И этот чудесный дар Аполлонова сына — еще одно звено в цепи связей между культами героев и некромантической традицией.

Гоэтическая галерея: симпатия

> Вырежи этот знак на изумруде или рубине, ибо эти камни связывает с духами более тесная симпатия, в особенности же с духами Солнца, кои мудрее, дружелюбнее и лучше прочих.
>
> — *«Истинный гримуар»*.

Учение о симпатии восходит к возвышенным представлениям о Вселенной как едином живом организме, душа которого — Бог. Принцип симпатии — это центральный и всеобъемлющий принцип западной магии. Истоки его, возможно, следует искать в магии Египта, хотя схожие идеи встречаются и в других магических традициях по всему миру. Но самим термином «симпатия» и систематическим развитием этой концепции во всех областях западной магии мы обязаны древним грекам. Впервые сформулированный Парменидом, принцип симпатии занял ключевое место в философии Эмпедокла, сыграл центральную роль в учении стоицизма и был охотно принят и развит неоплатониками. Последнее обстоятельство сыграло особенно важную роль в истории западной магии. Теория и практика неоплатонической теургии, оказавшие огромное влияние на оккультную мысль Средневековья и эпохи Возрождения, основывались именно на принципе симпатии.

Согласно этому учению, Вселенная целостна и едина. Однако греки признавали, что это единство состоит из различных частей, которые они называли стихиями, элементами, первоначалами или корнями. Все сущее во Вселенной — будь то числа, боги, животные, растения или минералы, географические местности и так далее — образовано различными сочетаниями этих «корней», качества которых и определяют сущность каждого данного предмета. Кроме того, любые два предмета, независимо от своего положения в пространстве, испытывают влечение друг к другу, если обладают общими качествами. Об этом прямо говорили и Плотин, и Ямвлих: Вселенная — единое существо; части ее разделены в пространстве, но стремятся друг к другу в силу сродства своих природ. Одни части

могут быть выше по природе, другие — ниже, но это ни в коей мере не умаляет их взаимного влечения.

В основе этой теории изначально лежало представление о четырех стихиях (элементах) и о принципах притяжения подобных качеств и отталкивания противоположных. Разумеется, эти четыре элемента не имеют ничего общего ни со стихиями в нынешнем понимании слова, ни с химическими элементами: скорее, они похожи на четыре состояния материи, как их понимает современная наука. То, что древние греки называли стихией Земли, — это не только земля или песок, но и все твердые тела вообще. Стихия Воды заключает в себе качества всех жидкостей, стихия Воздуха — всех газов, а стихия Огня — плазмы. Таким образом, стихии-элементы — это не объективные химические составляющие предметов, а их «субъективные» состояния, характеристики и особенности поведения.

Со временем классификация стихий усложнилась и стала более системной. Огню приписали качества тепла и сухости, Земле — сухости и холода, Воде — холода и влажности, Воздуху — влажности и тепла. Это означало, что Огонь роднит с Воздухом качество тепла, а с Землей — качество сухости. Воде — за неимением общих качеств — Огонь антипатичен.

Из этой теории следовал вывод, что религиозные и магические церемонии и подношения должны включать в себя материалы, в силу симпатии привлекающие богов или другие призываемые сущности: «Хорошо понимая это, теургическое искусство, открывшее, таким образом, в общей форме соответственно особенностям каждого бога подобающее для него вместилище, часто использует также камни, травы, животных, благовония и другие священные предметы, которые совершенны и богоподобны, чтобы затем осуществить с их помощью целостное и чистое восприятие богов. Следует отвергать не всякую материю, но только чуждую богам, а родственную им, напротив, нужно выбирать, ибо она способна гармонировать со строительством храмов, с установкой статуй и с обрядами жертвоприношений»[1].

Из этой теории симпатии, разработанной неоплатониками, выросло учение о соответствиях, лежащее в основе западной магии. Первоначальная классификация стихий со временем

1 Ямвлих, «О египетских мистериях», V.23, пер. И. Мельниковой.

видоизменилась, расширилась и усложнилась, включив в себя планетные и зодиакальные символы. Однако простейшее подразделение на четыре стихии по-прежнему составляло основу более сложных классификаций, которые всегда можно свести к этой исходной системе, пусть и существенно упростив.

Кроме того, теория симпатии играет важнейшую роль в астрологической науке. У каждой планеты и у каждого зодиакального знака есть свои симпатии и антипатии. Характер любого сочетания планет и знаков определяется этими взаимоотношениями. На законах симпатии и антипатии основывается понятие гармоничных и дисгармоничных констелляций. А от характера планет и стихий, участвующих в данной конкретной констелляции, зависит результат толкования.

В сущности, астрология — это чрезвычайно сложная и изощренная экстраполяция теории божественных симпатий. И в этом нет ничего удивительного. Наука о влиянии звезд была известна и более древним культурам, таким как вавилонская и египетская, однако астрологию в том виде, в каком мы ее знаем сейчас, создали древние греки. Звездочеты Древнего Вавилона и Египта не строили личных гороскопов и не использовали привычную нам зодиакальную систему. Практически все основные понятия современной западной астрологии сформировались в эпоху эллинизма. И трудно переоценить то место, которое занимает астрология в системе гримуарной магии. Именно астрология служит самым неопровержимым доказательством того, что в основе гримуарной магии лежит греческая магическая философия, а вовсе не иудейско-христианская теология.

Эмпедокл

Эмпедокл из Акраганта (Сицилия) жил в V веке до нашей эры. Расцвет его деятельности пришелся приблизительно на 444 год до н. э. Самое знаменитое его изречение вспоминали, повторяли и переиначивали на все лады на протяжении многих столетий: «Бог есть бесконечная сфера, центр которой — повсюду, а поверхность — нигде». В историю философии Эмпедокл вошел как создатель учения о четырех стихиях, которое легла в основу теории о формировании Вселенной силами

любви и ненависти (симпатии и антипатии), или, как мы бы сказали сегодня, притяжения и отталкивания.

Законы симпатии и антипатии составляли важнейшую часть магической теории не только в древности, но и в Средние века, и в эпоху Возрождения. Плотин, основоположник неоплатонизма, отличал опирающуюся на эти законы симпатическую магию от гоэтии, которая в его время обесценилась и считалась низкой и недостойной. Признавала симпатическую магию и средневековая церковь. В эпоху Возрождения великие теоретики герметизма, такие как Мирандола и Корнелий Агриппа, прилагали все усилия, чтобы доказать, что практикуемая ими магия принадлежит именно к этой высокой разновидности магического искусства. Тем не менее, по словам Диогена Лаэртского, Горгий, знаменитый софист и ученик Эмпедокла, называл своего учителя гоэтом. Иначе говоря, учение о симпатии зародилось в русле гоэтии, когда та еще считалась почтенным и достойным родом магии.

Свое описание четырех стихий Эмпедокл облек в поэтичную, квазимифологическую форму:

> Выслушай прежде всего, что четыре есть корня вселенной:
> Зевс лучезарный, и Аидоней, и живящая Гера,
> Также слезами текущая в смертных источниках Нестис[1].

Обычно этот фрагмент интерпретируют как указание на то, что Зевс тождествен Огню, Гера — Воздуху, Аидоней (Аид) — Земле, а Нестида — Воде. Однако есть и другая точка зрения, возникшая еще в античности. Ее сторонники связывают Воздух с Зевсом, Землю — с Герой, Огонь — с Аидонеем и только Воду — по-прежнему с Нестидой. Нестида в других источниках не упоминается, но, судя по всему, это одно из имен Персефоны. Во-первых, по аналогии с первой парой (Зевс — Гера), она должна быть супругой Аида; во-вторых, буквальное значение имени Нестида — «не вкушающая пищу», а Персефона, похищенная Аидом, проливала слезы и отказывалась от пищи. Отождествление Нестиды с Персефоной принято и в академической среде; в частности, его придерживается Питер Кингсли,

1 Эмпедокл, «О природе», здесь и далее цитируется в пер. Г. Якубаниса.

специалист по Эмпедоклу, сочетающий квалифицированный научный подход с искренним мистицизмом.

Другой фрагмент выдержан, скорее, в натурфилософских или научных терминах:

> Сей беспрерывный размен никак прекратиться не может:
> То, Любовью влекомое, сходится всё воедино,
> То враждою Раздора вновь гонится врозь друг от друга.
> Так, поскольку Единство из Многости вечно родится,
> А разделеньем Единства опять совершается Многость, —
> То возниканье в них есть, но нет в них стойкого века.
> Но, поскольку размен сей никак прекратиться не может,
> Вечно постольку они, неизменные, движутся в круге[1].

Далее Эмпедокл предвосхищает теорию вечного и нетленного космоса, развитую позднее мегарскими философами:

> Все те стихии равны и все одинако исконны,
> Всякой, однако, и должность иная, и свойство иное:
> В круговороте времен есть доля господства для каждой,
> К ним ничто не прибавится, в них ничто не убудет:
> Если бы гибли они беспрерывно, то их бы не стало,—
> Что и откуда тогда бы вселенную снова воздвигло?
> <...>
> Ибо из них — всё то, что было, что есть и что будет,
> Ибо из них — деревья, из них стали мужи и жены,
> Дикие звери, и птицы, и в море живущие рыбы,
> Также и боги из них, многочтимые, долгие днями[2].

Возникает искушение рассматривать эти элементы, персонифицированные в небесных и хтонических богах и богинях, как еще одну группу божеств, эквивалентную первородному племени кабиров.

Говорили, что учителем Эмпедокла был философ-пифагореец Телавг. Телавга называли сыном Пифагора, но кажется более вероятным, что речь идет не о родном сыне, а о посвященном преемнике. В этом случае Эмпедокл оказывается прямым

1 Эмпедокл, «Очищения», здесь и далее цитируется в пер. Г. Якубаниса.

2 Там же.

наследником оккультной традиции, идущей от Пифагора. Впрочем, следует отметить, что в историях о жизни и смерти Эмпедокла фигурирует некое «письмо Телавга», или Иелавга, сына Пифагора, адресованное Филолаю, еще одному знаменитому пифагорейскому философу, который выдвинул своеобразную гелиоцентрическую теорию Солнечной системы и, возможно, сочинил те самые «Золотые стихи», авторство которых позднее приписали Пифагору. Так или иначе, Эмпедокл придерживался учения о переселении душ, восходящего к Пифагору, и других пифагорейских теорий, а также пользовался большим почетом среди поздних пифагорейцев. Сохранился фрагмент, в котором он перечисляет свои предыдущие воплощения:

> Был уже некогда отроком я, был и девой когда-то,
> Был и кустом, был и птицей, и рыбой морской бессловесной[1].

Подобные преображения (как и те, которые предание приписывает Пифагору) напоминают о символах мистериальных культов. Душу, переселяющуюся из тела в тело и способную достичь божественности, Эмпедокл называл даймоном. Доддс предполагает тождество этого духа, обитающего в разных телах, с душой шамана, которая может отделяться от тела при жизни и переходить из одной инкарнации в другую. Первоначально считалось, что не всякая душа способна переселяться из тела в тело, но что именно таким способом маг сохраняет силу, накопленную в предыдущих жизнях. Нередко утверждают, что Пифагор заимствовал эту теорию из Индии, но никаких доказательств этому нет; местное ее происхождение представляется гораздо более вероятным. С учением о накапливаемых из жизни в жизнь знаниях и могуществе связан следующий фрагмент, в котором Эмпедокл, согласно традиции, описывает Пифагора:

> Жил среди них некий муж, умудренный безмерным познаньем,
> Подлинно мыслей высоких владевший сокровищем ценным,
> В разных искусствах премудрых свой ум глубоко изощривший.

1 Эмпедокл, «Очищения», здесь и далее цитируется в пер. Г. Якубаниса.

Ибо как скоро всю силу ума напрягал он к познанью,
То без труда созерцал любое, что есть и что было,
За десять или за двадцать провидя людских поколений[1].

Как уже отмечалось, Горгий, ученик Эмпедокла, называл своего учителя гоэтом, не вкладывая в это слово ничего предосудительного. Эмпедокл стяжал славу божественного мага и, судя по следующему фрагменту, сам считал себя таковым:

Други! о вы, что на склонах златого холма Акраганта
Град обитаете верхний, ревнители добрых деяний,
Злу непричастные, гостю почтенному кров и защита, —
Ныне привет вам! Бессмертному богу подобясь средь смертных,
Шествую к вам, окруженный почетом, как то подобает,
В зелени свежих венков и в повязках златых утопая.
Сонмами жен и мужей величаемый окрест грядущих,
В грады цветущие путь направляю; они же за мною
Следуют все, вопрошая, где к пользе стезя пролегает:
Те прорицаний желают, другие от разных недугов
Слово целебное слышать стремятся, ко мне обращаясь, —
Подлинно, тяжких страданий исполнена жизнь злополучных![2]

Другой дошедший до нас фрагмент прямо говорит о магических практиках:

Зелья узнаешь, какими недуги и дряхлость врачуют:
Только тебе одному я открыть это все собираюсь.
Ветров, не знающих отдыха, ярость удерживать будешь,
Что, устремляясь на землю, порывами пажити губят;
Если ж захочешь — обратное вновь их воздвигнешь дыханье.
Мрачного после ненастья доставишь желанное вёдро,
В летнюю засуху зелень питающий вызовешь ливень:
Хлынет потоками влага с эфирного неба на землю.
Даже усопшего мужа вернешь из чертогов аида![3]

1 Эмпедокл, «Очищения», здесь и далее цитируется в пер. Г. Якубаниса.

2 Там же.

3 Эмпедокл, «О природе».

Иными словами, Эмпедокл утверждал, что маг, понимающий силы элементов, может призвать дождь или засуху магическими песнопениями. Его ученики верили, что он может научить их, как поднять или прекратить ветер, как вызвать ливень или расчистить небо от туч, как защититься от болезней и старости и как воскрешать умерших. И примечательно, что воскрешение здесь описывается как возвращение из Аида — обратное путешествие души из загробного мира.

Неудивительно, что авторы позднейших трактатов по магии и каббале ссылались на Эмпедокла с огромным уважением. Корнелий Агриппа упоминает его в своей «Оккультной философии» несколько раз, а знаменитый астролог и маг Михаил Шотландец (Микеле Скотто) цитирует его как одного из своих учителей. Прославленное изречение Эмпедокла о Боге как бесконечной сфере или окружности приводит аббат Тритемий. Упоминания об этом древнегреческом философе встречаются в трудах Джордано Бруно и Пико делла Мирандолы, а также в «Каббалистическом искусстве» Рейхлина.

В XIX веке последователи механистического рационализма создали чудовищно искаженную картину взаимоотношений между древнегреческой философией и магией, и избавиться от этой ложной концепции нелегко. Уже в XX столетии некоторые исследователи пытались со своих рационалистических позиций «обелить» Эмпедокла, изображая его бывшим магом, отрекшимся от заблуждений и обратившимся к науке. Другие, как Бертран Рассел, рассматривали его как ученого, на старости лет искавшего утешения в магической религии. Авторы подобных теорий всегда стараются сохранить лишь то, что им по вкусу, и сбросить со счетов то, чего они не одобряют. Однако во всех этих измышлениях нет нужды, и более того, они не находят ни малейшего подтверждения в первоисточниках. Совершенно очевидно, что Эмпедокл совмещал в своей жизни несколько ролей. В качестве гоэта (возможно, последнего, кто носил это звание с гордостью) он был одновременно и поэтом, и прорицателем, и врачевателем, и натуралистом, и философом, и проповедником, и советчиком. Деятелей такого рода он описывает в своей поэме «Очищения» и, вне сомнения, причисляет себя к ним:

> После всего выходят из них пророки, поэты,
> Или врачи, иль вожди для людей, населяющих землю,

> И возрастают из них, как боги, обильны почетом...
> ...Купно с другими бессмертными стол и очаг разделяя,
> Скорбей не зная людских, не причастны томящей кручине[1].

Поэзию Эмпедокла ценили столь высоко, что читали ее на Олимпийских играх наряду с сочинениями Гомера и Гесиода. Он был страстным противником тирании и выступал против аристократического строя в своем родном городе. Он основал школу риторики на Сицилии и умел успокаивать разум и смягчать телесные боли музыкой. Сохранилась знаменитая легенда о том, как он предотвратил убийство с помощью музыки:

> ...когда один юноша поднял меч [против судьи Анхита], <...> приговорившего к смерти его отца, <...> Эмпедокл <...>, имея под рукой лиру, изменил мотив и, исполнив какой-то успокаивающий и умиротворяющий напев, тотчас, как сказал поэт, влил «соку гореусладного, миротворящего, сердцу забвенье бедствий дающего» [Гомер, «Одиссея», 4.793—794] и спас своего гостеприимца Анхита от смерти, а юношу от убийства[2].

Владение подобной музыкальной магией приписывалось многим гоэтам и основателям мистерий.

Много смертей Эмпедокла

Обладая столь великим могуществом, Эмпедокл пришел к выводу, что достиг божественности уже при жизни. Сведения о смерти этого философа и о том, в каком возрасте он скончался, чрезвычайно противоречивы и представляют собой такую же смесь рационализаций с мистической символикой, что и предания о его жизни. Тем не менее, самые ранние из дошедших до нас рассказов приписывают ему физический переход с человеческого уровня на божественный. Одна из легенд гласит, что Эмпедокл, как и Пифагор, был воплощением бога-лучника Аполлона.

1 Эмпедокл, «Очищения».

2 Ямвлих, «О Пифагоровой жизни», XXV.113, пер. И. Мельниковой.

Все более поздние литературные источники, содержащие информацию об Эмпедокле (как рационалистические, так и мистические или мифологические), производят впечатление неудачных попыток истолковать древние и уже не вполне понятные предания. Современные исследователи, разумеется, подходят к подобным материалам с осторожностью. Например, Чарльз Кан отказывается классифицировать Эмпедокла как шамана на том основании, что мы не располагаем легендами о путешествии Эмпедокла в загробный мир и возвращении из мертвых. Бесспорно, осторожность в академических исследованиях полезна и необходима, да и термин «шаман» в контексте древнегреческой культуры не всегда уместен. Но тем не менее исключительная неоднозначность рассказов о смерти Эмпедокла наводит на интересные мысли. В этих рассказах сохранились явственные следы символики, типичной как для шаманизма, так и для греческих мистерий.

> Гераклид, сообщив о бездыханной женщине и о той славе, которую стяжал Эмпедокл возвращением покойницы к жизни, говорит, что он совершал жертвоприношение близ Писианактова поля, созвав к нему некоторых друзей, среди которых был и Павсаний. После пира гости отошли отдохнуть в стороне, под деревьями ближнего поля или где кому хотелось, а Эмпедокл остался лежать, где лежал; когда же наступило утро и все встали, его уже не было. Стали искать, допрашивать слуг, те твердили, что ничего не знают, как вдруг кто-то сказал, что в полночь он услышал сверхчеловечески громкий голос, призывавший Эмпедокла, вскочил, увидел небесный свет и блеск огней, и больше ничего. Все были поражены; Павсаний вышел и послал лошадей на розыски, но потом велел всем отложить тревогу, ибо, сказал он, случилось такое, что впору лишь молиться: Эмпедоклу теперь надо приносить жертвы как ставшему богом[1].

Чье повеление передал Павсаний, не уточняется, но сам тон и дух его речи заставляют предположить, что он получил некое откровение или оракул. Далее Диоген сообщает:

1 Диоген Лаэртский, «О жизни философов», кн. VIII, «Эмпедокл».

> Гиппобот уверяет, что, встав от застолья, Эмпедокл отправился на Этну, а там бросился в огнедышащее жерло и исчез — этим он хотел укрепить молву, будто он сделался богом; а узнали про это, когда жерло выбросило одну из его сандалий, ибо сандалии у него были медные. Но Павсаний с таким рассказом не согласился[1].

Многие авторы указывали, что эта версия восходит к недоброжелательному и рационализирующему пересказу более древних преданий. Напомним, что Деметра, отправляясь на розыски Персефоны, похищенной именно на Сицилии, зажгла факелы от огня Этны. Кроме того, непарная сандалия — символ Гекаты, тесно связанной с обеими этими богинями.

Диодор Эфесский тоже приписывает Эмпедоклу гибель в огне; однако в «письме Телавга» утверждается, что Эмпедокл поскользнулся, упал в море и утонул. Еще одна версия, приведенная у Диогена, принадлежит Деметрию Трезенскому: «... будто он, по Гомерову слову,

> ...к бревну потолка прикрепивши отвесную петлю,
> Горло стянул, а душа изошла в чертоги Аида
> ["Одиссея", XI.278]».

Вдобавок, Диоген упоминает предание, по которому Эмпедокл умер, упав с колесницы по дороге на какое-то празднество в Мессену: «...сломал себе бедро, от этого захворал и скончался <...>; гробница его находится в Мегарах». На какое именно празднество он ехал, не сообщается; быть может, то были торжества в память о Пелопсе, в мифах о котором фигурируют и падение с колесницы, и смерть от утопления? Местом смерти Эмпедокла одни версии называют Сицилию, а другие — Пелопоннес (часть материковой Греции к югу от Истма). В частности, Пелопоннес указывается в версии с гибелью от падения с колесницы. В ходе колонизации между этой областью Греции и Сицилией сложились тесные связи; так, на Сицилии были свои Мессена и Мегары, названные в честь пелопонесских городов.

---

1 Там же.

В греческих Мегарах к тому времени уже была одна знаменитая гробница — усыпальница Мегарея, сына Посейдона. Рядом с захоронениями подобного рода обычно возникали оракульные святилища. Кроме того, в Мегарах почитали Аполлона в образе каменной пирамиды, чему находятся близкие параллели во фракийских культах. Эмпедокл идеально подходил на роль покровителя оракульной усыпальницы как при жизни, в качестве прорицателя, так и после смерти, в качестве даймона при святилище. В некоторых подобных святилищах (например, Трофония) для получения ответа вопрошающий должен был совершить символическое путешествие в загробный мир и обратно. Но как бы то ни было, литературная традиция приписывает Эмпедоклу (обогатившему оккультную философию учением о четырех стихиях) четыре рода смерти: от огня, от воздуха (повешение), от воды и от земли (падение с колесницы). Разумеется, предания о смерти Эмпедокла сочинены не им самим (точно так же, как рассказ о смерти Моисея в Пятикнижии написан не самим Моисеем), однако сбрасывать их со счетов не следует. Они отражают те верования и традиции, которым Эмпедокл следовал при жизни. А тем осторожничающим ученым он сам, пожалуй, мог бы ответить, что, вопреки их опасениям, ему все же довелось потолковать с Аидом и найти общий язык.

Стихия	Ритуальная смерть	Божество	Божество (вариант)
Огонь	Вулкан	Зевс	Аид
Воздух	Повешение	Гера	Зевс
Земля	Падение с колесницы	Аид	Гера
Вода	Утопление	Нестида	Нестида

Стихия	Сторона света	Знак зодиака	Имя короля стихии	Варианты имени	Род стихийных духов
Огонь	Восток	Овен	Баэль	Ориенс, Магоа	Саламандры
Земля	Юг	Козерог	Амаймон		Гномы
Воздух	Запад	Весы	Паймон		Сильфы
Вода	Север	Рак	Аритон	Эгин, Гаап	Ундины

Матери таинств

Se gu melai: поцелуй Исиды — как мед[1].

Мелисса

Сара Айлз Джонстон в своей книге «Беспокойные мертвецы» связывает возникновение орфических гоэтов с известными изменениями в традиционных погребальных обрядах, а эти изменения, в свою очередь, были обусловлены зарождением городов-государств. Одновременно преобразился и культ героев: если раньше в каждом роду поклонялись своему герою, то теперь возникли более крупные, общегражданские культы героев, покровительствовавших городам. Что касается погребальных обрядов, то они стали регламентироваться гораздо строже: особые ограничения теперь определяли, к примеру, число плакальщиц, стоимость похорон, продолжительность заупокойных ритуалов и так далее. И дело было не только в том, что чересчур пышные похороны могли вызывать зависть и возмущение у сограждан. Главная опасность традиционных погребальных обрядов, возглавляемых женщинами, заключалась в том, что они могли спровоцировать кровную месть и повергнуть общество в хаос междоусобицы. Слова «гоэт» и «гоэтия» происходят от слова γόος, означавшего, собственно, «завывания», или «причитания», женщин-плакальщиц. И главное из тех изменений, которым подверглись погребальные обряды, отражено в том, что к «женскому» корню γο —прибавился мужской суффикс -ης, -ητες. Это лингвистическое нововведение указывает на возникновение новой мужской профессии, примечательно совпавшее по времени с зарождением орфизма. Искусство гоэта непосредственно связано с погребальными обрядами нового образца. В круг его обязанностей входило и упокоение, и вызывание духов, и любая другая работа с силами загробного мира.

1 Строка из заклинания на мистическом «лунном» языке (Алистер Кроули, «Видение и Голос», видение 2-го Эфира).

Отметив эту поворотную точку в развитии западной магии как литературной традиции, основанной на орфических книгах, магических папирусах и гримуарах, важно все же не поддаться на соблазн сверхупрощения и прежде всего не заявить, что магические элементы в погребальных обрядах появились только в этот момент и не раньше. Кроме того, необходимо принять к сведению, что мужчина-гоэт первоначально не воспринимался как маргинальная фигура, но действовал индивидуально, а не как представитель какого-либо общегородского культа. Напомним, однако, что задача нашего исследования — воссоздать картину древних магических традиций путем экстраполяции позднейших тенденций. Так что, с учетом приведенных оговорок, эти события можно считать поворотной точкой в истории, которую мы стремимся воссоздать, — той самой точкой, в которой хтоническая религия облеклась, так сказать, новым телом, но все еще отбрасывала старую тень.

Мужчина-орфик, духовный искатель, вооруженный магическими знаниями и, как полагают, немало перенявший от персидских магов, — персонаж одновременно и противоречивый, и чрезвычайно важный. По существу, это греческий шаман, стоящий у самых истоков гримуарной традиции. За спиной у него маячит темное альтер-эго: женское, вакхическое, представляющее и даже олицетворяющее те традиции, которые отныне воспринимались как враждебные полису. Орфизм реформировал или трансформировал дионисийские традиции, в которых прежде ведущую роль играли женщины — безумные менады. С тех пор подлинный менадизм встречался все реже и реже, постепенно сводясь к отдельным и недолгим случаям возвращения к старой обрядовости, и в конце концов выродился в художественную условность: на смену женщинам из плоти и крови пришли чисто мифические персонажи. Сходство менад из свиты Диониса с карающими фуриями несет в себе память о том, что некогда женщины играли главную роль и в домашнем культе, сосредоточенном вокруг очага и могилы, и в деревенской магии. Этих женщин и роли, которые они исполняли в ритуале, во многих отношениях можно считать архетипическими предшественницами магии более позднего типа. Иными словами, персонажи, подобные Медее и Мелиссе, — прообразы гоэтов-мужчин, чьи практики во многом основывались на персидской модели.

На каком-то этапе имя «Мелисса», буквально означающее «пчела», связалось с одной из дельфийских жриц, но возникло оно задолго до учреждения культа Аполлона в Дельфах. Это имя среди прочего было титулом жриц Артемиды, Реи и Кибелы. Оно фигурировало в культах богинь, связанных с Малой Азией и Критом, — культах, через посредство которых греческая религия впитала минойские и хеттские влияния. В Кноссе, столице Критского царства, обряды в честь богов неизменно включали в себя подношения медом. В Диктейской пещере, где вырос младенец-Зевс, обитали пчелы, кормившие его медом. Здесь Мелиссу почитали как дочь Мелисса, критского царя, и сестру Амалфеи, вместе с которой она вскормила Зевса козьим молоком (по другой версии, Амалфея была козой). По преданию, Мелисса первой из людей нашла пчелиный мед; одни утверждают, что затем она превратилась в пчелу (чем и объясняется ее имя), другие — что она сама стала медом. С пчелами и медом с древнейших времен связывалось великое множество легенд и поверий. Во многих из них фигурирует имя Мелиссы, но здесь мы сможем рассмотреть лишь небольшую часть этой традиции.

Миф о младенчестве Зевса известен в различных вариантах, но два мотива всегда остаются неизменными: стражники, охранявшие пещеру, и мед, которым Зевса вскармливали пчелы или нимфы, носившие «пчелиные» имена. Стражники Диктейской пещеры, куреты или корибанты, спутники или эквиваленты дактилей, — прообразы тех мужчин, с которыми впоследствии стал ассоциироваться термин «гоэтия». А с пчелиных нимф в мифологии начинается ряд значимых женских персонажей, носивших имя «Мелисса». Исторические источники и археологические данные также указывают на то, что обладательницы этого имени с древнейших времен были связаны с обрядами и мистериями, подобными тем, на которые намекает миф о Зевсе-младенце. Чтобы проникнуть глубже в смысл этих таинств, рассмотрим истории нескольких исторических тезок критской Мелиссы.

Одна такая женщина, жившая в VII веке до н. э., была женой Периандра — тирана Коринфа, правившего в 625 — 585 гг. до н. э., и, судя по всему, погибла от его руки во время беременности. Позже Периандр отправил послов к оракулу мертвых на реке Ахерон вопросить о потерянном закладе, который

оставил ему некий чужеземец. Тень Мелиссы явилась, но отказалась ответить, где искать заклад, и добавила, что она «совершенно нагая и мерзнет, так как ее погребальные одежды не были сожжены вместе с ней и потому она не может ими пользоваться. В доказательство правдивости своих слов она напомнила Периандру, что он положил хлебы в холодную печь. <...> для него ответ Мелиссы был достоверным доказательством, так как он совокупился с ней уже бездыханной»[1].

Получив это известие, Периандр повелел всем коринфским женщинам собраться в храме Геры. «Они пришли, нарядившись в свои самые красивые одежды, как на праздник, а тиран поставил своих телохранителей в засаде и велел догола раздеть всех женщин без разбора, как свободных, так и служанок. Одежды же их Периандр приказал бросить в яму и сжечь, призывая Мелиссу»[2]. После этого Периандр вновь отправил послов к оракулу, и тень Мелиссы открыла ему, где искать потерянный заклад.

Эти сведения дошли до нас от Геродота, Диогена Лаэртского, Плутарха и некоторых других авторов. По всей вероятности, мы имеем дело с частичной рационализацией: писатели более поздних эпох не могли в полной мере понять и правильно истолковать древние религиозно-магические элементы этой истории. Несомненно, однако, следующее: Периандр учредил в Коринфе дионисийские мистерии и поддерживал тесные связи с некромантическим оракулом в Феспротии (свидетельство последнему — найденная там в большом количестве коринфская керамика). Дэниэл Огден в книге «Греческая и римская некромантия» приводит аргументы в пользу того, что у Мелиссы был свой культ и, возможно, ее почитали как покровительницу этого оракула. Кроме того, высказывалось предположение, что позднейшие авторы приписали действиям Периандра в храме Геры неверную причину и что в действительности это был не просто произвол тирана, а символический акт учреждения некоего нового культа или преобразования старого. Вероятность этого велика: ведь даже Геродот (иногда шедший на поводу у своих политических пристрастий) писал двумя столетиями позже этих событий, а Плутарх и вовсе

1 Геродот, «История», V.92, пер. Г. Стратановского.

2 Там же.

в I веке нашей эры. Нет сомнений, что Периандр — чрезвычайно сложная и экзотическая фигура. Он жил и действовал в контексте архаического периода, так что многие его поступки практически не поддавались объяснению для интеллектуалов-рационалистов классической эпохи. Не меньшую загадку он представляет и для современного менталитета: с одной стороны, его обвиняли в том, что он отправил на оскопление триста мальчиков из знатных семейств острова Керкира; с другой — самые ранние авторы включали его в число семи греческих мудрецов. Коринф издревле поддерживал тесные связи с Востоком и не был затронут наследием микенской культуры. Коринфский культ Геры также уходил корнями в далекое прошлое: именно этой богине были посвящены самые древние и самые священные греческие храмы, в том числе большое святилище в Перахоре, построенное не позднее VIII века до н. э. Судя по всему, именно в этом храме неподалеку от Коринфа Периандр и повелел собраться женщинам, чтобы затем снять с них одежды для заупокойного подношения Мелиссе. Если это и впрямь происходило в ритуальном контексте, то напрашивается параллель с римскими обрядами Фортуны Вирилис, в которых женщинам предписывалась ритуальная нагота. Интересно, что Аполлоний Тианский, реформатор пифагореизма, посещал Коринф. Согласно легенде, там он подвергся нападению ламии, принявшей обличье прекрасной финикиянки, и не исключено, что за этим образом также стояла Мелисса.

Кроме того, Коринф поддерживал тесные связи с Сиракузами (своей колонией на острове Сицилия) и с культовыми центрами Персефоны, действовавшими как на Сицилии, так и в Феспротии. Высказывалось предположение, что история Мелиссы — это не что иное, как попытка демифологизации Персефоны. В этой истории действительно присутствуют некоторые признаки мифа, но исторические данные указывают на то, что взаимосвязь между Мелиссой и Персефоной была более сложной. Сервий в комментарии к стиху I.430 «Энеиды» упоминает коринфскую женщину по имени Мелисса, которая была посвящена в мистерии Деметры, но не пожелала открывать таинства богини другим. Ее разорвали на части; Деметра покарала убийц, а из останков Мелиссы вывела пчел. Здесь перед нами намек на контекст, связанный одновременно и с мистериальными обрядами, и с некромантическими оракулами.

Возможно, отношения Периандра с Мелиссой были сродни ритуальным бракосочетаниям жены басилея с Дионисом, матерью которого в орфической теологии считалась Персефона. Гибель обеих этих Мелисс напоминает также о казни фиванской царицы Дирки, которую после смерти стали почитать как покровительницу мистериальных обрядов. Контекст этих традиций включает в себя ритуализованное похищение «Аидом» и/или брак с «Дионисом»; и то и другое, в свою очередь, предполагает нисхождение «Мелиссы» в подземный мир.

Огромным почтением в Коринфе пользовался Гелиос. Столь же высоко его чтили только на Родосе, тогда как для материковой части Греции это необычное явление. По преданию, именно в Коринф бежала Медея, когда покинула Ясона на колеснице, запряженной драконами, а колесница эта принадлежала Гелиосу, деду Медеи. Ясон и Медея сочетались браком в пещере Макриды, дочери Аристея, а Макрида в свое время вскормила младенца-Диониса медом и, таким образом, тоже имела право на титул «Мелисса». В связи с медом, пещерами и древними обрядами стоит также процитировать рассказ Павсания о том, как было открыто прорицалище Трофония:

> Это место прорицателей прежде не было известно беотийцам и открыто оно было по следующему случаю. Беотийцы от каждого из своих городов послали к богу в Дельфы священное посольство, так как уже второй год бог не давал им дождя. Когда они просили дать им указание, как избавиться от засухи, Пифия велела им идти в Лебадию к Трофонию: у него они найдут исцеление от этой беды. Придя в Лебадию, они никак не могли найти прорицалища. Но тут некто Саон из города Акрайфния, он был и по возрасту самый старший из феоров (священных послов), увидал рой пчел и велел следовать за ними, куда они полетят. Он тотчас увидал, что пчелы влетели в эту скважину земли; с ними вместе он спустился в прорицалище[1].

Беотийские религиозные традиции, как известно, уходили корнями в глубокую древность, так что упоминание о

1 Павсаний, «Описание Эллады», IX.XL.1.

дельфийском оракуле, сравнительно молодом, вызывает некоторые подозрения. Город Лебадия располагался у подножия горы Геликон, на которой, по преданию, Музы обитали до того, как Аполлон завладел святилищем в Дельфах. Воины из Лебадии участвовали в Троянской войне. Основателем города считался Аспледон — сын Посейдона и нимфы Мидеи. Известно два города, носивших названия Мидея, — один в Беотии, другой в Ликии. В классическую эпоху Ликию почитали как зимнее пристанище Аполлона, но культ этого бога развился и процветал там еще задолго до того, как главным его святилищем стали Дельфы.

Медея как Багряная Жена

В первой книге этого исследования я отмечал, что священные писания Телемы и некоторых других современных магических движений имеют прецеденты в орфической литературе. Любопытно, что в самой известной из святых книг Телемы, «Книге Закона», часто упоминается Багряная Жена, но имя ее не приводится (имя «Бабалон» она получила в Телеме лишь позднее). Весьма вероятно, что на протяжении веков Багряная Жена сменила множество имен. Бесспорно, в контексте библейской традиции «Бабалон» — чрезвычайно уместное имя, однако в античной традиции обнаруживается другой, не менее интересный вариант. Имя «Бабалон» произведено от названия Вавилона, города пороков, олицетворением которого в Откровении святого Иоанна выступает Багряная Жена. Однако описание Багряной Жены в «Книге Закона» (III.43—45) не дает прямых оснований для полного ее отождествления с блудницей из Апокалипсиса:

> Да остережется Багряная Жена! Если жалость, сострадание и слабость посетят ее сердце; если оставит она работу мою для забавы былыми усладами, она узнает возмездие мое. Я погублю ее дитя рукою своею; я охлажу ее сердце; я извергну ее из среды людей; как забитая презренная блудница поползет она по улицам сквозь сумрак и дождь и умрет в холоде и голоде.

> Так пусть же восстанет она горделиво! Пусть идет за мною моим путем! Пусть вершит деянья порока! Пусть умертвит свое сердце! Пусть будет распутной и дерзкой! Пусть облечется драгоценностями и роскошными одеяньями и пусть не знает стыда ни пред кем из людей!
>
> Тогда вознесу я ее на вершины власти; тогда произведу от нее дитя, что будет сильнее всех царей земных. Я наполню ее радостью; моею силой будет видеть она и разить в служении Ну; она достигнет Хадита.

Прежде чем приступить к исследованию этих стихов, стоит отметить, что угрозы в адрес Багряной Жены (стих 43) и обещания награды (стих 44) сходятся между собой во многих деталях: если она не «умертвит свое сердце», то будет «извергнута из среды людей» и так далее. И мы с полным правом можем утверждать, что Медея соблюла все перечисленные здесь условия, избежав ловушек и ограничений, которые традиционно ассоциируются с женским полом: ни отец, ни муж, ни даже дети (которых, по одной из версий мифа, она убила собственной рукой) не помешали ей «вознестись на вершины власти». Ответ на вопрос, достигла ли она Хадита (имя которого происходит от титула египетского бога солнца), очевиден: мы помним, что Медея — внучка Гелиоса. Но что касается Ну, в образе которой воплощены более традиционные представления о богине, то Медея в силу своих солярных характеристик отличается от нее очень заметно. В греческой литературе и искусстве Медея изображалась как своевольная, откровенная и смелая красавица в пышном варварском наряде, не имеющая ничего общего с типичным для классической Греции образом женщины как скромного, покорного существа, застенчиво прячущегося под покрывалом.

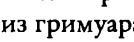
Как искусная волшебница, сведущая в свойствах трав, Медея имеет все права на владение Цирцеиной чашей, несущей опьянение и преображение. Она охотно берется за всякое дело, требующее магии, и само ее имя неразрывно связалось с магией в позднейшей литературной традиции. Ее первая брачная ночь, которую она проводит с героем в пещере посвящений, на ложе, покрытом священным золотым руном, дает ей еще одно основание притязать на звание Багряной Жены. В сущности, самой историей своей жизни Медея бросает обратно в

лицо Зверю все его мрачные угрозы и предостережения. Ясон в своих попытках вписаться в традиционную роль респектабельного гражданина терпит поражение и сходит с пути героя, но Медею это ни в коей мере не останавливает. Более того, лавры победителя (на которых он намеревался почить) в свое время достались ему исключительно благодаря Медее и ее магической силе.

Параллели из магических папирусов

Нижеследующий ритуал из магических папирусов имеет много общего с обрядами народной и гримуарной магии. Некоторые из таких параллелей выделены в цитате полужирным курсивом. После отрывка из папирусов я привожу для сравнения ритуал из гримуара «Кабалла Черной Курочки».

PGM XI.a 1—40

Старая служанка Аполлония Тианского. Возьми череп Тифона [т. е. осла] и начертай на нем такие знаки кровью черной собаки: «  *саберра* (σαβερρα)». Затем, придя в [удобное] место на берег реки или моря или *на распутье трех дорог, в полночь* положи этот череп на землю и, наступив на него левой ногой, скажи следующее.

Заклинание (λόγος)[1]: «Эрифия[2] Меропэ гергирō хэтира анаперух ... люрōфия гэгетира лолюн гугōгэ амбраха би ... аэбилэ маритайя мпрухе Абель этираō ап ... ōхориэла моретира фехирō ōсри фойра амери ... фэ утэра гаргергиō титемюмэ мэрапсэхир аōрил (Ἐριθυῖα Μερόπη γεργιρω χηθιρα αναπερουχ ... λυρωφια υηγεθιρα λολυν γουγωγη αμβραχα βι ... αεβιλη μαριθαια μπρουχε Ἀβήλ εθιραω απ ... ωχοριηλα μωρηθιρα φεχιρw ωσρι φοιρα αμερι ... φη ουθηρα γαργεργιω τιθεμυμη μηραψηχιρ awριλ). Приди, явись, о богиня, именуемая Хозяйкой Дома[3]!»

Сказав это, увидишь восседающую верхом на осле женщину прелести необычайной, красоты небесной, невыразимо прекрасную и юную. Как только увидишь ее, поклонись до земли и скажи: «Благодарю тебя, госпожа, за то, что явилась мне. Признай меня

---

1 λόγος.

2 По мнению некоторых исследователей, это имя следует понимать как «Илифия» (εἰλείθυια, богиня-родовспомогательница). Это и следующее сразу за ним имя, «Меропа», ассоциировались с египетской богиней Нефтидой.

3 «Хозяйка дома» — буквальный перевод египетского имени Нефтиды, сестры Исиды и (как подчеркивается в этом заклинании) супруги Сета.

достойным, да будет благосклонно ко мне твое величество, и исполни то, чего я от тебя пожелаю».

Богиня же спросит тебя: «Что у тебя на уме?»

А ты скажи: «Ты нужна мне для службы в обычной жизни».

И она тотчас же сойдет с осла, и совлечет с себя красоту, и сделается старухой[1]. И старуха эта скажет тебе: «Я буду служить тебе и оставаться с тобою рядом».

Сказав это, богиня вновь облечется своей красотой, которую только что сбросила, и взмолится, [чтобы ты ее отпустил].

Но ты скажи богине: «Нет, госпожа! Я не отпущу тебя, пока не получу ее [т. е. старуху]».

И лишь только богиня это услышит, она подойдет к той старухе, и вынет у нее коренной зуб, и [вырвет] зуб у своего осла[2], и даст тебе оба [зуба]; и после того старуха уже не сможет уйти от тебя, если только ты сам ее не отпустишь. И с того часа ты обретешь благие дары в изобилии, ибо она будет исполнять все, чего только пожелает твоя душа. И будет охранять все твое [имущество] и среди прочего дознаваться, не злоумышляет ли кто-нибудь против тебя[3].

И будет доносить тебе обо всем, и никогда тебя не покинет — столь великую она будет питать к тебе благосклонность. Впрочем, если ты пожелаешь, то есть способ отпустить ее (но ни в коем случае этого не делай!). Возьми ее зуб и зуб того осла и, разведя костер, брось их в огонь, и старуха возопит и исчезнет бесследно. Но даже и не помышляй о том, чтобы отпустить ее, ибо вновь призвать ее невозможно.

Однако богиню отпусти, когда убедишься, что она оставила старуху служить тебе, [и для отпущения] скажи так: «*Менерфер фиэ прахэра люлори мелихарэ нэхира* (μενερφερ φιη πραχηρα λιιλωρι μηλιχαρη νηχιρα)». Когда старуха услышит эти слова, богиня сядет на осла и удалится.

---

1 С этого момента богиня раздваивается, представая одновременно в обличьях старухи и красавицы.

2 Для обозначения ослиного зуба здесь использовано слово μύλη, в буквальном смысле означающее «жернов».

3 Или: «...что именно против тебя злоумышляют».

Талисман (φυλακτήριον) для этого обряда: череп осла. И, оправив ослиный зуб в серебро, а старухин зуб — в золото, носи их с собою всегда; и если сделаешь это, старуха не сможет тебя покинуть. Этот обряд проверен на деле.

Ближайшую параллель этому ритуалу составляет, пожалуй, обряд достижения невидимости, описанный в «Истинном гримуаре»[1] и в «Каббале Черной Курочки», хотя читатели, знакомые с гримуарной магией и народными магическими традициями, наверняка припомнят и другие подобные методы.

Каббала Черной Курочки, именуемая также Тайною Черной Курицы

Найди черную курочку, которая еще никогда не неслась и к которой не приближался ни один петух, и возьми ее так, чтобы она при этом не закудахтала. Это следует сделать в одиннадцать часов вечера. Когда курочка уснет, схвати ее за шею и сдави так, чтобы она не смогла издать ни звука. Затем ступай по большой дороге на *перекресток двух дорог* и там *ровно в полночь* начерти круг кипарисовым жезлом; встань в центре и разрежь тело курочки пополам, трижды повторив эти слова: «Eloim, Essaim, frugativi et appelavi»[2].

Затем повернись лицом к востоку, преклони колени и вознеси молитву. Исполнив это, прочти Великое Воззвание, и тогда пред тобою явится нечистый дух, облаченный в алый плащ со свинцовым блеском, желтый сюртук и штаны водянисто-зеленого цвета. Голова у него будет как у собаки, уши — как у осла, и на голове — два рога; ноги же будут как у коровы. Он спросит, чего ты желаешь. Скажи ему, что тебе угодно более всего на свете, ибо он будет не способен тебе отказать и сделает тебя пребогатым, а значит и счастливейшим из смертных[3].

1 Истинный гримуар. Красный дракон. М.: Ганга, Телема, 2012, стр. 81—82.

2 Искаж. лат. «Элоим, Эссаим, приди с миром и говори со мной».

3 Ср.: *Истинный гримуар*, указ. соч., стр. 108.

Отношения между Нефтидой и старухой в первом из описанных обрядов — яркий пример самой идеи, на которой основываются обращения к демону с просьбой о фамильяре (точнее говоря, паредре, или магическом помощнике), одновременно и связанном с ним, и отдельном от него. Место проведения ритуала — на распутье дорог — чрезвычайно характерно для этого рода магии и свидетельствует о том, что магические традиции Средневековья и Нового времени сохранили некоторые связи с магией античности. И даже заключительная фраза ритуала, описанного в папирусах (заверение в том, что этот обряд проверен на деле), выглядела бы совершенно уместно и в каком-нибудь средневековом гримуаре (см., например, «Книгу Тайн» Альберта Великого и другие источники).

Геката и дактили в магических папирусах

Истоки обряда, описанного в PGM LXX.4—25, очевидным образом следует искать в мистериальной культовой практике. Редактор магических папирусов Ганс Дитер Бец посвятил этому обряду отдельную статью. Он датирует его концом III или началом IV века н. э. и обнаруживает в нем элементы мистериального ритуала катабазиса. Как и подобает ритуалу катабазиса, обряд начинается со спуска в пещеру, которую, разумеется, можно сравнить с пещерами в прорицалище Трофония и других некромантейонах и даже с гротом Митры.

При этом ритуал из папирусов озаглавлен как «Заговор Гекаты Эрешкигаль от страха перед наказанием [в загробном мире]». Уже одно это свидетельствует о его эсхатологической подоплеке. Ритуал содержит немало интересных подробностей и в том числе описание двух аутентичных защитных жестов. Он предваряется двумя краткими заклинаниями (PGM LXIX.1—3 и PGM LXX.1—4), содержащими схожие словесные формулы. В первом из них предписывается повторить дважды слово *фнунебеэ*, а затем сказать: «Дай мне свою силу, ИО АБРАСАКС, дай мне свою силу, ибо я — АБРАСАКС», — и повторить всю эту формулу целиком семь раз,

держа собственные большие пальцы[1]. Второе заклинание, от которого, по-видимому, сохранился только фрагмент, описывается как «филактерия и заговор на победу»: «*Аа эмптоком басим*, защити меня». Далее следует собственно ритуал, в начальных строках которого указывается, что оператор должен отождествиться с Эрешкигаль (которая в тот период, в свою очередь, отождествлялась с Гекатой), «держащей свои большие пальцы» (уже знакомый нам жест). Эту формулу магу или посвященному предписано использовать при встрече с хтоническим духом в подземном мире. Если «он», то есть дух, все равно приблизится, не испугавшись вышеприведенной формулы и жеста, то маг должен совершить другой магический жест, а именно — взяться за свою правую пятку. Далее следует дополнительная процедура — перечисление символов Гекаты: дева, собака, змея, гирлянда, ключ, жезл глашатая, золотая сандалия. Очевидно, что всё это — символы из мистериальных обрядов, и все они неоднократно встречаются в других ритуалах из папирусов.

Далее следует заклинание, вызвавшее особый интерес у Г. Д. Беца и чрезвычайно важное для нашего исследования. В нем использованы один из вариантов «эфесских письмен» и утверждение о том, что заклинатель прошел посвящение, спускался в подземные палаты дактилей и созерцал там святые вещи (вышеупомянутые символы Гекаты). Эту формулу предписывается произнести на перекрестке дорог, и хотя под таковым может пониматься и обычный земной перекресток, он тем не менее отождествляется с перекрестком в стране Аида. Далее

1 Подразумевается, что большой палец прижат к ладони и покрыт остальными пальцами той же руки. К. Боннер интерпретирует этот жест как прием для защиты от зла. Отмечая использование этого жеста в другом заговоре (для призывания демона Абраксаса), он приходит к выводу: «...человек, читающий заговор, использует этот жест для того, чтобы связать и обездвижить опасного демона, которого вызывает сам, или же неким неясным образом защититься от неопределенных, но не менее опасных сил, способных разрушить его чары и причинить ему зло. Схожие причины побуждают нас скрещивать указательный и средний пальцы, чтобы отвратить нечто неприятное, хотя серьезное намерение за этим уже не стоит.

О происхождении жеста, в котором человек зажимает свои большие пальцы в кулаке, остается только гадать. <... > пожалуй, мы вправе смело предположить, что этот жест восходит к инстинктивной реакции на внезапный испуг (когда от страха человек горбится и весь как будто сжимается в комок, инстинктивно стараясь, чтобы тело занимало как можно меньше места в пространстве). Мне кажется, жест этот носит скорее оборонительный, чем активно-наступательный характер» (C. Bonner, "Note on the Paris Magical Papyrus". // *Classical Philology* 25 [1930], p. 181).

следует очень характерное указание: «...повернись и беги», то есть уходи, не оглядываясь. Контекст обряда здесь резко меняется, а вместе с ним меняется и пол потенциально опасного духа. «...потому что именно в таких местах она и появляется», — поясняется в тексте, и становится понятно, что речь идет о Гекате.

Затем приводится дополнительное указание, по-видимому, относящееся к той же формуле: если произнести ее поздно ночью, загадав вопрос, то во сне получишь на него ответ. А затем следует еще одно ее применение, более серьезное: если какой-нибудь подземный дух увлечет тебя навстречу смерти, то прочитай эту формулу, одновременно рассыпая кунжутные семена, и ты будешь спасен. В подобной ситуации может оказаться и шаман, путешествующий по нижнему миру, и дух умершего, который при жизни был посвящен в мистерии и обрел тайное знание.

Все эти формулы предназначены для применения в подземном мире, хотя на первый взгляд служат различным целям. Далее описывается еще один ритуал, в котором тоже явственно распознается символика Гекаты: следует вылепить лепешку из лучших отрубей, сандала и самого острого уксуса, какой только удастся раздобыть, и написать на ней имя жертвы. При этом оператор должен смотреть на некий колдовской свет, повторяя имя Гекаты (хотя, вероятнее всего, подразумевается, что надо повторять магическую формулу, приведенную в начале обряда: «*Форба форба Бримō аззиебюа* (Φορβα φορβα Βριμὼ αζζιεβυα)». После этого следует добавить просьбу о том, чтобы жертва лишилась сна. Несмотря на отсутствие дальнейших указаний, вполне очевидно, что лепешку следует оставить на перекрестке как ритуальное подношение; на это указывает и общий контекст ритуала, и ее сходство с лепешками, предназначенными для Кербера. Далее приводятся и другие защитные формулы, одну из которых предписывается произносить «через два ножа» (что вызывает в памяти магическое применение мечей в балканских ритуалах, имеющих схожее мистериальное происхождение).

Эта подборка защитных формул чрезвычайно интересна во многих отношениях. Формула «*Аскей катаскей* (Ἀσκει κατασκει)», как и следовало ожидать, соотносится с дактилями, но вдобавок именуется «орфической», что весьма необычно.

С моей точки зрения, это вовсе не означает и попросту не может означать, что она служит для инвокации Орфея, как предполагает Джордж Лак в книге «Arcana Mundi». Скорее в этом просто отразилось древнее представление о том, что обряды дактилей подпадают под покровительство Орфея или, как мы бы могли сказать сейчас, относятся к орфической школе.

На практическом уровне очевидно, что и эта формула, и перечисление символов Гекаты (восходящее к некоему ритуалу посвящения) используются здесь как приемы магической защиты в разнообразных ситуациях, связанных с подземным миром. Кроме того, предписание «уйти не оглядываясь» перекликается и с мифом об Орфее, и с описанием магического обряда, который провел Ясон, чтобы добыть золотое руно. Не вызывает сомнений, что всё это — аутентичные и широко известные в свое время жесты и методы, применимые и в современной практике.

Вышеперечисленные символы Гекаты упоминаются в папирусах неоднократно и в различных контекстах. При этом на первый план выступает некая женская и лунная фигура, уравновешивающая солярно-пантеистическое божество (Абраксаса, Гелиоса-Эона и т. п.). Один из подобных текстов (PGM VII.756—794) требует особого внимания. Он содержит перечень из четырех звуков и двадцати восьми символов. Количество символов предполагает произведение четырех и семи, где семь — количество планет или гласных букв греческого алфавита. По содержанию инвокация обращена к лунно-пантеистической богине, выше которой стоит только сотворивший ее ИАО. Она — «госпожа всего мира». Двадцать восемь символов, перечисленные в тексте, соотносятся со стоянками Луны, названия которых я позволил себе заимствовать из гримуарной традиции (с некоторыми дополнениями). Заключительные семь символов отличаются от остальных, так как не имеют отношения к животным, поэтому я взял на себя смелость дополнить их символическими животными из близких по содержанию ритуалов, встречающихся в папирусах. В результате получилась система, способная несколько упростить работу с лунными стоянками. Волноваться по поводу того, что я допустил ошибки в соответствиях, не стоит: лунные животные, в сущности, взаимозаменяемы по своему символическому смыслу, и «правильного» их порядка попросту не существует.

С таким же успехом по примеру других лунных ритуалов можно использовать всего четыре группы по семь любых лунных животных в каждой.

Ассоциация лунных стоянок с арабской астрологией — это всего лишь распространенное заблуждение. В этом отношении, как и во многом другом, арабы всего лишь заимствовали и развили эллинистическую традицию. Однако остается вопрос: откуда систему лунных стоянок взяли греки? Исследователи уже установили, что к халдейской традиции она не имеет отношения. Так что наиболее вероятный источник этой системы — индийская астрология, в которой лунные стоянки учитывались еще с ведических времен. У индийцев их заимствовали астрологи эллинистической эпохи, а у тех, в свою очередь, современные западные астрологи. Тропическая астрология, в которой за точку отсчет принимается нулевой градус Овна, — не единственная возможная система для работы со стоянками, но здесь мы используем именно ее как самую простую. Она вполне согласуется и с гримуарной традицией, и с современными астрологическими методами. Поэтому отказ от индийской сидерической системы в данном случае вполне оправдан: в своей области она весьма эффективна, но не вписывается в синкретическую традицию, которую мы рассматриваем в этом исследовании.

Астрологическая магия и боги

Халдейский пантеон	Олимпийский пантеон	Римский пантеон	Гоэтический подтекст
Нинив	Кронос	Сатурн	Дионис-Хтоний
Мардук	Зевс	Юпитер	
Нергал	Арес	Марс	
Шамаш	Гелиос	Сол	Дис-Патер
Иштар	Афродита	Венера	
Набу	Гермес	Меркурий	
Син	Селена	Луна	Персефона

Лунные соответствия между символами из магических папирусов, духами «Истинного гримуара» и духами кимбанды

Куспиды (начальные точки) лунных стоянок	Символические животные из магических папирусов	Духи «Истинного гримуара»	Духи кимбанды, соответствующие духам «Истинного гримуара»
0° Овна	Вол	Люцифер	Эшу Люцифер
12° Овна	Гриф	Сатанахия	Эшу Марабу
25° Овна	Бык	Аглиарепт	Эшу Мангейра (Эшу Мангового дерева)
8° Тельца	Скарабей	Тархимах	Эшу Транка-Руас (Эшу, Закрывающий Пути)
21° Тельца	Сокол	Флерути	Эшу Тирири
4° Близнецов	Рак	Бельзебут	Эшу Мор
17° Близнецов	Пес	Саргатанас	Эшу Велуду (Эшу-Бархат)
0° Рака	Волк	Небирос	Эшу дус Риус (Эшу Рек)
12° Рака	Змей	Астарот	Эшу Рей дас Сети Энкрузильядас (Эшу-Король Семи Перекрестков)
25° Рака	Конь	Скирлин	Эшу Калунга (Эшу-Кладбище)
8° Льва	Коза	Клаунех	Эшу да Педра Негра (Эшу Черного Камня)
21° Льва	Аспид (или царский урей)	Мусисин	Эшу да Капа Прета (Эшу Черный Плащ)
4° Девы	Молодой рогатый козлик	Бехауд	Эшу дус Вентус (Эшу Ветров)
17° Девы	Козел	Фримост	Эшу Кебра-Галью (Эшу, Ломающий Ветви)
0° Весов	Кинокефал (бабуин)	Клепот	Эшу Помба-Жира, Помба-Жира Райнья да Прайя (Королева Побережья)
12° Весов	Кошка	Киль	Эшу Сети Кашоэйрас (Эшу Семи Водопадов)

Куспиды (начальные точки) лунных стоянок	Символические животные из магических папирусов	Духи «Истинного гримуара»	Духи кимбанды, соответствующие духам «Истинного гримуара»
25° Весов	Лев	Мерсильд	Эшу дас Сети Крузес (Эшу Семи Крестов)
8° Скорпиона	Леопард	Клистерт	Эшу Тронкейра
21° Скорпиона	Мышь-полевка	Сирхад	Эшу дас Сети Поэйрас (Эшу Семи Прахов)
4° Стрельца	Олень	Хиепакт	Эшу дас Матас (Эшу Лесов)
17° Стрельца	Полиморф (драконесса)	Хумотс	Эшу дас Сети Педрас (Эшу Семи Камней)
0° Козерога	Дева (Кобыла)	Сегал	Эшу Жира-Мунду (Эшу-Мировращатель)
12° Козерога	Факел (Собака)	Фруциссьер	Эшу дус Семитериус (Эшу Кладбищ)
25° Козерога	Молния (Волчица)	Гуланд	Эшу Морсегу (Эшу Летучая Мышь)
8° Водолея	Гирлянда (Корова)	Сургат	Эшу дас Сети Портас (Эшу Семи Дверей)
21° Водолея	Кадуцей (Верблюд)	Мораил	Эшу да Сомбрас (Эшу Теней)
4° Рыб	Дитя (Голубь)	Фрутимьер	Эшу Транка-Тудо (Эшу, Закрывающий Всё)
17° Рыб	Ключ (Сфинкс)	Юктигарас	Эшу Мараба

Заклинание вулканических духов

> Право, множество есть на земле и других огнедышащих гор, так что невозможно напастись на них гигантов и Гефестов.
>
> — *Филострат, «Жизнь Аполлония Тианского*

Приступая к этой любопытной теме, обратим внимание на итату из «Рассуждения о природе духов» Георга Пикториуса трактата, публиковавшегося в Англии под одной обложкой с Четвертой книгой оккультной философии»):

> Говоря о чудесах, Аристотель упоминает одну гору в Норвегии, именуемую Гекельберг и окруженную со всех сторон морем. От нее, мол, непрерывно несутся скорбные голоса, словно там вопят и воют все духи ада, да так громко, что их ужасный шум и рев разносится кругом едва ли не на милю; приблизиться же к той горе невозможно, ибо путнику мешают слетающиеся к ней во множестве огромные вороны и грифы. И еще он сообщает, что в Липпоре близ Эолийских островов стоял холм, откуда по ночам слышался гром кимвалов и бряцанье медных инструментов вперемешку с таинственными звуками — визгом, смехом и ревом неких духов. Впрочем, ты, Кастор, упомянул о Зазеле, которого, по твоим словам, Павсаний называл также Эвриномом, и я теперь желаю, чтобы ты поведал мне об этом духе подробнее.

Упомянутая в цитате гора — это, разумеется, самая знаменитая горная вершина Исландии, вулкан Гекла. Норвежской на здесь названа потому, что Исландия в прошлом считалась частью Норвегии, которая еще с X века отличалась относительной терпимостью к языческим верованиям. Упоминание о кимвалах и прочих инструментах наводит на мысли о корибантах, и даже если ассоциация с ними сейчас может показаться притянутой за уши, то вскоре мы увидим, что это не совсем так.

Теперь рассмотрим вопрос о вулканических духах подробнее. Следующие материалы заимствованы из гримуарных текстов, включенных в расширенное (1665 года) издание книги Реджинальда Скота «Открытие колдовства» (книга XV, глава VIII). Как и в случае с магическими материалами из автобиографии Челлини в первой книге нашего исследования, я привожу важные для нас отрывки полностью, перемежая их необходимыми комментариями.

Способ заклинания фамильяра Луридана (Luridan), именуемого также Белелой (Belelah)

> Луридан — это северный фамильяр, или домашний дух, ныне ставший слугою Балкина (Balkin), властителя и короля Северных гор. Он [=Луридан] называет себя звездным гением Помонии — одного из Оркадских островов, что у берегов Шотландии. Однако он не живет там постоянно: во дни Соломона и Давида он обитал в Иерусалиме, или Салеме, и был известен там под именем «Белила» (Belilah); затем он пришел [на Британские острова] с Юлием Цезарем и несколько сотен лет провел в Камбрии, сиречь в Уэльсе, наставляя тамошних поэтов-прорицателей в британском стихосложении, и получил там новое имя — Уртин-Вадд Элгин (Urthin-Wadd Elgin), а уж оттуда, в году тысяча пятисотом от Рождества Христова, перебрался на вышеназванный остров, где прожил пятьдесят лет, после чего присягнул на верность Балкину и с тех пор так и остается на службе у этого государя.

Примечательная особенность этого отрывка — стремление вписать образы духов в мифологический контекст, основанный на местных (в данном случае британских) легендах. Духи рассматриваются как «местные жители», несмотря на то, что в далеком прошлом времен царя Соломона они обитали на Ближнем Востоке. Любопытно также упоминание о древних римлянах: оно указывает на глубокую древность (подлинную или вымышленную) тех «отечественных» преданий,

с которыми смешались заимствованные легенды. Но самого пристального внимания в этом абзаце заслуживают слова о традиции валлийских бардов, поскольку и в греческой, и в кельтской культурах поэзия тесно связывалась с магией. Как нетрудно увидеть, все эти интерпретации основаны не на каких-то умозрительных домыслах, а непосредственно на цитируемом тексте.

> Он — воздушный дух из чина Глаурона (Glauron); и говорят, что он способен к продолжению рода таким же образом, как смертные. Его хозяин часто посылает его с поручениями в Лапландию, Финляндию и Стрик-финию (Strik-finia), а также в самые северные области России, граничащие с Северным Ледовитым океаном. Его обязанности ([которые он выполняет], будучи призван магами) заключаются в том, чтобы разрушать крепости врагов, еженощно уничтожая все то, что они построили за день, а также гасить [их] огни и делать так, чтобы они не могли поджечь порох для пушек, ибо по своей природе он враждебен огню и состоит в одном из тех многих легионов, которые под началом его хозяина ведут непрестанные войны с огненными духами, населяющими гору Гекла в Исландии, и стремятся угасить их пламена; духи горы же защищают свои пламена от его хозяина и легионов.

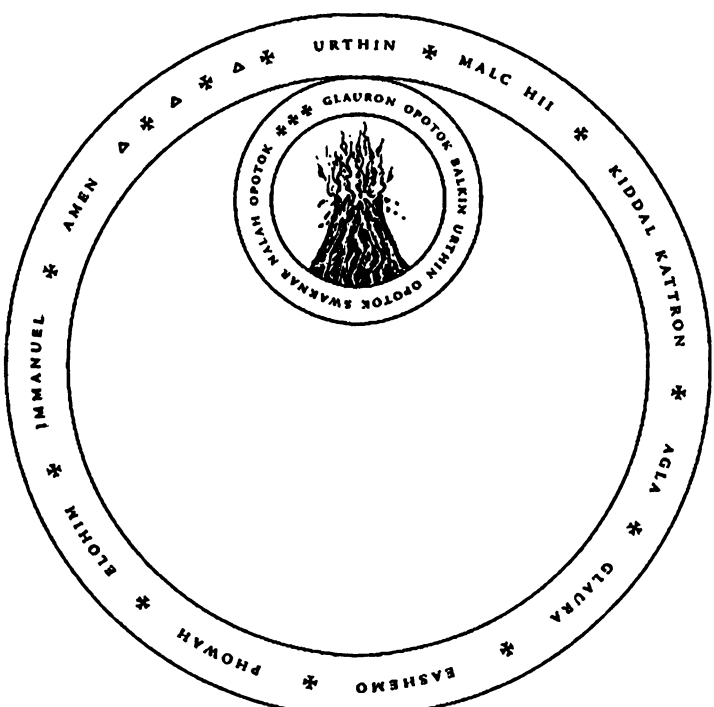
Это описание, несомненно, вдохновлено упоминанием о горе Гекле в трактате Пикториуса, однако в народе об этой горе действительно ходили легенды, и автор использует их для частичной локализации духов, о которых идет речь. В «Истории северных народов» Олауса Магнуса (1555) приводится много сведений о магии в Швеции и Норвегии, и под влиянием этого труда северные страны обрели в Европе репутацию истинных оплотов волшебства. Многие магические элементы скандинавской культуры определенно были известны на Британских островах, и сам этот гримуар, который я здесь цитирую, был, по преданию, составлен норвежским магом по имени Ваганост. Другое устойчивое предание гласит, что во времена Елизаветы I в Англии жили многие норвежские маги.

В этой войне они истребляют и уничтожают друг друга без пощады. Их могучие и свирепые отряды сходятся на битву в воздухе над морем, убивая и круша друг друга. И в таких боях многие огненные духи гибнут, если враг уводит их прочь от горы, чтобы сразиться над водой. И напротив, когда битва идет на самой горе, потери несут духи воздуха, и после того еще много дней по всей Исландии, России и Норвегии несутся их скорбные вздохи и великий плач.

Обратимся, однако, к тому, как заклясть вышеназванного духа. Для этого в лунную ночь, в какой-нибудь уединенной долине, маг должен начертить круг шестнадцати футов в поперечнике, а внутри него — еще один круг, отстоящий от первого на фут. Оба эти круга надлежит чертить мелом. Заклинатель же должен подпоясаться кожами двух змей, связанными вместе, и на шапку свою навязать еще много змеиных кож, чтобы они свисали спереди и сзади. И так же мелом пусть начертит с одной стороны круга образ огненной горы:

Здесь особого внимания заслуживает удивительное облачение мага, параллели которому находятся и в других главах «Открытия колдовства». В этом облачении определенно есть нечто шаманское, и мы не можем представить себе другого источника для подобного костюма, кроме традиционных одеяний северных шаманов.

И пусть напишет вокруг той горы такие имена: Глаурон (Glauron), Опоток (Opotok), Балкин (Balkin), Опоток (Opotok), Уртин (Urthin), Опоток (Opotok), Свакнар (Swaknar), Налах (Nalah), Опоток (Opotok) ✝ ✝ ✝ . Изобразив же гору, пусть освятит ее такими словами: Офрон (Ofron), Анефератон (Anepheraton), Барон Баратрон (Baron Barathron), На хальге тур гекла (Nah halge tour hecla), во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь. ✝ ✝ ✝ . Освятив гору, маг должен вписать между кругами такие слова: Уртин (Urthin) ✝ Мальк хии (Malc hii) ✝ ✝ Киддал Каттрон (Kiddal Kattron) ✝ Агла (Agla) ✝ Глаура (Glaura) ✝ Эашамо (Eashamo) ✝ Фова (Phowah) ✝ Элохим (Elohim) ✝ Иммануэль (Immanuel) ✝ Аминь *. △ ✝ △ ✝ △ ✝. Исполнив это, пусть начинает призывать духа следующим образом.



Круг для заклинания Луридана

«О вы, силы востока, Атанатон (Athanaton); запада, Оргон (Orgon); юга, Боралим (Boralim); севера, Глаурон (Glauron): приказываю и повелеваю вам именами грозными, здесь названными, и освящением сей ужасной горы: явитесь перед этим кругом по одному от каждого вашего рода, силою Иммануэля (Immanuel) и святого имени его!»

Повторив это трижды с великим пылом, заклинатель услышит громкий лязг мечей и шум сражения, и конское ржанье, и звуки труб. А затем, наконец, перед кругом появятся четверо голых карликов, или пигмеев. Говорить они будут на древнем ирландском наречии, но когда ты заключишь их в треугольник, переведут все, что сказали, а скажут они о том, откуда пришли к тебе и какие чудесные вещи умеют делать. После того маг должен спросить, знают ли они такого фамильяра Луридана, и они ответят: «Hamah ni trulloh Balkin», [то есть] «Он — секретарь, или слуга, Балкина». И когда заклинатель прикажет им привести вышеназванного Луридана, они сей же час приведут его в образе горбоносого карлика и поставят в треугольнике перед магом. Тут маг должен будет связать его клятвой повиновения и своей собственной кровью (но безо всякого договора, который обязывал бы его самого выполнить некие условия), чтобы тот всегда приходил на зов, как только маг трижды повторит его имя: «Луридан, Луридан, Луридан». И чтобы он всегда был готов отправиться, куда прикажет маг, хоть к туркам, хоть и в самые дальние пределы земли (а он способен добраться туда за час), и уничтожить все их военные склады.

Образ карликов, говорящих по-ирландски, — еще один пример переплетения фольклорных тем с элементами Соломоновой магии. В английских гримуарах мотивы волшебных сказок и легенд встречаются очень часто, и это любопытным образом перекликается с некоторыми особенностями поздней еврейской демонологии, развившейся в Германии и других странах континентальной Европы. Автор несомненно осознаёт глубокую древность и дохристианский характер

описываемых духов, но это ничуть не мешает ему рекомендовать христианскую магию для их подчинения.

> Связав его этой клятвой, маг получит от духа свиток, на котором будет начертано:

> И это не что иное, как контракт, по которому дух обязуется служить магу год и один день. После того маг должен отпустить его до поры до времени, произнеся обычное отпущение.

Стоит отметить, что здесь идет речь не о «договоре» (pact), а о «контракте» (indenture), не предполагающем двусторонних обязательств; однако из дальнейшего текста явствует, что все-таки этих духов следовало ублажать. На этом описание ритуала завершается, но далее в том же источнике (книга XVI, глава IV, параграф 24) приводятся следующие сведения:

> Но оставим в покое воды и скажем немного к природе пламенных, или огненных, духов, населяющих горы Гекла, Этна, Пропо Шам (Propo Champ) и Поконцы (Poconzi), где эти могучие воители держат свои дворы и замки. Некоторые полагают, что это не звездные, но адские духи, проклятые души, прикованные на некий срок к этим пылающим горам за свои грехи. Мнение это достойно уважения, однако следует отметить, что явления и звуки, шумы, грохот и лязг, слышимые в окрестностях исландской Геклы и в других местах, большею частью производятся отлученными [от Эфира?] звездными созданиями, которые не способны ни на добро, ни на зло, но имеют промежуточную растительную природу и по растворении своего природного носителя снова возвращаются в первозданный Эфир.

Этот отрывок не просто проливает свет на мнения богословов того времени, но и содержит гораздо более важную

информацию: легенды, окружающие Геклу, здесь ставятся в один ряд с преданиями об Этне, восходящими, в свою очередь, к мифам о Гефесте или Вулкане.

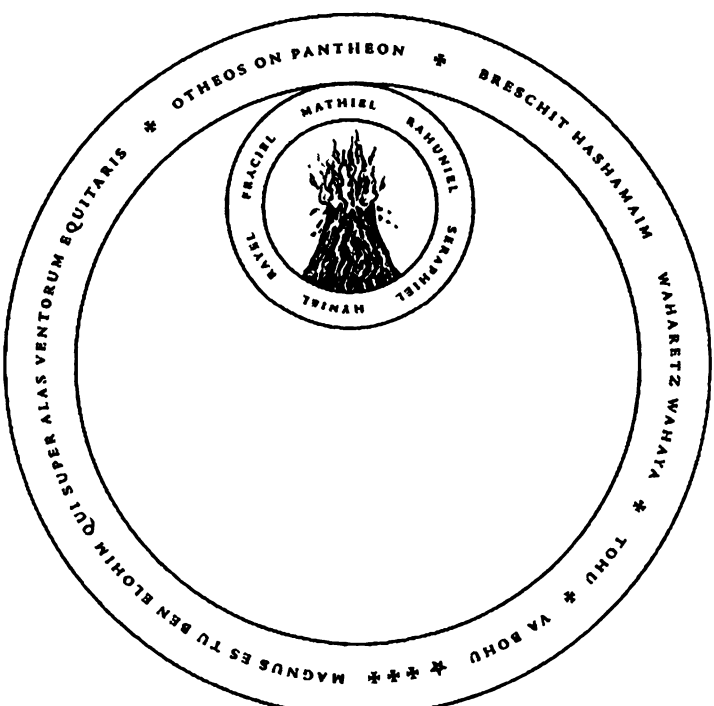
Ассоциации между описанными здесь духами и персонажами языческих мифов вовсе не так неуместны, как может показаться на первый взгляд. Об этом ясно свидетельствуют предыдущие отрывки (книга XVI, глава IV, параграфы 7, 9):

> ...земные духи <... > подразделяются на семь ступеней согласно местам, в которых они обитают, а именно - в лесах, горах, пещерах, на болотах, в рудниках, в развалинах, заброшенных местах и старинных постройках. Древние язычники знали их под различными именами: нимфы, сатиры, ламии, дриады, сильваны, кобольды и так далее. К ним же, в частности, относятся эльфы, обитающие по большей части в горах и в полостях земли и способные вызывать странные видения на земле, среди лугов или в горах, являясь в образах мужчин и женщин, солдат, королей или детей при высокородной матери, или же как всадники, одетые в зеленое...
>
> Лары и пенаты, домашние боги древних язычников, определенно и были такими духами, которые могли поселиться в каком-нибудь доме и прожить там несколько лет, пока что-нибудь не вызовет у них недовольства или кто-то из домочадцев не оскорбит их, и тогда они уходили и больше уж о них никто не слыхивал. Много примеров подобного можно найти у Олауса Магнуса и у Гектора Боэция в его «Истории шотландского племени», где встречаются чудесные рассказы о Робинах Добрых Парнях и прочих из тех, что жили среди людей фамильярами.

Словно бы предвидя, что нам, современным читателям, подобные рассуждения могут показаться не вполне понятными, сразу же после этого автор поясняет, что духом-фамильяром такого рода и был Луридан и что его хозяин Балкин (который, по его словам, похож на сатира) — не кто иной, как властелин и отец северных эльфов, населявших Кейтнесс (область на крайнем севере Шотландии) и близлежащие острова. Кроме того, он утверждает, что духи, связанные с необычными явлениями на горе Гекла, принадлежали к тому же разряду.

Из всего вышесказанного с очевидностью следует: маги, составлявшие гримуары, вполне отдавали себе отчет, что те, кого богословы называли злыми духами, тождественны эльфам народных поверий и многим персонажам древней языческой традиции. И несмотря на то, что самих магов и тех, кто обращался к ним за помощью, назвать настоящими язычниками нельзя (исключение составляли только обитатели некоторых относительно изолированных регионов, таких как Исландия, и страны Балтии), они по-прежнему хранили веру в языческих домашних богов (пусть и переименованных в фамильяров), и вера эта оказалась куда более устойчивой, чем культы высших богов, составлявших древние пантеоны.

Приведем еще одну магическую операцию из того же источника (книга XV, глава IX), в которой также используется изображение вулкана.



Круг для заклинания Балкина

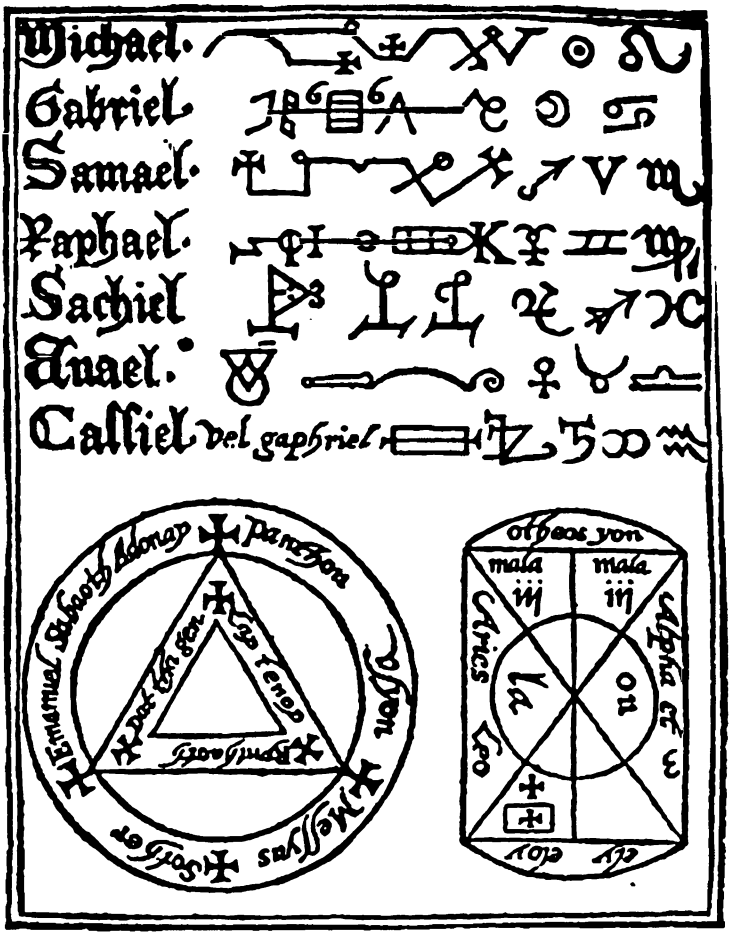
Как вызвать духа Балкина — хозяина Луридана

> Как и в предыдущей главе, заклинателю предписывается изобразить подобие горы Геклы внутри круга, но теперь вокруг нее следует разместить такие имена: Рахуниэль (Rahuniel), Серафиэль (Seraphiel), Гиниэль (Hyniel), Райель (Rayel), Фрасиэль (Fraciel). Это имена олимпийских ангелов, правящих севером и властвующих надо всеми воздушными духами, которые обитают в северных краях. При вызывании этого духа надлежит использовать власть перечисленных имен, ибо он — великий и весьма надменный властитель и не придет без сильных и могущественных заклинаний.

Перечисленные здесь ангельские имена очень похожи на те, что упоминаются в «Гептамероне» как «ангелы пятого неба, правящие вторником, коих надлежит призывать с севера»: Рахумель (Rahumel), Хиниэль (Hyniel), Райель (Rayel), Сефариэль (Sepharıel), Матиэль (Mathiel), Фрасиэль (Fraciel). Это еще одно свидетельство в пользу того, что тема Геклы восходит к «Четвертой книге», издававшейся под одной обложкой с английским переводом «Гептамерона».

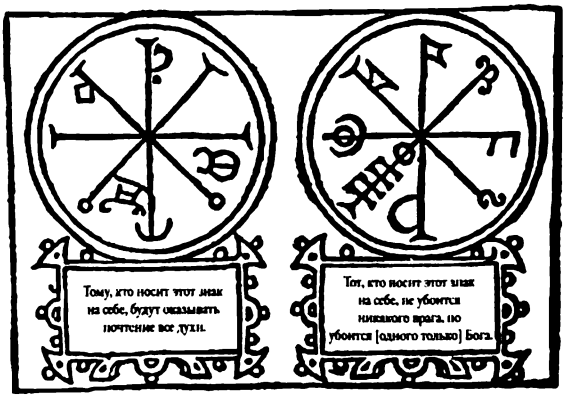
> Поэтому маг должен начертить на девственном пергаменте две печати Земли и подпоясаться поясом из медвежьей шкуры мехом внутрь, на котором снаружи будут начертаны такие имена: ✝ Альфа (Alpha) ✝ Коронзон (Coronzon), Як (Yah), Таниах (Tanıah), Адонаи (Adonay) ✝ Сонкас (Soncas) ✝ Дамаэль (Damael) ✝ Angeli fortes [лат. «Ангелы сильные»] ✝ пур пур (pur pur) ✝ Элибра (Elibra), Элохим (Elohim) ✝ Омега (Omega) ✝ per flammam ignis [лат. «пламенем огня»] ✝ per vitam Coronzon [лат. «жизнью Коронзона»] ✝ Аминь (Amen) ✝.

В этом отрывке обнаруживается много интересных и важных деталей. Во-первых, печати Земли, приведенные в более ранней части «Открытия колдовства», выполняют, по существу, такую же защитную роль в ритуалах инвокации, как некоторые из пентаклей, известных по «Ключу Соломона».



Знаки ангелов семи дней с их именами, фигурами, печатями и талисманами, а также печати Земли

Эти печати, как другие два талисмана из книги Скота, воспроизведенные ниже, — фигуры более простые и древние, чем пентакли из поздних версий «Ключа Соломона», хотя и не такие древние, как те, что приводятся на иллюстрациях к самой ранней его греческой версии.



Затем следует описание магического пояса, повлиявшее на составителя «Гоэтии царя Соломона» (наряду с именами духов из трактата Иоганна Вейера, которые получили известность в Англии благодаря переводу Реджинальда Скота, опубликованному в том же «Открытии колдовства»). Среди прочего на поясе полагается написать имя «Коронзон», первое упоминание которого по ошибке часто приписывают Джону Ди. На самом деле никакой линии преемственности между трудами Ди и этим гримуаром не прослеживается, так что имя «Коронзон» здесь, по всей видимости, восходит к какому-то другому источнику.

Дневники Джона Ди были опубликованы в 1659 году Мериком Казобоном, а цитируемые материалы были добавлены к расширенному изданию «Открытия колдовства» в 1665-м, но имеют более раннее происхождение. Они включают в себя элементы из «Гептамерона», впервые опубликованного на английском десятью годами раньше. Однако печати Земли были включены еще в первоначальный текст «Открытия», увидевший свет в 1584-м, за сто с лишним лет до казобоновского издания. Между тем именно в апреле 1584 года имя «Коронзон» впервые появилось в дневниках Ди, и, таким образом, должно было фигурировать в гримуарной традиции и до этой даты, и до первой публикации «Открытия колдовства».

Более того, анализ текстов Ди показывает, что это имя не было неотъемлемой частью енохианской системы. Оно не выведено из енохианских скрижалей; и несмотря на то, что его имя, согласно дневникам Ди, упоминает ангел Гавриил, весьма вероятно, что Ди и Келли еще раньше вычитали его из

итируемого гримуара или другого родственного текста. Не исключено даже, что «Коронзон» — это искажение имени Кроноса, упоминаемого в таких источниках, как «Пикатрикс», или, возможно, в каком-то византийском магическом трактате, послужившем прообразом «Ключа». Но, так или иначе, в контексте рассматриваемого гримуара имя «Коронзон» призывается для защиты оператора и не имеет никаких зловещих коннотаций.

Имя «Сонкас», которое также предписывается поместить на поясе из медвежьей шкуры, тоже заимствовано из «Гептамерона»: так зовут одного из ангелов вторника, связанного на сей раз не с севером, а с западом. А теперь вернемся к тексту:

> Кроме того, пусть запасется черной священнической ризой длиной до лодыжек и новым мечом с надписью «Агла» (Agla) на одной стороне и «Он» (On) — на другой. И пусть на протяжении трех дней перед тем, как исполнить задуманное, соблюдает особую воздержанность и чистоту. Когда же придет назначенная ночь, пусть возьмет с собой глиняный сосуд с разведенным в нем огнем и небольшую склянку с собственной кровью, а также немного смолы или живицы, какая выступает на еловых деревьях.

Надпись на мече соответствует описанию из «Гептамерона». Наставление о еловой смоле в качестве благовония не может не радовать глаз: перед нами очередной признак того, что Соломоновы методы в этом гримуаре успешно адаптированы к местным условиям.

> Прибыв же в назначенное место в какой-нибудь уединенной долине, пусть начертит мелом круги, подобные предыдущему, то есть один внутри другого, и впишет между ними по окружности эти могучие имена: Отеос он Патон (Otheos on Pathon) ✝ Брешит (Breschit), Хашамаим (Hashamaim), Вахарец Вахайя (Waharetz Wahayah) ✝ Тоху (Tohu) ✝ ва Боху (va Bohu)[1] ✡ ✝ ✝ ✝ ✡ magnus es tu ben Elohim qui super

1 «Тоху ва боху» — хаос и бесформенность как состояние Земли до начала творения; в русском синодальном переводе Книги Бытия (1:2) переданы эпитетами «безвидна и пуста».

alas ventorum equitaris [лат. «велик ты, Элохим, шествующий на крыльях ветров»] ✝.

Первая часть этой надписи в круге явно восходит к еврейскому тексту Быт. 1:1: «В начале сотворил Бог небо и землю» («Берешит бара Элохим эт ха-Шамаим ве эт ха-Эрец»).

Эта надпись по кругу считается среди магов самой сильной и могущественной.

Затем этот круг, гору, огонь, смолу, пояс, ризу, меч и кровь надлежит освятить по способу, приведенному ниже, добавив в конце освящения такие слова:

«Могуч Ты, о Адонаи (Adonay), Элохим (Elohim), Я (Ya), Я Эйе (Ya Aie), Эйе (Aie), Акимой (Acimoy), сотворивший свет дневной и тьму ночную, Ты, пред которым склоняется всякий на небе и на земле, сотворивший Тоху и Боху, сиречь помрачение ума и немоту пред восхитительным! И могучи великолепные ангелы твои, Дамаэль (Damael) и Гуаэль (Guael), пред силою коих склоняются ветры и все воздушные духи! Благослови десницею Твоею сии освященные орудия, изведя из тел их все нечистое, и с ними освяти окружность круга сего! Аминь. Калерна (Calerna), Шалом (Shalom), Шалом (Shalom), Агла он Сассур (Agla on Sassur), Тафрак (Tafrac), Angeli fortes [лат. «ангелы сильные»]. Во имя Отца, Сына и Святого Духа. Аминь, аминь, аминь».

Ангелам, упомянутым здесь, снова находятся аналоги в «Гептамероне»: Дамаэль (Damael) и Гуаэль (Guael) — «ангелы пятого неба, правящие вторником, коих надлежит призывать» с востока.

Затем пусть заклинатель обметет круг лисьим хвостом и окропит его по окружности собственной кровью, также обмакнув в нее меч или умастив ею последний. А затем, держа этот меч в правой руке, пусть приступает к заклинанию духа:

«О великий и могучий Балкин (Balkin), повелитель Глаурона (Glauron), повелитель Луридана (Luridan) и пятнадцати сотен легионов,

владыка северных гор и всякого зверя, в них обитающего! Заклинаю и понуждаю тебя святыми и чудесными именами Всемогущего: Иегова (Jehovah), Атанатос (Athanatos) [др.-греч. "бессмертный"] ✝ Айонос (Aionos) [др.-греч. "эон"] ✝ Dominus sempiternus [лат. "Господь вечный"] ✝ Алетиос (Alethios) [др.-греч. "истинный"] ✝ Садай (Saday) [ивр. "всемогущий"] ✝ Иегова (Jehovah), Кедеш (Kedesh) [искаж. ивр. "святой"], Эль габор (El gabor) [искаж. ивр. "Бог сильный"] ✝ ✝ Deus fortissimos [лат. "Бог наисильнейший"] ✝ Анаферaтон (Anapheraton), Аморуле (Amorule), Амерон (Ameron) ✝ ✝ ✝ Пантон (Panthon) ✝ Кратон (Craton) [др.-греч. pankraton — "всевластный"] ✝ Муридон (Muridon) ✝ Иэй (Jay) ✝ Иегова (Jehovah), Элохим пентассерон (Elohim pentasseron) ✝ ✝ trinus et unus [лат. "тройственный и единый"] ✝ ✝ ✝ ★. Призываю тебя, вышеназванный дух, и повелеваю тебе силами ангелов и архангелов, херувимов и серафимов, именем могучего князя Коронзона (Coronzon), кровью Авеля, праведностью Сифа и молитвами Ноя, голосами грома и ужасным Судным днем, и всеми вышесказанными словами, могучими и царственными: явись передо мною здесь, за границей сего освященного круга, без промедления и безо всякого злого умысла, и исполни мои пожелания, да так, чтобы ни сам ты, ни слуги твои не принимали ужасных обличий; приди в покорности, в прекрасном облике и с добрым умыслом и предстань перед этим кругом, который служит мне защитой силою Всемогущего, который его освятил. Во имя Отца, Сына и Святого Духа. Аминь.

Любопытно, что в ходе этого заклинания маг чертит в воздухе знак пентаграммы. Между тем гримуар этот был составлен по меньшей мере за триста лет до того, как в ордене Золотой Зари разработали знаменитый ритуал пентаграммы, к которому, по мнению многих, восходит этот жест.

> Повторив это заклинание трижды, маг должен тотчас же поставить перед собой огонь и бросить в него еловую живицу, чтобы воскурить ее дымом при явлении призванных духов. И как только они появятся, пусть в тот же миг возьмет кадило с огнем в левую руку, а меч — в правую и с ними поворачивается кругом, чтобы не упустить духов из виду, когда те будут двигаться вокруг границы круга.
>
> Итак, повторив заклинание [трижды], он через краткое время услышит грохот громов и увидит перед собою в долине могучую бурю с дождем и молниями. Через некоторое время все это прекратится, и к кругу устремятся и окружат его бесчисленные карлики, или пигмеи, верхом на хамелеонах.
>
> Затем придет Балкин со своими слугами. Он предстанет в образе бога Бахуса верхом на козлике, а остальные будут шествовать за ним пешими.

Если вспомнить о рассмотренных выше связях между Гефестом и Дионисом, появление Бахуса в контексте «вулканического» заклинания покажется на удивление уместным.

> Приблизившись к кругу, они испустят изо ртов туман, или дымку, от которой омрачится даже свет луны, и мага укроет непроглядная тьма. Но это не должно смутить и устрашить его: туман быстро рассеется, а духи побегут вокруг границы круга вслед за Балкином, своим господином, скачущим верхом на козле. И так они будут двигаться до тех пор, пока маг не приступит к наложению уз, которые свяжут их предводителя, или короля. При этом заклинатель должен держать меч в правой руке, воскуряя перед собой смолу на огне.

Обратите внимание на роль огня, не менее важную, чем в магической операции, описанной в автобиографии Челлини, и в поздних французских гримуарах. Но особенно впечатляет то, что изображение вулкана располагается в круге в точности на том же месте, где «Великий гримуар» и «Истинный гримуар» предписывают поместить жаровню. Возникает соблазн истолковать воскурения смолой как своего рода

оживление нарисованного вулкана — подражание дыму, поднимающемуся из жерла огненной горы. Так или иначе, магический огонь имеет очень важное символическое значение в гоэтических ритуалах, что и не удивительно, если вспомнить о тесной связи древних гоэтов с огнем, а также с горами и вулканами и покровительствующими им божествами. И в свете этого не будет преувеличением заявить, что магический меч восходит к образам волшебного оружия, которое ковали дактили и другие божественные кузнецы в недрах подобных гор.

> «О Балкин, представший ныне передо мной, заклинаю и связываю тебя именем Отца, и Сына, и Святого Духа, и всеми святыми освящениями, кои я совершил, и могущественными именами небес, земли и ада, которые я употребил и назвал, призывая тебя, и этими печатями, которые ты видишь пред собою, и этим мечом, который я тебе предъявляю, и этим освященным поясом, и всеми вышеназванными предметами, освященными и могущественными. Оставайся в мире и в нынешнем своем обличье пред северной четвертью этого круга, не причиняя вреда ни телу, ни душе, ни имуществу моему, но отвечая правдиво на все мои вопросы, и не уходи отсюда до тех пор, пока я не дам тебе разрешение удалиться. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь».
>
> Будучи связан этими словами, он сойдет с козла и прикажет своим слугам отступить в глубь долины, а затем мирно предстанет перед кругом, чтобы отвечать на вопросы мага.
>
> После этого маг может потребовать от фамильяра, чтобы тот воздвигнул или разрушил замок или крепость за единую ночь; и чтобы тот фамильяр принес с собою пояс завоевания, или победы, препоясавшись коим, маг сможет одолеть всех своих врагов.
>
> Сверх того, этот дух сможет ответить на любые вопросы о громе и молнии, о небесных движениях, кометах и явлениях в воздухе, о море и гладе, о вредоносных и пагубных поветриях, а также о тех, кто обитает на Северном полюсе, и о неведомых чудесах по всему свету.

Духи и маги ассоциировались с севером под влиянием вышеупомянутого труда Олауса Магнуса.

> И если заклинатель пожелает что-либо узнать о местах обитания звездных духов, он [=Балкин] охотно ответит, правдиво и точно описав их обычаи, пищу, образ жизни и занятия.
>
> Когда же маг получит ответы на все вопросы и утолит свое любопытство, из сонма духов выйдет один маленький дух ростом с ладонь, похожий на маленького эфиопа, и великий король Балкин вручит его заклинателю как фамильяра, который останется с ним до конца его дней. Этого фамильяра владелец может назвать любым именем, каким пожелает.
>
> Последние трое из тех, кто владел этим духом, были магами с севера: первый — норвежец Хондурос, называвший его Филенаром (Philenar) и повелевавший им при помощи колокольчика.
>
> Вслед за ним этого фамильяра получили Бенно и его старший сын, называвшие его тем же именем. Последним же стал Сваркцар, священник из Полонии, давший ему имя Мункула (Muncula); и все эти имена хозяева давали ему по своему произволу, так что заклинатель может сам решить, как назвать этого духа.

Полония — это латинское название Польши, еще одной «северной» (в воображении авторов гримуара) страны.

> Когда же заклинатель возьмет этого фамильяра в услужение и под свою опеку, дух Балкин захочет удалиться, ибо все это действо утомит его, если продлится более часа. Маг должен отпустить его по всем правилам, сказав так:
>
> «Коль скоро ты прилежно выполнил мои требования и согласился отныне приходить по первому моему зову, ныне я разрешаю тебе вернуться на твое надлежащее место, не причиняя никому вреда и не подвергая опасности ни человека, ни зверя; ступай же и всегда будь готов явиться по моему зову, ибо я заклял и связал тебя по всем правилам при помощи священных

магических обрядов. Повелеваю тебе удалиться в мире и тишине, и да пребудет мир между тобою и мною. Во имя Отца, Сына и Святого Духа. Аминь».

Тогда свита духов вновь соберется вокруг своего владыки, а затем они торжественной процессией пройдут через всю долину. Маг при этом должен повторять «Отче наш» [на латыни], пока духи не скроются из виду и не исчезнут.

Таков способ заклинания вышеназванного духа, изложенный полностью и в соответствии с правилами норвежца Ваганоста (Vaganostus).

Аргонавтика IV: обратный путь

В этом разделе «Аргонавтики» герои оставляют Фракию и Черное море позади. Пройдя по рекам через материковую часть Европы, они прибудут в Африку — в Ливию, где развернутся кульминационные события четвертой песни. По этому же маршруту идем и мы, изучая и переоценивая влияние древней магии на европейские гримуары, а затем переходя к вопросу о связях европейской магии с арабской.

Аргонавты бежали из Колхиды с Золотым руном; огромный колхидский флот пустился за ними вдогонку. Путь корабля «Арго» и его преследователей полон воображаемых подробностей; некоторые из них, возможно, основываются на рассказах о тех маршрутах, которыми в древности ходили торговцы янтарем и которые частью пролегали по суше, а частью по рекам. Автор «Аргонавтики» решил пренебречь сухопутными участками, а реки и моря расположить таким образом, чтобы обеспечить «Арго» и колхидскому флоту непрерывный маршрут по воде. В итоге действие легко переносится из Черного моря в Адриатическое, где происходит следующее важное событие.

Очередной этап путешествия знаменуется чудовищным убийством, подробности и место которого варьируются в разных источниках. Согласно древнейшему преданию, брат Медеи, Апсирт, бежал из Колхиды вместе с сестрой, но затем Медея или Ясон убили его, расчленили и разбросали куски его тела по волнам, чтобы преследовавший аргонавтов Ээт вынужден был отвлечься и собрать их для надлежащего погребения. Аполлоний отступает от этой версии: у него Апсирт возглавляет флот колхов, а Ясон предательски убивает его во время переговоров в храме Артемиды на священном острове. Тем не менее в обеих версиях основная идея остается неизменной: Ясон и Медея совершают кровавое преступление и теперь нуждаются в очищении.

В поэме Аполлония сказано, что Ясон «...отсек конечности трупа, / Трижды кровь он лизнул и трижды выплюнул, ибо / Этот обряд убийцы блюдут, чтоб загладить убийство».

После этого брата Медеи хоронят на том же острове, где остаются жить и многие преследовавшие их колхи: вернуться на родину они не могут, опасаясь гнева Ээта.

Несмотря на краткий искупительный обряд, проведенный Ясоном, преступление оказывается слишком серьезным: это не просто убийство, а братоубийство, отягощенное святотатством. Отныне Ясона и Медею преследуют Эринии, и на пути их встают все новые и новые беды и опасности до тех пор, пока в дело не вмешивается еще один персонаж, играющий важнейшую роль в мифах о древней магии.

На событийном плане за убийством следует сражение с колхами, плывшими на корабле Апсирта. Затем Пелей, сын Эака и отец Ахилла (двух героев, тесно связанных с подземным миром), советует Ясону бежать, пока их не настигла основная часть колхидского флота. Посовещавшись, аргонавты приходят к выводу, что после гибели своего царевича колхи падут духом и не станут продолжать погоню. Соответственно, Ясон направляет «Арго» к устью Эридана — знаменитой мифической реки, образ которой увековечен в одном из созвездий. По преданию, здесь когда-то были превращены в тополя Гелиады, сестры Фаэтона; скорбя о погибшем брате, они плачут янтарными слезами, и воды Эридана уносят капли янтаря в море. Аполлоний добавляет, что самого Апсирта колхи сравнивали с Фаэтоном, сыном Гелиоса, и даже прозывали его этим именем. Таким образом, преступление Медеи и Ясона несет в себе все признаки ритуального убийства, приравнивающегося к гибели этого мифического персонажа.

Реку Эридан часто отождествляют с рекой По, протекающей по территории современной Италии, но Аполлоний помещает ее по другую сторону Адриатического моря, у побережья древней Иллирии (современной Хорватии). Аргонавты останавливаются на острове Электриды — Янтарном острове; и снова история их странствий переплетается с легендами о древних маршрутах, которыми ходили торговцы янтарем. Со времен неолита эти маршруты пролегали через всю Европу: янтарь из Ютландии доставляли в Адриатику, а оттуда — в Средиземное море сложным путем, на котором сухопутные участки чередовались с речными. Как известно, янтарь и амбра на латыни обозначались одним и тем же словом *electrum*, из-за чего в позднейших гримуарах эти материалы путали друг с другом. Но в связи с вышесказанным есть основания полагать, что в гримуарных текстах нашли отражение легенды,

связанные именно с происхождением и распространением янтаря.

Тайно высадившись на Янтарном острове, аргонавты дожидаются, пока колхи прекратят преследование. Через некоторое время до них доходят слухи, что многие их враги, побоявшись возвращаться к Ээту с пустыми руками, остались жить в Иллирии и на островах у ее побережья. В этом можно усмотреть указание на сходство магических традиций, типичных для колхов, с местными традициями иллирийских племен. Аполлоний упоминает, что одно из поселений колхов расположилось близ гробницы Кадма, деда Диониса; стоит напомнить, что именно от Кадма Ээт в свое время получил зубы дракона. Любопытно, что впоследствии, во времена Византийской империи, еретиков-павликиан переселили из области древних колхов поначалу во Фракию, а затем в Боснию, где вплоть до Средних веков погребальные обряды продолжали проводить по древнему обычаю. На надгробиях членов этой общины находят символы, восходящие к культу фракийского героя.

Покинув остров Электриды, аргонавты с большим трудом пролагают себе путь между многочисленными мелкими островками. Здесь им оказывают помощь некие гиллеи, к побережью которых приходится пристать кораблю «Арго». В благодарность Ясон вручает гиллеям священный треножник Аполлона, хранящий страну от любого захватчика. В этом эпизоде упоминается недавно умерший царь Гилл, отец которого когда-то побывал на острове Макриды, кормилицы Диониса, и там очистился от скверны детоубийства.

Аргонавты еще не понимают, что не смогут продолжить путь, пока таким же образом не очистятся после убийства Апсирта. Они берут курс на юг; и здесь Аполлоний предпочитает скрыть свои познания в географии, чтобы не подрывать священный авторитет «Одиссеи». Соответственно, аргонавты покидают проливы между Либурнийскими островами, на которых осели колхи, и, проплыв мимо Керкиры, Мелиты и Керосса, замечают вдалеке остров Нимфею. Именно там, как утверждает Аполлоний, жила богиня Калипсо, впоследствии принимавшая у себя в гостях Одиссея (и стоит отметить, что само ее имя созвучно слову «халибы»). Здесь в события вмешивается Гера: понимая, какие беды могут навлечь на себя

аргонавты, если не искупят своего преступления, она посылает противный ветер, и тот отгоняет корабль обратно к острову Электриды. И тут неожиданно подает голос обрубок дерева, встроенный в киль «Арго», — кусок древесины вещего Додонского дуба. Он объявляет аргонавтам, что Зевс на них разгневан и не позволит им продолжить путь, пока Ясон и Медея не очистятся от пролитой крови с помощью волшебницы Кирки. Кроме того, он советует Кастору и Полидевку (которых люди впоследствии почитали как защитников от опасностей на море) молить богов, чтобы те открыли им проход к жилищу Кирки через Авзонийское море.

С этого момента Аполлоний выходит за пределы современных ему географических знаний. Он рассказывает, как «Арго» поднимается вверх по Эридану и у истоков реки мореплавателям предстает удивительное зрелище: огромное, исходящее паром озеро, в которое некогда пал с небес пылающим факелом Фаэтон, сын солнечного бога Гелиоса. От вод этого озера, принявшего его останки, добавляет Аполлоний, непрерывно поднимался ужасный смрад, и эта подробность напоминает нам о теле Пифона, погребенного в Дельфах: само имя этого змея означает «гниющий». Некоторые комментаторы предполагали, хотя и бездоказательно, что Пифон, в свою очередь, связан с чудовищным Тифоном, еще одним божеством, погребенным под землей: тело его, как утверждали, продолжает гореть, непрерывно извергая дым. Озеро Фаэтона так огромно, что птицы не могут перелететь его и падают бездыханными на полпути. По поводу некромантических оракулов, располагавшихся близ подземных озер, нередко утверждалось, что в их окрестностях не водятся птицы, а магические испарения часто ассоциируются с некромантическими пещерами и прорицалищами (не только с Дельфийским оракулом, но и с различными пещерами Харона или Плутона). По берегам Эридана, продолжает Аполлоний, стоят дочери Гелиоса, превращенные в деревья, и плачут янтарными слезами о погибшем брате. Вся сцена выглядит необычайно зловеще: мы словно наяву ощущаем зловоние от погребенного в водах падшего божества и слышим горестный плач его сестер. Чтобы понять, почему Аполлоний уделяет этим образам такое внимание, необходимо исследовать контекст.

Фаэтон

Мало кто из оккультистов всерьез анализировал легенду о Фаэтоне, сыне Гелиоса и нимфы Климены, несмотря на то, что его падение с небес и некоторые другие элементы мифа наводно указывают на связь с важными люциферианскими темами. Само имя «Фаэтон» вначале упоминается в «Аргонавтике» как прозвище Апсирта, сына Ээта, который тоже происходит из рода Гелиоса, а затем — как имя самого сына Гелиоса. В образе гниющего тела, источающего магические испарения, он напоминает дельфийского Пифона. В то же время он — оракульный герой и мистериальный бог, сопоставимый с Дионисом. И, наконец, как юноша, погибший слишком рано и не оставивший потомства, он относится к числу духов, пригодных для вызывания в некромантических обрядах.

Миф о Фаэтоне известен в нескольких вариантах. Согласно одному из них, Фаэтон был прекрасным юношей, возлюбленным самой Афродиты, которая сделала его главным жрецом одного из своих храмов в Сирии. В этой версии Фаэтон — прообраз Адониса, еще одного значимого для нас персонажа и еще одного прекрасного юноши, погибшего во цвете лет. Этот Фаэтон — сын титаниды Эос, богини зари и сестры Гелиоса и Селены. Другой вариант мифа тоже связывает Фаэтона с семейством Гелиоса и родом титанов. Согласно этому варианту, отцом Фаэтона был смертный человек по имени Кефей.

Но по самой распространенной версии, Фаэтон — сын Гелиоса и Климены. Морская нимфа Климена заслуживает отдельного внимания: миф о ней тоже известен в разных вариантах. Иногда ее называют матерью Прометея, иногда женой, но в то же время и женой Гелиоса. Мне представляется, что пытаться отделить эти варианты образа Климены друг от друга не имеет смысла; достаточно отметить, что эта конкретная Климена, в отличие от некоторых других персонажей, носящих то же имя, определенно принадлежит к числу океанид. Путаница в мифах отчасти может объясняться смешением Климены с ее матерью, нимфой Родой, от имени которой произошло название острова Родос. Соответственно, некоторые версии мифа называют саму Роду возлюбленной Гелиоса и матерью Фаэтона. Географическая близость Родоса к Сирии

подчеркивает связь различных вариантов мифа о Фаэтоне с ближневосточными культами. И во всех этих вариантах обращает на себя внимание косвенная связь между Прометеем и Гелиосом. Оба они играют важную роль в «Аргонавтике», оба связаны с Гефестом и с огнем; последнее обстоятельство напоминает нам о том, что огненные маги-тельхины считались уроженцами Родоса.

Одна из любопытных фигур мифа — друг Фаэтона Эпаф, сын Зевса и Ио. Эпаф родился на берегу Нила и стал египетским царем; его женой была дочь Нила по имени Мемфида, в честь которой Эпаф назвал построенный им город Мемфис. У них родилась дочь Ливия, именем которой, в свою очередь, в древности называли Африку. Очевидно, что греческая мифология здесь тесно переплелась с египетскими представлениями о географии.

Согласно мифу, Фаэтон вырос тщеславным юношей и очень страдал из-за того, что Эпаф считал его сыном смертного. Чтобы доказать свое божественное происхождение, он пришел к Гелиосу (который, напомним, почитался как солнечный бог задолго до того, как эта привилегия перешла к Аполлону) и стал просить его о милости. Отец Фаэтона был щедр и согласился исполнить желание сына, даже не выслушав, в чем оно заключается. И тогда Фаэтон попросил, чтобы Гелиос на один день уступил ему место на колеснице Солнца. Предвидя неизбежную катастрофу, Гелиос попытался отговорить сына от этой затеи. Среди прочего он упомянул о чудовищных образах зодиакальных знаков, мимо которых пролегает путь Солнца, и это обстоятельство стоит отметить. Но Фаэтон твердо стоял на своем. Гелиос уже не мог ему отказать: он поклялся именем Стикс — а такая клятва считалась нерушимой. Фаэтон выехал в небо на солнечной колеснице, но не смог подчинить себе лошадей. Те стали метаться из стороны в сторону и наконец спустились слишком близко к земле. От солнечного жара повсюду началась страшная засуха; еще немного и весь мир заполыхал бы огнем. Чтобы спасти землю от гибели, Зевс метнул в Фаэтона молнию и поразил его насмерть. Фаэтон упал с колесницы и рухнул в воды реки Эридан.

Сестры Фаэтона Гелиады, или Фаэтонтиды, пришли на берег Эридана, чтобы оплакать брата. Гелиады рыдали так безутешно, что Зевс или кто-то другой из богов сжалился и

превратил их в тополя, а слезы их стали каплями янтаря, которые река отныне вечно несет к морю. В различных вариантах мифа имена Гелиад приводятся по-разному: Лампетия, Фаэтуса и Лампетуса; согласно Гигину — Меропа, Гелия, Эгла, Лампетия, Феба, Этерия и Диоксиппа; Германик приводит девять имен, как бы сопоставляя их с музами, — Меропа, Гелия, Эгла, Эгиала, Феба, Петра, Хария, Аретуса и Диоксиппа. Однако чаще всего Гелиадами называют Фаэтусу, Лампетию и Фебу. Некоторые их атрибуты, упомянутые у Аполлония, напоминают переосмысленную в христианстве атрибутику сивилл: Фаэтуса несет серебряный пастуший посох, а Лампетия — медный.

Кроме Гелиад, оплакать Фаэтона у реки Эридан пришел его родич, лигурийский царь Кикн. Плач его был таким жалобным, а голос, который он получил в дар от Аполлона, таким сладостным, что боги превратили его в лебедя. Именно к этому мифу восходит выражение «лебединая песнь», которую лебедь, по преданию, поет перед смертью. И колесница Гелиоса, и Гелиады, и Кикн были увековечены в созвездиях.

Все эти мифологические подробности были широко известны во времена Аполлония, но истоки их следует искать в гораздо более древнем ритуале. Примечательно, что другие авторы употребляют имя «Фаэтон» как один из эпитетов Солнца, потому что его буквально значение — «сияющий» (схожий эпитет применялся и к Юпитеру). Падение с колесницы напоминает один из эпизодов мифа о Пелопсе, а также, разумеется, легенду об Эмпедокле. Главный культовый центр Гелиоса находился на острове Родос, где в древности совершали эффектный обряд жертвоприношения: колесницу, запряженную четверкой коней, низвергали в море. Уолтер Буркерт предполагает, что этот ритуал связан с мифом о Фаэтоне, и возразить ему было бы непросто. Имена «Гиперион» («идущий первым») и «Фаэтон» («светлый», «сияющий») первоначально были эпитетами самого Гелиоса и лишь впоследствии были отнесены к отдельным персонажам — отцу и сыну Гелиоса соответственно.

Поздние авторы приводят деталь, не упомянутую ни у Гомера, ни у Гесиода: в течение ночи Гелиос возвращается с запада на восток в золотой ладье-чаше, выкованной Гефестом (связь которого с Гелиосом отмечена в «Аргонавтике»). Это ночное путешествие Гелиоса перекликается с египетскими представлениями о ночных подземных странствиях ладьи Ра. Кроме того,

оно указывает на то, что и у Гелиоса была хтоническая ипостась, как у солярно-подземных героев фракийских культов, а его «чаша» — ночная ладья — напоминает о чаше возлияний, играющей центральную роль во фракийских и орфических ритуалах. Колесница и кони Гелиоса, по всей вероятности относящиеся к древнему доолимпийскому культу, в эпических произведениях Гомера тоже не описаны: впервые они упоминаются только в гомеровских гимнах. В более поздних источниках имена коней приводятся в двух вариантах: Пирий, Эой, Аэтон и Флегон или Эой, Эфиопс, Бронт и Стероп. Последние два имени аналогичны именам двоих из троицы киклопов — помощников Гефеста, которых звали Бронт, Арг и Стероп. И это далеко не единственная нить, связующая солнечного титана с богом-кузнецом. В жертву Гелиосу приносили белых баранов, кабанов, быков, коз и овец, но чаще всего — белых лошадей и мед.

Нелегкое речное путешествие аргонавтов завершается в устье Роны. Аполлоний заверяет нас, что одолеть все опасности этой части пути удалось лишь благодаря Кастору и Полидевку, и добавляет, что именно поэтому им воздвигают алтари и храмы и что это — не единственное плавание, в котором они проявили себя как спасители моряков. Так исполняется пророчество вещей частички Додонского дуба, встроенной в киль «Арго». Не исключено, что упоминание о Диоскурах здесь служит прелюдией к очистительному обряду, который вскоре проведет над аргонавтами волшебница Кирка: близнецы, образно выражаясь, зажигают ритуальный огонь. По этой причине имеет смысл еще раз обратиться к образу Диоскуров (речь о которых уже шла выше, в книге 4).

Диоскуры

О глубокой древности образа Диоскуров свидетельствует то, что у него есть точный аналог в «Ригведе» — братья-близнецы Ашвины, всадники, герои и защитники. Но отец греческих Диоскуров — Зевс, тогда как ведические Ашвины — сыновья бога Солнца, которого на Родосе, в Коринфе и в Колхиде называли Гелиосом. В особенности Диоскуров почитали в

Спарте и позднее в Риме под именами «Гемины» (Gemini, букв. «близнецы»), или «Касторы», но достойными поклонения они признавались повсеместно. Кроме того, в других областях Греции чтили героев, очень на них похожих, хотя и носивших другие имена. Так, в Мессении существовал культ братьев-воинов Идаса и Линкея, которые, как и Диоскуры, участвовали в походе аргонавтов.

Фиванских близнецов — тоже сыновей Зевса и тоже всадников — звали Зет и Амфион. Согласно классическому мифу, их зачала от Зевса Антиопа, которую затем бросили в темницу по приказу Дирки, второй жены ее смертного мужа. Уже на сносях Антиопе удалось бежать; спасаясь от погони, она пришла на гору Киферон, где, по словам Нонна, родила двух сыновей-близнецов на перекрестке дорог. Их вырастил киферонский пастух; о своем происхождении братья ничего не знали. Амфион получил в дар от Гермеса лиру (сравните с мифом о Марсии!) и стал певцом и музыкантом, а Зет охотился и пас стада. Когда, наконец, правда об их родителях открылась, близнецы вернулись в Фивы, где правил царь Лик. Вновь захватив их мать, Антиопу, он отдал ее в рабыни своей жене Дирке, которая обращалась с ней очень жестоко. Братья убили Лика и Дирку, причем последнюю привязали к рогам быка — в точности так, как она хотела поступить с Антиопой. Согласно некоторым изложениям мифа, тело Дирки бросили в реку, которая с тех пор стала называться ее именем. После этого братья возвели стены вокруг Фив: Амфион играл на лире так искусно, что завораживал даже камни, и те, подчиняясь его воле, приходили в движение и сами укладывались в стены (сравните с мифом об Орфее!). После всех этих подвигов Амфион взял в жены Ниобу — нимфу, в различных преданиях ассоциировавшуюся с Кибелой, Горной Матерью.

В этом мифе, содержащем множество подтекстов, особое внимание обращает на себя спасение Антиопы сыновьями-близнецами. Схожим образом Диоскуры спасают свою сестру Елену. Мотив рождения на перекрестке, сохранившийся в изложении Нонна, по-видимому, объясняется поздним отождествлением Диоскуров с римскими ларами. В связи с этим стоит упомянуть один погребальный вотивный рельеф из Лебадии, где находился оракул Трофония. По всей вероятности, он относится в началу эллинистического периода и изображает

Кибелу (восседающую на троне и сопровождаемую львом), перед которой предстает посвященный ее культа. Посвященного ведет за руку Персефона, несущая ключ; за нею следует Дионис, за ним — Пан. Позади них изображена женская фигура с двумя факелами — скорее всего, это Геката. За Гекатой идет бородатый мужчина с рогом изобилия и двумя змеями по бокам; это либо сам Трофоний, либо Зевс Мейлихий (при условии, что в местном культе этих двоих различали). И, наконец, шествие завершают трое куретов со щитами и Диоскуры в остроконечных шапках. Семью умершего представляют маленькие фигурки, стоящие перед Диоскурами, но сам умерший — тот самый посвященный, которого приводят к Кибеле, — изображен равным богам по росту: очевидно, он приобрел статус героя и удостоился собственного заупокойного культа. В целом рельеф свидетельствует о том, что все эти разнообразные хтонические божества были взаимосвязаны между собой в контексте обрядов и мистерий того периода.

Еще задолго до этого миф о Зете и Амфионе стал ассоциироваться с дионисийской темой: Дирка считалась последовательницей Диониса, и тот отомстил за нее, сведя Антиопу с ума, и сотворив источник на месте гибели Дирки, чтобы почтить ее память. По всей видимости, с Диркой связывались два источника: один — неподалеку от Фив, другой — на горе Киферон. Любопытно также, что имя «Полидевк» в буквальном переводе означает «много сладкого вина»: по-видимому, в свое время это было не личное имя, а ритуальный эпитет, напоминающий о мужских инициациях на острове Лемнос. Кроме того, куреты, как известно, связаны с рождением Диониса и его мистериальными обрядами.

Важно отметить, что Дирка, имя которой означает «двойная» или «расщелина», иногда отождествляется с Деркето. Деркето — это одно из имен сирийской богини Атаргатис, культ которой схож или связан с культами Астарты и Астарота. Ее нередко изображали в виде русалки: выше пояса — как прекрасную женщину, ниже пояса — как рыбу. Кроме того, в Испании был источник под названием Дерке, о котором говорили, что вода в нем необыкновенно холодная. Источник Дирки, без сомнения, играл важную роль в древних фиванских ритуалах задолго до того, как появился классический миф, объясняющий его происхождение. Не следует полагать, будто

он и впрямь был назван в честь какой-то «злой мачехи», существовавшей на самом деле. Кроме того, совершенно неразумно было бы интерпретировать миф о Дирке с точки зрения религиозного конфликта между орфическими и дионисийскими мистериями или в каком-либо другом историческом контексте. Основа этого мифа — целиком и полностью ритуальная.

Греческие и римские обряды в честь Диоскуров и других подобных персонажей были тесно связаны с посвящениями в тайные воинские общества, особенно кавалерийские. Римские всадники проводили в честь Диоскуров конные парады и тайные посвятительные обряды. Ритуалы Диоскуров обычно совершались по ночам, а местонахождение могилы Дирки было известно только одному человеку — начальнику фиванской конницы. Выходя в отставку, он тайно под покровом ночи встречался со своим преемником, и они приносили жертвы Дирке, не зажигая огня, после чего до рассвета убирали все следы обряда.

Молодые спартанские воины тоже проводили ночные обряды, жертвуя собаку в храме Фебы — женского персонажа из мифа о Диоскурах, подобного Дирке из фиванского мифа о Зете и Амфионе. Однако фиванский обычай более показателен: начальника конницы естественным образом можно отождествить с Кастором, а его младшего товарища — с Полидевком. Связь старшего из близнецов с музыкой, а младшего — с более активными занятиями тоже вполне объяснима с точки зрения иерархической структуры, принятой в тайном воинском обществе: старшие могли передавать знания младшим посредством священных песен. Немаловажно и то, что в подобных обществах младший со временем переходит в разряд старших и, соответственно, объединяет в себе обоих близнецов.

Иллюстрацией к этому служит и астрологическая символика: Диоскуров представляет созвездие Близнецов, две самые яркие звезды которого носят их имена. Кастор находится в 9-м градусе Рака, а Поллукс — в 22-м градусе. Работа с этими звездами в ритуальной магии во многом основывается на мифах, связанных с Диоскурами. Полидевк был бессмертным, а Кастор смертным; когда Кастор погиб, Полидевку предоставили выбор: жить среди бессмертных на Олимпе или отдать половину бессмертия своему брату, чтобы впредь половину времени проводить вместе с ним на Олимпе, а половину в Аиде.

Полидевк выбрал второе, и с тех пор Диоскуры живут попеременно то среди богов, то среди теней. Восход и заход звезд, названных их именами, символически подобен восходу и заходу Венеры как утренней и вечерней звезды соответственно. Любопытно, что Полидевк считался бессмертным, а между тем его звезда, Поллукс, наделяется вредоносными качествами и связывается с вечером и тьмой. Кастор, напротив, рассматривается как благотворная звезда и ассоциируется с утром и светом. Чтобы привлечь благотворное влияние Кастора, в астрологической магии призывают его в такое время, когда его звезда восходит, а Поллукс все еще остается под горизонтом (в подземном мире). Когда же требуется влияние Поллукса, его призывают вечером, после того как звезда его брата скроется под землей. Полагают, что в негативных аспектах к Асценденту, Середине Неба или светилам Поллукс приносит жестокость, насилие и тиранию; Кастор же в благоприятных аспектах дарует доброту нрава, высокую мораль и учтивые манеры. Эта символика восходит к халдейской астрологии: в Вавилоне две ярчайшие звезды Близнецов тоже рассматривались как пара «пастух и воин», а финикийцы первыми стали почитать их как защитников на море. Таким образом, несмотря на свое ведическое происхождение, Диоскуры в современной магической практике объединяют в себе элементы древнегреческой и ближневосточной традиций.

Важная особенность их культа заключалась в том, что Диоскуров почитали как бессмертных, принося им такие же огненные жертвы, как олимпийцам, и в то же время совершая возлияния как для героев и душ умерших. На вотивных рельефах, посвященных Диоскурам, нередко встречаются близнечные символы: «докана» (символ, напоминающий воротца, от которого произошел астрологический знак Близнецов), пара амфор, щитов или змей. В Спарте Кастору и Полидевку было посвящено грушевое дерево, и на ветви груш нередко подвешивали подобные вотивные изображения.

Еще одна уникальная особенность классического культа Диоскуров — обычай накрывать для них стол в доме человека, совершающего приношение. Этот обряд, именуемый «теоксения», то есть «гостеприимство для бога», не зафиксирован в культах других греческих божеств того периода. Рядом с накрытым столом ставили ложе с двумя подушками, а на

стол — две амфоры, по всей вероятности с так называемой панспермией, то есть смесью различных злаков. На некоторых вотивных рельефах изображаются близнецы, скачущие по воздуху на эту праздничную трапезу; на других можно увидеть змей, обвивающих амфоры с подношением. Выждав подобающее время, люди тоже присоединялись к пиру. Предполагалось, что Диоскуры в благодарность возьмут участников обряда под свою защиту. Иногда такие ритуалы проводили от имени всех жителей города у общественного очага, но это было лишь подражание домашнему культу. В этом отношении Диоскуры напоминают различных домашних богов, о которых пойдет речь в одной из следующих глав. Культ Диоскуров (Касторов) сохранялся и после того, как государственной религией стало христианство, хотя церковь постаралась заменить их собственными святыми. Особый интерес в этом отношении представляют святые Косма и Дамиан, заместившие Диоскуров в роли целителей. В сантерии эти святые считаются масками Ибейи — божественных близнецов, детей Шанго, а Шанго — это один из главных ориша, повелевающий громом и вооруженный громовым топором (здесь можно отметить любопытную перекличку с перуном Зевса — отца Диоскуров). Ибейи тоже врачеватели, и больше всего им нравится, когда в их честь устраивают детский праздник с угощением (что живо напоминает нам о ритуале теоксении).

Итак, подведем итоги. Диоскуры олицетворяют служителей древних тайных обществ, играющих столь важную роль в истории гоэтии и экстатической религии. В их честь справляют хтонические и ночные обряды; в таинствах они выступают как проводники и защитники, а обычной жизни — как хранители, оберегающие от опасностей. В какой-то момент они стали ассоциироваться с перекрестками — архетипическим местом магических практик; и эта ассоциация совершенно уместна в связи с образом божественных близнецов — представителей небесного и подземного миров, света и тьмы, смерти и бессмертия. И, наконец, в мифах и ритуалах Диоскуры связаны с богиней, занимающей центральное место в мистериях: с Кибелой, Деметрой и через посредство Дирки — с Астаротом, значение которого в ритуальной магии не требует пояснений.

Кирка и остров Ээя

Вернемся к истории аргонавтов. Выбравшись с помощью Диоскуров из лабиринта рек, «Арго» вскоре подходит к острову Ээя, местоположение которого в древних источниках описывали по-разному. По некоторым версиям, остров Калипсо назывался именно Ээя (а не Нимфея). Но чаще с Ээей связывалось имя Кирки, тем более что имя ее брата Ээта, царя колхов, явственно перекликается с этим названием. Аргонавты вводят корабль в гавань:

> На берег сброшен причал с корабля. Там нашли они Кирку,
> Что омывала морскою водой себе голову, ибо
> Дух ее был ночными смущен сновиденьями сильно.
> Ей приснилось, что кровь и чертоги, и дома ограду
> Залила и что огонь пожрал приворотные зелья,
> Коими всех людей зашедших она чаровала;
> Будто она тот огонь затушила багряный, кровавый,
> Крови рукой зачерпнув, и от ужаса освободилась.
> Вот почему на заре, от сна пробудившись, не медля,
> Кудри она и покровы морской омыла водою[1].

Иными словами, когда прибывают аргонавты, Кирка совершает традиционный обряд очищения после ночного кошмара. Хотя сама волшебница этого еще не сознает, ее преследуют ужасы преступления, которое совершили Медея и Ясон и от которого ей, Кирке, предстоит их очистить; не исключено, что этот кошмарный сон послан самим Апсиртом — ее родичем. При первой же встрече нам напоминают, что Кирка — могущественная чародейка под стать Медее, сведущая в травах и зельях. Среди прочего, в магии использовали различные отвратительные вещества, и кровь убийцы — один из традиционных материалов такого рода. Кроме того, чтобы снять скверну с Ясона и Медеи, Кирке необходимо предварительно очиститься самой, что она и делает как будто заблаговременно.

1 «Аргонавтика», IV.662—671.

Далее описывается ее причудливая свита, напоминающая рассказ Гомера о живших на острове Кирки людях, превращенных в животных:

> Звери, совсем на зверей не похожие на кровожадных,
> Схожие телом с людьми и несхожие, ибо из разных
> Членов тела слагались у них, собрались гурьбою,
> Словно овцы, что вслед пастуху бегут из закутов.
> Создала их такими земля, из первого ила
> Члены разных существ воедино соединивши,
> Та земля, что сухим не была еще воздухом сжата
> И у которой отнять не успел таящейся влаги
> Солнца палящий луч. Привело все, однако, в порядок
> Время потом... Так сложился зверей тех невиданный облик![1]

Это своего рода демонические фамильяры, аналог которых обнаруживается в каббалистической легенде о первых безуспешных попытках сотворения мира. В «Одиссее» людей превращала в животных магия Кирки. Здесь же в «Аргонавтике» все эти чудовищные создания порождены самой Землей до того, как Гефест или Прометей сотворили человечество. Вправе ли мы утверждать, что это обстоятельство как-то принижает могущество Кирки и в то же время опровергает авторитет Гомера? Скорее всего, Аполлоний не допустил бы ни того, ни другого; значит, у него была какая-то иная цель. Эти чудовища верно следуют за Киркой, тогда как у Гомера преображенные люди радостно устремились к Одиссею, как только к ним вернулся человеческий облик. Так что в действительности версия Аполлония лишь подчеркивает могущество Кирки. Возможно, он даже подразумевает, что сила ее исходит от самой богини, сотворившей этих чудовищ, что Кирка, подобно Медее, была жрицей неких древних и ужасных таинств.

Герои взирают на Кирку и ее свиту со страхом и изумлением. Взглянув ей в лицо, все тотчас же признают в ней сестру Ээта.

> Кирка, страх отогнав, сновиденьем ночным порожденный,

[1] Там же, IV.672—681.

Снова пошла к чертогам меж тем и пришельцев рукою
Стала манить за собой, в душе своей зло замышляя.
Но, Эзонида веленье блюдя, на месте дружина
Так и осталась. А он с собой колхидскую деву
Взял и за Киркой пошел, пока они не достигли
Пышных чертогов ее. Тут им на блестящие кресла
Кирка велела присесть, не постигнув цели прихода[1].

Иными словами, Кирка дает гостям прибежище у домашнего очага, и этот обычай уходит корнями в глубокую древность. Как будет показано ниже, в шестой книге, с домашним очагом ассоциировались многие божества и духи. Фактически в Древней Греции домашний очаг и могила составляли два средоточия частных религиозных практик, и связанные с ними обычаи играют важную роль в истории гоэтической магии. Эти домашние традиции легли в основу более поздних религиозных культов городского и общенародного уровня. Древнейшими храмами были святилища у очагов, появившиеся в VIII век до н. э.; большие отдельно стоящие храмы, известные нам по архитектуре классического периода, возникли позже. Но даже и после этого святилища наподобие Дельфийского оставались своего рода «очагами» — источниками священного огня, даровавшего очищение и обновление. Святостью очага объясняются многие традиционные особенности древнегреческой культуры и в частности обычай искать убежища у домашнего огня, как поступили герои в гостях у Кирки. Просить о таком убежище могли не только родичи, но и незнакомцы. Девственность богини Гестии и жриц-весталок тоже объяснялась необходимостью соблюдать ритуальную чистоту очага. Если в доме умирал человек, огонь в очаге полагалось погасить, а затем разжечь вновь, взяв для этого огонь из какого-нибудь священного источника. Тот факт, что очаг не поддается перемещению, отвечает на вопрос, почему Гестия играет такую малозаметную роль в греческих мифах, хотя и входит в число двенадцати олимпийских божеств. Ее изображение никогда не носили в процессиях и вдобавок оно оставалось довольно примитивным и слабо детализированным (нередко эту богиню изображала фигурка со сросшимися ногами без стоп).

1 Там же, IV.685—692.

Дева [= Медея] на обе руки головою поникла, Язон же
В землю воткнул свой меч с рукояткой огромный, которым
Он умертвил Эита дитя, и, глаза опустивши,
Взоры они не смели поднять. И Кирка постигла,
Что пред ней изгнания скорбь и нечестье убийства.
Вот почему по закону молящих защитника Зевса,
Гнев чей силен, но сильна и помощь повинным в убийстве...
Жертву она совершать начала, очищается коей
Всякий, кто, зло сотворив, к очагу припадает с мольбою.
Прежде всего, дабы смыть убийства грех неизбывный,
Взяв порожденье свиньи, у которой сосцы еще были
Полны после родов, она ему горло рассекла,
Кровью руки убийц окропила, затем омовеньем
Грех отмаливать стала, к Зевесу Крониду взывая,
Что обеляет от скверн и моленья убийцы приемлет[1].

Несмотря на воззвание к милости Зевса, искупительное жертвоприношение свиньи — ритуал во всех отношениях хтонический. Окропляя руки Медеи и Ясона жертвенной кровью, Кирка символически смывает с них грех, и это действо носит столь же магический, сколь и религиозный характер. Кирка не только очищает просителей от скверны убийства (тем более чудовищного, что убитый был родным братом Медеи), но и, по существу, умиротворяет дух жертвы посредством обряда, который во многом схож с некромантическими вызываниями духов. Вызыванию в данном случае подлежит, разумеется, дух Фаэтона, который умер насильственной смертью и не может обрести покоя, если (или до тех пор, пока) ему не поможет какой-нибудь мастер заклинания духов. В своей некромантической роли Кирка предстает как богиня смерти, как сама Персефона или, быть может, как Астарон, покровитель и учитель некромантии. И это неудивительно, потому что именно в подобных ритуалах, исполнявшихся женщинами-плакальщицами, берет начало все гоэтическое искусство.

1 Там же, IV.695—709.

Если вообразить себе этот обряд достаточно наглядно, все необходимые ассоциации придут сами собой. Представьте себе Кирку в испачканных и разорванных одеждах, с распущенными, растрепанными волосами, напоминающими клубок змей. Она похожа на Ламию; на лице ее или, быть может, на ладонях — глаза Медузы, под взором которых все живое обращается в камень. В руках ее бичи, жезлы или горящие факелы. Ее пронзительные вопли призывают к возмездию, она сама олицетворяет возмездие, как мстительная Эриния. Она одновременно и Сивилла, заклинающая мертвеца, и призванная заклинателем супруга Аида.

Встреча с Киркой становится поворотной точкой на пути аргонавтов (как у Гомера она стала поворотной точкой на пути Одиссея), так что весь драматизм, с которым она изображена в сцене их первой встречи, совершенно уместен. Исполнив очистительный обряд, Кирка сходит со сцены не сразу. Аполлоний добавляет:

> И очищения воду потом служанки наяды
> Из дому прочь унесли, наяды, пособницы в деле[1].

Возможно, они относят эту воду на перекресток и оставляют там, возможно, выливают в яму где-то в горах или выплескивают в ручей. Аполлоний в такие подробности не вдается. Он обращался к многознающим ученым мужам из Александрийской библиотеки и не видел нужды в лишних пояснениях. Но я, его скромный комментатор, приму на себя в этом деле роль наяд-помощниц и расскажу вам о наядах немного подробнее.

Наяды, нимфы источников, ручьев, рек и колодцев, почитались как малые божества. Они обитали в связанных с ними водоемах или по их берегам и, по существу, мало чем отличались от ундин в позднейших оккультных представлениях. Обычно их изображали в виде молодых и прекрасных дев, нередко опирающихся на вазу, из которой льется вода. Их высоко чтили как подательниц оракулов, божественной одержимости и ритуального экстаза. В жертву наядам приносили ягнят и коз, возлияния им совершали вином, медом и маслом. Делали и подношения попроще — молоком, фруктами и цветами.

---

1 Там же, IV.710—711.

Тот факт, что эти малые божества прислуживают Кирке, говорит нам о многом. Он не только предвосхищает позднейшие представления о фамильярах, прислуживающих архетипической ведьме (как служанки Медеи предвосхищают образ ведовского ковена), но и со всей определенностью подчеркивает божественный статус самой Кирки. Гомер в «Одиссее» тоже изобразил Кирку богиней: у него она обитает в каменном доме на поляне посреди густой чащи. Дом этот окружают не земнорожденные чудовища, как в описании Аполлония, а лесные звери — волки и львы. Однако, в отличие от своих диких собратьев, эти животные кротки и послушны, потому что в действительности они не звери, а люди, преображенные магией Кирки.

У Аполлония Кирка между тем продолжает искупительные обряды:

> Кирка меж тем примирения дар Эриниям грозным —
> Жгла лепешки, творя возлиянье трезвою влагой,
> Пред очагом умоляя. Зевеса, чтоб гнев их смирил он
> И чтобы сам благосклонен и милостив стал для обоих,
> Кровью ль руки они чужеземной себе запятнали
> Или, родную кровь пролив, с мольбою явились[1].

Возлияние «трезвою влагой», то есть без вина — известный хтонический обряд, связанный, с одной стороны, с Эриниями, а с другой — с древними формами Диониса или с Аристеем. Лепешки — тоже традиционное подношение мертвым, Гекате и Церберу; параллели тому обнаруживаются еще в ведических источниках. Скорее всего, такие жертвы приносили, отвратив взгляд.

Обряды, подобные вышеописанному, проводили в рамках домашнего культа задолго до того, как возникли общегородские ритуалы. Очаг был средоточием домашнего хозяйства; вокруг него же вращались и законы гостеприимства. Гости, будь то чужестранцы или родные и близкие, фактически получали священное убежище у очага. Очаг, посвященный Гестии или римской Весте, первоначально был центром дома и лишь позднее у римлян стал играть важную роль в государственном

1 Там же, IV.712—717.

культе. Хозяин дома был одновременно и жрецом, и образом Отца-Зевса, роль которого по отношению к просящим о покровительстве вторит роли, исполнявшейся домохозяином по отношению к гостю. Впрочем, покровительство оказывал не только Зевс, но и в равной мере божества огня.

Кирка в эпизоде с очищением Ясона и Медеи выступает как жрица собственного домашнего культа: ее мифологический образ — богиня огня, а образ земной — хозяйка священного очага как культового центра. Эта роль напоминает нам о Гере — богине-матери, покровительствующей Ясону. Мать богов — комплексная фигура, как правило, вбирающая в себя множество разрозненных религиозных традиций. Не исключено, что Кирка исполняет свои обряды в честь Геры или как ее земная наместница. Если так, то можно представить ее себе в ипостаси Геры Акреи, которой был посвящен древний храм в Коринфе и которая, таким образом, связана с кругом мифов о Гелиосе, Медее и Мелиссе.

Завершив искупительный обряд, Кирка усаживает своих гостей на почетные места и начинает расспрашивать о новостях и об их приключениях. Медея впервые за все это время поднимает взгляд (время отводить взор, опускать голову и смиренно молчать закончилось), и Аполлоний, пользуясь случаем, упоминает о силе, заключенной в глазах у детей Гелиоса: «...у всех потомков его блестящие очи / Словно бы луч золотой на смотрящего мечут далёко»[1]. В одном из последующих эпизодов Медея выкажет себя как обладательница знаменитого «дурного глаза» — возможно, впервые за всю историю литературы; и эту связь между вредоносной магической силой и силой Солнца стоит принять во внимание.

Медея кратко рассказывает о походе аргонавтов в Колхиду и о том, как она сама покинула родину, последовав за Ясоном. При этом она признаёт оскорбление, нанесенное Ээту, но умалчивает об убийстве Апсирта. Однако Кирка угадывает то, что осталось невысказанным, и отказывает Медее и Ясону в дальнейшей помощи, коль скоро свой долг хозяйки и родственницы она уже исполнила.

Тем не менее Гера по прежнему не оставляет Ясона своим покровительством, и ее очередное вмешательство в сюжет

1 Там же, IV.728—729.

становится связующим звеном между всеми вышеупомянутыми темами. Изложим этот эпизод насколько возможно кратко: Гера отправляет свою вестницу, крылатую Ириду, призвать из моря богиню Фетиду. Исполнив поручение, сама Ирида не возвращается к Гере, но отправляется на острова, где наковальни Гефеста гудят под ударами молотов могучего бога-кузнеца и его подручных-киклопов. Ирида велит Гефесту на некоторое время прекратить работу, после чего мчится в жилище царя ветров Эола и передает ему приказание Геры успокоить все ветры, кроме кроткого западного, который принесет «Арго» к острову царя Алкиноя.

Фетида между тем прибывает на зов, и Гера говорит с ней о том, как Зевс пытался соблазнить эту морскую богиню и как та отказала ему из почтения к Гере. Зевс отступился от задуманного лишь после того, как узнал, что Фетиде предначертано родить сына, который превзойдет могуществом отца. Это обетованное дитя, тайну рождения которого хранил Прометей, стойко терпя все мучения, которым подверг его Зевс в попытке вызнать секрет. В трагедии Эсхила «Прометей Прикованный» перед нами предстает настоящее люциферианское откровение: в своем мятеже против Зевса Прометей являет подлинное величие и благородство.

По самой распространенной версии мифа, Зевс отказался от попыток соблазнить Фетиду, чтобы та не родила сына, который свергнет его, как он сам некогда свергнул Кроноса. Фетида досталась смертному мужу Пелею и родила от него Ахиллеса. Согласно мифологической хронологии, когда Пелей участвовал в походе аргонавтов, Ахиллес уже родился и находился на воспитании у кентавра Хирона. Соответственно, Гера предрекает Фетиде, что Ахиллес возьмет в жены Медею, когда сойдет под землю, на Елисейские поля. Трудно не усмотреть в этом исполнение пророчества об отце, низвергнуть которого суждено сыну. Отец — Аид или Зевс — похищает деву; молодой герой, будь то Ахиллес, Ясон или фракийский божественный царь дионисийского образца, в свой черед получает в жены дочь — Елену, Медею или Мелиссу, общим прообразом которых служит Персефона. Такого исхода следует ожидать, и Аполлоний лишь ненадолго откладывает предсказуемый финал истории.

Далее Фетида, повинуясь Гере, посещает своего смертного мужа Пелея, отца Ахиллеса, и приносит ему весть для

аргонавтов. Несколькими годами ранее супруги разошлись: проснувшись среди ночи, Пелей увидел, что Фетида проносит их сына сквозь огонь, предварительно умастив тело ребенка амброзией. Этот обряд должен был сделать Ахиллеса бессмертным, но Пелей помешал завершить его, вскрикнув от испуга. Фетида в гневе покинула мужа и вернулась в море. Полный раскаяния и смущенный явлением Фетиды, Пелей передает ее наставления своим товарищам.

Попутный ветер, посланный Герой, быстро приносит аргонавтов к острову Антемоэсса (этот остров к западу от Неаполя можно отождествить с Исхией или Капри).

Сирены

На острове Антемоэсса обитают Сирены — чудовищные птицы с головами женщин, пением заманивающие моряков на гибель. Согласно Аполлонию, Сирены — дочери речного бога Ахелоя и музы Терпсихоры. Известны и другие мнения по поводу их родословной, и одно из них стоит рассмотреть подробнее. По этой версии, Сирены — дочери морского бога Форкия, а значит — сёстры Грай и Горгон, а также дракона и нимф, сторживших золотые яблоки Гесперид.

О Сиренах мы уже упоминали в связи с переносом подземного путешествия в звездное небо, когда обсуждали платоновское «Видение Эра». Не без влияния пифагорейцев Платон поместил их охранять восемь небесных сфер: семь планет и сферу неподвижных звезд. В этом контексте «музыка сфер» — не что иное, как песня Сирен. В древнейших известных нам источниках упоминаются только две Сирены, причем с восхитительными «варварскими» именами: одну зовут Аглаофема («прекрасная речь»), или Гиморепа («нежный голос»), а другую — Тельксиепия («чарующая речь»). В более поздних версиях их становится трое: некоторые авторы добавляют к вышеупомянутым двум Пейсиною («убедительную»). Аполлодор упоминает, что Пейсиноя играет на лире, Аглаофема (которую он называет Аглаопой) поет, а Тельксиепия аккомпанирует им на флейте. Известен и другой перечень имен: Партенопа («поющая девичьим голосом»), Лигейя («пронзительная»)

и Левкосия («белая»). Встречается также вариант с четырьмя Сиренами: Тельксиепия, Аглаофема, Пейсиноя и Мольпа («песнь»). Таким образом, в общей сложности получается восемь имен, которые только и ждут, чтобы какой-нибудь современный мифограф распределил их между восемью небесными сферами из платоновского откровения. С удовольствием предлагаю свой вариант:

Небесная сфера	Сирена
Неподвижные звезды	Левкосия
Сатурн	Гиморепа
Юпитер	Мольпа
Марс	Лигейя
Солнце	Пейсиноя
Венера	Аглаопа
Меркурий	Тельксиепия
Луна	Партенопа

Аполлоний приводит предание о том, что Сирены некогда были служанками Персефоны еще до того, как ее похитил Аид. Певицами они были изначально; как сообщает наш автор, они тешили Персефону «песнью согласной». Деметра превратила их в птиц то ли в наказание за то, что они упустили Персефону, то ли для того, чтобы они помогали в ее поисках. Изображения птиц очень часто встречаются на надгробных памятниках и даже среди заупокойных даров. На этом основании можно предположить, что в культовой практике они играли роль психопомпов. Эти представления естественным образом ассоциируются с погребальным плачем как магическим песнопением. Если же добавить к этим ассоциациям образы крылатых существ, стерегущих небесные сферы, то будет нетрудно представить себе в общих чертах некий ритуал анабасиса.

Сходство Сирен с маленькими фигурками птицелюдей, в виде которых в древнегреческом искусстве часто изображали духов умерших, далеко не случайно. Более того, некоторые иконографические черты роднят Сирен и духов с Эриниями, или Фуриями. Изначально Сирены представлялись в виде птиц с человеческими головами, и на древнейших изображениях они бородаты, но в более позднем искусстве и мифологии устойчиво принимают женский облик. Еще позже Сирен стали изображать в виде женщин с рыбьими хвостами подобно русалкам. В этом обличье предстает и Ла Сирена — дух-лоа

в традиции вуду, водная форма Фреды — вудуистской Венеры. Сходство с рыбохвостой богиней Атаргатис само по себе может быть и случайным, но оно позволяет связать образ Сирен с Диркой и Астаротом. Стоит добавить, что 42-й демон «Гоэтии» Вепар описывается как существо, похожее на русалку; в таблице управителей из моего «Истинного гримуара» этот демон относится к числу подчиненных Астарота.

Персефона

Первоначально богиня-дочь была лишь ипостасью Великой Матери богов, но в классическом мифе и в Элевсинских мистериях Персефона предстает как самостоятельная фигура — дочь хтонической богини Деметры и Зевса как Неба-Отца. У Гомера она упоминается под именем «Персефонейя»; форма «Персефона» впервые появляется лишь у Гесиода (который, напомним, был ревностным почитателем Гекаты). Другие известные варианты ее имени — Персефасса, Персефатта, Ферсефатта, Ферефатта и Ферсефонейя. Ее римский эквивалент — Прозерпина; некоторые элементы ее италийского культа, особенно на Сицилии, возникли независимо и еще задолго до классического влияния.

Имя (или, скорее, эпитет) «Кора», означающее «дочь» (Деметры), Персефона получила в Аттике после учреждения Элевсинских мистерий: этих богинь нередко называли просто «Мать и Дочь» (Метер и Кора). Однако в гомеровском эпосе нет никаких указаний на то, что Персефона считалась дочерью Деметры или, если уж на то пошло, кроткой юной богиней. Гомер описывает ее просто как жену Аида, носящую такие эпитеты, как Эпайна («страшная», «грозная») и Агава («прославленная», «достославная»).

Миф о похищении Персефоны Аидом впервые излагается у Гесиода, тогда как у Гомера она обитает в подземном мире изначально и никак не связывается с весенним обновлением природы. Не исключено, что эпизод с похищением пришел в мифологию Персефоны из брачных ритуалов. Овидий в «Метаморфозах» делает свидетельницей похищения водяную нимфу Аретузу, и та рассказывает Деметре о том, что ей довелось увидеть:

...Для потока доступна, дорогу
Мне открывает земля; пройдя по глубинным пещерам,
Здесь я подъемлю чело и смотрю на забытые звезды.
Там-то, когда я текла под землею стремниной стигийской,
Я Прозерпину твою лицезрела своими глазами.
Так же печальна она, с таким же испуганным ликом,
Но государыней там великою темного царства,
Но преисподних царя могучею стала супругой![1]

Ее символы в этом контексте — факел (или два скрещенных факела) и венец; с ними Персефона изображается и самостоятельно, и тогда, когда восседает на троне рядом с Аидом. Но, как и в случае с Дионисом, которого Гомер обходит относительным молчанием, переоценивать недостаток сведений о Персефоне в «Илиаде» и «Одиссее» не стоит. Скорее всего, некоторые элементы ее мифа просто не нашли себе места в аристократическом эпосе. Впрочем, сельскохозяйственная роль Персефоны не слишком нас интересует, так что останавливаться на ней подробно мы не станем.

В связи с Персефоной как царицей загробного мира бытовало поверье, что ни один человек не может умереть до тех пор, пока она или ее служанка Атропос не срежет с его головы волосок. Возможно, этот миф восходит к обычаю срезать волосы и разбрасывать их перед дверью в качестве подношения Персефоне.

Но самое прямое и, пожалуй, важнейшее отношение к нашему исследованию Персефона имеет как первая мать Диониса. В орфической версии этого мифа Диониса убивают титаны, которых затем истребляет молниями его отец, Зевс. Из дыма и гари от их обожженных тел были сотворены первые люди и, таким образом, род человеческий унаследовал вину титанов — своего рода первородный грех. Искуплению этого греха служили аскетические практики орфизма и знаменитый обряд «посвящения мертвых», о котором Платон упоминает в связи с гоэтией. Добившись от Персефоны прощения, душа умершего обретала место на Островах Блаженных. Посвященный, искупивший вину титанов, приобщался к божественной природе

1 Овидий, «Метаморфозы», V.501—508, пер. С. Шервинского.

Диониса и теперь мог с чистым сердцем провозгласить: «Я — дитя Земли и Звездного Неба». Эта фраза, встречающаяся на золотых погребальных табличках в захоронениях орфиков, перекликается с гимном Деметре из Элевсинских мистерий.

* * *

Едва миновав Сирен, аргонавты снова сталкиваются с опасностью: им предстоит пройти между Скиллой и Харибдой. Но Гера, предвидевшая это, спасает героев: по ее велению девы-нереиды благополучно проводят «Арго» мимо всех препятствий. Стоя на вершине скалы и опершись на огромный молот, за этим чудом наблюдает Гефест (кузница которого находилась неподалеку). Едва ли можно считать случайностью то, что Аполлоний вводит его в повествование так часто.

Приключение со Скиллой и Харибдой — еще одна дань уважения той мифологической географии, которой следовал Гомер в «Одиссее». Чудовища Скилла и Харибда — олицетворения опасных подводных скал и смертоносного водоворота. Миф о Скилле представляет для нас особый интерес отчасти потому, что в нем фигурируют и Тифон, и Кирка. Когда-то Скилла была прекрасной нимфой, как это ни странно для дочери Тифона (или, по другой версии, Форкия). В нее влюбился морской бог Главк; Скилла отвергла его, и тогда Главк обратился за помощью к Кирке, славившейся своим чародейским искусством. Но Кирка сама была влюблена в Главка и первым делом попыталась заставить его забыть о Скилле. Из этого ничего не вышло, и тогда Кирка отомстила сопернице, добавив волшебных трав в источник, в котором та купалась. Скилла превратилась в ужасное чудовище на двенадцати ногах и с шестью собачьими головами, в пасти у каждой из которых было по три ряда зубов. В отчаянии она бросилась в море и тотчас превратилась в смертоносные скалы близ водоворота Харибды.

> Остров один существует, — цветущий, большой, пред заливом
> Он распростерт Ионийским среди Керавнийского моря,
> Молвят, что серп лежит под ним (вы простите, о Музы, —
> Я против воли о древних делах повествую), которым
> Крон детородный член отсек у отца. А другие

Молвят, будто Део этот серп, подрезающий колос:
Ибо некогда в той земле Део обитала. Там и
Титанов она из любви научила к Макриде
Хлебные злаки сжинать, потому Серпом и зовется
Остров, пестун святой феакийцев, — они ведь и сами
Род свой от крови Урана ведут, мужи-феакийцы.
К ним Арго после многих трудов, перед тем понесенных,
С ветром попутным пришел, Тринакийское море покинув.
Принял радушно друзей Алкиной и народ его, встретив
Жертвой отрадною их, и полон был град ликованья,
Ты бы сказал, что всяк был им рад, как родным своим детям![1]

В этом отрывке, где Аполлоний просит прощения у Муз за невольное обращение к «древним делам», упоминается Макрида — кормилица Диониса. Соединение всех этих тем не случайно. Серп Кроноса — известный мотив, но куда менее известно, что владение этим орудием приписывали хтонической богине Део (Деметре). В четвертой книге я упоминал, что изготовили этот серп тельхины и что он связан, с одной стороны, с Артемидой Ортией, а с другой — с халибами, которые, в свою очередь, ассоциировались с Кибелой в ее доклассической форме. Стоит отметить и то, что халибы были, так сказать, не столько кастратами, сколько кастраторами. Изысканного эллина, каковым был автор «Аргонавтики», явно смущают некоторые варварские обычаи, но в то же время он — страстный поклонник орфических таинств, возникших на их основе.

Один из важных аспектов этих таинств — мистический брак, мифологический прототип которого — бракосочетание Ясона и Медеи. Именно здесь, на острове феаков, они справляют свадьбу. Между тем некоторые из колхов, преследовавшие их, прибывают на тот же остров, и аргонавтам грозит нешуточная опасность, однако царь феаков Алкиной предотвращает битву. Согласно Аполлонию, Алкиной встает на сторону аргонавтов по просьбе своей жены Ареты, сжалившейся над Медеей. Он объявляет колхам, что если Медея все еще дева, они могут забрать ее и вернуть отцу, но в противном случае она

1 «Аргонавтика», IV.982—997.

принадлежит Ясону как своему законному мужу. В действительности это уловка, потому что Медея узнаёт об этом условии заранее и они с Ясоном поспешно сочетаются браком. Поскольку нас интересуют не столько древние права отцов и мужей, сколько тема бракосочетания, обратимся именно к ней и снова дадим слово поэту:

> Тотчас с вином для блаженных богов кратер приготовив,
> Как надлежит, овец к алтарю подвели по обряду.
> В эту же ночь они приготовили брачное ложе
> Деве в пещере святой, где жила когда-то Макрида,
> Кроткого дочь Аристея, который пчелиного роя
> Свету изделье явил и жир многотрудной оливы.
> <...>
> Там разостлали они просторное ложе, а сверху
> Яркий струившее блеск руно золотое, чтоб почесть
> Браку воздать и прославить его. Цветов же узорных
> Нимфы нарвали для них и к ним на лоне лилейном
> Их принесли: все вокруг, как огнем, озарилось сияньем, —
> Блеск струили такой завитки руна золотые
> И зажигали в очах желание сладкое. <...>
> И до сих пор называют священной пещерой Медеи
> Ту пещеру, где их съединили нимфы друг с другом,
> Распростерев им душистый покров[1].

В контексте сюжета это выглядит как брак по расчету, необходимый, чтобы избежать высылки с острова феаков, но в то же время упоминание о пещере и другие детали придают ему более глубокий смысл. Важным элементом дионисийских обрядов был мистический брак, из всех подобных ритуалов обсуждавшийся наиболее открыто, но, как ни странно, единственный, который не называли иерогамией. В Афинах и Аттике в целом, где едва ли могли сохраниться пережитки микенской культуры, жена архонта сочеталась временным браком с божеством. В этом ритуале за участниками сохранялись титулы царя (басилея) и царицы, несмотря на то, что

1 «Аргонавтика», IV.1128—1133, 1141—1147, 1153—1155.

государственным строем Афин была демократия. В текстах, написанных микенским линейным письмом Б, титул «басилей» носит не правитель, а глава цеха кузнецов. Велик соблазн усмотреть в этом связь между дионисийскими культами и религиозно-политическим статусом кузнецов в хеттской культуре. Огненное богоявление Диониса в «Вакханках» Еврипида придает еще больше веса подобному предположению. Но в любом случае Медея и Ясон принимают на себя магико-религиозные роли: они — живые воплощения бога и богини, соединяющиеся глубоко осмысленным образом, будь то ради плодородия или в каких-то иных метафорических целях. По одной из моделей ведущим партнером в таком союзе выступает женское божество. Подобным браком скреплялся статус фракийского царя-героя, достигавшего таким образом божественности еще при жизни. По другой модели смертная жена смертного басилея сочетается браком с божеством (Дионисом). Но во многих отношениях между двумя этими моделями нет никакой существенной разницы. Важно то, что священное бракосочетание подчеркивает божественный статус Медеи и культовое значение многих эпизодов ее истории.

Колхи принимают свершившийся факт, и повествование продолжается, но прежде чем герои покидают остров феаков, Аполлоний упоминает еще ряд важных деталей:

> Там и доныне Мойр и нимф алтари ежегодно
> В дар получают куренья у Феба Номия в храме,—
> Те алтари, что были Медеей воздвигнуты. Много
> И Алкиной преподнес минийцам даров при отъезде,
> Много дала и Арета, прибавив к подаркам двенадцать
> Из феакийских чертогов служанок в дорогу Медее[1].

Роль Феба-Аполлона как пастушеского божества очевидна, и жертвы Мойрам и нимфам тоже имеют непосредственное отношение к нашей теме. Двенадцать служанок явно приходят на смену бывшим прислужницам Медеи как жрицы Гекаты. Первая ассоциация, которая приходит на ум, — это ведовской ковен; но здесь в древнем контексте они соотносятся скорее с двенадцатью олимпийцами и с солнечным или

1 Там же, IV.1217—1222.

лунным зодиаком, окружающим богиню пантеистического образца.

> День седьмой наступил — и Дрепан был покинут.
> Попутный
> Ветер, Зевесов дар, подул с утра, и, гонимы
> Ветром, помчались они вперед. Но пока еще судьбы
> Не позволяли ступить на землю Ахеи героям, —
> Раньше еще им в краю пострадать предстояло Ливийском[1].

Аргонавты идут вдоль западного побережья Северной Греции и уже приближаются к дому, когда в их путешествие снова вмешивается судьба. Поднимается свирепая буря, и корабль несет на юг, в Ливийское море и в залив Сирту, «откуда нету возврата». Прилив забрасывает «Арго» далеко на берег; герои сходят с корабля и оказываются посреди зловещей пустыни, окутанной туманом, безводной и безлюдной. Кормчий Анкей разъясняет своим спутникам, в какое бедственное положение они попали: вернуться в море корабль отсюда не может, а выжить на берегу тоже кажется невозможным. Аргонавты в отчаянии разбредаются кто куда, ложатся, закутав головы плащами, и ждут неизбежной смерти. Служанки Медеи между тем собираются вокруг нее и заводят горестный плач. Однако не все еще потеряно:

> Но пожалели, когда убывать в них начали силы,
> Их героини Ливийские, эти блюдущие земли.
> Это они, когда из главы отца появилась
> На свет Афина, ее повстречав, в Тритониде омыли[2].

Аполлоний не сообщал, совпадало ли число этих «героинь», или нимф, с количеством служанок Медеи. Однако именно с упоминания об алтарях нимф он начал рассказ об этой стадии путешествия и теперь упоминает о других нимфах, стражницах Ливийской пустыни. Героини эти, разумеется, напоминают ливийских жриц и ассоциировались у древних греков с

1 Там же, IV.1223—1227.

2 Там же, IV.1308—1311.

богиней Афиной. Скорее всего, эта ассоциация восходила к глубокой древности, к тем временам, когда сама Афина не имела почти ничего общего с официальной покровительницей одноименного города. Не исключено даже, что эта древняя Афина отождествлялась с ливийской Сивиллой и с другими архаическими богинями, память о которых сохранилась в образе Ламии. Более поздние контакты между Ливией и Грецией связаны с основанием Кирены — города, тоже играющего определенную роль в истории аргонавтов. Также следует вспомнить об оракуле Аммона в Сиве, связанном с образом Ливийской Сивиллы. Козьи шкуры, в которые облачены ивийские нимфы, отсылают к оргиастическим культам наподобие обрядов Диониса. Это особенно важно в свете того вещего совета, который нимфы дают Ясону:

> Полдень уже наступил, и лучи палящие солнца
> Ливию жгли. К Эзониду тогда подошли героини,
> Встали, рукой осторожно с главы его скинули пеплос.
> Он же отвел, отвернувшись от них, свои в сторону очи,
> Вдруг устыдившись богинь. А они, едва лишь явились
> Перед героем смущенным, промолвили ласково вот что:
> «Бедный, зачем всей душой унынию ты предаешься?
> Знаем, что вы за руном золотым устремились, и знаем
> Все о ваших трудах, о безмерных делах, что свершили
> Вы и на суше и в море, когда по пучинам скитались.
> Здешних жилицы пустынь, героини, Ливийского края
> Дочери, стражи сих мест, богини мы с голосом звонким![1]

Слово «героини» в этом контексте употреблено неслучайно: герои в классической Греции почитались как стражи городов, в которых поклонялись тому или иному из них. Нимфы, как и герои, были в основе своей хтоническими персонажами, способными посылать пророчества и вызывать одержимость и ритуальное неистовство. Возможно, стоит также принять во внимание ту помощь, которую вскоре окажет аргонавтам Афина: не исключено, что на Аполлония повлияли представления о связи этой богини с ливийскими нимфами.

[1] Там же, IV.1312—1323.

Встань же и более так не крушись, тоске предаваясь!
Ну-ка, друзей подними! А когда для тебя Амфитрита
Быструю Посейдона сама отпряжет колесницу,
Матери сразу своей по заслугам воздайте награду
Вы за труды, что она претерпела, нося вас во чреве,
И в Ахеиду тогда вы святую обратно вернетесь».
Молвили так и пропали из глаз еще прежде, чем голос
Их в ушах отзвучал. А Язон, вокруг оглянувшись
По сторонам, опустился затем на песок и промолвил:
«Милость явите, о вы, пустынь жилицы, богини
Славные! Мне не понять ваших слов насчет возвращенья.
Лучше друзей соберу и поведаю все, — не поймем ли
Мы возвращенья примет: ум хорош, но два все же лучше!»[1]

Этим пророчеством ливийских нимф открывается следующий этап путешествия. Ясон ободряет своих спутников рассказом о явившемся ему видении; остается только понять, что оно означает. Амфитрита — это, как известно, богиня моря, жена Посейдона. Обещание нимф, что она отпряжет колесницу Посейдона, вскоре проясняется: из морской пучины на берег выпрыгивает огромный конь и мчится прочь через пустыню. Один из самых старших аргонавтов — герой Пелей, сын знаменитого Эака, ставшего судьей в загробном мире, и отец Ахилла от другой морской богини, Фетиды. Именно в его уста Аполлоний вкладывает разгадку пророчества:

«Я говорю, что ныне уже отпрягла колесницу
Для Посейдона супруга сама своей милой рукою.
Что же до матери нашей, то так назову лишь одну я
Нашу ладью. Ведь она, нас упорно неся в своем чреве
Терпит немало невзгод и трудов, едва выносимых.
Мы же ее на свои некрушимые плечи возложим
И, не жалея сил, понесем далеко по песчаной
Этой земле, той дорогой, где конь быстроногий пронесся.

1 Там же, IV.1324—1336.

Ведь не сойдет же он вниз, под землю! Я так уповаю,
Что приведет его след где-нибудь нас к заливу морскому»[1].

Аргонавты поднимают свой корабль и несут его через пески на плечах. Скрытый смысл этого эпизода следует искать в дионисийских ритуалах. С VI века до н. э. Дионису посвящался обряд, в котором процессия несла на плечах или катила на колесах ладью. Буркерт связывает это с легендой о Дионисе, известной из гомеровских гимнов. По одной из версий легенды, легшей в основу этого обряда, Дионис нанял корабль, чтобы тот доставил его из Икарии на остров Наксос, но команда оказалась пиратской. Не узнав в Дионисе бога, пираты решили отвезти его в Азию и там продать в рабство. Тогда бог превратил мачты и весла корабля в змей, а сам принял облик льва; весь корабль пророс стеблем плюща, а воздух наполнился музыкой флейт. В страхе пираты бросились в воду и были превращены в дельфинов; спасся только кормчий Акет, который с самого начала возражал против плана своих товарищей. По другой версии, пираты захватили Диониса в плен по собственной инициативе, когда он в образе прекрасного юноши прилег отдохнуть на берегу Хиоса или Икарии. Так или иначе, Акет преисполнился страха перед чудовищной мощью бога, но Дионис успокоил его, после чего они вдвоем благополучно прибыли на остров Наксос, как и собирались. В некоторых вариантах мифа о Дионисе и царе Пенфее последний заявляет, что Дионис не бог, а тот самый кормчий. Это становится понятным в свете того, что в вышеописанном ритуале кормчий корабля выступает как жрец Диониса и, без сомнения, в некотором смысле служит его олицетворением.

Дионис был главным божеством Наксоса, поселение на котором, по-видимому, основали колонисты из Карии. В мифах о Дионисе этот остров играет немаловажную роль. Именно сюда Дионис вернулся с триумфом из своего похода в Индию — путешествия, в котором он посещает чужие земли и возвращается на родину и которое, в свою очередь, следует считать одним из ключевых элементов мифа об этом божестве. Именно на Наксосе Дионис спас Ариадну, которая помогла

1 Там же, IV.1370—1379.

Тесею убить Минотавра и которую тот же Тесей затем бросил на этом острове. Дионис оказывается не только сыном Персефоны, но и, как супруг Ариадны, зятем Миноса — еще одного судьи загробного мира; это обстоятельство лишний раз подчеркивает его хтоническую природу.

Кроме того, Ариадна схожа с Медеей: она тоже помогает чужеземному герою, выступая при этом против собственного отца-царя. Однако роль Медеи важнее настолько же, насколько Ясон уступает по своим личным способностям Тесею и гомеровским героям. В отличие от Ариадны и других девпомощниц, она очень далека от стереотипного образа беспомощной «дамы в беде»; эта страстная дикарка рушит каноны и установления «цивилизованного» общества, на каждом шагу отвергая второстепенные роли, отведенные в нем для женщин.

Следующее важное событие «Аргонавтики» — смерть Мопса, мифического прорицателя и, как мы уже знаем, объекта оракульного культа. Мопс становится вторым из аргонавтов, умерших в Ливии; он погибает от укуса змеи — животного, тесно связанного с хтоническими героями и оракулами, но Аполлоний со всей щепетильностью объявляет эту рептилию ни в чем не повинной и добавляет живописные подробности о том, насколько смертоносен ее яд от природы:

> Змей средь песков приютился, от жара полудня скрываясь,
> Тех, кто не трогал его, и он, ленивый, не трогал
> И не бросался вослед от него бегущим в испуге.
> Но если черный яд в существо впускал он живое,
> То для любого из тех, кто питаем земли плодородьем,
> Пусть до Аида лежал длиной не более локтя,
> Хоть бы и сам Пэан, если можно сказать это прямо,
> Стал бы того врачевать, кого змей зубами коснулся[1].

Рассуждать здесь о том, почему нельзя «сказать это прямо», пожалуй, было бы неуместно. Отметим, однако, что Пэаном (Пэоном) звали врачевателя, который прибыл с ахейцами под Трою и исцелял даже раны, нанесенные самими богами. В его

1 Там же, IV.1505—1512.

честь выдающихся врачей именовали Пэониями, и по его имени был назван цветок пион, обладающий лечебными свойствами.

> Ведь богоравный когда пролетал над Ливийской землею
> Евримедонт-Персей (так его называла Даная), Дабы
> Горгоны главу, что отсек он, владыке доставить;
> Сколько черной крови ни скатилось капель на землю,
> Все до одной превратились они в тех гадов свирепых[1].

Иными словами, наш автор связывает появление ядовитых змей в Ливийской пустыне с пролитой кровью Медузы. Вспоминается миф о происхождении аконита из слюны Кербера. Как бы там ни было, в связи с подобной историолой яд в ритуальном контексте вполне мог именоваться кровью Медузы.

> Медные взяв лопаты, глубокую стали минийцы
> Наскоро рыть могилу; затем и герои и девы
> Волосы начали рвать на себе, рыдая над другом,
> Жалкою смертью погибшим, и трижды с оружьем вкруг тела
> Все обошли и, почтив его так, прикрыли землею[2].

Упоминание о рыдающих девах — прямая отсылка к древнему погребальному обряду, к которому восходит само понятие гоэтии. Ритуальный танец с оружием — аллюзия на пляску корибантов. Кроме того, местонахождение могилы прорицателя в Ливи может указывать на какое-то оракульное святилище в тех краях (скорее всего, это не храм Юпитера-Аммона, а еще какой-то оракул). Сразу же после этого герои, добравшись до озера Тритониды, продолжают свой путь, но никак не могут отыскать выход в море.

> Тут приказал Орфей посвятить Аполлона треножник,
> Сняв с корабля, богам этих мест во имя возврата;
> На берег выйдя, друзья водрузили дар Аполлонов.
> Юноши облик приняв, явился сам многомощный

1 Там же, IV.1513—1517.

2 Там же, IV.1532—1536.

Бог Тритон и, ком земли подняв, как подарок
Им его протянул и с таким обратился к ним словом:
«Друга, возьмите его! Ведь другого подарка ценнее
Нет у меня сейчас, чтоб вручить вам, сюда занесенным,
Если же этих морей пути узнать вы хотите
(Их на чужбину попавший всегда разведать желает),
Все расскажу вам. Отец Посейдон меня лучшим соделал
Здешних морей знатоком. Во мне владыку приморья
Можете зреть, коль вам, чужеземцам, известно, что некий
В Ливии есть Еврипил, сын страны той, богатой зверями»[1].

Ком земли — на первый взгляд, бесполезный подарок, но в действительности по древнему обычаю это не что иное, как залог гостеприимства. В данном случае подобный дар еще более ценен, поскольку означает право на землю, освященную божеством. Перед нами не что иное, как мифологическая легитимация греческих городов в Ливии, прежде всего — города Кирена, связанного с Аристеем. Морской бог Тритон, подчиняясь магии Орфеева дара, является в облике благородного юноши по имени Еврипил. Согласно Пиндару, Еврипил был сыном Посейдона, колебателя земли, бессмертного Энносигея. Схолиаст Аполлония, уже не раз сослуживший нам добрую службу, приводит имя матери Еврипила — Келено. Она была дочерью Атланта; после смерти боги поместили ее на небо как одну из Плеяд. Будучи в некотором отношении проходным персонажем, Еврипил, тем не менее, связывает воедино многие из нитей нашего гобелена, а потому заслуживает отдельного рассказа.

Еврипил

Герой Еврипил (Эврипил), о родителях которого мы кратко сказали выше, был царевичем или царем той земли, на которой впоследствии был построен город Кирена. Он фигурировал в

1 Там же, IV.1548—1561.

различных греческих мифах, играя то одну, то другую роль, но главные его черты оставались неизменными. Много интересных подробностей о нем приводит Павсаний. Когда греки захватили Трою и стали делить добычу, Еврипил

> ...получил на свою долю ларец; в этом ларце было изображение Диониса, творение, как говорят, Гефеста, данное в качестве дара от Зевса Дардану. Об этом ларце есть еще два других предания — во-первых, что будто бы во время бегства Эней оставил его, и, во-вторых, как рассказывают другие, он был брошен Кассандрой на несчастье тому из эллинов, который его найдет. Так вот Еврипил открыл ларец, увидал изображение и тотчас, как только увидал, сошел с ума. И с тех пор он большую часть времени оставался безумным, редко приходя в себя[1].

Этот роковой дар Зевса во многом похож на знаменитый ящик Пандоры, в мифе о котором тоже фигурирует Гефест. Кроме того, в мифе о ларце Еврипила присутствуют хорошо знакомые нам персонажи: Дионис, Гефест, кабир Дардан и сивилла Кассандра. Сам Еврипил, пораженный безумием, не вернулся к себе в Фессалию, а отправился в странствия и в конце концов прибыл в Дельфы:

> Поднявшись оттуда в Дельфы, он спросил божественного указания относительно своей болезни. И, говорят, ему было дано предсказание: там, где он встретит людей, приносящих чуждые (эллинам) жертвы, там водрузить и ларец, и самому поселиться. Ветер пригнал корабли Эврипила к морскому берегу возле Арои. Выйдя на берег, он попал в тот момент, когда юношу и девушку вели к алтарю Артемиды Трикларии в жертву[2].

В этой области Ахайи богине ежегодно приносили такую жертву во искупление одного давнего преступления. Когда-то

1 Павсаний, «Описание Эллады», VII.19.3, пер. С. Кондратьева.

2 Там же, VII.19.1.

прекрасный юноша Меланипп полюбил Комето, жрицу храма Артемиды, и посватался к ней, но получил отказ от ее отца.

> Тогда Комето и Меланипп насладились полностью в самом храме Артемиды своей страстной любовью. Они собирались и в дальнейшем пользоваться храмом все так же, как своим брачным чертогом, но внезапно гнев Артемиды обрушился на людей: земля перестала приносить плоды, их поразили необычные болезни со смертными случаями, более частыми, чем прежде. Когда при этих бедствиях они прибегли к помощи божественного откровения в Дельфах, то Пифия открыла преступление Меланиппа и Комето; и веление бога было — их самих принести в жертву Артемиде и затем каждый год приносить богине в жертву девушку и юношу, которые были самыми красивыми. <...> Достойна сожаления судьба юношей и девушек, которые гибли как жертвы богине из-за Меланиппа и Комето, сами неповинные ни в чем, достойны сожаления и их родственники...[1]

Незадолго до прибытия Еврипила

> ... народу было предсказано из Дельф, что в их землю прибудет иноземный царь, везя с собой иноземное божество; он-то и прекратит все, что творится при жертвах Артемиде Трикларии.
>
> <...> Ветер пригнал корабли Еврипила к морскому берегу возле Арои. Выйдя на берег, он попал в тот момент, когда юношу и девушку вели к алтарю Артемиды Трикларии в жертву. И тут нетрудно было ему понять (слова бога) о жертвоприношении: и местным жителям пришло на память предсказание, когда они увидали царя, которого прежде они не видели, и относительно ларца они поняли, что в нем заключается некий бог. Так прекратилась болезнь у Еврипила, а у живших там эти (кровавые) жертвы богине...[2]

1 Павсаний, «Описание Эллады», VII.19.1.

2 Там же, VII.19.2—3.

В результате новый культ Диониса объединился со старым культом Артемиды Трикларии:

> Бог, который находится в ларце, именуется Эсимнетом (Владыкой); тех, которые служат специально ему, всего девять человек, их выбирает народ по их достоинству из числа всех граждан; столько же выбирается и женщин. В праздничную ночь один только раз выносит наружу жрец этот ларец. Это особенность и торжественный акт специально этой ночи. Кроме того, часть молодых людей, детей местных жителей, украсив свои головы венками из колосьев, спускается к реке Мелиху: некогда так украшались те, кого вели на жертву Артемиде. В наше же время они складывают свои венки из колосьев у статуи богини и, омывшись в реке, вновь возлагают на себя венки, но уже из плюща и так идут к храму Эсимнета. Так установлено у них совершать это торжественное служение[1].

Таким образом, Еврипил — важное связующее звено между местными обрядами Артемиды и новым культом Диониса. Когда Еврипил умер, его похоронили между храмом и жертвенником Артемиды, но самому ему стали поклоняться как герою в рамках культа Диониса. Стоит отметить, что в том же городе имелся храм Кибелы с двумя статуями: изваяние богини было выставлено на всеобщее обозрение, а статую Аттиса скрывали от людских глаз.

В то же области Ахайи сохранялись и другие древние обряды, в связи с которыми стоит еще раз процитировать Павсания. Из его рассказа о другом обряде Артемиды явствует, что жрица фактически олицетворяла богиню в ритуале, и это — пример того, что в архаических культах служители богов нередко отождествлялись с самими божествами.

> Жители Патр каждый год совершают в честь Артемиды празднества, называемые Лафрии, во время которых они приносят жертвы по местному обычаю. Кругом у алтаря они вбивают колья еще зеленые, каждый в

1 Там же, VII.20.1.

> 16 локтей длиной, а в середину на жертвенник они наваливают самых сухих дров. При наступлении праздника они делают и подход к жертвеннику совершенно ровным, заваливая землей ступени жертвенника. Праздник открывается блестящей и великолепной процессией в честь Артемиды; ее жрица, девушка, едет в конце процессии на колеснице, запряженной ланями. Жертвоприношение же у них установлено совершать во время этого праздника только на следующий день, причем и частные лица не меньше, чем государство, прилагают все усилия к тому, чтобы праздник был пышным и торжественным. Бросают на жертвенник живых птиц из тех, которых употребляют в пищу, и всяких других жертвенных животных, кроме того, диких свиней, оленей и косуль; другие приносят волчат и медвежат, а иные и взрослых животных. На алтарь кладут также плоды культивированных фруктовых деревьев. После этого поджигаются дрова. Я видел здесь, как медведи и другие животные, лишь только огонь начинал охватывать дрова, бросались за загородку, и некоторым удавалось силою прорваться; но те, которые их привели сюда, вновь заставляют их вернуться на костер. И никто не помнит, чтобы какой-либо зверь тронул хоть одного из присутствующих[1].

Здесь, в Патрах, тоже был известен миф о Еврипиле и чудесном ларце, изготовленном богом огня. Описанный Павсанием древний варварский обряд с участием диких животных заслуживает внимательного рассмотрения. Артемида, как и многие другие архаические богини, почиталась как Потния Терон — госпожа диких зверей. Еврипил в «Аргонавтике» представляется Ясону и его спутникам как уроженец Ливии — «страны <... >, богатой зверями»[2]. Немаловажна и связь между Артемидой и Дионисом, которую он обеспечивает: Артемида — девственная охотница, как и нимфа Кирена; Аристей же, которому поклонялись жители города Кирена, — бог охоты и меда, тесно связанный с Дионисом. Кроме того, чрезвычайно

1 Там же, VII.18.7.

2 Аполлоний, «Аргонавтика», IV.1561.

интересен тот факт, что в мифе о Еврипиле фигурирует человеческое жертвоприношение. В «Энеиде» Вергилия, в эпизоде с Троянским конем (которого Вергилий описывает подробнее, чем Гомер), фигурирует прорицатель по имени Еврипил. Греки отправляют его к Аполлону за советом о том, как им безопасно вернуться домой, и Еврипил по возвращении объявляет, что бог велел принести человеческую жертву. В свете этого за гибелью Мопса в Ливийской пустыне, возможно, стоит нечто большее, чем кажется на первый взгляд. Мопс тоже был прорицателем и он умирает именно тогда, когда аргонавты пытаются отыскать путь домой.

* * *

Итак, бог Тритон в обличье Еврипила предстает перед аргонавтами и вручает им знаковый подарок — ком ливийской земли.

Так он сказал. И Евфем протянул с охотою руки
К глыбе земли и сказал в свой черед ему слово такое:
«Если слыхал ты, герой, об Аппиде, о море Минойском,
Если слыхал, отвечай откровенно тебя вопросившим.
Не по своей мы воле примчались сюда, но налетом
Бури свирепой на край земли заброшены этой.
Кверху поднявши корабль, мы до озера груз дотащили
Чрез материк, изныв от трудов, и не знаем мы, где же
Путь по морю лежит, чтоб прибыть нам в Пелопову землю».
Молвил он так,— и Тритон, простирая руку, на море
Издали им указал и на близкое озера устье.
«Там есть к морю проход, где недвижна, черная цветом,
Темно-бездонных вод глубина. С двух сторон воздымаясь,
Белые там берега сверкают ярко. Меж этих
Белых обрывов лежит узкий путь, — из озера выход!
Моря открытого гладь ведет, простираясь за Критом,
Вплоть до святых берегов земли Пелоповой. Только
В море когда из озера вы попадете, направо
Взяв и к земле прижимаясь, пути вы держитесь, покуда
Вверх он идет. Но только лишь станет вбок отклоняться,

В сторону твердь земная, тогда уж плаванье будет
Ваше идти без помех, когда мыс обогнете вы длинный.
Радостный путь вам, друзья! Пусть минуют труды и невзгоды
Вас чтоб от них не изныло цветущее юностью тело»[1].

Евфем — тоже сын Посейдона, а матерью его была Европа, дочь великого Тития. Таким образом, он состоит в родстве и с судьями Аида. Сыну Евфема, Лемносу, было предначертано основать город в Ливии, а согласно схолиям к Пиндару, женой его была Стеропа, дочь Гелиоса.

Указав аргонавтам выход в открытое море, бог Тритон скрывается в волнах вместе с треножником. Герои подводят к Ясону жертвенную овцу, тот закалывает ее, возносит молитву Тритону, и тотчас же бог появляется вновь, на сей раз в своем истинном облике. Выше пояса Тритон выглядит как человек, но вместо ног у него — раздвоенный рыбий хвост с плавниками в форме двух полумесяцев. Могучей рукою бог берет «Арго» за киль и выводит его в море, а затем снова погружается под воду. Герои возводят на берегу алтари Тритону и Посейдону и с первыми лучами солнца пускаются в путь. Через два дня

... скалистый, издали видный
Карпаф их принял. Потом подойти они к Криту сбирались,
Что среди других островов средь моря ясно виднелся[2].

Но тут их поджидает последнее суровое испытание:

Талос медный, однако, утесов крепких обломки
Стал в них бросать, не давая на берег закинуть причалы
И под защиту стать корабельной стоянки Диктейской.
В сонме полубогов он из всех остался последним
Ясенеродных мужей, происшедших от медного корня.
Дал Европе его сам Кронид, чтобы Крит охранял он,
Трижды в день на медных ногах обегая весь остров.

1 Там же, IV.1562—1585.

2 Там же, IV.1635—1637.

Руки его, и стопы, и все тело были из меди неуязвимой.
И лишь у лодыжки, внизу сухожилья,
Крови полная вена была, прикрытая тонкой
Кожей; она-то в себе его жизнь или смерть заключала.
Тотчас корабль от земли, уступая силе, герои,
Полные страха, назад отвели, налегая на весла[1].

Этот медный исполин — сложный образ, отчасти навеянный впечатлениями от родосского Колосса, хорошо знакомого Аполлонию. В нем соединились черты великана, магического автоматона и бога Гелиоса. Талос мечет в море огромные камни, мешая кораблю пристать к берегу.

Тут бы на горе свое они прочь от Крита отплыли,
Жаждою тяжкой томясь и от прочих лишений страдая,
Если бы им, спешащим уйти, не сказала Медея:
«Слушайте! Мнится, что мне одной укротить лишь под силу
Этого мужа, кто ни был бы он; хоть и медное тело
Сплошь у него, однако же есть предел его веку.
Здесь вы корабль держите спокойно, куда эти глыбы
Не долетят, пока он не даст себя укротить мне».
Молвила так. И они корабль отогнали на веслах
Прочь от летящих камней и ждали, что же измыслит
Дева сегодня. Она же, сокрыв ланиты в пурпурных
Складках одежды своей, через весь корабль по настилу
Палубы тихо пошла, где провел ее, между лавок
Шедшую, сам Эзонид, взяв рукой ее за руку. В песне
Стала чарами Кер, снедающих душу, проворных
Псов Аида к себе призывать, что, по воздуху рея,
Всюду среди живущих себе пребыванье находят.
К ним, колени склонив, она трижды с песней припала,
Трижды с мольбой. Замысливши зло, она взором враждебным
В Талоса медного очи впилась, их чаруя, и злобы
Гибельный яд в него влила; и видений ужасных
Рой пред очи его послала, полная гневом[2].

1 Там же, IV.1638—1650.
2 Там же, IV.1651—1672.

В различных источниках убийство Талоса Медеей описывают по-разному, но важно отметить, что свою роль здесь играют не только призванные духи, но и сила, заключенная в душе и глазах самой волшебницы. Фактически это первое в истории литературное описание сглаза.

Избавившись от Талоса, аргонавты проводят ночь на берегу и прежде чем продолжить путь, возводят святилище в честь Минойской Афины. Следующая ночь застает героев далеко от берега и окутывает их ужасающей тьмой:

> Только лишь Крит миновав, по большому морю помчались,
> Как испугала их ночь, что обычно зовут беспросветной,
> Ведь не сквозят через тьму этой гибельной ночи ни звезды,
> Ни мерцанье луны; то ли с неба мрак непроглядный
> Сходит, то ли из бездн подземных иная выходит Тьма.
> Не знали они, плывет ли судно в Аиде
> Иль по воде...[1]

Ясон, для разнообразия решивший взять дело в свои руки, взывает к Аполлону, заливаясь слезами. Эти слезы могут подразумевать искреннее чувство, но в то же время упоминание о них отсылает к мотиву погребального плача, имеющего, как мы знаем, важное магическое значение. Аполлон без промедления сходит с Олимпа, спускается к Меланийским скалам и воздевает свой лук (который описан здесь как солнечно-золотой, хотя обычно лук Аполлона считается серебряным и уподобляется лунному серпу). Ослепительный свет разгоняет ночную тьму, и взорам благодарных аргонавтов предстает островок, у которого они и бросают якорь. Осмотрев на рассвете остров, они дают ему имя «Анафа», что значит «Явленная в откровении». Возведя храм и алтарь Аполлону, они проводят обряд, подробности которого заслуживают нашего внимания. Запасы аргонавтов истощились: ни драгоценного масла, ни вина у них не оставалось, и совершить возлияние богу было

1 Там же, IV.1694—1700.

нечем, кроме воды. При виде столь скудного приношения служанки Медеи начинают смеяться. Герои, однако, не чувствуют себя оскорбленными: они подхватывают веселье и включаются в шуточную перебранку с девами. Этот эпизод Аполлоний приводит как объяснение местных обрядов, в которых мужчины приносили жертвы Аполлону, а женщины над ними потешались. Схожие забавы имели место и в Элевсинских обрядах: женщины обменивались непристойными шутками в память о старухе, некогда развеселившей таким образом скорбящую Деметру. Разумеется, подобные обычаи куда древнее благородного олимпийского культа. Они восходят к архаической религии и «деревенским» обрядам Деметры и Диониса, которых чуралась образованная знать.

Наутро устанавливается ясная погода, и аргонавты снова выходят в море. Рассказ близится к концу: рассказывать о том, что произошло после возвращения Ясона на родину, Аполлоний не намерен. Однако напоследок он уделяет внимание еще одному важному событию. Евфем, о котором упоминалось совсем недавно, вспоминает сон, привидевшийся ему той ночью. Фактически это еще одно божественное откровение: нам сообщают, что из уважения к Гермесу, именуемому богом сновидений, герой старается припомнить свой сон во всех подробностях. Перед нами любопытный пример практического благочестия: с одной стороны, божество посылает вещие сны, способные принести нам пользу, а с другой — мы обязаны относиться к ним с должным почтением. Итак, вот что вспоминает Евфем:

> Будто божественный дар, ком земли, что вез на груди он,
> Начал в руке у него источать молочные капли
> И что из кома жена, как ни был он мал, появилась,
> Деве подобна, и с ней он в любви затем сочетался,
> Страстью великой томим, и что плакал он, словно девица,
> С ней сочетавшись, зане он своею кормил ее грудью,
> И что она обратилась к нему с отрадною речью:
> «Друг, от Тритона мой род, твоих я потомков пестунья,
> Знай, что я не твоя, но Тритона и Ливии дочерь,
> Ты поручи Нереидам меня, чтобы в море широком

Я могла обитать близ Анафы. В грядущие годы
Выйду я снова на свет, твоим предназначена внукам»[1].

Евфем пересказывает свое сновидение Ясону. Честь истолкования этого сна Аполлоний вручает предводителю похода, хотя несколькими столетиями раньше Пиндар — чуткий поэт, умевший врачевать недуги музыкой, — вложил аналогичное толкование в уста Медеи:

... Чтобы в семнадцатом колене
Сбылось вещанье,
Которое выдохнула из несмертных уст
Мощная духом Медея,
Дочь Эета, властительница колхов.

А сказала она так
Перед полубогами, что плыли с копьеносным Ясоном:
«Слушайте меня, сыны богов и сильных духом мужей!
Будет день,
И от этой земли, бичуемой морем,
Дочь Эпафа
Возьмет на рассаду для почвы Зевса Аммона
Корень городов,
Сладкий смертным»[2].

Ясон в эпосе Аполлония толкует сон Евфема в более ясных словах:

«Истинно, ждет тебя, друг, великая громкая слава!
В море брошенный ком превратят бессмертные в остров:
Дабы потомки твоих детей обрели там обитель.
Сам Тритон ведь вложил земли Ливийской частицу
В руки твои, как дар. Не иной ведь кто из бессмертных, —
Он лишь встретился нам и тебе эту передал глыбу»[3].

1 Там же, IV.1734—1745.

2 Пиндар, «Пифийские песни», 4.1а, пер. М. Гаспарова.

3 Аполлоний, «Аргонавтика», IV.1749—1754.

Евфем бросает ком ливийской земли в море, и тот превращается в остров Фера, который в свое время даст пристанище потомкам Евфема, изгнанным с Лемноса и не нашедшим приюта в Спарте. Жители Фер в свой черед станут основателями Кирены и будут чтить своих богов на африканской земле, как и надеялся бессмертный Тритон, вручая аргонавтам свой скромный дар. Пока пророческие слова богини колдовства еще звучат у нас в ушах, подумаем о культе, способном объединить греческих богов с африканскими, но прежде попрощаемся с аргонавтами в тех же словах, которыми завершает свой монументальный труд Аполлоний Родосский:

> Милость явите вы мне, о род блаженных героев,
> Песнь же из года в год все приятней да будет для пенья
> Среди людей. Ведь уже до славного я завершенья
> Ваших добрался трудов, никакой ибо больше работы
> Не привелось вам нести, отплывшим прочь от Эгины.
> Вам не мешали налеты ветров. В спокойствии полном
> Вы миновали страну Кекропа, а также Авлиду,
> Что у Евбеи лежит, и локров опунтских селенья,
> Чтобы на брег Пагасейский ступить наконец с ликованьем[1].

Ориша и греческие боги дней недели

Поскольку сантерия счастливо лишена централизованного руководства, соответствия духов-ориша дням недели варьируются в широких пределах. Следующую схему, которая представляется мне на редкость полезной, приводит Филип Джон Неймарка в книге «Путь ориша». В традиции вуду понедельник часто ассоциируется с лоа Легба (в других традициях эквивалентного Эллегуа и Эшу) и принимается за первый день недели. Для сравнения: в «Великом гримуаре» неделя тоже начинается с понедельника, которым управляет Люцифер, а в афро-кубинской религии пало дух, аналогичный Эшу, носит имя Люцеро.

1 Там же, IV.1773—1781.

День недели	Ориша
Понедельник	Эшу
Вторник	Огун
Среда	Бабалу-Айе
Четверг	Олодумаре
Пятница	Ошун, Шанго
Суббота	Йемайя
Воскресенье	Обатала

Бабалу-Айе восходит к тому же африканскому прообразу, что и Омолу в традиции кимбанды. Он очень похож на хтонического Аполлона как бога моровых поветрий и в то же время бога-врачевателя. В какой-нибудь гоэтической версии этих таблиц он легко бы мог оказаться на месте Обаталы — управителя воскресенья, дня Солнца.

День недели	Ориша	Греческое божество	Примечание
Понедельник	Йемайя	Фетида	Приблизительный эквивалент
Вторник	Огун	Гефест	Приблизительный эквивалент
Среда	Ойя	Геката	Приблизительный эквивалент
Четверг	Шанго	Зевс	Приблизительный эквивалент
Пятница	Ошун	Афродита	Приблизительный эквивалент
Суббота	Эшу	Кронос	Кронос схож с духом-трикстером Эшу как божество Сатурналий
Воскресенье	Обатала	Гелиос	Сомнительный эквивалент

Сравнительная таблица «гоэтических олимпийцев» и духов в синкретических религиозных традициях африканской диаспоры:

Знак зодиака	Греческое божество в неогоэтической традиции	Традиция африканской диаспоры	Ориша, лоа и т. д.
Овен	Афина/Медуза	Кимбанда	Помба-Жира
Телец	Афродита	Сантерия	Ошун
Близнецы	Аполлон	Кимбанда	Омолу
Рак	Гермес	Кимбанда	Эшу
Лев	Зевс	Сантерия	Шанго
Дева	Персефона, Геката	Сантерия	Ойя

Знак зодиака	Греческое божество в неогоэтической традиции	Традиция африканской диаспоры	Ориша, лоа и т. д.
Весы/ Скорпион	Гефест/Арес	Сантерия и пало	Огун и Сарабанда
Стрелец	Артемида, Кирена	Сантерия	Ойя
Козерог	Дионис	Кимбанда	Эшу (и лоа Геде в вуду)
Водолей	Гера/Ламия	Кимбанда	Помба-Жира
Рыбы	Фетида	Сантерия	Йемайя

Обратите внимание, что в древности звезды Весов не выделялись в отдельное созвездие, а считались клешнями гигантского Скорпиона. Этим объясняется частичное слияние образов Марса и Вулкана.

Послесловие к «Аргонавтике»

Говорят, что Исаак Ньютон провел ряд соответствий между «Аргонавтикой» и знаками зодиака. Роберт Грейвс предполагает (и не без оснований), что подобные соответствия были известны еще в древней Александрии. Полного перечня он не приводит, но отмечает, что на основе египетских образов составить такую таблицу эквивалентов было несложно. Ввиду того, что двенадцать подвигов Геракла тоже часто соотносятся с эпизодами и персонажами «Аргонавтики», с одной стороны, и со знаками зодиака — с другой, я взял на себя смелость предложить наиболее вероятный список соответствий.

Овен — это, разумеется, баран Фрикса; Телец — быки Ээта, а Близнецы — Диоскуры. Параллели Рака не столь очевидны, но, возможно, с этим знаком можно соотнести Аристея (припомнив миф о том, как Гея превратила его в навозного жука и спрятала в кратере Этны). Знак Льва — это лев Реи и Кибелы. Дева — Медея в ипостаси девы; Весы — Алкиной как судья и посредник между Медеей и колхами; Скорпион — дракон, стерегущий золотое руно в Колхиде или яблоки Гесперид в Ливии. Со Стрельцом можно соотнести кентавра Хирона, Аполлона или Геракла как Лучника; с Козерогом — ливийских нимф, облаченных в козлиные шкуры; с Водолеем — миф об Эаке и медных сосудах с водой. Рыбам соответствуют нереиды

в обличье дельфинов или могучий Тритон, пророчеством о подарке которого завершается «Аргонавтика» — подобно тому, как знаком Рыб завершается круг зодиака.

Согласно самой последовательной из традиционных хронологий греческих мифов, к моменту возвращения аргонавтов на родину Геракл совершил все свои подвиги, кроме одного. Об этом последнем подвиге, самом трудном из всех — выведении Кербера из подземного мира — мы еще поговорим в свое время.

Небирос / Гермес Хтоний

> ...ты причисляешь к богам Юпитера и Нептуна,
> значит, и брат их Орк тоже бог? И те [реки],
> которые, как говорят, текут в царстве мертвых:
> Ахерон, Коцит, Стикс, Флегетон? И Харон и
> Цербер тоже должны считаться богами?
> Но этого же нельзя допустить! Стало быть, и
> Орк не бог.
>
> — *Цицерон*[1]

Дух, который фигурирует в «Истинном гримуаре» под именем Небирос (*Nebiros*), встречается и в других источниках, хотя имя его приводится в разных вариантах. Иногда его называют Нельбирот (*Nelbiroth*). В «Тайнах каббалы» Элифаса Леви он упомянут как Ниббас (*Nibbas*), в небезызвестной «Гоэтии царя Соломона» — как Набериус (*Naberius*). В более надежном и достоверном источнике — у Иоганна Вира, ученика Агриппы, труды которого послужили источником для каталога духов, приведенного в «Гоэтии царя Соломона», — этот дух представлен под именем Наберус (*Naberus*) и альтернативным именем Кербер (*Cerberus*). Ошибки переписчиков породили немало путаницы, но чаще всего встречаются варианты «Небирос» и «Наберус», достаточно близкие друг к другу, чтобы можно было принять их за эквивалентные, и в дальнейшем мы будем использовать первую из двух этих форм. Имя этого духа, вероятно, восходит к греческому νεβρός — «олененок» или «оленья шкура». Оленья шкура была атрибутом Вакха, и с культом Диониса (Вакха) ассоциируются многие термины, происходящие от того же корня. Эта этимология позволяет провести связь между Дионисом как более древним фракийским божеством и богом, которого в классической Греции называли Гермесом Хтонием, подземным Гермесом. Кроме того, она связывает Небироса с обрядами Вакха, в которых, по мнению многих, следует искать истоки ведовского шабаша. Схожим

1 «О природе богов», III.17, пер. М. Рижского.

образом имя демона Фримоста, по всей вероятности, происходит от эпитета Диониса «Бромий» (др.-греч. Βρόμιος — «шумный»)

Альтернативное имя «Кербер» тоже указывает на архаическое происхождение Небироса: в греческой мифологии это имя носит чудовищный сторожевой пес Аида, игравший немаловажную роль в древней магии. Если остальные имена — всего лишь результат ошибок, допущенных при переписывании, то не исключено, что имя «Наберус», или «Небирос», тоже возникло в результате искажения. В этом случае первоначально оно могло выглядеть как «Ануберос» — имя некоего синкретического божества, составленное из имен «Анубис» и «Кербер». Подобные слияния часто встречаются в контексте эллинистической магии, однако из этого не следует вывод, что образ Кербера, в свою очередь, произошел от Анубиса. Пес, стерегущий небесный загробный мир и схожий своими атрибутами и именем с Кербером, упоминается еще в «Ригведе», так что Кербер — это индоевропейское божество, причем изначально не хтоническое, а небесное. Тем не менее Анубис и Кербер как египетский и греческий подземные боги сближались друг с другом в магических папирусах. И даже если наше предположение о комбинированной форме имени, от которой произошел вариант «Небирос», неверно, ассоциация с Кербером чрезвычайно важна для понимания того, какую роль играет этот дух в гримуарной традиции.

Еще в 1905 году Морис Блумфилд привлек внимание научной общественности к вероятному тождеству Кербера с двумя псами, фигурирующими в «Ригведе». Отголоски этого древнейшего из религиозных писаний Индии встречаются в персидской мифологии и в культуре классической античности. Полное обоснование упомянутого тождества увело бы нас слишком далеко от темы, но указать некоторые параллели все же стоит. Два пса из «Ригведы» принадлежали Яме, богу смерти. Загробная жизнь в представлениях того периода не имела ничего общего с мрачным, безрадостным существованием под землей. Скорее она напоминала то посмертие, о котором говорят мифы поздней античности. Умерший поднимался на небеса, минуя сферы Солнца и Луны, и эти-то светила и были сторожевыми псами Ямы, мимо которых предстояло пройти душе усопшего. Одного из них звали Кабала, и это

имя, по мнению исследователей, лингвистически стоит достаточно близко к греческим вариантам «Кербелос» и «Керберос». Оба пса Ямы носят эпитет «четырехглазые», который объяснялся по-разному; возможно, он означает пятна над глазами или метафорически указывает на зоркость, но не исключает и возможности того, что у этих псов было по две головы. Кроме того, ведический прецедент не опровергает гипотезы о связи между Кербером и Анубисом: Анубис, как и ведический пес Кабала, был одним из пары (Анубис и Упуат). Представление о Кербере как трехголовом псе оформилось достаточно поздно, уже в римскую эпоху; греки нередко называли его двухголовым. Связь двух сторожевых псов загробного мира с Солнцем и Луной, восходящая к древнейшему пласту индоевропейских мифов, хорошо согласуется с поздней эллинистической эсхатологией. На этом этапе небесные светила представлялись как «острова», которыми правили Аид (Диспатер) и Персефона.

Кербер и Анубис

> Своей Ртути-Меркурию, олицетворявшейся в Египте как Германубис, эти мудрецы приписывали собачью голову, а своей Сере, представленной как Бафомет во Храме или Князь Шабаша, — голову козла, что пользовалась такой дурной славой в оккультизме Средневековья.
>
> — *Элифас Леви, «Трансцендентальная магия»*

Имя «Кербер» носил в классической древности страж подземного мира, пес Аида. Некоего пса преисподней упоминает еще Гомер, впрочем, не приводя его имени и не описывая его особенностей. Первым назвал Кербера по имени Гесиод, заявивший, что у этого пса пятьдесят голов; в более поздних описаниях Кербер предстает двух-, сто-, или, чаще всего, трехголовым. В изобразительном искусстве шеи Кербера нередко обвиты змеями, хотя некоторые скульпторы обходятся без этой детали, вероятно, в стремлении сохранить изящество

композиции как оно понималось в ту эпоху. В литературных источниках Кербер изображается куда более чудовищным существом, змеевласым и змеехвостым. В «Божественной комедии» Данте Цербер — огромный адский червь, то есть дракон с тремя собачьими головами и собачьими лапами, непрестанно издающий громоподобный лай. Подчеркивая его размеры и громкий голос, Данте следует за Вергилием:

> Лежа в пещере своей, в три глотки лаял огромный
> Цербер, и лай громовой оглашал молчаливое царство[1].

Происхождение Кербера тоже говорит о том, что он не просто сторожевой пес, а настоящее хтоническое чудовище. Кербер — отпрыск Тифона и Ехидны. Более известный Тифон — тот, который преследовал олимпийских богов, пока Зевс не поверг его в бою и не придавил горой Этна, — отождествлялся с египетским богом Сетом. Ехидна, тоже игравшая важную роль в греческой мифологии, представлялась как прекрасная женщина с огромным змеиным хвостом вместо ног. Таким образом, внешне она сходна с Ламией, которая, как мы помним, имеет прямое отношение к сивиллам. Это позволяет предположить, что Ехидна была оракульной богиней смерти, пока не утвердился олимпийский культ и многие древние божества не были понижены в статусе до чудовищ или героев. Анубис — египетский шакалоглавый бог погребальных обрядов — имеет схожее происхождение: его считали сыном Сета и Нефтиды; по некоторым версиям, его отцом был Ра или Осирис, но в действительности Анубис куда древнее Осириса.

Обязанность Кербера заключалась в том, чтобы охранять вход в Аид; его логово находилось на дальнем берегу реки Стикс, куда Харон переправлял на своей лодке тени умерших. Кербер не пропускал живых в подземных мир и не давал мертвым покинуть их законное обиталище. Схожим образом древние египтяне помещали обитель мертвых в пустыне к западу от Нила, где блужали воющие шакалы.

Классический греческий бог загробного мира Аид (которого называли также Плутоном, то есть «богатым», чтобы

1 Вергилий, «Энеида», VI.417—419, пер. С. Ошерова.

не поминать лишний раз бога смерти и не навлекать на себя несчастье) часто изображался в сопровождении Кербера. Это влекло за собой важные последствия, одно из которых заслуживает нашего внимания. Птолемей I, воцарившись в Египте, учредил культ Сераписа (Сараписа) — одной из ипостасей Осириса, в которой по политическим причинам были объединены греческие и египетские элементы. Вот как описывает это событие Плутарх:

> ...Птолемею Сотеру приснился колосс Плутона в Синопе, хотя царь его не знал и никогда не видел, каков его облик; и колосс приказал доставить его как можно скорее в Александрию. Ничего не ведая о нем и раздумывая, где бы он мог находиться, царь описал видение друзьям, и нашелся один путешественник, Сосибий, заявивший, что видел в Синопе точно такой же колосс, какой привиделся царю. И вот царь отправляет в путь Сотелия и Дионисия, которые, потратив много времени, с трудом и не без божественного содействия похитили и увезли статую. Когда она была доставлена и выставлена для обозрения, то товарищи эксегета Тимофея и Манефона Себенитского рассудили, что это — изваяние Плутона, судя по Церберу и змее; Птолемея же они убеждают, что оно не принадлежит никакому иному богу, кроме Сараписа. Итак, под этим именем статуя прибыла не оттуда, где она находилась, но, будучи помещенной в Александрии, получила египетское имя Плутона — Сарапис[1].

Итак, именно по наличию собаки в этом изваянии опознали Плутона, который отождествлялся в Древнем Египте с Осирисом. Отметим также, что Персефону, греческую царицу загробного мира, схожим образом отождествляли с Исидой в ее подземной роли.

Упомянутый здесь Манефон — автор трехтомной «Истории Египта», которая служит важнейшим источником по хронологии египетских фараонов. Среди прочего Манефон приводит сведения о царской династии богов, указывая их греческие

1 Плутарх, «Об Исиде и Осирисе», 28, пер. Н. Трухиной.

эквиваленты. Этот «список царей» сохранился лишь во фрагментах, но, судя по всему, был чрезвычайно влиятельным; ссылки на него встречаются у византийских схолиастов и многих других авторов. К той же эллинистической традиции, которой следовал Манефон, восходит сближение Гелиоса с Гефестом, которое обнаруживается в «Аргонавтике» и других источниках и при этом тесно связано с малоазиатскими традициями. В перечне Манефона они следуют друг за другом как отец и сын.

«Список царей» Манефона

Древнеегипетское божество	Синкретическое божество
Птах	Гефест
Ра	Гелиос
Шу	Агафодемон (Добрый Демон)
Геб	Кронос
Осирис	Осирис
Сет	Тифон
Хор (I)	…
Тот	(Гермес?)
Ма	…
Хор (II)	Хор

Итак, Кербер — важный персонаж многих известных мифов, в особенности связанных с путешествиями героев в подземный мир. Орфей — один из важнейших персонажей в контексте древнегреческой магии — зачаровал Кербера звуками своей лиры и погрузил его в сон, а Геракл усмирил его и вывел из Аида на поверхность земли. Там, куда при этом из пасти Кербера капала слюна, по преданию, вырос ядовитый аконит.

В этих мифах нашли отражение более древние предания и архаические ритуалы, связанные с нисхождением в подземный мир, — очистительные и посвятительные ритуалы катабазиса. В большинстве версий о встрече Геракла с Кербером утверждается, что перед этим подвигом герой прошел посвящение в Элевсинские мистерии, центральным персонажем которых, как известно, была Персефона. Плутарх, который был посвящен и в таинства Элевсина, и в мистерии Исиды и Осириса, считал их по сути одинаковыми, как оно, вероятно, и было в его эпоху (если не раньше).

Анубиса египтяне ассоциировали с магией с древних времен. В одном магическом папирусе III тысячелетия до н. э.

сообщается, что сам этот папирус был найден в храме под статуей Анубиса. В магических папирусах греко-римского периода Кербера часто призывают вместе с Гекатой, что неудивительно, учитывая, что и в греческой мифологии они были тесно связаны друг с другом. В других заклинаниях Кербера прямо отождествляют с Анубисом, так что две эти фигуры оказываются во многих отношениях взаимозаменяемыми. В одном из папирусов божество, именуемое Кербером, очевидно, представляется в полуантропоморфной форме и описывается как держащее перун. Саму Гекату нередко изображали трехголовой и, по некоторым описаниям, одна из ее голов была собачьей. Один из ее ритуальных эпитетов — «Черная псица». Кроме того, в жертву ей приносили собак.

Анубис, шакало- или псоглавый бог, почитался (по крайней мере, официально) как покровитель бальзамирования и защитник некрополей. В действительности ему начали поклоняться гораздо раньше, чем Осирису, и в древние времена, по-видимому, именно он был владыкой мертвых. Собаки и шакалы нередко раскапывали могилы и поедали или разбрасывали останки мертвых, из-за чего этих животных и стали ассоциировать со смертью и страхом смерти. Древние египтяне постоянно стремились усмирить или задобрить силы, внушавшие им страх, и культ Анубиса, в котором магия играла важную роль с древнейших времен, — яркий пример этого подхода. Уоллис Бадж утверждает, что «в период, когда Осирис стал владыкой загробного мира, Анубиса чтили как благое божество — небесного провожатого, приводящего души умерших к Осирису, но как олицетворение смерти и тлена он внушал ужас». В папирусах I тысячелетия до н. э. (а, возможно, и ранее) Анубис предстает как предводитель демонических сонмов, а в магических папирусах римского периода — как главный исполнитель проклятий. По мере развития египтологи исследователи пришли к выводу, что в одной из своих ипостасей Анубис считался одним из самых опасных и грозных божеств и с самых ранних времен занимал важнейшее место в народной магии. Более респектабельные и благотворные обличья этого бога фигурировали в государственном культе, однако в народных верованиях Анубис представал в куда более устрашающей форме. В этой же грозной ипостаси он действует и в греко-египетских магических

папирусах, относящихся к позднему периоду, но сохранивших очень древние элементы магической космологии и методологии.

Анубис греко-римского периода — исключительно важный персонаж магических папирусов и мистерий Исиды. Не последнее место он занимал и в магическом культе Гекаты, где представал как ключник загробного мира. Нередко он изображался с кадуцеем — традиционным атрибутом Гермеса (который, подобно Гекате, ассоциировался с перекрестками трех дорог и в магических папирусах объединялся с ней в синкретическое божество по имени Гермеката). И ключ, и кадуцей — важные символы в иконографии Гекаты, часто фигурирующие в ее обрядах. Не вызывает сомнений, что Анубиса почитали как психопомпа (душеводителя) и причисляли к свите Гекаты. В этом качестве, а также в своей официальной роли провожатого умерших Анубис — один из тех, к кому обращались маги в некромантических обрядах.

Функция провожатого душ в загробный мир и обратно отражена в той двойственной роли, которую Анубис играет в мифе об Исиде и Осирисе. С одной стороны, Анубис бальзамирует тело Осириса и сопровождает каждого умершего (которому неизменно присваивается имя «Осирис») в загробный мир. С другой стороны, тот же Анубис помогает Исиде и Нефтиде воссоздать тело Осириса, а этот процесс во многом эквивалентен воскрешению.

В «Истинном гримуаре» Небирос описывается как один из духов, подчиненных Астароту — демонизированной ипостаси богини Астарты. Отношения между ними по характеру схожи с теми, которые связывали Кербера с Гекатой. Подробнее я рассматриваю эту тему в своем издании «Истинного гримуара», но здесь имеет смысл повторить один или два важных пункта. В мифах о Гекате и Астарте/Астароте богиня действует во всех трех мирах: небесном, земном и подземном. Кроме того, один из важнейших символов Гекаты непосредственно связан и с Астартой/Астаротом. Это так называемая «ашера» — священный столб в культе Астарты. В древности в честь Гекаты устанавливали на распутьях трех дорог столбы, на верхушке которых вырезали три лица, смотрящие на три стороны. Изначально этот символ подобен шаманской лестнице и мировому древу, или оси, соединяющей миры.

Двойная природа Анубиса, объединяющего в себе темную и светлую ипостаси, отражена и в более респектабельных философских трактатах греко-римской эпохи. Согласно Плутарху,

> ... когда Нефтида родила Анубиса, Исида приняла его как своего ребенка; ибо Нефтида — это то, что под землей и невидимо, а Исида — то, что над землей и зримо. Соприкасающаяся же с ними и называемая горизонтом окружность, общая обеим, названа Анубисом и изображается в виде собаки, потому что собака равно владеет зрением и днем, и ночью. Египтяне полагают, что Анубис имеет ту же власть, что у эллинов имеет Геката, (принадлежащая одновременно к числу преисподних и олимпийских божеств). Некоторые же считают, что Анубис — это Крон, потому что он все рождает из себя и зачинает (кюо) в себе, за что и получил якобы прозвище собаки (кюон). Таким образом, почитатели Анубиса имеют некое тайное знание, и в древние времена собака получала величайшие почести...[1]

Кроме того, Плутарх упоминает, что Анубису приносили в жертву двух петухов — белого и пестрого. О двойственности этого бога свидетельствует и описание в «Золотом осле» Апулея:

> Вскоре показалась и процессия богов <... >. Вот наводящий ужас посредник между небесным и подземным миром, с величественным ликом, то темным, то золотым, высоко возносит свою песью голову Анубис, в левой руке держа кадуцей, правою потрясая зеленой пальмовой ветвью[2].

Обратите внимание, что он появляется первым из богов; точно так же и в ритуалах из магических папирусов Анубиса призывают в первую очередь. Итак, в качестве вестника он шествует с равной легкостью и перед небесными богами, и перед демонами, и перед тенями умерших. Многие атрибуты и в том числе упомянутые здесь пальмовая ветвь и кадуцей роднят

1 Плутарх, «Об Исиде и Осирисе», 44.

2 Луций Апулей, «Метаморфозы, или Золотой осел», XI.11, пер. М. Кузмина.

Анубиса с греческим богом-вестником Гермесом. Не вызывает сомнений, что они сближались друг с другом уже в древности.

Однако не следует забывать, что и Гермес был двойственным богом: две его ипостаси не только выполняли различные функции, но и происходили от разных родителей. Гермес — не только вестник Зевса, но и в качестве Гермеса Хтония - посланник Аида. Именно с этой его ипостасью психопомпа, провожатого мертвых, теснее всего связан Анубис. Примечательно, что двум этим обличьям Гермеса посвящены два различных орфических гимна. Приведем здесь гимн Гермесу Хтонию (LVII):

> Ты, что живешь у путей роковых безвозвратных Кокита,
> Ты, что души умерших низводишь под своды земные,
> Гермий, о сын хороводного Вакха и девы Пафосской,
> Той Афродиты, чьи очи в изогнутых дивно ресницах!
> Ты в Персефоны пределах священных имеешь обитель,
> Душам, чья участь плачевна, под землею ты служишь вожатым
> В пору, когда для людей их час роковой наступает.
> Жезлом священным чаруя, ты в сон погружаешь живущих,
> Вновь пробуждаешь потом — Персефона тебе даровала
> Честь провожать под широкие Тартара своды умерших
> Души несчастные, им указуя дорогу в Аиде.
> Мистам, блаженный, пошли средь трудов всеблагую кончину![1]

Подобно Анубису, помощику Исиды, и Керберу, помощнику Гекаты, Небирос — помощник Астарты/Астарота, самой доступной из трех этих богинь. При этом Небирос сам по себе чрезвычайно могущественный дух: в иерархии «Истинного гримуара» служителей у него больше, чем у любого другого из духов эквивалентного ранга. Если практикующий маг придет с ним к соглашению, в его распоряжении окажется сразу множество духов, способных оказывать помощь в самых разных областях.

Из своих собственных духов-служителей Небирос теснее всего связан с Юктигарасом, а из духов, ему не подчиненных, — с

1 Пер. О. Смыки.

Клаунехом (который, в свою очередь, подчинен Сатанахии, наместнику Люцифера). Эти связи интересны тем, что Клаунех — первый из духов, прислуживающих наместникам, а Юктигарас — последний. Кроме того, Клаунех считается любимцем Люцифера, так что связь с ним лишний раз подчеркивает важное место, отведенное Небиросу в этой иерархии.

Астрологические соответствия Небироса тоже универсальны: его день недели — солнечный, зодиакальный знак — лунный, а сфера его носит имя «Звезда». Эти три символа входят в состав стандартного талисмана из «Истинного гримуара». Таким образом, Небироса можно призывать на помощь в операциях Солнца, Луны и звезд (включая геометрические «звезды», образуемые точками циклических соединений планет).

Характер и способности Небироса

Наберус/Кербер из трактата Иоганна Вира и Набериус из «Гоэтии царя Соломона» и других гримуаров, восходящих к книге Реджинальда Скота, почти утратили связь со своим древним прообразом. Согласно этим текстам, он имеет обличье вороны — птицы, по своим функциям схожей с шакалом, но уже не имеющей ничего общего с Псом Преисподней. Он дарует мастерство в искусстве риторики, что наводит на ассоциации с Гермесом, но в остальном этот дух — лишь тень собственного былого величия.

Зато в подлинно гоэтических гримуарах Небиросу отводится куда более важное место. В «Великом гримуаре» (мало чем отличающемся от «Истинного гримуара») и в «Гримуаре папы Гонория» по статусу и характеру Небирос практически не уступает Анубису из магических папирусов:

> Небирос может причинить зло, кому пожелает; может помочь обрести Руку Славы и открывает свойства металлов, минералов, растений и животных, чистых и нечистых, и способы предсказания (в особенности путем некромантии)...

Итак, Небирос «может причинить зло, кому пожелает», а точнее, кому пожелает маг. Фактически это и есть Анубис как

главный исполнитель проклятий, призываемый на помощь в качестве хтонической силы, и это же Кербер, которому приносят подношения и остатки от магических ритуалов на перекрестках и кладбищах. Он «может помочь обрести Руку Славы» — магический артефакт, который, согласно средневековым и более поздним поверьям, изготовляли из отрубленной руки висельника, еще не снятого с веревки; а виселицы нередко ставили на перекрестках дорог. Французское выражение *main de gloire* («рука славы») происходит от старофранцузского *mandragore*, то есть «мандрагора», а мандрагора — одно из главных магических растений, связанное как с Гекатой, так и с Астартой. По другим поверьям, Руку Славы можно изготовить из корня и стебля папоротника, собранного в канун Иванова Дня; при этом считалось, что семя папоротника дарует невидимость. Примечательно, что этот церковный праздник приходится на летнее солнцестояние, когда Анубис посещает все кладбища, а его служители справляют великий праздник.

В своей поздней (а, возможно, и в первоначальной) форме эта Рука (термин, нагруженный важными смыслами в современном худу и афроамериканских традициях заклинания духов) считалась орудием воров и грабителей, способным погрузить всех жителей дома в магический сон. Не исключено, что этот магический инструмент восходит к ритуалам кладоискательства, которые в свою очередь связаны с путешествиями в подземный мир. Но, как бы то ни было, все эти ассоциации с перекрестками, трупами и преступлениями (особенно с воровством) более чем уместны и для Гермеса Хтония, и для псоглавого божества, адского Германубиса, греко-египетского Кербера. Впрочем, все это — лишь внешняя символика: посвященному в таинства, равно как и архаическому шаману, все эти темы открываются в своем первозданном величии. Перед ними Рука Славы предстает как великий талисман подземного мира, облекающий мага невидимостью и дающий возможность безопасно войти в загробное царство, а затем и вернуться с трофеями — истинной мудростью и даром врачевания, избавляющим как от телесных болезней, так и от недуга невежества.

Далее утверждается, что Небирос «открывает свойства металлов [и] минералов»; эта функция тоже очевидным образом восходит к его хтонической роли. Аид как царь подземного мира владел всеми богатствами недр, включая металлы,

минералы и все плоды земли. Такой же властью обладает король подземных стихийных духов, или гномов, даже если он не тождествен мрачному Плутону.

Этим отчасти объясняется и то, почему власть Небироса распространяется на «растения и животных, чистых и нечистых». Из растений Аиду принадлежали миртовое дерево, нарцисс и адиантум (венерин волос). Не будем забывать также о маке и гранате и о том, какую роль они играют в мифе о Персефоне, а также о том, что спутница Персефоны, Геката, и мать Персефоны, Деметра, связаны не только со смертью и ее таинствами, но и с плодородием. Эти богини подземного мира издавна считались покровительницами урожая и скота. Потния Герон — Владычица Зверей — один из их древнейших эпитетов. Подобные ассоциации характерны не только для женских подземных божеств: синкретический Гермес Хтоний тоже Владыка Зверей и сам отчасти зверь. Вспомним и о том, что в гримуаре, из которого взято вышеприведенное описание, Небирос числится наместником Астарота. Древняя Астарта, к которой восходит Астарот гримуарной традиции, тоже обладала властью над царствами животных и растений. И, как мы увидим позже, ритуалы солнцестояния, связанные с Небиросом, включают в себя традиционную магию растений.

И, наконец, Небирос может открыть магу «способы предсказания (в особенности путем некромантии)». В магических папирусах Анубиса часто призывают на помощь в различных операциях прорицания, среди прочего и некромантических. Кроме того, и Анубис, и Кербер участвуют в других ритуалах, связанных с вызыванием душ умерших. В папирусах описано множество обрядов прорицания при помощи сосуда с водой. Этот метод, известный под названием «гидромантия», служит для вызывания богов, духов и мертвых при помощи Анубиса, исполняющего ту же роль, что и Гермес Хтоний. В зависимости от того, каких богов или духов желал призвать маг, использовалась вода разного рода: для небесных богов — дождевая вода, для земных — морская, для Осириса или Сераписа — речная, а для душ умерших — ключевая. Гидромантия тесно связана с некромантией, и в случаях, когда маг использует ключевую воду (как, например, в одной из операций «Истинного гримуара»), эта связь всегда становится актуальной.

Во многих подобных ритуалах, особенно тех, что описаны в демотических папирусах, фигурирует Анубис; иногда сосуд для гидромантии так и называется — «чаша Анубиса». Сообщается, что на дне такой чаши должно быть вырезано лицо этого божества. Чаще всего такую чашу использовали, чтобы увидеть в воде образы различных богов или духов. Другая разновидность гидромантии — гадание, при котором в чашу бросали три камешка и толковали результаты броска. Возможно, толкование зависело от того, в какую область лица, вырезанного на дне, упали камни (можно предположить, что особыми значениями наделялись уши, глаза, ноздри и рот Анубиса). Подробнее этот метод гидромантии описан в моей брошюре «Элелогап»[1], здесь же добавлю только, что камни могут быть круглыми, треугольными или квадратными и что на них можно вырезать сигилы, способствующие прорицанию. В «Папирусе Униса», гораздо более древнем, чем греко-египетские магические папирусы, лик Анубиса символизирует лицо умершего и помогает ему бесстрашно пройти мимо духов загробного мира. О надежности Анубиса как бога-провожатого и, следовательно, о достоверности прорицаний, получаемых с его помощью, свидетельствует известная клятва Сократа: благородный философ клялся собакой в знак верности этого животного как божественного символа (см., например, «Горгий», 482b). Такая клятва напоминает о роли Анубиса в зале загробного суда, где он взвешивал сердце покойного на весах, и оно должно было оказаться легче пера Маат, богини истины, лежавшего на второй чаше весов.

Итак, описание способностей Небироса в точности соответствует тем функциям, которые в более древней магической традиции выполняли Анубис и Кербер. К тому же в гримуарах, содержащих это описание, Небирос, подобно Анубису, выступает как один из предводителей адских воинств, рангом не ниже фельдмаршала. Агриппа в «Оккультной философии» (III.18) напоминает нам:

> Порфирий говорит, что князь их — Серапис, которого греки также называли Плутоном, и что главный среди них — Кербер, тот самый трехголовый пес, ибо этот смертоноснейший диавол искушен в деяниях

1 Рус. пер. см. в составе антологии: *В мире духов и демонов*. М.: Ганга, Телема, 2014, стр. 441—470.

> трех стихий [= Воздуха, Воды и Земли]; Прозерпина же, способная весьма на многое в тех же трех стихиях, — их княгиня.

Из главы III.16 читатель, интересующийся языческими корнями средневековой магии, узнаёт, что

> ...четверо зловреднейших королей правят всеми прочими сообразно четырем сторонам света; и под их началом властвуют многие другие князья легионов и многие из тех, кто несет свою отдельную службу. Здесь и злобные Горгоны, и Фурии. Здесь Тисифона, Алекто, Мегера, Кербер.

В магических папирусах упоминаются некие «нити Анубиса»; судя по всему, это веревки с завязанными на них узлами — орудия знаменитой магии узлов. Встречается пример использования узлов для остановки кровотечения после родов (и, вероятно, при чересчур обильных менструациях). В другом контексте (PGM IV.296—466) Анубиса призывают, завязывая на веревке 365 узлов. Этот обряд относится к категории агрессивной любовной магии. Кроме того, Анубис нередко фигурирует в магических надписях и на амулетах (например, гностических геммах). Одним словом, магическая специализация Анубиса или Кербера в папирусах, как Небироса в «Истинном гримуаре», чрезвычайно широка или даже универсальна.

Подношения

Согласно Плутарху, Анубису приносили в жертву двух петухов — белого и пестрого (или, возможно, белого и рыжего/красного, так как у египтян красный цвет ассоциировался с Сетом). Это вполне гармонирует с природой Анубиса: он наполовину светел как Сын Осириса, а наполовину темен как Сын Сета.

Из мифов мы знаем, что герои обычно угощали Кербера ритуальной ячменной лепешкой на меду, чтобы войти в подземный мир еще при жизни. Такую же лепешку помещали в захоронения, чтобы умерший мог умилостивить Кербера

и, возможно, заручиться его помощью в поисках входа в загробное царство. Посетители хтонических оракулов, отправлявшиеся в подземный мир, брали с собой две таких лепешки: одну — для Кербера, другую — для призрачного Пифона. Неудивительно, что аналогичные подношения иногда упоминаются и в магических папирусах, однако история их уходит корнями в гораздо более древние времена. В современной практике такие лепешки лучше всего оставлять на кладбище или на перекрестке трех либо четырех дорог.

Священные дни

В Египте Анубис ассоциировался с днем летнего солнцестояния (когда Солнце входит в зодиакальный знак Рака). Считалось, что в этот день он посещает все некрополи страны. В других странах древнего мира на ту же дату приходились праздники богов, связанных со смертью и плодородием, таких как Адонис и Аттис. В современной системе соответствий, принятой для духов из основной иерархии «Истинного гримуара», он соотносится с седьмой стоянкой Луны, которая тоже начинается с нулевого градуса Рака.

Духи «Истинного гримуара» и куспиды лунных стоянок, или критические градусы

Люцифер 0° Овна	Небирос 0° Рака	Клепот 0° Весов	Сегаль 0° Козерога
Сатанахия 12° Овна	Астарот 12° Рака	Киль 12° Весов	Фруциссьер 12° Козерога
Аглиарепт 26° Овна	Сирах 26° Рака	Мерсильд 26° Весов	Гуланд 26° Козерога
Тархимах 9° Тельца	Клаунех 9° Льва	Клистерт 9° Скорпиона	Сургат 9° Водолея
Флерити 21° Тельца	Мусисин 21° Льва	Сирхад 21° Скорпиона	Мораил 21° Водолея
Бельзебут 4° Близнецов	Бехауд 4° Девы	Хиепакт 4° Стрельца	Фрутимьер 4° Рыб
Саргатанас 17° Близнецов	Фримост 17° Девы	Хумотс (Юмотс) 17° Стрельца	Юктигарас 17° Рыб

(В последовательности главных духов и их заместителей, использованной в этой таблице, главные духи занимают 1-ю,

6-ю и 9-ю позиции, что соответствует их расположению на срединном столпе усовершенствованного Древа Жизни; заместители размещаются по сторонам от них, на боковых стопах.)

Император Люцифер в этой схеме соотносится с весенним равноденствием в 0° Овна; Клепот, которой в бразильской кимбанде соответствует Помба-Жира, — с осенним равноденствием в 0° Весов, а два солнцестояния отнесены к духам Небиросу и Сегалю.

Сумман

Также следует упомянуть здесь древнеримского бога Суммана, связанного с 20 июня. По происхождению Сумман — сабинское или, что более вероятно, этрусское божество. Он слился с образом Юпитера, по всей видимости, еще до войны Рима с эпирским царем Пирром (278 г. до н. э.). В том году в его изображение на фронтоне храма Юпитера ударила молния, вскоре после чего 20 июня ему был посвящен новый храм на Капитолийском холме. С тех пор Юпитеру Сумману в этот день ежегодно приносили жертвы и пекли для него особые лепешки в форме колеса — сумманалии, по-видимому, символизировавшие колёса его колесницы. Латинский поэт Плавт (умер в 184 г. до н. э.) описывал его как ночного бога и покровителя воров. Но в целом он оставался загадочным, и даже такой образованный мифограф, как Овидий (родился в 43 г. до н. э.), не смог привести о нем никаких дополнительных сведений.

На фронтоне одной италийской гробницы Сумман изображен в виде косматого и бородатого змееногого божества, сжимающего в кулаке связку перунов. Имени его предлагалось два возможных объяснения; согласно более правдоподобной из них, оно происходит от лат. *sub-manus* — «предутренний». По всей вероятности, именно таково было первоначальное значение этого имени, но впоследствии появилась другая гипотеза, по-своему тоже правомерная и приобретшая большое влияние. Из-за своей зловещей репутации Сумман стал толковаться как *Summus Manium*, «величайший из манов», то

есть владыка мертвых. Это толкование принял, в частности, Марциан Капелла (IV в. н. э.), называющий Суманна Диспатером (Отцом-Аидом, т. е. Плутоном), а вслед за ним и многие другие авторы. Мильтон в своей латинской поэме «Quintum Novembris» («Пятое ноября») на тему Порохового заговора описывает визит Сатаны в Рим и проводит следующую мифологическую аналогию: «Так же настигает людей и города Сумман, облеченный дымным вихрем синего пламени».

В любом случае разница между Зевсом Хтонием (или Зевсом Мейлихием) и Аидом (или другими хтоническими персонажами, такими как Трофоний) не вполне ясна. Историография (то есть изучение исторических интерпретаций, а не просто перечисление фактов) поддерживает вторую, более позднюю теорию, ставшую очень распространенной и влиятельной: Суммана вполне уместно трактовать как предводителя ночных или хтонических духов. Это обстоятельство, а также приблизительное совпадение его праздника с датой солнцестояния позволяет провести синкретическую связь Суммана с Небиросом — духом-некромантом и полководцем Аида. Кроме того, не будем забывать о лепешках, которые приносили в дар не только Сумману, но и Керберу.

Еще одно подтверждение этой связи находится в магических папирусах, где Керберу приписывается владение перуном. В этом контексте чрезвычайно значимо использование 365 узлов в магических лигатурах. Число 365 связано с солярно-пантеистическими божественными образами, такими как Абраксас. Подобные боги совмещали в себе солнечную и хтоническую природу. Напрашивается вывод, что Кербер мог отождествляться с Зевсом-Иао или Диспатером в ипостаси Суммана.

Обряды солнцестояния

В европейском фольклоре многие древние верования, связанные с летним солнцестоянием, были перенесены на канун праздника святого Иоанна Крестителя — ночь с 23 на 24 июня. Этот праздник сохранил свое особое значение и в магических традициях Нового света: например, в новоорлеанском вуду главный праздник года приходится на день святого Иоанна.

В Европе, Марокко и Алжире обряды середины лета сохранялись с языческих времен вплоть до XIX века и позже. Середина лета остается одним из главных праздников в британском неоязычестве. Почти идентичные обычаи и верования обнаруживаются повсеместно от Северной Африки до Сицилии и Сардинии, а также в ряде стран Восточной и Западной Европы. Особенно впечатляет тот факт, что схожие традиции сохранились в исламских странах, где использовался лунный календарь, не подразумевающий фиксированной даты солнцестояния.

В Европе обряды середины лета зачастую проводили на вершинах холмов или даже гор, на берегах ручьев и рек, на полях и пастбищах, на перекрестках дорог и рыночных площадях; в Северной Америке — во дворах домов и на перекрестках, в поле и на току.

Многие праздники такого рода описаны в «Золотой ветви» Фрэзера — книге, в некоторых отношениях устаревшей, но по-прежнему остающейся полезным источником сведений о подобных обычаях. С днем середины лета связано великое множество поверий, относящихся к магии растений. Несколько из этих растений названы в честь святого Иоанна или самого праздника — например, *midsummer-men* (англ. букв. «человек середины лета», очиток трехлистный) или *St. Johns wort* (англ. букв. «трава святого Иоанна», зверобой). Согласно Фрэзеру, в Северной Африке с обрядами середины лета ассоциируются и многие другие ароматические растения, в частности смолоносица, тимьян, рута, кервель, ромашка, герань и болотная мята. Однако европейский растительный фольклор, относящийся к этой дате, не менее обширен, а в некотором роде и более показателен.

Праздничные костры нередко складывали из особых пород дерева. В некоторых местах по обыкновению брали древесину трех пород, в других — девяти, а кое-где к девяти породам дерева добавляли еще мухоморы. Кроме того, в костер бросали травы разного рода. Некоторые комментаторы толковали этот обычай попросту как сожжение вредных сорняков, собранных на пастбище. Некоторые из растений, традиционно сжигавшихся на солнцестояние, действительно опасны, но внимательному исследователю откроется иной, более глубокий смысл этого обряда. Травы сжигали для защиты от колдовства, от удара молнии, от града, от болезней и различных

животных-вредителей. Зачастую костры разводили в таком месте, чтобы дым от них шел в сторону пастбищ, полей или садов. Окуривание дымом — важнейшая часть подобных обрядов, а некоторые из растений, отправлявшихся в летний костер, традиционно использовались в борьбе с различными паразитами, внутренними и внешними. Целебные и магические свойства многих растений, задействованных в обрядах середины лета, были известны еще с античных времен, и не вызывает сомнений, что в этих ритуалах сохранилось наследие глубокой древности.

Считается — и, вероятно, не без оснований, — что дым убивает блох. Между кострами или по тому месту, где накануне разводили костер, прогоняли домашний скот. Дымом костров окуривали детей и больных; считалось, что дым этот лечит и очищает от всякой порчи людей и животных, всходы на полях и плодовые деревья. Полагали, что такие обряды предотвращают многие болезни согласно свойствам растений, которые в них используются. Стоит также отметить, что не все растения, собранные к празднику, бросали в костер: из некоторых плели венки или косицы, которые затем высушивали, хранили и использовали по мере надобности. Вполне вероятно, что из этих трав солнцестояния готовили настои и отвары. Сохраняли также золу и угли от костра, которым находились разнообразные магические применения. Верили, что огонь и дым летних костров отгоняют злых духов, ведьм, драконов и троллей, рыскающих по земле в эту волшебную ночь. Злые духи, в свою очередь, нередко отождествлялись с болезнями, что придавало этому ритуалу вполне практическую направленность.

Главные элементы подобных праздников — костры, зажженные на высотах, факельные шествия и огненные колеса, которые спускали вниз с холма. Кроме того, из гибких прутьев делали кольца, поджигали их и подбрасывали в воздух — таков был старинный прообраз нынешних фейерверков. Помимо этого, праздник мог включать в себя посещение целебных источников, омовение в трех водах (по которому гадали, кто умрет в следующем году) и утопление чучел (а не сожжение, как в зимние праздники).

Как уже было сказано, от огненных обрядов оставались магические ингредиенты: огарки факелов или обгоревшие головешки из костра хранили в течение года, полагая, что они

защищают поля от удара молнии, от непогоды и от вредителей. Зола от праздничного костра считалась защитным средством от пожара: ею посыпали крышу дома или просто хранили ее до следующего летнего солнцестояния. Кроме того, золу могли рассыпать на полях для защиты от сорняков.

Схожим образом, поленья и головни из костра хранили до следующего солнцестояния, чтобы зажечь от них новый костер. В некоторых местностях в праздничную ночь на льняном поле вкапывали три обугленные палочки; убирали их только после снятия урожая. Такие же палочки втыкали в соломенные кровли для защиты от пожара.

Считалось, что девушка, сплясавшая вокруг костра или просто увидевшая девять костров одновременно, обязательно выйдет замуж в следующем году. Верили, что прыжки через костер помогут не натрудить спину, когда придет время собирать урожай, защитят от лихорадки и обеспечат плодовитость. Семикратное повторение магического действия прибавляло ему силы, так же как и в случае с заклинаниями из «Истинного гримуара». Сожжение чучела, изображающего мужчину, нередко сопровождалось прыжками мальчиков через костер, что можно истолковать как символическое жертвоприношение мужского божества, олицетворяющего рост растений. Чтобы лен, конопля, пшеница или другие злаки дали высокие всходы, прибегали к симпатической магии: языки огня должны были подниматься как можно выше. Той же цели служили и прыжки через костер. Молодожены прыгали через костер не только для того, чтобы обеспечить собственную плодовитость, но и ради щедрого урожая на родительских полях.

Растительная магия

Все подобные обряды тесно связаны с магией растений. Согласно поверьям, чтобы предотвратить глазные болезни и сохранить зоркость, нужно было посмотреть на праздничный костер сквозь живокость. Из полыни и вербены (играющих важную роль в магии) плели венки, которые носили во время обряда и сохраняли на целый год ради защиты от болезней и опасностей. Старые венки, оставшиеся от прошлого праздника,

сжигали, чтобы очистить их обладателя от всех недугов и несчастий. В течение года венок солнцестояния могли использовать по частям. Например, во время грозы частичку венка сжигали с молитвой, чтобы защитить дом и поля от молнии. Немного травы из венка могли давать больным или телящимся коровам. Кроме того, этой травой окуривали хлев и дом — для здоровья и защиты от всех опасностей. Полынный венок защищал от привидений и ведьм, от воспаления глаз и других болезней.

Репейник и полынь вешали на воротах пастбища; ветви орешника, срезанные в день летнего праздника, защищали от зубной боли и выпадения волос, а также от животных — разносчиков болезней. Коровяк — еще одно известное магическое растение — защищал домашний скот от болезней и колдовства.

Те же растения обеспечивали богатый урожай злаков и винограда, оберегали людей и скотину от эпидемических заболеваний, от судорог и слабости, от пожара и удара молнии. При всем разнообразии своих магических свойств все они имели нечто общее, а именно — были тесно связаны с праздником летнего солнцестояния.

Многим народным обычаям и поверьям, относящимся к Середине лета, можно найти прямое применение в современной магии. Вполне логично и не так уж сложно вернуть Небиросу его исконную власть над летним солнцестоянием и призывать его как покровителя всех этих растений и магических ингредиентов, остающихся от праздничного костра. Фрэзер упоминает о нормандском Братстве Зеленого Волка, ежегодно избиравшем Зеленого Волка как своего предводителя и символическую жертву. Ритуал этого Братства слился с христианским праздником святого Иоанна и подразумевал участие священника, но тем не менее сохранял наследие древности. Шум, который поднимали во время дневной части празднества, и наступавший вслед за этим ночной разгул — явные пережитки античных вакханалий.

И это Братство в целом, и фигура Зеленого Волка, облаченного в длинный зеленый плащ и увенчанного остроконечной шапкой, напоминают об огненных праздниках, которые справляли сабинские люди-волки в честь Сорана. Соран — типичный образец восточного солнечного бога, дополненного

волчьей ипостасью, которая указывает на связь с подземным миром. А это, в свою очередь, вызывает прямые ассоциации с шакалоглавым Анубисом, возвысившимся в греко-римский период до статуса солярно-пантеистического божества.

Подданные Небироса

Как и подобает Анубису, возглавляющему подземные воинства, Небирос именуется в гримуарах «фельдмаршалом ада» и повелевает несметным множеством духов. Большинство из них безымянны, но нескольких, самых могущественных, автор «Истинного гримуара» называет по именам и перечисляет их способности. Трое из этих духов стоят особняком; они упоминаются, с одной стороны, в числе тех восемнадцати духов, которые в совокупности из-за своей природы и свойств также считаются подданными герцога Сираха, а с другой — присутствуют в группах по трое духов, подчиненных тому или иному из шести наместников верховных духов. Все они по природе своей саламандры, то есть огненные духи. Небиросу подвластны:

Мордил (*Mordil*), известный также под именем Менаил (*Menail*): может сделать тебя или что угодно невидимым. Фрутимьер (*Frutimiere*), известный также под именем Глития (*Glitia*): готовит для тебя всевозможные празднества и изобильные пиршества. Юктигарас (*Huictigaras*): на одних наводит сон, на других — бессонницу.

Кроме того, Небиросу подчинены двое наместников верховных духов — Хаэль (*Hael*) и Сергулат (*Sergulath*). Хаэль — один из важнейших духов «Истинного гримуара»: он помогает составлять договоры и магическим образом открывает или поправляет начертание сигилов любых духов.

> Хаэль обучает человека говорить на любом языке, на каком тот пожелает, а также учит способам истинного начертания любых букв или знаков. Кроме того, он способен открывать самые тайные и сокровенные вещи.

> Сергулат предоставляет все средства для рискованных предприятий и обучает расстраивать ряды противника и подрывать его замыслы.

Хаэлю и Сергулату, в свою очередь, подвластны восемь самых могущественных среди подчиненных духов. Прокуло (Proculo) погружает человека в сон на 24 часа (или на 48 часов) и дарует познания в сферах сна; Харистум (*Haristum*) наделяет способностью проходить сквозь огонь, не обжегшись; Брулефер (*Brulefer*) дарует человеку любовь женщин; Пентагнони (*Pentagnony*) наделяет невидимостью и любовью великих властителей; Агласис (*Aglasis*) способен перенести любого человека или предмет в любую точку мира; Сидрагосам (*Sidragosam*) заставит любую девицу танцевать обнаженной; Миносон (*Minoson*) приносит победу в любой игре; Букон (*Bucon*) вызывает ненависть и ревность между людьми противоположного пола.

Вот их заклинание:

> Сергути (*Serguthy*), Херамаэль (*Heramael*), Тримасаэль (*Trimasael*), Сустугриэль (*Sustugriel*); Агалиерапс (*Agalieraps*), Таритималь (*Tarithimal*), Элго-апа (*Elgo-apa*), Небирос (*Nebiros*), Хаэль (*Hael*) и Сергулат (*Sergulath*), а также вы, о Прокуло (*Proculo*), Харистум (*Haristum*), Брулефер (*Brulefer*), Пентагнегни (*Pentagnegni*), Агласис (*Aglasis*), Сидрагосам (*Sidragosam*), Миносумс (*Minosums*) и Буконс (*Bucons*), соберитесь все вместе именем Великого, Могучего и Святого Адонаи, появитесь и придите со всеми силами своими по воле и велению N. N. и предайтесь во власть того, кто вас призывает, и внемлите всем желаниям его!
>
> Sanctus, Sanctus Regnum Verba praeterague nihil![1]
>
> Omnis spiritus rexurgat! Pax voluntas, fiat voluntate mea[2].

В этом каталоге духов, подчиненных Небиросу, обращают на себя внимание многие обстоятельства. Прежде всего, Мораил и Пентагнони (он же Пентагнегни) способны даровать невидимость, а Юктигарас и Прокуло властны над сном

1 «Свято, свято Царственное Слово непревзойденное!» (лат.).

2 «Встаньте, все духи, и ступайте с миром, и исполните волю мою!» (лат.).

и сновидениями. Все это вполне естественные способности для подданных Небироса, владеющего секретом Руки Славы. Невидимость — один из главных шаманских даров, символизирующий способность путешествовать в нижний мир; шлем невидимости — атрибут Гермеса, позаимствованный у Аида (а некоторые мифографы считают Аида изначальным, или старшим, Гермесом). Власть этого провожатого душ в загробном мире отражена в нескольких заклинаниях из магических папирусов. Основу нескольких обрядов для насылания снов и общения с духами во сне составляют заклинания, обращенные к Анубису или Керберу и читаемые над восковой фигуркой собаки (Кербер фигурирует в PGM IV.1872—1927, Анубис — в PDM suppl. 101—116, 117—130). Их без особого труда можно переработать для призывания Небироса и его подданных — Юктигараса и Прокуло. Ритуал, помогающий увидеть вещий сон, приводится и в «Истинном гримуаре». Ритуалы «Истинного гримуара» действуют благодаря духам, входящим в его иерархию, так что и в этот обряд можно включить обращение к Небиросу и его подданным. В ходе обряда оператор вписывает в центральный круг стандартного талисмана свое собственное имя, а во внешнее кольцо — имена соответствующих духов. Перед сном следует помолиться, чтобы эти духи открыли вам сегодня ночью во сне то, что вы желаете узнать, и положить талисман под подушку, а подушку — себе под правое ухо.

В «Великом гримуаре» и «Красном драконе» перечисляются и другие духи, подвластные Небиросу: Ипос (*Ipos*), ведающий всё о прошлом, настоящем и будущем и способный даровать отвагу и остроту ума; Наберус (*Naberus*), ипостась самого Небироса, обучающий всем искусствам и наукам и в особенности риторике; Гласия-болас (*Glasya-bolas*), который является в образе крылатого пса и тоже может обучать любым искусствам и наукам, а также вызывать кровопролития и убийства, открывать все тайны прошлого, настоящего и будущего и даровать невидимость. Все эти духи связаны с прорицанием, знаниями, отвагой, невидимостью и торжеством над врагами. Как и в случае с духами, перечисленными выше, способности их аналогичны тем, которые приписываются Небиросу.

И в заключение нелишним будет отметить, что имена духов Пентагнони и Букона этимологически связаны с именами

домашних богов древнеримской религии. Из этого можно сделать вывод, что духи, подчиненные Небиросу, могут стать верными фамильярами — домашними духами-союзниками гоэтического мага, а вышеприведенное заклинание, обращенное к ним в совокупности, уместно включить в ритуалы, сопровождающие регулярные подношения этим духам.

Магические папирусы

Не следует забывать о том очевидном факте, что гримуары — это не устная народная традиция, с одной стороны, и не просто адаптация некоей заимствованной восточной системы — с другой. Они изначально составляли отдельный жанр западной литературы. И, несмотря на поверхностное сходство с ассирийскими ритуальными текстами и магическими папирусами египетских фараонов, этот древний жанр обладает своими культурными, социальными и географическими особенностями.

Как отмечает Джозеф Петерсон и как указывают в своем «Истинном Ключе Соломона» Скиннер и Рэнкин, древнейшие гримуары «соломоновой» группы — эллинистическое «Завещание Соломона» и византийская «Гигромантия» — были написаны на древнегреческом языке. А древнейшие предшественники гримуаров — орфические книги, как уже отмечалось выше. Связующим звеном между византийскими соломоновыми текстами и орфической литературой стали греко-египетские магические папирусы и эфесские магические книги, ныне утраченные. Орфические книги, магические папирусы и соломоновы гримуары представляют различные этапы одной и той же непрерывной литературной традиции; и на каждом из этих этапов соответствующие тексты создавались и распространялись по личной инициативе авторов и переписчиков, безо всякой поддержки со стороны правящего меньшинства, будь то аристократического или теократического.

Собрание древних магических текстов, известных как греческие или греко-египетские магические папирусы, трудно переоценить. Оно охватывает практически все дошедшие до нас образцы этого жанра, за исключением дефиксионов и гностических гемм. И значимость его для нашего исследования и для критического пересмотра гоэтической магии действительно неоценима. Сравнивая папирусы с гримуарами, внимательный исследователь обнаружит немало подробностей, опровергающих всевозможные предубеждения против гоэтии. Прежде всего следует подчеркнуть несколько самых ярких фактов, бросающихся в глаза. Дитрих Бец в предисловии к своему изданию магических папирусов отмечает, что исключительно важную роль в этих текстах играет подземный мир. На мой взгляд, эта особенность

связана не с переносом подземного мира на небеса в эллинистический период, а с более древними традициями. Далее, согласно Бецу, подземный мир в папирусах предстает в расширенном виде и включает в себя, среди прочего, и тех богов, которым ранее не приписывались хтонические функции. Это обстоятельство тоже следует рассматривать в более широком контексте. Кроме того, Бец находит в папирусах примеры возвращения богов к доклассическим формам — к их древнейшей демонической природе. Однако, с моей точки зрения, это связано с тем, что упомянутую демоническую природу боги утратили не повсеместно: в определенном контексте она сохранялась в неизменности с архаических времен и вплоть до эллинистического периода. В остальном, если Бец прав, то «расширение» подземного мира может объясняться культурно-историческими причинами, в том числе пессимистическим настроем народов, завоеванных римлянами. Возможно, именно в этом, а не в укреплении христианства, заключалась и первоначальная причина демонизации языческих богов. Так или иначе, как пример этой хтонизирующей тенденции Бец приводит Гелиоса, в связи с чем возникают серьезные проблемы, которые мы рассмотрим немного позже.

Однако в контексте магической космологии и практики подземный мир сохраняет огромную значимость вне зависимости от этих соображений. Он играет важнейшую роль в магии, которую мы здесь называем гоэтической, и в этом отношении магические папирусы просто продолжают магическую традицию, зародившуюся в гораздо более древние времена, тем более что в период составления этих папирусов старые мистериальные культы снова набрали силу. В свою очередь, не вызывает никаких сомнений, что позднейшие гримуары — прямые наследники магических папирусов: взаимосвязи между ними совершенно очевидны. Во-первых, в папирусах фигурируют Соломон и Моисей как магические герои и употребляются еврейские божественные имена (разумеется, наряду с другими, но достаточно часто). Во-вторых, в папирусах присутствуют магические символы и буквы, многие из которых аналогичны символам, встречающимся в гримуарах. И, в-третьих, как было показано выше в главе о Небиросе и в главе моего издания «Истинного гримуара», посвященной Астарот(у), в магических папирусах обнаруживаются прообразы многих персонажей, действующих в гримуарах.

Кроме того, обращают на себя внимание параллели между магическими процедурами, описанными в гримуарах, и теургическими обрядами Ямвлиха. Эти аналогии очевидным образом показывают, что граница между древней теургией и гоэтией по большей части мнимая. Термин «гоэтия» приобрел бранные коннотации, но суть гоэтической магии от этого не изменилась: гоэтия — род магии, основанный на работе с подземным миром и продолжающий древние традиции, хотя и в трансформированном виде. Единственное реальное ее отличие от теургии заключилось в том, что гоэтию нередко практиковали люди, не входившие в круги интеллектуальной и философской элиты. Ямвлих, ведущий представитель неоплатонической школы, вернул древней магии респектабельность, снабдив ее философской интерпретацией. Термин «теургия» предпочитали те маги, которые рассматривали себя (или желали, чтобы их рассматривали) как религиозных конформистов или стремились доказать свое моральное и интеллектуальное превосходство над магами-маргиналами. Но на практике различия были невелики. Недостаток философских знаний не мешал некоторым объявлять себя теургами только для того, чтобы избежать осуждения, которому подвергались гоэты, а некоторым серьезным философам звание теурга, в свою очередь, не помогало избежать обвинений в приверженности гоэтии.

Тот факт, что папирусы — следующее после орфических книг звено в цепи предшественников гримуарной литературы, не подлежит сомнению. Ответить на вопрос, каким образом они могли повлиять на европейскую магию эпохи христианства, тоже не составляет проблемы. С одной стороны, многие элементы эллинистической культуры сохранялись в христианской Византии, которая оказывала влияние на наследников Западной Римской империи, — именно таким путем в Европу пришли соломоновы гримуары. С другой — эллинистическую науку и магию с энтузиазмом принимали и развивали в странах ислама, откуда они, в свою очередь, проникали в европейскую культуру. Самое наглядное свидетельство этого процесса — арабский компендиум магических знаний, известный под названием «Пикатрикс».

Эту книгу, составленную анонимным исламским ученым, впервые перевели в средневековой Испании. На страницах «Пикатрикса» то и дело упоминаются греческие мудрецы:

различные афоризмы приписываются Эмпедоклу, излагается неоплатоническое учение о великой цепи бытия, используется античная теория симпатии и так далее. Цитируются (иногда кратко, а подчас и пространно) магические книги, авторами которых объявляются Аристотель, Гермес, Гиппократ и прочие античные знаменитости. Наряду с Аполлонием и другими упоминается некий Критон, автор не дошедшей до нас книги по магии, и это тоже греческое имя. И далеко не все из этих отсылок можно сбросить со счетов как чисто литературный прием, призванный повысить авторитетность текста. Описания многих талисманов и прочие детали ясно свидетельствуют об античных истоках «Пикатрикса». Большинство магических образов и графических символов, приведенных в «Пикатриксе», впоследствии были включены в «Оккультную философию» Агриппы и другие европейские книги по магии. И некоторые из этих символов обнаруживают заметное сходство с гностическими геммами и талисманами эпохи эллинизма.

Как упоминалось в книге I, некоторые современники и позднейшие исследователи противопоставляли магические папирусы трактатам герметического корпуса, рассматривая последние как образцы «высокой», или «ученой», герметики, а первые — как примеры герметики «низкой», или «народной». При обращении к «Пикатриксу» становится ясно, что подобное противопоставление не имеет не малейшего смысла: возвышенная и утонченная герметическая философия служит здесь непосредственной основой для магических практик, напрямую восходящих к папирусам. Иными словами, философское содержание «Пикатрикса» неразрывно связано с магическим, и, по всей вероятности, точно так же обстояло дело и в эллинистическом мире. Разумеется, находились люди, которые специализировались на чем-то одном, но в целом изучение философии ни в коей мере не исключало занятий практической магией и наоборот.

Абраксас

О таинственном гностическом божестве по имени Абраксас не рассуждал только ленивый, и теперь у нас в наличии полный спектр возможных его интепретаций — от высокоученых

до гротескно-примитивных. Важность этой фигуры для нашего исследования самоочевидна, но до сих пор у нас не находилось места подчеркнуть, насколько значима связь между Абраксасом и Гелиосом, богом Солнца. На их несомненное сходство указывают несколько ярких признаков: во-первых, как известно, имя «Абраксас» по греческой гематрии дает число 365 — число дней солнечного года. Во-вторых, Абраксас нередко изображался едущим на колеснице (а это стандартная эмблема Гелиоса) или с бичом возничего в руке. Далее, по-гречески имя «Абраксас» записывается семью буквами, что символизирует власть этого божества над планетными сферами. Пантеистический характер Абраксаса согласуется с позднеантичными неоплатоническими представлениями о Гелиосе, в которых последний предстает как важнейший из древних богов и средоточие всего космоса. Столь же возвышенный статус придавали Гелиосу и орфики.

Поздние представления о Гелиосе повлияли на иудейскую религиозную иконографию: на мозаичных полах древних синагог встречаются изображения Бога, едущего на колеснице и окруженного символами времен года. Это же происхождение имеет мистицизм Меркавы (Колесницы). Об атрибутах Абраксаса — петушиной голове, поднятом биче и щите — рассуждали многие, но никто еще, насколько мне известно, не отметил сходства его змеиных ног с ногами хтонических великанов или Тифона. Самая правдоподобная интерпретация этой детали — символ власти над землей и подземным миром как важных компонентов мироздания в целом.

Хтонические обертоны образ Гелиоса приобрел по меньшей мере в VI веке до н. э., когда в греческой мифологии появился мотив его ночных путешествий в ладье-чаше. В том же VI веке до н. э. Аполлон, хтонические свойства которого восходят к Нергалу и Решефу, а также объясняются тесными связями с Дионисом, воспринимался как солнечный бог, и это представление вошло в орфические и родственные им источники. Отождествляя Гелиоса с Аполлоном, Платон в своих «Законах» всего лишь следует орфическому прецеденту: Орфей отказал в почестях Дионису и стал поклоняться Гелиосу, которого называл Аполлоном.

В государственном культе поздней Римской империи солнечный бог занял верховное место в пантеоне, но истоки этой

ситуации следует искать в гораздо более древних философских, магических и народных традициях. К тому же Платону и к более ранним ионийским источникам восходит представление о тождестве подземного мира с ночным небом. В этой системе Солнце и Луна отождествлялись с Аидом и Персефоной, а зодиак и Млечный Путь — с реками загробного мира. Тождеством Персефоны с луной объясняется титул «Дети Луны», который присваили посвященным в орфические мистерии, искупившим первородный грех убийства Диониса, сына Персефоны, растерзанного титанами.

День недели	Планета	Греческое божество из магических папирусов
Воскресенье	Солнце	Гелиос
Понедельник	Луна	Селена
Вторник	Марс	Арес
Среда	Меркурий	Гермес
Четверг	Юпитер	Зевс
Пятница	Венера	Афродита
Суббота	Сатурн	Кронос

(Гелиос и Селена = Аид и Персефона)

Франц Кюмон в своей книге «Восточные религии в римском язычестве» говорит о солярном пантеизме, развившемся в Сирии в эллинистическую эпоху под влиянием халдейской астрологической религии. На этом основании представление о солнечном боге как пантеистическом божестве или демиурге приобрело в Римской империи официальный статус. Таким образом, эллинистическая Сирия в этом и других отношениях сыграла в развитии западной магии не менее важную роль, чем процессы, происходившие в тот же период в Египте. Глядя на вещи с европоцентрической позиции и пребывая под влиянием иудейско-христианских предрассудков, Кюмон подчеркивает значимость этого божества для развития религии:

> Единое, всемогущее, вечное, вселенское, неизреченное божество, выказывающее себя во всей природе, самым великолепным и мощным проявлением которого служит Солнце, - на этой окончательной формулировке остановилась языческая религия семитов, а впоследствии и римлян. Итак, здесь мы снова говорим о том,

> каким образом проповедь восточных культов проторяла путь для христианства и предвозвещала его триумф. Астрология, всегда оспариваемая Церковью, тем не менее подготовила умы к принятию тех догм, провозгласить которые суждено было последней[1].

Сегодня мы вправе задаться вопросом, таким ли уж шагом вперед была эта «окончательная формулировка». Впрочем, пока что важно только принять к сведению, что противопоставление божества физическому миру вовсе не типично для пантеистического солнечного бога — скорее, наоборот. В позднейшей теологии это обстоятельство отошло на задний план, но нам, напротив, следует внимательно присмотреться к хтоническим элементам в природе солярного божества.

Юпитер Гелиопольский изначально был сирийским солнечным богом. В Баальбеке сохранился посвященный ему грандиозный храм, свидетельствующий о том, сколь важную роль он играл в римской религии до пришествия христианства. Еще до того, как римляне заимствовали культ этого бога, греки ассоциировали его одновременно и с Зевсом, и с Гелиосом. Как пантеистическое божество он вмещал в себя семь планет, и на фронтальной части некоторых его статуй размещаются бюсты семи планетных божеств под крылатым солнечным диском. Среди них встречаются очень узнаваемые греческие образы Гелиоса и Селены, Марса и Меркурия, Юпитера и Венеры, расположенные попарно справа налево, а под ними — одинокое изваяние Сатурна-Кроноса. В таком же порядке располагаются дни недели, связанные с этими планетами. Иногда вместо планетных богов статую Юпитера Гелиопольского украшают семь восточных божеств, а иногда знаки зодиака. Все это говорит в поддержку отождествления Гелиоса с Абраксасом, как в магических папирусах, где Абраксас выступает в обличье Эона, всеобъемлющего бога вечности.

Зевс (Юпитер) Гелиопольский — это, вне сомнения, греческое и латинское имена чужеземного божества. В Сирии его называли Баалом; он отождествлялся с египетским Сетом и с Решефом. Отсылки к Баалу как солнечному божеству нетрудно найти в «Пикатриксе» и других источниках. Этот бог

1 Франц Кюмон, *Восточные религии в языческом христианстве*. СПб.: Евразия, 2002, пер. с фр. А. Санина, стр. 173—174.

властвовал не только над солнцем, но и над огнем. К нему восходит имя одного из четырех королей стихий в демонологии. Альтернативное имя этого короля, Ориенс, — эпитет Солнца в римском культе солнечного божества. Подобно Гелиосу и Абраксасу, этот бог держит в руке бич. Начальные буквы его латинского титула, *Iovi Optimo Maximo Heliopolitano* (наивысший и величайший Юпитер Гелиопольский), составляют мистическую формулу ІОМН. Провести параллель между этим пантеистическим солярным божеством и Абраксасом не составляет труда, поскольку сирийская и халдейская космологические системы были неотъемлемой частью эллинистического синтеза традиций.

Спорить с теми, кто считает учение о сверхприродном боге наивысшей из возможных теологических концепций, бесполезно. Так или иначе, космология Василида, в которой берет начало образ Абраксаса, дошла до нас в различных пересказах, местами противоречащих друг другу. Согласно одной трактовке, Абраксас — величайший из гностических архонтов (в поддержку чего говорит тот факт, что на некоторых геммах с изображением Абраксаса присутствует надпись «Саваоф»); согласно другой — это имя Первоначала, от которого произошло все сущее. Последняя интерпретация роднит Абраксаса с непостижимым Богом неоплатонизма, каббалы и той самой христианской теологии, которую Кюмон считал непревзойденной. Моя точка зрения нисколько не преуменьшает значимость связей между этой фигурой и еврейским учением о гекалот (небесных дворцах) и изображением зодиакально-солнечного божества на мозаиках древних синагог. Однако в соответствующем культурном контексте тифонические и хтонические ассоциации солярного пантеистического божества все же свидетельствуют в пользу проявленного и личностного бога, хотя и действующего во вселенском масштабе. Интересная особенность эллинистического синкретизма — связь ИАО-Саваофа с вакхическим возгласом «Ио Сабазий!» Фактически эта связь позволяет отождествить Диониса с верховным божеством в полном соответствии с пророчеством о том, что рано или поздно он займет место Зевса в качестве правителя богов и всей Вселенной.

Что касается гемм с изображением Абраксаса, то в магических папирусах встречается два описания подобных камней

(PGM XII.201—269 и PGM XII.270—350). И в том и в другом случае речь идет об изготовлении магических перстней с резными камнями. На первом из этих камней изображена змея, держащая во рту собственный хвост, а внутри кольца, образованного ее телом, — Селена (серп растущей Луны) с двумя звездами на концах и выше Гелиос (Солнце). Рядом с Гелиосом должно быть вырезано имя Абраксаса, и такое же имя предписывается начертать на оборотной стороне камня, а по кругу — надпись «ИАО Саваоф». Освящение перстня включает в себя жертвоприношение определенно хтонического свойства: оператор должен выкопать яму под открытым небом или отыскать чистую и освященную могилу, а затем сложить в яме или над могилой костер для всесожжения.

Во втором случае для перстня берут камень гелиотроп, зеленый с красными крапинками, точь-в-точь как предписано в «Истинном гримуаре». На этом камне тоже изображается змея, держащая в зубах свой хвост, а внутри кольца, образованного ее телом, — Гелиос в виде скарабея, окруженного лучами. На обороте камня вырезают иероглифами имя солнечного бога. В подношении божеству можно использовать любые благовония, кроме ладана. Аналогичный запрет обнаруживается в орфическом гимне Дионису Подземному (гимн LIII). Это вновь напоминает нам о связи между Саваофом и Сабазием в эллинистическом синкретизме.

Ни переводчик папирусов на английский язык, ни редактор этого не заметили, но обряд освящения для первого из вышеописанных перстней аналогичен «освящению, пригодному для любой цели», который приводится в другом тексте из магических папирусов. Оба эти ритуала обращены к Гелиосу и содержат схожие или связанные друг с другом мотивы.

«Освящение, пригодное для любой цели» (PGM IV.1596—1715) включает в себя призывание Гелиоса как величайшего из богов, властвующего «над миром и под миром». Гелиоса величают здесь важным почетным титулом «Агафодемон» (Ἀγαθὸς Λαίμων), то есть «Добрый Демон», а небо названо путем его ритуальных процессий. Кроме того, Гелиос именуется Великим Змеем и снова отождествляется со змеей, кусающей собственный хвост, — символом всего сотворенного мира и времени. Описанный в папирусе ритуал освящения пригоден для любых целей; соответственно, указывается, что обращение

необходимо переписать с учетом конкретной задачи. Затем следует длинный перечень варварских имен, среди которых обращает на себя внимание титул Абраксаса — Саваоф, а затем — двенадцатичастное заклинание, в котором перечисляются двенадцать часов, образов и имен божества, и за каждой частью следует просьба наделить силой освящаемое изображение или талисман. Это заклинание связано с древним принципом счета времени — не суточным, а дневным и ночным, при котором и день, и ночь подразделялись на двенадцать часов. С каждым часом ассоциируется одно из двенадцати символических животных (кот, змея и т. д.), в совокупности составляющих так называемый додекаур (δωδεκάωρος), «двенадцатичасовой круг». В этом конкретном ритуале каждому символу вдобавок ставится в соответствие определенное божественное имя:

Час	Божественный образ	Божественное имя
1-й час	Кот	Фаракунет (Φαρακουνηθ)
2-й час	Собака	Суфи (Σουφι)
3-й час	Змея	Амекранебехео Тоут (Αμεκρανεβεχεο Θωυθ)
4-й час	Скарабей	Сентенипс (Σενθενιψ)
5-й час	Осел	Энфанхуф (Ενφανχουφ)
6-й час	Лев	Баи Солбаи (Βαι Σολβαι)
7-й час	Козел	Уместот (Ουμεσθωθ)
8-й час	Бык	Диатифе (Διατιφη)
9-й час	Сокол	Феус Фоут (Φηους Φωουθ)
10-й час	Павиан	Бесбюки (Βεσβυκι)
11-й час	Ибис	Му Роф (Μου Ρωφ)
12-й час	Крокодил	Аэротоэ (Αερθοη)

За каждым повторением «в час N ты имеешь облик N и зовешься именем N» следует просьба, связанная с данным конкретным освящением.

И, наконец, именем бога, сотворившего все сущее, Агафодемона, маг призывает землю и небо, свет и тьму, чтобы исполнилось все, что он желает совершить с освящаемым перстнем, камнем, изображением или иным предметом. Вслед за этим кульминационным призыванием обряд завершается формулой «Зевс есть Сарапис» (εἷς Ζεὺς Σάραπις). Тем самым вновь утверждается представление о Гелиосе как универсальном божестве: Зевс (подобный или тождественный Юпитеру Гелиопольскому) отождествляется с Сараписом, чья хтоническая природа не вызывает сомнений.

Подведем итоги. Основную часть этого обряда, следующую за начальной молитвой, составляет перечисление 12 образов и имен пантеистического солнечного бога с обращенными к каждому из этих образов просьбами. Как это вообще типично для египетской магии, оператор сам должен добавлять формулировки своего намерения («добавь как обычно» или «исполни то-то и то-то»). Важно то, что этот освятительный обряд исходно предназначен для адаптации к самым разным целям: его необходимо перерабатывать под каждую конкретную задачу. В магических папирусах встречается несколько обрядов, предписывающих использовать этот освятительный ритуал, и само их разнообразие свидетельствует о его универсальности. Он пригоден не только для освящения талисманов и амулетов, но и, например, для изготовления магической статуэтки Кербера, необходимой для одного обряда любовной магии (PGM IV.1872—1927).

«Освящению, пригодному для любой цели» находятся параллели в позднейших гримуарах, в частности, заклинание для освящения орудия из «Истинного гримуара»:

> Заклинаю тебя, о форма орудия N., Богом-Отцом всемогущим, силою неба и правящих звезд, силою стихий, камней, растений и всех животных, и силою града[1] и ветра, дабы ты обрела способность даровать нам совершенство во всем, чего мы желаем достичь и что намереваемся исполнить безо всяких хитростей, лжи и обмана, именем Бога, сотворившего солнце и ангелов. Аминь.

Это освящение не только подходит для любого орудия, но и обращено к пантеистическому божеству, повелевающему всеми стихиями и сотворившему солнце и ангелов. Сравнение и экстраполяция показывают, что этот текст с успехом можно использовать не только для орудий, но и для талисманов, а «Освящение, пригодное для любой цели», соответственно, не только для талисманов, но и для магических орудий, описанных в гримуарах.

1 У Бестетти: «бурь»; у С. К.: «снежной метели».

Византийское наследие

В следующей таблице представлены византийские планетные соответствия, бытовавшие в XII веке и тщательно выбранные из различных языческих источников:

Планетное божество	Металл/минерал	Растение	Животное
Кронос	Свинец	Гиацинт	Осел
Зевс	Серебро	Лилия	Орел
Арес	Железо	Фиалка	Волк
Гелиос	Золото	Роза	Лев
Афродита	Олово	Очный цвет	Голубь
Гермес	Бронза	Марена или анемон	Змея
Селена	Горный хрусталь	Нарцисс	Корова

Византийские магические традиции, основанные на эллинистическом материале и современные первым гримуарам, были обширны и хорошо развиты. В некоторых философских кругах Византии платоническое язычество сохранялось вплоть до Средних веков или даже позднее. Известно, что все это время в соседней Болгарии действовали маги-язычники, и не исключено, более того, весьма вероятно, что это были беженцы из Византии. По мнению Бернарда Кука, вышеприведенные соответствия из византийских источников опираются на систематизацию обычаев и культовых практик Римской империи. Например, изображение солнца, поднимающегося из розы, встречается на монетах Родоса — острова Гелиоса (от др.-греч. ῥόδον — «роза»).

Связь Ареса с фиалкой не столь очевидна, но характер Марса претерпел такие грандиозные изменения в ходе истории, что удивляться подобной ассоциации не следует. Фиалки были связаны с обрядом Диониса, у которого, в свою очередь, имелась воинственная ипостась, а также фигурировали в римском жертвоприношении манам, описанном у Овидия. Какой бы смысл ни заключался в этом атрибуте изначально, мы можем, по крайней мере, наблюдать конвергенцию перечисленных божеств вплоть до объединения ритуального пространства предков и Марса в домашних обрядах. Волк, поставленный ему в соответствие, в древности ассоциировался

также с Аполлоном, отражая хтоническое происхождение последнего. Но самый большой интерес вызывает осел — животное Тифона и Диониса — как соответствие Кроноса. Кронос, как и Тифон, был заточен под землей в Тартаре и только позднее приобрел более достойную и привилегированную роль в подземном мире мистерий (здесь, пожалуй, можно усмотреть параллель с преображением роли Тифона в эллинистическую эпоху). Бернард Кук подчеркивает также, что серебро и лилия связаны с сирийским солнечным богом Баалом в той форме, в которой его почитали в Долихии. Римлянам он был известен как Юпитер Долихен и среди прочего считался покровителем драгоценных металлов. Культ его пользовался популярностью среди сирийских солдат, служивших в римской армии. В некоторых надписях этот бог называется «рожденным там, где зарождается железо». Едва ли подразумеваются какие-то железные рудники в окрестностях Долихии — хотя бы потому, что мы не располагаем ни единым свидетельством о месторождениях железа в этой области. И вовсе не случайно такое же определение дается халибам: греческие лексикографы описывали их как скифское племя, обитающее там, где родится железо. Страбон утверждает, что в его время халибы были известны под именем халдеев, а в древности обрабатывали не только железо, но и серебро. Отождествление халибов с халдеями не находит поддержки среди современных ученых; однако Вавилон тоже некогда был персидским, а его астрологов-теургов иногда путали с зороастрийскими магами. Как бы то ни было, утверждение о том, что халибы обрабатывали серебро, обращает на себя внимание: Гомер пишет о племени гализонов, пришедшем из далекой Алибы, где рождается серебро, а поэт Тимофей воспевает серебро, рожденное землей.

Итак, не вызывает сомнений, что в Малой Азии с ее горными хребтами, богатыми на залежи металлов, железо и серебро считались дарами или даже детьми Матери-Земли. Вероятно, это представление уходит корнями в доисторические времена, однако сирийцы, скорее всего, позаимствовали его непосредственно у хеттов, которые поклонялись великой горной богине-матери. В целях нашего исследования ее можно отождествить с критской матерью Зевса, который был ее сыном и возлюбленным и, родившись, был убит, но затем воскрес. Юпитер

Долихен естественным образом ассоциируется с этой критской богиней благодаря своим атрибутам — быку и двойной секире. Те же мотивы связаны с хеттским богом-отцом и его сыном и имеют самое прямое отношение к критским культовым практикам. Таким образом, мы вправе предположить, что эпитет «рожденный там, где зарождается железо» указывает на Юпитера Долихена как преемника более древних сыновей и возлюбленных великой богини.

Кроме того, Юпитера Долихена нередко отождествляли с Юпитером Гелиопольским, так что можно рассматривать его одновременно и как пантеистическое божество, относящееся к сфере самых возвышенных теологических концепций позднего язычества, и как более простого бога-покровителя бурь и плодоносного солнечного света. Разумеется, и Зевс, и Баал в различных своих ипостасях нередко объединяли в себе роли, присущие, с одной стороны, Солнцу, а с другой — планете Юпитер. Кроме того, связь этого бога с драгоценными металлами указывает на древние истоки еще одного божества, тесно связанного с Гелиосом, — Гефеста.

Несмотря на то, что в гримуарах с Юпитером обычно ассоциируется олово, связь этой планеты с серебром не забылась при переходе от византийской к более поздней западноевропейской магии. Агриппа ставит в соответствие Юпитеру серебро, а также (как вслед за ним и Баррет) пишет о талисманах Юпитера, выгравированных на серебре и дарующих все блага, связанные с этой планетой. Кроме того, серебро — единственный металл, прямо упомянутый в описаниях пентаклей Юпитера в «Ключе Соломона» (а именно — в описании четвертого пентакля этой планеты[1]).

Завершим наше рассуждение о солярно-пантеистическом божестве, правящем огнем и металлами, инвокацией, которая послужит переходом к следующему разделу. Использованный в ней синкретический подход к древним божествам не вызовет удивления, если учесть, что текст этот был создан не намного позже магических папирусов. Загадочное число из последней фразы соответствует по гематрии греческим буквам ΙΗΣ — мистической формуле, обозначающей Диониса.

1 См.: *Соломонова магия: ключи царя Соломона*. М.: Ганга, Телема, 2017, стр. 121.

Ода к Солнцу

Лаций тебя призывает, о Сол, ибо ты — тот единый, кого почитают после Отца, средоточия света; и говорят, что святая глава твоя увенчана златым сияньем о двенадцати лучах, ибо ты определяешь число месяцев и число часов. Говорят, что ты правишь четверкой крылатых коней, ибо тебе одному подвластна колесница стихий. Фебом же (Аполлоном) тебя величают потому, что ты открываешь тайны грядущего и предотвращаешь ночные преступления. Египет поклоняется тебе как Исейскому Серапису, а Мемфис — как Осирису. В различных обрядах почитают тебя как Митру, Дия и жестокого Тифона. И ты же — прекрасный Аттис и приемный сын Изогнутого Плуга. Ты — Аммон бесплодной Ливии и Адонис Библа. Итак, под различными именами тебе поклоняется весь мир. Слава тебе, истинный образ богов и лик Отца твоего, о ты, чье святое имя, прозвание и знамение суть три буквы, созвучные числу 608.

— Марциан Капелла, IV век н. э.

Тифон-Сет

У магов, которые составили греко-египетские магические папирусы и использовали их на практике, было два основных божества-покровителя: Геката и Тифон-Сет. Оба эти божества чрезвычайно важны в данном контексте, причем влияние обоих распространилось далеко за пределы исходной культурной среды. Геката заняла столь высокий статус в Египте и Римской империи благодаря особой роли, которую она играла в мистериальных религиях Греции и Малой Азии. Тифон отождествился с египетским Сетом и стал главным богом-покровителем магов во всем римском мире. Геката же, претерпев множество изменений в ходе своего развития, стала главной богиней ведьм. Эволюция Тифона-Сета совершалась по другой линии, и в итоге египетские элементы заняли в его образе не менее важное место, чем греческие. Однако в качестве составного божества он сохранил некоторые значимые мотивы и как представитель греческой традиции. Геката в последнее время стала предметом серьезных исследований, но Тифон тоже играл исключительно важную роль в позднеязыческой магии и заслуживает здесь по меньшей мере отдельного раздела, в котором мы постараемся рассмотреть те его греческие составляющие, которые долгое время оставались без внимания.

Соответствия Тифона-Сета приводятся во многих древних источниках и не вызывают сомнений: его цвет — красный; его металл — железо; из разновидностей воды ему соответствует морская, а главное его животное — дикий осел. Греческий Тифон — это мифологическое олицетворение сил, заключенных в бурях и грозах, вулканах и землетрясениях. Его представляли как в обличье разрушительного урагана, так и в виде колоссального огнедышащего исполина. В последнем варианте тело его от головы до пояса было человеческим, а ниже пояса состояло из гигантской массы ядовитых змей, непрерывно шипящих и настолько длинных, что они доставали ему до головы. Кроме того, его тело было покрыто множеством крыльев, а голова и щеки — длинными волосами, развевавшимися на ветру. На руках его тоже росла сотня змеиных голов (по некоторым описаниям, вместо пальцев), а изо рта и глаз вырывалось свирепое пламя.

Вероятно, именно по этой причине Тифон назывался стоглавым, хотя иногда его изображали всего с тремя человеческими головами или с одной, но ослиной. Звуки, которые он издавал, были не менее устрашающими, и у каждой головы — свои. Одни головы говорили на языке богов, отличном по звучанию и значению от человеческого, другие мычали, как коровы, или свистели, или лаяли, словно псы, третьи вскрикивали и пронзительно визжали, как дикие звери.

Тифон был самым огромным и ужасным из всех созданий, когда-либо рождавшихся на свет. Голова его возносилась выше гор и нередко задевала звезды. Раскинув руки в стороны, он мог коснуться обоих горизонтов, восточного и западного. О его происхождении повествует несколько версий мифа, и каждая из них по-своему любопытна.

Первая и в некоторых отношениях самая интересная версия гласит, что Тифона родила Гера без участия мужчины. Точно так же, согласному другому преданию, появился на свет Гефест, у которого с Тифоном много общего. По этой версии, Гера отдала свое дитя на воспитание чудовищному Пифону, обитавшему в Дельфах. Однако и в гомеровском гимне, и в схолиях к Аполлонию Родосскому Пифон отождествляется с Тифоном, и не исключено, что на киликийский манер имя «Тифон» произносилось как «Пифон». В пользу этой гипотезы говорит тот факт, что в мифах о них обоих фигурирует одно и то же место — Корикийская пещера.

Согласно другой версии, которую приводят, в частности, Гесиод и Аполлодор, Тифон был самым младшим из порождений Геи и Тартара. Разгневавшись на богов, которые истребили гигантов, ее сыновей, Гея родила Тифона, чтобы тот отомстил за погибших. Тифон появился на свет в Киликии, и эта местность — важный элемент мифа во всех его формах; там же впоследствии зародился римский культ Митры, и там же располагалась его знаменитая пещера.

Третий вариант повествует о том, как Гея оклеветала Зевса перед Герой опять-таки для того, чтобы отомстить за гигантов. Гера обратилась за помощью к Кроносу, и тот дал ей два яйца, покрытые его семенем, и сказал: если закопать их в землю, из них вылупится чудовище, способное низвергнуть Зевса.

Тифон напал на Олимп, изрыгая огонь, испуская ужасные вопли и шипение из сотни своих глоток и меча в небо

пылающие камни, словно кометы. Боги так испугались, что бежали в Египет и попытались спрятаться, приняв обличья животных: Зевс превратился в барана, Гермес — в ибиса, Аполлон — в ворону, Гера — в корову, Дионис — в козла, Артемида — в кошку, Афродита — в рыбу и так далее.

В отличие от побочной версии мифа, основная исключает Зевса (наряду с Афиной) из этого постыдного перечня. Согласно более распространенному варианту, Зевс обрушил на Тифона свои перуны, а затем сошелся с ним в ближнем бою, вооружившись адамантовым серпом Кроноса (он же, как мы помним, — серп Деметры, выкованный тельхинами). Тифон обратился в бегство, но Зевс помчался следом и настиг его возле горы Касий, что в Сирии. Полагая, что Тифон тяжело ранен, Зевс снова вступил с ним бой, однако Тифон сдавил Зевса кольцами бесчисленных змей, росших на его теле, отнял адамантовый серп и перерубил своему противнику сухожилия рук и ног. После этого он двинулся пешком по дну океана в Киликию, захватив Зевса — беспомощного пленника — с собой. Добравшись до суши, Тифон остановился отдохнуть в Корикийской пещере. Сухожилия Зевса он завернул в медвежью шкуру и отдал на хранение Дельфине — полудеве-полузмее.

По одной версии, эти сухожилия добыли и вернули Зевсу Гермес и Пан, по другой то же самое совершил при помощи хитрой уловки Кадм, небезызвестный убийца чудовищ.

Вновь обретя силу, Зевс опять пустился в погоню за Тифоном и преследовал его до горы Ниса, где Мойры подали Тифону лживый совет: если он вкусит человеческой пищи, сказали они, то обретет великую силу. Тифон послушался и лишился почти всей той силы, что у него была. Гора Ниса, разумеется, прочно ассоциируется с мифом о Дионисе, а в этом мифе тоже содержится мотив низложения Зевса.

Очередной поединок Зевса с Тифоном состоялся во Фракии, близ горы Гайм, которая также фигурирует в мифе о Борее, боге северного ветра. Несмотря на то, что Тифон тесно связан с ветрами (и от его имени происходит современное слово «тайфун») и считается отцом Эриний, которые среди прочего были духами ветра, Борей не входит в число его сыновей. Ввиду этого любопытно, что один из ключевых эпизодов мифа о Тифоне связан с горой Борея: можно подумать, что древний мифограф вопреки альтернативным преданиям все же

отождествлял Тифона с этим богом ветра. Вступив с Зевсом в битву, Тифон принялся метать в него огромные скалы, а Зевс отвечал ударами молний. Утверждают, что из-за крови, пролитой Тифоном, гора Гайм и получила свое название, которое означает «кровавая». Не устояв, Тифон пустился в бегство через Сицилийское море, но Зевс обрушил на него гору Этна, и из-под этой каменной громады Тифон уже не выбрался. Но дым и пламя из жерла Этны поднимаются по сей день.

Более ранние версии утверждают, что Тифон был заточен не под горой Этна, а в Тартаре. Но согласно Гесиоду, воплощенный и олицетворенный Тартар был отцом Тифона. Более того, Гомер не знает ничего о пересказанной выше версии, но тем не менее помещает «ложе» Тифона в Киликии, в Аримских горах, которые Зевс бичует своими молниями:

> Дол застонал, как под яростью бога, метателя грома
> Зевса, когда над Тифеем сечет он перунами землю,
> Горы в Аримах, в которых, повéствуют, ложе Тифея[1].

В Турции все еще бытует мужское имя «Тифон», а в горах этого региона халибы (по ошибке отождествлявшиеся с халдеями) поклонялись богу огня. Так в мифе о Тифоне появляется еще одна параллель с историей Гефеста. Пламя Этны тоже ассоциировалось одновременно и с кузницей Гефеста, и с дыханием Тифона. Однако Овидий в «Метаморфозах» громоздит на Тифона не одну только Этну, а весь остров Сицилия: правая рука древнего исполина придавлена мысом Пелор, левая — мысом Пахин, а ноги — мысом Лилибей. Этна же в этом описании возвышается поверх его головы, изрыгающей дым и пламя. Далее Овидий повествует о том, как содрогается земля, когда Тифон пытается вырваться на свободу, и как сам владыка Аида посещает остров, желая убедиться, что земля не дала здесь разлома, через который в его сумрачное царство мог бы проникнуть дневной свет. Именно во время этой поездки Аид увидел и похитил Персефону.

Таким образом, в ключевых эпизодах мифа о Тифоне обнаруживаются тесные связи с мифами о Деметре и Персефоне, о Дионисе и Гефесте. Схожие хтонические ассоциации

1 Гомер, «Илиада», II.781—783, пер. Н. Гнедича.

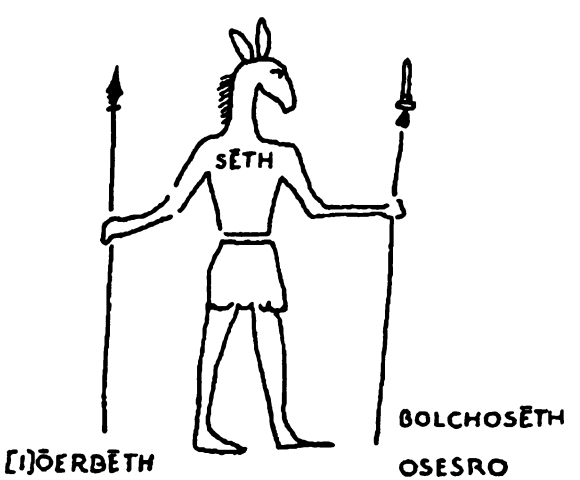
мы встречаем в легенде о том, как Аристея спрятали под горой Этна, чтобы спасти его от Зевса, истребляющего титанов (см. книгу IV). Как упоминалось ранее, эта же легенда связывает Аристея с Гефестом, поскольку жук — местный эквивалент скарабея — в эллинистическом Египте рассматривался как аналог зодиакального знака Рака, вооруженного клешнями. Такие же клешни, присущие земноводным созданиям, — атрибут тельхинов, родосских мастеров-чудотворцев.

Тифон считался отцом Гарпий, тесно связанных с ветрами, и многих других знаменитых чудовищ. Он породил Кербера, Гериона и Орфа, а от Ехидны — Химеру, Ладона, фиванского Сфинкса, Гидру, Кроммионскую свинью, Немейского льва и того самого орла, который терзал печень Прометея. Этот перечень вызывает ассоциации с потомством богини Тиамат. Она тоже была матерью чудовищ, соответствовавших зодиакальным созвездиям в их архаических формах. Еще одну версию того же мотива могут представлять обличья животных, в которых превращаются греческие боги в мифе о Тифоне, — в конце концов, ведь и сами олимпийцы ассоциируются с зодиакальными знаками. Кроме того, многих чудовищ, порожденных Тифоном, встретил Геракл, когда совершал свои двенадцать подвигов, а эти подвиги тоже нередко ставят в соответствие знакам зодиака.

Согласно Гомеру, Тифон обитал под землей «в горах Аримов», а византийская энциклопедия «Суда» отождествляет эти горы со странами и народами Мизии и Лидии. Страбон, вероятно, более обоснованно помещает темницу Тифона в Сирии, судя по всему, возле границы с Турцией. Такое местоположение согласуется с географическими локациями мифа — Киликией и горой Касий. Вергилий неверно истолковал слова Гомера и разместил обиталище Тифона в недрах италийского острова Инарима у побережья Кампаньи. Несмотря на то, что мифологическая география по природе своей эластична, многие подробности мифа о Тифоне восходят к хеттским поверьям, так что гомеровские Аримы явно не имеют отношения к Италии.

Упомянутая эластичность выражается среди прочего в том, что грекам были известны две горы под названием Касий, или Касион. Вообще говоря, местности, связанные с Тифоном, нередко «удваиваются» подобным образом: одна Корикийская

пещера находилась в Киликии, другая неподалеку от Дельф. Первая гора Касий располагается на границе Сирии с Турцией и может похвастаться чрезвычайно древней и священной историей. Зевс Касий — это греческое имя различных Баалов, связь которых с этой горой уходит в глубь тысячелетий. Таким образом, поединок Зевса с Тифоном у горы Касий — несомненный отголосок эпических сражений, которые вел Баал с божествами моря и смерти. Вторая гора Касий находилась близ египетского города Пелузий, на краю огромного и очень глубокого битумного озера, которое называли Сербонийской трясиной и в котором некогда утонула изрядная часть персидского войска. Согласно «Аргонавтике», Тифон покоится именно на дне этого озера, а не на Сицилии. Элемент «Кассио-», входящий в состав некоторых античных имен, указывает на связь со священной горой Касий и с ее божеством. Одно из таких имен — Кассиопея: его носила мать Андромеды, превращенная в одноименное созвездие. В греческом мифе Андромеду спасает от морского чудовища Персей, но, как я уже упоминал ранее, в египетском варианте мифа спасителем выступил не кто иной, как бог Сет.



Сет из греко-египетских магических папирусов

Как известно, египетский эквивалент Тифона, бог Сет, олицетворял свирепость таких воинственных фараонов, как Рамзес и Сети: до того, как пантеон возглавил Осирис, египетская теология ставила эту хаотическую свирепость и хитроумие превыше всего. Выражениям, в которых Рамзес и Сети описывали свои деяния, находится параллель в трагедии Эсхила «Семеро против Фив», где ярость Тифона ассоциируется с воином, носящим щит с изображением этого чудовища:

> Недюжинный художник тот, по-моему,
> Кто высечь смог такое на его щите:
> Тифона глотка жарким пышет пламенем,
> И черный дым, летучий брат огня, валит.
> Клубками змей вдобавок узловатыми
> Округлый обод полого скреплен щита.
> Гиппомедонт, Аресом опьянен, кричит,
> Беснуясь, как вакханка. Страшен взгляд его.
> С такими нужно драться осмотрительно:
> Само безумье около ворот кипит[1].

Разумеется, между египетским и греческим контекстами в этом отношении имеются не только общие черты, но и различия. Вправе ли мы вообще сравнить надпись на памятнике фараона с греческой трагедией? Но, как уже отмечалось ранее, один из эпизодов «Илиады», ярче всего демонстрирующий проявления демонических сил, начинается с описания Ахилла, яростно рвущегося в бой. Несмотря на все культурные различия, Рамзес и Гомер говорят на одном и том же архаическом языке эпоса: оба они восславляют сверхчеловеческие деяния земных полубогов.

И несмотря на то, что стихи Эсхила принадлежат к другому поэтическому жанру, в них тоже содержатся яркие фразы, подразумевающие одержимость богом войны — на сей раз Аресом, греческим аналогом Марса. Сравнение с вакханкой тоже указывает на экстатическое состояние, хотя речь идет об экстазе боя, а не об опьянении вином. Воин не только сам одержим божеством, но и пробуждает в своих противниках сверхъестественное ощущение близости другого божества,

1 Эсхил, «Семеро против Фив», 491—500, пер. С. Апта.

а именно — безумия как некой духовной сущности. Это настолько мощный образ, что сразу становится ясно: все современные рассуждения о персонификации абстрактных явлений ни на волос не обесценивают роли подобных «абстракций» как активных действующих сил.

Тифон как демиург

Теперь, наконец, обратимся к непростому вопросу о роли Тифона как покровителя магов. Эта роль и связанные с ней соображения вызывали горячие споры среди ученых и провоцировали многих серьезных исследователей на необдуманные и необоснованные заявления. Во-первых, отождествление божества из магических папирусов с библейским Сифом не выдерживает никакой критики. Во-вторых, Тифон-Сет отнюдь не тождествен гностическим или оккультным версиям Иисуса Христа, несмотря на то, что с ними обоими иногда связывается имя «Абераменту» (Aberamenthou). И, с другой стороны, нет ни малейших сомнений, что в греко-римский период Тифона-Сета нередко отождествляли с солнцем и довольно часто с Абраксасом. Кроме того, во многих инвокациях Тифона-Сета действительно встречаются еврейские божественные имена. Отождествление Тифона и Диониса с иудейским богом — тоже весьма распространенная тема для поздней античности. Вопреки утверждениям некоторых уважаемых авторов, я не склонен толковать *все* примеры подобного отождествления как проявления антисемитизма (хотя в отдельных случаях, возможно, дело обстояло именно так). Просто Сет к тому времени недавно приобрел статус демиурга и солярно-пантеистического божества, так что его приравнивали к иудейскому богу совершенно искренне и, как правило, вне какой бы то ни было связи с этнической политикой. Дионис тоже пользовался огромной популярностью, а отождествление его с восточными божествами было совершенно естественным и полностью согласовалось с его природой, хотя в конкретном случае с иудейским богом противоречило характеру и статусу последнего.

Так или иначе, мы можем с уверенностью утверждать, что в позднеязыческой магии Тифону-Сету нередко приписывали

еврейские имена и титулы. Об этом свидетельствуют и многие отрывки из магических папирусов, и надписи на римских дефиксионах. И во всех этих примерах маг, естественно, ставит целью призвать своего бога, а не оскорбить божество, которому поклоняется какой-то другой народ. В современных интерпретациях позднейших гримуаров подобные имена называются «каббалистическими», но в действительности их следовало бы характеризовать как относящиеся к христианизированной неоплатонической картине мира, выраженной не в древнегреческих, а в еврейских терминах. Впрочем, даже неоплатоники эпохи Возрождения нередко использовали имена и образы греческих богов наряду с посвященными им орфическими гимнами.

На мой взгляд, обвинения в антисемитизме, связанные с современным употреблением еврейских божественных имен, глубоко ошибочны и даже оскорбительны для многих практиков. Столь же неправомерны и обвинения в культурной апроприации: ведь многие подобные имена давно уже стали традиционными. Так или иначе, чрезвычайно важен тот факт, что позднеязыческие маги начали употреблять их еще до утверждения христианства. Нашим современникам это может показаться странным, но древние язычники без труда заимствовали и приспосабливали для своих нужд различных персонажей, относящихся к генотеистическим или монотеистическим традициям. В некоторых контекстах, особенно в малоазиатском, подобная ассимиляция была проявлением глубокого уважения и вовлеченности в иудейскую культуру, не доходившей, впрочем, до обращения в иудаизм. С другой стороны, у мага нет прямой необходимости в использовании этих конкретных имен: ни одна теологическая система не вправе претендовать на монополию в сфере представлений о божестве, а рабское следование традиционным формам отнюдь не свидетельствует о компетентности в магическом искусстве.

Полагаю, что на этом вопрос можно считать закрытым. Гораздо более важен тот факт, что Тифон-Сет приобрел столь высокий статус. На этом примере можно наблюдать, как резко менялись представления о богах от эпохи к эпохе. Не вызывает сомнений, что характер и атрибуты любого древнего божества могли преображаться до неузнаваемости. Таким образом, если какая-то современная группа язычников или индивидуальный

практик отдают предпочтение какой-то одной из бытовавших в древности форм божества, из этого вовсе не следует, что все остальные точки зрения на это божество ошибочны. И то обстоятельство, что Тифон-Сет хронологически предшествовал Иегове в роли верховного божества церемониальной магии и что его нередко призывали теми же именами, под которыми позднее обращались к иудейскому богу, исторически достоверно и потенциально немаловажно для современных магов.

Теургия

> ...а не волхвованиями и прорицаниями, составленными по правилам науки, измышленной нечестивым любопытством, — науки, известной или под именем магии, или под более мерзким названием гоэтии, или под названием более почетным — теургии. Такие названия дают этой науке те, которые стараются установить в этого рода вещах различие, и из людей, преданных непозволительным искусствам, одних считают заслуживающими осуждения, а именно тех, которых считают преданными гоэтии и которых народ называет просто злодеями, а других хотят представить заслуживающими похвалы, именно тех, которые занимаются теургией; хотя как те, так и другие одинаково преданы лживым обрядам демонов, выдаваемых за ангелов.
>
> — *Аврелий Августин, «О граде Божьем», X.9.*

Если вынести за скобки теологические предубеждения, то Августин по существу прав. Несмотря на то, что гоэтия возникла за много столетий до теургии, на практике две эти разновидности магии тесно связаны друг с другом.

Теургия (в изначальном смысле этого слова, а не в более позднем, расширительном) — это все та же древняя гоэтическая традиция, реформированная философами-неоплатониками. Рассуждения Ямвлиха о теургии по большей части сводятся к философскому обоснованию магии в том виде, в каком она уже существовала в его времена, а не какой-либо новой магической системы. Подобная интерпретация естественным образом следует из представления о том, что гоэтия восходит к магическим аспектам народной религии, бытовавшей в эллинистическом мире, и сам Ямвлих пересказывает и перетолковывает на свой лад именно эти аспекты.

Если термин «гоэтия» зародился еще в дописьменные времена и фигурировал в литературных источниках с V века

до н. э., то термин «теургия» относится к гораздо более поздней эпохе — ко II веку н. э. Это не значит, что истоки его, равно как и происхождение всех связанных с ним концепций, кристально ясны. Ничего подобного. Но проследить историю теургии как терминологического понятия сравнительно несложно, и нам известны имена тех, кто первыми ввел это понятие в обиход.

Мы располагаем свидетельствами о том, что термины «теургия» и «теург» впервые начал употреблять Юлиан Теург, расцвет деятельности которого пришелся на период правления императора Марка Аврелия (161 — 180 гг. н. э.). Утверждают, что этот маг (а Юлиан был именно магом) родился в Халдее, но писал по-гречески. Считается, что он сыграл главную роль в составлении халдейских оракулов, хотя и не вполне ясно, в качестве ли автора, собирателя или редактора. Термин «теургия» произведен от двух греческих слов: θεος, что значит «бог», и ὀργια, что значит «священнодействие» или попросту «работа». Таким образом, он переводится как «божественная работа» или, точнее, как «работа с богами» или «воздействие на богов». Напрашивается (и, скорее всего, подразумевалась изначально) параллель с термином «теология», происходящим от того же θεός и от λόγος — «слово», «речь». Теолог — это тот, кто говорит о богах; теург же по контрасту — тот, кто работает с богами или воздействует на богов. Иными словами, теургия — практическое искусство, хотя из этого не следует, что она не приемлет теоретической философии.

Из всех философских школ теургия теснее всего связана с неоплатонизмом. Но она, с одной стороны, возникла раньше, чем неоплатонизм, а с другой не входила в изначальное неоплатоническое учение Аммония Саккаса, Плотина и Порфирия. Принципы теургии активно интегрировал в неоплатоническую философию только их преемник Ямвлих, возглавлявший сирийскую школу. Но несмотря на это, теургия все равно осталась самостоятельным мистериальным учением: Прокла, преемника Ямвлиха, посвятили в тайны теургии отдельно.

Доддс в своем очерке о теургии утверждает, что разновидность магии, представленная в греческих магических папирусах, использовала фрагменты древних религиозных обрядов в мирских целях, тогда как теургия применяла магические процедуры, похожие на те, что описаны в папирусах, для целей

религиозных. Оставим в стороне тот факт, что упомянутые «фрагменты» в действительности представляли собой оригинальные тексты греко-египетских магов. Даже если сбросить эту ошибку со счетов, провести объективную границу между религией и магией всегда было непросто. Во времена древних гоэтов, служивших при оракульных святилищах, зажигавших жертвенные костры и провожавших души умерших, подобной границы попросту не существовало. И такое же сочетание религиозных и магических функций в персоне гоэта обнаруживается в магических папирусах. Сами теурги тоже не проводили различия между религией и магией. Ямвлих дал истолкование не только религиозным обрядам, но и магическим, не противопоставляя их друг другу. Тем не менее Доддс совершенно справедливо подметил близкое сходство и подчас даже тождество между гоэтией, представленной в папирусах, и методами теургов. В качестве теоретического объяснения и обоснования религиозных и магических обрядов как единого жанра трактат Ямвлиха служит подробным комментарием к методологии древних гоэтов, вписанной в философский контекст. Впрочем, это не значит, что теургия ничем не отличалась от того, что Доддс называет «простонародной магией», а образованные люди той эпохи называли «гоэтией».

Теургия ставила своей основной целью добиться общения или союза с богами. Именно так истолковывал ее Ямвлих; и, насколько можно судить по халдейским оракулам, так же обстояло дело и для Юлиана или для авторов, тексты которых он собрал и отредактировал. Гоэтия же зачастую применялась в обыденных целях точно так же, как античные оракулы отвечали на самые разные вопросы как личного, так и политического свойства, в том числе и совершенно прозаические. Философский контекст, предоставленный Ямвлихом, показывает, на каких основаниях работают прорицания вообще, независимо от характера вопроса. Аналогичным образом теоретическая база, подведенная им под магию, применима к любой магической операции, независимо от того, ставит она целью единение с божеством или нет. Однако между жрецом и магом далеко не всегда обнаруживается сколько-нибудь заметная разница, как бы ни называлось их искусство — теургией или гоэтией. И для теурга, и для гоэта работа с богами занимает центральное место.

Гоэтия, искусство гоэтов, основателей и соискателей мистерий — это древнейшая форма теургии как работы с богами. То обстоятельство, что отдельные магические операции преследовали мирские цели, не отменяет религиозных функций оператора. И более того, именно эти функции отличают мага от простых смертных как с точки зрения магической традиции, так и в народных верованиях.

Стивен Флауэрс, оккультный писатель, имеющий серьезное академическое образование, проводит определенное различие между гоэтией и теургией. Однако, по его мнению, различие это сугубо «количественное»: гоэтия — практическое искусство, основанное на внешних методах и работе с внешними материалами, а теургия — следующий шаг вперед по тому же пути. Иными словами, теургия начинается тогда, когда маг достигает цели самообожения и переводит магические процессы внутрь себя. Безусловно, «Герметическая магия» Флауэрса — ценное подспорье для тех, кто интересуется античной гоэтией или изучает магические папирусы, однако вышеописанное различие нельзя признать удовлетворительным. В классическом руководстве по теургии — «Египетских мистериях» Ямвлиха — описывается множество практических, внешних процедур. Самый характерный пример — изготовление и «пробуждение» магических изваяний богов: процедуры такого рода во множестве представлены и в гоэтических папирусах. Подобные обряды включают в себя работу с физическими материалами (растениями, камнями и ингредиентами животного происхождения, подобранными по законам магической симпатии) и ,по крайней в мере, в папирусах, нередко направляются на материальные или мирские цели. В теургии магические изваяния играли настолько важную роль, что у Пселла сам термин «теургия» толкуется как «сотворение богов». И эта практика «сотворения богов» роднит теургов с гоэтами — основателями мистерий, такими как Абарис, изготовивший палладий из костей Пелопса. Способности, которые приписывали Юлиану Теургу и его отцу и тезке, тоже говорят о прямой преемственности от древних гоэтов. Предания гласят, что Юлианы управляли погодой, очищали города от эпидемий и могли сделать так, чтобы душа человека покинула тело. Все это свидетельствует о том, что теургия — не что иное, как реформированная магическая религия, возрожденная архаическая гоэтия.

Понятие магического помощника, столь часто встречающееся в папирусах, — несомненный прототип Священного Ангела-Хранителя, о котором писал Абрамелин и который пользуется такой популярностью в современном оккультизме. В полном согласии с современными каббалистическими концепциями, этот магический помощник, или паредр, нередко выступает как эманация солярно-пантеистического божества, призванная магом. Предтечей теургических методов выступает и изготовление магических статуй как сосудов для воплощения этого помощника: для подобных статуй предписывается выбирать материалы на основе законов симпатии. В современной магической практике самый яркий пример таких изваяний — магическая голова, семь отверстий которой соответствуют семи греческим буквам имени «Абраксас» (Αβραξας).

Честь основания теургии приписывают Юлиану Теургу, однако первый основательный трактат по этому предмету написал Ямвлих. Этот трактат, известный под названием «О египетских мистериях», был задуман как ответ на письмо Порфирия, вопрошавшего о природе магии и религиозных обрядов. Порфирий интересовался, чем отличаются друг от друга различные классы высших сущностей и откуда взялись эти различия; почему церемонии проводятся именно так, а не иначе, и что именно в природе богов и прочих сущностей требует от нас подобных обрядов; что представляет собой прорицание и как объясняются различные формы этого искусства — активная и пассивная; иными словами, почему прорицание может совершаться как в сознательном, так и бессознательном состоянии, в экстатическом трансе или во сне; и, наконец, какова природа изваяний, изготавливаемых для призывания богов, и в связи с этим каковы магические законы симпатии, по которым различные растения, камни, животные и прочие материальные предметы считаются созвучными тем или иным качествам богов.

Космология теургии

Космологическая иерархия духовных сущностей, описанная Ямвлихом, состоит из богов, высших демонов, героев и очистившихся душ. В других сочинениях Ямвлиха

упоминаются также более узкие подразделения первых двух классов (богов и высших демонов): архангелы, ангелы, космократоры, архонты и так далее. Тем самым ангелы, независимо от того, в каком контексте зародилось это понятие, с точки зрения языческой философии оказываются подданными различных планетных богов и верховных пантеистических сущностей. Фактически все создания духовного порядка, фигурирующие в теургических операциях, относятся к той или иной из этих четырех основных категорий. И все они — боги, высшие демоны, герои и чистые души — по природе своей стоят выше душ неискупленных, составляющих большую часть человечества. Эту иерархию стоит сравнить с таблицей числа 10, приведенной у Агриппы[1], а конкретнее — со строкой этой таблицы, которая называется «Десять чинов блаженных согласно людским преданиям». Перечисленные в ней чины, на первый взгляд имеющие каббалистическое происхождение, в действительности восходят к более древним теургическим и неоплатоническим классификациям.

Иерархия основных классов

Класс	Подклассы	«Каббалистические» эквиваленты
Боги	Боги	Элохим (боги)
Демоны	{Архангелы} {Ангелы}	Бени Элохим («сыны богов», или полубоги)
Герои	Герои	Херувимы (кабиры)
Чистые души	Чистые души	Ишим («пламена»)

Боги и ангелы (краткая классификация)

Планетные и родственные им пантеистические божества	Примеры ангелов из византийских классификаций + примеры ангелов из греко-египетских магических папирусов (помечены *)	Примечания и альтернативные варианты
Кронос	Сакатаэль (*Sakataeł*), Уриэль (*Uriel*)*	Кассиэль (*Cassiel*) в гримуарах
Зевс, Баал	Рафаэль (*Raphael*)*, Боэль (*Boel*)*	Сахиэль (*Sachiel*) в гримуарах

1 «Оккультная философия», II.13.

Планетные и родственные им пантеистические божества	Примеры ангелов из византийских классификаций + примеры ангелов из греко-египетских магических папирусов (помечены *)	Примечания и альтернативные варианты
Арес	Самаэль (*Samael*), Шамуил (*Shamuil*)*	Самаэль (*Samael*), Замаэль (*Zamael*) в гримуарах
Гелиос, Баал Гифон, Абраксас и т. д.	Микаэль (*Mikael*)* Боэль (*Boel*)*	Микаэль и Боэль в гримуарах. Ср.: Рефеш Нергал. В гримуарах солярно-пантеистическим ангелом иногда выступает Микаэль, а иногда — Уриэль.
Афродита/Астарта и т. д. Баалит	Агафоэль (*Agathoel*) Анаэль (*Anael*)*	Ср.: Хагит (*Hagith*), Агафодемон (*Agathodemon*). В гримуарах — Анаэль; встречается вариант «Ханаэль» (*Hanael*).
Гермес Аристей, Мен и т. д.	Уриэль (*Uriel*)*	В «Завещании Соломона» и 1-й Книге Еноха. Рафаэль в гримуарах.
Селена/Геката и т. д. Баалит, а также Мен и т. д.	Габриэль (*Gabriel*)*	Габриэль в гримуарах (Габир/Кабир)

Стоит добавить, что Микаэль — и как ангел Солнца, и как ангел Меркурия — явно перенял многие атрибуты и функции Анубиса, упомянутые в PGM (включая весы), а также что солярно-пантеистическими, гелио-хтоническими качествами наделяются и Микаэль, и Уриэль.

Прокл назначил каждому из богов свиту, состоящую из представителей более низких классов; Ямвлих утверждал, что сущности, входящие в эту свиту, присутствуют при жертвоприношениях соответствующему божеству. Таким же образом была устроена и традиционная схема соответствий, появившаяся еще раньше, чем соответствия планет, — схема зодиакальная, основанная на двенадцати месяцах. Использованный здесь подход — прямой предшественник современной четверичной классификации, по которой божественные имена соотносятся

с именами архангелов, ангелов и духов различных планетных сфер, зодиакальных знаков и т. д. Однако в древности считалось справедливым и достойным воздавать всем этим сущностям заслуженные почести, посвящая им обряды и жертвы. И столь же естественным полагали обращаться к ним за прорицаниями и оракулами. Короче говоря, работа с этими сущностями носила не только магический, но и религиозный характер.

Тем не менее между еврейской и греческой классификациями есть одно серьезное различие, в основе которого лежит вопрос о соответствии чина Ишим чистым душам. В теургии, как и в гоэтии, по существу эквивалентной теургии, два чина духовной иерархии включали в себя славные души умерших. Таким образом, теургия, которую принято считать уважаемым философским течением, восходящим к школам Платона и Пифагора, в числе своих практик тоже содержала воззвания к мертвым, по определению относящиеся к области некромантии — того самого искусства, с которым всегда ассоциировалась гоэтия. Призывание оракульного героя над его кенотафом — неотъемлемая часть гоэтического наследия. Но и в магико-религиозной картине мира теургов подобная «респектабельная» некромантия была совершенно уместной. Работа с могущественными и славными умершими — самый ясный из всех возможных примеров того, что теургия и гоэтия во многих отношениях эквивалентны друг другу как в теории, так и на практике.

Методы теургии

Теурги пользовались несколькими методами. Наивысшей формой теургии считалось соединение с божеством посредством чистого созерцания — самый трудный метод, доступный лишь немногим. Более простой и в каком-то смысле определяющий метод заключался в изготовлении и магической активации изображений богов. Он опирался на принципы симпатии, и с ним, в свою очередь, были тесно связаны различные методы самообожения, в которых зачастую задействовались те же приемы, что и в изготовлении магических изображений. Кроме

того, теурги практиковали трансовые состояния, достигавшиеся ритуальными методами и направленные на восприятие божественных оракулов (термин «медиумизм» здесь не слишком уместен, лучше называть это прорицанием).

Теургия Ямвлиха и прочих неоплатоников включала в себя такие приемы, как чтение заклинаний, изготовление талисманов и печатей, достижение экстатических и трансовых состояний, работа с магическими соответствиями, а также с духовными иерархиями. Все это оказало глубочайшее влияние на развитие гримуарной литературы. Тем не менее, довольно многие современные маги-церемониальщики считают Ямвлиха противником магии! Надо полагать, это не столько взвешенное суждение, сколько результат недоразумений и упрощений.

Этой ошибке находится два возможных объяснения, и они не исключают друг друга. Во-первых, некоторые наши современники не понимают, что опытный теург вполне мог обходиться и без ритуалов. В этом отношении он был прямым наследником более древних традиций, согласно которым опытный маг, достигший богоподобия, переставал нуждаться во внешних орудиях и приемах. Такое достижение считалось большой редкостью: большинству магов все же требовались ритуалы, о которых Ямвлих отзывается в своих трудах с безоговорочным одобрением. Разработанная им система теургии составила чрезвычайно влиятельный теоретический базис для многих методов ритуальной и гадательной практики и, как вполне очевидно, сохраняла свое значение до XV века и позднее при посредничестве Фичино, Мирандолы и в особенности Агриппы.

Вторая возможная причина вышеупомянутой ошибки — неоднозначное отношение к использованию крови в религиозных и магических обрядах. В этом отношении Ямвлих тоже стал жертвой недоразумения. Он нигде не утверждает прямо, что кровь — запретный или бесполезный ингредиент, но отмечает, что некоторым духовным сущностям она более угодна, нежели другим. Огульная демонизация таких сущностей — явление куда более позднее: сам Ямвлих причисляет их к высшим чинам духовной иерархии. Споры вокруг использования крови, вегетарианства и тому подобного не прекращались среди мистиков и магов на протяжении многих веков, и попытка приписать крупному мыслителю свою точку зрения на эту

проблему — типичный пример самообмана, свойственного пуристам. Поступать так — значит упускать из виду эклектические и синкретические тенденции, характерные для магических традиций. Эти тенденции неизбежно порождают некоторые внутренние противоречия, но не в пример важнее то, что благодаря им традиция становится более разносторонней и гибкой. Так или иначе, если мы просто отвергнем Ямвлиха, это не поможет нам разрешить вышеупомянутые противоречия!

Теургия в гримуарах

Как мы уже видели, блаженный Августин отрицал всякие сущностные различия между теургией и гоэтией эпохи Римской империи. И действительно, в том историческом контексте, в котором возникли эти термины, подобное разграничение не имеет смысла. Однако стоит уделить немного внимания вопросу о том, как менялось их значение в дальнейшем. В эпоху гримуаров и, как следствие, в магии Новейшего времени теургию по-прежнему нередко противопоставляли гоэтии, и ошибка эта зачастую связана с тем, в каком значении употреблялись соответствующие термины в некоторых влиятельных текстах. Мирандола и другие утверждали, что гоэтия работает исключительно со злыми духами и что ее следует отличать от высшей магии, которой сами эти авторы отдавали предпочтение. Эта высшая, так сказать, дозволенная разновидность магии чаще всего основывалась на принципах симпатии и в этом случае классифицировалась как «натуральная магия». Однако встречались и такие маги, которые использовали инвокации как дополнение или замену природным соответствиям, и эти маги называли себя теургами. Разумеется, в христианском контексте работа с героями и демонами древней языческой теургии исключалась: позволительно было обращаться только к ангелам. Именно об этой новой разновидности теургии Агриппа писал в 46-й главе своего трактата «О недостоверности и тщете искусств и наук»: «Многие даже не считают теургию недозволенной, коль скоро она подвластна добрым ангелам и святому божеству». Схожим образом раздел «Лемегетона», повествующий о злых духах, озаглавлен как «Гоэтия»,

а раздел о сущностях (предположительно) более высокого порядка носит название «Теургия царя Соломона».

Разумеется, различие между двумя этими направлениями магии мнимое; об их сущностном тождестве говорят и этимология самих терминов, и тексты, в которых приводятся примеры их применения. Например, один из гоэтических духов, Вассаго, описывается как добрый по природе, а духи из раздела «Теургия» — как отчасти добрые, отчасти злые. В результате упрощенческое противопоставление теургии и гоэтии теряет всякий смысл. Более того, само разделение духовных сущностей на добрых и злых (не только в этом гримуаре, но и вообще) в основе своей ненадежно. Например, как уже отмечалось, ангел Кассиэль на деле нередко принимает демоническое обличье, а значит, ангельскую магию невозможно называть теургией, даже если придерживаться нового определения этого термина, сложившегося в эпоху Возрождения. И, наконец, из истории ранней гоэтии с очевидностью следует, что ее знатоки работали не только со злыми духами, а работа гоэта со злыми духами на практике нередко принимала форму экзорцизма.

Христианизированная магия, представленная в гримуарах, восходит к древним источникам, в контексте которых позднейшие моралистические различия нерелевантны. В арабских источниках, благодаря которым античная магия проникла в христианскую Западную Европу, подобные различия попросту отсутствуют. Как мы вскоре увидим на примерах из «Пикатрикса», природа семи планетных духов определялась по магическим соответствиям планет, а не на основе моралистического разделения на «добро» и «зло». Дух Сатурна (которого христианские маги позднее назвали Кассиэлем) — это, по существу, едва замаскированный планетный бог, способный на любое действие, согласующееся с природой своей планеты. Мнимые противоречия в гримуарных описаниях этого духа — следствие позднейшей теологической переработки материала: чтобы восстановить внутреннюю логику, достаточно снять этот поверхностный, привнесенный слой.

В завершение нашего краткого анализа теургии стоит привести один показательный текст, в оригинале написанный по-гречески, — так называемый «Нуктемерон». Дата создания его неизвестна, а авторство приписывается Аполлонию.

«Нуктемерон» содержит много неясных мест, но в целом несет на себе отпечаток неоплатонической теургии благодаря упоминаниям об особой роли огня и по языку и тону перекликается с «Халдейскими оракулами»» и «Молитвой саламандр». Этот текст достаточно краток, чтобы процитировать его полностью.

Нуктемерон Аполлония Тианского

Первый час

Пребывая в единстве, демоны поют Богу хвалу; они лишаются своей злобы и ярости.

Второй час

Силою двоицы зодиакальные Рыбы поют Богу хвалы, огненные змеи обвивают кадуцей, а громы приходят в гармонию.

Третий час

Змеи обвивают кадуцей Гермеса тремя кольцами, Кербер разевает тройную пасть свою, а огонь поет Богу хвалы тремя языками молнии.

Четвертый час

В час четвертый душа навещает вновь свою гробницу; магические лампады зажигают по четырем сторонам круга. Это время заклинаний и лживых видений.

Пятый час

Голос вод великих славит Бога небесных сфер.

Шестой час

Дух остается недвижим: увидит он, как устремились на него чудовища преисподней, но не убоится.

Седьмой час

Воля чистых мужей направляет огонь, который наделяет жизнью всех одушевленных. Прострет свою руку посвященный, и прейдут мучения.

Восьмой час

Звезды говорят одна с другою, души солнц созвучны дыханию цветов; цепи гармонии приводят в согласие все сущее в природе.

Девятый час

Тайну этого числа раскрывать не дозволено.

Десятый час

Это ключ круговорота звезд и круговращения жизни человеческой.

Одиннадцатый час

С шелестом, тайным и глубоким, трепещут крылья гениев; летят они от сферы к сфере и разносят вести от Бога из мира в мир.

Двенадцатый час

Деяния вечного света исполняются огнем.

Пифагор

Пифагор во многих отношениях важен для нашего исследования, хотя некоторые аспекты его учения никак не связаны с основной нашей целью. Важен он в том же смысле, что и его наставник Ферекид, — как связующее звено между двумя этапами развития культуры и религиозно-магической мысли. Кроме того, он важен как звено той цепи, которая привела к преображению архаических дионисийских обрядов, бытовавших еще до возникновения гоэтии, в орфизм и прочие мистериальные течения: Пифагор адаптировал к своей философской системе и эти обряды, и восточные формы культа Деметры, а быть может, не только адаптировал, но и активно способствовал их распространению. С другой стороны, его вклад в развитие нумерологического мистицизма, достигшего расцвета в форме каббалы, и его моралистическое учение лежат в стороне от интересующих нас предметов. В своем очерке я постараюсь соблюсти золотую середину между двумя этими сторонами его наследия, но все же постараюсь уделить первой из них больше внимания, чем это принято в исследовательской и биографической литературе.

Пифагор родился на острове Самос. Расцвет его деятельности пришелся на 540 — 510 гг. до н. э. Не исключено, что кто-то из его предков был родом из Сирии; так или иначе, сам он бегло говорил по-сирийски. С детства его обучали музыке, поэзии, риторике и астрономии; отличился он и как атлет, в восемнадцать лет одержав победу в кулачном бою на Олимпийских играх[1]. Затем, согласно преданию, он отправился на Восток в поисках мудрости и посетил Египет и Халдею, где завоевал уважение жрецов и перенял у них «искусство теократии» — иными словами, искусство власти мудрецов над аристократами и простым народом. Этот принцип напомина-

1 Ошибка автора. В действительности чемпионом Олимпийских игр в кулачном бою стал его тезка (Пифагор Самосский, сын Кратоса), одержавший эту победу за восемнадцать лет до рождения Пифагора-философа.

ет о той форме правления, которую пропагандировал Платон, стремившийся вернуть былое могущество древним традициям. Много лет Пифагор провел в чужих краях, постигая учение о природе богов и души. Вернувшись на Самос, он был радушно принят соотечественниками, но не задержался там надолго: его не устроила тираническая форма правления, установившаяся на родном острове. Затем он посетил очередную Олимпиаду, где был во всеуслышание признан «софистом», то есть мудрецом, но отверг это звание, объявив себя «философом», то есть любителем мудрости. Именно он первым употребил этот термин. После этого Пифагор посетил республики Спарту и Элиду и наконец обосновался в Кротоне — италийской колонии греков. Местное предание утверждало, что там же когда-то родился Дардан, имя которого тесно связано с Самофракийскими таинствами и фригийскими мистериальными обрядами.

В Кротоне Пифагор основал собственную школу, в которую принимал и мужчин, и женщин. Подобное равноправие полов шло вразрез с греческими обычаями того времени; ближайший географически и хронологически аналог ему обнаруживается только в «варварской» Скифии. Разделяя традиционную точку зрения на роль жены как священный долг женщины, Пифагор тем не менее высоко ценил женский интеллект. Диоген Лаэртский полагал, что свое учение Пифагор во многом заимствовал у дельфийской жрицы Фемистоклии; кроме того, в литературе сохранились имена знаменитых женщин, учившихся у Пифагора.

Пифагор не только вел с учениками беседы о музыке, врачевании, математике и натурфилософии, но и сам подавал своим последователям пример высоконравственной и аскетичной жизни. Отвергая гедонизм и материализм, он проповедовал щедрую и милосердную филантропию. Воздавал он должное почтение и богам, регулярно посещая храмы. Поднимаясь на рассвете, он проводил утренние обряды и облачался на манер египетских жрецов. По всякому мало-мальски важному случаю он совершал очищения и приносил жертвы. Геродот, живший в Южной Италии, неподалеку от того места, где впоследствии были найдены захоронения орфиков, сообщает, что орфических посвященных погребали не в шерстяных, а в льняных саванах, и добавляет, что такой же обычай был принят и у египтян, и у пифагорейцев. Обряды очищения — тоже один

из важных элементов орфической практики. Кроме того, широко распространено мнение, что Пифагор писал стихи под именем Орфея. Он прославился своим учением о переселении душ и воспоминаниями о собственных прошлых воплощениях. Два из этих воплощений стоит упомянуть здесь. Пифагор утверждал, что в одной из прошлых жизней был Эфалидом — сыном Гермеса и одним из аргонавтов — и мог по собственной воле спускаться в Аид и возвращаться в мир живых, а потому знал обо всем на свете. В другой жизни он был человеком по имени Гермотим и умел покидать свое тело по желанию. Эмпедокл упоминает некоего безымянного мудреца, который помнил все, что узнал за двадцать или тридцать жизней; по всей вероятности, это и был Пифагор. Эмпедокл скрытничал не просто так: в обычае пифагорейцев было не называть своего учителя по имени. Свои наставления Пифагор варьировал в зависимости от характера ученика: тем своим последователям, которые были чересчур разговорчивы, он предписывал хранить молчание в его присутствии в течение пяти лет, а тех, кто от природы был молчалив и задумчив, освобождал от этой обязанности уже через два года. Предполагают, что в Египте он изучил иероглифы и затем использовал их как тайнопись, по которой его последователи могли узнавать друг друга даже в дальних краях. Он утверждал, что в основе всего сущего лежат числа, и его учение о десятке как совершенном числе впоследствии нашло воплощение в каббале.

Наставником его был Ферекид — сириец, сведущий в халдейской науке о звездах. Об астрономических познаниях Пифагора свидетельствует легенда, согласно которой именно он первым догадался, что Вечерняя и Утренняя звезды — это в действительности одна и та же планета, Венера, восходящая в разное время суток. В той же легенде отражены астрономические достижения греческой астрологии, возникшей на основе халдейских знаний. Ученики и последователи Пифагора тоже совершили немало астрономических открытий.

О том, как он был посвящен в мистерии, рассказывают поразному. Неоплатоник Порфирий приводит легенду, согласно которой Пифагора посвятили на острове Крит идейские дактили. Он был очищен ударом молнии и пролежал всю ночь на морском берегу, покрытый руном черных ягнят. Затем трижды девять дней и ночей, то есть лунный месяц, он провел в

пещере Зевса и наконец вышел на свет, чтобы принять посвящение. Легенда о том, что Пифагор умел менять обличья (подобно Эмпедоклу) связана с критскими культовыми практиками. По другой версии, он провел в некой пещере несколько месяцев, вышел из нее бледный и страшно исхудавший и заявил, что побывал в Аиде. Это предание согласуется с обычаем поститься в священных пещерах различных оракулов, а также с легендой об Эпименидe.

Спарту и Элиду Пифагор посещал, скорее всего, в поисках мудрости, а не для того, как полагают некоторые, чтобы высказать одобрение тамошней форме правления. Абарис, который считался учеником Пифагора, но на самом деле был его предшественником, основал в Спарте храм Персефоны. В Элиде поклонялись дактилям; там же правил Пелопс, имя которого упоминалось в связи со многими персонажами нашего исследования. Этому герою, выходцу из Фригии, воздавали высочайшие почести: среди героев он занимал такое же место, как Зевс среди богов. Важный элемент мифа о Пелопсе — эпизод, в котором он был убит, расчленен и подан на стол богам под видом обычного угощения. Боги распознали обман и отвергли мясо Пелопса; только Деметра, горевавшая о похищенной Персефоне, не заметила, какое угощение ей подали, и съела плечо героя. Боги вернули Пелопса к жизни и сделали ему новое плечо из слоновой кости. У Пифагора же, по преданию, было золотое бедро — признак его сверхчеловеческого статуса. Подобные мифы удивительно похожи на легенды о шаманских инициатических испытаниях, в ходе которых духи расчленяют шамана и заменяют различные части его тела новыми. Легенда о Пелопсе очевидным образом связана с мистериями, в том числе с таинствами Деметры и нисхождением ее дочери в подземный мир.

Пифагорейская школа в Кротоне долгое время процветала, но в конце концов стала жертвой политических интриг. Многие ученики Пифагора были убиты, а сам он бежал, скорее всего, в город Метапонт. Когда-то именно там греческий шаман Аристей основал культ гиперборейского Аполлона. Пифагор, тоже чтивший Аполлона и муз, нашел там убежище, но вскоре перестал принимать пищу и умер. По одной из версий, он укрылся в святилище муз, но более распространенный вариант предания гласит, что последнее пристанище Пифагора впоследствии стало храмом Деметры.

Другие легенды приписывают Пифагору способность к билокации — нахождению в двух местах одновременно. Наделяли его и властью над животными, способностью укрощать медведей и останавливать орлов в полете. Он совершил немало открытий в области математики, главным образом в геометрии. Слава о нем гремела по всему античному миру; после смерти ему начали воздавать божественные почести и воздвигать статуи в его честь, а дом его превратили в святилище. Как уже упоминалось, Ямвлих называл в числе его учеников Абариса, а византийская энциклопедия «Суда» утверждает, что дело обстояло наоборот: учеником Абариса был сам Пифагор. Аристотель говорит о некоем мистическом тождестве Пифагора с гиперборейским Аполлоном.

Современные исследователи, отказавшиеся от чрезмерно рационалистического подхода, типичного для XIX века, толкуют многие из этих преданий не как позднейшие романтические сказки, а как элементы древней легенды о самообожении Пифагора, сочиненной и распространявшейся им самим. Все ранние авторы — Ксенофант, Гераклит, Эмпедокл, Ион и Геродот — изображают Пифагора магом, следуя за народной традицией. Тимон Флийский, греческий поэт и философ, живший во времена Птолемея II, писал, что Пифагор стремился создать себе репутацию чародея (Тимон использовал слово «гоэт»). Как и в случае с Эмпедоклом, современные исследователи учатся не отделять «мифологизированного» мистика и мага от математика и натурфилософа, а рассматривать две эти ипостаси Пифагора как две стороны одной и той же роли.

Что касается авторов магической литературы, то Пифагора очень часто упоминает Корнелий Агриппа. Он утверждает, что Пифагор практиковал гидромантию, врачевал больных при помощи магии, был сведущ в арифмантике и гематрии, учил о переселении душ, о выходе души из тела и о превращении человека в бога, а также прожил какое-то время отшельником, чтобы обрести пророческий дар, и обладал некими священными знаниями, которые хранил в тайне. Рассуждая обо всех этих магических способностях, Агриппа то и дело вспоминал Пифагора, его последователей и его наставления.

Один из аспектов пифагорейской философии, интересовавший Агриппу, связан с музами и Аполлоном. Как мы помним из раздела о видении Эра, власть над сферами мироздания

Платон приписывал Сиренам. Пифагор же, к учению которого восходит понятие музыки сфер, отводил эту функцию Музам. Агриппа придерживался того же мнения, что и Пифагор, хотя ссылался при этом на некий орфический источник, ныне утраченный.

Немало отсылок к Пифагору и пифагореизму встречается и в сочинениях Джордано Бруно, и в трудах Пико делла Мирандолы (хотя последний не настолько важен для нашего исследования, как Бруно). Упоминает о Пифагоре и доктор Джон Ди в своей «Иероглифической монаде». Имя Пифагора фигурирует в трактате Тритемия «О семи вторичных разумах», и не исключено, что «Стеганография» того же автора была создана под влиянием легенды о том, как пифагорейцы обменивались друг с другом сообщениями на расстоянии. Наконец, на страницах знаменитого «Пикатрикса» мы встречаем семь наставлений, авторство которых приписывается Пифагору.

Чрезвычайно интересно и то, что Иоганн Рейхлин, чей эпохальный труд «О каббалистическом искусстве» написан в форме трехстороннего диалога между мусульманином, пифагорейцем и каббалистом, изображает пифагорейца как выходца из степного племени аланов — одного из сарматских племен, в культуре которого важную роль играл шаманизм.

Так или иначе, нам с вами следует сосредоточиться на статусе, отведенном Пифагору в гримуарной традиции, и на всех его связях с древними хтоническими культами и халдейской астрологии. Это для нас куда важнее, чем то значение, которое придавали ему маги эпохи Возрождения, чтившие Пифагора главным образом как математика (за исключением, пожалуй, такого экстремиста от герметики, как Джордано Бруно), и все те, кто объявлял себя врагами гоэтии. Разумеется, мнения их небезынтересны, и некоторые из нас, возможно, найдут для них место в своей магической картине мира. Однако все это, так сказать, надстройка, башня из слоновой кости, гордо вздымающаяся в небеса, но отвлекающая внимание от базиса, гораздо более важного и существенного. Для нас, в первую очередь, важно то, что пифагореизм — это одно из связующих звеньев между современностью и темами архаического греческого шаманизма и дионисийских культов. Мало кто отмечает и признает это обстоятельство, а между тем оно отсылает к более древним, изначальным таинствам, которые стояли

у истоков философии и прочих многочисленных даров, обогативших нашу культуру. Из той же колыбели вышла и языческая гоэтия — основной предмет нашего исследования.

Реформаторы и ретрограды

В античных описаниях мистерий постоянно дает о себе знать тесная взаимосвязь критских, материковых греческих, фракийских и малоазиатских традиций. Не исключено, что подобный синкретизм — следствие масштабных религиозных реформ, проведенных такими учителями, как Пифагор и полумифический Орфей. Оба они — сколь бы странным ни показалось такое заявление — сыграли первостепенную роль в возрождении хтонической религии. Репутация аскетов и моралистов, которую они приобрели в среде «трансценденталистов», вольных каменщиков и так далее, мешают многим осознать, насколько важен этот факт для тех, кто исследует роль гоэтии как анимистического первоисточника западной магии. Но, как ни парадоксально, именно Пифагор и Орфей помогают нам восстановить многие элементы древнейших оргиастических традиций и некромантической магии.

Западный термин «магия», как известно, происходит от греческого слова μάγος —«маг». Но кто такие эти древние «маги», давшие магии свое имя? Учитывая то, насколько смутны распространенные представления на эту тему, кое для кого ответ наверняка окажется неожиданным. И оккультная литература, и старинные словари античности утверждают, что религию магов основал перс Зороастр. Однако изначальные маги были не персами, а мидянами и составляли особую религиозную касту задолго до рождения Зороастра. Зороастр же стал не основателем ее, а реформатором. Впечатления греков о персидской магии, накопленные в ходе греко-персидских войн и зафиксированные Геродотом, свидетельствуют о том, что магия эта не имела ничего общего с зороастризмом. Среди прочего она включала в себя человеческие жертвоприношения (жертву при этом закапывали в землю живьем) и более традиционные жертвоприношения животных, а конкретнее — лошадей. Ни того, ни другого Зороастр бы не одобрил. Из этого

следует, что термин «маг» вошел в греческий язык в те времена, когда магия персов в той форме, в какой ее знали греки, еще не испытала зороастрийского влияния. И это, мягко говоря, не единственный пример контаминации. Упоминания о Зороастре, Персии и магах, встречающиеся в античных источниках, нередко направляют исследователя по ложному пути. С теми традициями, которые при этом подразумеваются, а именно, халдейскими и фригийскими, эти имена и термины в лучшем случае связаны только косвенно.

Зороастр, подобно Пифагору и Орфею, поставил своей целью реформировать древнюю религию, экстатическую и необузданную. В его случае предметом реформации выступал «примитивный» культ дэвов. Культы древних малоазиатских богов отнюдь не угасли под влиянием персов; напротив, даже в тех традициях, которые приобрели сходство с персидскими культами, нередко сохранялись архаические элементы.

Подобный контраст между репутацией и реальностью неизбежно порождает недоразумения. Реформировать можно лишь такую традицию, которая уже существует. Кроме того, избавиться от старой традиции не так-то просто: многие ее элементы сохраняются и после преобразований, а подчас она возрождается вновь, полностью или частично. И подобные возрождения старых традиций впоследствии нередко связываются с учением того самого реформатора, который когда-то пытался искоренить их. Один из примеров тому — Зороастр: судя по всему, он реформировал традиции, на которых основывались практики сословия магов. Однако многие из этих старых практик уцелели, и сами маги остались влиятельной жреческой кастой. Дело осложняется постоянной путаницей между магами и халдеями (последние занимались преимущественно планетной магией, впоследствии вошедшей в гримуарную традицию). Иными словами, вся совокупность старых традиций, реформ и последующих проявлений того и другого стала ассоциироваться с Зороастром и магами как единым целым, несмотря на все объективные различия между ними. В результате отделить дозороастрийскую магию от зороастрийской и обе эти традиции от халдейской и некоторых других стало чрезвычайно трудно. Начали появляться ложные атрибуции, а еще более поздние воззрения стали по ошибке приписывать самому реформатору или его предшественникам.

Так же обстояло дело и с Пифагором. Его имя ассоциируется с учением о реинкарнации и с вегетарианством. Нередко утверждают, что его реформы включали в себя отказ от жертвоприношения животных, поскольку любое животное могло оказаться перевоплотившимся человеком. В связи с этим возникает искушение связать пифагорейское учение с индийской теорией реинкарнации и сопутствующим вегетарианством, противопоставив их более древним жертвенным обрядам, бытовавшим в Греции. Против этого свидетельствуют легенды о том, что сам Пифагор пожертвовал богам сотню быков в благодарность за одно из своих математических открытий и что он прошел посвящение в критском святилище, где провел ночь завернутым в шкуру жертвенного барана. Кроме того, известно пифагорейское наставление о жертвоприношении поросят, очень похожем на хтонические обряды Деметры.

Еще один пример: маг-пифагореец Аполлоний, по преданию, вызвал дух героя Ахилла без помощи кровавой жертвы. Однако он же побывал в святилище Трофония, где на подготовительной стадии обряда соискатель должен был питаться только мясом жертвенных животных, и, согласно легенде, счел, что полученные от оракула наставления ни в чем не противоречат пифагорейским принципам.

Наиболее вероятное и доказуемое решение этой дилеммы дает гипотеза о том, что пифагорейская традиция восходит не к индийским, а к фракийским источникам. В этом случае нам придется признать, что первоначально Пифагор не придерживался теории всеобщей реинкарнации: это учение ему приписали позднее. Пифагор же связывал возможность продолжения жизни после смерти с прижизненными религиозными или магическими практиками. Из этого следовала возможность накапливать могущество в течение целого ряда жизней, но и она рассматривалась как привилегия магов, а не всех людей без исключения.

Труднее ответить на вопрос о происхождении пищевых ограничений и запретов, в том числе вегетарианских. Едва ли подобные запреты могли восходить к дионисийскому культу — предшественнику орфизма: ведь этот культ включал в себя регулярные кровавые жертвы. Более вероятно, что вегетарианство — это один из элементов реформы, проведенной орфиками. Тем не менее остается не вполне ясным, как на самом деле

относились к вегетарианству Пифагор и Аполлоний Тианский: культ восточной Деметры, лежавший в основе учения Пифагора, едва ли включал в себя строгий запрет на мясную пищу. Что касается орфиков, то, согласно надежным источникам, от посвященных требовалось воздерживаться от мясной пищи пожизненно, и в этом нет ничего удивительного. Во многих современных религиозных традициях тоже содержатся запреты и предписания, связанные с пищей и зачастую приуроченные к различным датам ритуального календаря. Кроме того, не следует понимать орфизм как единую школу, основанную на едином официальном учении и стандартной системе ритуальных и бытовых практик. Напротив, «орфизм» — это всего лишь обобщающее название целого ряда сект и вероучений, имевших между собой определенные черты сходства. Схожим образом и культы Диониса, равно как и сам этот бог, постоянно менялись, ломали установившиеся границы и вбирали в себя элементы различных местных культов.

Так или иначе, во всех этих традициях важна не столько дихотомия аскетических и оргиастических составляющих, сколько характер цели, которую ставил перед собой соискатель. Цель эта заключалась в достижении тождества с некой божественной фигурой: тождества коллективного и прижизненного (для приверженцев архаических дионисийских обрядов) или индивидуального и посмертного (для мистиков аполлонического толка). На этой основе возникла концепция богочеловека, примерами какового служили Пифагор, Эмпедокл и другие люди, устремившиеся к упомянутой цели и ее достигшие. За всеми многочисленными и взаимосвязанными вариациями этой темы стоит гелио-хтонический герой, которому поклонялись в древней Фракии. Универсальный образ фракийского героя примиряет даже самые серьезные дихотомии, обнаруживающиеся в частных его вариантах. Столь ярко представленный в магических папирусах солярно-пантеистический бог, обладающий также хтоническими силами, — это наивысшая форма паредра, или магического помощника, которого в наши дни называют Священным Ангелом-Хранителем. В конечном счете именно с таким божеством и стремился отождествиться маг.

Духи: «домашние» и «дикие»

Настало время вернуться к теме фамильяров и домашних духов, речь о которых впервые зашла в книге шестой. Эта тема сыграла важную роль в развитии магических традиций, а потому имеет смысл рассмотреть различные прототипы подобных персонажей. Читателю, не имеющему академического образования, греко-римская мифология видится эдакой чинной процессией величественных фигур в белоснежных одеждах, лишь изредка нарушаемой легкомысленными выходками сатиров. Мало кому приходит в голову, что на этом фоне важнейшую роль играл античный культ змей. Тем не менее в развалинах микенского храма, относящегося к XIII веку до н. э. и раскопанному в 60-е годы XX века, обнаружились керамические изображения двенадцати божеств и семнадцати змей; иными словами, на двух богов приходилось примерно три змеи. В действительности змеи занимали исключительно важное место в греческой религии, и в древней Италии дело обстояло схожим образом.

В целом поклонение змеям развивалось по двум основным направлениям — как домашний культ и как хтоническая религия. Домашние боги и духи являлись людям в обличье змей; кроме того, змеи очень часто ассоциировались с мертвыми, прежде всего с героями, но не только. Как будет показано в этой главе, первоначально культ домашних духов и культ мертвых не были тождественны друг другу, но с течением времени постепенно отождествились. Даже современные ученые иногда утверждают, что поклонение домашним духам всегда были тесно связано с культом предков. В целях нашего исследования проводить между ними границу не так важно (несмотря на то, что когда-то она все же существовала), поскольку на развитии магических традиций сказалась, главным образом, поздняя форма культа.

Домашние змеи

Со змеей как важным элементом греческой домашней религии мы впервые встречаемся на Крите минойской эпохи.

В критской религии храмы играли весьма незначительную роль: основными центрами культа были святилища в пещерах и на горах, а также домашние и дворцовые алтари. В пещерных и горных святилищах змеи не появлялись никогда: они относятся исключительно к домашнему культу. И в этом домашнем культе змея занимает чрезвычайно важное место: археологи находят глиняные изображения пчелиных сот и вертикальные трубки, украшенные глиняными же фигурками змей. Позднее схожие предметы фигурировали в связи с культами предков и героев, но в минойском контексте подобных связей еще не наблюдается. Змея почиталась как хранительница дома, и с ней обращались так же, как с домашними духами в более позднем фольклоре. Рядом со змеиными трубками, найденными в Кносском дворце, обнаруживаются миски, в которые, скорее всего, наливали молоко. Эти подношения могли носить чисто символический характер, однако они напоминают о кормлении домашних змей в буквальном смысле — обычае, распространенном в балканских деревнях и в других местностях.

Маны

Маны («благие») — это древние италийские духи умерших, благосклонные к людям. С незапамятных времен их причисляли к подземным богам и называли Dii Manes, «благие боги». С особыми торжествами манов почитали римляне. Маны властвовали над местами захоронений и памятниками умершим, обитали под землей и сами были подвластны богине Ларунде, другое имя или эпитет которой — Мания. Во многих городах древней Италии была яма под названием «мундус»[1], которая символизировала перевернутое небо и жилище подземных богов, в первую очередь манов. Эту яму рыли перед тем как приступить к строительству города, а затем перекрывали сводом, оставляя место для одного съемного камня. После этого совершали подношение зерном, насыпая его в яму через отверстие, и возводили алтарь. Одна такая яма сохранилась в Риме

1 Латинское слово *mundus* имеет много значений, в числе которых — «вселенная», «мир», «земля», «человечество» и «подземный мир», «преисподняя».

на Палатинском холме, в одной из древнейших частей города. Камень, которым закрывали отверстие мундуса, назывался *lapis manalis*, «камень манов», и рассматривался как дверь в подземный мир, предназначенная и для входа, и для выхода.

Авгуры — римские прорицатели — призывали манов при исполнении своих религиозных обязанностей; призывание повторялось трижды, потому что тройка считалась священным числом манов. На праздниках хтонических богов — Диспатера (соответствующего греческому Аиду), Цереры (эквивалентной Деметре) и Прозерпины (эквивалентной Персефоне) — камень манов снимали в ходе церемонии, носившей название *mundus patet*[1] и повторявшейся три раза в год: 24 августа, 5 октября и 8 ноября. Поскольку при открытии мундуса души умерших выходили в мир живых, эти дни считались неблагоприятными для бракосочетаний и сделок. Чтобы отвратить от себя гнев умерших (или *inferiae*, «подземных», как их называли), люди приносили умилостивительные жертвы. Более торжественные и долгие празднества, включавшие в себя схожие мотивы, приходились на период с 13 по 21 февраля: друзья и родные умершего собирались на праздничную трапезу и приносили жертвы манам. В период Римской империи считалось, что этот обряд ввел в обиход сам Эней. Вергилий (возможно, под влиянием Гомера) описывает жертвенный обряд, совершаемый Энеем в честь подземных богов (и в том числе манов); кровь жертвы при этом стекает в яму, как в известном нам обряде, который проводил Одиссей. Овидий сообщает о других, еще более древних италийских обрядах (тоже приписывая их учреждение Энею): на могилы умерших приносили скромные дары на черепке, обвитом цветочным венком, — горсть зерна, крупинку соли, хлеб, вымоченный в вине, и лепестки фиалок.

Последний день торжеств носил название Фералии, и в связи с ним Овидий описывает еще один любопытный домашний обряд. В дом приходила старуха и садилась вместе с молодыми женщинами. Тремя пальцами она брала три кусочка ладана и клала их под порог, а затем обвязывала тройной ниткой кусочек свинца, вертя при этом во рту семь черных бобов. После этого она жарила

1 «Земля разверзается» (лат.), ср. цитату из Варрона, которую приводит Макробий в «Сатурналиях», I.16.18: «Mundus cum patet, deorum tristium atque inferum quasi ianua patet» («Когда земля разверзается, как бы открывается дверь [жилища] мрачных и подземных богов»).

на огне голову маленькой рыбки, зашитую бронзовой иглой и залепленную смолой, а затем совершала возлияние вином и, по-видимому, в этот момент выплевывала бобы. Согласно Овидию, прежде чем встать и уйти, старуха выпивала остаток вина, после чего объявляла, что все враждебные речи отныне умолкнут, и в легком опьянении покидала дом. Этот ритуал совершался под покровительством богини мертвых, известной под именем Ларунда; подробнее о ней мы поговорим ниже в этом разделе.

Ларвы

Ларвами, или лемурами, называли злых и беспокойных духов умерших. Название «ларвы», как полагают, происходит от слова *larva*, что значит «маска», «личина». Считалось, что ларвы — это души нечестивцев, блуждающие в ночи, терзающие живых, вселяющиеся в дома и несущие с собой несчастья и дурные предзнаменования. Слово *larvatus* («одержимый злым духом», «бесноватый») намекает на то, что этих духов использовали во вредоносной магии, чтобы наслать на человека одержимость. Чтобы умилостивить ларв, в ночи на 9-е, 11-е и 13-е мая справляли праздник Лемурии; на это время закрывались храмы богов и запрещалось проводить бракосочетания.

Лемурии восходили к глубочайшей древности и включали в себя архаические обряды. Про общественные ритуалы этого праздника известно не так уж много, но о домашних обрядах сведений сохранилось больше. Овидий сообщает в «Фастах», что в полночь хозяин дома поднимался и совершал знак фиги, вкладывая большой палец между двумя другими пальцами руки, сжатой в кулак. Этот древний знак предотвращал встречу с призраком. Затем он омывал руки проточной водой, брал девять черных бобов и бросал их себе за спину, через плечо, не оглядываясь (как полагается во многих хтонических ритуалах), или, по другой версии, клал их себе в рот, а затем выплевывал. После этого он девять раз повторял заклинание: «Haec ego emitto; his redimo meque meosque fabis» («Этими бобами я приношу выкуп за себя и своих»). Затем он еще раз омывал руки и, вероятно, с помощью домочадцев принимался бить в металлические горшки, словно в кимвалы, обходя весь дом и

девять раз повторяя: «Manes exite paterni!» («Уходите, отчие маны!»). Черные бобы бросали также на могилы умерших или сжигали как воскурение в обрядах экзорцизма, полагая, что запах такого дыма неприятен духам; при этом также читали заклинания и били в металлическую посуду.

Пенаты

Пенаты, или, точнее, *Dii Penates*, составляли класс низших божеств в Древнем Риме. Сведения о них противоречивы. В исторические времена пенаты почитались как домашние боги, покровители частных жилищ и домашнего хозяйства. Название этих богов происходит от латинского слова *penus*, означавшего самую дальнюю часть дома, где находились алтарь и кладовая, которую они защищали и благословляли, чтобы запасы в ней приумножались и не иссякали никогда. Но при этом с пенатами ассоциировался и домашний очаг — возможно, в результате смешения с другими домашними божествами, такими как Веста. Подобно многим другим домашним богам, пенаты в действительности древнее, чем боги городского или государственного культа. Но поскольку государство считалось «большой семьей», существовали и общегосударственные *Dii Penates*, которых следует отличать от домашних пенатов, несмотря на очевидную связь между этими двумя классами богов.

Римские представления о государственных и домашних пенатах сформировались под влиянием традиций, которые принесли с собой в Южную Италию греческие колонисты. Пенатов представляли в виде двух молодых мужчин, ассоциировали с кабирами (θεοί μέγαλοι, «великими богами» Самофракии) и полагали, что их привез с собой из Трои Эней. Иногда изображали сидящими, иногда танцующими, а изредка — с копьями в руках. Как государственных богов домашнего хозяйства их нередко ставили в один ряд с Вестой, богиней очага. И кабиры, и Веста связаны с огнем. У греков были схожие с пенатами домашние боги — судя по всему, архаические формы Гефеста и Афины. И в этом случае ясно прослеживается мотив связи с огнем: Гефест — огненный бог, изначально связанный с кабирами, а Афину иногда изображали как помогающую ему в кузнице.

По латинскому обычаю бога для домашнего культа выбирал глава семьи. На практике это означало, что домашний культ был наследственным. Именно поэтому пенаты, считавшиеся низшими божествами, на деле нередко носили имена таких важных богов, как Юпитер. Схожим образом обстояло дело у греков: домашний культ того или иного божества переходил у них из поколения в поколение.

Иногда пенатов подразделяют на четыре класса: небесные пенаты, морские, подземные и люди, удостоившиеся божественных почестей в мире земном. Последняя категория напоминает о древнем домашнем культе героев, бытовавшем у греков прежде, чем появились общегородские культы того или иного конкретного героя. Другие полагают, что пенаты — это души умерших, первоначально тождественные манам, но впоследствии отождествленные с более крупными божествами. Изображения пенатов обычно изготавливали из воска или глины, но известны и более драгоценные изваяния из серебра или слоновой кости. Им подносили вино, благовония и фрукты, а иногда приносили в жертву ягнят, овец или коз. При этом статуи пенатов украшали цветочными венками, чесноком и маками (последнее в особенности указывает на связи с подземным миром). Обряды такого рода проводили в период праздника Сатурналий.

Довольно часто пенатов отождествляли с ларами, но несмотря на то, что даже сами римляне иногда путали их друг с другом, традиционное расположение святилищ и другие подробности свидетельствуют о том, что лары и пенаты составляли два различных класса божеств.

Фамильные лары

Так говорил он — и вдруг появилась змея из гробницы:
В семь огромных колец изогнув упругое тело,
Холм семь раз обвила, с алтаря на алтарь проползая.
В темных пятнах спина, чешуя переливчатым блеском
Золота ярко горит; так, против солнца играя
Тысячей разных цветов, сверкает радуга в небе[1].

1 Вергилий, «Энеида», V.84—89, пер. С. Ошерова.

В Древнем Риме фамильные лары (*lares familiaris*) почитались как духи, связанные с каждым отдельным домашним хозяйством без исключения. С одной стороны, они ассоциировались с ларами компитальными (*lares compitalis*) и дорожными (*lares viales*), которых, строго говоря, следует считать духами перекрестков и дорог соответственно. С другой — их довольно рано начали путать с манами, а поздние латинские авторы уже почти не проводили различия между ларами и пенатами, поэтому установить в точности, о ком из них идет речь в древних текстах, зачастую нелегко. В контексте их влияния на позднейшую магию эти различия не так важны: в синкретической картине мира эллинистической эпохи подобные отождествления и взаимосвязи стали общим местом. Однако в эпоху до Цезаря ларов гораздо более четко отличали от других классов божеств и именовали в единственном числе — «фамильный лар», *lar familiaris*. Не исключено, что этот лар связан с этрусскими словами *lars* («провожатый» или «вождь») или *lar* («властелин», «царь» или, что особенно важно, «герой»). На позднем этапе домашние духи этой категории стали рассматриваться как парные, а не одиночные.

Когда-то считалось, что лары были духами предков, культ которых восходил к древнему обычаю хоронить умерших за домом. Эта теория отчасти объясняется древними ассоциациями между ларами и манами. Но по мнению современных исследователей, более вероятно, что фамильный лар тождествен гению дома (*genius domus*) (об употреблении этого термина в соломоновой традиции см. мою книгу «Истинный гримуар»). Это привязанная к дому разновидность гения места (*genius loci*), по природе подобная брауни или домовым из более позднего фольклора (см. выше о Луридане в разделе «Заклинание вулканических духов»). Поскольку эти духи тесно связывались с человеческим жилищем, ларом могли называть и дом как таковой[1]. На некоторых изображениях фамильный лар напоминает обезьянку в собачьей шкуре; у ног его помещался образ лающей собаки — символ бдительной охраны дома. Когда ларов стали представлять в виде пары, появились другие изображения — двое танцующих юношей, похожих на куретов. Овидий в «Фастах» называет их ночными стражниками, и точно так же

1 Ср. у Овидия: «Я поглядел на нее, а потом и на тот Капитолий, / Чья не на пользу стена с ларом сомкнулась моим» («Скорбные элегии», III.29—30).

переводится имя духа Букона из «Истинного гримуара» (подобно тому, как пенаты связаны с именем духа Пентагнони).

В частном домашнем культе изваяния ларов помещались в особой алтарной нише, которая называлась «сакрарий», или «ларарий», и располагалась за дверью дома или у очага. Ларарии нередко украшали изображениями змей, напоминающими греческих домашних духов; хорошо сохранившийся образец такого рисунка обнаружили в Помпеях. Подношения ларам делали во время обычных трапез, поставив статуэтку на стол. Перед алтарной нишей ларов нередко воскуряли благовония. Более масштабные подношения (фрукты, цветочные венки, жертвенная свинья) совершали в мае. Кроме того, ларов чествовали дарами в дни календ, ид и нон, а также на день рождения хозяина дома. По таким праздникам изваяния ларов украшали венцами и натирали до блеска воском; считалось, что от этого они становятся счастливее, потому что латинские слова со значениями «сиять» и «улыбаться» звучат очень похоже (ср. упоминание о «ларах, жиром блещущих» во втором эподе Горация[1]).

Кстати, стоит отметить, что римские даты приведены здесь по старому юлианскому календарю. Чтобы перевести такую дату на современное григорианское летоисчисление, нужно добавить к ней одиннадцать дней. В каждом римском месяце было три особых дня: календы, ноны и иды. Они играли важную роль в определении праздничных дат. Календы приходились на первый день месяца, ноны — на пятый или седьмой (в зависимости от конкретного месяца), а иды — на девятый день, считая от нон (включительно). В марте, мае, июле и октябре иды выпадали на 15-е число, а ноны — на 7-е; в остальных месяцах иды — на 13-е, а ноны — на 5-е.

Компитальные лары

Компитальными ларами назывались духи всей общинной территории в целом. В древние времена этим духам поклонялись на перекрестках и на больших дорогах, но впоследствии

1 Гораций, «Эподы», II.66, пер. А. Семенова-Тян-Шанского.

культ их объединился с домашним. Компитальных ларов каждой общины тоже было двое: они мыслились как покровители двух дорог, пересекающихся на перекрестке. Согласно мифу, они были детьми Меркурия и Лары, известной также под именем «Ларунда». Ларунда — подземное божество древнеримской религии — носила эпитеты «Мута» и «Тацита» («немая», «молчаливая»), символизировавшие безмолвие мертвых. Еще одно свое имя, «Мания», она получила как мать манов, а имя «Ларунда» предположительно связывает ее с ларами. Эта богиня покровительствовал обряду Фералий, описанному выше и проходившему в молчании, как и подобает ритуалам безмолвной богини.

Итак, первоначально Ларунда считалась матерью духов умерших, но поздние римские мифографы стали называть ее Лалой и соотнесли это имя с греческим λαλέω — «говорить», «болтать» или даже «сплетничать». В попытках объяснить, почему при этом она считалась немой, они выдумали сюжет, согласно которому Юпитер влюбился в нимфу Ютурну, но та отвергла его и скрылась. Разыскивая ее, верховный бог обратился за помощью к нимфе Лале. Однако Лала отказалась ему помогать и, более того, сообщила о его намерениях Гере. Разъяренный поступком Лалы, Юпитер вырвал у нее язык и велел Меркурию отвести ее в подземный мир, где она стала бы нимфой подземного источника. Меркурий (выступающий здесь, очевидно, в хтонической ипостаси), в свою очередь, был очарован Лалой, и от их союза родилось двое духов-близнецов, которых и стали называть ларами. Очевидно, они пошли в отца: вспомним этрусское слово *lars*, означающее «провожатый» и намекающее на их хтоническую природу.

Компитальные лары покровительствовали не только перекресткам дорог, но и всей округе. Однако связь с перекрестками подразумевает, что эти духи вписываются в магическую традицию, возникшую еще в глубокой древности, сохранявшуюся на протяжении всей истории и благополучно дожившую до наших дней.

Кроме того, следует подчеркнуть некоторые важные нюансы, относящиеся к родству домашних ларов с Меркурием и с ларами компитальными. Нередко утверждают, что изначальный римский Меркурий во многом отличался от классического греческого Гермеса; однако италийские лары вполне могли

произойти — через посредство этрусков или греческих колонистов в Италии — от архаической формы Гермеса, связанной с малоазиатскими религиями и мистериальными культами. Гермес, условный греческий эквивалент римского Меркурия, в древние времена символически изображался в виде фаллоса. Согласно одной из римских легенд, царь Сервий Туллий был сыном фамильных ларов и рабыни царя Тарквиния по имени Танаквиль. Чтобы соединиться с ней, лары поднялись из очага и предстали в образе фаллоса, слепленного из золы.

Веста

Веста, богиня домашнего очага и в особенности горящего в нем огня, во многом схожа с греческой Гестией. Однако ее культ бытовал в Италии задолго до начала греческой колонизации, что указывает на общее индоевропейское происхождение двух этих богинь. Позднейшие мифологи связывали ее с самыми древними богинями, такими как Рея и Кибела, а также с Деметрой, Персефоной и Гекатой. Эти связи возникли сравнительно поздно, однако всем этим богиням действительно присущи подлинно архаические черты. Поэтому, несмотря на свою знаменитую девственность, Веста была близка Великой Матери богов и почиталась как покровительница огня.

Изначальный обычай поддерживать во имя Весты неугасимый огонь в очаге со временем превратился в общегородскую и государственную культовую практику. Но тем не менее домашний культ Весты оказался очень устойчивым. Колонисты даже привозили с собой на место нового поселения огонь из родных мест. Веста тесно ассоциировалась с пенатами. В связи с обычаем переноса огня сложилось предание о том, что римский культ Весты и ее священный огонь восходят к самым древним поселениям обитателей Лация. Впоследствии эта легенда была дополнена мифом о троянском происхождении священного огня.

В Риме и в других городах Лация священный огонь хранила коллегия девственных жриц, живших в атриуме Весты. Атриумом называлось открытое центральное помещение римского дома, преддверие храма или дворик при входе в любое другое

здание. Соответственно, атриум весталок располагался не в самом городе, а в преддверии храма Весты. При раскопках этого дома было обнаружено множество указаний на соблюдение архаических обычаев. Атриум имел круглую форму, как древнейшие жилые постройки латинян. Он воспроизводил форму дома, принадлежавшего вождю племени, а первые весталки, судя по всему, были дочерьми вождя, на которых лежала обязанность поддерживать общинный огонь. В дальнейшем государственный культ Весты находился в ведении весталок, но частным образом этой богине по-прежнему поклонялись в каждом доме.

На праздник Весталий, приходившийся на середину июня (9 июня по старому календарю) городские женщины босиком приходили в храм Весты. Перед каждым домом накрывали богатый стол, мельничные жернова украшали гирляндами цветов. По городу торжественно водили точно так же украшенных молодых ослов, которые в другие дни вращали жернова. Греки придумали мифологическое объяснение этому обычаю: мол, когда-то осел своим ревом предупредил богиню о том, что к ней подкрадывается фаллический бог Приап, и спас ее от насилия. Но следует отметить, что из всех животных именно осел в первую очередь ассоциировался с Приапом. Возможно, здесь уместно привести замечание Буркерта по поводу Гестии: вокруг очажного огня действительно сложился ряд табу сексуального характера, но при этом сам огонь воспринимался как фаллическая сила.

Боги и богини огня

Один из архаических обычаев, связанных с культом Весты, заключался в том, что весталки должны были совершать подношения не только Весте, но и еще одной богине, носившей некрасивое имя «Кака». В народном восприятии Кака сближалась, а возможно, и отождествлялась с Клоациной, которая первоначально покровительствовала очищениям в водах реки, а позднее превратилась в богиню римской канализации, как ни странно, не утратив при этом высокого статуса. Из-за этого тождества, не говоря уже о прямом значении ее имени, Кака стала ассоциироваться с экскрементами. Но первоначально она носила совершенно иной характер: ее почитали как богиню

очага, возможно, даже более древнюю, чем сама Веста. До нас дошло не так уж много следов ее культа, довольно рано поглощенного культом Весты. Однако в мифе о ней и в особенности о ее брате по имени Как обнаруживаются некоторые значимые элементы, перекликающиеся с теми мотивами, которые уже неоднократно появлялись на страницах нашего исследования, и любопытные указания на архаические обряды и на исконную природу более известных богов.

Согласно самому известному из римских мифов, связанных с этой богиней, ее братом был Как, сын Вулкана, — трехголовый огнедышащий великан, разбойничавший на дорогах Древней Италии. Матерью его, по некоторым версиям, была змеевласая Медуза. Жил этот великан в укрепленной пещере, которую Вергилий описывает так:

> Там пещера была, и в глубинах ее недоступных
> Прятался Как-полузверь и скрывал от света дневного
> Гнусный свой лик. У пещеры его увлажненная теплой
> Кровью дымилась земля, и прибиты над дверью надменной
> Головы были мужей, осквернённые гноем кровавым.
> Чудище это Вулкан породил, — потому-то из пасти
> Черное пламя и дым изрыгал великан кровожадный[1].

Легенда гласит, что Как похитил часть бычьего стада, которое Геркулес (предварительно отобрав этих быков у другого трехголового великана Гериона) гнал через Италию. При этом Как поступил хитро: он завел быков в свою пещеру задом наперед, чтобы по отпечаткам копыт казалось, будто стадо вышло наружу. Но, по одной версии, быки все равно выдали себя громким мычаньем, а по другой — Геркулесу подсказала, где их искать, та самая богиня Кака, влюбившаяся в великого героя. Спасаясь от Геркулеса, Как попытался укрыться в своей пещере, завалив вход камнями, но герой сорвал верхушку с горы и сразил великана палицей. После этого местный царь Эвандр очистил Геркулеса от скверны убийства и оказал ему радушный прием. Утверждали, что поддержание вечного огня в честь Каки восходит к этим событиям, но скорее всего, негасимый

1 Вергилий, «Энеида», VIII.193—199, пер. С. Ошерова.

огонь в действительности был ее атрибутом изначально. В память о своем подвиге Геркулес учредил в Риме празднества Каки. Нимфа Кармента отказалась принять в них участие, после чего к обрядам в честь Каки перестали допускать замужних женщин.

В этой легенде Как предстает отрицательным персонажем, но сохранились убедительные свидетельства того, что в древности существовали и другие легенды, изображавшие его иначе. На одном этрусском зеркале Как изображен в виде молодого длинноволосого прорицателя с лирой в руках; он что-то поет (надо полагать, стихотворные прорицания), а его ученик записывает за ним, используя какое-то неизвестное нам письмо. За спинами у них изображены двое вооруженных воинов, судя по всему, намеревающиеся напасть на прорицателя и ученика и захватить их в плен. Схожие мотивы встречаются в античных мифах: изображенная на зеркале сцена напоминает сюжеты о пленении Протея и других прорицателей, не желавших предсказывать будущее по доброй воле. Другое предание, по всей вероятности позднее, отождествляет Как с Марсием, которому удалось сбежать от жестокого Аполлона в Италию. В связи с вышеописанным изображением немаловажно, что это же предание провозглашает Марсия изобретателем искусства авгуров. Кроме того, Марсий предстает в нем как поборник свободы слова и защитник низших сословий. Идея свободы, заложенная в народных дионисийских культах, явственно противопоставляется здесь аристократической тирании в лице Аполлона. Статуи Марсия отмечали места народных собраний, а фригийский колпак по сей день ассоциируется с борьбой за свободу. Еще одно предание повествует о могучем человеке по имени Какий, который жил на Палатинском холме и принимал у себя в гостях Геркулеса. Все это в совокупности наводит на мысль о том, что изначально Как был не таким уж чудовищем; напротив, он сам и его сестра почитались в Древней Италии — не без влияния этрусков — как божества огня, обладавшие даром прорицания. Не исключено даже, что образ Как восходит к преданиям о пророке Калханте, культ которого определенно был известен в Италии, и если так, то искажение имени Калханта вполне может объясняться этрусским влиянием.

Еще один персонаж, очевидным образом связанный с Каком, — Кайкул, единокровный брат Как или даже его двойник.

Мифы о Кайкуле противоречивы, что может объясняться переменами в отношениях между Римом и городом Пренесте, по преданию, основанным римлянами. Пренесте — один из древнейших городов Лация, расположенный в 21 миле к юго-востоку от Рима. Около 500 года до н. э. он вступил в союз с Римом, но после нашествия галлов стал его врагом и только в 82 году до н. э., во время гражданской войны, был завоеван римским полководцем Суллой. Важной и знаменитой достопримечательностью этого города был оракул Фортуны. Прорицания в нем получали при помощи так называемых пренестинских жребиев — дубовых дощечек с древними надписями, хранившихся в ларце из оливкового дерева. Вопрошатель вынимал из ларца наугад одну из этих дощечек, и надпись давала ответ на его вопрос. Миф об основании Пренесте сохранился в двух версиях. Греческая версия сама по себе довольно интересна: она приписывает честь основания города Телегону, сыну Одиссея и волшебницы Кирки, или сыну Телегона Пренесту. Но вторая версия старше и она называет основателем Пренесте Кайкула, сына Вулкана.

Согласно этой легенде, близ того места, где впоследствии построили Пренесте, жили два брата-пастуха с сестрой. Однажды братья развели костер, искра от него попала на подол сестры, от этой искры сестра зачала и родила Кайкула. По некоторым вариантам, девушка решила избавиться от младенца и оставила его около храма Юпитера — опять-таки у костра. Там его нашли местные женщины и принесли тем самым братьям-пастухам, которые его и вырастили. Эти братья — не кто иные, как *dii indigetes* («туземные боги»), то есть древние исконно италийские божества, прообразы ларов или пенатов. Имя «Кайкул» (*Caecul*) толковали как «слепой» (от лат. *caeco* — «ослеплять», «лишать зрения»): говорили, что от кострового дыма глаза у него стали вечно слезиться. Но это, по-видимому, поздняя рационализация, потому что имя его встречается также в варианте «Цекул» (*Ceculus*), происхождение которого неясно. Кроме того, само имя «Кайкул» с таким же успехом могло быть произведено от слова *caecus*, которое означает не только «слепой», но и «скрытый», «тайный» или «невидимый».

Кайкул, сын Вулкана, вырос и стал знаменитым разбойником. Решив основать собственный город (Пренесте), он созвал нескольких товарищей, и вместе они принялись за

строительство. Вокруг собралось множество зевак, и все смотрели с любопытством, но убедить хоть кого-то присоединиться к работе Кайкул не мог. Тогда он взмолился Вулкану, чтобы тот послал знамение и показал всем, чей он сын. Внезапно из-под земли вырвалось пламя и кольцом окружило толпу. Когда Кайкул приблизился, пламя расступилось перед ним. И тогда многие с радостью присоединились к нему, почтя за честь считаться подданными бога огня и его сына. По этой версии легенды, пересказанной Вергилием, Кайкул родился в огне, а впоследствии сражался против Энея. Поскольку Эней считался легендарным основателем Римского государства, последний мотив можно истолковать как отражение конфликта между Пренесте и Римом. Но гораздо важнее то, что роль Вулкана в легенде о Кайкуле отражает функцию последнего как бога-покровителя городского очага.

Тесная связь между этими двумя героями — Кайкулом и Каком — вполне очевидна. Об этом говорит не только сходство имен, но и многое другое: оба они — сыновья Вулкана, оба — разбойники, оба ассоциируются с прорицанием, и, наконец, в легендах о них обоих фигурирует царь Эвандр. Стоящее за этими образами древнее божество могло утратить свой высокий статус вследствие конфликта между Римом и Пренесте, и этим же может объясняться отказ Карменты участвовать в учрежденных Геркулесом празднествах: ведь она была оракульной богиней Рима, соперника Пренесте. Однако не следует сбрасывать со счетов и другой фактор, а именно — роль самого Вулкана. Он был огненным богом, как и Веста, но олицетворял скорее разрушительный огонь, чем благодетельный и священный домашний очаг. Его святилища «волканолы», имевшиеся во многих италийских городах, включая Рим, предназначались, судя по всему, для умилостивительных жертв, которые были призваны защитить город от пожара. И тем не менее в некоторых местах Вулкана почитали и как бога очага, и эта его функция отражена в легенде о Кайкуле. Сын Вулкана вполне мог унаследовать обе ипостаси своего отца — и благую, и вредоносную.

Выводы для современной практики

Mia labores: гоэтические поклонения

Моя магическая работа связана с гоэтическими процессами, и немаловажную часть ее составляет поклонение духам земли и подземного мира. Это не значит, что я сатанист, однако мой подход к духам отличается от того, который был принят в средневековой демонологии и производных от нее системах. Древнегреческое слово γοητεία в наши дни понимается по-разному. Некоторые подчеркивают низкий статус гоэтии в античной и средневековой культуре, некоторые, напротив, преувеличивают значимость «Гоэтии царя Соломона», но и те и другие лишь укрепляют стереотипы, не имеющие ничего общего с настоящей гоэтической практикой. В действительности же гоэтия — это архаический первоисточник той части западной магии, которая опирается на непосредственную работу с духовными сущностями, и в этом качестве ее следует признать самой главной и почтеннейшей прародительницей современной ритуальной магии.

В классическую эпоху к категории гоэтии обычно относили ритуалы, бытовавшие на более ранней стадии культурного развития, или более современные, но подобные им практики. Гоэтия имела дело не с «небесными», «уранических», божествами и сущностями, а с духами земли и подземного мира. Спектр их был широк: от всевозможных демонов и призраков до таких божеств, как Деметра, Аид и Персефона. В моем понимании, за таким подходом стоит идея, характерная и для многих африканских традиционных религий, а именно: верховный бог слишком далек и неприступен, и материальная вселенная его не интересует. В той или иной степени это же относится и ко многим другим небесным сущностям. Хтонические же духи, напротив, доступны и открыты для общения, и установить с ними рабочие магические отношения довольно легко. Если поддерживать такие отношения достаточно долго, между магом и духом формируется тесная связь. А для поддержания отношений со стороны мага требуются активные

религиозные действия, такие, например, как регулярные подношения и жертвы.

Вправе ли мы называть это поклонением (*worship*)? Чтобы ответить на этот вопрос, достаточно проделать одно несложное упражнение в семантике. Принося христианский брачный обет, жених и невеста обращаются друг к другу со словами: «Телом своим поклоняюсь тебе». Если рассмотреть это слово, *worship*, внимательно, мы увидим, что оно происходит от того же корня, что и *worth*, *worthiness* («достойный», «достоинство») и т. д. Следовательно, если мы хотим употреблять это слово применительно к работе с духами, то должны понимать, что за ним стоит идея уважительного партнерства между магом и духовными сущностями и что для мага оно ни в коей мере не унизительно. Фактически несколько близких друг другу традиций, разделяющих этот подход, строго запрещают коленопреклоненную позу при общении с духами. Если маг не стоит и не движется, то перед духами допустимо сидеть или присаживаться на корточки, но не преклонять колени.

Образы

Традиционно, да и на практике, один из лучших способов для установления контакта с духовной сущностью — работа с его образом, помещенным на подходящем алтаре. Очень удобной основой для алтаря может стать шкафчик с закрытым ящиком в нижней части и открытыми полками — в верхней. Обычно используют образы двух типов: глиняную голову или статуэтку в полный рост. Желательно слепить образ своими руками и освятить, хотя в специализированных магазинах иногда продаются готовые статуэтки и головы (например, на сайте «Botanica Elegua» можно заказать голову Легбы и т. п.). Указания по освящению глины можно найти в «Ключе Соломона»[1]. Внутрь головы или статуэтки нередко вкладывают травы, соответствующие данному духу или божеству, семь монет или другие предметы. В некоторых случаях образ можно купить или переделать из другого, при условии что дух, которого он призван изображать, на это согласен. Затем образ следует установить на алтарь, сопроводив это надлежащей церемонией. Ме-

1 См.: *Соломонова магия: Ключи царя Соломона*. М.: Ганга, Телема, 2017, стр. 207.

сто для алтаря следует выбирать очень тщательно. Если вы работаете со множеством духов, для каждого образа необходимо подобрать подходящую высоту полки, соответствующую рангу данной сущности.

Еще один способ установления контакта при помощи образа — работа с вотивным изображением. Вотивные предметы — магические статуэтки, талисманы и дефиксионы (орудия агрессивной магии, к сфере которой относятся как проклятия, так и чары любовного принуждения) — тесно связаны с магией разного рода. Некоторые вотивные дары основываются на симпатической магии: например, на алтарь или в святилище помещают лепное изображение той части тела, которая поражена болезнью. Об этом методе речь пойдет снова в книге VIII в связи с «Пикатриксом». О дефиксионах можно прочитать в некоторых серьезных академических трудах; тема вотивных предметов исследована хуже, но заинтересованный читатель наверняка сможет извлечь практические выводы из приведенных здесь общих указаний.

Ритуал

Помимо регулярных молитв и заклинаний, важнейшую часть ритуальной работы с домашним святилищем составляют подношения. Обычно духам подносят в дар огонь и воду, а если это уместно, то и пищу. Под огнем подразумеваются свечи и благовония, а под водой — просто чистая свежая вода. Некоторые духи требуют ежедневных подношений, другим достаточно раза в неделю; можно выяснить это при помощи дивинации или просто следовать традиционной процедуре, если она известна. Свечи обычно преподносят в знак благодарности за оказанную услугу, а воду и благовония — более регулярно, чтобы поддерживать постоянную связь и «подкармливать» духов. Предлагая такие дары гоэтическим духам, имеет смысл освящать воду и огонь именем управителя соответствующей стихии в данной иерархии. Полезно также сопровождать все подобные подношения уместными заклинаниями или песнями. Имейте в виду, что у разных духов предпочтения различны: некоторые, например, вообще не любят воду, некоторые могут отдавать предпочтение другим напиткам, а некоторым нравятся воскурения табаком.

Жертвоприношения

Тему кровавого жертвоприношения мы оставим за рамками этой книги, ограничившись лишь несколькими общими замечаниями. Причин тому несколько, и не последняя из них — то что в современном западном обществе к обрядам такого рода относятся весьма неоднозначно. Более того, даже в тех традициях, связанных с гоэтическими практиками, в которых подобные ритуалы приняты и уместны, проводится различие между жертвованием кур и закланием четвероногих животных. Для последнего требуется особое посвящение или, по крайней мере, практический опыт. Это разграничение возникло не на пустом месте, потому что зарезать курицу довольно просто, а для заклания козла или другого четвероногого нужна искусная и опытная рука, чтобы не причинить животному ненужных страданий. Но так или иначе, все подобные практики уместны преимущественно для сельских общин, да и универсальных правил здесь нет. Если у читателя возникнет необходимость в жертвенном ритуале такого рода, многие решения ему придется принимать самостоятельно.

Что касается жертвования пищи, то и здесь можно привести лишь самые общие соображения. Примеры, относящиеся к западной традиции, можно найти в таких работах, как «Ключ Соломона» (книга II, глава XXII издания Мазерса)[1] или «Пикатрикс». О практиках подношения пищи в других традициях, таких как сантерия, можно прочитать во многих современных изданиях. Очень часто у духов обнаруживаются совершенно конкретные предпочтения (например, Омолу любит попкорн и семь разновидностей бобовых). В других случаях подходящие подношения можно подобрать на основе традиционных соответствий (так, духам марсианского типа должна нравиться горячая и острая пища, а юпитерианским подойдут, например, квадратные пирожки с шафраном).

Помимо крови и пищи возможны и различные другие подношения. Гоэтические обряды, бытовавшие в Древней Греции, опирались на еще более древние, архаические традиции, и многие следы их сохраняются в гоэтической практике даже по сей день. В христианскую эпоху к гоэтии нередко причисляли

1 См.: *Соломонова магия: Ключи царя Соломона*, указ. соч., стр. 218.

все «подозрительные» магические практики, связанные с более древними традициями и пережитками язычества. Таким образом, многие гоэтические жертвоприношения и ритуалы были и остаются по своей природе весьма консервативными. Например, возлияния вином — это сравнительно «новая» практика, введенная в период классической античности и использовавшаяся в работе с «новыми» же богами. А более древним хтоническим божествам по-прежнему совершали возлияния ячменным пивом, стараясь соблюдать исконные ритуалы для такого рода сущностей, точные аналоги которых сохраняются и в современной гоэтической практике. И несмотря на то, что данный конкретный пример может оказаться нерелевантным для сущностей, с которыми работает современный заклинатель, во многих случаях подобный подход в целом остается верным и значимым.

Лично я, например, покупаю старинные монеты для подношений духам. Чаще всего мне попадаются старые английские пенсы, имевшие хождение до введения метрической системы, но встречаются и экзотические монетки — например, иностранные или необычные в каких-то других отношениях. Использовать их можно по-разному: например, навсегда оставлять на алтаре или в качестве уплаты за помощь, или закапывать в землю, когда вы собираете под открытым небом какие-нибудь предметы, нужные для ритуальной работы. Принося в жертву «устаревшие» вещи, вышедшие из употребления, вы тем самым показываете, что принимаете во внимание древность духов, с которыми работаете, будь то души давно умерших людей или же боги и природные духи, почитавшиеся на более ранних стадиях культурной истории. Разумеется, жертва в подобных случаях включает в себя не только материальное подношение: чтобы приобрести такие монетки, нужно не только потратить на них современные деньги, но и зачастую совершить специальную поездку, то есть вложить в это мероприятие силы и время. С другой стороны, для некоторых ситуаций прекрасно подходят и современные монетки, например двухпенсовые. Их, например, можно оставлять на земле (плотно вдавив в почву) в уплату за какую-нибудь удачную находку или же преподносить в дар душам людей, умерших сравнительно недавно. И даже среди более древних сущностей попадаются такие, которые тоже охотно принимают современные деньги.

По особым случаям можно жертвовать духам и более крупные суммы — например, сразу несколько монет, количество которых будет определяться числом, традиционно соответствующим данному духу.

Духи-посредники в гоэтических ритуалах

Еще одно очень важное обстоятельство — то что во многих иерархиях духов существуют особые духи-посредники, к которым следует обращаться в первую очередь, и только затем уже можно будет установить контакт с другими. От этого может зависеть структура подношений. Как правило, чтобы ваши дары дошли до других духов данной иерархии, начинать нужно с подношений духу-посреднику.

Например, я в своей ритуальной практике поддерживаю постоянный контакт со Скирлином — духом-посредником из иерархии «Истинного гримуара». На нем сосредоточена значительная часть ритуальной работы, и он получает подношения чаще прочих. В некоторых отношениях Скирлин действует так же, как Священный Ангел-Хранитель из других трансцендентальных систем. Кроме того, функционально он очень похож на важнейших духов-посредников из африканских традиционных религий, на Ганешу в индуистской традиции и так далее.

Для поддержания такого постоянного контакта требуются различные формы религиозного служения. Некоторые из них используются и в работе с другими духами, но в отношениях с духом-посредником им, естественно, отводится более важное место. Например, у Скирлина есть свое имущество — дары и подношения, которые остаются на алтаре навсегда. Кроме того, я готовлю для него специальное благовоние и храню его про запас, потому что без него вся моя гоэтическая работа просто встанет на мертвой точке. Образ Скирлина занимает центральное место в алтарном пространстве и установлен на большом мраморном пентакле, окруженном различными предметами, принадлежащими этому духу. В числе этих предметов — особые орудия дивинации, которые настроены специально на этого духа и могут использоваться только с его помощью.

Работа

В брухерии, мексиканской ведовской традиции, есть одно полезное выражение, не имеющее аналогов в современном «западном» оккультизме: *mia labores*, что буквально переводится как «моя работа по дому», но на практике означает рутинную магическую работу, такую как поддержание чистоты и порядка в святилище, чтение ежедневных молитв, заклинаний и т. п. Эквивалентные обязанности существуют и в гоэтической практике, и религиозный аспект в них также выражен очень ярко. Важное место среди них занимает регулярное очищение ритуальных орудий и рабочего пространства или алтаря; и точно так же, как в некоторых религиях нью-эйдж и магических системах, подобных брухерии и худу, в гоэтии для омовения и очищения используются специальные жидкости и предметы. Так, например, при работе с иерархией «Истинного гримуара» предписано окроплять алтарь и орудия «святой водой» при помощи кропила, изготовленного из стеблей растений трех видов, но вместо «святой воды» для *mia labores* можно с успехом использовать крепкий отвар тех же самых растений. Разумеется, прежде чем окроплять орудия, следует стереть с них пыль или вымыть их в том же отваре. Аналогичным образом перед ритуалами переосвящения металлических орудий последние нужно вручную отполировать и так далее.

Еще одна составляющая *mia labores* — чтение ежедневных молитв и заклинаний. В руководствах по гоэтии эта практика упоминается редко, но без нее не обойтись, если вы хотите работать в гоэтической традиции постоянно. В «Истинном гримуаре» (равно как и в нескольких версиях «Ключа Соломона») приводится «стандартная» молитва, которой следует предварять все магические операции без исключения. И если, к примеру, данный гримуар служит основой или источником вдохновения для всей вашей магической работы в целом, то эту молитву следует читать каждый день. Кроме того, *mia labores* включают в себя регулярные подношения и сопутствующие им заклинания. То же самое можно сказать и о ритуалах освящения, которые очевидным образом следует не только проводить после изготовления ритуального предмета, но и повторять на регулярной основе.

Кропило для святой воды, изготовленное, как сказано выше, из трех видов растений, тоже следует регулярно обновлять — по средам на растущей луне. После этого следует собрать орудия на алтаре и благословить их всех совокупно, окропить и окурить подобающим благовонием. Любую подобную работу желательно предварять ритуальным омовением по описанной в гримуаре или другой подходящей процедуре. Постоянная работа в гоэтической традиции — это своего рода профессия или неотъемлемая часть магического образа жизни в целом; поэтому подобные ритуальные омовения можно тоже включить в число ежедневных практик. И это — лишь один из многих возможных способов, позволяющих тесно связать свою повседневную жизнь с ритуальной магией.

К числу *mia labores* и постоянной, «профессиональной» гоэтической работы можно отнести также работу с непосредственным физическим окружением. Например, если я переезжаю на новое место (что в последние годы случалось достаточно часто), то в первую очередь тщательно осматриваю окрестности в поисках мест, подходящих для практики, таких как перекрестки, кладбища, особые деревья и места произрастания особых трав, а также проточные водоемы, то есть ручьи и реки.

Водоемы важны и как источники различных типов воды, необходимых для ритуалов, и как потенциальные места добычи глины, которая может понадобиться для изготовления статуэток и сосудов. Перекрестки — самые подходящие места для избавления от расходных ритуальных материалов, будь то остатки веществ, использованных в ритуале, или предметы, уже отработавшие свое, или же, собственно, чары, которые исполнили свое предназначение и теперь должны быть развеяны.

Избавляясь от чего-либо на перекрестке, важно учитывать, хотите ли вы сохранить результаты магической работы при себе или дать им рассеяться: от этого зависит, на какой стороне перекрестка вы оставите то, что принесли. Кроме того, на перекрестках можно оставлять различные подношения и даже вызывать некоторых духов и божеств.

Кладбища полезны по целому ряду причин, так что мне, например, приходится посещать их достаточно часто. Опять-таки подчеркну при этом, что моя работа не имеет ничего общего с сатанизмом и тем более с теми его разновидностями,

которые включают в себя акты вандализма и осквернение могил.

Кладбища — это обители духов, с которыми гоэтический маг должен поддерживать дружеские отношения, а если вы будете плохо вести себя у них в гостях, на всякой надежде на дружбу можно сразу поставить крест. Входя на территорию кладбища, я обычно оставляю ритуальную плату; кроме того, я отдельно плачу местным духам, если что-то уношу оттуда с собой или приношу что-нибудь, чтобы там оставить. Как я уже говорил, я собираю старинные монеты для ритуальных целей, и перед визитом на кладбище никогда не забываю захватить с собой несколько штук. Кроме того, я всякий раз стараюсь навести порядок на могилах и вообще держусь во время таких визитов очень аккуратно и слежу за своим поведением и внешним видом.

Возможно, когда-нибудь вы заметите на кладбище респектабельно одетого человека, чинно прогуливающегося по дорожкам и бросающего пристальные взгляды на те или иные могилы, деревья или даже на землю у себя под ногами. Время от времени, оглядевшись по сторонам, он будет наклоняться и подбирать что-то с земли... и не всякая такая находка тотчас отправится в ближайшую урну. Если вы увидите кого-то подобного, знайте, что это, возможно, и есть маг, работающий в гоэтической традиции.

Ритуальные циклы и рутинная, повседневная магическая практика — важнейшие компоненты «профессиональной» гоэтической работы. Такая регулярная, циклическая работа — главный источник силы самого мага и его орудий, а также, что самое важное, его отношений с духами, которые неизменно стоят за всеми более эффектными магическими операциями. Об этих отношениях говорят не так уж часто, они остаются в тени, но именно они — основа всей магической жизни, опирающейся на религиозное служение и реальную практику.

Домашние боги

Некоторое время тому назад в одной книге по сантерии мне попалось на глаза рассуждение, заставившее всерьез задуматься. Речь шла о магическом ритуале, который проводится в ванной комнате — одном из тех мест, которому в этой религии

придается большое значение. Многие сантеро держат в ванной комнате святилища эгун — духов мертвых и в том числе предков. Там же проходят некоторые этапы посвятительных ритуалов. И напротив, один современный каббалистический автор, довольно известный, включает в свои книги предупреждение не брать их с собой в ванную: это, мол, будет признаком неуважения к божественным именам, которые в них содержатся. Тут-то и расходятся пути, подумал я. Что для меня важнее? Какой из двух этих культурных контекстов более уместен в моей личной практике? Несомненно, каббала — чрезвычайно авторитетная дисциплина в современной магии. Но, с другой стороны, многие магические операции проводятся в домашних условиях и включают в себя ритуальное омовение, что делает табу на ванную комнату проблематичным. Кроме того, традиции Нового Света в целом куда лучше согласуются с тем направлением западной магии, в котором работаю я.

Придя к этому выводу, я тут же задумался вот о чем: в каббале нет магических соответствий не только для ванной комнаты, но и для других частей дома. Где же можно найти такие соответствия? Как читатель уже, верно, догадался, астрология в основе своей ближе к язычеству, чем каббала; отчасти именно поэтому Альберт Великий расценивал многие элементы астрологии как некромантические. И несмотря на то, что многие аспекты языческого наследия астрологии далеко не очевидны, извлечь их из-под спуда позднейших наслоений по-прежнему возможно. Подумав так, я обратился к учебнику по хорарной астрологии, посвященному поиску потерянных вещей: среди прочего в нем приводились четкие указания о том, в какой части жилого дома может оказаться искомый предмет при тех или иных астрологических условиях. Опираясь на эти указания, я без труда вывел соответствия различных частей дома планетным богам:

Планетные божества	Части жилого дома	Астрологические дома
Сатурн	Двери, лестницы, подвал, прихожая	4-й, 10-й
Юпитер	Чердак, мансарда	9-й
Марс	Ванная комната, туалет	8-й
Солнце	Столовая, гостиная, детская; камин	5-й

Планетные божества	Части жилого дома	Астрологические дома
Венера	Спальня	5-й
Меркурий	Кабинет	6-й
Луна	Кухня, сад, детская (для грудного ребенка)	4-й

Эта таблица не только иллюстрирует тот факт, что с помощью астрологии можно восстановить многие утраченные принципы языческой магии, но и содержит ряд любопытных подтекстов. Например, Луна здесь связывается с кухней, где проходят многие обряды худу, и с садом, где можно выращивать лекарственные и магические растения. Очевидны связи Луны с водой, принципом роста и магической практикой. Кроме того, лунная богиня защищает детей и семью, что тоже наглядно явствует из ее соответствий. Связь Марса с ванной комнатой и туалетом возвращает нас к отправной точке всей этой цепи рассуждений. Из таблицы следует, что Марс управляет процессами очищения и выведения отходов. В сантерии ванная комната связана с умершими и, следовательно, с эсхатологической темой в целом, и это заставляет предположить, что Марс здесь выступает в своей хтонической ипостаси. На это же намекают и темы астрологического 8-го дома, соответствующего знаку Скорпиона, — темы секса и смерти.

Эти ассоциации не следует принимать за догму: святилища планетных богов можно (а иногда даже нужно) располагать в других местах, будь то удобства ради или по другим причинам. Но, с другой стороны, указанные в таблице части дома обладают силами и символическим смыслом, которыми при необходимости можно воспользоваться независимо от того, где находится святилище. Из этих соответствий естественным образом можно сделать выводы о том, в каком месте дома лучше читать те или иные заклинания, где размещать талисманы, где оставлять на положенный срок магические орудия, нуждающиеся в «периоде покоя», и так далее. Разумеется, это не что иное, как перенесенный в локальную область метод мифологической географии, речь о котором шла в первой книге. И в этой локальной области работают те же самые принципы, что и в более широком масштабе, — в частности, принцип воссоединения магического мира с так называемым обыденным, или физическим.

Разновидности магической воды

Краткий комментарий к следующему отрывку из PGM IV.154—285 (строки 220 — 230) я привел еще в своей книге «Истинный гримуар», но здесь уместно будет рассмотреть его подробнее:

> Вопрошание[1] посредством гадания на лохани и вызывания мертвых[2]. Всякий раз, как пожелаешь вопросить о [каких-либо] делах[3], возьми медный сосуд[4], или лохань, или чашу для питья[5] любого рода, какого захочешь[6]. Налей [в него] воду[7]: если взываешь к небесным богам — дождевую[8], если к земным богам — морскую[9], если к Осирису или Сарапису — речную[10], если к умершим — ключевую[11]...

Такая классификация находит поддержку и в других египетских источниках. Морская вода ставится в соответствие Сету, а речная — Осирису. По всей вероятности, в египетской магии и в народных верованиях Осирис играл иную роль, чем в ортодоксальном культе. В магии с ним работали главным образом как с владыкой загробного мира и предводителем многочисленных демонов (или духов-воителей и хранителей), потенциально опасных для простого смертного и — разумеется! — потенциально полезных для мага. Сараписа почитали как владыку загробного мира в эллинистическую эпоху, и у него было много общего с Осирисом.

Эта классификация сохранилась и в поздних гримуарах: несколько примеров тому обнаруживается в «Истинном

1 σκεψις, букв. «рассматривание», «разглядывание»; подразумевается созерцание образов, возникающих на поверхности воды.

2 λεκανομαντείας ἅμα καὶ νεκυοαγωγῆς.

3 ἐπειδαν ποτε βούλει σκέψασθαι περὶ πραγματων.

4 λαβων ἄγγος χαλκοῦν.

5 ἢ λεκάνην ἢ φιάλην.

6 οἵαν ἐὰν βούλῃ.

7 βαλε ὕδωρ.

8 ἐὰν μὲν τοὺς ἐπουρανιους θεοὺς κλήζῃ, ζήνιον.

9 ἐὰν δὲ τοὺς ἐπιγείους, θαλασσιον.

10 ἐαν δὲ Ὄσιριν ἢ τὸν Σάραπιν, ποταμιον.

11 ἐὰν δὲ νέκυας, πηγαῖον.

гримуаре» и в связанном с ним тексте под названием «Ключики царя Соломона. Книга 3. О духах и их способностях».

Примеров с дождевой водой в «Истинном гримуаре» не встречается, но это и не удивительно: ведь в его систему не входят обращения к небесным богам! Зато в операции для вызывания дождя из «Ключиков»[1] используется морская вода и даются указания о том, как сделать ее искусственный аналог, если маг живет вдалеке от моря. Не вызывает сомнений, что Элиогафатель — один из «земных богов». При изготовлении магического пергамента по методу, описанному в «Истинном гримуаре», шкуру предписывается обложить камнями, собранными на берегу реки[2], и здесь, скорее всего, играют важную роль хтонические ассоциации, связанные с реками. Ключевая вода используется в операции под названием «Прорицание по слову Уриэля»[3] — обряде, напоминающем египетское гадание на лохани. Ангел Уриэль и в гримуарах, и в ангелологии предстает как весьма неоднозначный, сумрачный персонаж; он нередко выступает носителем сатурнианских и хтонических энергий, и высока вероятность, что под этим именем в действительности скрываются некие более темные сущности, прежде всего Люцифер («Уриэль» означает «Свет Божий», «Люцифер» — «Светоносец»). Кроме того, в ангелологии он фигурирует под альтернативными именами, такими как Фанаэль или Анаэль (которого призывают явиться в магическом зеркале в тех же «Ключиках»[4]).

Соответственно, этот ритуал можно видоизменять и приспосабливать к различным целям, используя те или иные разновидности воды, точь-в-точь как и вышеописанный обряд из магических папирусов. В других магических операциях, например, при обращении к различным духам при помощи стандартного талисмана, приведенного в «Истинном гримуаре», можно использовать ту разновидность воды, которая лучше соответствует характеру вызываемого духа. Учитывая, что в «Ключиках» даются указания по изготовлению искусственой морской воды, некоторые из моих читателей, вероятно, придут

1 См.: Истинный гримуар. Красный дракон. М.: Ганга, Телема, 2012, стр. 121—122.

2 Там же, стр. 58.

3 Там же, стр. 73—75.

4 Там же, стр. 71.

к выводу, что ключевую воду можно найти в местном супермаркете, и будут совершенно правы. Но с другой стороны, есть свой резон и в том, чтобы поискать настоящий родник: исследование местной географии на предмет магических ресурсов — мощный источник силы и вдохновения. Местные перекрестки, родники, кладбища, места произрастания магических растений и так далее играют важную роль в жизни гоэта.

И, наконец, возникает вопрос: насколько все это согласуется с западной традицией? Ну, во-первых, греко-египетские магические папирусы и египетская магия в целом — основа западной магии. Во-вторых, несмотря на то, что за минувшие столетия традиционная западная магия пришла в упадок, многое из ее наследия все же уцелело и может обрести новую жизнь. Когда подобные соответствия и ассоциации входят, так сказать, в нашу плоть и кровь и становятся привычными и естественными, они значительно обогащают магическую культуру, и в результате сам термин «традиция» обретает смысл. Следы «нашей» магии можно обнаружить в самых неожиданных местах. Например, если вы знакомы с практиками кубинской религии пало, то знаете, что в этой традиции принято собирать землю или грязь в разных местах: с семи берегов, из семи полицейских участков, из семи тюрем и так далее. Схожие перечни разновидностей магической почвы обнаруживаются в рассказах об испанских магах XVII века, один из которых, например, «набрал земли из трех тюрем Мадрида» и смешал ее с кладбищенской землей. Таким образом, подобные темы, ассоциирующиеся с магией Нового Света, в действительности могут представлять собой пережитки западной магии, сохранившиеся в контексте другой культуры.

Многочисленные и чрезвычайно ценные параллели встречаются также в магических папирусах как первооснове обоих направлений — и гримуарной магии, и магии худу. У меня не хватает слов, чтобы по достоинству отрекомендовать издание греческих магических папирусов под редакцией Ганса Дитера Беца. Это поистине бесценный источник по истории и практике гоэтической магии.

Магия «Пикатрикса»

Многие элементы эллинистической магии не только сохранялись, но и активно практиковались и совершенствовались в среде арабов и персов на протяжении тех столетий, которые применительно к европейской истории называют «темными веками». Традиции герметизма и неоплатонизма, включая и практическую их сторону, освещенную в магических папирусах, продолжали непрерывно развиваться на Востоке вплоть до пришествия Мухаммеда. Набатейские арабы, в свое время поддерживавшие тесные связи с Римской империей, составляли лишь одну из целого ряда арабских культур, религия которых во многом основывалась на астрологии. К числу самых влиятельных арабских герметических сообществ принадлежали харранские сабеи, внесшие неоценимый вклад в развитие мусульманского мира. Среди сабеев было немало искусных астрологов, а сабейская религия во многом схожа с позднейшей астрологической магией гримуаров. Даже Мекка в период до утверждения ислама была тесно связана с астральной религией: по преданию, этот город некогда украшали 365 астрологических статуй.

Выше я уделил немало внимания Халдее, Сирии и Малой Азии, но древние ближневосточные культуры до сих пор рассматривались в основном через призму греческой традиции, донесшей их достижения на Запад. И теперь я постараюсь до некоторой степени компенсировать этот перекос. После падения Западной Римской иперии арабский мир остался главным наследником греко-римской науки и магии. Несомненно, и Восточная Римская империя, которую западные авторы

называли Византией, сохранила немало античных рукописей. Падение этой державы, открывшее завоевателям доступ к сокровищнице ее мудрости, в конечном счете стало одной из важнейших предпосылок итальянского Возрождения. Однако византийские власти относились к магии в лучшем случае неоднозначно, а в худшем — с откровенной ненавистью. Арабский мир, напротив, предоставлял вполне благотворные условия не только для сохранения, но и для дальнейшего развития античного наследия.

Значительная часть этого наследия вернулась на Запад благодаря экспансии ислама, главным образом на землях Испании. В ходе Реконкисты этот процесс только ускорился: покидая отвоеванные христианами города, мусульмане оставляли после себя библиотеки, полные греческих и арабских книг. Одной из таких книг, сыгравших важную роль в истории оккультизма, был «Альмагест» Клавдия Птолемея. На латынь его перевел Герард Кремонский, которому также приписывается «Книжица об астрологической геомантии», традиционно издававшаяся под одной обложкой с «Четвертой книгой Оккультной философии» псевдо-Агриппы. До падения Константинополя главным средневековым первоисточником для западных гримуаров оставалась литература арабского происхождения, восходившая к языческой древности и излагавшая среди прочего тщательно проработанную герметическую теорию магии. Таким образом, в основе своей гримуары, несмотря на все христианские элементы, опираются именно на языческую магию, сохранившуюся в исламской и византийской традиции.

Исключительно важную роль в этом процессе культурной передачи, наряду со многими другими греческими, латинскими и арабскими текстами, сыграл колоссальный компендиум магических знаний, известный под названием «Пикатрикс». В числе многих ключевых сведений по практической магии автор этого труда донес до нас сокровища сабейской астрологической религии — аутентичные молитвы и обряды, относящиеся к культу семи планет. Именно эти материалы легли в основу заклинаний, обращенных к духам планет в западных гримуарах, невзирая на то, что сами духи были переосмыслены на христианский лад (как ангелы, демоны и тому подобное).

Астрологические образы, заимствованные западной оккультной традицией из «Пикатрикса», восходят к индийским, вавилонским и греко-римским прототипам. Короче говоря, «Пикатрикс» — это ярчайший пример того, какими путями эллинистическая магия проникала в христианский мир с X века и далее. Современные историки наглядно и неоспоримо продемонстрировали его влияние на гримуары и на работы таких крупнейших оккультных мыслителей, как Фичино и Агриппа.

Материалы, включенные в этот раздел, составляют лишь малую долю античного наследия, сохранившегося на страницах «Пикатрикса». Это и не удивительно: ведь среди европейских гримуаров не найдется ни одного, хотя бы отдаленно приближающегося к «Пикатриксу» по объему. В этом отношении, равно как и по широте охвата, его можно сравнить разве что с «Оккультной философией» Агриппы, однако не следует забывать, что последняя во многом опирается на «Пикатрикс» и содержит немало заимствований из этого арабского компендиума. Чтобы ознакомить читателя с содержанием «Пикатрикса», я отобрал в основном материалы практического характера, иллюстрирующие прикладную герметическую магию античного образца. Но следует иметь в виду, что «Пикатрикс» отнюдь не сводится к указаниям по практической магии: значительное место в нем отведено элементам теории, изложению астрологического учения и герметической философии. Если бы дело обстояло иначе, едва ли он оказал бы такое глубокое влияние на величайших мыслителей и творцов эпохи Возрождения. Моя выборка ориентирована преимущественно на то, чтобы продемонстрировать путь развития традиционной западной магии: от античности до гримуаров. Прошло уже много лет с тех пор, как я приступил к переводу соответствующих отрывков (тогда мне еще помогала моя бывшая жена), но по большей части этот материал так и остается неисследованным. Подозреваю, отчасти это объясняется его языческим характером, по сравнению с христианизированными версиями, вошедшими в позднейшие гримуары. Но тем не менее нижеприведенный материал наглядно отражает ритуалистическое и магическое содержание «Пикатрикса» и в полной мере оправдывает название этого раздела.

Сабеи

Нижеследующие материалы включают в себя несколько глав и отрывков из «Пикатрикса», посвященных магическим практикам сабеев. Сабеями называлась одна влиятельная арабская секта (или, что вероятнее, несколько отдельных общин, придерживавшихся схожих обычаев) доисламского периода, сохранявшая несомненные связи с эллинизмом и даже с так называемым низким платонизмом. Как уже упоминалось выше, я уделил слишком мало внимания влияниям восточных культур на эллинистическую; материалы же, с которыми читатель вскоре сможет ознакомиться, послужат предостережением тем, кто, наоборот, склонен недооценивать влияние эллинизма на ближневосточную магию.

Западные историки интересуются сабеями уже давно. Например, Э. Кобем Бруэр (1810 — 1897) в своем «Словаре идиом и легенд» (1898) определяет их так: «Древняя религиозная секта, получившая свое название от Савия, сына Сифа, вместе со своим отцом и братом, Еносом, погребенного в Пирамидах. Сабеи поклонялись единому Богу, но обращались к нему не напрямую, а через различных тварных посредников, как то: солнце, луну, звезды и т. д. Вероучение их называлось сабианством, или сабейской верой. Большинство арабов до обращения [в ислам] были сабеями». В этом описании подразумевается совершенно особая разновидность религиозной практики. Как мы вскоре увидим, обряды сабеев — очевидные предшественники астрологической магии, представленной в западных гримуарах (например, в «Гептамероне», «Ключе Соломона» и так далее); и эти обряды, и операции из гримуаров основывались на соответствиях семи планет, которым приписаны определенные цвета, драгоценные камни, металлы, животные и прочие явления и предметы. Эти соответствия и многие другие элементы сабейских обрядов бережно сохранил для потомков «Пикатрикс», который, в свою очередь, стал предтечей гримуарной магии как напрямую, так и при посредничестве Агриппы и других западных авторов.

При этом, несмотря на все параллели, которые прослеживаются во многих гримуарах, особенно французских, в сабейских ритуалах заметны некоторые отличия от операций, типичных для соломоновых книг. Примеры тому — простирание ниц и

заклание жертвенных животных. Подобные жертвы упоминаются в «Пикатриксе» неоднократно, а некоторые обряды включают в себя и человеческие жертвоприношения. Кровавые ритуалы сабеев описывает Дж. Фрэзер в «Золотой ветви», и это описание схоже с теми, которые встречаются на страницах «Пикатрикса»:

> Язычники Харрана также выбирали жертвы Луне, Солнцу и другим светилам ради их предполагаемого сходства с небесными телами. К примеру, жрец, одетый в красное и выпачканный кровью, приносил рыжеволосого, краснощекого человека в жертву «красной планете Марсу» в храме, выкрашенном в красный цвет и задрапированном красными тканями. Эти и подобные им примеры уподобления жертвы богу или природному явлению, которое он символизирует, основаны в конечном счете на принципе гомеопатической, или подражательной, магии: при этом исходят из того, что легче всего достичь поставленной цели при помощи жертвоприношения, имеющего сходство с результатом, на достижение которого оно нацелено[1].

Простирание ниц явно свидетельствует о том, что планетным духам придавался божественный статус. На этот же статус в действительности указывают кровавые жертвы, несмотря на то, что в христианском мире они стали ассоциироваться с дьяволом, особенно в магическом контексте. В приведенных далее обрядах каждой планете соответствует определенное жертвенное животное. Под «черной овцой», которую предписывается приносить в жертву Юпитеру, на самом деле вполне мог подразумеваться баран, посвященный различным божествам этой планеты в других древних традициях. Жертвенное животное Меркурия — пестрое, что согласуется с цветовыми соответствиями этой планеты, сохранившимися в гримуарах. Во всех случаях печень жертвы поедается, то есть служит причастием. Возможно, за этим стоят те же представления, что и за гаданием на печени жертвенного животного — практике, которую римляне унаследовали от этрусков, выходцев (как полагают) из Малой Азии.

1 Дж. Фрэзер, «Золотая ветвь», глава XLVII, пер. М. Рыклина.

Астрология и боги

Альберт Великий в своем «Зерцале астрономии» рассуждает о некромантических составляющих астрологии и, приводя примеры таковых, ссылается на соломоновы книги. Средневековая церковь ставила своей задачей очистить астрологию от языческой магии. Между тем магия Соломона и астрологическая магия Агриппы восходят через посредство «Пикатрикса» к халдейской и эллинистической магии, представленной в магических папирусах. Как современная астрология берет начало в сирийском и вавилонском учении о звездах, систематизированном древними греками, так и западная магия во многом выросла на греко-римской почве. Эта аналогия практически буквальна: в «Пикатриксе» те элементы, которые сохранились в соломоновых гримуарах, непосредственно соседствуют с теми, которые можно обнаружить в современных руководствах по астрологии. И чтобы воссоединить две эти группы элементов и возродить латентные традиции западной магии, удобнее всего работать с позиций античного язычества. Разумеется, иудейская, христианская и исламская традиции, обладающие развитой ангелологией, тоже пригодны для этого, но только как маски (в сущности, именно под этими масками и дошла до нас античная магия). Схожим образом в период оккультного возрождения, в конце XIX века, в качестве масок стали использовать египетские божественные образы (исторический прецедент тому — синкретические тенденции греко-египетской магии). Однако за всеми этими масками скрывается тот синтез греческих и вавилонских традиций, эталоном которого служит вовсе не каббала, а астрология. В любом случае, те элементы каббалы, которым нашлось применение в западном оккультизме, по большей части сводятся к усеченной и упрощенной астрологической символике и служат далеко не самым эффективным ее суррогатом. Астрология стояла у истоков западной магии и предопределила многие ее последующие достижения. Если бы у халдейских магов была своя служба пропаганды, ее бы следовало по достоинству вознаградить за первоклассное внедрение многих ключевых принципов в греко-римский менталитет и как следствие во всю позднейшую магическую традицию Запада.

Как уже не раз отмечалось выше, колоссальный пантеон греческой мифологии не отражает реальности локальных культов, населенных персонажами куда более скромного масштаба. То же самое можно сказать и о культурах, с которыми древние греки поддерживали контакт, и потому не лишним будет напомнить, что астрология как главный синкретический прообраз западной магической традиции сформировалась на основе различных культурных моделей. В сложном переплетении средиземноморских и ближневосточных культурных контекстов небесные божества далеко не всегда сохраняли устойчивые связи с планетами. И в местных культах роли их не всегда были одинаковы: где-то Баала почитали как Юпитера, где-то — как Солнце, где-то — как отца, а где-то — как юношу. Точно так же богиня Баалит могла проявляться и как Луна, и как Венера; где-то ей поклонялись в основном как матери, а где-то — как деве. Богиня, юная или зрелая, вполне могла ассоциироваться с Солнцем, тогда как Луной вполне мог править кто-то из богов локального пантеона — например, Аполлон или Мен как боги-юноши или Син как бог-отец. Нергала могли чтить и как бога Марса, и как бога Солнца, а кое-где почти наверняка и как лунное божество.

Итак, отношения между планетами и богами непостоянны, но тем не менее эти две категории очень тесно связаны между собой. Само это непостоянство соответствий обеспечивает системе известную гибкость, но в то же время требует гибкости и от нас. Две упомянутые категории в значительной мере остаются отдельными и самостоятельными, но живут и развиваются параллельно: отец, сын, мать и дочь постоянно соотносятся и взаимодействуют в той или иной форме с солнечными, лунными, планетными и хтоническими символами. И астрология при условии правильного к ней подхода служит готовым и в высшей степени тонким и точным инструментом для синкретического синтеза или анализа этих взаимодействий.

Методы сабеев[1]

«Астроном ат-Табари поведал о методах сабеев, при помощи которых те привлекали силы планет и их служителей. Все

1 В этом разделе представлен отрывок из «Пикатрикса» (книга III, глава 7). Русский перевод выполнен по английскому переводу Дж. Стреттона-Кента,

сабеи и старейшины их, и служители планетных храмов соглашались с нижеизложенным. Когда молишься владыке какой-либо планеты и желаешь что-либо от него получить, доверься Богу, очисти сердце свое от всех дурных намерений и мыслей, а одежды свои — от грязи и просветли и очисти свой разум. Затем необходимо обдумать природу своего желания и понять, к какой планете оно относится. Облачаясь, окури свои одежды воскурениями и призови планету, обратившись к ней с молитвой. И досягнешь той планеты во сфере ее, которую я тебе укажу. Когда совершишь это, мольба твоя исполнится и ты достигнешь цели, о которой просишь.

Итак, к *Сатурну* обращайся с просьбами, касающимися почтенных старцев, начальников, государей и правителей, набожных людей, землевладельцев, откупщиков, домоправителей, домопродавцев, стряпчих, крестьян, старейшин над крестьянами, невольников и разбойников, а также родителей, дедов и старцев.

Если ты пребываешь в печали или страдаешь недугом меланхолии, или какой-либо иной болезнью из относящихся к природе Сатурна, то за помощью против его влияния обратись к *Юпитеру*. Он возмещает ущерб и избавляет от душевных волнений, причиненных другими планетами, но сперва необходимо воззвать к той, другой планете [которая причинила ущерб].

Юпитеру подвластны высокопоставленные особы, люди почтенные и ученые, судьи, правоведы, чиновники, писцы, знатоки веры, толкователи снов, люди образованные и мудрые, государи, халифы, родители, люди, имеющие власть во всех областях жизни, а также братья, сестры и все дети. Кроме того, проси его обо всем, что касается мирных договоров и торговых сделок.

У *Марса* проси о том, что желаешь получить от людей, родственных ему по природе, таких как всадники, полководцы, мятежники и бунтовщики, военачальники, стражники, герои, ратники, повстанцы, все те, кто опустошает землю и разоряет людей, все те, кто имеет дело с кровью, огнем

использовавшего арабский оригинал. Другой вариант перевода, выполненный по академическому немецкому изданию Гельмута Риттера и Мартина Плесснера (*Picatrix: Das Ziel des Weisen von Pseudo-Magriti*, aus dem Arabischen ins Deutsche ubersetzt von Hellmut Ritter und Martin Plessner. London: Warburg Institute, 1962), см. в издании *Магия семи планет. Антология*, т. 2. М.: Ганга, Телема, 2018, стр. 144 и далее.

и железом, воины, конюшие, пастухи, слуги, разбойники и враги, все те, кто оказывает тебе сопротивление в каком-либо деле или же угрожает твоим родным и старикам и возмущает спокойствие. Его природе соответствуют болезни, поражающие нижнюю часть тела, а также кровопускания, какие делают больным. Чтобы воспрепятствовать ему, призывай Венеру: она распустит то, что он завязал, и исправит то, чему он повредил.

У *Солнца* проси о том, чего желаешь от государей, халифов, князей, венценосцев, властителей, правителей, родителей, эмиров, храбрых людей и героев. Проси, чтобы он [т. е. дух Солнца] воздал праведным по заслугам, а нечестивых сокрушил и чтобы достойных возлюбили сильные мира сего. Также проси его о судьях, правоведах, мудрецах и философах, о великих владыках и славных ученых; о людях степенных, достойных и уважаемых, о тех, кто носит высокий сан, а также о родителях и о старших братьях и сестрах. Проси Солнце о том, чего хочешь добиться для них, — о деньгах, о золоте, о высокой должности и обо всем, что подвластно Солнцу.

Венеру проси о помощи в делах, касающихся женщин, певиц, служанок и мальчиков, а также о делах, относящихся к потомству и чадолюбию, к любви, влюбленности, сладострастию и похоти, к тем женщинам, что возлежат с другими женщинами, и к тем мужчинам, что возлежат с мужчинами, а также ко всему, что связано с музыкой — с игрой на флейте, пением и тому подобным. Также о мужах женоподобных и изнеженных, о гермафродитах, кастратах, невольниках, евнухах, пажах, льстецах и подхалимах, о художниках всякого рода и о похотливых затейниках, а также о женах, матерях и тетках и о младших братьях и сестрах. Призывай Венеру, чтобы обуздать влияние Марса, ибо она любит его и имеет к нему склонность.

Меркурия проси о помощи в делах, связанных с секретарями, счетоводами, геометрами, астрономами, проповедниками, риторами, философами и людьми, ведущими мудрые речи, с людьми образованными, с богословами, писателями, поэтами, князьями, визирями, начальниками ведомств, сборщиками податей, торговцами и мастерами различных теоретических и прикладных искусств, также с молодыми невольниками и невольницами, с младшими братьями и сестрами, с

ремесленниками, чертежниками, рисовальщиками, живописцами, золотых дел мастерами и со всем, что созвучно природе Меркурия.

Луну проси о делах, связанных с государями, управителями и наместниками, наследниками престола, главными сборщиками податей, начальниками почтовых ведомств, гонцами, послами, путешественниками, странниками, строителями, землевладельцами, землемерами и обмерщиками полей, стряпчими, деревенскими старостами, моряками и служащими при водопроводных ведомствах, также с простым народом, также с магами, изысканными женщинами, беременными женщинами и царскими невольниками, также с тетками и старшими сестрами и братьями.

Итак, научись просить всякую планету только о том, что свойственно ей по природе».

Комментарий

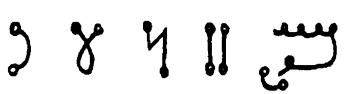
Из перечня лиц, связанных с операциями Венеры, мы видим, что область применения любовной магии не ограничивалась гетеросексуальными отношениями. К этой планете обращались за помощью и милостью и те, кто искал однополой любви. Мы обращаем на это внимание не ради политкорретности, а для того чтобы прояснить саму природу магии и характер сил, которые действуют в магических операциях. Ни Венера, ни любая другая планетная сила не имеют никакого отношения к законам монотеистических религий: планеты верны лишь самим себе и принципам, которые они олицетворяют. Талисманы с образом богини в окружении магических знаков и сигилов совершенно уместны и в операциях, связанных с гомосексуальной любовью, потому что богиня эта символизирует любовь и влечение, а не принципы пола и продолжения рода. В данном случае изображение прекрасной обнаженной женщины действует не по законам симпатической магии, а как основа для эвокации. К тому же ни для кого не секрет, что многие мужчины-гомосексуалы восхищаются «культовыми» женщинами, а этих женщин, вознесенных массовой культурой на пьедестал, в свою очередь, нередко сравнивают с богинями.

Сабейские обряды планет[1]

«*Сатурн*: сперва постись семь дней, от дня Солнца [=воскресенья] до дня Сатурна [субботы], а на седьмой день принеси в жертву черного ворона (и, как говорят некоторые, черного пса), сказав над ним:

> Во имя [твое], Ашбил, поставленный над Сатурном, и во имя владык высочайших чертогов, — повинуйся моим велениям и исполни то, чего я от тебя желаю!

Затем примени знак Сатурна, чтобы получить желаемое.



Юпитер: опять же постись семь дней, от пятницы до дня Юпитера [=четверга]. На седьмой день принеси в жертву черную овцу и съешь ее печень, сказав так:

> О Руфиджаил, ангел, поставленный над Юпитером, счастливый, милосердный, совершенный в красоте своей! Во имя владык высочайших чертогов — приклони свой слух и снизойди к молитве моей, и исполни все, чего я от тебя желаю!

Затем используй знак Юпитера, чтобы твои желания исполнились.

Марс: постись семь дней, от дня Меркурия [=среды] до дня Марса [=вторника], а затем принеси в жертву дикого черного кота или, как утверждают некоторые, кота пятнистого, и съешь его печень, и скажи над ним:

---

1 Далее следует отрывок из «Пикатрикса» (книга IV, глава 2). Русский перевод выполнен по английскому переводу Дж. Стреттона-Кента.

> О (Ру)биджаил, ангел, поставленный над Марсом, о неистовый, пылкий и пламенный всадник! Во имя владык высочайших чертогов — внемли моим просьбам!

Затем можешь использовать знак [Марса], чтобы желание твое исполнилось.

Солнце: постись семь дней, от понедельника до дня Солнца [=воскресенья], а затем принеси в жертву теленка и, поедая его печень, скажи:

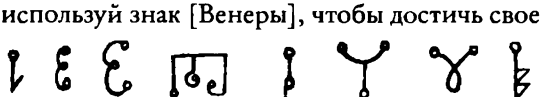
> О Баил, ангел, поставленный над Солнцем, яркий миродержец, исполненный света и совершенного сияния, приносящий счастье и злосчастье, благодетельный и вредоносный! Во имя владык высочайших чертогов — внемли мне и исполни мое желание!

Затем можешь использовать знак [Солнца], чтобы достичь своей цели.

Венера: для этой операции належит поститься от субботы до дня самой планеты [Венеры, т. е. до пятницы]. Принеси в жертву белого голубя, съешь его печень и скажи:

> О Битаил, ангел, поставленный над Венерой, счастливой и прекрасной звездой! Во имя владык высочайших чертогов — внемли мне и исполни мое желание!

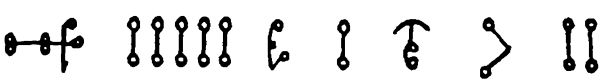
Затем используй знак [Венеры], чтобы достичь своей цели.



Меркурий: для обряда этой планеты постись от дня Юпитера [=четверга] до дня Меркурия [=среды], а в тот день принеси в жертву черно-белого петуха или, как утверждают некоторые, петуха с черными, зелеными и белыми перьями, и съешь его печень, и скажи:

> О Харкил, ангел, поставленный над Меркурием, счастливый и благородный, прекрасный обликом! Во имя владык высочайших чертогов — внемли мне и исполни мое желание!

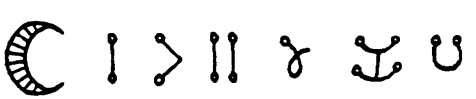
Затем используй его знак, чтобы достичь своей цели.



Луна: постись семь дней, от вторника до ее дня [т. е. до понедельника]. На седьмой день зарежь овцу и съешь ее печень, сказав так:

> Сальджаил, о ангел, поставленный над Луной, о ключ и начальник звезд, светлый и проворный! Во имя владык высочайших чертогов — внемли мне и исполни мое желание!

Затем используй знак [Луны], чтобы достичь желаемого.



Эти и прочие обряды, в том числе различные магические ритуалы, чудодейственные воскурения и любопытные талисманы, бытуют у набатеев, и некоторые из них можно найти в книге "Сельское хозяйство Набатеи"[1]».

1 «Сельское хозяйство Набатеи» — книга, написанная или переведенная около 904 года Абу Бакром Ахмадом ибн Али ан-Набати, известным под именем Ибн Вахшия (ок. IX—X вв. н. э.), арабским писателем, алхимиком и специалистом по сельскому хозяйству. Эта книга основана на древних вавилонских источниках и содержит сведения не только о сельском хозяйстве, но и о магических практиках и верованиях.

Влияние и происхождение сабейской магии

Ангелы планет, упомянутые в предыдущем отрывке, — очевидные эквиваленты тех планетных ангелов, которые перечисляются в гримуарах. Кроме того, планеты здесь располагаются в последовательности «халдейского ряда»[1], так же как и в различных версиях «Ключа Соломона» и прочих гримуарных текстах.

Планеты	Ангелы по системе «Пикатрикса»	Ангелы в гримуарах
Сатурн	Ашбил	Кассиэль
Юпитер	Руфиджаил	Цадкиэль
Марс	(Ру)биджаил	Самаэль
Солнце	Баил	Михаэль
Венера	Битаил	Ариэль
Меркурий	Харкил	Рафаэль
Луна	Сальджаил	Габриэль

Обратите внимание, что по этой системе с Солнцем и Венерой ассоциируются Баил (Баал) и Битаил (Баалит, женская форма имени «Баал»), то есть «Господин» и «Госпожа». Связи Баала/Баэля, верховного бога, с Солнцем находится параллель в орфической солярной теологии. По альтернативной системе, представленной в таблице ниже, Бел или Мардук соотносятся с Юпитером, что указывает на происхождение от некоей схемы, более совместимой с олимпийским пантеоном, во главе которого стоял Зевс. В греческих источниках, относящихся к различным периодам, верховное божество иногда отождествлялось с Солнцем, а иногда с планетой Юпитер, и аналоги обеих этих традиций обнаруживаются на Ближнем Востоке.

Планета	День недели	Сабейское имя	Вавилонское имя	Греческое имя
Солнце	Воскресенье	Самас	Шамаш	Гелиос
Луна	Понедельник	Син	Син	Селена
Марс	Вторник	Нергал	Нергал	Арес
Меркурий	Среда	Набу	Набу	Гермес
Юпитер	Четверг	Бел	Мардук	Зевс

1 Халдейский ряд, или халдейский порядок, — последовательность планет, принятая еще в вавилонской астрономии и астрологии, а позднее вошедшая в геоцентрическую систему Птолемея. В халдейском порядке планеты располагаются по возрастанию средней скорости их видимого движения: Сатурн — Юпитер — Марс — Солнце — Венера — Меркурий — Луна.

Планета	День недели	Сабейское имя	Вавилонское имя	Греческое имя
Венера	Пятница	Белтида	Иштар	Афродита
Сатурн	Суббота	Кронос	Нинив	Кронос

Эти языческие боги по существу эквивалентны ангелам из вышеприведенных сабейских обрядов. Убедиться в этом помогут дальнейшие заклинания из «Пикатрикса», которые я приведу здесь в сокращенном виде. Заклинания содержат имена тех же богов на разных языках: арабском, персидском, «римском» (языке Восточной Римской империи, то есть в большинстве случаев греческом), собственно греческом[1] и индийском. Несмотря на некоторые искажения, имена в большинстве случаев остаются узнаваемыми. (Кроме того, в «Пикатриксе» содержится еще один набор заклинаний, где вместо ангельских имен использованы просто имена на греческом.) Любопытно, что в этой серии заклинаний Солнце обозначается мужскими именами, но при этом его называют «царицей планет», а Луна (Месяц) именуется «господином»[2].

Сатурн

Именем Бога и именем ангела Ишбиля, который поставлен над Сатурном во всех деяньях холода и льда, — о владыка седьмой сферы, призываю тебя всеми твоими именами: на арабском — Зухал, на персидском — Кайван, на римском — Кронос, на греческом — Кронос, на индийском — Шанашара[3]! Именем владыки высочайшего чертога — исполни просьбу мою, услышь призыв мой и повинуйся мне покорно, как повинуешься ты Богу и его власти.

Юпитер

О Руфиджаил, ангел, поставленный над Юпитером, радостный и безмятежный, совершенный, не имеющий

1 Точнее говоря, под «римским» в нижеследующих заклинаниях подразумевается среднегреческий (византийский греческий) язык, а под «греческим» — диалект христианских общин в исламских странах.

2 Далее следуют отрывки из «Пикатрикса» (книга III, глава 7). Русский перевод выполнен по английскому переводу Дж. Стреттона-Кента. Полный перевод этих заклинаний и сопутствующих обрядов, выполненный по немецкому изданию Риттера и Мартина Плесснера, см. в издании *Магия семи планет. Антология*, т. 2. М.: Ганга, Телема, 2018, стр. 157—204.

3 Шанашара — искаженное «Шани», название Сатурна на санскрите. Остальные названия Сатурна на различных языках приведены в точности.

изъянов и полный благочестия, о господин прекрасных одежд, достоинства и мудрости, чуждый всякой нечистоты и злоречия! Призываю тебя всеми твоими именами: на арабском — Муштари, на персидском — Бирджис, на иранском — Хурмуз, на греческом — Зевс, на индийском — Вихасфати[1]! Во имя владыки высочайшего чертога, благодеяний и милостей — исполни для меня то-то и то-то!

Марс

О Рубиджаил, ангел, поставленный над Марсом, — о ты, неистовый, жестокосердный, пламенный, пылающий, отважный сердцем, проливающий кровь, разжигающий распри, воспламеняющий толпы, могучий мужеством, победитель и завоеватель, непостоянный, неистовый, властитель злодеяний и наказаний, побоев и плена, лжи, клеветы и злоречия, беспощадный, убийца, живущий отшельником, вооруженный, любитель соитий! Призываю тебя всеми твоими именами: на арабском — Миррих, на персидском — Бахрам, на римском — Арес, на греческом — Арес, на индийском — Ангара[2]. Молю тебя именем владыки высочайшего чертога: внемли слову моему и приклони свой слух к мольбе моей, ибо я желаю, чтобы ты исполнил для меня то-то и то-то, — во имя Рубиджаила, ангела, поставленного над твоими владениями.

Солнце (молитва на рассвете)

О Причина Причин, о ты, освященная от вечности[3] и благословенная бесконечной властью! Молю

1 Иранский — то же, что и персидский. Здесь приводятся два персидских имени, связанных с Юпитером: Хурмуз (искаженное «Ормузд», эллинизированная форма имени персидского бога Ахурамазды, ассоциировавшегося с планетой Юпитер) и Бирджис (название самой планеты). Имя на «римском» языке в этом списке отсутствует. Вихасфами — искаженное «Брихаспати», название Сатурна на санскрите. Остальные названия Юпитера на различных языках приведены в точности.

2 Латинское («римское») название Марса отождествлено здесь с греческим (Арес). Ангара — искаж. Ангарака («красноцветный»), одно из названий планеты Марс на санскрите. Остальные названия Марса на различных языках приведены в точности.

3 В арабском языке слово «солнце» женского рода, и в обращенной к нему молитве также используется женский род.

тебя (здесь следует вставить молитву об обретении милостей и почета от какого-либо конкретного властителя или «от всех царей земных»). Привет тебе, о несущая свет и жизнь всей вселенной! Услышь меня и даруй мне славу и благосклонность! Призываю тебя всеми твоими именами: на арабском — Шамш, на персидском — Михр, на римском — Гелиос, на индийском — Арас, Бара[1]; о свет и светоч мира, о средоточие всего сущего[2], о ты, дарующая жизнь этому миру рождений и смертей, и несущая ему процветание, о ты, стоящая на высотах, о ты, сущая на высочайшей из ступеней! (Далее следует просьба о ниспослании милостей.) ...ибо ты — госпожа и царица планет, от тебя принимающих и излучающих свой свет и сияние. Молю тебя, о правительница всего сущего, смилостивься надо мною и снизойди к моей молитве и просьбе моей!

Венера

Слава тебе, о Венера Анахид, счастливая владычица, прохладная, влажная, постоянная, чистая, прекрасная, благоуханная, щедрая и радостная, о ты, госпожа украшений и золота, веселья и танцев, радостного волнения, драгоценностей, песнопений и наслаждения звуками песен, игры на флейте и прекрасных мелодий, что родятся от движения струн, [госпожа] отдохновения, и дружеских шуток, и досуга, о ты, дружественная и принимающая, пробуждающая любовь, справедливая, ты, любящая вино и утехи, все радости и соития! Вот какова ты; и я призываю тебя всеми твоими именами: на арабском — Зухара, на персидском — Анахид, на римском — Афродита, на греческом — Тиджаниджа, на индийском — Сурфа[3]! Во имя владыки высочайшего

1 Происхождение имен, приведенных в качестве «индийских», неясно. Остальные названия Солнца на различных языках приведены в точности.

2 Это выражение не следует принимать за свидетельство гелиоцентрической картины мира: имеется в виду, что в геоцентрической системе Солнце находится в середине планетного ряда.

3 Имя «Тиджаниджа» отождествить с известными названиями Венеры не удалось, и происхождение его неясно; Сурфа — искаж. Шукра, индийское название планеты Венера. Остальные названия Венеры на различных языках приведены в точности.

чертога — услышь меня и наполни всех нас твоею любовью и радостью танца твоего! Во имя Битаила, ангела, поставленного над твоими владениями, — приди и наполняй нас во веки веков сладостным дыханием жизни твоей!

Меркурий (молитва при соединении Меркурия с Луной)

Слава тебе, о Меркурий, о господин, превосходный, верный, исполненный мудрости, говорливый, понятливый, искусный в спорах, сведущий во всех науках, о ты, математик и писец, любезный в повадках, знающий обо всем, что вершится на небесах и на земле; ты, властитель, ты, вельможа, ты, скромный в радостях, ты, приносящий прибыль в торговле и сделках, ты, покровитель хитростей, лжесвидетельств и коварства, ты, помощник, терпеливый, разумный, ловкий, господин откровений и пророков, доказательств Божьего бытия, [владыка] веры, понимания, речи, вестей, праведного учительства, различных наук, прозорливости, благоразумия, образования, философии, предсказаний, математики различных тел, небесных и земных, землемерия, астрономии, предзнаменований, жеребьевок, риторики, стихосложения, книг, царских советников, красноречия, речи сладостной, гладкой и изысканной, непроницаемости, проворства в делах, путешествий и перемены мест, обманов, изящества, стойкости, пользы, уступчивости, терпения, благоволения, доброты, сострадания, мира, достоинства, самообладания, благочестия, почтения к закону и прекрасного голоса.

Ты сокрыт, и потому никому не дано постичь твою природу; ты утончен, и потому определить тебя невозможно никаким описанием; со счастливыми звездами ты приносишь счастье, [с несчастливыми — несчастье]; с мужскими — мужчина, с женскими — женщина, с дневными звездами — дневной, с ночными — ночной; ты уподобляешься им всем по своей природе и влиянию. Вот каков ты; и я призываю тебя всеми твоими именами: на арабском — Утарид, на персидском — Тир, на римском — Харус, на

греческом — Гермес, на индийском — Будха[1]. Во имя владыки высочайшего чертога, во имя верховного властителя: услышь меня и повинуйся мне во всем, о чем я прошу тебя. <... > Во имя Харкила, ангела, поставленного над твоими владениями, — внемли молитве моей, услышь мою просьбу...

Луна (Месяц)

Слава тебе, о Месяц, господин счастливый и блаженный, прохладный и влажный, постоянный и прекрасный! Ты — ключ и глава всех звезд, подвижный, странствующий, владыка великого света и лучезарного сияния, радости, похвалы и награды, ты — счастливый государь, сведущий в законах веры, помышляющий о сущем, многознающий, утонченный, любящий музыку, шутки и игры, господин глашатаев, известий и разглашения тайн, ты — щедрый, благородный, милостивый и могучий! Сфера твоя — ближайшая к нам из всех [планетных сфер], а потому ты превыше прочих властен над добром и злом; ты связуешь планеты друг с другом, передавая их свет и обращая ко благу то, что было для нас вредоносно; если ты счастлив, то и все сущее в этом мире счастливо, если же ты несчастлив, то и все сущее несчастливо; ты — начало и конец всякой вещи, и тебе дано первенство и старшинство среди всех планет. Вот каков ты; именем Силиджаила, ангела, поставленного над твоими владениями, умоляю тебя: снизойди к смиренной просьбе моей и ради милости твоей исполни мое прошение; повинуйся мне так, как повинуешься ты Богу и Его владычеству, и даруй мне то, о чем я прошу тебя и чего от тебя желаю! Смотри, я призываю тебя всеми твоими именами: на арабском — Камар, на персидском — Мах, на греческом — Самаил, на римском — Селена, на индийском — Сума[2], внемли же мне!

---

1 Харус — искаженное «Гермес»; остальные названия Меркурия на различных языках приведены в точности.

2 Имя «Самаил» не имеет отношения к Луне; оно созвучно имени ангела Марса в другой системе соответствий, но записывается иначе. «Сума» — искаженное «Сома», название и божественное олицетворение Луны на санскрите. Остальные названия Луны на различных языках приведены в точности.

Аль-Истаматис[1]

«Аль-Истаматис» — это книга о семи духах планет. Знай, что у всякого планетного духа есть семь эманаций. Шесть из них повелевают направлениями в пространстве, седьмая же — орбитой и сферой планеты [которой соответствует этот дух]. Тот, кто знает их имена, может призвать любого планетного духа; от этих же духов и от их эманаций происходит все сущее.

Мастер должен превратить свое тело в достойный сосуд для планетного духа, облачившись в подобающие одеяния и совершая подобающие обряды. Знай и помни, что преуспеть в обряде можно лишь тогда, когда соблюдаешь правильные соответствия, и что всякий планетный дух способен дать тебе только то, что лежит в пределах его природы. Обряды планетных духов состоят из жертв и подношений вкупе с заклинаниями, и обо всем этом я поведаю тебе в свой черед. Нужно лишь принести жертву, прочесть заклинание и изложить свое желание, а после того как они [= планетные духи] примут ее [= жертву], съесть подношение, как [поедают] причастие. Тот, кто исполнит это, примет планетный дух в свое тело и получит все, чего желает.

	Сатурн	Юпитер	Марс	Солнце	Венера	Меркурий	Луна
Имя	Баримас (*Barimas*)	Дамахус (*Damahus*)	Дагдиджус (*Dagdijus*)	Бандалус (*Bandalus*)	Дидас (*Didas*)	Бархуджас (*Barhujas*)	Гарнус (*Garnus*)
Высота	Тус (*Tus*)	Дармас (*Darmas*)	Хагидис (*Hagidis*)	Дахимас (*Dahimas*)	Гилус (*Gilus*)	Амирас (*Amiras*)	Хадис (*Hadis*)
Глубина	Харус (*Harus*)	Матис (*Matis*)	Гидиджус (*Gidijus*)	Абадулас (*Abadulas*)	Хилус (*Hilus*)	Хитис (*Hitis*)	Маранус (*Maranus*)
Правая сторона	Каджус (*Qajus*)	Магис (*Magis*)	Маграс (*Magras*)	Дахифас (*Dahifas*)	Дамаджас (*Damajas*)	Сахис (*Sahis*)	Мальтас (*Maltas*)

1 «Китаб аль-Истаматис» (известен также под искаженным названием «Антимакис») — средневековый астролого-магический трактат, авторство которого приписывалось Аристотелю. Выдержки из этого трактата встречаются во многих главах «Пикатрикса»; при этом утверждается, что Аристотель написал его как учебник для Александра Македонского. Здесь приводятся сокращенные и отредактированные материалы из «Аль-Истаматис», содержащиеся в главе III.9 «Пикатрикса».

	Сатурн	Юпитер	Марс	Солнце	Венера	Меркурий	Луна
Левая сторона	Дарджус (*Darjus*)	Дарис (*Daris*)	Ардагус (*Ardagus*)	Атиафас (*Ati'afas*)	Аблимас (*Ablimas*)	Дарис (*Daris*)	Тимас (*Timas*)
Передняя сторона	Тамас (*Tamas*)	Тамис (*Tamis*)	Хандагиджус (*Handagijus*)	Маганамус (*Maganamus*)	Басальмус (*Basalmus*)	Хилис (*Hilis*)	Рабис (*Rabis*)
Задняя сторона	Дарус (*Darus*)	Фарус (*Farus*)	Махандас (*Mahandas*)	Гадис (*Gadis*)	Архус (*Arhus*)	Дахдис (*Dahdis*)	Миналус (*Minalus*)
Орбита	Тахитус (*Tahitus*)	Дахидас (*Dahidas*)	Дахидамас (*Dahidamas*)	Тахимарас (*Tahimaras*)	Дахтарис (*Dahtaris*)	Махудис (*Mahudis*)	Дагаджус (*Dagajus*)

Призывания

Сатурн. День Сатурна [= суббота], Солнце в Козероге, Луна в Стрельце. Поставь в открытом поле, под деревом, не дающим плодов, статую на железных ногах, одетую в зеленое, черное и красное. Возьми жертвенное животное — корову или теленка — и жаровню с благовонием из мозга черной кошки, [смешанного] с дикой рутой, миррой и можжевельником, и скажи:

> Баримас (*Barimas*), Тус (*Tus*), Харус (*Harus*), Каджус (*Qajus*), Гардиджус (*Gardijus*), Тамус (*Tamus*), Вариджус (*Warijus*), Тахит (Tahit), Васирах (*Wasirah*), Вамандуль (*Wamandul*), идите сюда, о духи, это подношение — для вас.

Затем проси, чего желаешь.

Юпитер. Солнце входит в Стрельца или в Рыбы, Луна в Голове Овна, день Юпитера [= четверг]. В чистое, красиво убранное святилище принеси подношения: влажные и сухие сласти (мед, сливочное масло, орехи, сахар) и лепешки из отборной муки, сливочного масла, молока, сахара и шафрана. Воскурение — мускус, камфора, алойное дерево, мастика (пригоршня).

Уложи лепешки в чашу для подношений слой за слоем, окружи их сластями и поверх всего этого поставь свечу. Вокруг чаши расставь четыре корзины с добрым хлебом, холодной курятиной, жареной бараниной и овощами, и с ними — четыре кувшина и кубки для вина, а между каждым кувшином и кубком — цветы; окури стол для приношений (который должен быть прочным и стоять в углу) алойным деревом, а комнату — мастикой. Повтори семь раз:

> Дахамус (*Dahamus*), Армас (*Armas*), Хилис (*Hilis*), Магас (*Magas*), Адрис (*Adris*), Тамис (*Tamis*), Фарус (*Farus*), Дахидас (*Dahidas*), Афравас (*Afrawas*), Ки-Акирас (*Ki-Aqiras*). Придите сюда все вместе, вдохните это сладкое благовоние и запах пищи и будьте довольны!

Отойди ненадолго и расположись на отдых. Затем пройди мимо [стола] шесть раз, обращаясь к ним с просьбой прийти в приятном обличье и облачении и исполнить твои желания. И так достигнешь, чего хочешь, и облечешься духом Юпитера. Затем позови учеников и вместе с ними съешь приношения и сожги благовония.

Марс. День Марса [= вторник], Солнце в Овне, Луна в Козероге. Выйди на открытый воздух, под плодовое дерево, взяв с собою жертвенное животное — барана или корову — и жаровню с миррой, дикой рутой и саркоколлой[1], корзину сластей и приятных угощений и кувшин вина. Скажи:

> Дагидус (*Dagidus*), Хагидус (*Hagidus*), Гидиджус (*Gidijus*), Магдас (*Magdas*), Ардагус (*Ardagus*), Хидагидис (*Hidagidis*), Махандас (*Mahandas*), Дахидамас (*Dahidamas*), эта жертва — для вас, возьмите ее и делайте с ней, что пожелаете.

Окури жертву и зарежь ее, извлеки и поджарь печень, а подношения разложи на столе, покрытом шкурой, и скажи:

> Это ваша жертва и ваше угощение; явитесь, вдохните запах и будьте довольны.

1 Саркоколла (араб. анзарут) — камедесмола персидского дерева или кустарника из рода Астрагал.

И придет на угощение красный дух, подобный пламени; когда же он соберется уходить, скажи о том, чего ты хочешь, а затем подойди к подношениям и съешь их.

Солнце. Солнце во Льве, Луна в [промежутке от] 15° до 19° Овна, день Солнца [= воскресенье]. Укрась святилище и поставь в середине его золотую статую, блестящую и начищенную, увенчанную рубинами и [другими] драгоценными камнями, облаченную в красные шелка и украшенную рубинами и золотом. Расставь в ряд блюда с добрым хлебом и сластями, влажными и сухими, кувшины с вином, жаровню с мускусом, камфарой и янтарем. Осыпь святилище лепестками цветов и поставь перед статуей большую свечу. Скажи:

> Бандалус (*Bandalus*), Дахимас (*Dahimas*), Абадулас (*Abadulas*), Дахифас (*Dahifas*), Ати-афас (*Ati-afas*), Маганус (*Maganus*), Гадис (*Gadis*), Тахимарис (*Tahimaris*).

Затем изложи свое желание и приступай к трапезе вместе со своими товарищами, когда же закончите и покинете святилище, ты получишь то, о чем просил.

Венера. Исполни это, когда Солнце будет в первых градусах Рыб, а Луна в Раке, в день Венеры [= пятницу]. Омойся и умасти себя благовониями. Затем приди под финиковую пальму или другое дерево, взяв с собою барана и жертвенный нож, и скажи:

> Дидас (*Didas*), Гилус (*Gilus*), Хамилус (*Hamilus*), Дамарис (*Damaris*), Тимас (*Timas*), Самлус (*Samlus*), Архус (*Arhus*), Хатарис (*Hataris*).

Попроси о том, чего ты хочешь. Будь при этом облачен в подобающие одежды и проси только о том, что свойственно природе Венеры.

Меркурий. В начале года, при Солнце в Козероге, поставь золотую жаровню на золотой пьедестал в каком-нибудь уединенном святилище. Соверши воскурение алойным деревом, миррой, фимиамом, дикой рутой и девясилом. Возьми золотое

блюдо, приведи семь коз и зарежь их на деревянной колоде, воскуряя благовоние и говоря так:

> Бархуджас (*Barhujas*), Амирас (*Amiras*), Хатис (*Hatis*), Сахис (*Sahis*), Дараджас (*Darajas*), Хатис (*Hatis*), Дахрис (*Dahris*), Магудис (*Magudis*).

Повтори это с каждым животным, затем освежуй коз и, очистившись, выложи их жир на блюдо. Закрой лицо так, чтобы видны были только глаза, и сложи козьи шкуры в горшок с уксусом. Возьми угощение и хлеб из лучшей муки. Положи их в корзины, повтори слова приветствия многократно и попроси, о чем желаешь.

Луна. Солнце входит в знак Рака, Луна в Овне, день Солнца [= воскресенье]. В солнечный день выйди в открытое поле, взяв с собою барана, жертвенный нож и хорошую древесину для костра. Как благовоние возьми ладан, миндаль, дикую руту, девясил, мирру и алойное дерево. Возьми угощение в корзинах, разожги большой костер и сядь. Это надо сделать у ручья или водопада, под деревом, растущим у воды.

Зарежь барана у костра, сказав так:

> Гаднус (*Gadnus*), Хадис (*Hadis*), Маранус (*Maranus*), Мальтас (*Maltas*), Тимас (*Timas*), Рабис (*Rabis*), Миналус (*Minalus*), Дагаджус (*Dagajus*), Гарнус (*Garnus*).

Подойди к костру, брось в него благовоние и произнеси призывание. Затем выжди время, не говоря ни слова, а затем окури жертву, сними с нее шкуру, отрежь голову и копыта, а мясо вместе с внутренностями зажарь и оставь вместе с корзинами угощения под деревом до утра следующего дня — дня Луны [понедельника]. Затем укрась дерево яркими лоскутами разного цвета, окури это все дымом благовония и скажи, чего ты желаешь, и твое желание исполнится.

Таковы призывания для праздничных дней планет из книги «Аль-Истаматис», написанной Аристотелем в назидание Александру.

Комментарий

В начале XVI века против Пьетро д'Абано (которому приписывалось авторство «Гептамерона») выдвинули обвинение в знакомстве с «Пикатриксом». Торндайк в своем классическом обзоре магической литературы отметил, что влияние «Пикатрикса» на «Гептамерон» неочевидно, а Стивен Скиннер в 1978 году, во введении к «Четвертой книге оккультной философии», заявил обратное. Но более явно и в конкретных подробностях это влияние прослеживается в «Книге чудесных опытов с перстнями сообразно двадцати восьми стоянкам Луны» — другом трактате, автором которого тоже считался д'Абано. «Гептамерон» схож с «Пикатриксом» концептуально, в первую очередь, сложной системой имен, которые используются при построении магического круга. Эти имена вполне сопоставимы с теми, что приводятся выше в материалах из книги «Аль-Истаматис», и не исключено, что здесь действительно не обошлось без влияния «Пикатрикса». С равной вероятностью «Пикатрикс» мог послужить источником вдохновения и для трактата Джона Ди «Мистическая гептархия» — непосредственного предшественника, если не первоосновы, всей енохианской магии. «Мистическая гептархия» тоже содержит сложные ряды имен: по семь для каждой из семи планет. Более того, в книге «Аль-Истматис» эти имена соотносятся с различными положениями на сфере, и схожим образом распределяются имена планет в обеих позднейших системах («Гептамероне» и «Мистической гептархии»).

Операции Луны в двенадцати знаках зодиака[1]

Среди курдских и абиссинских магов бытует учение о том, что Луна передает на Землю силы планет. Поэтому в своих операциях они обращаются к Луне в различных зодиакальных знаках, принося ей жертвы и вознося молитвы. Мы уже поведали о том, как проводятся обряды у других народов, но в

1 В этом разделе приводится отрывок из «Пикатрикса» (книга IV, глава 2). Русский перевод выполнен по английскому переводу Дж. Стреттона-Кента.

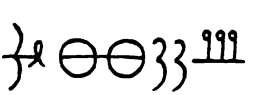
замысел наш входит собрать все примеры Искусства, записанные на арабском языке. Ибо сказано: когда мудрость соединяется в работе с прирожденным даром, они подобны семенам, брошенным в плодородную землю. Но нелегко придется Мудрости, если не вооружить ее совершенным разумением.

Овен

Эту молитву Луне можно возносить и в полнолуние, и когда Луна идет на убыль, и когда она соединяется с Солнцем. Чтобы привлечь ее силы, когда она пребывает в знаке Овна, проведи с Луною ночь, пока она движется по небу. Подобающее место для этого — зеленая и плодородная земля в таком месте, где река или канал течет на восток. В жертву надлежит принести белого петуха и сделать это костяным ножом, чтобы железо его не коснулось. Встань лицом к Луне между двумя железными жаровнями, разожги в них огонь и скажи:

> О ты, светоносный, лучезарный и великолепный Месяц, рассекающий тьму своим величавым светом, озаряющий блистательным сиянием весь окоем! Я пришел к тебе, смиренно желая того-то и того-то.

Взяв одну из жаровен, пройди на десять шагов вперед и повтори эту молитву, бросив на угли четыре меры стиракса. Начерти знаки на листе цветной капусты пеплом, смешанным с толикой шафрана. Когда сожжешь этот лист, тебе предстанет образ в прекрасных одеждах, лучащийся светом. Повтори свою просьбу еще раз — и тут наконец она исполнится. Исполнять этот обряд можно сколь угодно часто, а знаки, которые надлежит начертать, таковы:



Телец

Чтобы привлечь силу Луны в Тельце. Знай, что для Луны в каждом знаке есть своя особая операция, и вот что совершают, когда Луна находится в Тельце. Место, жертва и

молитва — те же, что и прежде. Одежды цвета граната, и на голове должна быть шапка. Нагрей воду на огне костра, сложенного из древесины грецкого ореха, и правой рукой омой себе лицо и подмышки. Смотри, чтобы шапка не слетела с головы, когда будешь омывать ноги! Принеси с собою новый коврик, по которому никто еще не ходил, с бахромой и в полоску, красную с зеленым. Прыгни на этот коврик, пади ниц и повтори следующие слова двенадцать раз:

> Рабкар, Рабкар, Икам, Икам, Такфур, Такфур (*Rabqar, Rabqar, Iqam, Iqam, Taqfur, Taqfur*).

Встань и ороси себя слезами раскаяния. Вернись к сосуду с водой и повтори омовение, как сказано выше. Зарежь жертву и сожги ее, читая молитву и окуривая все вокруг ладаном и мастикой, и явится тебе образ, чтобы исполнить твое желание. Один маг, сведущий в этом искусстве, рассказал мне о своем друге, которого преследовали несчастья, ибо на асценденте у него был Сатурн, правящий злой судьбой. Маг научил его этой операции, и тот человек увидел образ, который привел его в некое место и велел копать; и он нашел великое сокровище и превратился из бедняка в богача.

Близнецы

Приди на высокое место, защищенное от ветра. В жертву надлежит принести гончую собаку, а для воскурения взять ладан. Понадобятся также медная трубка длиною в три локтя и медная жаровня. Разожги огонь в жаровне и брось в него полмеры стиракса, а дым при помощи трубки направь в сторону лунного диска. Затем брось в огонь полмеры ладана и столько же янтаря. Встань напротив жаровни и жезлом начерти такой круг, чтобы радиус его был равен длине жезла. Возьми семь горстей бобовой соломы и разложи их по кругу в семи местах. Раздели между ними свои приношения и подожги их, перенеся огонь в трубке, а затем встань между ними и скажи:

> О ты, светоносный Месяц! Могущественна сила твоя, возвышено место твое, чин твой высок! Ты

правишь всем миром. Прошу тебя, соверши для меня духовной силой своею то-то и то-то!

Затем пади на землю и поклонись, повторив двадцать раз:

Хирут Хирут Гарут Гарут (*Hirut Hirut Garut Garut*).

Затем подними голову и увидишь перед собою образ; обратись к нему со своей просьбой, и он ответит тебе и исполнит желаемое.

Рак

Проводи эту операцию в высоком месте, устроив там подобие комнаты с алтарем, откуда будет видно далеко во все стороны. Посмотри направо и налево, вперед и назад. Возьми жаворонка или голубя, зарежь его, возьми четыре пера из его правого крыла, и столько же из левого, и столько же из хвоста; перья эти срежь, а остальное сожги. Возьми те перья и добавь к ним две меры мякоти горькой тыквы и четыре меры стиракса, и завяжи все это в льняную тряпицу. Затем возьми две меры корня ириса, смешай их с пеплом от сожженной жертвы и замеси с настоем кирказона, и этой смесью нарисуй изображение мужа верхом на льве. Встань перед изображением и, оку ривая его, скажи:

О ты, Месяц, исполненный светом, великий красотою своей и возвышенный! Возношу к тебе мои желания, шлю на высоты твои мою мольбу!

Начерти на земле крест и помести изображение в центре Напиши на нем имя особы, любви которой ты желаешь добиться. Повтори молитву и пади на землю ниц. Затем подними голову, помести изображение в сосуд с мерою уксуса и растворі его там, и добавь гран мускуса, четверть меры янтаря, четыре [меры] сукка[1] и половину большой меры муки люпина

1 Сукк — составное ароматическое вещество, использовавшееся в кулинарии, в качестве духов и афродизиака, а также в лечебных целях. Основу его составлял т.наз. рамак — черное вещество, которое изготавливали из чернильных орешков и свежих фиников.

Кипяти, пока отвар не сгустится. Сделай из него лепешки весом в четверть меры каждая. [Под «мерой» подразумевается дирхем, под «большой мерой» — ритль.[1]] Оставь их под лучами Луны на семь ночей, а затем забери. С этими лепешками ты достигнешь всего, чего желаешь, если используешь их как курение, пожелав добиться любви от мужчины или женщины. Знаток этого искусства использовал его в месте, кишевшем львами, змеями и скорпионами, и вышел оттуда невредимым.

Лев

Возьми семь жаровен, принеси их в такое место, где нет построек, и расставь жаровни крестом, чтобы между любыми двумя соседними было расстояние в локоть. Повернись лицом к луне и положи между каждыми двумя жаровнями гусиное яйцо, помеченное так: ⟩ʟʟᗅ⇒. Возьми толстый бронзовый гвоздь длиною в три пяди и держи его в правой руке; при том на тебе должны быть одежды из желтой шерсти и желтый тюрбан. Зарежь белого петуха в центре креста и раздели его между семью жаровнями; и окропи каждую жаровню и каждое яйцо каплей его крови. Затем возьми то яйцо, что лежит между двумя жаровнями прямо перед тобой, и положи его перед собою. Вбей в него гвоздь, окуривая яйцо ладаном и желтым сандалом, и повтори шесть раз: «Андаб, Андаб (*Andab, Andab*)». И появится перед тобою господин, и ты сможешь попросить его, о чем желаешь, и это исполнится. Не пугайся, когда он явится.

Дева

Возьми тридцать белых скворцов, убей их и вари, пока не выпадут перья. Посоли их в меру и достань из воды. Это следует сделать за тридцать дней до того, как Луна войдет в Деву [sic!]; и съедай по одному скворцу каждый день, окурив его вначале четвертью меры шафрана, а после не ешь ничего, пока не пройдет шесть часов. Делай это каждый день и смотри не пей вина в эти дни! Когда исполнишь все это, омойся в реке, текущей на восток, возьми бутыль с половиною большой меры воды, которую ты должен был набрать при Солнце в 3° Рыб и

1 Арабские меры веса: дирхем — около 3,2 г, ритль — около 500 г.

Луне в 7° Водолея и закупорить дегтем-сырцом. Затем приди на просторное и пустое место и поставь перед собою жаровню с унцией мастики, и скажи:

> О Месяц! Прекрасен твой облик, велик твой дар, величествен свет твой! О ты, светом своим озаряющий тьму и услаждающий душу! Ты, возвеселяющий душу радостным светом своим! Тебе вверяюсь я и тебе доверяю свое желание, такое-то и такое-то.

Затем возьми бутыль в левую руку, произнеси имена «Афут-Афут (*Afut-Afut*)» и начинай копать в земле правой рукой, повторяя имена, пока не выроешь яму глубиною в локоть. Положи бутыль в яму горлышком к южной стене ямы, брось на нее пригоршню земли и повтори имена. Затем нарисуй золотым гвоздем на свинцовой пластинке образ прекрасного человека и закопай его в той яме; когда исполнишь это, твое желание сбудется.

Весы

Подпояшься поясом, сплетенным из тростника, стоявшего корнями в воде, и ступай к реке, текущей на восток, взяв с собою жертву. Река должна течь между тобою и Луной, так чтобы ты смотрел на Луну через воду. И держи в руке медный лук, изготовленный при попятной Венере в Тельце и Меркурии в Овне. Пять раз обратись лицом к Луне, держа в руке лук и делая шаг вперед, а затем отступая. Затем брось лук в реку и скажи:

> О великолепный, прекрасный Месяц, я бросил это здесь для тебя, и во власти твоей привести мою просьбу к исполнению и надежду мою к цели.

Затем разведи костер из древесины олеандра и сожги на ним стиракс. Затем обеги костер по кругу, задержав дыхание, а когда сделаешь выдох, остановись, начерти на земле линию в сторону костра и напиши на ней: «Ганити Ганити (Ganiti Ganiti)». Затем возьми землю, на которой ты это написал, смешай ее с равным количеством глины и замеси на стоячей воде, и вылепи

из этого два образа — свой собственный и той особы, которую ты любишь. Твои любовные чары возымеют действие немедленно, как только два эти образа соединятся в объятии.

Скорпион

Приди в место, заросшее кустарником, но соседствующее с царством воды. Вырежи на земле квадрат и посыпь его листьями ореха и айвы вперемешку с камышом, и окропи все это розовой водой. Возьми семь серебряных жаровен со смесью свежего алойного дерева, стиракса и ладана и поставь их перед собою. Затем облачись в белые одежды безо всякой отделки и карманов. Возьми две лохани с водой и небольшой кувшинчик и перелей один кувшинчик воды из лохани, стоящей перед тобою, в ту, что стоит позади, а затем обратно. Затем принеси подношение — что-нибудь, что подвластно [Скорпиону], и пади на землю ниц четыре раза, всякий раз произнося: «Сарафиха Сарафиха (*Sarafiha Sarafiha*)». Сядь и сожги в жаровнях еще алойного дерева со стираксом и ладаном, а затем еще четыре раза пади ниц. И увидишь прекрасный образ, к которому тебе и надлежит обратиться с просьбами. И все, чего ты желаешь, исполнится.

Стрелец

Это обряд непростой, ибо он сочетает в себе сооружение святилища с изготовлением талисмана для поиска сокровищ. Приступай к нему, когда Меркурий будет в 4° Рака; возьми десять ритлей желтой меди и сделай из них пять змей, пока Меркурий остается в градусах того же знака. Когда они будут готовы, ступай к чистой реке, отведи от нее канал, раздели его на пять рукавов и в каждый положи по змее; размести их таким образом, чтобы вода вливалась в хвост и вытекала из пасти. Возьми пять бурдюков и приставь их к пастям, а через час убери бурдюки, чтобы на протяжении следующего часа вода вытекала из пастей на землю. И продолжай так, чередуя по одному часу, пока бурдюки не наполнятся. Тогда отнеси всё на двадцать локтей от реки, положи бурдюки на землю, проткни каждый гвоздем и выкопай ямку, куда будет вытекать вода. Пока вода вытекает, стой рядом и положи около каждого бурдюка по змее.

Затем быстро ступай к реке и посмотри на Луну в ней. Возьми отражение Луны и быстро ступай и вылей его на все бурдюки и змей. У головы каждой змеи поставь серебряную жаровню и сожги в каждой алойное дерево, нард и янтарь, пока те не прогорят. Затем положи змей в бурдюки и закопай их в землю. Затем встань на том месте, зарежь жертву и пади на землю ниц пятнадцать раз, и каждый раз, как будешь поднимать голову, говори: «Харкум Харкум (*Harqum Harqum*)». И увидишь величественный образ, который исполнит твои желания и отнесет тебя, куда захочешь, на восток или на запад земли.

У меня есть друг, который исполнил операцию этого знака, и к нему пришел некто такой, кто сведущ в талисманах и знает, где спрятаны клады, и может отвести туда человека за руку. И этот образ сказал ему: «Посмотри себе под ноги и найдешь там железный ключ. И возьми этого слона и иди с ним, куда захочешь; и где ключ упадет на землю, там спрятан клад. И он отошел со слоном лишь на четыре локтя, как тот ключ упал на землю. И там нашел он вход в подземелье, и когда вошел туда, попал в огромную пещеру, где стоял сундук, полный золота, серебра и гиацинтов. Из этих великих сокровищ он взял, сколько смог унести, а после возвращался туда всякий раз, как испытывал в чем-то нужду.

Козерог

При Солнце в Раке построй дом на двух человек — маленький, невеликий. В течение семи дней каждый день выставляй [в нем] свежие цветы и убирай старые. Каждый день окуривай [дом] ладаном и алойным деревом. Когда пройдут семь дней, войди в дом, облачившись в красивые красные одежды (а дом этот должен запираться так, чтобы тебя в нем никто не потревожил). Скажи:

> Хаджавам, Хаджавам, Хаджавам, Балгар, Балгар, Накарав, Накарав (Hajawam Hajawam Hajawam Balgar Balgar Naqaraw Naqaraw).

Затем выйди из дома и обойди его кругом семьдесят раз. Затем положи в серебряную курильницу две унции алойного дерева и окури дом. Затем снова выйди и обойди дом еще

семьдесят раз, затем возьми свой подарок, и когда снова войдешь в дом, увидишь, что в нем сидит дух. Скажи:

> Ради Месяца блистающего, красивого и прекрасного, приготовься говорить со мною!

Повтори это трижды, и дух сможет говорить с тобой. Попроси его о том, чего желаешь, и он исполнит твою просьбу. Этот способ пригоден для любовных дел и удачи в любви. Один человек, который им воспользовался, рассказал мне такую историю: однажды он продал невольницу, но вскоре пожалел о том и возжелал ее с великой страстью и вожделением. Разными уловками он пытался увести ее у нового хозяина, но все было напрасно. И тогда он проделал эту магическую операцию, и между девушкой и ее хозяином возникло отвращение, которое тот человек сумел обернуть себе на пользу и не только вернул себе девушку, но и получил прибыль от сделки.

Однако все вышеназванные условия необходимо исполнить в точности, не пренебрегая ни одним из них и ничего не пропуская. Кроме того, нельзя касаться света Луны, когда ты нечист. Один человек, не знавший о том, попытался привлечь силу Луны, но отклонился от предписанных правил и обратился с неподобающей просьбой. Просьба его не исполнилась, и человек продолжал молиться каждую ночь. Наконец, пришел дух и запечатал ему уста. И человека того поразил страх, терзавший его сорок дней, и все над ним насмехались.

Водолей

Знай, что все правила этих операций необходимо соблюдать в точности, если ты хочешь добиться желаемого. Иначе вся твоя работа будет напрасной, и жизнь твоя расточится в бесплодных играх. Многие из тех, кто отклонялись от предписанного, получали грозные знамения, слишком странные и чудесные, чтобы описать их здесь подробно. Простое правило, которое поможет тебе уберечься, гласит, что отважиться на подобные операции может только сильный духом и благородный сутью. Так, он [= автор книги, из которой заимствованы эти предписания] говорит: «Однажды я, самому себе на удивление, шел по водам Красного моря. И увидел там другого человека,

шедшего быстрее, чем я. И я окликнул того человека, но не получил ответа. Тогда я пошел за ним и догнал его, и человек тот спросил, чего я хочу; и я спросил его о том, что хотел узнать, а он сказал мне такое, чего я не узнал бы сам даже за сотню лет и более, и велел мне вознести благодарность Луне. Сказал же он мне, что в нем есть нечто такое, от чего вода не может ему повредить. И я спросил, что же это такое. А он велел мне набрать пригоршню воды и плеснуть себе на ноги, и станет она как огонь, отталкивающий воду от моих ног. И, сказав так, быстро пошел прочь по воде и уже было скрылся из виду, но затем появился вновь и сказал, что может совершить то же самое и на суше. Я спросил его, что это за магия, и он ответил: "Это магия Саргатума, слуги Луны, когда та находится в знаке Водолея. Помолись же Луне в Водолее и возьми головы трех гусаков, и вари их в старом вине, пока они не развалятся на куски. И когда Луна будет в знаке Рака, истолки их в железной или свинцовой ступе, пока они не превратятся в пасту. Добавь полритля корицы, две унции сандалового дерева, полритля стиракса, четверть ритля ладана и трагантовую камедь. Замеси все это на вине, в котором варились головы. Сделай сорок лепешек и поджарь их на железной сковороде, чтобы они высохли. Затем в лунную ночь, когда Луна будет в Водолее, отнеси их в поле и сожги там на пятнадцати жаровнях — медных, серебряных и, если возможно, золотых, положив в каждую жаровню по одной лепешке. Затем принеси туда подарок. Когда пойдет дым, ты сей же миг увидишь некий образ, который быстро появится, но вскоре исчезнет. Брось три лепешки в ту жаровню, над которой появился образ, и повтори десять раз: 'Хантар Асрак Хантар Асрак' (*Hantar Asrak Hantar Asrak*)'. И тогда он придет к тебе и сообщит нечто полезное".

Рыбы

Выжми сок из цветной капусты и возьми ритль этого сока; добавь сок латука (пятую часть ритля) и немного сока из корня аронника. Выжми все это и смешай, когда Солнце будет в Деве, а Меркурий в прямом движении. Возьми непременно мраморную ступку, смешай четыре дирхема мастики, два — янтаря, два — камфары, затем добавь одну унцию мускуса и десять дирхемов саркоколлы; и когда истолчешь все это в порошок,

добавь полритля крови молодого оленя, зарезанного ножом из желтой меди. Смешав это все, перелей в стеклянный сосуд, а затем приди в такое место, где бьет источник или родник, и положи стеклянный сосуд у воды. Возьми жаровню с углями, подготовленную заранее, и поставь ее на камень в центре источника, чтобы вода омочила ее стенки, и разожги в ней огонь. Когда огонь разгорится, откупорь сосуд и плесни немного смеси из него на угли, и здесь принеси ему [= Месяцу, т. е. Луне] жертву, и дым от нее приведет к тебе слугу Луны в этом знаке зодиака. Изложи ему свою просьбу, и он исполнит твои желания.

Касательно всех этих операций знай, что на каждую их подробность имеется своя причина; и причины эти были известны в старину, хотя смысл их за давностью лет позабылся.

Комментарий к операциям Луны

> *Теперь пристало сказать о часах и временах явлениях духов. Лучшие маги приноровляются к часам астрологическим, особливо часам Сатурна, Луны и Венеры, к растущей Луне и к середине ночи или же к полудню, сиречь двенадцатому часу дня. В те же самые часы они мастерят себе облачения и головные уборы, подсвечники, изваяния, ламены, пентакли и круги для заклинания духов. Что до времен, сообразных их [= духов] преисподним путям, то наипригоднейшими полагают те [времена], когда они [= духи] восстают во гневе или же поникают в отчаянии, но сие есть тайна для ученых заклинателей Европы.*
>
> — *«Рассуждение о демонах и духах»*[1]

Астрологические предписания «Пикатрикса» зачастую слишком сложны для новичка, и дать им исчерпывающее

1 «Рассуждение о демонах и духах» — английский гримуар, впервые опубликованный в 1665 году в приложении к переизданию книги Реджинальда Скота «Открытие колдовства».

объяснение в этой книге невозможно. Иногда они подразумевают творческий и очень вольный подход к традиционным правилам астрологии, идущий вразрез с общими советами, которые дает, например, Агриппа, не говоря уже об упрощенных методах современной астрологической практики. Например, для операции Весов требуется медный лук, изготовленный при ретроградной Венере в Тельце и Меркурии в Овне. При этом в большинстве источников советуют избегать ретроградных планет, а Меркурий не обладает в Овне никакими достоинствами. В следующей главе, посвященной стоянкам Луны, встречается исключение из правила, предписывающего избегать сожженных планет: утверждается, что для вредоносных операций они, напротив, полезны. Еще одно исключение обнаруживается в указаниях по изготовлению астрологического талисмана в латинском переводе «Пикатрикса»: образ, наводящий проклятие, рекомендуют изготовить при управителе асцендента в падающем знаке (традиционно такое положение считается слабым). Затем этот образ следует закопать в землю на перекрестке дорог при Луне, идущей по «сожженному пути». Первоначально «сожженным путем» (*via combusta*) назывался участок зодиака между 19° Весов и 3° Скорпиона (эти знаки противоположны Овну и Тельцу — знакам экзальтации Солнца и Луны). Впоследствии границы были изменены удобства ради: начало и конец «сожженного пути» привязали к 15° Весов и Скорпиона соответственно. Этот участок считается неблагоприятным, и во многих случаях это действительно так — но, очевидно, не во всех. Астролог-маг, подобно гаитянскому бокору, может стрелять с обеих рук.

Венера становится ретроградной время от времени, с определенными промежутками. Это часть ее цикла, такая же регулярная, как и чередование режимов ее видимости на небе — явлений Венеры в роли Вечерней и Утренней звезды. Различные модусы движения планеты — директный, ретроградный и стационарный — придают ей особые качества, но эту тему читатель при желании может исследовать самостоятельно.

В следующей таблице сведены два перечня из греко-египетских магических папирусов, распределяющие магические операции между положениями Луны в разных знаках. Во многих отношениях они отличаются от вышеописанных обрядов, но общий подход остается неизменным. Любопытно, что в обоих

перечнях Луна в Деве признается благоприятной для магии любого рода; возможно, это связано с особым статусом звезды Спика.

Операции лунной магии из греко-египетских магических папирусов

Знак зодиака, в котором находится Луна	Магические операции из PGM VII.284	Магические операции из PGM III.275
Дева	Любые магические операции	Любые магические операции; гадание на лохани с водой по любым вопросам
Весы	Некромантия	Инвокации, операции освобождения, некромантия
Скорпион	Вредоносная магия	…
Стрелец	Инвокации и заклинания, обращенные к Солнцу и Луне	Заключение торговых сделок
Козерог	Заклинания, способствующие наилучшему исполнению любого желания	Любые необходимые операции
Водолей	Любовная магия	…
Рыбы	Операции для предвидения будущего	Любовная магия
Овен	Гадание на огне, любовная магия	
Телец	Заклинание светильника	
Близнецы	Заклинания, помогающие добиться благосклонности	Связывающая магия
Рак	Изготовление филактерий	Магия примирения, гадание по воздуху
Лев	Изготовление перстней, связывающая магия	…

Джейк Стреттон-Кент

Талисманы и операции лунных стоянок[1]

Чтобы провести обряд для изготовления талисмана, надобно знать, какое созвездие ему соответствует. Потому в этой главе я опишу природу операций, сообразных различным стоянкам Луны. Изготовитель талисмана должен знать эфемериды и созвездия и иметь твердую уверенность в том, что он делает, иначе все его труды пойдут прахом.

Разумная душа соединяется и согласуется с мировой душой посредством воли. Благодаря тому и исполняются наши операции. Знание звезд и планет — начало этого соединения и самого искусства талисманов. Для нижеследующих операций надобно знать положение Луны в ее стоянках, поэтому я поведаю о природе стоянок согласно мнению индийцев, дабы ты, узнав ее местоположение и свойства, смог воспользоваться искусством талисманов по всем правилам.

1. Первая стоянка — Аш-Шаратан, от начала Овна до 12°51'26" Овна. [При Луне] в этой стоянке можно совершать путешествия; хороша она и для [очищения тела при помощи] слабительных. Талисманы для безопасных путешествий и для того чтобы заключить или восстановить брак или дружбу, если в том есть нужда. Также для того чтобы вернуть беглого раба или помочь ему и для того чтобы разрушить союз. При благотворных операциях смотри на злые планеты и на планеты, сожженные Солнцем, и выбирай такое время, когда они не повредят делу. Однако для вредоносных операций сожжение бывает даже полезным.

2. Аль-Бутан, от 12°51'26" до 25°42'52" Овна. [Эта стоянка] хороша для рытья каналов, поиска источников и тому подобного, а также для нахождения потерянных вещей и для сокрытия и нахождения кладов. Талисманы для лучшей всхожести посевов, а также для побега невольников, для захвата узников и для предания их на муки.

3. Ат-Турайя, от 25°42'52" Овна до 8°34'18" Тельца. Талисманы для терпящих бедствие и нуждающихся в освобождении. Также для разрушения дружбы и освобождения пленников от

1 В этом разделе приводится отрывок из «Пикатрикса» (часть I, глава 4). Русский перевод выполнен по английскому переводу Дж. Стреттона-Кента (содержащему множество расхождений с арабским оригиналом).

оков. А также для успеха в алхимических операциях и на охоте, для супружеской любви, для причинения вреда скоту и рабам и для разорения их хозяев.

4. Аль-Дабарах, от 8°34'18" до 21°25'44" Тельца. Талисманы для разрушения башен или, напротив, для того чтобы придать постройкам прочность. Также для урожая и невольников — чтобы их уничтожить или, напротив, сохранить. Также для охлаждения между супругами. А также для поиска источников, сокровищ или иных вещей, зарытых в землю. [Эта стоянка] вызывает вражду и изгоняет змей и прочих злобных тварей.

5. Аль-Хака, от 21°25'44" Тельца до 4°17'10" Близнецов. Для преподавания и наставления, для преуспеяния в наставничестве, для изучения законов веры и различных ремесел. Для сохранения построек и для разрушения союзов. Для лада и согласия в браке, когда Луна и асцендент находятся в человеческом знаке и имеют хорошие аспекты. К человеческим относят знаки Близнецов, Девы, Весов, Стрельца и Водолея.

6. Аль-Хана, от 4°17'10" до 17°18'36" Близнецов. Для уничтожения городов и преследования врагов. Чтобы покарать государя и обрушить бедствия на врага. Чтобы уничтожить урожай и запасы. Также для устроения дружеских связей и для удачи на охоте, а также для того чтобы воспрепятствовать действию лекарства.

7. Аль-Дира, от 17°18'36" Близнецов до конца этого знака. Для преуспеяния в торговле, роста посевов и укрепления дружбы. Чтобы подчинить мух и тому подобных паразитов и изгнать из какого-либо места. Алхимическая операция, проведенная при Луне в этой стоянке, не увенчается успехом и потребует повторения. Талисманы для сильных мира сего и приносящие их благосклонность. Также для побега невольников, для опустошения домов, истощения запасов и расточения имущества.

8. Аль-Натра, от 0° до 12°51'26" Рака. Чтобы обрести любовь и дружбу, когда их нет. Для охраны путников и сохранения дружбы. Также для удержания узников и для озлобления невольников. А также для изгнания мышей и клопов.

9. Ат-Тарфас, от 12°51'26" до 25°42'52" Рака. Для уничтожения посевов, земли и путников. Чтобы разрушить дружбу или воспрепятствовать судебному разбирательству.

10. Аль-Габба, от 25°42'52" Рака до 8°34'18" Льва. Талисманы для сохранения брака, чтобы изумить и смутить врага, для

наложения оков на узников, для придания прочности постройкам и чтобы добиться согласия с другими людьми ко взаимной выгоде.

11. Аз-Зубра, от 8°34'18" до 21°25'44" Льва. [При Луне в этой стоянке] делают талисманы для освобождения узников и пленных, для осады городов, для прибыльной торговли, для благополучия путников, для укрепления построек и деловых связей.

12. Ас-Сафра, от 21°25'44" Льва до 4°17'10" Девы. [При Луне в этой стоянке] делают талисманы для благополучия посевов и посадок и для уничтожения имущества других людей. А также талисманы для разрушения кораблей, для успеха в алхимии и для того чтобы удержать невольников в повиновении.

13. Аль-Айва, от 4°17'10" до 17°18'36" Девы. [При Луне в этой стоянке] делают талисманы для процветания в торговых делах и для хорошего урожая. Для благополучия путников, для заключения брака, для освобождения узников, для заключения союза с государями и сильными мира сего.

14. Ас-Симак, от 17°18'36" Девы до конца этого знака. Талисманы для сохранения любви между супругами и для излечения больных. Также для причинения вреда посевам и урожаю, для уничтожения денежных вкладов и для того чтобы путник попал в беду на дороге. Для благоденствия государей, удачи в морском путешествии и согласия между товарищами.

15. Аль-Гафр, от 0° до 12°51'26" Весов. Талисманы для рытья колодцев и поиска подземных кладов. Чтобы создать препятствия путнику, разлучить супругов и посеять вражду между друзьями. Чтобы изгнать врагов и лишить их места, которое они занимают. Для уничтожения жилых домов и прочих построек.

16. Аз-Забана, от 12°51'26" до 25°42'52" Весов. Талисманы для расторжения торговых сделок, для уничтожения посевов и урожая. Чтобы разлучить друзей или супругов. Также для того чтобы наказать женщину, твою жену. Талисманы, чтобы посеять разлад между товарищами или между друзьями, отправившимися в путешествие, а также для освобождения узников.

17. Аль-Иклиль, от 25°42'52" Весов до 8°34'18" Скорпиона. Талисманы для благоденствия и здоровья домашнего скота. Для осады городов и для защиты построек. Для благополучного путешествия по морю. Для примирения друзей. [Эта стоянка] особенно благоприятна для дружбы.

18. Аль-Кальб, от 8°34'18" до 21°25'44" Скорпиона. Талисманы, помогающие государям вознести знамена над покоренными землями твоих врагов. Талисманы для укрепления построек. Тот, кто возьмет себе жену при Марсе в этой стоянке, скоро оставит ее вдовой, так что этой стоянки лучше избегать. Талисманы для побега невольников, для процветания растений и для безопасности моряков, а также для того чтобы посеять раздор между товарищами.

19. Аш-Шаула, от 21°25'44" Скорпиона до 4°17'10" Стрельца. Талисманы, чтобы осадить город, разгромить врагов и отнять у них все, что ты пожелаешь. Чтобы лишить человека его имущества, чтобы разлучить людей и посеять между ними раздор. Талисманы для благополучия в дороге, для богатого урожая и для побега невольников, чтобы потопить корабль или вызвать кораблекрушение, чтобы рассорить товарищей, а также для побега узников и пленников.

20. Аль-Нааим, от 4°17'10" до 17°18'36" Стрельца. Талисманы для укрощения больших и опасных животных. Для быстрого завершения и сокращения путешествий; чтобы заставить человека прийти к тебе; для дружбы. А также для того чтобы усугубить несчастья пленников и разрушить добрую дружбу между товарищами.

21. Аль-Бальда, от 17°18'36" до 30° Стрельца. Талисманы для строительства прочных домов, для благоденствия посевов, а также талисманы для тягловых и ездовых животных и прочего домашнего скота. Чтобы сохранить имущество знатных людей; для безопасных путешествий; чтобы разлучить женщину с ее супругом и не дать им воссоединиться.

22. Сад-ад-Дабих, от 0° до 12°51'26" Козерога. Талисманы, помогающие излечить больного. Талисманы, чтобы разлучить супругов или добиться связи с замужней женщиной, которую ты пожелаешь. Талисманы, помогающие рабу бежать от хозяина и благополучно покинуть страну.

23. Сад-Була, от 12°51'26" до 25°42'52" Козерога. [При Луне в этой стоянке] делают талисманы для врачевания болезней, для уничтожения имущества, для разлучения супругов, а также для освобождения или отпущения пленных.

24. Сад-ас-Сууд, от 25°42'52" Козерога до 8°34'18" Водолея. [При Луне в этой стоянке] делают талисманы для процветания торговли и соединения супругов. Талисманы для победы

войска или военного отряда. И, с другой стороны, для разлада между товарищами и для освобождения пленных. Алхимические операции при Луне в этой стоянке не увенчаются успехом.

25. Сад-аль-Ахбия, от 8°34'18" до 21°25'44" Водолея. Талисманы для осады городов. Талисманы для причинения ущерба врагам, для победы над ними и для того чтобы посеять между ними вражду. Чтобы обеспечить успех посыльным и лазутчикам. Для разлучения супругов и уничтожения растений. Операции для наложения уз на половые и прочие органы, а также для удержания пленников ([при Луне] в этой стоянке легко удерживать пленников). Талисманы для закладки фундамента и для безопасного и прочного строительства.

26. Аль-Фарк Аль-Мугаддам, от 21°25'44" Водолея до 4°17'10" Рыб. [При Луне в этой стоянке] делают всевозможные талисманы для добрых целей и для того чтобы соединить души в любви, чтобы путник обрел то, что ищет, и для удачных путешествий по морю, [а также для того чтобы] посеять раздор между товарищами и для того, чтобы сковать и удержать узника.

27. Аль-Фарк Аль-Муахр, от 4°17'10" до 17°18'36" Рыб. Талисманы для прибыльной торговли и богатого урожая. Для быстрого выздоровления, а также для того чтобы разорить богатого человека, посеять раздор между супругами и продлить заточение узников и негодных рабов.

28. Ар-Риса, от 17°18'36" до 30° Рыб. [При Луне в этой стоянке] составляют талисманы для прибыльной торговли и роста посевов, для исцеления от болезней, чтобы причинить кому-либо убыток, для безопасных путешествий, примирения супругов, а также для удержания пленников и защиты кораблей от всяческого ущерба.

Комментарий к разделу о лунных стоянках

Этот материал послужил источником для главы о стоянках Луны в «Оккультной философии» Агриппы[1] и для системы критических градусов в «Христианской астрологии» Уильяма Лилли[2]. Он относится к X веку н. э. и, по моему мне-

1 Книга II, глава 33.

2 Глава 47.

нию, отчасти основывается на положениях неподвижных звезд, давно уже изменившихся вследствие прецессии. Тем не менее указанные здесь куспиды стоянок считаются значимыми и по сей день: они соответствуют вышеупомянутым критическим градусам, а также точкам солнцестояний и равноденствий. Для удобства я свел в таблицу нынешние положения важнейших неподвижных звезд и традиционные куспиды лунных стоянок, соответствующие критическим градусам Лилли. Рейнгольд Эбертин, один из величайших астрологов XX века, работал с неподвижными звездами в проекции на эклиптику, независимо от того, на каком угловом расстоянии от нее они находились (например, Полярная звезда в его время проецировалась на 27°54' Близнецов). Его теория, основанная на древних прецедентах, позволяет привязать к конкретному месту любые звезды, включая и те, которые в данной части света остаются невидимыми. Иными словами, в Северном полушарии можно использовать и звезды Южного полушария, никогда не поднимающиеся над горизонтом в северных широтах. Таким образом, глобальный подход легко совмещается с локальным.

Стоянки Луны	Неподвижные звезды и другие значимые точки зодиака[1]
0° Овна	0° Овна, точка весеннего равноденствия
12° Овна	
25° Овна	
8° Тельца	
21° Тельца	Алголь, 26°10' Близнецов Плеяды, 29° Тельца — 0° Близнецов
4° Близнецов	Альдебаран, 9°38 Близнецов
17° Близнецов	Капелла, 20°28 Близнецов
0° Рака	0° Рака, точка летнего солнцестояния
12° Рака	Сириус (альфа Большого Пса), 13°57 Рака Процион (альфа Малого Пса), 24°24 Рака
25° Рака	
8° Льва	
21° Льва	Регул, 29°41 Льва
4° Девы	
17° Девы	Алькайд, 25°31 Девы

1 В таблице использованы устаревшие данные. К настоящему времени (март 2018 г.) все неподвижные звезды сместились вперед приблизительно на полградуса.

Стоянки Луны	Неподвижные звезды и другие значимые точки зодиака
0° Весов	0° Весов, точка осеннего равноденствия Дженах, 10°44 Весов
12° Весов	Спика, 23°42 Весов Арктур, 24°00 Весов
25° Весов	
8° Скорпиона	Альфекка, 10°53 Скорпиона[1]
21° Скорпиона	
4° Стрельца	Антарес, 9° Стрельца
17° Стрельца	Растабан, 26°53 Стрельца
0° Козерога	0° Козерога, точка зимнего солнцестояния
12° Козерога	Вега, 13°55 Козерога
25° Козерога	
8° Водолея	
21° Водолея	Денеб Альджеди, 22° Водолея Фомальгаут, 3°52 Рыб
4° Рыб	
17° Рыб	

Астрологические талисманы[2]

Эти фигуры связаны с особыми астрологическими условиями, при каковых и надлежит работать с описанными талисманами в тех целях, для которых они предназначены.

Талисман для избавления от мышей

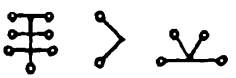
Начерти приведенные здесь знаки на медной пластине при восходе первого деканата Льва. Эти знаки — знаки Льва. Положи их в месте, где водятся мыши, и те покинут место, где положены [знаки]. Знаки же таковы:

1 Ошибка автора. По данным на 22 марта 2018 г. Альфекка (альфа Северной Короны) находится в 14°23' Козерога.

2 В этом разделе приводится отрывок из «Пикатрикса» (часть II, глава 9). Русский перевод выполнен по английскому переводу Дж. Стреттона-Кента, содержащему некоторые расхождения с арабским оригиналом.

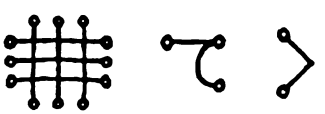
Талисман для избавления от комаров

Начерти следующую фигуру на серном камне при восходе второго деканата Тельца. Положи ее где захочешь, и ни один комар не приблизится к этому месту. Вот какова фигура звезды, изгоняющей комаров:



Талисман для избавления от мух

Нарисуй следующую фигуру на оловянной пластине при восходе Скорпиона, [а точнее] его третьего деканата. Затем положи ее в любое место, и все мухи оттуда улетят. И вот какова фигура звезды, изгоняющей мух:



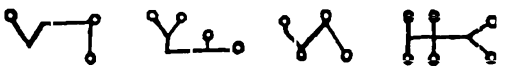
Талисман, быстро приводящий к тебе желаемую особу

Это чудесный талисман, быстро приводящий к тебе особу, которую ты любишь. Начерти следующую фигуру на новом отрезе ткани в день и час Венеры, когда восходит второй деканат Тельца и Венера находится в нем же. Сожги этот рисунок на огне и назови при этом имя желаемой особы. Вскоре после этого она придет туда, где ты провел операцию. Эта фигура восходит тогда, когда Венера сильна по своему положению и стоит в указанном деканате. Вот эта фигура:

Талисман для разлада

Если хочешь разлучить двоих и посеять между ними разлад, начерти нижеследующую фигуру зубом черной собаки на черной свинцовой пластине в день и час Сатурна, когда восходит

второй деканат Козерога и Сатурн находится в нем же. Затем оставь эту пластину в доме одного из тех двоих или в месте, где они встречаются. Эта фигура восходит тогда, когда Сатурн силен по своему положению и стоит в указанном деканате. И вот фигура, которую ты должен начертить:



Талисман, чтобы сделать землю бесплодной и непригодной для возделывания

Начерти нижеследующую фигуру зубом свиньи на свинцовой пластине в день и час Сатурна, когда восходит второй деканат Козерога и Сатурн находится в нем же. Затем положи пластину на той земле, которую желаешь испортить, и предоставь Сатурну делать свое дело. И пока пластина остается на той земле, земля будет непригодна для возделывания. Рисунок же таков:

В книгах мастеров этого искусства я не нашел других подобных талисманов, однако в них говорится об изображениях самого разного рода. Поэтому я счел за благо поведать далее о камнях и фигурах и о таинственных деяниях звезд, которым они соответствуют.

Комментарий

Судя по другим указаниям из «Пикатрикса», эти символы не предназначались для отдельного использования: их следовало добавлять к другим символам и образам зодиакальных знаков. Например, «талисман, быстро приводящий к тебе желаемую особу» соединялся с одним из образов Венеры (например, с яблоком или гребнем), с астрологическим символом этой планеты и так далее.

Соответствия I[1]

Чернила Сатурна делают из жженой шерсти. [Чернила] Юпитера — из ярь-медянки. Марса — из киновари. Солнца — из желтой серы. Венеры — из шафрана. Меркурия — из смеси лака, серы и ярь-медянки. Луны — из свинцовых белил.

Аристотель в «Книге светильников и знамен», которую он написал в назидание своему ученику Александру [Македонскому][2], утверждает, что образы планет таковы:

Сатурн имеет образ черного мужа, закутанного в зеленый плащ, лысого и держащего в руке серп.

Юпитер имеет образ мужа, облаченного в [нарядные?] одежды и восседающего на престоле.

Марс имеет образ мужа, скачущего верхом на льве и держащего в руке длинное копье.

Солнце имеет образ безбородого и прекрасного мужа, увенчанного короной и держащего в руке копье. Рядом с ним — образ с головой и руками, как у человека, и руки его подняты вверх, а тело и ноги у него, как у коня.

Венера имеет образ юной девы с гребнем в правой руке и с яблоком в другой; волосы ее распущены.

Меркурий имеет образ обнаженного мужа, который летит верхом на орле и [что-то] пишет.

Луна имеет образ человека, скачущего верхом на зайце.

Далее он [= Аристотель] пишет о драгоценных камнях и металлах, поставленных в соответствие планетам, и говорит так:

«О Александр, если ты хочешь работать во имя какой-либо из планет, то вещество [которое ты будешь использовать в работе] должно быть созвучно этой планете, равно как и твои одежды. Когда приступаешь к операции под тем или иным асцендентом, облачись в одежды соответствующей ему природы.

---

1 В этом разделе представлен отрывок из «Пикатрикса» (книга III, глава 3). Русский перевод выполнен по английскому переводу Дж. Стреттона-Кента. Перевод первой части этой главы, выполненный по немецкому изданию Риттера и Мартина Плесснера, см. в издании *Магия семи планет. Антология*, т.2. М.: Ганга, Телема, 2018, стр. 118—123.

2 Среди известных книг и псевдоэпиграфов Аристотеля сочинения с указанным названием не встречается. В латинском переводе вместо Аристотеля (который в действительности был наставником Александра Македонского) фигурирует Гермес (Трисмегист) как архетипический образ мудреца.

Облачения Сатурна полностью черные цветом и лучше всего, если они будут шерстяными. Цвета Юпитера — зеленые, и предпочтительнее всего будет шелк. Цвета Марса — красные, и лучше всего, чтобы одежды были украшены узорами или сшиты из узорчатого шелка. Цвета Солнца — сверкающие, золотисто-желтые, а из облачений лучше всего подходят шелковые. Цвета Венеры — розовато-красные, и лучше всего, чтобы одежды были из шелка. Цвета Меркурия — смешанные, и лучше всего, чтобы одежды были из разных тканей. Цвета Луны — чисто белые, и лучше всего, чтобы одежды были льняные или чистого белого шелка.

Теперь о воскурениях планет: к Сатурну относятся все зловонные воскурения, такие как аммониак, бобровая струя, асафетида и им подобные. К Юпитеру — все сильные уравновешивающие воскурения, такие как амбра и алойное дерево. К Марсу — острые, как перец и имбирь. К Солнцу — крепкие, как мускус и амбра. К Венере — роза и мирт. К Меркурию — смешанные воскурения, как нарцисс, мирт и мальва. К Луне — холодные воскурения, такие как камфара, роза и "собачий орган"[1].

Чернила же для операций различных деканатов, которыми следует чертить их образы, таковы[2]:

Первый знак — Овен, а первый деканат его — рыжий, и чернила его состоят из части зеленого чернильного орешка, растертого в тонкий порошок, двух частей гуммиарабика и двух частей [железного] купороса, смешанных с яйцом и скатанных в пилюли. Храни их в сосуде, а когда понадобится, возьми и раствори. Второму деканату Овна соответствуют золотисто-желтые чернила, а рецепт их таков: магнезия и медный купорос в равных частях, измельченные в порошок, смешанные с таким же количеством меда и скатанные в пилюли. Когда они тебе понадобятся, возьми пестик и ступку, растолки [пилюлю] в порошок и раствори в гуммиарабике. Чернила для третьего деканата Овна — белые, и готовят их из магнезии со свинцовыми белилами.

1 Циноморий багряный (*Cynomorium coccineum*) — цветковое растение-паразит семейства циноморievые; название «собачий орган» представляет собой буквальный перевод его греческого названия (κυνεος μοριον) и связано с характерной формой цветков.

2 Следующая часть главы в переводе Дж. Стреттона-Кента содержит расхождения с арабским оригиналом.

Далее следует Телец, и первый деканат его — дымчатый, пыльно-серый; для него собери сажу, смешай ее с рыбьим клеем и гуммиарабиком и осветли свинцовыми белилами. Второй деканат — золотисто-желтый; чтобы приготовить его чернила, возьми чернильный орешек, разломай его на части, извлеки жидкость из его черной сердцевины и смешай с гуммиарабиком. Третий деканат — золотой, и чернила его готовят так, как было сказано выше.

Деканаты Близнецов: первый — золотой, и чернила его готовят так, как было сказано выше; второй деканат — красный, и для него перегоняют купорос и киноварь с толикой гуммиарабика. Третий деканат — желтый, и чернила его готовят так, как описано выше.

Рак: первый деканат — белый, и чернила его готовят так, как было сказано выше; второй деканат — золотисто-желтый, и чернила его готовят так, как описано выше; третий деканат — черный, и чернила его готовят так же, как для первого деканата Овна, но только купорос и чернильный орешек берут в равных частях.

Лев: первый деканат — пыльно-серый. Второй деканат — золотисто-желтый. Цвет третьего деканата — гранатово-красный, и чернила его состоят из киновари и серы, смешанных с водой из-под чернильного орешка, а затем высушенных; когда захочешь писать ими, добавь немного гуммиарабика и лака.

Дева: первый деканат — красный, и чернила его готовят из растертого шафрана, смешанного с водой из-под зеленого чернильного орешка, дают настояться, а затем перед использованием разводят толикой гуммиарабика. Второй деканат — дымчато-серый. Третий — красновато-желтый, и чернила его готовят из серы, шафрановой воды и гуммиарабика.

Весы: первый — черный; второй — желтый; третий — белый.

Скорпион: первый — черный; второй — желтый; третий — дымчато-серый.

Стрелец: первый — красный; второй — желтый, и чернила его готовят из серы, оставленной на ночь на огне, а затем смешанной со свинцовыми белилами и разведенной гуммиарабиком, чтобы можно было писать. Третий деканат — дымчато-серый.

Козерог: первый деканат — зеленый, и чернила его готовят из ярь-медянки и гуммиарабика; второй деканат — красный, и

чернила его готовят из киновари, гуммиарабика и клея; третий — черный.

Водолей: первый деканат — цвета мускусной розы, и чернила его готовят из драконовой крови и гуммиарабика; второй — черный, для чернил которого возьми по одной части хороших персидских чернил, гуммиарабика и чернильного орешка и половину части жженой бумаги. Загусти белком, раздели на пастилки и разведи, перед тем как использовать. Третий деканат — зеленый, и чернила его готовят из желчи дикого зверя и разводят толикой гуммиарабика, перед тем как писать.

Рыбы: первый деканат — светло-желтый, и чернила его готовят из свинцового сурика со свинцовыми белилами и толикой гуммиарабика. Второй деканат — пыльно-серый, и чернила его готовят из жженых шипов тамариска и гуммиарабика. Третий деканат — красный.

Эти чернила используют в обрядах и для талисманов. И сам Утарид[1] Премудрый писал, что природу планет можно привлечь, подражая ей в пище, напитках, воскурениях, временах, обрядах, чернилах, призываниях, жертвоприношениях, амулетах, драгоценных камнях и талисманах. Вот такими способами духи планет, обладающие силой, необходимой для твоей операции, присоединяются к твоим усилиям и приводят тебя успеху.

Комментарий

Эта глава полностью согласуется с теорией симпатии, лежащей в основе астрологической космологии греков. Многие из приведенных здесь соответствий широко известны, хотя встречаются и некоторые вариации. Черный — цвет Сатурна, красный — Марса, желтый или золотой — Солнца и смешанные цвета Меркурия часто упоминаются в гримуарах; с последним соответствием перекликается такая любопытная деталь, как приготовление чернил Меркурия из смеси ингредиентов. Разумеется, Аристотель не имеет отношения к этим материалам, но отсылка к греческим авторитетам здесь вполне уместна.

Серп — совершенно естественный атрибут Сатурна; человек, восседающий на престоле, — столь же ожидаемый символ

1 Араб. «Меркурий», т. е. Гермес Трисмегист.

Юпитера. Это образы античных богов. Образ Марса не близок греческим представлениям, но ассоциация со свирепым диким зверем характерна для Нергала.

Образ Солнца представляет особый интерес (хотя в других главах «Пикатрикса» встречаются солярные символы, более близкие к античным). Герой-копьеносец и кентавр наводят на ассоциации с Ахиллесом и Хироном и шире — с мотивом инициации любого подобного героя. Изображение Венеры с яблоком в руке — аллюзия на торжество Афродиты в мифе о суде Париса, и сам этот образ древнее, чем гомеровское изложение мифа. Это классический талисман; именно такая Венера в окружении дополнительных магических символов была изображена на талисмане Екатерины Медичи.

Знатоки гримуаров наверняка отметят сходство этих образов с планетными талисманами, описанными в «Малом Альберте». Еще одна параллель поможет перейти от теории, изложенной в «Пикатриксе», к практике, пригодной для современного употребления. А именно: вышеописанные образы богов схожи с некоторыми образцами глиняных или отлитых из металла вотивных даров, с которыми приходили просители в языческие храмы. И это сходство не только внешнее. Современные оккультисты обычно рассматривают талисманы как своего рода оккультные украшения, то есть предметы, предназначенные для ношения на теле. Но многие предписания из «Пикатрикса» свидетельствуют об узости подобной точки зрения. Талисманы по праву относятся и к области магии образов, и к более общей сфере магических операций по достижению тех или иных практических результатов. И нет ничего неуместного в том, чтобы использовать талисманы как вотивные предметы в работе с языческими божествами или в ритуальной практике, ориентированной на дружественное взаимодействие с духами.

Вотивный предмет обычно понимают как дар, который человек преподносит божеству или духу в обмен на те или иные благодеяния, но и эта точка зрения слишком узка. Одной из самых популярных категорий магических объектов в древнем мире был дефиксион: образцы дефиксионов находят при раскопках не только в Риме, но и повсеместно от Александрии до английского города Бат. И это, в сущности, не что иное, как вотивные предметы, направленные на причинение вреда. Тот

факт, что за основу для дефиксионов нередко брали свинец, наводит на интересные мысли, не считая естественной ассоциации свинца с вредоносными планетами (в «Пикатриксе» этот металл соотносится с Марсом, а в большинстве других источников — с Сатурном). Свинец было нетрудно добыть (учитывая, что водопроводы в Риме были свинцовыми), и на нем достаточно легко писать. Обычно для дефиксиона брали свинцовую пластину и, сделав необходимые надписи, скатывали ее в трубку и помещали в трещину в стене или надгробии. Связь дефиксионов с более традиционными вотивными дарами подтверждается тем, что с текстами заклинаний на них соседствуют изображения богов или демонов. На это же указывают места, в которых обычно оставляли дефиксионы: святилища, могилы и даже общественные бани. Создатели дефиксионов просили не о благодеяниях, а о возмездии, об уничтожении врага и о том, чтобы боги или духи обрушили на жертву различные несчастья. Жертвами могли выступать и воры, и политические противники, и соперники в колесничных гонках. Некоторые места считались особенно подходящими для размещения дефиксионов: при раскопках их находят там буквально десятками. Стоит добавить, что одна из причин, по которым свинец мог ассоциироваться с Марсом, — тот факт, что в астрологии эта планета управляет стихией Воды.

Цветовые соответствия планет, перечисленные в этом разделе, в целом согласуются с теми, которые обычно встречаются в гримуарах. Исключение составляют зеленый цвет Юпитера и розовато-красный для Венеры; впрочем, последнее соответствие нередко используется в народной магии (например, в традиции худу для любовной магии принято брать розовые свечи).

За соответствиями из области воскурений явно стоят те же представления, которыми позднее руководствовались составители западных гримуаров, и становится очевидно, на каком конце маршрутов перевозки пряностей они возникли. Перечни ингредиентов для приготовления чернил сами по себе показались мне достаточно интересными, чтобы привести их здесь полностью. Заключительный абзац излагает теорию симпатии, на которую опирается астрологическая магия, и из него явствует, что теория эта восходит к «Утариду Премудрому», то есть к герметическим источникам. Кроме того, работа с магическими

веществами подобного рода лежала в основе «оживления статуй» — магической практики, описанной как в герметических, так и в теургических трактатах эпохи эллинизма.

Соответствия II[1]

Сатурн: Из камней [и металлов] ему принадлежат свинец[2], алмаз, свинцовая руда, оникс, черный гагат, бирюза, магнитный камень и магнезия, а также отчасти золото, рубин, золотой марказит и гематит.

Юпитер: Из камней [и металлов] ему принадлежат луда[3], белый и желтый корунд и отчасти сердолик, золото, хризолит, «маха»[4] и горный хрусталь, а также все сверкающие белые камни.

Марс: Из камней [и металлов] ему принадлежат железо[5], «кошачий камень», сера во всех ее разновидностях, а также отчасти марказит, кровавик, магнит, стекло, сердолик и оникс, а также все красные, темные камни.

Солнце: Из камней [и металлов] ему принадлежат золото, сернистый мышьяк[6], гранат, алмаз, «фараоново стекло», раковины красных устриц и все сверкающие камни, а также отчасти гематит, наждак и рубин.

Венера: Из камней [и металлов] ей принадлежат красная медь, ляпис-лазурь, жемчуг, раковины устриц, малахит и коралл, а также отчасти серебро, «маха», стекло и магнезия.

Меркурий: Из камней [и металлов] ему принадлежат магнезия, наждак, изумруд и ртуть, а также отчасти хризолит, олово, стекло и мрамор.

---

1 В этом разделе представлен отрывок из «Пикатрикса» (книга II, глава 10). Ради сохранения точных соответствий перевод приводится по академическому немецкому изданию Гельмута Риттера и Мартина Плесснера.

2 В другой рукописной версии — железо.

3 Араб. *анук*, сплав олова со свинцом, используемый для лужения. В другой рукописной версии — олово (араб. *истаниджа*).

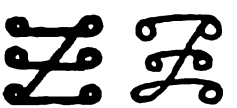
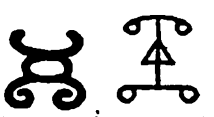
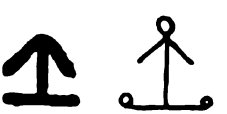
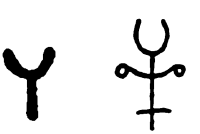
4 Прозрачный или белый камень (вероятно, разновидность кварца), который женщины носили на шее для облегчения родов.

5 В другой рукописной версии — красная медь.

6 Сернистый мышьяк — желтый аурипигмент.

Луна: Из камней [и металлов] ей принадлежат серебро, серебряный марказит и мелкий жемчуг, а также отчасти горный хрусталь, ляпис-лазурь, оникс и «маха».

Далее следуют знаки, принятые среди создателей талисманов как печати планет:

Сатурн:	
Юпитер:	
Марс:	
Солнце:	
Венера:	
Меркурий:	
Луна:	

Теперь же, перечислив эти фигуры, я перейду к образам планет, описания которых переведены нами из «Книги о достоинствах камней» Утарида-Писца[1], книги премудрого Апол-

1 Т. е. Гермес Трисмегист; любопытно, что «Писцом» ниже именуется планета Меркурий.

лония и «Книги истолкования духовных талисманов» в переводе Букратиса[1].

Солнце, согласно книге премудрого Аполлония, имеет образ жены, стоящей на колеснице, которую влечет четверка лошадей. В правой руке жена держит зеркало, левою же рукою прижимает к груди плеть. И над головой ее сияние. Этот образ мы уже упоминали выше.

Согласно Утаридовой «Книге о свойствах камней», оно имеет образ мужа, стоящего так, словно он приветствует кого-то перед собою; в левой руке у него щит, а под ногами образ дракона.

Согласно «Книге истолкования духовных талисманов», написанной Критоном и переведенной Букратисом, оно имеет образ царя, восседающего на престоле и увенчанного короной; перед ним образ ворона, а под ногами у него дракон.

У другого же [автора] я нашел, что сие великое светило имеет в своей сфере образ венценосного мужа, стоящего на колеснице, которую влечет четверка лошадей; в правой руке у него зеркало, а в левой щит, и одежды его желты.

И каждый из этих образов находит применение в талисманах и оказывает свое особое действие, о чем мы по мере надобности поведаем позже. Покамест же прими это к сведению.

Венера. По словам Аполлония-мудреца, она имеет образ жены, стоящей прямо и в правой руке держащей яблоко.

Согласно «Книге истолкования духовных талисманов», она имеет образ жены, стоящей прямо и держащей в правой руке яблоко, а в левой гребень, похожий на дощечку для письма.

Согласно же Утаридовой «Книге о достоинствах камней», она имеет образ с телом мужа, ликом некоей птицы и ногами орла.

Говорят также, что она имеет образ нагой жены, за спиною которой стоит ребенок; перед нею же стоит Марс, и на шее у него цепь.

Согласно еще одному [автору], она имеет образ жены с распущенными волосами, восседающей на олене; в правой руке

1 Букратис — арабское имя Гиппократа; автором «книги в переводе Букратиса» ниже назван некий Критон.

она держит яблоко, а в левой душистые травы; и одежды ее светлы и белы.

Писец[1]. По словам премудрого Аполлония, он имеет образ юноши с жезлом в руке, а на оборотной стороне[2] изображается кошка.

Согласно «Книге истолкования духовных талисманов», он имеет образ мужа с петухом на голове, восседающего на престоле; ноги у него, как у орла; на левой его руке сидит сокол, а под ногами у него знаки, о которых я поведаю ниже.

Согласно «Книге о достоинствах камней» Утарида, он имеет образ мужа, стоящего прямо; с правой стороны от него — два распростертых крыла, с левой же — маленький петушок; и в правой руке тот муж держит жезл, а в левой круглый глиняный сосуд. На темени у него петушиный гребень, а на ногах две шпоры, как у петуха.

И еще у одного я нашел, что Меркурий в своей сфере имеет образ мужа, увенчанного короной и восседающего на павлине; в правой руке он держит жезл, а в левой листок. Одежды его многоцветны.

Луна. Согласно Утаридовой «Книге о достоинствах камней», Луна подобна жене, прекрасной ликом и опоясанной драконом; на голове у нее две змеи, при ней — пантера и еще двух змей она носит как браслеты, по змее вокруг каждого запястья, а над головою и под головою у нее по дракону, и у каждого из них по семь голов.

По словам премудрого Аполлония, Луна имеет образ жены, стоящей на двух быках, один из которых головой обращен к хвосту другого.

Согласно же «Книге истолкования духовных талисманов», малое светило имеет образ мужа с птицею на голове. Он опирается на посох, а перед ним стоит дерево.

Согласно еще одному [автору], Луна в своей сфере имеет образ венценосного юноши, стоящего на колеснице, которую влечет четверка быков. В правой руке он держит биту (араб. *шауладжа*), а в левой зеркало. И все его одежды белы и зелены.

---

1 Образное название Меркурия. В другой рукописной версии этот раздел называется «Меркурий, именуемый Писцом».

2 Т. е. на оборотной стороне камня, который вставляется в перстень-талисман.

Сатурн. Согласно «Книге истолкования духовных талисманов», он имеет образ мужа с ликом ворона и ногами верблюда. Он восседает на престоле и держит в правой руке жезл, а в левой дротик[1].

Согласно книге философа Аполлония, он имеет образ мужа, стоящего на возвышении[2].

Согласно «Книге о достоинствах камней» Утарида, он имеет образ мужа, который стоит, подняв руки над головой, и держит рыбу, а под ногами у него образ ящерицы.

А еще у одного я нашел, что Сатурн в своей сфере имеет образ мужа, стоящего на выдре и в правой руке держащего серп, а в левой жезл. И все его одежды цвета пыльного и черного.

Юпитер. По словам Аполлония-мудреца, он имеет образ мужа, окутанного плащом; он восседает на орле, опираясь ногами на плечи того орла, и в правой руке держит бумажный свиток.

Согласно «Книге истолкования духовных талисманов», он имеет образ мужа со львиным ликом и птичьими ногами; под ногами у него многоглавый дракон, а в правой руке копье, которое он вонзает в голову дракона.

Согласно «Книге о достоинствах камней», он имеет образ мужа, облаченного в плащ, восседающего на коршуне и держащего в руке копье или жезл.

И еще у одного я нашел, что Юпитер в своей сфере имеет образ мужа, восседающего на орле и держащего в правой руке бумажный свиток, а в левой орех. И все его одежды цвета желтого и зеленого.

Марс. По словам Аполлония, он имеет образ мужа в шлеме, панцире и латах на руках и ногах, подпоясанного мечом.

Согласно «Книге истолкования духовных талисманов», он имеет образ венценосного мужа, держащего в руке меч, на котором видны некие знаки.

Согласно же Утаридовой «Книге о достоинствах камней», он имеет образ нагого мужа, стоящего прямо, и по правую руку от него — образ девы, представляющий Венеру; волосы

1 Араб. *харба* — «дротик», «метательное копье».

2 Араб. *минбар*, т. е. кафедра в мечети, с которой имам читает проповедь.

ее собраны сзади, Марс же положил [правую] руку ей на шею, а левую — ей на грудь и смотрит ей в лицо. Он [= Утарид] утверждает, что с помощью этого образа можно сотворить немало чудесных деяний, и перечисляет в своей книге, какие именно.

И еще у одного я нашел, что Марс в своей сфере имеет образ мужа, восседающего на льве и в правой руке держащего меч, а в левой человеческую голову. Облачен же он в железо и шелк.

Вот таковы планетные образы, согласно учению знатоков, и каждый из этих образов обладает особыми свойствами. Далее я опишу тебе кое-что из того, чего можно добиться с их помощью.

Комментарий

Соответствия планет металлам и минералам могут вызвать некоторые вопросы. В латинском и испанском переводах встречаются расхождения с этими перечнями, но следует учитывать, что переводные версии лучше согласуются с западной традицией и, по всей вероятности, были к ней адаптированы. В остальном принципы установления соответствий вполне очевидны и оправданы. Что касается планетных символов, то вторые их варианты приведены по другому разделу «Пикатриса».

Отдельного внимания заслуживает использованный здесь порядок планет: это видоизмененный халдейский ряд, в котором главное место отводится не Солнцу и Луне, а Солнцу и Венере. Женский образ как соответствие Солнца не вызывает удивления: такая ассоциация вполне согласуется с практикой некоторых сабейских сект. Кроме того, Геката, Медея и Цирцея — родственницы Гелиоса, да и вслед за женским образом в тексте «Пикатрикса» появляются мужские фигуры. Образ мужа, увенчанного короной и восседающего на престоле, — это Баал в своей солярной (а не юпитерианской) ипостаси. Что касается последней фигуры Солнца, то стоит отметить ее поразительное сходство с Гелиосом. Зеркало играет важную роль в мистериальных обрядах, хотя не исключено, что в первоначальном варианте его место занимал бич. Если подставить бич вместо зеркала, то получится классический образ Гелиоса, а если добавить голову петуха и змеиные ноги, то фигура приобретет сходство с Абраксасом.

Венере поставлены в соответствие два типичных образа женщины с яблоком в руке. Более сложные образы, включающие изображение ребенка (вероятно, Эрота) и Марса (названного по имени), очевидным образом восходят к античной иконографии. Женщина с яблоком напоминает о победе Афродиты на суде Париса и отсылает к образу библейской Евы.

Солярный лев в составе одного из образов Марса напоминает о сходстве Марса с Нергалом, который первоначально почитался как солнечное божество. Кроме того, не следует забывать о поздних синкретических тенденциях: символы не всегда остаются исключительным достоянием какого-либо одного божества. Так, лев может соотноситься не только с Марсом, но и с Юпитером или Солнцем, представленными в образах царей. С другой стороны, даже в синкретической картине мира между божествами сохраняются некоторые четкие границы. Например, Нергал был связан и с Солнцем, и с Марсом, но Аполлон, которого часто сближали с солнечным Гелиосом и лунным Меном, никогда не ассоциировался с Марсом. Иными словами, вопрос о взаимосвязях и различиях между божествами и планетами не так прост.

Образы звездных демонов, наподобие того, который поставлен в соответствие Юпитеру (человек со львиным лицом и птичьими ногами), явно послужили прототипами для описаний некоторых демонов в «Гоэтии царя Соломона» и других подобных текстах. В античной астрологии схожие образы приписывали деканам, которые зачастую персонифицировались как демоны (не в смысле «духи преисподней», а в более общем значении этого слова).

Фигуры на камнях[1]

[Резные изображения Солнца]

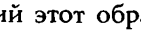
1. Если для сего великого светила вырезать на рубине чистого красного цвета образ царя, восседающего на троне и увенчанного короной, и перед ним — образ ворона, а под ногами

1 В этом разделе представлен отрывок из «Пикатрикса» (книга II, глава 10). Ради сохранения точных соответствий перевод приводится по академическому немецкому изданию Гельмута Риттера и Мартина Плесснера.

у него такие знаки: , то владелец перстня с этим рубином победит и умертвит всех [прочих] царей. Так утверждается в «Книге истолкования духовных талисманов» и там же сказано, что Солнце при этом должно находиться в знаке своей экзальтации[1].

2. Аристотель же писал Александру[2] о его [= Солнца] резных образах: если кто вырежет на корунде образ льва со знаком △ при восходящем Льве и при Солнце в том же знаке, когда несчастливые планеты будут от него далеко, то никто не сможет победить его, и всякое дело будет даваться ему с легкостью; он доведет до конца все свои начинания и будет защищен от страшных снов.

3. Кроме того, если вырезать на алмазе образ жены, восседающей на колеснице, которую увлекает четверка лошадей, и чтобы та жена держала зеркало в правой руке и плеть в левой, а над головою у нее было семь свечей, а на оборотной стороне камня — образ озера, и сделать это при Солнце в экзальтации, то камень этот будет внушать всякому встречному почтение к тому, кто его носит.

4. Кроме того, если вырезать на гематите нижеследующие знаки для Солнца, когда оно будет находиться в первом лике Льва, то носящий этот образ излечится от падучей, вызываемой явлением малого светила [= полнолунием]. Знаки же эти таковы: 

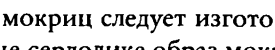
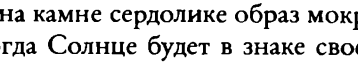
5. Также в книге «Аль-Хадит»[3] приводится сказанное Гермесом о резных образах Солнца: если в час Солнца и на его восходе вырезать на камне под названием «самалинун» (а это желтый камень с черными крапинками и зелеными глазка́ми, светлый и блестящий) образ мухи, то камень этот будет защищать от огня, и носящий его останется невредим, даже если войдет в пламя. И он [= Гермес] утверждает, что камень этот находят в Персии.

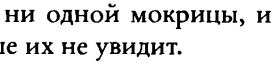
---

1 Т. е. в Овне.

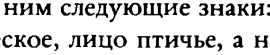
2 Источник этого описания — псевдо-Аристотелев трактат «Тайное тайных» (*Secretum secretorum*), посвященный различным вопросам магии, астрологии, алхимии, медицины, политики и этики и написанный в форме послания Аристотеля его ученику Александру Македонскому. Самая ранняя известная версия этого трактата — арабский перевод с сирийского перевода, который, в свою очередь, был выполнен с утраченного греческого оригинала, — датируется IX веком.

3 Единственная известная рукопись герметического трактата под таким названием хранится в частной коллекции. В ее фотокопии из собрания Института Варбурга приведенное здесь описание отсутствует.

6. Для изгнания змей следует изготовить перстень, вырезав для него на камне[1] образ змеи; и если сделать это в час, когда Солнце будет в 7-м градусе Водолея, Сатурн в 7-м градусе Овна, Луна в 7-м градусе Скорпиона[2], Юпитер во 2-м градусе Стрельца[3], а Хвост [Дракона] в 10-м градусе Стрельца[4], и на спине змеи изобразить знаки:  , а вокруг них знаки:  , а затем оправить этот камень в золото и носить как перстень, то рядом с ним не останется никаких пресмыкающихся, змей или выдр.

7. Для изгнания мокриц следует изготовить перстень, вырезав для него на камне сердолике образ мокрицы; и если сделать это в час, когда Солнце будет в знаке своей экзальтации[5], Сатурн в 17-м градусе Водолея, Меркурий в 28-м градусе Близнецов, Луна во 2-м градусе Рака, а Марс в последнем градусе Весов[6], и начертать буквы:  , а затем оправить этот камень в золото и носить как перстень, то рядом с ним не останется ни одной мокрицы, и носящий этот перстень никогда больше их не увидит.

[Резные изображения Венеры]

1. Для Венеры надлежит вырезать на рубине образ жены с яблоком в правой руке и гребнем, подобным дощечке для письма, в левой, и с ним следующие знаки:  . Образ этот имеет тело человеческое, лицо птичье, а ноги, как у орла. Он принесет всеобщую любовь тому, кто станет носить его. Изготовить же этот образ надлежит в час Венеры, когда она будет в знаке своей экзальтации[7].

---

1 Название камня в арабских рукописях отсутствует.

2 Любопытно, что эти три планеты располагаются в местах своих слабостей: Водолей — знак изгнания Солнца, Овен — знак падения Сатурна, Скорпион — знак падения Луны. Вероятно, тем самым символически ослабляется сила змей, хотя для следующего талисмана, схожего по своему действию и по условиям изготовления, используется лишь одна планета в месте своей слабости.

3 Стрелец — обитель Юпитера.

4 Хвост Дракона — нисходящий (южный) лунный узел; знак Стрельца считается его обителью. Описанная здесь конфигурация планет складывается чрезвычайно редко.

5 Т. е. в Овне.

6 Водолей — обитель Сатурна, Близнецы — обитель Меркурия, Рак — обитель Луны, Весы — знак изгнания Марса, однако, находясь в последнем градусе Весов, Марс покидает место своей слабости и переходит в обитель — знак Скорпиона. Описанная здесь конфигурация планет складывается чрезвычайно редко.

7 Т. е. в Рыбах.

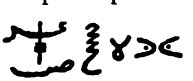
2. К Венере же относится такой образ: если изготовить перстень, вырезав для него на белом корунде образ жены с яблоком в правой руке и гребнем в левой, и сделать это при Венере в первом лике Весов, то всякий, кто станет носить этот перстень, будет постоянно радостен и весел, пока не снимет его.

3. Кроме того, в час Венеры вырезают на ляпис-лазури образ обнаженной девы, рядом с нею — образ мужа с цепью на шее, а за спиной у нее — маленького мальчика с мечом в руках. Женщины станут послушны носящему этот образ и преклонятся перед ним.

4. Кроме того, вырезают на ляпис-лазури образ жены, стоящей с яблоком в правой руке, а на оборотной стороне камня — образ овцы. И если человек станет носить этот камень, то под рукою его овцы будут здоровы и плодовиты. [Изготовить же его надлежит] при экзальтации Венеры[1] и в ее час.

5. Согласно же книге Критона о талисманах, в понедельник утром, в час Венеры и при ее экзальтации[2], вырезают на камне «маха»[3] образ змеи, а вокруг нее — скорпиона. Того, кто носит этот образ, никогда не укусит змея, а если выпить жидкость, в которую он был положен, то исцелишься от змеиного укуса.

6. Кроме того, в час Венеры вырезают на камне «маха» знаки.



Носящий этот камень будет вызывать у отроков любовь и привлекать их сердца: раз оказавшись в его обществе, они уже не захотят его покинуть.

7. Если же в час Венеры и при ее экзальтации[4] вырезать на камне образ сидящей жены с волосами, заплетенными сзади в две косы, и на коленях у нее — двух крылатых мальчиков, то этот камень будет помогать своему владельцу в путешествиях и защитит его от всех несчастий.

8. Кроме того, в час Венеры вырезают на горном хрустале три соединенные друг с другом фигуры. Кто будет носить перстень с этим камнем, тот станет благословен и удачлив в торговле превыше самых своих смелых желаний.

1 Т. е. при Венере в знаке Рыб.

2 Т. е. при Венере в знаке Рыб.

3 См. примеч. 4 на стр. 681.

4 Т. е. при Венере в знаке Рыб.

9. Кроме того, в час Венеры и при ее восходе вырезают на коралле образ двух кошек и между ними — одной мыши. С помощью этого образа можно очистить любое место от мышей: они не смогут оставаться с ним рядом.

10. Кроме того, если в час Венеры вырезать на сердолике образ перевернутой мухи, то к дому человека, который носит перстень с этим камнем, не приблизится ни одна муха. И [Венера при этом должна находиться] на асценденте.

11. Кроме того, на малахите вырезают образ пиявки, а на другой стороне — двух пиявок, чтобы одна была повернута головою к хвосту другой. Такой образ очищает от пиявок всякое место, где он находится. Для этого надо положить его туда в час Венеры и при ее восходе. И в такое же время вырезают образы на камне.

12. Кроме того, в час Венеры и при ее восходе вырезают на камне «маха» образ жены, пышной телом, а перед нею — подобие идола. Этот талисман используют для любви, и он хорошо известен.

13. Кроме того, на сердолике вырезают образ жены с полосками на теле, подобными рыбьей чешуе, со свернутым платком в одной руке и яблоком в другой. Восковой оттиск с такой печати дают детям от болезней и прочего, что с ними случается. Делают это в час Венеры и при ее восходе.

14. Кроме того, в час Венеры и при ее восходе вырезают на сердолике голову онагра, а на ней — голову мухи, да так чтобы вторая была лишь малым дополнением к первой. Восковой оттиск с такой печати помогает от колик. Этот способ испытан на деле и происходит из египетских святилищ.

[Резные изображения Меркурия]

1. Согласно «Книге истолкования духовных талисманов», переведенной Букратисом, на зеленом хризолите вырезают образ мужа, сидящего на стуле, с петухом на голове и с ногами, как у орла, и чтобы на левой его руке восседал сокол, а под ногами были такие знаки: ; и делают это в час Меркурия и при его экзальтации. Этот талисман служит для освобождения пленников и тому подобного.

2. Кроме того, в час Меркурия и при его восходе вырезают на изумруде [нижеследующие знаки]. И всякому, кто станет

носить его, будут повиноваться писцы, счетоводы и управляющие. Знаки же таковы:

3. Кроме того, на камне, известном как «манатас» [?][1], вырезают образ мужа, сидящего на престоле под мукарнасом[2], держащего в правой руке калам [= тростниковое перо], а в левой свиток, на котором он пишет; и делают это в час Меркурия и при его экзальтации. И если искусный писец, возлагающий свои надежды на султана, станет носить при себе этот камень, то султан возьмет его к себе на службу и сделает доверенным советником в своих делах, и будет благосклонен к нему во всех обстоятельствах.

4. Согласно же Критоновой книге о талисманах, в час Меркурия и при его восходе вырезают на изумруде образ лягушки. И тому, кто станет носить этот камень, никто не причинит вреда и никто не будет возводить на него злую напраслину, и все будут почитать его человеком честным во всех отношениях.

5. Согласно той же книге, в день и час Меркурия и при его восходе вырезают на изумруде образ мыши или тушканчика. Того, кто станет носить этот камень, никогда не обворуют, и торговля его будет прибыльной.

6. И еще, согласно все той же книге, в час Меркурия и при его восходе вырезают на изумруде образ льва и львиной головы, и под ними — букву Алиф [ا], а над ними — букву Даль [د]. Тот, кто станет носить этот камень, будет избавлен от тягот, уважаем всеми людьми и защищен от царской немилости.

7. А вот из другой книги вдобавок к вышесказанному: в час Меркурия и при его восходе вырезают на зеленом хризолите образ скорпиона. Если этот камень будет носить беременная женщина, он защитит ее дитя от всех опасностей.

8. Кроме того, в час Меркурия и при его восходе вырезают на стекле образ человеческой руки, держащей весы; и делают с

1 Отождествить этот камень с каким-либо известным минералом не удалось. Он упоминается в трактате псевдо-Аристотеля «О камнях» под номером 30; в одной из рукописных версий этого трактата его название приводится как *magnatim*, в другой — как *malebs i. indicus*.

2 Мукарнас — сотовый свод, традиционный элемент арабской архитектуры.

этого камня оттиск против любого рода лихорадки и тот от нее исцеляет. Это средство проверено и найдено действенным.

[Резные изображения Луны]

1. Если вырезать [образ] скорпиона на безоаровом камне в час Луны, когда она будет находиться в Скорпионе[1], а Скорпион — в восходящем угле, и вставить этот камень в золотой перстень и запечатать жеваным ладаном, когда Луна будет в Скорпионе, то человек, ужаленный скорпионом, тотчас же исцелится, если дать ему этот ладан в питье. Это испытанный способ, и выше мы уже говорили, что он превосходен.

2. Кроме того, если в час Луны и при ее восходе вырезать на ляпис-лазури следующий рисунок, а затем омочить этот камень в каком-либо питье и дать выпить двоим или нескольким людям, то между ними возникнет согласие, хоть бы даже они прежде друг друга ненавидели:

3. Далее, согласно «Книге истолкования духовных талисманов», переведенной Букратисом, если вырезать на камне «маха» образ человека с птичьей головой, опирающегося на посох, а перед ним — образ ромашки, и сделать это в час Луны и при ее восходе в знаке экзальтации, то [этот талисман] будет помогать в дороге всякому, кто станет носить его; и до тех пор, пока [талисман] будет при нем, тот человек не устанет, сколь бы долог ни был его путь.

4. Согласно другой книге: если вырезать на горном хрустале образ жены с волосами, собранными в пучок, а под нею — образы двух быков, один из которых поставил ногу на голову второму, а второй первому, на оборотной же стороне камня — образ жены, стоящей прямо, увенчанной подобием короны и держащей кнут в правой руке, и там же вырезать эти знаки: , а затем сделать восковой оттиск и положить его в таком месте, где обычно собираются голуби, то они слетятся в таком великом множестве, что и не сосчитать. Вырезать же эти образы следует в час Луны и при ее восходе, как и прежде.

1 Т. е. в знаке своего падения, что соответствует талисману, который призван оказать вредоносное действие (в данном случае на скорпионов).

5. Кроме того, в час Луны и когда она находится в 21-м градусе Весов, Юпитер во 2-м градусе Стрельца, а Сатурн в 1-м градусе Козерога[1], вырезают на сердолике образ мухи и на теле мухи помещают знаки: , а вокруг нее — ; и опять же в час Луны и при ее восходе (при тех же условиях, при которых следует вырезать образ) вставляют этот камень в перстень, подложив под него кусочек змеиной кожи; и тогда в дом и в любое другое место, где находится этот перстень, не влетит ни одна муха.

6. Кроме того, если в час Луны и при ее восходе вырезать на ляпис-лазури образ льва с лицом человека и со знаком ☾ на спине, то этот камень будет помогать детям, какой бы недуг их ни поразил.

7. Кроме того, в час Луны и когда она находится в первом лике Рака[2] вырезают на камне безоаре такую фигуру: ; [этот талисман] чрезвычайно полезен для изгнания скорпионов.

8. Также к Луне относится камень, цветом подобный янтарю; некоторые называют его «анбари»[3]. Природа его противоположна природе клопов. Если в час Луны и при ее восходе вырезать на этом камне образ клопа, а вокруг него знаки: , то в месте, где находится [этот талисман] или сделанный с него оттиск, не останется ни единого клопа; оттиск следует делать в тот же час, что и гравировку, и при том же асценденте[4].

9. Кроме того, на безоаре или зеленом малахите вырезают образ змеи со знаком на голове [и делают это] в час Луны и при ее восходе. Камень этот [сам по себе] обладает особой способностью изгонять гадюк и змей, а образ и расположение планет приумножают его силу.

10. Кроме того, вырезают на изумруде следующий рисунок и делают оттиск на ладане, а затем дают человеку проглотить [этого ладана] столько, сколько он сможет прожевать. Это

---

1 Таким образом, Луна должна находиться в знаке и градусе экзальтации Сатурна, а Сатурн — в своей обители, так же как и Юпитер. Такая конфигурация планет складывается очень редко.

2 Т. е. в обители Луны и в деканате Луны (по индийской системе деканатов).

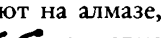
3 Отождествить этот камень с каким-либо известным минералом не удалось. Он упоминается в трактате псевдо-Аристотеля «О камнях» под номером 14; в одной из рукописных версий этого трактата его название приводится как *eiambari*, в другой — как *flambari*.

4 Т. е. в час Луны и при восходящей Луне.

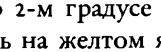
средство укрепляет память и разум и избавляет от забывчивости. И делают это в час Луны и при ее восходе:

[Резные изображения Сатурна]

1. Если в час Сатурна и при его восходе в 21-м градусе Весов[1] вырезать на безоаре образ человека с широким лбом и длинным лицом и с морщинами на лбу, идущего за плугом, запряженным двумя быками, и чающего милости, а на шее имеющего ошейник с головой человека и головой лисы, то образ этот весьма действенно будет защищать и укреплять поля и домашний скот, посевы и саженцы; также он полезен для источников, водных потоков и упрочения построек, помогает отразить нападения открытых врагов и избавиться от тайных ненавистников, отгоняет тревоги и спасает того, кто его носит, от страха перед другими людьми.

2. Кроме того, чтобы посеять вражду и отвращение между людьми, любящими друг друга, в час Сатурна и при его восходе вырезают на алмазе, камне всех камней, такой рисунок:  , и делают оттиск на дегте[2], и приносят его туда, где живут эти люди, и оставляют там. Саму печать надлежит хранить в надежном месте и не прикасаться к ней и даже не приближаться, за исключением случаев, когда требуется сделать [новый] оттиск.

3. Кроме того, в час Сатурна и при его восходе вырезают на бирюзе образ человека, стоящего на возвышении наподобие минбара[3], с головою, обмотанной тюрбаном, и серпом в руке. Действие этого рисунка таково, что он дарует носящему долголетие и оберегает его жизнь.

4. Кроме того, если в час Сатурна, когда на восходе будет Козерог[4], а он сам [= Сатурн] будет в 23-м градусе Льва, Меркурий — во 2-м градусе Девы[5], а Марс — в 19-м градусе Весов, вырезать на желтом янтаре образ волка, а вокруг него такой рисунок:  , а затем оправить его в серебряный перстень и надеть на палец, то волки изойдут из

1 Т. е. в знаке и градусе своей экзальтации.

2 В рукописи Oxford, Marsh 155 — «на смоле».

3 См. примеч. 2 на стр. 685.

4 Обитель Сатурна.

5 Обитель Меркурия.

места, где будет находиться человек, носящий этот перстень, и не станут нападать ни на него, ни на других людей, и не покажутся поблизости вовсе, и больше не придут в те края, где он живет.

5. Далее, чтобы избавиться от саранчи: в час Сатурна и при его восходе, когда он сам находится во 2-м градусе Овна, Марс в 15-м градусе Рака, а Луна в 3-м градусе Козерога[1], вырезают на гагате образ саранчи. Талисман работает через эти градусы. И вокруг этого образа вырезают такой рисунок: и [оправляя его в перстень] подкладывают под него кусочек заячьей шкуры. И саранча не придет туда, где будет находиться сам талисман или человек, его носящий.

6. Кроме того, когда на восходе находятся Весы[2], сам Сатурн — в 13-м градусе Близнецов, а Солнце — в 15-м градусе Рака[3], вырезают на одном из камней Сатурна образ зайца, а вокруг него такие знаки: ; затем оправляют его в перстень и надевают на палец. Женщина, спящая с мужчиной, который носит этот перстень, не забеременеет.

[Резные изображения Юпитера]

1. Юпитер. На белом корунде вырезают образ мужа, увенчанного короной и восседающего на престоле о четырех ножках, каждая из которых опирается на шею стоящего человека, и люди те крылаты, а он [= человек, сидящий на престоле] поднимает руки, словно в молитве. И делают это в час Юпитера и при его экзальтации[4]. Перстень с этим камнем действует на человека так, что почести и имущество его приумножаются и он становится богат; [также этот талисман] дарует благоденствие и посылает человеку множество детей и защищает их, и приумножает их число, и помогает человеку в любом деле, так что оно удается наилучшим образом, и подает своему владельцу помощь во всем, за что бы тот ни взялся, и оберегает его от коварства недругов. Итак, человек, носящий [этот талисман] преуспеет во всех своих делах и будет защищен от врагов.

1 Т. е. Сатурн и Марс находятся в знаках своего падения, а Луна в знаке изгнания.

2 Знак экзальтации Сатурна.

3 Знак изгнания Сатурна.

4 Т. е. при Юпитере в знаке Рака.

2. Кроме того, вырезают на зеленом корунде образ человека со львиной головой и птичьими ногами, под ногами у него одноглавого дракона, а в правой его руке копье, которым он поражает дракона в голову; и делают это в час Юпитера, когда тот находится в первом лике знака своей экзальтации. Действие [этого талисмана] в том, что от человека, носящего его, бегут все враги, ибо он вселяет в них ужас и страх.

3. Кроме того, вырезают на горном хрустале образ прекрасного мужа в круглой шапке, летящего верхом на орле. Действие [этого талисмана] в том, что он приносит человеку благосклонность судей и блюстителей веры. Вырезают же этот образ в час Юпитера, когда тот находится в знаке своей экзальтации.

4. Кроме того, в час Юпитера и при восходе первого лика Стрельца вырезают на камне, именуемом «повитухой», образ коршуна. Если человек, носящий этот камень, отправится ловить птиц, то они соберутся вокруг него и не улетят. И все будут любить и привечать этого человека. Камень же этот цветом красноват и заключает в себе еще один камень, который катается внутри, если потрясти его. Если же потереть его, из него выступает белая влага. Свойство его таково, что женщина, подвесившая его себе на шею, никогда не зачнет.

5. Гермес говорит, что камень этот благословен среди камней, и если взять его и вырезать на нем образ лисицы в день и час Юпитера, когда Луна будет в аспекте к нему, а сам он будет в знаке Рыб, то человека, носящего этот камень, будут бояться и духи, и люди.

6. Кроме того, если вырезать на этом камне образ соловья в час Юпитера, когда тот находится в знаке своей экзальтации, а затем омочить этот камень в каком-либо питье, то человек, испивший того питья, сможет видеть воздушных духов и повелевать ими, как пожелает. Об этом тоже сказал Гермес, и в этом заключен важный намек и указание.

[Резные изображения Марса]

1. На магнитном камне вырезают образ мужа, едущего верхом на льве и в правой руке держащего обнаженный меч, а в левой человеческую голову; делают это в час Марса и при Марсе во втором лике Овна. И [владелец этого камня] будет творить

чудесные дела, добрые и злые, однако в злодеяниях он [= та лисман] сильнее.

2. Кроме того, если в час Марса и когда он пребывает в сво ей обители[1] вырезать на одном из камней Марса образ мужа стоящего прямо и облаченного в доспехи, опоясанного двумя мечами и один меч держащего в правой руке, а в левой — че ловеческую голову, то образ этот будет вселять благоговейный страх и великое почтение к его владельцу во всякого, кто уви дит того человека или вступит с ним в общение. Сам я видел у одного знатока этого искусства такой образ, вырезанный на сердолике.

3. Кроме того, если в час Марса и при восходе его обители[2] вырезать на ониксе образ льва, а перед ним следующий рису нок: , и дать этот камень человеку, страдающему крово течением из какой-либо части тела, то кровь немедленно свер нется и перестанет течь. Знай и помни это.

[Другие планетные талисманы]

При определенных расположениях звезд можно также из готовить для этих планет другие талисманы, обладающие чу десными свойствами.

Например, для Солнца в его час и когда оно стоит в первом лике Льва делают талисман, который очищает душу от дурных побуждений, избавляет от болей в печени и желудке и исцеля ет от тяжелых недугов.

Для Луны в ее час и когда она стоит в первом лике Рака — талисман для роста посевов, деревьев и всех растений.

Для Сатурна в его час и когда он стоит в третьем лике Водо лея — талисман, который врачует уретру и останавливает жен ские кровотечения.

Для Юпитера в его час и когда он стоит во втором лике Стрельца, а Солнце приближается к [соединению с] ним — та лисман, который останавливает дожди, когда избыток их гро зит потопом.

Для Марса в его час и когда он стоит в первом лике Скор пиона — талисман, вселяющий отвагу в робких, усмиряющий

1 Т. е. в Овне или Скорпионе.

2 Т. е. при восходе Овна или Скорпиона.

гнев султанов и отвращающий разбойников, львов, волков и всякие прочие беды.

Для Венеры в ее час и когда она стоит в первом лике Рыб — талисман, избавляющий женщин от болей внизу живота и умиротворяющий душу, обуянную недугом меланхолии, и увеселяющий сердце, и приумножающий плодовитость. Когда же Венера стоит в первом лике Тельца, делают талисман, пробуждающий любовь и совершающий чудесные деяния.

Для Меркурия в его час и когда он стоит в первом лике Близнецов — талисман, который обостряет ум, способствует размышлениям и научным изысканиям, а также приносит всеобщее уважение и тому подобное.

Комментарий

Остается добавить лишь несколько слов о разделе «Фигуры на камнях», подведя тем самым итоги всей книги. Посмотрите внимательно на эти астрологические образы и указания по их изготовлению: не вызывает сомнений, что многие изображения тесно связаны с божествами античного мира и древних стран Ближнего Востока. Солнечный талисман, знаки для которого предписывается вырезать на гематите при Солнце в первом лике (деканате) Льва, сходен со многими талисманами, известными по греко-египетским магическим папирусам и археологическим находкам. Перечислим некоторые яркие примеры: описанный в этом разделе древний образ Венеры украшал собой талисман Екатерины Медичи, одной из самых образованных женщин эпохи Возрождения. Так же, как и многие другие образы из «Пикатрикса», впоследствии воспроизведенные у Агриппы и в других источниках, он восходит к античной языческой иконографии. Изображения мужской и женской фигур, первая из которых угрожает второй мечом, а вторая связана, известны еще по греко-египетским магическим папирусам. Вся сфера агрессивной любовной магии, представленная в гримуарах и европейской литературе в целом, отражает наследие античной традиции. Некоторые магические изображения, описанные в «Пикатриксе», имеют еще более глубокие корни — например, «образ жены, пышной телом», о котором сказано, что его «используют для любви, и он хорошо известен». Этого вполне достаточно, чтобы со всей

определенностью вписать вышеприведенный раздел и «Пикатрикс» в целом в контекст не только ренессансной астрологии, но и античной магии. Стоит также отметить, что предписания из этого раздела, относящиеся к градусам зодиака, не имеют прямого отношения к классической астрологии. Вопрос о том, что послужило их прототипом — вавилонское учение о предзнаменования звезд или система звездных божеств, бытовавшая в Древнем Египте или Набатее, — остается открытым. Но несмотря на все отдельные неясности, «Пикатрикс» остается важнейшим связующим звеном между двумя эпохами западной магии: эпохой папирусов, с одной стороны, и эпохой гримуаров — с другой. Но рассматривать «Пикатрикс» исключительно как прообраз христианской магии эпохи Возрождения было бы недостаточно, и здесь кроется самая суть парадокса, о котором я думал постоянно в ходе работы над этой книгой. Магические традиции, зародившиеся в Африке и в Новом Свете, тоже интегрировали в себя христианство, пусть и совершенно по-своему. Но при том, что западная магия была христианизирована еще в Средние века и эпоху Возрождения, для корректного воссоединения современной европейской магии с африканскими и американскими системами мы неизбежно возвращаемся к своему языческому прошлому. Изучение и тщательная переоценка этого прошлого — залог не только вышеупомянутого воссоединения, но и воссоздания западной магии как подлинно живой традиции.

Приложение I

Астрологические заметки

Астрологической магией в наши дни занимаются главным образом ультра-традиционалисты, которые работают исключительно по правилам, принятым в эпоху Возрождения, и игнорируют транссатурновые планеты и прочие новшества. Правда, существуют и более прогрессивные экспериментальные школы, среди которых особенно примечательны те, которые опираются на каббалистическую систему, сложившуюся в рамках английской традиции. Но все же многие современные оккультисты пренебрегают астрологической магией, несмотря на ту важнейшую роль, которую она играла в магических традициях древности, и не всегда причиной тому недостаток интереса. Многие осознают ее значимость, но не могут встроить ее в свою работу, сталкиваясь с теми или иными препятствиями — такими, например, как полное отсутствие сведений по магической практике в современных руководствах по астрологии. Еще более серьезные затруднения вызывают сложные способы построения астрологической карты, описанные в учебниках, хотя в действительности эту проблему можно легко разрешить, обратившись к трудам Алистера Кроули. Вся необходимая информация о построении карты содержится в следующем отрывке из его «Общего руководства по астрологии»:

> Построить карту небес, пригодную для астрологического суждения, очень просто. <...> Первое, что следует сделать, — это обзавестись эфемеридами <...> Нынешнее поколение астрологов, как правило, пользуется таблицами эфемерид в издании «Рафаэля»; предположим, что ученик их уже приобрел. На левой странице разворота, в крайней левой колонке, указаны даты и дни недели. Выберите нужный вам день.
>
> В следующей колонке указано сидерическое время. Не станем углубляться в вопрос о том, что это такое.

Просто приведем правило. Если вы хотите построить карту на какой-либо час и минуту после полудня, прибавьте этот час и минуту [отсчитанные от полудня] к сидерическому времени, указанному в таблице. Если до полудня — установите, сколько часов и минут отделяет нужное время от полудня. Для этого вычтите из двенадцати часов интересующие вас час и минуту (например, восемь утра — это четыре часа до полудня), а затем вычтите результат из сидерического времени, указанного в таблице. Если в первом случае итог окажется больше двадцати четырех часов, вычтите из него двадцать четыре часа. Если во втором случае промежуток времени от интересующего вас момента времени до полудня окажется больше двадцати четырех часов, прибавьте двадцать четыре часа к сидерическому времени. Затем загляните в конец книги и обратитесь к таблицам домов для того места, для которого вы хотите построить карту.

Теперь возьмите подготовленный заранее чистый бланк — круг, разделенный на двенадцать частей. В левой колонке таблицы домов вы увидите сидерическое время. Пробегите взглядом по этой колонке, пока не найдете строку со временем, ближайшим к тому, которое вы получили в результате предыдущих операций (сложения или вычитания). Затем впишите в участок бланка, отмеченный числом 10, знак и градус из следующей колонки в той же строке. Таким же образом заполните остальные участки до третьего дома включительно. Знаки и градусы для домов от четвертого по девятый включительно в таблице не указаны, но они и не нужны, потому что четвертый дом строго противоположен десятому, пятый — одиннадцатому и так далее. Например, если на куспиде десятого дома оказался 16-й градус Рака, то на куспиде четвертого будет 16-й градус Козерога <...>.

Затем расставьте на этой карте планеты в положенных местах. Предположим, куспид одиннадцатого дома у вас пришелся на 24-й градус Девы, а Солнце, согласно эфемеридам, попадает в 22-й градус Девы. Соответственно, расположите Солнце перед куспидом

> и неподалеку от него. За день Солнце проходит около градуса (плюс-минус три минуты дуги), поэтому для него не нужно рассчитывать положение с поправкой на точное время. <...> Теперь установим положение Луны. Луна движется очень быстро: за день она может пройти до пятнадцати градусов или даже чуть больше. В иные дни она покрывает расстояние не более двенадцати градусов или даже немного меньше, но в среднем можно принять, что один градус Луна проходит приблизительно за два часа. В эфемеридах приводятся ее положения на полдень и полночь. Выберите одно из них в зависимости от того, к чему ближе интересующее вас время — к полудню или к полуночи. Затем прибавьте или вычтите разницу из расчета полградуса в час и вы получите положение Луны на нужный вам момент времени с достаточной степенью точности. <...> Предположим, вы строите карту на 9 часов вечера, а в полночь Луна находится в 8 градусах 37 минутах Тельца. <...> Вычтите из этого полтора градуса и получите приблизительно 7 градусов Тельца. После этого можете переходить к правой странице разворота, на которой указаны положения остальных планет.

Не стану цитировать дальнейшие пояснения, касающиеся Лунных Узлов и относительного движения планет. Особого внимания заслуживают только Венера и Меркурий (которые движутся довольно быстро, но все же значительно медленнее Луны), да и то лишь при условии, что вам требуется чрезвычайно точная карта (а это бывает редко). Вышеприведенные инструкции необыкновенно лаконичны по сравнению с теми, которые можно встретить в большинстве учебников, и позволяют новичку построить астрологическую карту без особых хлопот, особенно для тех географических положений, которые включены в краткие таблицы домов в приложении к «Эфемеридам Рафаэля». Существуют и расширенные, гораздо более подробные таблицы домов, опубликованные отдельной книгой. Стоит отметить, что со времен Кроули формат «Эфемерид Рафаэля» немного изменился. Для большинства задач, включая и выбор подходящего времени для ритуала, вполне достаточно так называемых «птолемеевых аспектов»,

к числу которых относятся соединение, оппозиция, секстиль, квадратура и тригон. Впрочем, к этому перечню стоит добавить квинконс (или «несоединение», как его еще называют) — аспект, не упоминающийся у Птолемея, но, повидимому, более важный, чем остальные минорные аспекты. Следуя этим инструкциям, вы сможете благополучно построить астрологическую карту и тем самым преодолеть самое серьезное препятствие на пути новичка, желающего изучать астрологию[1].

Еще одна из проблем, сопряженных с практикой астрологической магии в наши дни, — некритичное использование методов ренессансной астрологии. Отказ от современных нововведений до некоторой степени объясним, но пренебрежение эллинистической астрологией наглядно свидетельствует об узости подобного подхода. Исторический анализ показывает, что некоторые элементы ренессансной астрологии сформировались под сильным влиянием арабских инноваций, не каждую из которых можно признать шагом вперед по отношению к греческим первоисточникам. Яркий пример тому — система арабских частей, сложившаяся на основе эллинистического метода жребиев, или парсов. Багдадские математики, погрязшие в теории и совершенно оторвавшиеся от астрологической практики, изобрели столько новых парсов, что за этим ненужным изобилием совершенно потерялась из виду первоначальная схема. В связи с этим стоит упомянуть современного астролога-традиционалиста Роберта Цоллера, чьи исследования в целом заслуживают всяческих похвал. Однако его «Утраченный ключ к предсказаниям» служит примером вышеописанной тенденции, связанной с использованием арабских частей. Значительную часть этой книги составляют переводы из Гвидо Бонатти и других источников. Отметим, между прочим, что Бонатти серьезно практиковал астрологическую магию, а еще был необыкновенно раздражителен и вспыльчив (и если бы о нем сняли биографический фильм, это было бы не менее интересно, чем какая-нибудь гипотетическая кинобиография Алистера Кроули, а может, даже интереснее).

1 В наше время существует другой, гораздо более простой способ: можно воспользоваться одной из специализированных компьютерных программ или онлайн-сервисом для построения астрологических карт.

Вернемся, однако, к книге Цоллера. Он предлагает использовать так называемые арабские части для игры на бирже и приводит формулы, позволяющие прогнозировать будущую стоимость различных зерновых и бобовых культур. Например, для «жребий чечевицы» определяется так: вычтите градус Марса из градуса Сатурна, прибавьте разность к градусу асцендента и отложите результат от асцендента. Полученная точка и есть «жребий чечевицы», на основании которого выносится суждение. За парой дюжин подобных примеров следуют еще тридцать семь арабских частей, извлеченных из работ Аль-Бируни и предназначенных для интерпретации хорарных карт. Всё это наглядно свидетельствует о том, какой популярностью пользовались подобные абстрактные расчеты у арабов. При этом первоначальная идея, лежавшая в основе эллинистического метода, попросту потерялась за всеми этими причудливыми вычислениями.

Греческие формулы были точны и изящны, и далеко не так многочисленны. Именно на них стоит обратить внимание современным астрологам и магам, использующим астрологические методы. Формулы эти включают в себя важные элементы той философии, которая составляла теоретическую базу эллинистической магии, чего нельзя сказать о большинстве арабских частей. Главная роль отводилась семи подобным формулам, две из которых основываются на положениях Солнца и Луны, а пять — на положениях остальных планет традиционной астрологии. Важнейшая из этих формул служила для расчета точки, которая в наши дни известна как «Часть Фортуны» (*Pars Fortuna*), или «Колесо Фортуны»; эллинистические астрологии называли ее κλῆρος τυχης, Жребием Удачи, или Жребием Тюхе (богини удачи, как римская Фортуна), и приписывали ей лунную природу. Следующей по важности, хотя и менее известной в наши дни, была Часть Духа (*Pars Spirit*), которую греки называли κλῆρος δαίμονος, Жребием Демона, и считали солнечным. В древности эти точки определялись двумя способами, в зависимости от того, на какое время приходилась карта рождения: на дневное или ночное. Дневной Жребий Удачи определялся по формуле «Асцендент + Луна — Солнце», а ночной — по формуле «Асцендент + Солнце — Луна». Схожие формулы использовали для определения жребиев других планет:

Планета и название жребия	Дневная формула	Ночная формула
Луна (Часть Фортуны, Жребий Удачи, κλῆρος τύχης)	Асцендент + Луна — Солнце	Асцендент + Солнце — Луна
Солнце (Часть Духа, Жребий Демона, κλῆρος δαίμονος)	Асцендент + Солнце — Луна	Асцендент + Луна — Солнце
Сатурн	Асцендент + Жребий Удачи — Сатурн	Асцендент + Сатурн — Жребий Удачи
Юпитер	Асцендент + Юпитер — Жребий Демона	Асцендент + Жребий Демона — Юпитер
Марс	Асцендент + Жребий Удачи — Марс	Асцендент + Марс — Жребий Удачи
Венера	Асцендент + Венера — Жребий Демона	Асцендент + Жребий Демона — Венера
Меркурий	Асцендент + Жребий Удачи — Меркурий	Асцендент + Меркурий — Жребий Удачи

Тем не менее в древнейшем известном эллинистическом гороскопе, включающем в себя Жребий Удачи, для ночной карты рождения использована дневная формула, а в комментарии утверждается, что обратную формулу используют только «невежды». На этом основании можно, по крайней мере, утверждать, что современные астрологи, предпочитающие работать с универсальной формулой, не зависящей от времени рождения, могут опереться на древние прецеденты.

Безусловно, прецеденты имеются и для разделения на дневную и ночную формулы. Римский астролог Веттий Валенс приводит 50 гороскопов, в которых следует именно этому правилу, а у более поздних авторов того же периода обнаруживается еще 13 примеров. Однако в комментариях к академическому изданию Птолемеева «Тетрабиблоса» (Loeb Classics) мы находим, что замечание о предпочтительном разделении на дневную и ночную формулы в действительности было вставлено позднейшими переписчиками, а сам Птолемей определенно утверждал, что для дня и ночи следует использовать одну и ту же формулу («Тетрабиблос», III.10 и IV.12). Сам я разделяю последнее убеждение, полагая вслед за автором древнейшего примера и за Птолемеем, что формулы для определения жребиев не зависят от часа рождения.

Иными словами, для определения жребия той или иной планеты во всех случаях следует прибавлять градус этой планеты к градусу асцендента:

Жребий Удачи = Асцендент + Луна — Солнце
Жребий Демона = Асцендент + Солнце — Луна
Жребий Сатурна = Асцендент + Сатурн — Жребий Удачи
Жребий Юпитера = Асцендент + Юпитер — Жребий Демона
Жребий Марса = Асцендент + Марс — Жребий Удачи
Жребий Венеры = Асцендент + Венера — Жребий Демона
Жребий Меркурия = Асцендент + Меркурий — Жребий Удачи

Для облегчения расчетов можно использовать таблицу эклиптических долгот, в которой начальные градусы знаков соотнесены с угловым расстоянием от 0° Овна:

0° Овна = 0°
0° Тельца = 30°
0° Близнецов = 60°
0° Рака = 90°
0° Льва = 120°
0° Девы = 150°
0° Весов = 180°
0° Скорпиона = 210°
0° Стрельца = 240°
0° Козерога = 270°
0° Водолей = 300°
0° Рыб = 330°

Теперь определите эклиптическую долготу асцендента и других элементов необходимой вам формулы. Например, если асцендент находится в 21° Тельца, то его эклиптическая долгота — 51°. Затем подставьте эти числа в формулу и произведите расчет. Если результат получится больше 360°, вычтите из него 360°. Итоговый результат отложите вперед от асцендента.

Коль скоро речь зашла об эллинистической астрологии, стоит добавить, что польза от нее не исчерпывается абстрактными формулами. Принятые у древних греков значения домов гороскопа гораздо теснее связаны с духовным опытом и магической практикой, чем привычные современные толкования.

В нижеследующей таблице названия домов выделены полужирным курсивом.

I. ***Жизнь***, а также тело, дух, дыхание.	VII. ***Брак***. Взаимодействие с другими людьми, имеющими отношение к заданному вопросу.
II. Средства к существованию, имущество; партнерство, совместные дела. ***Врата Аида*** (вследствие связи с VIII домом).	VIII. ***Смерть***; испытания, наказания, утраты, слабость. Но также секс и магия. Прибыль благодаря наследству (вследствие связи с II домом).
III. ***Братья***, а также ***Богиня*** (Луна); жизнь в чужих краях; влиятельные люди; благополучие; друзья, родственники	IX. ***Путешествия***, а также ***Бог*** (Солнце). Дружба, путешествие, прибыль от влиятельных людей; откровения, богоявления, прорицание. Состояние ума вопрошающего.
IV. ***Дом***, родители; духи, духовная жизнь во взаимодействии с другими людьми; репутация; дети и т. д.	X. ***Карьера и почести***. Достижения, репутация. Статус по отношению к детям и брачному партнеру (вследствие связи с IV домом).
V. ***Дети***, а также ***Счастье***. Дружба. Заданный вопрос. Венера	XI. ***Добрый демон***. Друзья, надежды, подарки; вольноотпущенники; достижения.
VI. ***Злосчастье***. Болезнь, вражда, немощь. Служение. Марс.	XII. ***Злой демон***. Вражда, чужие края, утрата свободы, болезнь, опасности, судебные разбирательства, немощь, смерть.

Приложение II

Тифонические легенды о звездах

Древний культ Большой Медведицы известен в традициях многих народов, равно как и мотив Мирового Центра, символически представленного Полярной звездой. Вообще говоря, чтобы в полной мере проникнуть в древнее учение о звездах, требуются основательные знания по астрономии. Но это приложение написано специально для того, чтобы облегчить задачу начинающему исследователю. Здесь пойдет речь о Большой Медведице и некоторых других внезодиакальных созвездиях и звездах, и я приложу все усилия, чтобы прояснить сложные вопросы по мере их возникновения.

Связь Большой Медведицы с Мировым Центром не вызывает удивления: эта ассоциация возникала у всех народов, обитающих в северных широтах. Мировой Центр не всегда отождествлялся с Полярной звездой, хотя в той или иной форме этот мотив присутствует во многих культурах. Однако Большая Медведица связывалась с Мировым Центром задолго до того, как Малая Медведица сместилась в область Северного полюса неба. Необходимо подчеркнуть, что последнее произошло сравнительно поздно. Около трех тысяч лет назад, в эпоху Древнего Шумера и Древнего Египта, Северный полюс отмечала звезда Тубан — ярчайшая звезда созвездия Дракона, обвивающего своими кольцами обеих Медведиц, Большую и Малую.

Медленное смещение звездного неба, вследствие которого на Северном полюсе оказывается то одна, то другая звезда, в астрономии называется прецессией, или предварением равноденствий. Тем же самым явлением объясняется и смещение зодиакальных созвездий относительно точек равноденствия. Среднее время пребывания точки равноденствия в одном зодиакальном созвездии составляет около 2000 лет. В этом же заключается и причина смены астрологических эр (например, перехода от нынешней эры Рыб в грядущую эру Водолея). Знаком весеннего равноденствия традиционно считается Овен, но

в действительности точка равноденствия перешла из созвездия Овна в созвездие Рыб много веков назад. Прежде чем наступит долгожданная эра Водолея, точке равноденствия нужно пройти еще около трети созвездия Рыб.

Легенда о драконоубийце связана со смещением Северного полюса неба от звезды Тубан к Полярной звезде. Примечательно, что многие убийцы драконов носят имена, связанные с образом медведя: например, имя «Беовульф» означает «пчелиный волк», то есть «медведь», а имя «Артур» происходит от латинского *Ursus* («медведь»). При этом родовое имя короля Артура, Пендрагон, означает «голова дракона». Другие убийцы драконов ассоциируются с созвездием Ориона, которого иногда изображают как попирающего голову дракона (хотя чаще эта сомнительная честь приписывается созвездию Геркулеса). Орион и Геркулес — два важнейших персонажа звездных легенд: их отождествляли с консортами и соправителями Богини.

В Древнем Египте созвездие Ориона толковали как образ Осириса, а расположенное под ним созвездие Зайца — как погребальную ладью этого бога. Созвездию Дракона отводилась роль Апопа. Прообразом всех драконоубийц был шумерский бог Мардук, к которому восходят позднейшие образы Адада, Мелькарта и так далее. Убивая дракона, бог тем самым утверждает свое достоинство и превращается из обреченного, умирающего божества в бессмертного соправителя Богини или даже верховного Бога.

Более известный образ ладьи загробного мира — созвездие Арго, наряду со звездой Сириус и созвездиями Ориона и Псов (Большого и Малого) привлекавшее внимание многих авторов. Однако те же авторы зачастую упускали из виду двух Медведиц и ключевое место, которое те занимают в звездных мифологических циклах. Примером той роли, которую играла Большая Медведица в таинственных культах древности, служит противосолонный хоровод ведьм. По всей вероятности, эта практика связана не с движением Солнца, намеренно обращенным вспять, а с более древними обрядовыми танцами, имитировавшими движение Большой Медведицы вокруг Северного полюса неба. Это созвездие отмечает четыре четверти года — четыре главных шабаша. Современные последователи ведовских традиций, как и их предшественники, особо чтут северную

часть неба — околополярную область, включающую в себя созвездия Дракона и Большой Медведицы.

Йезиды тоже почитают север как священную сторону света, практикуют круговое движение противосолонь и так далее. Происхождение подобных обрядов, без сомнения, следует искать в одной из древних культур, сведущих в астрономии. Сабеи унаследовали свои познания о звездном небе от халдеев, то есть из поздневавилонских источников, которые, в свою очередь, берут начало в Древнем Шумере. Йезиды как этнос (а не как религиозная общность) претендуют на происхождение от ассирийцев — еще одного народа, сохранившего многие культурные традиции и верования шумеров.

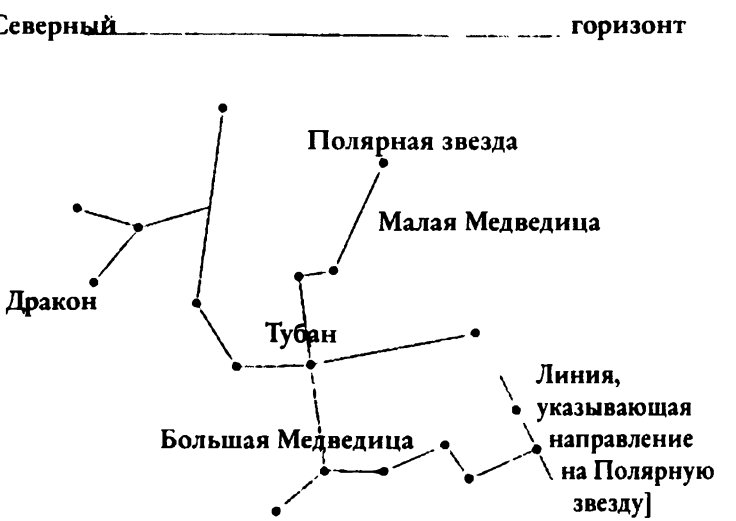
Календарные даты ведовских шабашей заслуживают особого внимания: созвездия, по которым в древности проходило Солнце в эти дни, составляют весьма примечательную группу. Любой мало-мальски образованный оккультист знает, что с четырьмя сторонами света связаны символические живые существа: Телец (Бык), Лев, Орел (или Змея) и Человек, которые, в свою очередь, соотносятся с созвездиями Тельца, Льва, Скорпиона и Водолея. Третий из этих символов неоднозначен по той причине, что с созвездием Скорпиона связываются трое животных: Орел, Змея и, собственно, Скорпион. В целом эта четверка архетипических символов восходит к той эпохе, когда точка весеннего равноденствия приходилась на созвездие Тельца. Соответственно, Лев обозначал летнее солнцестояние, Скорпион — осеннее равноденствие, а Водолей — зимнее солнцестояние. Однако вследствие прецессии положение этих созвездий относительно точек равноденствия и солнцестояния изменилось, и теперь они приходятся на даты четырех главных ведовских шабашей:

Шабаш	Месяц еврейского календаря	Зодиакальный знак
Хэллоуин	Буль	Скорпион
Кэндлмас	Шват	Водолей
Вальпургиева ночь	Ияр (Зив)	Телец
Ламмас	Ав	Лев

(Название месяца «шват» происходит от «шабату», древневавилонского месяца, соответствовавшего Водолею.)

В Северном полушарии на даты шабашей приходятся достопримечательные и весьма уместные астрономические

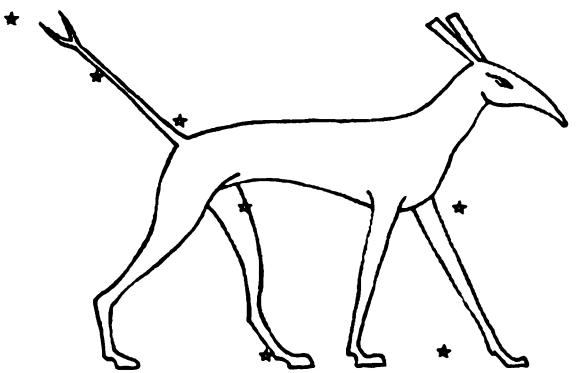
явления. Так, на Вальпургиеву ночь созвездие Дракона приходит в наивысшую точку своего годового цикла.



Положение двух Медведиц и Дракона в Вальпургиеву ночь

На Ламмас в наивысшую точку своего годового цикла приходит Козерог, а на Хэллоуин — Орион. На зимнее солнцестояние Сириус достигает максимального склонения к югу и на некоторое время становится видимым в северных широтах.

Как уже отмечалось выше, Большая Медведица отчетливо связана с божествами «левой руки» — божествами инфернальными, или хтоническими. В частности, передняя нога этого созвездия в Древнем Египте отождествлялась с Сетом, культ которого сложился еще задолго до эпохи Второго царства. Когда-то Сет был очень популярным богом и не вызывал зловещих ассоциаций: его почитали как покровителя Верхнего Египта наравне с Гором — владыкой Нижнего Египта. Соответствующее созвездие, по-видимому, интерпретировали не как медведицу, а как Тифонического Зверя — тотемное животное Сета. В пользу этой гипотезы говорит длинный хвост, с которым впоследствии изображали Медведицу на звездных картах.



Тифонический Зверь в наложении на звезды Большой Медведицы

В «Завещании Соломона» с Большой Медведицей соотносится персидский эквивалент Сета — Айшма-Дэва, известный в демонологии как Ашмедай, или Асмодей. В Древнем Шумере (а позднее и в ассиро-вавилонской традиции) со звездами этого созвездия ассоциировались семь демонов: Идпа (Лихорадка), Намтар (Маг Подземного мира), Утук (Дух), Алал (Разрушитель), Гигим (Дух), Релал (Злой демон / Воин) и Уруку (Кровопийцы). В странах Ближнего Востока в те времена они считались величайшими из демонов.

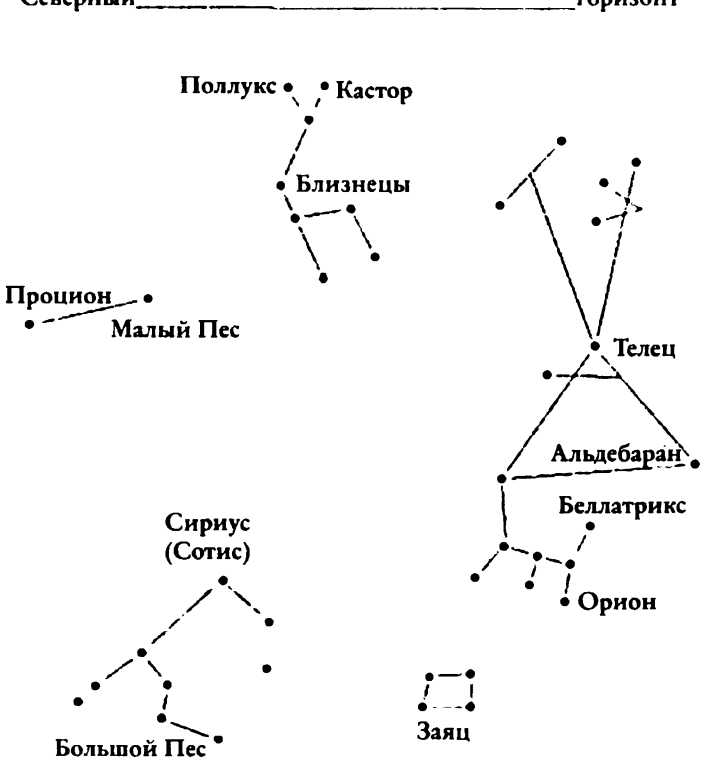
Этих демонов рассматривали как архетипические семь голов Дракона, в созвездие которого включались звезды Большой Медведицы. Апоп, семиглавый египетский дракон, отождествлялся с Тиамат, шумерской великой драконицей, которую убил Мардук. Эта первозданная богиня — прообраз библейского чудовища Левиафана. Мало кто знает, что этот же самый дракон безымянным появляется на страницах Апокалипсиса и из всех библейских книг только в этой одной описывается как семиглавый. Многие поздние библейские книги восходят к угаритской литературе и обнаруживают в ней многочисленные параллели. В некоторых библейских текстах Тиамат или Левиафан выступают как олицетворение «города грехов», поэтому не удивительно, что в Апокалипсисе блудница Вавилонская восседает на семиглавом драконе.

В пояс зодиака входят самые известные созвездия: названия их в наши дни знают почти все. Многие даже могут

перечислить зодиакальные созвездия по порядку, но при этом мало кто способен распознать их на небе. Эти группы звезд были выделены еще в глубокой древности; в своем нынешнем составе они по большей части были известны еще вавилонянам, которые, в свою очередь, унаследовали астрономические знания шумеров, сложившиеся в эпоху, когда Северный полюс неба еще не имел отношения к Полярной звезде. К числу древнейших созвездий относятся Рак и Козерог, что само по себе довольно любопытно, потому что эти группы звезд мало чем примечательны и не особенно эффектны даже при наблюдении в телескоп. Однако в древности эти два созвездия отмечали точки летнего и зимнего солнцестояний. В халдейской (т. е. вавилонской) астрономии созвездие Рака называлось Вратами Людей: полагали, что через него входят души, стремящиеся воплотиться в человеческих телах. Козерог, со своей стороны, назывался Вратами Богов: через него души восходили на небеса.

Цикл мифов о созвездиях этой части неба, основанный на греко-египетской символике, но уходящий корнями в еще более глубокую древность, вкратце выглядит так: Млечный Путь олицетворяет реку подземного мира и служит ее небесным двойником. В двух местах, а именно — в созвездиях Рака и Козерога, он пересекается с эклиптикой, вдоль которой располагается пояс зодиака. Ладья подземного мира — ладья египетского Ра и греческого Харона — представлена в образе звездного Корабля Арго, пятьдесят весел которого символически связаны с циклом Сириуса B — спутника звезды Сириус. (Кроме того, Великий год в древности измерялся столетиями, то есть двойными пятидесятилетиями, с той лишь поправкой, что года считались по лунному, а не по солнечному календарю.) Эти же весла символизируют шумерских духов-судей, ануннаков. Бог подземного мира — Орион, восседающий в собственной ладье, образом которой считалось современное созвездие Зайца. Привратник подземного мира — греческий Кербер или египетский Анубис — представлен созвездием Большого Пса и его главной звездой, Сириусом. Сам подземный мир, отраженный в поясе зодиака, подразделяется на двенадцать частей, и выйти из него можно только в двух местах: через Врата Людей или через Врата Богов. Они ведут из одной реки (зодиака) в другую (Млечный Путь). Две эти небесные реки напоминают о четырех подземных или райских реках из греческой и

семитской мифологий, а также вызывают ассоциации с Белым и Голубым Нилом Египта. Первоначально они соотносились с двумя шумерскими реками — Тигром и Евфратом. Некоторые исследователи отождествляли богиню Тиамат — небесную драконицу — с Млечным Путем. Но в действительности Подземный Дракон, через тело которого проходит путник в своем загробном странствии, всегда ассоциировался с зодиаком. Саму Тиамат в Древнем Шумере отождествляли с туманом, который поднимался над реками Двуречья и полз по равнине подобно исполинской змее. Но все же более вероятно, что у этой хтонической богини было два соответствия — не только физическое, земное, но и небесное.



Положение Сириуса на небе зимнего солнцестояния

Дракон зодиака по определению кольцевиден: это змея, кусающая собственный хвост. Согласно преданиям, такая змея не только опоясывала мир своим телом, но и обвивалась вокруг Мировой горы или Мирового древа. В греческой и семитской мифологиях дракон, или змея, стережет запретный плод на древе, растущем в центре мира. Со всеми этими мифологическими драконами-стражами отождествлялось созвездие Дракона. Стоит также добавить, что в шумеро-вавилонских звездных мифах небесные духи подразделялись на две категории. К первой относились дети Ану — подземные судьи, ануннаки, — которых можно отождествить с пятьюдесятью гребцами Корабля Арго. Это духи звезд, расположенных под горизонтом, в подземном мире. Вторую категорию составляли игиги — духи звезд, расположенных над горизонтом. Они тоже ассоциировались с Ану — шумерским богом неба. В Месопотамии (и далее к северу) к игигам причислялись Дракон, Большая Медведица и другие околополярные незаходящие созвездия. С другой стороны, Большой Пес, Корабль Арго и Орион, большую часть времени остающиеся невидимыми в северных широтах, относились к числу ануннаков. Тиамат соединяет в себе обе функции: как небесный дракон она принадлежит к игигам, как подземная река — к ануннакам.

Звезды Большой Медведицы — игиги: они олицетворяют семь голов дракона и семерых богов Мирового центра, или Мировой горы, — самого священного места звездных культов, ассоциирующегося с Северным полюсом неба. Негативные функции этим семерым богам, или духам, стали приписывать гораздо позже, после того как на Северный полюс неба пришла Полярная звезда. Изначально же эти звезды отождествляли с семью мудрецами, семью великими учителями (такими как семеро духов горы Меру — индийской Мировой горы, располагавшейся на севере), и в некоторых культурах, особенно в шаманских традициях Сибири и Монголии, за ними сохранился этот высокий статус.

Избранная библиография

Agrippa, Cornelius, *The Three Books of Occult Philosophy.*

Agrippa, Cornelius (attrib.), *The Fourth Book of Occult Philosophy.*

Barb, A. A., "Three Elusive Amulets". // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*, vol. 27, 1964.

Barraclough, G. & Parker, G., *The Times Atlas of World History*, fourth edition. BCA, 1994.

Betz, Hans Dieter (ed.), *The Greek Magical Papyri in Translation.* University of Chicago Press, 1986, 1992.

Betz, Hans Dieter, "Fragments from a Catabasis Ritual in a Greek Magical Papyrus". // *History of Religions*, vol. 19, no. 4 (pp. 287—295), May 1980.

Blackwood, R; Crosset, G.; Long, H., "The Socratic Oath 'By theDog'". // *Classical Journal* no.57, (pp. 318—319), 1962.

Bloomfield, Maurice, *Dog of Hades; the History of an Idea.* Kegan Paul, Trench, Trubner & Co. London, 1905.

Burkert, Walter, *Greek Religion.* Basil Blackwell Ltd. & Harvard University Press. Oxford, 1985.

Burkert, Walter: *Goes — Zum griechischen "Schamanismus".* Rheinisches Museum für Philologie (Frankfurt a. M.), n. s. 105:35—55, 1962.

Burkert, Walter, *Weisheit und Wissenschaft. Studien zu Pythagoras, Philolaus und Platon.* Nuremberg, 1962.

Clark, Raymond J. "Trophonios: The Manner of His Revelation". // *Transactions of the American Philological Association*, vol. 99 (1968), pp. 63—75.

Collins, Derek, *Magic in the Ancient Greek World.* Blackwell Publishing Ltd., 2008.

Cook, Arthur Bernard, *Zeus: A Study in Ancient Religion.* Cambridge University Press, 1914.

Copenhaver, Brian P., *Hermetica: the Greek Corpus Hermeticum and the Latin Asclepius in a new English translation, with notes and introduction.* Cambridge University Press, 1992.

Culianu Ioan Petru, *Psychanodia —A Survey of the Evidence Concerning the Ascension of the Soul and its Relevance.* E. J. Brill, Leiden, 1983.

Cumon, Franz, *Oriental Religions in Roman Paganism.* NY, 1956.

D'Este, Sorita & Rankine, David, *Hekate —Liminal Rites.* Avalonia Books, 2009.

Dodds, E. R., *The Greeks and the Irrational*, University of California Press, 1951.

Doresse, Jean, *The Secret Books of the Egyptian Gnostics.* Inner Traditions International, 1986.

Eliade, Mircea, *Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy*, Princeton University Press, 1964.

Eliade, Mircea, *Zalmoxis: the Vanishing God.* University of Chicago Press, 1972.

Fairbanks, Arthur, *The First Philosophers of Greece*. Kegan Paul, Trench and Trubner, London, 1898.

Flint, Valerie, *The Rise of Magic in Early Medieval Europe*. Oxford University Press, 1991.

Flowers, Stephen Edred, *Hermetic Magic —The Postmodern Magical Papyrus of Abaris*. Weiser, 1995.

Fol, Alexander & Marazov Ivan, *Thrace and the Thracians*. Cassell and Co. Ltd, 1977.

Fossum, Jarl & Glazer, Briant, "Seth in the Magical Texts". // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 100, pp. 86—92, 1994.

Frazer, J. G., *The Golden Bough —A Study in Magic and Religion*. The Macmillan Press Ltd., London, 1922.

Graf, Fritz, *Magic in the Ancient World*. Harvard University Press, 1997.

Greer, John Michael & Warnock, Christopher, *The Latin Picatrix*, Books I & II, Renaissance Astrology, 2008.

Grey, Peter & Dimech, Alkistis (eds.), *Diabolical*. Scarlet Imprint, 2009.

Hyde Clarke, "On the Proto-Ethnic Condition of Asia Minor, the Khalubes (Chalybes), Idaei Dactyli, etc., and their Relations with the Mythology of Ionia". // *The Journal of the Ethnological Society of London* (1869—1870), vol. 1, no. 1. (1869), pp. 39—50.

Johnston, Sarah Iles, *Restless Dead — Encounters between the Living and the Dead in Ancient Greece*. University of California Press, 1999.

Kahn, Charles H., "Religion and Natural Philosophy in Empedocles' Doctrine of the Soul". // *Archiv für Geschichte der Philosophie* (Berlin), XLII (1960), pp. 3—35.

Kiesel, William, *Picatrix — The Goal of the Wise*, Vols. I & II. Ouroboros Press, Seattle, WA, 2002, 2008.

Leitch, Aaron, *Secrets of the Magical Grimoires*. Llewellyn Publications, 2005.

Liddell and Scott's Greek-English Lexicon, Oxford University Press.

Luck, Georg, *Arcana Mundi: Magic and the Occult in the Greek and Roman Worlds; A Collection of Ancient Texts*. The John Hopkins University Press, second edition, 2006.

Mcdonald, William A., *Progress into the Past: The rediscovery of the Mycanaean Civilisation*. 1967. (English edition: *The Discovery of Homeric Greece*. Elek Books Limited, 1968).

Mead, G. R. S., *Thrice-Greatest Hermes: Studies in Hellenistic Philosophy and Gnosis*. 1906. (Watkins edition, 1964).

Mellersh, H. E. L., *Chronology of the Ancient World —10,000 BC to 799 AD*. Barrie & Jenkins Ltd., 1976.

Milis, Ludo J. R. (ed.), *The Pagan Middle Ages*. The Boydell Press, 1998.

Neugebauer, O. & Van Hoesen, H. B., *Greek Horoscopes*. The American Philosophical Society, 1959.

Ogden, Daniel, *Greek and Roman Necromancy*. Princeton University Press, 2001.

Ogden, Daniel, *Magic, Witchcraft and Ghosts in the Greek and Roman Worlds*, Oxford University Press, 2009.

Ovid., *Metamorphoses*. Penguin Classics, 1955.

Peterson, Joseph, *Twilit Grotto*: CD & online archive: http://www.esotericarchives.com

Pinch, Geraldine, *Magic in Ancient Egypt*. British Museum Press, 1994.

Price, Simon & Keaenes, Emily. *The Oxford Dictionary of Classical Myth & Religion*. Oxford University Press, Oxford and New York, 2003.

Rickard. T. A., "The Primitive Smelting of Iron". // *American Journal of Archaeology*, vol. 43, no. 1, Jan —Mar, 1939, pp. 85—101.

Rieu, E. V. (tr.), *Homer: The Iliad*. Penguin Classics, revised edition, 2003.

Rieu, E. V. (tr.), *Homer: The Odyssey*. Penguin Classics, revised edition, 2003.

Rieu, E. V. (tr.), *Apollodorus of Rhodes: The Voyage of the Argo*. Penguin Classics, 1959.

Roller, Lynn E., In Search of God the Mother. University of California Press, 1999.

Smith, Morton, *Jesus the Magician*. Harper San Francisco, 1978.

Stratton-Kent, Jake, *The True Grimoire*. Scarlet Imprint, 2009.

Stoyanov, Yuri, *The Hidden Tradition in Europe — The Secret History of Medieval Christian Heresy*. Penguin Arkana, 1994.

Takács, Sarolta A., "Politics and Religion in the Bacchanalian Affair of 186 BCE". // *Harvard Studies in Classical Philology*, vol. 100 (2000), pp. 301—310. Department of the Classics, Harvard University.

Thomas Taylor (tr.): *Iamblichus: On the Mysteries of the Egyptians, Chaldeans, and Assyrians*. Wizards Bookshelf, San Diego, 1984.

Temkin, Owsei, "The Greeks and the Irrational by E. R. Dodds" (review). // *Isis*, vol. 43, no. 4 (Dec. 1952), pp. 375—377.

Theodossiev, Nikola, "The Thracian Ithyphallic Altar from Polianthos, and the Sacred Marriage of the Gods". // *Oxford Journal of Archeology* 13 (3),pp. 313—323, 1994.

Tester, Jim, *A History of Western Astrology*. The Boydell Press. Boydell & Brewer Ltd, 1987.

Waites, Margaret C., "The Deities of the Sacred Axe". // *American Journal of Archaeology*, vol. 27, no. 1 (Jan—Mar, 1923), pp. 25—56.

Weinstock, S., "Lunar Mansions and Early Calendars". // *Journal of Hellenistic Studies* LXIX (1949), pp. 48ff.

Wender, Dorothea (tr.), *Hesiod and Theognis*. Penguin Classics, 1973.

Wenzel, Marian, "The Dioscuri in the Balkans". // *Slavic Review*, vol. 26, no. 3. (Sep. 1967), pp. 363—381.

Yates, Frances, *Giordano Bruno and the Hermetic Tradition*. Routledge and Kegan Paul, University of Chicago Press, 1964.

Yonge, C. D. (tr.), *Diogenes Laertius' Life of Empedocles, from "Lives of the Philosophers"*. Henry G. Bohn, London, 1853.

Джейк Стреттон-Кент

Геософия:
магия подземного мира

В книге «Геософия: магия подземного мира» Джейк Стреттон-Кент прослеживает развитие магии от древнегреческих мистериальных культов до европейских гримуаров и выявляет хтонические корни гоэтического церемониала. Автор убедительно показывает, что значительная часть современной ритуальной магии восходит к древним обрядам некромантии, и демонстрирует непрерывность западной магической традиции, берущей начало в доолимпийских культах Диониса и Кибелы, проходящей через греческие магические папирусы и «Пикатрикс» и обретающей новую жизнь в гримуарах эпохи Возрождения и Нового времени. В итоге гримуарная традиция предстает перед нами не мешаниной суеверий неизвестного происхождения, а живой наследницей античных гоэтических практик. Наряду с такими знаменитыми текстами, как «Пикатрикс» или «Истинный гримуар», автор уделяет внимание многим редким и незаслуженно забытым источникам. Положив в основу композиции миф о плавании аргонавтов, он знакомит читателя с малоизвестными мифологическими фактами о богах и героях и открывает тайный магический смысл их деяний и приключений. Исторические и теоретические материалы книги уравновешены разделами практических рекомендаций, способных разнообразить и обогатить арсенал современного мага.

Магико-гримуарная серия

ISBN: 978-5-6041540-4-5
9 785604 154045

16+